Образовательное частное учреждение высшего образования
«ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Шевцова Галина Игоревна

Гуманитарная и благотворительная помощь российского государства и общественных организаций балканским народам в период военных конфликтов. 1875 – 1917 гг.

специальность: 5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук

Научный консультант –
доктор ист. наук Ар. А. Улунян

Москва, 2024

Оглавление

ОГЛАВЛЕНИЕ 2

ВВЕДЕНИЕ..... 5

ГЛАВА 1. РОССИЙСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ БАЛКАНСКИМ НАРОДАМ В ПЕРИОД ВЕЛИКОГО ВОСТОЧНОГО КРИЗИСА: ОТ ВОССТАНИЯ В ГЕРЦЕГОВИНЕ И БОСНИИ ДО РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877-1878 ГГ. 69

§ 1. Гуманитарная помощь балканским народам в начале Великого Восточного кризиса 1875-1878 гг.: от восстания в Герцеговине и Боснии до Апрельского восстания в Болгарии 1876 г.....69

§ 2. Организация гуманитарной помощи в период и по окончании сербо-турецкой и черногорско-турецкой войн 1876 г.; помощь беженцам 91

§ 3. Благотворительность на Балканах: человеколюбие или национальные интересы? Дискуссия в Петербургском отделе Московского славянского благотворительного комитета 120

§ 4. Российская гуманитарная и благотворительная помощь балканским славянам и грекам в период и по окончании русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Миссия А.В. Васильева в Черногории. Берлинский трактат и ликвидация Московского славянского благотворительного комитета.....129

§ 5. Российская гуманитарная помощь населению, пострадавшему от военных действий в Восточной Румелии (Южной Болгарии) в 1879-1886 гг. 173

§ 6. Гуманитарная помощь во время сербо-болгарской войны 1885 г.....185

§ 7. Преодоление гуманитарных последствий восстания 1895-1896 гг. на Крите и греко-турецкой войны 1897 г.....199

§ 8. Вызовы начала XX в. Илинденское восстание 225

ГЛАВА 2. РОССИЙСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ПОМОЩЬ БАЛКАНСКИМ СЛАВЯНАМ И ГРЕКАМ В ПЕРИОД БАЛКАНСКИХ ВОЙН 249

§ 1. РОКК: подготовка и отправка санитарных отрядов и других краснокрестных учреждений на балканский театр военных действий.....249

§ 2. Обсуждение в российской печати 1912-1913 гг. проблем гуманитарной помощи славянским народам..271

§ 3. Деятельность учреждений РОКК на балканском театре военных действий (октябрь 1912 г. – январь 1913 г.) 286

§ 3.1. Деятельность отрядов и других учреждений Красного Креста в Болгарии.....287

§ 3.2. Деятельность отрядов Красного Креста в Сербии....296
§ 3.3. Санитарные отряды РОКК в Черногории....312
§ 3.4. Российские санитарные отряды в Греции....320
§ 3.5. Санитарный отряд Варшавской Елисаветинской общины в Турции....327

§ 4. Деятельность благотворительных комитетов при дипломатических миссиях на Балканах (на примере Сербии и Черногории)....336

§ 5. Русские санитарные отряды Красного Креста во время возобновления военных действий, подготовка их возвращения в Россию и итоги деятельности....341

§ 6. Деятельность славянских и других общественных организаций по оказанию гуманитарной помощи армии и пострадавшему от войны балканскому населению в период Первой Балканской войны....369
§ 6.1. Деятельность Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества....370
§ 6.2. Московский славянский комитет....385
§ 6.3. Русско-Сербский и Русско-Болгарский комитеты (Санкт-Петербург)....391
§ 6.4. Пироговское общество (Москва)....392
§ 6.5. Общество славянской взаимности (Санкт-Петербург)....395
§ 6.6. «Славия» (Москва)....398
§ 6.7. Славянское студенческое общество (Москва)....399
§ 6.8. Славянское вспомогательное общество (Москва)....400
§ 6.9. Общество славянского научного единения (Санкт-Петербург)....401
§ 6.10. Общество славянской культуры (Москва)....404
§ 6.11. Всероссийское Русско-Черногорское благотворительное общество....405

§ 7. Гуманитарная и благотворительная помощь православным народам в период и по окончании Второй Балканской войны....406

ГЛАВА 3. ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ БАЛКАНСКИМ НАРОДАМ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ....428

§ 1. Деятельность славянских и иных общественных организаций в пользу Сербии и Черногории. 1914-1915 г.....432

§ 2. Деятельность русских гуманитарных и благотворительных организаций в Сербии (1914-1915 гг.)....453
§ 2.1. Деятельность Комитета помощи сербам и черногорцам при российской императорской миссии в Нише....453
§ 2.2. Санитарная помощь Сербии и Черногории....460
§ 2.3. Продовольственная помощь Сербии и Черногории....482

§ 3. Гуманитарная и благотворительная помощь балканским народам в 1916-1917 гг. 500
§ 3.1. Деятельность русских медицинских учреждений в помощь сербам на юге Франции, в Греции и на Салоникском фронте....514

§ 3.2. Отряд Петроградского славянского благотворительного общества на Салоникском фронте (отряд Я.И. Чаброва) 518
§ 3.3. Организация помощи сербским военнопленным 532
§ 3.4. Содействие в оказании помощи населению оккупированных Сербии и Черногории 542
§ 3.5. Организация помощи сербским беженцам 556

§ 4. Российско-румынское гуманитарное сотрудничество в годы Первой мировой войны. 1914-1917 576

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 589

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 600

Введение

Актуальность. Мы живем в эпоху затяжных локальных военных и социальных конфликтов, природных и техногенных катастроф, постоянной угрозы личной и продовольственной безопасности и перемещения больших групп людей. Гуманитарная помощь требуется во все больших размерах: она охватывает огромные пространства и все большее количество категорий населения, в кризисных зонах наблюдается устойчивая тенденция перехода от ситуативной помощи к долговременным гуманитарным программам. Участие в подобного рода мероприятиях является одним из признаков великой державы и работает на ее имидж.

Гуманитарная сфера становится одной из сфер управления миром[1], полем формирования политического влияния»[2], где гуманитарная проблематика «использовалась и продолжает использоваться как инструмент международной политики и давления, закрепления позиции того или иного актора»[3]. Соперничество в гуманитарной сфере поддерживается «информационными войнами», в геополитических стратегиях «мягкая сила» (soft power) все больше отступает перед «умной силой» (smart power) и рефлексивным управлением. Совокупность этих методов, оставляя за рамками высокие цели гуманитарной и благотворительной деятельности, формируют «центр притяжения» не только для влиятельных личностей, но и широких масс населения, как у тех, кто осуществляет благотворительность, так и у тех, на кого она направлена. Упомянутые методы являются существенным ресурсом манипулирования в целях продвижении образа «государства-спасителя», формирования лояльности к нему, увеличения числа его протагонистов.

Между 1878 и 1914 гг. Восточный вопрос на Балканах вступил в фазу, когда судьба гражданского населения во время войны приобрела новой измерение и значение. Череда кризисов в Боснии и Герцеговине (1875-1878), Болгарии (1876-1878), Крите (1896-1899) и Македонии (1903-1908) породили беспрецедентное международное вмешательство, частью которого стала всё более расширяющаяся гуманитарная составляющая. В этой связи особый интерес европейских государств стали вызывать положение мирного балканского населения и беженцев[4].

---

[1] *Громогласова Е.С.* Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 97.

[2] *Примаков Е.* Гуманитарная миссия России. Пути к миру и безопасности. 2018. № 1(54). Спецвыпуск: Гуманитарные вызовы, гуманитарное реагирование и защита гражданского населения в вооруженных конфликтах. С. 182.

[3] Там же. С. 184.

[4] *Akhund-Lange Nadine, Tison Stèphane*. Penser la Grande Guerre au prisme des Balkans // Dans Monde(s). 2016/1 № 9. P. 95-114. Url.: https://www.cairn.info/revue-mondes-2016-1-page-95.htm (дата доступа: 19.04.2022).

Обязательства в пользу жертв конфликтов постепенно внедрялись в общественное пространство, сначала несколько хаотично, затем структурировались, изменили масштабы, и стали одновременно существовать в трех измерениях – государственном, общественном и частном[5].

Применительно к изучаемому периоду, гуманитарное движение в помощь народам, пострадавшим от военных действий, достигло высшей точки в годы Первой мировой войны. Европейские правительства извлекли как положительные, так и отрицательные уроки из «гуманитарной мобилизации» населения и сумели справиться с вызовами к началу Второй мировой войны: гуманитарная сфера была интегрирована во внешнюю политику и с тех пор находилась под строгим надзором соответствующих ведомств[6].

Помимо практического интереса, изучение гуманитарной деятельности великих держав в XIX – начале XX в. в различных регионах мира является особым направлением в европейской историографии. Это явление, по мнению учёных, отражает уровень развития гражданского общества стран Европы и находится во взаимосвязи с процессами их внутренней и внешней политики. Оно связано как с авторитетом конкретного государства на международной арене, так и развитием в нём гражданского общества и средств массовой информации, формирующих общественное мнение по актуальной повестке. Свою роль играют также государственное устройство, конфессиональная и сословная принадлежность, влияющие на способность к масштабной гражданской мобилизации и взаимодействие общественных организаций и частных лиц с государственными и международными структурами[7].

Европейское сообщество с начала XIX в. заявляло о своем моральном и политическом праве вмешиваться в дела других государств с гуманитарными целями[8].

Гуманитарная и благотворительная деятельность России на Балканах в 1875-1917 гг. является частью международного движения, имеющего в каждом государстве как общие, так и специфические черты.

Россия имеет колоссальный опыт оказания гуманитарной помощи в зоне конфликтов и социальной напряженности, природных и техногенных катастроф, как в составе международных программ, так и самостоятельно, а также двусторонней и многосторонней гуманитарной и «народной» дипломатии. Он складывался постепенно, начиная с конца XIX в., когда Восточный

---

[5] *Bondallaz Patrick*. «Inter Arma Helvetia»: l’ action humanitaire Suisse la Grande Guerre. Éditions Alphil – Presses universitaires suisses, 2021. P. 49.

[6] Ibidem. P. 409.

[7] Ibidem. P. 392, 395-398.

[8] *Rodogno Davide*. Against Massacre: Humanitarian Interventions in the Ottoman Empire, 1815-1914. – Princeton: Princeton University Press, 2012.

кризис 1875-1878 гг. дал возможность российскому обществу и МИД отработать различные гуманитарные инициативы и технологии, в том числе, касающиеся взаимодействия с международными и национальными организациями, часть из которых получила развитие в последующих драматических событиях.

Изучение опыта гуманитарной помощи России позволит использовать её потенциал в полной мере, не только реагируя на постоянно возникающие кризисные ситуации, но и участвуя в формировании актуальной международной гуманитарной повестки. В современном мире гуманитарная миссия России имеет шансы стать обширной, самостоятельной, последовательной и востребованной[9].

В этом смысле анализ целей и средств воздействия на балканские страны путем благотворительных и референтных мероприятий, примененных в 1875-1917 гг. со стороны России, дают обширный материал для рефлексии и соотнесения с современным контекстом межгосударственных отношений.

Объект: гуманитарная и благотворительная помощь России балканским народам.

Предмет: основные направления и особенности гуманитарной и благотворительной помощи балканским народам Российского государства и его общественных институтов в период военных действий в 1875-1917 гг. на фоне растущей конкуренции с европейскими державами.

Научная гипотеза исследования: Гуманитарная помощь была не только одним из направлений балканской политики Российской империи, но и инструментом обеспечения российского присутствия на Балканах в целях укрепления авторитета России среди балканских народов. Роль гуманитарной и благотворительной помощи балканским народам возросла в период Великого Восточного кризиса 1875-1878 гг. Это коснулось не только расширения области применения. Практически сразу гуманитарная помощь охватила обширные пространства. Кроме того, отрабатывались методы координации и взаимодействия с международными и местными благотворительными организациями, правительствами балканских и европейских государств. В силу своего экономического отставания России приходилось постоянно лавировать среди западных держав, отстаивая свои внешнеполитические интересы, что затрагивало и гуманитарную сферу. Ее возможности значительно расширялись при использовании общественной инициативы в лице Российского общества Красного Креста (РОКК), славянских организаций и общественного мнения. Соотношение государственной и общественной помощи балканским народам зависело от текущей международной обстановки и от степени возможностей России вести самостоятельную политику.

---

[9] *Громогласова Е.С.* Ук. соч. С. 100.

Хронологические рамки: 1875 - 1917 гг. Нижняя граница включает Восточный кризис 1875-1878 гг., а верхняя заканчивается осенью 1917 г. перед революционными событиями.

Территориальные рамки: Российская империя с выходом за ее пределы в случаях, когда речь идет о Балканском регионе или европейских странах, на территории которых оказывалась гуманитарная и благотворительная помощь балканским народам (Болгария, Греция, Италия, Македония, Румыния, Османская империя, Сербия, Франция, Черногория).

Степень научной разработанности проблемы. Изучение деятельности российских общественных кругов и государства по оказанию гуманитарной и благотворительной помощи балканским странам в указанный период происходило в рамках общей эволюции исторической науки в нашей стране и за рубежом. Выбранный нами исторический период был насыщен политическими событиями, вооруженными конфликтами и войнами. Поэтому научное осмысление проблем, связанных с ним, пришло гораздо позже. Однако некоторые участники событий на Балканах и их очевидцы «по горячим следам» сделали попытки проанализировать события недавнего прошлого и зафиксировать некоторые факты, что заложило основы для их дальнейшей разработки[10].

Несмотря на интерес общественности к теме российской помощи балканским народам, соответствующие публикации до революционных событий 1917 г. носили, в основном, прикладной характер: они констатировали факты и делали попытки их систематизации для дальнейшего совершенствования практической деятельности. Следует отметить, что подобная практика существовала в отношении всей отечественной литературы об общественном призрении в России, где основное внимание уделялось государственной благотворительности и организациям под покровительством императорской семьи. Многочисленные издания о деятельности Учреждений императрицы Марии, Человеколюбивого общества и Домов трудолюбия составлялись на основании отчетов и освещали их работу в период царствования того или иного императора[11].

---

[10] *Градовский Г.* Русское общество перед лицом бедствий в Боснии и Герцеговине в 1875 году. // Братская помочь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины. – СПб., 1876. С. 481-493; Общий медицинский очерк сербо-турецкой войны 1876 г. и тыла армии в Бессарабии и Румынии во время турецкой войны 1877 г. С. Коломнина, доцента университета Св. Владимира. – СПб, 1878; *Шаховской С.В*. Очерк деятельности Красного Креста при оккупационных русских войсках в Княжестве Болгарском и Восточной Румелии. 1878-1879. – СПб.: Гл. упр. общества Красного Креста, 1880; Илустрована историја Балканског рата. 1912.-1913. – Књига прва. – Београд, 1913; *Sturzenegger C*. Serbisches und Internazionales Rotes Kreuz waehrend der Balkankriege. – Zuerich, Orell Fuessli Inst.,1914 и др.

[11] Хроника «Ведомства учреждений императрицы Марии». – СПб., 1897; Сборник сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений Санкт-Петербурга и Москвы. – Спб., 1899; Благотворительные учреждения Российской империи. – СПБ., 1900; *Максимов Е.Д*. Особые благотворительные

Аналогичный подход был характерен и для публикаций, связанных с активностью Российского общества Красного Креста (до 1879 г. – «Общества попечения о раненых и больных воинах»), Московского славянского благотворительного комитета, затем Петербургского славянского благотворительного общества вне пределов Империи. Их деятельность отражалась в виде очерков, иллюстрированных цифрами и примерами и освещающих определенные события или какой-то относительно протяженный период времени.

Общественный энтузиазм в деле помощи пострадавшим от восстания в Боснии и Герцеговине отразил в своей работе «Русское общество перед лицом бедствий в Боснии и Герцеговине в 1875 году» Г. Градовский[12]. Автор привел конкретные примеры и цифры, связанные со сбором пожертвований в пользу балканских славян. Примечательно, что эта статья вошла в сборник «Братская помочь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины», изданным петербургским отделом Московского славянского благотворительного общества в просветительских и благотворительных целях.

Деятельность РОКК и общин сестёр милосердия с первых дней существования привлекала внимание исследователей и публицистов[13]. Не остались без внимания и их гуманитарные миссии на Балканах. Во многих работах приводятся данные о постановке медицинской помощи в балканских армиях, а также описываются организационные и политические сложности, с которыми пришлось столкнуться русским санитарным отрядам на Балканах[14]. Примечательно, что авторы обзора (1877 г.) деятельности «Общества попечения о раненых и больных воинах» в период русско-турецкой войны рассматривали благотворительную деятельность по поддержке российской армии, сражающейся за свободу балканских славян, как часть общего патриотического дела[15]. При этом следует отметить, что в отечественной историографии

ведомства и учреждения. – СПб., 1903; *Соколовский М*. Светлая страница в летописи Человеколюбивого общества: историко-библиографический этюд по поводу исполнившегося 100-летия существования Императорского Человеколюбивого общества. – Б/м, 1908 и др.

[12] *Градовский Г.* Указ. соч. С. 481-493.

[13] *Боцяновский В*. Исторический очерк деятельности Российского общества Красного Креста. – СПб., 1896; Российский Красный Крест: Исторический обзор деятельности. – СПБ, 1902 и др.

[14] *Михайлов Д*. Красный Крест и сестры милосердия в России и за границей. – Пг.-Киев, 1914; Обзор деятельности под покровительством ее императорского величества Общества попечения о больных и раненых воинах с начала нынешней войны. – СПб., 1877; Общий медицинский очерк сербо-турецкой войны 1876 г. и тыла армии в Бессарабии и Румынии во время турецкой войны 1877 г. С. Коломнина, доцента университета Св. Владимира. – СПб, 1878; Исторический очерк общины сестёр милосердия св. Георгия в Санкт-Петербурге за 25-летие (1870-1895). – Спб., 1895 и др.

[15] Обзор деятельности под покровительством ее императорского величества Общества попечения о больных и раненых воинах с начала нынешней войны. СПб., 1877. С. 19, 20.

благотворительность как часть российского общественного движения стала рассматриваться только с 1890-х годов[16].

В советскую эпоху тема благотворительности была политизирована, а само это явление воспринималось как одна из черт классового общества. Некоторые аспекты благотворительной деятельности включались в специальные исследования по истории церкви[17] и некоторых обществ[18] и выражали отрицательное отношение к этому явлению как проявлению классового общества[19].

Некоторая подвижка в изучении благотворительности наметилась в 60-е годы XX в. В этот период появились исследования деятельности неполитических организаций: медицинских, сельскохозяйственных, научных и пр. В рамках рассматриваемой в диссертации проблемы вызывает интерес подход А.Д. Степанского, автора обобщающего исследования по неполитическим общественным организациям в дореволюционной России[20], в работах которого благотворительные общества представлены в качестве составной части российского общественного движения в целом.

Аналогичным образом ставились вопросы и в отечественной славистике: основные события конца XIX–начала XX вв. на Балканах рассматривались с точки зрения развития освободительной борьбы угнетенных народов, а гуманитарная и благотворительная помощь балканским армиям и населению, пострадавшему от военных действий, изучались в рамках проблем российского общественного движения.

Можно констатировать, что в 1920-1980-х годах отношение к гуманитарной и благотворительной помощи балканским народам в научной литературе претерпело изменение от отрицательного (отвлекающего маневра царизма от национально-освободительной борьбы) до нейтрально-положительного (с учетом «широкомасштабного участия народных масс» в этом процессе). Впрочем, классовый подход не помешал исследователям этого периода поставить ряд

---

[16] Такую трактовку можно видеть у следующих авторов: *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской Империи XIX–начала XX в.– М.: Наука, 2005. С. 383.; *Богданов В.П.* История благотворительности в России. Москва и московская пресса конца XIX в. Учебное пособие для бакалавриата и магистратуры.– М.: Юрайт, 2019. С. 15 и др.

[17] *Кандидов Б.* Церковный фронт в годы мировой войны. – М., 1929; Эльвин Э. Церковь и война (1914-1918). – М., 1934.

[18] *Берг Л.С.* Всесоюзное географическое общество за 100 лет. – М.-Л., 1946.

[19] *Оспищева Л.Е.* История благотворительных организаций Кубани (конец XIX–начало XX в.): опыт изучения. – Адыгея, Майкоп. 2003. С. 17.

[20] *Степанский А.Д.* История общественных организаций дореволюционной России. – М., 1979, *Он же*. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX и XX в. – М., 1980; *Он же*. Общественные организации России на рубеже XIX – XX в. Автореферат … доктора ист. наук. – М., 1982.

научных проблем, поиск решения которых вдохновил следующие поколения ученых на продолжение исследований в этой области.

С 1980-х годов тема благотворительности становится новой научной проблемой. Всё больше внимания гуманитарной и благотворительной деятельности стали уделять и специалисты по новой и новейшей истории, профессионально занимавшиеся политическими аспектами русского присутствия на Балканах. Современные исторические труды, свободные от идеологических наслоений предыдущего периода, расширили и углубили тематику. В настоящее время гуманитарная и благотворительная деятельность рассматриваются с двух позиций: как часть балканской политики Российской империи и русско-балканских контактов и как одно из направлений благотворительной деятельности Российского государства, частных лиц и общественных организаций.

Как и авторы советской эпохи, большинство современных историков прослеживает связь между ростом интенсивности публикаций о балканских событиях в российской прессе, активностью славянских организаций и увеличением числа пожертвований в пользу пострадавших от вооруженных столкновений и конфликтов, а также указывает на роль государственного аппарата, Православной Церкви и общественных организаций в этом процессе. Однако современные исследователи не противопоставляют активность общественных организаций и правительства, а исходят из того, что это был единый и взаимосвязанный процесс, когда в определенных международных условиях государство сознательно уходит на второй план, уступая место общественному движению[21]. Ещё одна исследовательская проблема, затрагиваемая в этой связи, – роль общественного мнения в формировании и реализации актуальной балканской повестки.

Вместе с тем следует констатировать, что, несмотря на изученность ряда вопросов поставленной в диссертации проблемы, обобщающие работы о российской гуманитарной и благотворительной деятельности на Балканах в 1875-1917 гг. в историографии отсутствуют.

Учитывая данное обстоятельство, историография была разделена на две группы, граница между которыми весьма условна. К первой были отнесены исследования, связанные с организацией гуманитарной и благотворительной помощи балканским народам, а также деятельностью РОКК, Московского славянского благотворительного комитета, Петербургского славянского благотворительного общества и других общественных организаций и частных лиц

---

[21] *Чуркина И.В*. Славянофилы и русское правительство во время Восточного кризиса 1875-1878 гг. // Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность): Сб. статей. – М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 168-184; *Мельчакова К.В*. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856-1875 г. – М., 2019 и др.

на Балканах. Ко второй – всё, что касается балканской политики Российской империи последней четверти XIX–начала XX вв. Между этими двумя группами прослеживается тесная связь, обусловленная местом и ролью общественно-политического пространства России и её государственных институтов в формировании гуманитарной политики на Балканах. Последнее особенно важно с точки зрения особой значимости региона для России.

Наиболее разработанными оказались вопросы, связанные с гуманитарной катастрофой, возникшей на Балканах в начале Восточного кризиса 1875-1878 гг., а также с организацией помощи балканским народам европейской и российской общественностью. В той или иной степени эти сюжеты затрагиваются во многих работах отечественных ученых. Среди них можно назвать исследования разных поколений учёных: Т.Г. Снытко, С.А. Никитина, В.Я. Гросула, С.И. Данченко, Р.П. Гришиной, Н.И. Хитровой, Д.И. Никифорова, О.И. Шмелевой, К.В. Мельчаковой[22] и др.

Одним из первых в отечественной историографии тему помощи сражающимся за освобождение от турецкого ига славянам в начале Великого Восточного кризиса стал разрабатывать Т.Г. Снытко. Исследователь поставил несколько проблем, потребовавших дальнейшего изучения. К ним можно отнести такие как время начала помощи восставшим боснийцам и герцеговинцам, обоснование позиции российского правительства, требовавшего ограничиться благотворительной деятельностью в вопросе помощи славянам и др. Т.Г. Снытко указал на масштаб событий на Балканах и подчеркнул, что основные суммы Славянские комитеты тратили на отправку добровольцев, тогда как средств для помощи пострадавшим от

---

[22] *Снытко Т.Г.* Из истории народного движения в России в поддержку борьбы южных славян за свою независимость в 1875-1876 г. // Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. Сб. статей. – М.: Издательство АН СССР, 1957. С. 78-106; *Никитин С.А*. Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах. – М.: Издательство Московского университета, 1960; *Гросул В.Я*. Восточный кризис 70-х годов XIX в. и российское общество // 100-летие освобождения балканских народов от османского ига. Материалы международной научной конференции. М., 15-17 мая 1978 г. – М., 1978; *Данченко С.И*. Начало Великого Восточного кризиса 70-х гг. XIX в. и русское общество // Славянский мир в третьем тысячелетии. – М., 2016. С. 135-156; *Гришина Р.П.* Роль общественного мнения и Балканы (1870-е гг.) // Человек на Балканах глазами русских. – СПб.: Алетейя, 2011. С. 158-159; *Н.И. Хитрова*. Русское общество и Черногория в 60-70-е гг. XIX в. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. – М.: Издание «Наука», 1973. С. 164-184; *Она же*. Черногория в период Восточного кризиса 1875-1878 гг. // Россия и Восточный кризис 70-х годов XIX в. Сб. статей. – М.: Издательство МГУ, 1981. С. 66-76 и др.; *Никифоров Д.Н*. Восстание в Боснии и Герцеговине и политический кризис в Сербии 1875 г. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 1. С. 259-263; *Шмелева О.И*. Влияние боснийско-герцеговинского восстания 1875-1876 гг. на национально-освободительное движение на Балканах // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2010. № 2 (27). С. 46-61; *Мельчакова К.В*. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856-1875 г. – М., 2019 и др.

военных действий не хватало. В исследовании нашлось место и для положительной оценки деятельности русских санитарных отрядов[23].

В исследованиях С.А. Никитина также были подробно рассмотрены вопросы, связанные с организацией помощи балканским славянам в начале Великого Восточного кризиса, в том числе, сборы пожертвований и отправка санитарного отряда в Черногорию. В связи с этим автор указал на одновременное развитие двух направлений волонтерского движения: помощь раненым славянам, преобладавшая на первое время, и участие русских добровольцев в войне с Турцией в рядах сербской армии. По мнению автора, «кампания по сбору пожертвований была не только источником средств, но и формой воздействия на общество, формой агитации…»[24]. При этом С.А. Никитин одним из первых обратил внимание на пропагандистскую роль Православной Церкви в притоке мелких пожертвований по всей Российской империи и зависимость общественного движения в пользу славян от позиции официальных властей»[25]. Вопрос о масштабах русской помощи славянам впоследствии были развиты в работах Л.И. Нарочницкой[26] и Д.Ф. Поплыко[27].

Ссылаясь на многочисленные архивные документы, С.И. Данченко подтвердила тезис исследователей предыдущего поколения, что подавляющее большинство пожертвований в 1875 г. поступило от крестьян, рабочих и городской бедноты, а также отметила роль Русской Православной Церкви в распространении информации о событиях на Балканах[28]. Автор приводит данные о развитии европейского и российского общественного движения в поддержку восставших, прежде всего, комитетов помощи[29].

Для реализации целей данного исследования важен вывод Р.П. Гришиной, что в процессе активизации сбора пожертвований в пользу пострадавшего от военных действий балканского

---

[23] *Снытко Т.Г.* Указ. соч. С. 96, 99, 101.

[24] *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах. – М.: Издательство Московского университета, 1960. С. 306-307.

[25] Там же. С. 152-153.

[26] *Нарочницкая Л.И.* Национально-освободительные движения на Балканах и народные массы России во время Восточного кризиса 1875-1878 гг. // Балканские исследования. Вып. 7. Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. – М., 1982. С. 131-144; *Она же.* Россия и национально-освободительное движение на Балканах 1875-1878 гг. К столетию русско-турецкой войны 1877-1878 гг. – М.: Наука, 1979.

[27] *Поплыко Д.Ф.* Боснийско-герцеговинское восстание 1875-1876 гг. и национально-освободительное движение на Балканах // Освободительное движение на Балканах. Балканские исследования. Вып. 3. – М.: Наука, 1978. С. 17, 30.

[28] *Данченко С.И.* Указ. соч. С. 144, 146-147.

[29] Там же. С. 137-138.

населения, Православная Церковь действовала совместно с государственно-административным аппаратом и славянскими комитетами[30].

Общие и частные вопросы, касающиеся гуманитарной и благотворительной помощи балканским народам, были развиты в исследованиях, посвященных отдельным странам и (или) событиям.

Тема российской благотворительной помощи в отношении Черногории изучена в работах Н.И. Хитровой. В них, кроме политических вопросов, автор подробно рассматривает причины тяжелой гуманитарной ситуации и формы русской благотворительной деятельности[31]. При этом Н.И. Хитрова подчеркивает, что в основе значительной материальной и дипломатической помощи черногорскому правительству в XIX веке лежало стремление России найти опору своей балканской политики в Черногории[32]. К проблеме герцеговинских беженцев, грозившей Черногории гуманитарной катастрофой, исследователь обращается в монографии «Россия и Черногория в 1878-1908 годах»[33].

А.В. Карасев обратил внимание на то, что Россия продолжала оказывать содействие Черногории в поддержке герцеговинских беженцев даже после того, как европейские страны в начале 1876 г. потеряли к ним интерес. Российское правительство после окончания русско-турецкой войны взяло на себя финансирования возвращения герцеговинских беженцев на родину[34].

Влияние российского общественного мнения на объемы материальной помощи восставшим славянам в период Великого Восточного кризиса подробно проанализировано в исследованиях А.А. Улуняна. Автор представил широкий пласт проблем, связанных с общественным движением в поддержку национально-освободительного движения на Балканах, и на основании

---

[30] *Гришина Р.П.* Роль общественного мнения и Балканы (1870-е гг.) // Человек на Балканах глазами русских. – СПб.: Алетейя, 2011. С. 158-159.

[31] *Хитрова Н.И.* О русской помощи Черногории в период Восточного кризиса 1875-1878 гг. // Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. – М.: Наука, 1970. С. 194-210; *Она же*. Черногория в период Восточного кризиса 1875-1878 гг. // Россия и Восточный кризис 70-х годов XIX в. Сб. статей. – М.: Издательство МГУ, 1981. С. 68-69.

[32] *Хитрова Н.И.* Русское общество и Черногория в 60-70-е гг. XIX в. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. – М.: Наука, 1973. С. 164.

[33] *Хитрова Н.И.* Россия и Черногория в 1878-1908 годах. – М. Институт российской истории РАН, 1993. С. 70.

[34] *Карасев А.В.* В преддверии войны: Восточный кризис и восстание в Боснии и Герцеговине 1875-1878 годов // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны в 1875-1878 годах. – М., 2006. С. 45.

обширного круга источников, прежде всего, периодической печати, проследил взаимосвязь роста числа публикаций в русской провинциальной прессе с ростом сборов в пользу славян[35].

Из исследований советского периода на эту тему можно также упомянуть статью И.В. Козьменко[36] и кандидатскую диссертацию П.Д. Подлесного[37].

В одном из исследований, посвященных подготовке русско-турецкой войны 1877-1878 гг. К.Л. Струкова, кроме дипломатических и политических, затронула и гуманитарные проблемы. Автор приводит данные о том, что планирование военной кампании в конце 1875 г. сербское правительство начало с организации военно-санитарной службы, до этого неизвестной в Сербии, а ее строительство было поручено созданному в начале 1876 г. Сербскому обществу Красного Креста[38]. Эти факты дают нам возможность оценить вклад РОКК в развитие военно-санитарной службы в Сербии. В другой работе К.Л. Струкова проанализировала деятельность Болгарского Центрального благотворительного общества в Румынии и его взаимоотношения со славянскими комитетами[39].

Анализируя проблемы беженцев на территории Черногории в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг., современный исследователь В.Б. Хлебникова указала на прямую связь гуманитарных вопросов, в частности, продовольственного, с политическими[40].

Частью Восточного вопроса в конце XIX–начале XX в. была критская проблема. Анализируя позицию великих держав и донесения российских консулов в период событий 1895-1897 гг. на Крите, Т.В. Никитина уделила внимание международной благотворительной деятельности в пользу восставших. Автор обратила внимание на то, что общественное мнение в Греции использовалось ее правительством как аргумент в поддержку инсургентов. Т.В. Никитина

---

[35] *Улунян А.А*. Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии и Россия. – М.: Наука, 1978; *Он же*. Русско-турецкая война 1877-1878 годов и российская общественность // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны в 1877-1878 годах. – М., 2006.

[36] *Козьменко И*. Русское общество и Апрельское болгарское восстание 1876 г. // Вопросы истории. 1947. № 5. С. 100-105.

[37] *Подлесный П.Д*. Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии и общественное мнение России. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. – Харьков, 1963 г.

[38] *Струкова К.Л*. К истории русско-сербских межсоюзнических отношений в 1875 г. // Балканские народы и европейские правительства в XVIII–начале XX в. (Документы и исследования). С. 203.

[39] *Она же*. К истории русско-болгарских отношений в 1876 году // Славянский архив. Сборник статей и материалов. Москва: издательство Академии наук, 1959. С. 116-117.

[40] *Хлебникова В.Б.* Российский дипломат А.С. Ионин о положении Черногории после Берлинского конгресса и о внешнеполитических планах России на западе Балканского полуострова // Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность). Сб. статей. – М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 315.

приводит данные о том, что российское общественное мнение было на стороне восставших, свидетельством чему были многочисленные публикации в прессе, а также пожертвования в пользу восставших[41]. Позитивная роль российской дипломатии в послевоенном урегулировании последствий греко-турецкой войны 1897 г. рассматривается в работе В.П. Меньщикова[42].

Значительный вклад в развитие темы российско-греческих отношений, в том числе, гуманитарной и благотворительной помощи греческому народу в конце XIX–начале XX вв., внесла О.В. Соколовская[43]. Она стала одним из первых в отечественной историографии исследователей, кто на основе архивных данных указал на масштабные санитарно-медицинские мероприятия в зоне российской ответственности, в Ретимно, в период миротворческой операции европейских держав 1897-1909 гг., а также на продовольственную помощь жителям острова, невзирая на религиозную принадлежность, во время голода 1898 г.[44]. О.В. Соколовская отметила активную роль в решении критской проблемы Николая II и греческой королевской семьи, а также использование династических связей как средства политического влияния в назначении принца Георга верховным комиссаром (губернатором) Крита[45].

Таким образом, к настоящему времени отечественная историография накопила значительный теоретический и фактический материал, освещающий проблемы российской гуманитарной и благотворительной помощи в контексте национально-освободительной борьбы балканских народов. Однако ему присущи иллюстративность и фрагментарность, обусловленные целями большинства исследований. Ответы на ряд вопросов можно найти в научной литературе,

---

[41] *Никитина Т.В*. Критское восстание 1895-1897 гг. и внутриполитическое положение Греции в освещении русских дипломатов // Балканские исследования. Вып. 11. М.: Наука, 1989. С. 164.

[42] *Меньщиков В.П*. Российская дипломатия и греко-турецкая война 1897 г. // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции XIX–XX вв. Балканские исследования. Вып. 11. М.: Наука, 1989. С. 173-198.

[43] *Соколовская О.В*. Россия на Крите. Из истории первой миротворческой операции XX века. – М.: Индрик, 2006; *Она же*. Россия в миротворческой акции европейских держав на Крите в 1897-1909 гг. // Военно-исторический журнал. 2008. № 11. С. 25-30; *Она же*. Российская дипломатия и критский вопрос на рубеже веков (1900-1901) // В «интерьере» Балкан: Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. – М.: ПРОБЕЛ, 2010. С. 405-428; *Она же.* Позиция России в критском вопросе в период восстания в Териссо в 1905 г. // Vitaleus. Сб. статей, посвященных 70-летию В.И. Шеремета. – М., 2010. С. 268-287; *Она же*. Великий остров Средиземноморья. Греция и миротворческая Европа. 1897-1909 гг. К 100-летию присоединения Крита к Греции. – М.: Институт славяноведения РАН, 2013 и др.

[44] *Она же*. Россия на Крите. С. 38-39, 87.

[45] *Она же*. Россия на Крите. С. 27: *Она же*. Крит в судьбе принца Георга Греческого и российского императора Николая II // Новая и новейшая история. 2008. № 4. С. 188-197; *Она же*. Российская дипломатия и критский вопрос на рубеже веков (1900-1901) // В «интерьере» Балкан: Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. – М.: ПРОБЕЛ, 2010. С. 408; Она же. Греческая королева Ольга – «под молотом судьбы». – М., 2011.

освещающей практическую деятельность Российского общества Красного Креста (РОКК), Московского славянского благотворительного комитета и других общественных организаций в период военных действий на Балканах. Особое внимание уделяется периоду Балканских 1912-1913 гг. и Первой мировой войн.

Из современных исследователей деятельности Российского общества Красного Креста следует отметить работы О.В. Чистякова. Помимо обобщающих работ[46], он является автором статьи «Деятельность РОКК в вооруженных конфликтах 1867-1917 гг.», где приводит фактические данные об активности этой организации на Балканах во время греко-турецкой войны 1897 г. и Балканских войн 1912-1913 гг., а также об оказании помощи фессалийским беженцам[47].

Сведения об активном участии РОКК в балканских событиях последней четверти XIX–начала XX вв. содержатся в кандидатских диссертациях М.В. Беляевой, Е.В. Оксенюк и В.А. Соколовой[48].

Е.Н. Козловцева защитила кандидатскую диссертацию «Московские общины сестёр милосердия во второй половине XIX–начале XX в.», где отметила, что русские санитарные отряды принимали участие практически во всех военных конфликтах этого периода[49]. Изучение данной темы автор продолжила в ряде исследований, посвященных вопросам, связанным с деятельностью российских общин сестёр милосердия в период сербо-турецкой 1876 г., русско-турецкой 1877-1878 гг., греко-турецкой 1897 г. и Первой Балканской 1912-1913 гг. и Первой мировой войн[50]. На основе отчетов общин сестёр милосердия и других материалов Е.Н.

---

[46] *Чистяков О.В*. Организационное устройство и деятельность Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны: 1914-1918 гг. Дисс… канд. ист. наук. – М., 2009; *Он же*. Кампания по сбору пожертвований в пользу Российского общества Красного Креста во время Первой мировой войны // От противостояния идеологий к служению идеалам. Российское общество в 1914-1915 гг. Сб. статей. – М.: Новый хронограф, 2016. С. 71-83.

[47] *Чистяков* О.В. Деятельность РОКК в вооруженных конфликтах 1867-1917 гг. // Пути к миру и безопасности. Спецвыпуск. Гуманитарные вызовы, гуманитарное реагирование и защита гражданского населения в вооруженных конфликтах. 2008. № 1 (54). С. 229.

[48] *Беляева М.В*. Российское общество Красного Креста в истории России 1867-1925 гг. Дисс. …канд. ист. наук. – Ставрополь, 2002; *Оксенюк Е.В*. Деятельность Российского общества Красного Креста в начале XX в. (1903-1914 гг.). Автореф. … канд. ист. наук. – М., 2012; *Соколова В.А*. Российское общество Красного Креста.1867-1918. Дисс…. канд. ист. наук. – СПб., 2014.

[49] *Козловцева Е.Н*. Московские общины сестёр милосердия во второй половине XIX–начале XX в. Автореф. … канд. ист. наук. – М., 2006. С. 20.

[50] *Она же*. Русские сёстры милосердия в Сербии и Болгарии (вторая половина XIX–начало XX в.) // Славянский альманах. 2009. С. 188-194; *Она же*. Московские общины сестёр милосердия во второй половине XIX–начале XX в. – М.: ПСТГУ, 2010.

Козловцева восстанавливает некоторые малоизвестные страницы российской истории, например, подробно пишет о русском санитарном отряде в Турции в 1897 г.[51].

Д.А. Вербицкий рассматривает целый ряд вопросов, связанных с деятельностью главноуполномоченного Общества попечения о раненых и больных воинах князя Черкасского в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и приводит фактический материал, характеризующий масштаб его деятельности[52]. Однако проблем помощи местному населению Д.А. Вербицкий не касается.

Исследуя различные аспекты общественного движения в пользу балканских народов, отечественные специалисты в большей или меньшей степени затрагивают деятельность Московского славянского благотворительного комитета или Петербургского славянского благотворительного общества. Примечательно, что большинство авторов советского периода вслед за членами этих организаций использовали при упоминании о них словосочетание «славянские комитеты», подчеркивая именно славянскую направленность организаций, тогда как «благотворительность» уходила на второй план. Современные исследователи также используют это словосочетание, хотя, строго говоря, оно отражает действительность только до перерегистрации устава Общества в 1877 г.

Отношение к организации не столько благотворительной, сколько политической, также уходит корнями в период активной деятельности славянских комитетов в период Великого Восточного кризиса 1875-1878 гг. Советская историография с этим тезисом не спорила, но оценивала односторонне. Во введении к сборнику «Авантюры русского царизма в Болгарии» по поводу активности славянских комитетов было сказано, что они создавали «идеологическое прикрытие для царской агрессии на Ближнем Востоке», а председатели славянских комитетов в этот период выступают «не в качестве пламенных проповедников славянской идеи, не в качестве агитаторов за дело помощи “братьям-славянам”», а принимают миссию «непосредственной и ничем не прикрытой помощи текущей практической политике азиатского департамента»[53]. Таким образом подчеркивалось, что Московский славянский благотворительный комитет и его петербургское отделение были не столько «благотворительной», сколько политической организацией, что современной наукой не оспаривается, хотя и воспринимается не столь однозначно.

---

[51] *Она же*. Московские общины сестёр милосердия. С. 163-167.

[52] *Вербицкий Д.А*. Вклад общества Красного Креста и его главного уполномоченного князя В.А. Черкасского в победу Российской империи в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. // Юридические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (20). Ч. I. С. 65-68.

[53] Авантюры русского царизма в Болгарии. Сб. документов / сост. П. Павлович. – М.: СОЦЭКГИЗ, 1935. С. XIII.

Одной из выдающихся работ по истории славянских комитетов до настоящего времени остается уже упомянутая нами монография С.А. Никитина «Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах». Используя уникальные документы, автор подробно рассмотрел деятельность славянских комитетов на фоне разгорающегося Великого Восточного кризиса. В то же время он подчеркнул, что «самое значительное проявление сочувствия и братской поддержки проходило, минуя славянские комитеты», имея в виду «поездки русских в Герцеговину для непосредственного участия в вооруженной борьбе повстанцев»[54]. Этот тезис отражал общий подход историков советской эпохи к изучению интересующих нас событий как непрерывного процесса национально-освободительной борьбы балканских народов.

Советский историк В.А. Дьяков поддерживает тезис, что деятельность славянских комитетов была санкционирована и отчасти финансировалась правительством, что, в конечном счёте, усиливало их взаимосвязь. В период апогея активности славянских комитетов (1875-1876 гг.), они не только вели широкомасштабную пропагандистскую компанию и организовывали сборы средств, но и пытались влиять на правительственные круги с целью активизации российской деятельности на Балканах[55].

Современный исследователь К.В. Мельчакова рассматривает историю возникновения Московского славянского благотворительного комитета как закономерное явление в период корректировки российского внешнеполитического курса после поражения России в Крымской войне. Автор указывает на его тесную связь с Императорским Двором и МИД и подчеркивает, что, согласно уставу, эта организация была неполитической, однако члены Московского славянского благотворительного комитета видели свои задачи намного шире, что не могло не сказываться на их деятельности[56].

Различие в восприятии событий на Балканах со стороны русского правительства и общественных, прежде всего славянофильских, кругов России анализирует И.В. Чуркина. Автор указывает на роль в организации помощи славянам славянских комитетов, а также вклад в этот процесс И.С. Аксакова, князя В.А. Черкасского, Г. Веселитского-Божидаровича и миссии В.С. Ионина в Бухаресте[57].

---

[54] *Никитин С.А*. Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах. – М.: Издательство Московского университета, 1960. С. 288.

[55] *Дьяков В.А*. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. – М.: Наука, 1983. С. 128-129.

[56] *Мельчакова К.В*. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856-1875 гг. М.: Индрик, 2019. М., 2019. С. 142-143.

[57] *Чуркина И.В*. Славянофилы и русское правительство во время Восточного кризиса 1875-1878 гг. // Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность). Сб. статей. – М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 171-176, 180.

С.А. Кочуков ряд своих исследований посвятил изучению идеологии и деятельности славянских комитетов[58]. Автор отмечает сложное отношение правящих кругов к деятельности славянских комитетов: сфера внешней политики расширяла как возможности для развертывания соперничества власти и общества, так и для роста их взаимосвязи. В период войны 1877-1878 гг. славянские комитеты находились под контролем государства, а их деятельность ограничивалась организацией финансовой помощи и участием в формировании дружин болгарского ополчения[59].

Сложности взаимоотношений представителей официального Петербурга и славянских комитетов на конкретных примерах рассмотрела В.Б. Хлебникова. Анализируя деятельность в Черногории российского генерального консула А.С. Ионина и уполномоченного Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества А.В. Васильева, исследователь приходит к выводу, что «в то время как дипломаты усиленно трудились над сохранением хрупкого баланса, сложившегося после окончаний военных действий, решительно настроенная часть русского общества, рупором которой были славянские благотворительные комитеты, напротив, продолжала мечтать о новых победах и окончательном изгнании турок из Европы»[60].

Следует отметить, что интерес большинства авторов к деятельности Московского и Петербургского славянских благотворительных обществ заканчивается периодом окончания Великого Восточного кризиса[61]. Никто из современных исследователей не оспаривает тезис о том, что с конца 1870-х годов Петербургское славянское благотворительное общество попадает под жесткий контроль властей, А.Л. Шемякин справедливо назвал его «неофициальным филиалом российского МИД»[62].

---

[58] *Кочуков С.А., Сапрыкин Р.В*. Благотворительные комитеты в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Актуальные проблемы истории Российской цивилизации: сб. материалов III межвузовской научной конференции 26 февраля 2010 г. – Саратов, 2010. С. 60-65; *Кочуков С.А*. Общество, правящая элита, армия Российской Империи и русско-турецкая война 1877-1878 гг. Автореф. ... доктора ист. наук. – Саратов, 2012. С. 33, 45; *Он же*. “За братьев-славян”: Русско-турецкая война 1877-1878 годов в восприятии общества, власти и армии Российской империи. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2012 и др.

[59] *Кочуков С.А*. Общество, правящая элита, армия Российской Империи… С. 33, 45;

[60] *Хлебникова В.Б.* Российский дипломат А.С. Ионин о положении Черногории после Берлинского конгресса и о внешнеполитических планах России на западе Балканского полуострова // Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII – XXI вв. (Мифы и реальность). Сб. статей. – М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 316-319.

[61] См., например: *Лебедева Г.Н*. Славянские благотворительные комитеты и их роль в общественной жизни России. 1858-1878 гг. // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 3 (44). С. 111-114.

[62] *Шемякин А.Л*. Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868-1801). – М.: Индрик, 1998. С. 238.

Обобщающие работы, посвященные активности Петербургского славянского благотворительного комитета после Великого Восточного кризиса 1875-1878 г. отсутствуют, за исключением кандидатской диссертация А.А. Поповкина[63], где анализируются основные направления деятельности Славянских благотворительных обществ в Москве и Санкт-Петербурге в 1852-1921 гг. Автор отмечает, что после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. «благотворительные задачи по объективным причинам отошли на второй план в связи с обретением многими славянскими народами независимости», с чем мы согласиться не можем. В диссертации рассмотрен ряд вопросов, связанных с гуманитарными акциями славянских комитетов и обществ, в том числе в годы балканских и Первой мировой войн. Отдельный раздел в работе А.А. Поповкина отведен деятельности Петроградского славянского благотворительного общества в годы Первой мировой войны. Активности различных общественных организаций, прежде всего, провинциальных, в период Первой Балканской войны посвящена работа А.А. Поповкина «Славянская взаимопомощь – от Невы до Дуная». На основании публикаций в периодической печати того времени, автор показал энтузиазм, охвативший в эти годы практически все слои российского общества[64].

До настоящего времени немногочисленны исследования, посвященные деятельности Московского славянского комитета в период Балканских и Первой мировой войн. В 2001 г. вышла небольшая работа В.Ф. Козлова «Москва – Сербии. Из истории русско-сербских связей XVII – начала XX века». Используя материалы московских архивов и прессы, автор восстановил историю образования Московского славянского комитета в 1912 г., рассказал об инициативах Московской городской думы в деле гуманитарной помощи братским народам, в том числе, о деятельности Дамского комитета. Здесь же рассмотрена история московских санитарных отрядов в Сербии и отдельные акции москвичей по сбору средств в пользу братского народа. К несомненным достоинствам работы можно отнести то, что В.Ф. Козлов выделил основные направления московско-сербских связей в 1914-1917 гг. и виды благотворительной помощи москвичей. Автором затронуты и практически не изученные ранее темы помощи сербам на Корфу и сербским военнопленным. Обобщая данные, В.Ф. Козлов пришел к выводу, что быстро

---

[63] *Поповкин А.А*. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге (1858-1921). Дисс. … канд. ист. наук. – Воронеж, 2012.

[64] *Он же*. Славянская взаимопомощь от Невы до Дуная. 31.10.2013. // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. [Электронный ресурс]. Url.: https://ruskline.ru/analitika/2013/11/01/slavyanskaya_vzaimopomow_ot_nevy_do_dunaya/ (дата доступа: 01.10.2021).

усиливавшаяся разруха и обнищание населения России в связи с затянувшейся войной сокращали масштабы помощи Москвы балканским народам[65].

Деятельности славянофильских обществ и салонов в годы Первой мировой войны посвятил свою работу Д.И. Стогов. По его данным, наиболее посещаемыми были «славянские трапезы», славянофильский салон А.Н. Брянчанинова и Общество славянской взаимности[66]. Благотворительную деятельность автор не рассматривает, несмотря на то что, например, Общество славянской взаимности ею активно занималось.

Ещё одна тема, недостаточно освещённая в отечественной историографии, – это благотворительная деятельность на Балканах отдельных представителей Дома Романовых, которая велась как на личные, так и на привлеченные средства. Во втором случае использовались различные именные комитеты и организации. Среди авторов, уделивших внимание этой теме в своих исследованиях, следует отметить О.В. Соколовскую, Н.Г. Струнину-Бородину, В.Б. Хлебникову и некоторых других.

О.В. Соколовская уделила значительное внимание изучению биографии греческой королевы Ольги Константиновны, использовавшей пожертвования, полученные от русских благотворителей, в том числе, императорской семьи, в пользу больных и раненых греческих воинов и членов их семей, а также беднейшего населения страны[67]. В годы Первой мировой войны вдовствующая королева жила в Павловске и поддерживала на пожертвованные деньги ряд благотворительных и медицинских учреждений своего имени в Греции, а также представляла в России Греческое общество Красного Креста.

Н.Г. Струнина-Бородина рассмотрела вопросы, связанные с благотворительной деятельностью в пользу черногорцев великой княгини Милицы Николаевны. На основании новых архивных данных автор показывает активную позицию дочери черногорского короля Николы в обеспечении всесторонней помощи Черногории в период Балканских войн[68].

---

[65] *Козлов В.Ф.* Москва – Сербии. Из истории русско-сербских связей XVII–начала XX веков. – М.: ГАСК, 2001. С. 50-66.

[66] *Стогов Д.И.* Правомонархические салоны Петербурга – Петрограда (конец XIX – начало XX веков). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2007.

[67] *Соколовская О.В*. Греческая королева Ольга: под «молотом судьбы». – М., 2011; *Она же*. Русская больница в память великой княгини Александры Георгиевны в Пирее // Константиновские чтения-2018: к 160-летию со дня рождения великого князя Константина Константиновича, поэта К.Р. (1858-1915): сборник материалов научной конференции, 17 октября 2018 года. – СПб., 2018. С. 148-149.

[68] *Струнина Н.Г*. Деятельность великой княгини Милицы Николаевны Романовой по оказанию помощи Черногории во время балканских войн // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время балканских войн (1912-1913): сборник статей. – М., 2012. С. 378-390.

О попытках влияния на российское правительство великих княгинь Милицы Николаевны и Анастасии Николаевны с целью добиться благоприятного для их родины решения вопроса о Скутари, Ипеке и Дьяково упоминается в работе В.Б. Хлебниковой. Ссылаясь на мемуары председателя Совета министров В.Н. Коковцова, автор отметила, что среди требований политического характера присутствовали и гуманитарные[69].

Изучению благотворительной деятельности княгини Елены Петровны, дочери сербского короля Петра Карагеоргиевича, в пользу раненых сербских воинов, членов их семей, а также беженцев и военнопленных в годы Балканских и Первой мировой войны посвящены работы Г.И. Шевцовой. Она же затрагивает ряд вопросов, связанных с деятельностью в годы Первой мировой войны Комитета «Зелёный Крест», состоявшего под покровительством великой княгини Милицы Николаевны[70].

В современной историографии можно найти достаточное число исследований, посвященных деятельности Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий (Татьянинский комитет)[71].

---

[69] *Хлебникова В.Б.* Скутари 1913 г.: проверка российско-черногорского союза на прочность // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время балканских войн (1912-1913): сборник статей / отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. – М., 2012. С. 170-171.

[70] *Ševcova G.* Vojna bolnica Jelene Karađorđević // Istorija (Beograd). 2012. № 33. S. 34-37; *Шевцова Г.И.* Санитарные отряды княгини Елены Петровны (1912-1914) // Константиновские чтения – 2013. Сборник материалов научной конференции 30 октября 2013 г.: сборник статей / Государственный комплекс «Дворец конгрессов». – СПб, 2013. С. 83-93; *Она же*. Деятельность склада княгини Елены Петровны в пользу русских и сербских воинов и их семей (1914-1915) // XXV Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2015. – М.: Издательство ПСТГУ, 2015. С. 194-196; *Она же*. Организация помощи больным и раненым сербским воинам в период Первой балканской войны ее королевским высочеством княгиней Еленой Петровной (1912-1913) // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 3 (33). С. 23-27: *Она же*. Красные маки для княгини. Материалы к биографии княгини Елены Петровны. – М.: Союз-дизайн, 2017; *Она же*. Деятельность комитета «Зеленый Крест», состоявшего под покровительством великой княгини Милицы Николаевны. 1914-1916 // ИСТОРИЈСКИ ЗАПИСИ. Година XCII. 2020. № 3-4. С. 45-53. и др.

[71] *Матвеева Н.Л.* Благотворительная деятельность именных комитетов членов императорской семьи в годы Первой мировой войны. – М.: Издательство МГОУ, 2004; *Белова И.Б.* Беженцы Первой мировой войны из Западных районов Российской империи: обеспечение жизнедеятельности в местах временного проживания // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград). 2013. Вып. 12. С. 51-62; *Бахурин Ю.Л.* «Одинокие с Родины». Дети-беженцы Первой мировой в Московской губернии // Родина. 2013. № 8. С. 139-141; *Жванко Л.Н.* Формирование государственной системы оказания помощи беженцам Первой мировой войны в Российской империи. Татьянинский комитет // Великая война 1914-1918. [Альманах]. Вып. 4. М.: Издательство МБА, 2016. С. 122-132 и др.

Через свои местные отделения он поддерживал и сербских беженцев, находившихся на территории Российской империи, на что указали в своих работах С.И. Шевченко и А.А. Поповкин[72].

Проблемы контроля государством общественных организаций в годы Первой мировой войны рассматриваются в работах многих авторов. Н.М. Иванова конкретных примерах доказывает, что деятельность общественных организаций в период войны находилась под пристальным надзором и контролем правительства (в первую очередь МВД) и местных властей. Автор констатирует, что с началом войны процесс создания новых благотворительных организаций активизировался, причем, в основном, образовывались общества, имеющие цели оказания помощи больным и раненым воинам, членам их семей, для сбора вещей и подарков воинов и т.п. Не умаляя значения спонтанного сочувствия и активности населения в деле оказания помощи балканским народам, Н.М. Иванова подчеркивает, что деятельность этих организаций инициировалась сверху и находилась под контролем[73]. Этот вывод в полной мере относится и к славянским организациям.

Исследование А.Б. Асташова посвящена анализу феномена деятельности многочисленных организаций гуманитарной направленности в России в годы Первой мировой войны. Автор пришел к выводу, что основная роль в оказании помощи населению, оказавшемуся в трудной жизненной ситуации в результате военных действий, принадлежала общественным организациям, сочетавшим элементы государственности (финансовая поддержка, предписание полномочий) и широкой инициативы. На примере активности Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов, финансируемых, в основном, государственными средствами, автор стремится доказать, что многим видам гуманитарной деятельности «союзы выступали на равных с военным ведомством, далеко превосходя работу официозного Красного Креста»[74]. С этим выводом А.Б. Асташова мы согласиться не можем, тем более, что О.В. Чистяков на основе

---

[72] *Шевченко С.И.* Старательство над српским избеглицама у Јелисаветграду у јесен 1916.године. // Зборник Матице Српске за историју. (65-66). – Нови Сад, 2002. С. 279-283; *Поповкин А.А*. Сербские школы в России в 1916-1918 гг.: опыт социальной работы в условиях Первой мировой войны, революции и Гражданской войны // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2018. № 28. С. 288-290.

[73] *Иванова Н.М*. Милосердие и благотворительность в годы Первой мировой войны 19141917 (на материалах Петрограда). Дисс. … канд. ист. наук. – СПб, 2002. С. 129-130, 134.

[74] *Асташов А.Б.* Гуманитарные организации в годы Первой мировой войны: проблемы эффективности и согласованности деятельности // Интернирование и депортации гражданского населения России и Германии в годы Первой мировой войны: политические, социальные и гуманитарные аспекты. Материалы международного круглого стола «Интернирование и депортации гражданского населения России и Германии в годы Первой мировой войны (1914-1917)» (17-18 октября 2019 г.) и Международного круглого стола «Гуманитарная помощь и гуманитарные организации России и Германии в годы Первой мировой войны» (20 октября 2020 г.). – М., 2020. С. 148-150, 167.

детального изучения исторических фактов убедительно доказал, что «РОКК в годы Первой мировой войны, вопреки устоявшемуся мнению, являлась самой мощной общественной организацией, внесшей наибольший вклад в дело оказания помощи пострадавшим»[75].

Оценить вклад России в решение гуманитарных проблем на Балканах в период военных действий невозможно без понимания общего контекста политических и экономических процессов, происходивших в Европе и воздействовавших на балканскую политику Российской империи. Отечественная историография на эту тему обширна, поэтому для анализа, в первую очередь, были взяты те работы, которые в той или иной степени повлияли на результаты данного исследования.

Геополитические проблемы, а также вопросы взаимоотношений власти и общества, идейная борьба по балканским вопросам и роль общественных сил в формировании внешнеполитического курса на Балканах освещаются в коллективных трудах, большинство из которых выпущено, начиная с 1950-х годов, Институтом славяноведения РАН[76].

К.В. Никифоров в монографии «Сербия на Балканах. XX в.» (2012) отметил, что Балканы стали частью общеевропейской международной системы в последней трети XVIII в. в связи с возникновением Восточного вопроса, а всего спустя столетие – интегральной частью Европы. Сложные взаимоотношения западных стран с Россией в связи с разрешением кризиса в Османской империи, по мнению автора, как правило, сводились к тому, что западные державы «”выдавливали” Россию с Балкан, пытаясь заменить российское влияние своим, ослабить связи между русским и местными народами. Можно сказать, что западные страны … чаще играли на Балканах достаточно агрессивную роль, хотя и обвиняли в этом Россию»[77].

---

[75] *Чистяков О.В*. Организационное устройство и деятельность Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны (1914-1918 гг.). Дисс. … канд. ист. наук. – М., 2009. С. 10.

[76] Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957; Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М.: Наука, 1972; «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Западной Европы. 1871-1918. М., 1977; Международные отношения на Балканах. 1856-1878 гг. – М., 1986; Балканские исследования (отдельные тома). –М.: 1970-1990-е годы; Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны в 1875-1878 годах. М., 2006; Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в. СПб.: Алетейя, 2011; Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912-1913). М., 2012; История Балкан, Судьбоносное двадцатилетие (1856-1878 гг.). [Сб. статей]. / отв. ред. К.В. Никифоров. – М., 2013; Императорский Дом Романовых и Балканы. Сб. статей. / отв. ред. В.Б. Каширина. М.: Институт славяноведения РАН, 2014; История Балкан. На переломе эпох (1879-1914 гг.). / отв. ред. К.В. Никифоров. – М., 2017; Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII – XXI вв. (Мифы и реальность. Сб. статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2019 и др.

[77] *Никифоров К.В*. Сербия на Балканах. XX в. – М.: Индрик, 2012. С. 13, 26-27.

В монографии «Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX в.» Я.В. Вишняков анализирует причины многочисленных локальных и общеевропейских столкновений, ставших к началу XX в. главным способом решения проблем. По его мнению, остроту ситуации добавлял новый тренд, обозначившийся в конце XIX в.: «европейским державам, слабеющей Османской империи и России теперь надо было учитывать политические интересы молодых балканских государств, при этом каждая из держав старалась втянуть их в сферу именно своих политических интересов, что приводило к обострению как межевропейских, так и межбалканских противоречий»[78]. Я.В. Вишняков подробно прослеживает, каким образом следующие один за другим балканские кризисы в конечном итоге привели к Первой мировой войне.

В своем исследовании Ар.А. Улунян проанализировал подходы российской бюрократии к проблемам взаимоотношений с балканскими государствами с точки зрения национальных интересов и безопасности. Значительное внимание в его работе уделяется оценке МИД политики основного соперника России на Балканах – Австро-Венгерской империи – среди балканских славян[79]. Автор отмечает, что в центре противоборства между Петербургом и Веной оказались Болгария и Румыния. В этой же работе затрагивается вопрос о причинах помощи балканским государствам в предвоенный период. Отметив, что в начале XX в. Балканы превращались для Российской империи в одно из важных внешнеполитических направлений, автор констатирует, что этот фактор влиял на формулирование конкретных внешнеполитических шагов[80]. И хотя Ар. А. Улунян не имел в виду гуманитарную помощь, нам представляется важным его вывод о неразрывной связи между интересами Российского государства и его деятельностью в Балканском регионе.

Исследование Л.Ю. Пахомовой посвящено боснийским проблемам в российской внешней политике 1878-1908 гг. Автор показывает, как российский МИД вынужден лавировать между европейскими, прежде всего австро-венгерскими, и собственными интересами в балканских вопросах, пытаясь путем переговоров (1897, 1908) изменить существующие после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. договоренности в отношении Боснии и Герцеговины и

---

[78] *Вишняков Я.В*. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX в. – М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 7, 10.

[79] *Улунян Ар.А*. Взгляд имперской России на Балканы (начало XX в) // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политический модернизации (последняя четверть XIX–начало XX в.). Сборник статей. – СПб.: Алетейя», 2008. С. 324.

[80] Там же. С. 318.

использовать боснийско-герцеговинский вопрос в качестве инструмента в русско-австрийских переговорах[81].

И.С. Рыбачонок также рассматривает Балканы как зону столкновения многочисленных и разнонаправленных интересов, влиявших на европейскую политику на рубеже XIX–XX вв. и учитывавшихся Петербургом при формировании своей политики на Балканах[82]. В работе нашлось место характеристикам российских отношений со многими странами региона – Болгарией, Грецией, Румынией, Сербией, Черногорией, а также соперничества молодых балканских государств за территории Македонии. Давая разностороннюю оценку российской политике на Балканах, И.С. Рыбачонок отмечает появление на рубеже веков баланса старых и новых методов, используемых в стратегии и тактике МИД. Из традиционных методов автор указывает на поддержку законных требований христианского населения перед Портой и переговоры с ней при разрешении конкретных вопросов, укрепление отношений с Австро-Венгрией (договор 1897 г.), а также опору на принцип невмешательства во внутриполитические дела каждого из балканских государств и стремление установить определенное равновесие между ними. Новые подходы были применены российским МИД в период македонского кризиса 1902-1903 гг., когда Петербург организовал коллективное воздействие на Порту держав, подписавших Берлинский трактат с целью добиться проведения административных реформ в подвластных туркам областях, населенных христианами. Автор уделяет внимание и методам гуманитарной политики: на Балканы отправлялись врачи и учителя; жертвовались значительные средства на православные христианские святыни, школы и т.д.[83].

Поиск новых методов внешнеполитического воздействия для России стал актуален после Парижского договора 1856 г., когда Россия утратила право единоличного покровительства турецким славянам. В своём исследовании К.В. Мельчакова отметила, что российский МИД стал использовать для решения части своих задач посредничество частной благотворительности, а альтернативой прямого русского влияния на балканские народы стала деятельность общественных организаций[84].

---

[81] *Пахомова Л.Ю.* Боснийский вопрос в российской внешней политике в 1878-1908 гг. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. С. 202.

[82] *Рыбачонок И.С.* Политика России на Балканах на рубеже XIX и XX веков: цели, задачи и методы // Труды института российской истории. Вып. 9. М., 2008, Тула: Гриф и К., 2010. С. 393.

[83] Там же. С. 394-397, 400.

[84] *Мельчакова К.В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856-1875 гг. М.: Индрик, 2019. С. 393-394; *Она же*. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1850-1870-е годы. Дисс. … канд. ист. наук. – М., 2015. С. 118, 128.

А.Ю. Тимофеев рассматривает деятельность русских консулов по защите православного населения в Старой Сербии и Македонии как традиционный компонент внешней политики царской России на Балканах. Автор отмечает особую роль русского консула в Призрене (1879-1886 гг.) И.С. Ястребова, взявшего под свое покровительство не только сербское, но и болгарское население и поддерживавшего главное сербское образовательное учреждение – Призренское богословское училище[85].

Среди факторов, влиявших на принятие решений в балканской политике Российской империи, в современной отечественной историографии отмечаются духовные начала: в основе представлений об общности России и балканских народов лежало Православие. По мнению В.Б. Каширина, «русская политика, дипломатия и стратегия на Балканах двести лет опиралась на исключительно благоприятные для России настроения христианских народов полуострова, на отмирающую под воздействием ряда факторов религиозную идеологию и психологию крестьянских масс на Балканах»[86]. Отмечая покровительственное отношение официального Петербурга к южнославянским народам[87], многие авторы указывают, что в его основе лежали не только прагматические расчёты, но и реальное желание улучшить положение балканского населения[88].

В.Н. Виноградов отмечал, что для России Балканы никогда не были просто соседом, а в ее балканской политике «всегда присутствовало духовное начало, солидарность с православным миром, принимавшая разные формы … В противовес доктрине статус-кво родилась программа образования на юго-западных рубежах империи цепи автономных христианских княжеств при отказе самодержавия от каких-либо территориальных захватов на Балканах»[89]. Об этом же писали А.Г. Задохин и А.Ю. Низовский[90]. Они отмечали, что во внутренней политике России солидарность с православным миром проявилась, среди прочего, в поддержке и распространении идей «славянской взаимности»[91].

---

[85] *Тимофеев А.Ю*. Крест, кинжал и книга: Старая Сербия в политике Белграда (1878-1912). – СПб., 2007. С. 77-78.

[86] *Каширин В.Б.* Русская военная разведка на Балканах накануне и в годы Первой мировой войны. 1913-1915. Дисс. … канд. ист. наук. – М. 2006. С. 433.

[87] *Улунян Ар. А*. Взгляд имперской России на Балканы (начало XX века) // Человек на Балканах… С. 324; *Задохин А.Г., Низовский А.Ю*. Пороховой погреб Европы. Балканские войны XX века. – М.: Вече, 2000. С. 7.

[88] *Мельчакова К.В*. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856-1875 гг. С. 394; *Мельникова Л.В*. Русская Православная церковь и войны российской империи в XIX в. Дисс… доктора ист. наук. М., 2020. С. 503-532; *Она же*. Русская Православная церковь и Русско-турецкая война 1877-1878 гг. – М., 2020 и др.

[89] *Виноградов В.Н*. Двуглавый российский орел на Балканах. 1683-1914. – М.: Индрик, 2010. С. 449-450.

[90] *Задохин А.Г., Низовский А.Ю*. Указ. соч. С. 7.

[91] В современной науке нет устоявшегося определения, что понимается под «славянской взаимностью». Это понятие, по мнению Г.В. Рокиной, по своей сути универсально и включает все исторические, языковые, культурные, идейные

Эволюция славянских идей на рубеже XIX–XX вв. вызывает значительный интерес исследователей: анализируются причины их изменений и политической неустойчивости. Без углубления в эти процессы невозможно понять трансформации и особенности практической деятельности славянских организаций.

В.Н. Кудряшов в одной из своих работ показывает, как идеи консолидации славянского мира постепенно превратили славянофильство в панславизм[92]. Если ранние славянофилы в национальных интересах требовали внутренних реформ, то с конца 1870-х годов их последователи переориентировались на внешнюю политику, «приоритетом которой должна была стать борьба за освобождение славянских народов и их консолидацию»[93]. Этот шаг славянофилов в сторону панславизма, по мнению автора, «объективно изменил роль государства в их планах и превратил его в главный инструмент создания общеславянского сообщества»[94].

А.А. Григорьева отмечает, что российский панславизм развивался волнообразно. Пик его популярности пришелся на период русско-турецкой войны 1877-1878 гг., затем последовали разочарование и падение интереса к славянской идее, возрождение которой началось в начале XX в., когда ее сторонники стали выступать за культурное, экономическое и политическое сотрудничество всех славянских народов на паритетных началах. Именно в этот период, по мнению автора, возрастает роль общественных организаций, прежде всего, Петербургского славянского благотворительного общества. Последний всплеск славянской объединительной идеи пришелся на Первую мировую войну[95].

Развитию в России неославизма посвятила ряд своих исследований З.С. Ненашева. Автор отмечает, что его программа была основана на буржуазно-демократических принципах и ориентирована на реализацию идеи славянской общности во всех сферах общественной жизни славянских народов – политике, экономике, культуре – на основе лозунгов свободы, равенства и братства. Причинами возникновения «нового славянского мировоззрения» З.С. Ненашева

связи славян, дающие им историческое право для оформления конкретных объединительных теорий и программ, союзов – региональных или этнических. В большинстве случаев, как свидетельствует история славянских народов, эта идея становилась в конкретных обстоятельствах основой для оформления панславистских доктрин. Термин «славянская взаимность» часто идентифицируют с понятием «панславизм» или рассматривают его как часть этого понятия. Подробнее см.: *Рокина Г.В.* Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX в. – Казань: Издательство Казанского университета, 2005. С. 11, 16.

[92] *Кудряшов В.Н.* Трансформация славянофильства в панславизм как смена концепции русского национализма // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 65-71.

[93] Там же. С. 69.

[94] Там же. С. 70.

[95] *Григорьева А.А*. Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX в.– начало XX в.). – Иркутск: Издательство «Аспринт», 2013. С. 158-159, 170-172.

считает изменения во внешней и внутренней политике России и Австро-Венгрии, демократические тенденции в России после революции 1905-1907 гг., а также кризис славянофильских идей. Автор подчеркивает неустойчивость неославизма: столкнувшись с проблемами (аннексия Боснии и Герцеговины 1909 г., съезд в Софии 1910 г.), он быстро сдал свои позиции[96].

Е.Г. Кострикова поддерживает тезис о том, что неославизм был попыткой выработать новые подходы к решению проблемы объединения славян в период глубинных изменений в системе международных отношений, где России, ослабленной русско-японской войной и революцией 1905-1907 гг., предстояло найти свое место[97]. Боснийский кризис 1908 г. на определенном временном отрезке продемонстрировал совпадение интересов Российской империи и балканских славян, в связи с чем активизировались старые и возникли новые общества поддержки славян. В их работе участвовали политики самых разных взглядов от националистов до либералов[98]. Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество Е.Г. Кострикова характеризует как наследников славянофилов и отмечает, что «их разносторонняя просветительская и благотворительная деятельность сыграла значительную роль в 1912-1913 гг.: в этот период им удалось выйти за рамки узкого круга единомышленников и оказать влияние на настроение общественного мнения в России»[99]. На примере изменений во взглядах российского общества в славянском вопросе, автор показывает, как шла постепенная подготовка общественного мнения к надвигающейся Первой мировой войне.

А.А. Григорьева защищает свою точку зрения, что разграничение панславизма и неославизма в современной науке неправомерно и доказывает преемственность славянофильского, панславистского и неославистского движений. Автор считает, что речь идет о расширении методов достижения той же цели: к культурному пространству добавляются проекты общеславянского экономического взаимодействия – Всеславянский банк, Всеславянский таможенный союз и т.д. Анализируя феномен панславизма, А.А. Григорьева обращает внимание на его внутренние противоречия и несовместимость с геополитическими реалиями[100].

---

[96] *Ненашева Зоя*. Братья славяне. Расцвет и увядание неославизма // Родина. 2006. № 4. С. 60, 63.

[97] *Кострикова Е.Г*. Русские политики, публицисты и общественные деятели о геополитических интересах России в начале XX в. // Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI – начало XX в.: к 100-летию академика А.А. Нарочницкого. – М.: Наука, 2008. С. 308, 319.

[98] Там же. С. 326.

[99] *Кострикова Е. Г*. Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. 1908-1914. – М.: Институт российской истории, 2007. С. 342.

[100] *Григорьева А.А*. Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX в.–начало XX в.). – Иркутск: Издательство «Аспринт», 2013. С. 177-178.

Связь между распространением славянофильских идей в обществе и начавшимися изменениями в подходах к планированию внешнеполитической деятельности в начале XX в. была проанализирована Е. Сергеевым и А. Улуняном. Исследователи пришли к выводу, что в военных кругах, имевших влияние на внешнюю политику, этно-конфессиональные элементы стратегического анализа, характерные для более раннего этапа, постепенно стали уступать место государственническим. По их мнению, «противоречие между доктриной общеславянской взаимности (нередко называвшейся ее сторонниками и противниками … «панславизм»[101]) и государственными интересами России со всей отчетливостью проявились к началу Балканских войн»[102]. Е. Сергеев и А. Улунян пришли к заключению, что «ориентированность на "общеславянское поле", в котором Россия была традиционно призвана занимать особое место в соответствии с исторически оформившейся и провозглашавшейся правящими кругами Российской империи концепцией общеславянской православной взаимности, в условиях Realpolitik[103] подверглась окончательной нивелировке. Национальные интересы империи объективно потребовали диверсификации подхода к различным элементам, составлявшим такое "поле"»[104].

Е.Г. Кострикова рассмотрела тесную связь славянского вопроса с геополитическими интересами России, союзниками которой в борьбе за расширение ее влияния на Ближнем Востоке стали славянские народы, борющиеся за национальное освобождение[105]. Значительное место в её работах занимает анализ путей решения славянского вопроса, предлагаемых представителями разных российских политических направлений и партий на фоне острых международных конфликтов 1908-1909 и 1912-1913 гг.[106]. Автор показывает, что всё, что происходило на Ближнем Востоке и Балканском полуострове чрезвычайно волновало русское общество,

---

[101] Устоявшегося определения в современной науке нет. Довольно часто панславизм отождествляется с идеей славянского единства. Можно с уверенностью говорить, что это не однородное явление, а система различных течений и направлений, иногда противоречащих друг другу, направленных на объединение славянства. Включает как культурный, так и политический компоненты.

[102] *Сергеев Е. Улунян А*. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900-1914. – М.: Реалити-Пресс, 2003. С. 378.

[103] Отказ от использования какой-либо идеологии в проведении государственного курса, прагматичный подход к решению проблем.

[104] *Сергеев Е. Улунян А*. Указ. соч. С. 384.

[105] *Кострикова Е. Г.* Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. 1908-1914. – М.: Институт российской истории, 2007. С. 340.

[106] *Она же*. Первая балканская война и российское общество // Вестник РУДН. Серия: история России. 2009. № 4. С. 104.

традиционно видевшее миссию России как освободительную. Поэтому активизировались уже имеющиеся и возникали новые славянские общества[107].

Пик российской гуманитарной помощи балканским народам пришелся на Балканские войны 1912-1913 гг. Опыт этих конфликтов привлек внимание политиков и военных сразу же после их окончания. Однако их изучали либо в контексте большой европейской политики, либо с точки зрения ведения локальных войн[108]. Гуманитарная помощь и роль в этом деле Российского государства и представителей различных общественных слоев оказалась вне рамок исследований. Большинство исследователей направили свои усилия на изучение дипломатической борьбы великих держав в начале XX в. за влияние на Балканах, торгам Антанты и Центральных держав с правительствами балканских государств по широкому кругу вопросов, в частности, территориальным.

Общие проблемы, связанные с подготовкой и ходом Балканских войн 1912-1913 гг., влиянием на их итоги позиций великих держав, а также с последствиями как для России, так и балканских государств, были проанализированы П.А. Искендеровым[109]. Вопросы о разногласиях и компромиссах между балканскими союзниками в период Балканских войн на фоне роста противоречий среди европейских государств, а также о влиянии на события России исследовали А.Е. Плеханов[110], П.В. Захаров[111], Ю.В. Лунева[112] и др.

В ряде работ были затронуты некоторые частные вопросы гуманитарной помощи России балканским народам.

В своих работах современный историк-балканист Н.С. Гусев констатирует, что российское общество откликнулось на вооруженное столкновение на Балканах в 1912-1913 гг.

---

[107] *Она же*. Геополитические интересы России и славянский вопрос: идейная борьба в российском обществе в начале XX в. – М.: Кучково поле, 2017. С. 230-231.

[108] *Томилин П.А*. Введение в историю Первой балканской войны. – Петроград, 1917; Дорошкевич А. Война на Балканском полуострове (от открытия военных действий до перемирия). – СПб, 1913 и др.

[109] *Искендеров П.А*. Балканские войны 1912-1913 гг. // В «пороховом погребе Европы». 1878-1914. – М.: Индрик, 2003. С. 476-507.

[110] *Плеханов А.Е*. Россия и балканские войны 1912-1913 гг. // Исторические, философские, политические, юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. В 2-х тт. – Тамбов. 2015. № 4 (54). Т. 2. С. 135-139.

[111] *Захаров П.В*. Англо-русские дипломатические отношения в период балканских войн. Дисс. … канд. ист. наук. – Рязань, 2002. С. 62-64.

[112] *Лунева Ю.В*. Борьба за черноморские проливы. Российские военные агенты и дипломаты в балканских войнах // Военно-исторический журнал. 2009. № 9. С. 13-17.

широкомасштабной гуманитарной помощью[113]. Однако, по мнению автора, в этот раз «центром проявления “славянских чувств“ стал Петербург. В Москве не наблюдалось такой активной поддержки славян, а в провинции интерес к ним был ещё меньшим»[114]. С последним тезисом мы согласиться не можем. Об этом свидетельствуют как источники[115], так и отдельные исследования[116], показывающие огромный энтузиазм провинциальных организаций и частных лиц, вылившийся в активном участии в сборах средств. В своих работах Н.С. Гусев использует множество фактических данных, основанных на работах публицистов, военных корреспондентов и воспоминаниях болгар-очевидцев, что дополняет картину русской благотворительной помощи в период Первой Балканской войны, в том числе, работе русского медицинского персонала. В итоге Н.С. Гусев приходит к выводу о том, что помощь, оказанная русским обществом в лице Красного Креста, была оценена по достоинству, способствовала росту авторитета России и складыванию положительного образа русского народа[117]. Вторая Балканская война, по оценкам Н.С. Гусева, вызвала сначала разочарование, а затем озлобление[118]. Данные о гуманитарной помощи в этот период автор не приводит.

Проблему взаимоотношений России и Румынии в период Второй Балканской войны затронул известный отечественный учёный-балканист В.Н. Виноградов. Он пришел к выводу, что, несмотря на постоянные колебания румынского правительства между двумя блоками европейских держав, российские дипломаты немало способствовали румынским интересам, однако, не в ущерб ее соседям, в первую очередь, Болгарии[119].

---

[113] *Гусев Н.С.* Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912-1913 гг. – М.: Индрик, 2020. С. 463.

[114] Там же. С. 20.

[115] См., например, Перечень пожертвований, поступивших в кассу ГУ // Вестник Российского общества Красного Креста. 1913. № 2. С. 436-438.

[116] *Соколова В.А.* Российское общество Красного Креста.1867-1918. Дисс. … канд. ист. наук. СПб., 2014. С. 253; Поповкин А. Славянская взаимопомощь от Невы до Дуная. // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. 31.10.2013 [Электронный ресурс]. Url.: https://ruskline.ru/analitika/2013/11/01/slavyanskaya_vzaimopomow_ot_nevy_do_dunaya/ (дата доступа: 01.10.2021) и др.

[117] *Гусев Н.С.* Помощь русского Красного Креста в Болгарии в восприятии болгарского общества // Историки-слависты МГУ: Кн.9.: В.А. Тесемников. Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова. – М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 77-94.

[118] Там же. С. 20.

[119] *Виноградов В.Н.* Румыния во Второй балканской войне // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время балканских войн (1912-1913): сборник статей. – М., 2012. С. 357.

Особенности русской гуманитарной помощи в период Первой мировой войны невозможно понять без изучения общих вопросов, связанных со взаимоотношениями союзников внутри Антанты и их оценкой балканского театра военных действий.

По мнению большинства авторов, в годы Первой мировой войны английское и французское руководство недооценивали балканский театр военных действий, решали собственные задачи и не желали подчинять свои действия общим стратегическим целям Антанты. Одним из первых в отечественной историографии таким образом поставил вопрос В.А. Емец. Он рассматривал проблему военно-политической борьбы России за Балканы в Первой мировой войне через призму взаимоотношений России с ее западными союзниками по лагерю Антанты[120]. Главной причиной неудач русской политики на Балканах в 1915-1916 гг. учёный считал соперничество России, Англии и Франции. Однако, этот вывод требовал своего развития.

М.К. Чиняков, изучая положение русских войск во Франции, также пришел к выводу, что межсоюзнические отношения России и Антанты (в лице Франции) в конце 1915–начале 1916 гг. находились в стадии подчиненности российских интересов французским. Для нас представляется важным тезис исследователя о том, что в вопросах внешней политики Франция желала контролировать действия России, так как ей не была нужна сильная и самостоятельная соперница[121]. Кроме того, ряд авторов отмечает, что в начале XX в. основным кредитором России и балканских стран был французский капитал[122], что не могло не сказаться на государственных взаимоотношениях.

Деятельности ещё одного соперника России в балканской политике начала XX в., – США посвятила свое исследование Н.В. Жуковская. Проанализировав предпосылки вмешательства США в балканские дела в первой четверти XX в., рассмотрев его формы и последствия для самих США и балканских государств, автор делает вывод, что к началу 1918 г. балканские проблемы оказались в числе наиболее важных вопросов американской дипломатии[123].

Помощи населению, пострадавшему от военных действий в период Первой мировой войны, посвящено несколько исследований: с конца 1980-х годов защищались диссертации, издавались

---

[120] *Емец В.А*. Позиция России и ее союзников в вопросе о помощи Сербии осенью 1915 г. // Исторические записки. Т. 75. 1965. С. 122-146.

[121] *Чиняков М.К*. Русские войска во Франции в годы Первой мировой войны (1916-1918): формирование, командный состав, участие в боевых действиях, военный быт. Дисс. … канд. ист. наук. – М., 2006. С. 129, 158.

[122] *Жогов П.В*. Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая балканская война 1912-1913 гг. – М.: Наука, 1969. С. 19-20; *Рыбачонок И.С*. Политика России на Балканах на рубеже XIX и XX веков: цели, задачи и методы // Труды института российской истории. Вып. 9. – М., 2008, Тула: Гриф и К., 2010. С. 399.

[123] *Жуковская Н.В*. Балканский вопрос во внешней политике США в первой четверти XX в. Дисс. … канд. ист. наук. – Воронеж, 2002. С. 130.

сборники статей и монографии[124], отражающие современный подход к проблемам. Из них следует выделить коллективный труд «За балканскими фронтами Первой мировой войны», в котором всесторонне исследована балканская политика России и других европейских держав в тот период. Для нас это издание интересно ещё и тем, что содержит довольно редкое упоминание о русской помощи сербским беженцам в конце 1915-начале 1916 гг.

С учетом того, что основными союзниками России на Балканах в период Первой мировой войны были Сербия и Черногория, именно эти страны оказались в фокусе исследователей. Работ, где бы упоминалась российская помощь Румынии, присоединившейся к Антанте в 1916 г., нет.

Крупнейшим специалистом в области российско-сербских отношений в годы Первой мировой войны был академик Ю.А. Писарев (1916-1993)[125]. В монографии «Сербия и Черногория в Первой мировой войне» (1968) один из разделов был посвящен помощи российской общественности Сербии и Черногории. Здесь же имеются сведения о гуманитарной помощи союзников, а также Красного Креста США и стран Латинской Америки[126]. Хотя главное внимание Ю.А. Писарев уделял дипломатическим и военным связям, однако, он привел данные о помощи Сербии со стороны России в области медицины и просвещения, которая осуществлялась, по его утверждению, главным образом, Петербургским Славянским благотворительным обществом. С этим тезисом мы можем согласиться лишь отчасти. Современные исследования и многочисленные документы свидетельствуют, что большую часть средств привлекал Красный Крест, и нагрузка на него увеличивалась по мере продолжения военных действий. Ю.А. Писарев пишет о санитарных отрядах Я.И. Чаброва, Н.И. Сычева, Н.К. Киселева и др.[127]. Академик Ю.А. Писарев первым в отечественной историографии обозначил тему помощи сербским беженцам, военнопленным и населению оккупированных областей. Особое внимание им было уделено деятельности Экспедиции особого назначения (ЭОН) по

---

[124] Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. – М., 1994; Первая мировая война – пролог XX века. – М.: 1998; *Иванова Н.М*. Милосердие и благотворительность в годы Первой мировой войны 1914-1917 гг. (на материалах Петрограда). Дисс. … канд. ист. наук. – Спб, 2002; Последняя война Российской империи. Россия. Мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: Материалы Международной научной конференции. Москва, 7-8 сентября 2004. – М.: Наука, 2004; *Болтаевский А.А*. Русские войска на Салоникском фронте (1916-1918). Автореф. … канд. ист. наук. – М., 2009; Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории. – М.: Институт славяноведения, 2015 и др.

[125] *Писарев Ю.А*. Образование югославянского государства. – М., 1975; *Он же.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. – М., 1984; *Он же.* Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914-1915 гг., – М., 1990; *Он же*. Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916. – М, 1993 и др.

[126] *Писарев Ю.А*. Сербия и Черногория в Первой мировой войне. – М.: Наука, 1968. С. 129-130.

[127] *Писарев Ю.А*. Сербия на Голгофе и политика великий держав. 1916. – М, 1993. С. 64-65.

призрению сербских беженцев в Румынии, возможной благодаря поддержке многочисленных славянских обществ, земств, широкой общественности[128].

Если тема помощи сербским беженцам в Румынии ЭОН нашла свое продолжение отечественной историографии[129], то сюжеты, связанные с помощью военнопленным и населению оккупированных областей, получили развитие только в последнее десятилетие.

Значительное внимание военным, военно-санитарным и военно-логистическим направлениям деятельности России в Сербии уделили А.Ю. Тимофеев, Г. Милорадович и Я.В. Вишняков[130]. Авторы проанализировали политическую, экономическую, этно-конфессиональную и социальную ситуацию в Сербии накануне и в период Первой мировой войны, а также затронули проблему военнопленных – подданных Австро-Венгрии и вопрос о Сербском добровольческом корпусе в России (1916-1917 гг.).

Различные аспекты гуманитарной помощи балканским народам затрагивались в работах отечественных учёных. Я.В. Вишняков пришел к выводу о том, что русская помощь сыграла ключевую роль в военных победах сербской армии над австрийцами в декабре 1914 г. и подготовке мощного ответного удара, а также привел факты о деятельности русских санитарных отрядов и Комитета помощи сербам и черногорцам при российской миссии в Нише[131]. Основные направления деятельности РОКК на Балканах нашли отражение в работах О.В. Чистякова[132].

О.В. Соколовская в своих исследованиях неоднократно показывала, как союзники России по Антанте не только использовали, но и искусственно создавали гуманитарные проблемы и дестабилизировали обстановку для давления на греческое правительство, вынуждая его принимать решения в своих интересах[133].

---

[128] Там же. С. 82-84.

[129] *Васильев Д.Д., Длужневская Г.В., Малевинская М.Е*. Православные святыни Балкан. – СПб., 2004. С. 105-106; *Тюриков С.В*. Экспедиция особого назначения на Дунае // Гангут. 2014. № 79. С. 25-49; Там же. № 80. С. 53-70; *Он же*. Экспедиция особого назначения на Дунае по оказанию помощи Сербии в 1914-1915 гг. – СПб.: Галея-принт, 2015 и др.

[130] *Тимофеев А.Ю., Милорадович Г., Вишняков Я.В*. Битва двуглавых орлов. Очерки по истории русско-сербских отношений в годы Первой мировой войны. –М.: РИСИ, 2016.

[131] *Вишняков Я.В*. Русская военная и гуманитарная помощь Сербии 1914-1915 гг. // Tematski zbornik radova međunarodnog značaja Socialna politika u Srbiji na raskršću vekova. – Београд, 2019. С. 183-189.

[132] *Чистяков О.В*. Добровольцы медицинского фронта: Российское общество Красного Креста в Сербии // Стратегия России. 2012. № 1 (97). С. 29-32; *Чистјаков О.В*. Деланост руског друштва Црвеног Крста у Србији током Првог Светског рата // Први Светски рат и балкански извор. Зборник радова. – Београд, 2014. С. 641-646.

[133] *Соколовская О.В*. Греция в годы Первой мировой войны. – М.: Наука, 1990. С. 106-107; *Она же*. Большие амбиции маленькой Греции в Первой мировой войне // Славяноведение. 2014. № 4. С. 15-26.

Деятельность иностранных миссий Красного Креста нашла свое отражение в зарубежной научной литературе. На примере сербской историографии видно, что до недавнего времени тема русской гуманитарной помощи Сербии была довольно редким сюжетом.

В 1930-е годы в Сербии вышло издание «Српкиње у служби отаџбини и народу за време балканских ратова 1912 и 1913 г. као за време светског рата од 1914 - 1920.», в котором упоминается Общество Святой Елены, образованное в 1912 г. по инициативе белградских женщин с целью презрения военных сирот[134]. При этом авторами не указывается, что одним из вдохновителей этой организации была А.П. Гартвиг, жена российского посланника в Сербии, а приют находился под патронажем княгини Елены Петровны, дочери короля Петра Карагеоргиевича. В этом же издании говорится, что с началом Первой мировой войны это учреждение было переведено под Ниш, где функционировало до начала болгарской оккупации. Последний факт подтверждается также российскими источниками. Однако в сербской литературе не упоминается, что приют в тот период находился под патронажем супруги следующего российского посланника – княгини М.К. Трубецкой и на русские деньги содержался до октября 1915 г. Таким образом, тактика «замалчивания» отдельных фактов постепенно «стирает» их из памяти.

Такой же прием применялся во время идеологического противостояния с большевистской (а затем советской) Россией, ставшего поводом для сокрытия масштабов деятельности русских санитарных миссий и отдельных добровольцев. В этой связи следует отметить сборник «История сербской военно-санитарной службы. Наш военный медицинский опыт» (1925), собранный и изданный подполковником медицинской службы Влад. Станоевичем. Этот объемный труд состоит из статей сербских военных врачей, принимавших участие в Балканских и Первой мировой войне, содержит материал о деятельности иностранных санитарных миссий, однако, в основном, английских и шотландских. Работа русского медицинского персонала, в угоду политической конъюнктуре, была оценена крайне негативно: отдельные недостатки выдавались за серьезные просчёты. В 1992 г., был издан репринт данного издания[135], где историком Мирославом Йовановичем было впервые опубликовано частное письмо (1926) русского врача С.К. Софотерова и сделаны подстрочные комментарии о масштабной деятельности русских санитарных миссий и общественных деятелей в Балканские и Первую мировую войнах, что стимулировало дальнейшие исследования в этой области.

---

[134] Српкиње у служби отаџбини и народу за време балканских ратова 1912 и 1913г. као за време светског рата од 1914-1920. – Београд: издање југословенске женске секције ФИДАКА, 1933. С. 20-21

[135] *Станојевић В.* Историја српског војног санитета. Наше ратно санитетско искусство. Друго издање. – Београд: Војноиздавачки и новински центар, 1992.

Зарубежная научная литература о русской гуманитарной и благотворительной помощи балканским странам до Первой мировой войны крайне немногочисленна. Упоминания о ней фрагментарны и связаны с другими сюжетами. Как и в отечественной историографии, речь идет, в основном, о санитарных отрядах и влиянии российского общественного мнения на рост пожертвований в пользу пострадавшего от военных действий сербского народа.

Так, Алексей Елачич, в очерке, посвященном политическим и культурным связям России и балканских земель, отметил, что «общественное мнение в России было очень благосклонно к союзникам. Прибывали добровольцы, в основном, врачи и миссии Красного Креста; сбор средств в пользу раненых и больных сербов и болгар шел весьма успешно»[136].

Одним из немногих трудов по теме русской гуманитарной помощи сербам в конце XIX–начале XX вв. является небольшая работа А. Недока «Русская медицинская помощь Сербии в ее освободительных и оборонительных войнах XIX–начала XX в. (1804-1917)»[137]. Обосновывая необходимость иностранной медицинской помощи в период сербо-турецкой войны 1876 г., автор приводит данные об отсутствии достаточного количества квалифицированного медицинского персонала, недостатке санитарных материалов, госпитального оборудования и серьезных проблемах с транспортировкой раненых[138]. А. Недок отмечает, что русские отряды приехали со своим санитарным материалом и инструментами, а их деятельность проходила под контролем уполномоченного Красного Креста В.Н. Токарева. Оценивая работу русских гуманитарных миссий, автор пишет о том, что «русская помощь была велика не только по количеству, но и по качеству, материальному снабжению и профессионализму»[139]. А. Недок рассматривает также вопрос о русской помощи в период Балканских и Первой мировой войн. Впервые в исторической литературе упоминается «холерная миссия» (1913) княгини С.А. Долгорукой, а также перечисляются русские врачи-добровольцы, сведения о которых в российской историографии отсутствуют[140]. Тему русской гуманитарной помощи в начале XX в. автор развил и в других своих работах. В монографии «Балканские войны 1912-1913.: деятельность сербской военно-

---

[136] *Јелачић А*. Русија и Балкан. Преглед политичких и културних веза Русије и балканских земаља. – Београд, 1940. С. 102.

[137] *Nedok Aleksandar*. Ruska sanitetska pomoć Srbiji u njenim oslobodilačkim i odbrambenim ratovima XIX i ranog XX veka (1804-1917) // Vojnosanitetski pregled (Веопкфв). 2009. № 66 (7). S. 587-596.

[138] Ibidem. P. 588.

[139] Ibidem. P. 589-590.

[140] Ibidem. P. 592-593.

санитарной службы», нашла отражение работа иностранных миссий и специалистов, в том числе русских, прибывших как под флагом Красного Креста, так и в частном порядке[141].

Современный сербский исследователь Славенко Терзич дал оценку российской политике на Балканах к началу освободительной войны против Османской империи, а также уделил внимание краснокрестной помощи в 1912-1913 гг., сборам средств в помощь раненым и больным воинам и организации многочисленных лекций с целью информирования о ситуации на Балканах[142].

Мирьяна Зорич и Небойша Станкович в «Истории сербской медицинской службы» привели данные о том, что в 1912 г. в Сербии работало не менее 16 иностранных санитарных миссий, а в 1913 г. – 21. При этом из 16 миссий (около 100 врачей) семь были русскими (32 врача, 57 сестёр милосердия, 89 санитаров), три – швейцарскими, а остальные представляли бельгийский, итальянский, британский, австрийский, чешский, немецкий и французский Красный Крест. Без учета русской и французской миссий, совокупно в их составе было 34 врача, 36 сестёр милосердия и шесть санитаров. Кроме того отмечается, что миссия Русского Красного Креста была самой многочисленной и была лучше экипирована. Из 21 миссии в 1913 г. по три прислали бельгийский, датский и шведский Красный Крест, две – русский и по одной британский и шотландский (60 врачей, 70 сестёр милосердия и 60 санитаров)[143].

Гораздо полнее в сербской историографии представлена иностранная гуманитарная помощь в период Первой мировой войны. До недавнего времени основное внимание уделялось английским, американским, австралийским, французским, голландским миссиям[144].

Сравнение американской и русской медицинской помощи в Сербии в 1914-1915 гг. дается в книге американского журналиста Пола Фортье Джонса (Paul Fortier Jones) «With Serbia into Exile: En American's Advenures With the Army That Cannot Die», впервые опубликованной в 1916 г. Проанализировав собранные им свидетельства очевидцев, автор пришел к выводу, что тезис о том, что «Америка спасла Сербию» не отвечает действительности: «Англичане и французы,

---

[141] *Недок Александар*. Балкански ратови 1912-1913.: рад српског војног санитета.–Београд: Медија центар «Одбрана», 2012. С. 65-66, 69.

[142] *Терзич Славенко*. Россия и первая балканская война. Слово. ру: Балтийский акцент. 2014. № 3-4. С. 95-104. CyberЛенинка [Электронный ресурс]. Url.: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-pervaya-balkanskaya-voyna (дата обращения: 15.06.2021). С. 100.

[143] *Зорић Мирјана, Станковић Небојша*. Историја Српског Санитета. – Београд, 2015. С. 113-114.

[144] Najveći dobrotvori Srbije u Ratu (Serbian Relief Fund) // Нова Европа. 1925. № 16. С. 492-495; *Krippner Monica*. The Guality of Mercy. Women at War. Serbia 1915-1918. – London, 1980; *Остојић-Фејић Убавка*. Америчка хуманитарна деланост у Србији током Првог Светског рата. // Историјски часопис. Књ. XXXIX. 1992. С. 199-202; *Petkovic Nataša*. Britanci o Srbiji 1900. do 1920. – Beograd, 1996; *Вуковић Жарко, Антић Вукашин*. Жене аустралије са српском војском на Солунском фронту // Српски војни санитет у 1916. године. – Белоград, 2007. С. 93-98 и др.

безусловно, внесли свой вклад в помощь Сербии, но русские, оказавшись первыми на этой земле, были единственной, насколько мне известно, нацией, имевшей действительно большой персонал для работы в разгар эпидемии тифа»[145]. Ссылаясь на отчеты американских миссий и документы Красного Креста, Фортье Джонс пишет о том, что американцы прибыли в Сербию, когда эпидемия уже началась, в то время как русские там уже были. Автор приводит следующие данные: «В сентябре 1914 г. Россия посылает из Салоник двух докторов, двух санитарных инспекторов и пять сестёр милосердия. В октябре 1914 г. в Белград из Америки прибывают три врача и двенадцать сестёр милосердия. К 1 ноября 1914 г. русские имеют четыре врача, 10 сестёр милосердия и двух санитарных инспекторов, тогда как Америка по-прежнему имеет трех докторов и 12 сестёр милосердия. К 15 января 1915 г., когда эпидемия была в самом разгаре, у американцев было семь врачей и 24 сестры милосердия, в то время как русские командировали 10 докторов, 110 сестёр милосердия и санитаров с оборудованием и материалами на 250 000 долларов. Кроме того, русские строили многочисленные госпитальные бараки, тогда как американцы использовали уже готовые строения, меблированные сербским правительством»[146]. Далее Ф. Джонс подчеркнул, что потребности в медицинской помощи в Сербии были так велики, что ни одна из иностранных миссий не была способна их удовлетворить. Все они столкнулись с чудовищными рисками и проявили себя с наилучшей стороны[147].

Примером исследования, посвященного американской помощи больным и раненым воинам, а также населению Сербии является небольшая работа Мабел Груич (1872-1956), жены товарища министра иностранных дел Сербии, американской гражданки. Она неоднократно представляла в Америке Сербский Красный Крест, Коло Србских Сестара и другие общественные организации. Обязанностью госпожи Груич было информирование американской общественности о трудностях югославянских народов и их потребностях в гуманитарной помощи. Среди покровителей сербского народа она назвала Вудро Вильсона, Теодора Рузвельта, Франклина Рузвельта, а также указала на роль специального представителя американского президента полковника Э. Хауса[148]. Мабел Груич отметила не только санитарную и эпидемиологическую помощь Сербии в 1915 г., но и работу американцев среди оккупированного сербского населения. Она свидетельствовала, что американцы посылали больничные материалы, амбулаторные

---

[145] *Jones Fortier*. With Serbia into Exile: En American's Advenures With the Army That Cannot Die. – NY: Cornell University Library, 2009. [Электронный ресурс].
Url.: https://archive.org/stream/withserbiaintoex00jone/withserbiaintoex00jone_djvu.txt (дата обращения: 8 сентября 2021). P. 82.

[146] Ibidem. P. 83.

[147] Ibidem.

[148] *Грујић Мабел*. Кратак преглед о улози Америке у Светском рату у вези са нашом земљом. б/м, 1934. С. 3.

автомобили, канцелярские принадлежности для учеников-сербов из семей беженцев, оказывали помощь в австрийских и болгарских лагерях военнопленных. Тысячи посылок с туалетными принадлежностями были отправлены на Солунский фронт сербским воинам, а также в обслуживающие их госпитали[149].

Систематические упоминания о деятельности иностранного медицинского персонала в сербских изданиях появляются с конца 1980-х годов. Так, в издании, посвященном 110-й годовщине военного госпиталя г. Ниша, имеются сведения о сербских, русских и французских сёстрах милосердия, которые работали в годы Первой мировой войны[150]. В издании, посвященном 125-летию этой же больницы, появляется свидетельство об Американской миссии, которой перед отступлением было передано 1 300 раненых, а также о том, что после расформирования больницы на острове Видо её раненые были переданы французскому госпиталю[151]. Другие иностранные миссии не упоминаются.

Этот пробел был ликвидирован в конце 1990-х гг., когда вышла «Энциклопедия Ниша: здравоохранение, защита детей и социальная защита». Один из разделов этого коллективного труда был посвящён деятельности иностранных санитарных миссий в Нише в годы Первой мировой войны[152]. В нём отмечалось, что наибольшая помощь в людях и санитарных материалах прибыла из России. В этом же издании приведены сроки прибытия некоторых иностранных отрядов для борьбы с эпидемиями[153].

Объяснение причин редкого обращения сербских авторов к теме русской гуманитарной помощи Сербии в период Первой мировой войны можно найти в работе Жарко Вуковича «Союзнические медицинские миссии в Сербии. Не забудем». Это издание представляет собой собранную автором подборку ряда публикаций об иностранных миссиях в Сербии с краткими комментариями составителя. Раздел, посвященный русской помощи, он озаглавил «Россия спасла Сербию», а в первом же предложении написал: «Название этой части книги о помощи, которую Россия предоставила Сербии и сербскому народу за время тяжелых дней эпидемии тифа 1915 г. не было взято из документов – для этого заголовка нет соответствующих материалов из русских источников – их не было никаких»[154]. Далее автор отмечает, что он не располагает не только архивными документами, но и свидетельствами очевидцев, за исключением небольшой

---

[149] Там же. С. 6-7, 12-13.

[150] 110–godisnjica vojne bolnice u Nišu (1878-1988). – Niš: GRO PROSVETA, 1988. С. 53.

[151] 125 година Војне болнице у Нишу. – Ниш: Војна болница, 2004. С. 48.

[152] Енциклопедија Ниша: здравство, дечја заштита, социаљна заштита. Прво издање. – Ниш: Војна болница, 1996. С. 170-171.

[153] Там же. С. 227.

[154] *Вуковић Жарко*. Савезническе медицинске мисије у Србији. Да не заборавимо. – Београд, 2000. С. 98.

работы доктора Н.И. Сычева «Сербская армия в Европейской войне» (1928), и привел краткие сведения о русских лечебных учреждениях в Сербии и Черногории, упоминания о которых он нашел в сербской периодике[155].

Примечательно, что и в Русском Зарубежье не было полной картины российской помощи Сербии. В качестве примера можно привести работу Вл. Маевского, посвятившего один из разделов своей монографии российской помощи Сербии в годы Первой мировой войны: «Многие … вообще не знают, в чем заключалась помощь не только моральная, но и материальная, оказанная Россией в то время Сербии. Мы не имеем в виду той братской жертвы, которую Россия принесла Сербии в миллионах лучших своих сынов, проливших свою кровь и сложивших кости на всех полях сражений; мы хотим напомнить о материальной и боевой помощи России, которую она оказала Сербии на ее же территории»[156]. Автор упоминает о деятельности Экспедиции особого назначения (ЭОН) и Русско-Дунайского пароходства. Основное внимание Вл. Маевский, в соответствии с заявленной целью, уделил материальной помощи оружием, боеприпасами, обмундированием, предметами первой необходимости. Деятельность русских санитарных отрядов на территории Сербии и на Салоникской фронте отражение в этой работе не нашла, что, вероятнее всего, было связано с оторванностью от источниковой базы.

Теме иностранных добровольцев в Сербии в 1914 г. посвящено исследование Джорджа Дж. Станковича, основанное на сербских архивных данных. Автор анализирует политику сербского правительства по отношению к добровольцам из союзных и нейтральных стран, профессии которых были необходимы в сербской армии, в том числе врачей. Дж. Станкович приходит к выводу, что количество добровольцев было ограничено материальными, денежными и политическими средствами[157]. Деятельность санитарных миссий автором не исследовалась.

Русским добровольцам-медикам и активности РОКК в 1914-1915 гг. в Сербии посвятил одну из своих работ сербский историк Небойша Озимич. Оценивая ситуацию с медицинской помощью армии в Сербии в начальный период войны, автор констатирует, что Сербский Красный Крест столкнулся с серьезными трудностями, не было ни материальных ресурсов, ни кадрового резерва. Сербское общество Красного Креста было вынуждено обращаться в национальные Красные Кресты напрямую[158]. Отклик был получен из Греции, США, Великобритании, Японии, Турции и России. При этом автор отмечает, что наибольшая помощь была получена из России.

---

[155] Там же. С. 98-99.

[156] *Маевский Вл*. Взаимоотношения России и Сербии. Т.1. – Нью-Йорк: Издание исторического кружка. 1960. С. 420.

[157] *Станковић Џорџе Дж*. Страни добровољци у рату Србије 1914. године // Војноисторијски гласник (Београд). 1973. № 1. С. 117 – 132.

[158] *Озимић Небојша*. Улога Црвеног Крста и хуманитарних медицинских мисија на почетку Првог светског рата // Ниш ратна престоница Србије. 1914-1915. – Ниш: Народни музеј Ниша, 2014. С. 157.

Н. Озимич дает развернутую картину деятельности русских санитарных миссий в Нише, а также уделяет внимание русским медикам-добровольцам, прибывшим в страну по приглашению сербского правительства[159].

Монография британского исследователя Моники Криппнер «Качество милосердия. Женщины на войне. Сербия 1915-1918» содержит объемные сведения о деятельности английских и американских санитарных миссий в Сербии в 1915-1918 гг. Значительное внимание в работе уделено борьбе с эпидемиями, в частности, указывается роль леди Пэджет и Релиф-фонда. Автор анализирует эпидемиологическую ситуацию в Вальево, Крагуеваце, Скопье и других городах, где работали преимущественно британцы, дает характеристики отдельным санитарным миссиям и персоналиям, приводит данные об их деятельности, а также описывает сотрудничество с сербскими властями и Сербским Красным Крестом по локализации эпидемий[160]. Рассказывая о деятельности британцев в Крагуеваце, М. Криппнер пишет, что, кроме английских медицинских учреждений, там находились большой русский госпиталь, два американских и большая французская медицинская миссия[161]. Этот эпизод – единственный случай, когда в данном издании упоминается русское медицинское учреждение. Для нас работа Криппнер ценна тем, что позволяет оценить объемы русской помощи в борьбе с эпидемиями по сравнению с британской.

Сербский академик Никола Б. Попович в течение многих лет исследовал тему российско-сербских отношений в годы Первой мировой войны[162]. В монографии «Сербия и царская Россия», выдержавшей несколько изданий, теме русской гуманитарной помощи Сербии было уделено значительное внимание, в том числе сделана попытка оценить объемы русской помощи в первые дни войны. Именно Никола Б. Попович поставил проблему соотношения объемов помощи и результатов. Обобщив обширный фактический материал, автор подчеркнул, что из-за недостатка источников ему не удалось установить результат работы русских санитарных миссий в этот период[163]. В своих более поздних трудах, отметив, что русские миссии разделили тяготы отступления с сербской армией, а затем продолжили свою работу в госпиталях на Корфу и в Салониках, исследователь констатировал, что ему неизвестно, до какого времени

---

[159] Там же. С. 159-167.

[160] *Krippner Monica*. The quality of Mercy. Women at War. Serbia 1915-1918. – London, 1980. P. 49-81.

[161] Ibidem. P. 91.

[162] *Попович Никола Б.* Русская гуманитарная помощь Сербии в период Первой мировой войны // Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: Материалы Международной научной конференции. Москва, 7-8 сентября 2004 г. – М: Наука, 2006. С. 187-189.

[163] *Поповић Никола Б.* Србија и царска Русија. – Београд: Новинско-издавачка установа, Службени лист СРЈ,1984. С. 142.

функционировали эти больницы[164]. Ещё одна проблема, которую он поставил – это окончание сроков помощи российской общественности Сербии. Никола Б. Попович полагает, что это произошло в начале 1916 г. и связывает это с тем, что исчезла целесообразность: сербская армия была разгромлена, ее остатки были переправлены на Корфу[165]. Автор делает акцент на том, что невозможно утверждать, насколько эффективна была помощь различных российских обществ, из-за отсутствия необходимых источников[166].

В последние полтора десятилетия в сербской историографии усилиями членов военно-исторической секции Сербского общества врачей Сербской Академии наук и искусств изучение темы русской гуманитарной помощи сербской армии и народу был сделан прорыв, она стала привлекать внимание исследователей всё чаще. Однако, основное внимание уделяется российской медицинской помощи и деятельности отдельных санитарных отрядов.

В качестве примера можно привести работу А. Недока и Б. Поповича «Сербская военно-санитарная служба. 1914-1915 гг.»[167], в которой содержится материал об английских, американских, французских, русских, голландских и других миссиях. Раздел «Россия спасла Сербию» начинается словами: «Немногие знают, что помощь России Сербии в начале Великой войны была исключительно важна и значительна. Поэтому можно сказать, что Россия спасла Сербию». Для доказательства этого тезиса авторы приводят документальный материал о деятельности русских санитарных отрядов в 1914-1915 гг. и Комитета помощи Сербии и Черногории при российской миссии. Есть также упоминания о вдове посланника А.П. Гартвиг, о супруге посланника княгине М.К. Трубецкой и враче С.К. Софотерове, как о людях, которые особенно отличились в делах милосердия. Касаясь темы борьбы с эпидемиями, авторы отметили, что «организация здравоохранения в Нише была в руках русских гуманитарных миссий»[168].

Сборник «Сербская военно-санитарная служба в 1916 г.» посвящен различным аспектам её деятельности на Салоникском фронте[169]. В нём опубликована работа Александра Недока о реорганизации и формировании нового устройства сербской медицинской службы в 1916 г. и образование, в его рамках, сербско-русской больницы. Автор отмечает, что сербы были разочарованы тем, что их военно-санитарная служба была подчинена французской и практически лишена самостоятельности, поэтому их усилия были направлены на возвращение прежнего

---

[164] *Попович Никола Б.* Русская гуманитарная помощь Сербии в период Первой мировой войны. С.189.

[165] *Поповић Никола*. Србија и царска Русија. С. 129-130.

[166] Там же. С. 144.

[167] *Недок А., Поповић Б.* Српски војни санитет 1914-1915. године. – Београд: Министарство одбране Републике Србије, Управа за војно здравство: Академија медицинских наука Српског лекарског друштва, 2010.

[168] Там же. С. 272-276.

[169] Српски војни санитет у 1916. години / Недок А., Димитриевич Б. – Београд: Филип Вишнић, 2007.

статуса. В этот период объем русской помощи был значительно сокращен: из 33 больниц, обслуживавших Салоникский фронт, только три были русскими[170]. Данные об их деятельности отсутствуют. Этот пробел был восполнен исследователем в соавторстве с Бранославом Поповичем и Велько Тодоровичем в монографии «Сербская военно-санитарная служба в Первой мировой войне»[171].

Подробные данные о деятельности русских медицинских миссий в Сербии в 1914-1915 гг. содержатся в исследовании Славицы Попович-Филиппович (Австралия)[172], в том числе, о русских добровольцах-медиках, прибывших в Сербию в начале Первой мировой войны стараниями посланника Мирослава Спалайковича (пять групп в августе – октябре выехали из России)[173]. У этого же автора есть интересная работа, посвященная гуманитарной деятельности жены (а затем вдовы) одного из российских посланников в Белграде – Александре Павловне Гартвиг – в период Балканских и Первой мировой войн[174].

Однако следует отметить, что изучение проблем гуманитарной помощи историками медицины накладывает определенный отпечаток на результат. В более широком смысле гуманитарная помощь России Сербии практически не рассматривается.

В 2014 г. к 100-летию Первой мировой войны вышла работа Миры Радоевич и Любодрага Димича «Сербия в Великой войне. 1914-1918. Краткая история», в которой также затрагиваются вопросы медицинской помощи союзников. Авторы отмечают, что «в борьбе с эпидемиями помогли союзнические миссии во главе с Великобританией, которые послали врачебный штат и необходимый материал. … Наибольшая помощь санитарными материалами, медицинским оборудованием и специалистами пришла из Великобритании, Франции и России», при этом подчеркивается, что «в борьбе против тифа наибольшее значение имели британские сёстры милосердия»[175]. В пример приводится миссия леди Пэджет. Несколько строк посвящено известным английским сёстрам милосердия. Но нет ни слова о том, что сделали русские, которым

---

[170] *Недок Александар*. Реорганизација војног санитета 1916. године // Српски војни санитет у 1916. години. С. 18-20.

[171] Там же. С. 351-352.

[172] *Поповић-Филипповић Славица*. Руске медицинске мисије у Србији и Нишу током Првог Светског рата // Србија у књижевности в Првом Светском рату. Зборник реферата са научног скупа Књижевност и историја X одержаног у Нишу 29. и 30. маја 2009. године. – Ниш: Универзитетска библиотека Никола Тесла у Нишу, 2014. С. 215-248.

[173] Там же. С. 217-218.

[174] *Popović Filipović Slavica*. Ruska plemkinja Aleksandra Pavlovna Hartvig u missiji milosrđa u Srbii // Velike žene u Velikom ratu. – Pančevo, 2020. S. 649-678.

[175] *Радојевић Мира, Димић Љубодраг*. Србија у Великом рату. 1914-1918. Кратка историја. – Београд, 2014. С. 161, 162.

достался один из сложнейших районов страны вокруг временной столицы Сербии, где было много госпиталей, беженцев и военнопленных.

Деятельности в Сербии в период Первой мировой войны иностранных санитарных отрядов, прежде всего, английских, посвящено обширное исследование хранителя музея Национальной библиотеки в Лондоне, специалиста по сербско (югославско)-английским отношениям начала XX в. Милана Грбы[176], предваряющая публикацию работы Уильяма Хантера, военного врача и ученого, прибывшего в Сербию в начале марта 1915 г. и возглавившего борьбу с эпидемией тифа. Милан Грба дает характеристику здравоохранения Сербии в начале Первой мировой войны, отмечает отсутствие единой организации и ее неспособность справляться со своими задачами в военное время. Автор констатирует, что первые иностранные врачи и медицинский персонал начали прибывать в Сербию в августе 1914 г., а всего за первые полгода прибыло 159 иностранных врачей. Среди них он отметил хирурга С.К. Софотерова, одним из первых приехавшего со своими медикаментами и перевязочными средствами, предоставленными РОКК, из соседней Греции. М. Грба отмечает значительную помощь из России, прибывавшую официальными и неофициальными путями, при этом пишет, что это было в первые месяцы войны[177]. Однако это не соответствует действительности: гуманитарная помощь из России, если говорить о периоде 1914-1915 гг., поступала вплоть до вступления Болгарии в войну в 1915 г. Тему вклада русских санитарных миссий в борьбу с эпидемиями в Сербии в 1914-1915 гг. Милан Грба не исследовал.

Борьба с тифом и участие в ней иностранных санитарных миссий в 1915 г. затрагивается во многих исследованиях сербских ученых[178]. Оценивая их вклад, А. Недок, Б. Поповић и В. Тодоровић констатировали, что «пока члены … миссий, особенно русских и французских, участвовали, в основном, в лечении больных от тифа, британская миссия сумела организовать целенаправленную работу по подавлению эпидемий»[179].

Таким образом, в сербской историографии прочно утвердилось мнение о том, что основную тяжесть борьбы с эпидемиями 1915 г. в Сербии вынесли англичане, их не без основания считают

---

[176] *Хантер Вилијам*. Епидемије пегавог тифуса и повратне грознице у Србији 1915. године / превео и уводну студију написао Милан Грба. – Нови Сад: Прометеј, Београд: Радио-телевизија Србије, 2016. С. 11-83.

[177] Там же. С. 15-16.

[178] *Суботић В*. Пандемија тифуса у Србији 1914. и 1915. године. – Лондон: John Bale, sons and Danielson, 1918; *Литвињенко Стеван*. Како је заустављена епидемија пегавог и повратног тифуса у Србији 1915. године // Српски архив за целокупно лекарство. 1995. № 11-12. С. 328-330; *Вељковић Снежана*. Како је диагностикован, лечен и искорењен пегавац у Србији 1915. // Трећи соколски зборник. Зборник радова Осмог конгреса историчара медицине «800 година српске медицине». – Београд: Српско лекарско друштво, 2018. С. 64-72 и др.

[179] *Недок Александар, Поповић Бранислав, Тодоровић Вељко*. Српски војни санитет у Првом светском рату. С. 279.

народными героями, изучают биографии отдельных врачей и сестёр милосердия. Кроме того, предполагается, что и план борьбы с эпидемиями, успешно реализованный сербским правительством, принадлежит англичанам. Однако изучение российских источников, а именно: донесений российского посланника князя Г.Н. Трубецкого в МИД и записки русского врача-хирурга С.К. Софотерова, сохранившихся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), сравнение отчетов санитарных миссий княгини М.К. Трубецкой и леди Пэджет[180] позволяет усомниться в однозначности подобной постановки вопроса и утверждать, что русский вклад в борьбу с эпидемиями явно недооценен.

Ряд сведений, посвященных русским сёстрам милосердия и женам дипломатов, принявшим участие в деятельности русских госпиталей и лазаретов в Сербии в период Балканских и Первой мировой войн, содержатся в докторской диссертации (2018) Милены Жикич (Живорад) «Роль женщин в войнах сербской армии с 1912 по 1918 г.»[181].

Небольшая работа сербского учёного Стевана Литвиненко посвящена деятельности русских врачей после окончания Первой мировой войны. Вместе с тем, в ней упоминаются русские санитарные отряды, приводятся биографические данные некоторых врачей, находившихся в Сербии в годы Балканских и Первой мировой войн в составе санитарных миссий из России. Впоследствии они остались работать в Королевстве сербов, хорватов и словенцев[182], что позволяет говорить о преемственности русской гуманитарной деятельности на Балканах.

Несмотря на накопленный материал и явные подвижки в понимании роли и места русской гуманитарной и благотворительной помощи во время военных конфликтов в рассматриваемый период, тем не менее в сербской историографии до сих пор нет обобщающих трудов на эту тему.

Таким образом, мы можем констатировать, что исследовательский интерес к гуманитарной и благотворительной деятельности Российского государства и общественности на Балканах довольно высок, однако, изучение этих вопросов идет крайне неравномерно. Так, если помощь Черногории в начале Великого Восточного кризиса в отечественной историографии представлена довольно полно, то мы не можем сказать того же о периодах сербо-турецкой 1876 г. и русско-турецкой войн 1877-1878 гг., а также Балканских. Те же вопросы возникают и при рассмотрении проблем беженцев на Балканах: положению герцеговинских беженцев в

---

[180] Луиза Маргарет Лейла (1881-1958), дочь генерала Пэджета, супруга (с 1907) своего кузена сэра Ральфа Пэджета, британского посланника в Сербии (с июля 1910 г.). Сэр Ральф Пэджет прибыл в Сербию 21 сентября 1910 г. в качестве королевского посланника, а вернулся в Великобританию в августе 1913 г. В Первую мировую войну был представителем Британского Красного Креста.

[181] *Жикић (Живорад) Милена*. Улога жена у ратовима српске војске од 1912. до 1918. године. Докторска дисертација. – Ниш, 2018. С. 82-99.

[182] *Литвињенко С*. Руски лекари у Србији и Црној Гори. – Београд, 2007. С. 14.

Черногории в начале кризиса уделяли внимание многие авторы, а проблемы беженцев, например, в Сербии, изучены намного слабее. То же можно сказать и о деятельности санитарных отрядов в Черногории и Греции в период Первой Балканской войны, практически невозможно найти исследования о гуманитарной помощи Румынии в конце XIX – начале XX в. Это касается не только деятельности РОКК, но и славянских организаций, в частности Петербургского славянского благотворительного общества, и многочисленных временных комитетов, возникавших как в России, так и при российских миссиях на Балканах.

Неравномерность присуща и исследованиям, касающихся интересующих нас проблем в период Первой мировой войны. Если гуманитарная помощь Сербии в 1914-1915 гг. в отечественной и зарубежной историографии представлена довольно полно, то того же нельзя сказать о периоде 1916-1917 гг. И это несмотря на то, что интерес специалистов к истории Первой мировой войны, в том числе, к её гуманитарным аспектам, неизменно высок.

Источниковая база исследования

Вследствие вышеуказанных причин особое внимание в данном исследовании было уделено историческим источникам. С их помощью удалось восстановить фактический материал в логической последовательности, что, в конечном итоге, позволило не только реконструировать основные направления гуманитарной деятельности России на Балканах, но и оценить их объемы в период различных социальных и природных бедствий.

Часть документов уже была опубликована в многочисленных и объемных сборниках, снабженных справочным аппаратом, научными комментариями и вступительными статьями, что значительно облегчает работу исследователей[183].

Опубликованная переписка И.С. Аксакова с князем В.А. Черкасским, К.П. Победоносцевым, Н.Н. Дурново и др.[184] позволила диссертанту определить отношение лидера московских

---

[183] Авантюры русского царизма в Болгарии. Сб. документов / сост. Павлович П. – М.: СОЦЭКГИЗ, 1935; Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в 3 т. – М.: Издательство «Наука». 1961-1967; Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875-1878 / Сб. документов, посв. 100-летию русско-турецкой войны 1877-1878 гг. / АН, институт истории СССР; отв. ред. А.Д. Нарочницкий. – М.: Наука, 1978; Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875-1878. Документы. – М.: Индрик, 2008; Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1878 гг.: сб. документов и материалов / сост.: Аншаков Ю.П., Хевролина В.М. и др. – Самара, 2009; Москва-Сербия. Белград-Россия: сборник документов и материалов. Т. 2. Общественно-политические связи. 1804-1878 гг. – Белград-Москва, 2011; Т. 3. Общественно-политические и культурные связи. 1878-1917. – Белград-Москва, 2012; Русско-турецкая война 1877-1879 гг. Надежды–перипетии–уроки. Сборник научных статей. М., 2020 и др.

[184] Переписка И.С. Аксакова с кн. Черкасским (1875-1878) // Славянский сборник: Славянский вопрос и русское общество в 1867-1878 гг. – М.: Издательство ГБЛ, 1848. С. 132-199: Люди Русской Правды. Переписка И.С. Аксакова

славянофилов и его окружения к событиям на Балканах в конце 1870-х годов и деятельности Московского славянского благотворительного комитета, а позднее и Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества.

Для достижения целей исследования нами также активно использовались опубликованные протоколы Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества[185]. В выступлениях председателей и отдельных членов отображена деятельность организации во всем ее многообразии за достаточно продолжительный период времени.

Основной массив неопубликованных документов содержится в российских архивах: Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), а также Центрального государственного архива города Москвы (ЦГА Москвы), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), Российского государственного архива Военно-Морского флота (РГА ВМФ), Российского государственного исторического архива (РГИА). Многие из использованных в диссертации документов были введены в научный оборот впервые.

Значительный интерес, с точки зрения раскрытия заявленной темы, представляет дипломатическая и неофициальная переписка чиновников МИД различного уровня, от консулов и послов до министров иностранных дел, инструкции МИД своим дипломатическим представителям, а также пометки императоров Александра II, Александра III и Николая II на представленных им записках, донесениях и отчетах.

Большой массив изученных документов составила переписка Главного управления Российского общества Красного Креста (ГУ РОКК) с уполномоченными, различными балканскими благотворительными организациями и их отдельными представителями, отчеты общин сестёр милосердия и старших врачей санитарных отрядов.

Многоплановая благотворительная деятельность славянских комитетов, а затем Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества, была в значительной степени

с государственными и общественными деятелями (1855-1886): Тексты. Комментарии. Адресаты / Дмитриев А., Егоров Б. – СПб.: Росток, 2018 и др.

[185] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества (бывший Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета в Москве) по протоколам общих собраний его членов, состоявшимся в 1868-1883 гг. – Спб., 1883; Последние 10 лет первого двадцатипятилетия существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества по протоколам общих собраний его членов в 1883 – 1893 гг. – СПб., 1893.

восстановлена по отчетам и протоколам их заседаний, переписке их руководства с различными государственными и общественными деятелями, российскими дипломатами и уполномоченными на Балканах.

В АВПРИ использовались:

Ф. 133 (Канцелярия), содержащий официальную переписку министра иностранных дел.

Ф. 134 (Архив «Война»), содержащий документы, касающиеся взаимоотношений с союзниками в период Первой мировой войны.

Ф. 135 (Особый политический отдел), содержащий документацию, касающуюся различных славянских проектов, в том числе материалы Общества славянской взаимности и других.

Ф. 140 (Отдел печати и осведомления), содержащий обзоры иностранной и российской печати по балканской тематике.

Ф. 145 (Румынский стол), содержащий материалы о транзите отрядов и грузов Красного Креста в период Первой мировой войны.

Ф. 146 (Славянский стол), содержащий материалы о деятельности славянских благотворительных обществ на Балканах в 1875-1917 гг., Российского общества Красного Креста (РОКК), о пожертвованиях разными учреждениями и частными лицами Российской империи в пользу балканских обществ Красного Креста и других общественных организаций; здесь же имеются списки отрядов Красного Креста.

Ф. 151 (Политархив), содержащий переписку по актуальным проблемам балканской политики, в том числе, по гуманитарным вопросам.

Ф. 155 (Миссия в Белграде), содержащий дипломатическую переписку российского дипломатического представительства с МИДом.

Ф. 159 [Департамент личного состава и хозяйственных дел (ДЛС и ХД], содержащий личную информацию о сотрудниках МИД, их служебных передвижениях, наградах и взысканиях; есть также материалы о движениях финансовых средств в пользу балканских славян.

Ф. 160 (II департамент. Отдел о военнопленных), содержащий материалы о положении сербских военнопленных в лагерях в Австро-Венгрии и Германии.

Ф. 168 (Российская миссия в Берне). В этом фонде использовались документы, касающиеся русских организаций, оказывавших помощь сербским военнопленным в 1915-1917 гг.

Ф. 180 (Посольство в Константинополе), содержащий переписку посла с МИД и российскими дипломатическими представителями на Балканах и Западной Европе; содержит данные о социальных и природных бедствиях на Балканах и предпринятых усилиях по смягчению их последствий.

Ф. 231 (Консульство в Битоли), содержащий переписку российского дипломатического представительства с МИД, в том числе, по вопросам благотворительности.

Ф. 187 (Посольство в Париже), содержащий документы о помощи сербским беженцам в Греции и во Франции, о необходимости эвакуации русских санитарных отрядов и т.д.

Ф. 190 (Российское посольство в Риме), содержащий документы о российской и иностранной помощи сербским беженцам в 1915-1917 гг.

Ф. 279 (Консульство в Салониках), содержащий документы о помощи сербским беженцам и больным и раненым воинам, а также касающиеся деятельности русской больницы в Салониках.

Ф. 323 (Дипломатическая канцелярия при Ставке), содержащий материалы об Экспедиции особого назначения, деятельности контр-адмирала М.М. Веселкина и организации гуманитарной помощи Сербии.

Ф. 340 (Личные фонды), содержащий личные документы и переписку С.Д. Сазонова, Н.Г. Гартвига, С.Н. Трубецкого и др. Они удачно дополняют официальную переписку и позволяют судить о взаимоотношениях между дипломатами и степени их участия в отдельных событиях.

В ГА РФ использовались:

Ф. 659 (Князь Иоанн Константинович) содержит материалы о деятельности Комитета попечительства о сербских беженцах в Елисаветграде.

Ф. 1750 (Московский славянский благотворительный комитет), содержащий переписку и сметы, касающиеся добровольческого движения и благотворительной помощи славянам.

В РГВИА использовались:

Ф. 2003 (Штаб верховного главнокомандующего), содержащий материалы о гуманитарной помощи Сербии, касающиеся доставки грузов и помощи военнопленным.

Ф. 12651 (Главное Управление Российского общества Красного Креста), содержащий материалы о деятельности санитарных отрядов в Сербии и официальную переписку по этому поводу. Особый интерес представляют финансовые документы, отчеты старших врачей и уполномоченных отрядов, а также отчеты уполномоченных Красного Креста и др. В фонде были обнаружены письма жены русского посланника в Белграде А.П. Гартвиг, дающие представление о масштабах благотворительной деятельности Комитета при императорской миссии в Белграде в 1912-1913 гг., а также списки российского медицинского персонала и, частично, послужные и наградные листы. Из материалов фонда несомненный интерес представляет официальная и личная переписка А.П. Гартвиг с московским городским головой Н.И. Гучковым, особоуполномоченным Красного Креста П.А. Тыртовым в период Балканских войн. Несмотря на немногочисленность обнаруженных писем, они являются ценным источником по изучаемой теме. А.П. Гартвиг детально описывала повседневную жизнь русских госпиталей. Отчеты жены посланника П.А. Тыртову о работе склада при миссии позволяют оценить объемы и направления реальной помощи российских организаций и отдельных лиц.

Ф. 16351 (Управление русского военного агента в Сербии), содержащий донесения российского военного агента В.А. Артамонова о санитарном состоянии сербской армии в 1914-1915 гг. и другие материалы. Несомненный интерес представляют его неопубликованные дневники, в которых содержатся сведения о деятельности русских врачей Н.И. Сычева, С.К. Софотерова, Я.И. Чаброва и передвижениях их лазаретов.

В ЦГА Москвы использовались:

Ф. 179 (Московское городское общественное управление), содержащий материалы об организации гуманитарной помощи славянам в 1912-1913 гг. (переписку главы города, гласных городской думы, отчеты и журналы заседаний) и др.

Ф. 445 (Московский комитет по оказанию помощи раненым воинам: русским, сербским и черногорским, их семьям и семействам убитых воинов, состоящий под августейшим покровительством великой княгини Милицы Николаевны), содержащий материалы о сборе средств в пользу сербских и черногорских воинов.

Ф. 1901 (Московское славянское благотворительное общество), содержащий документы о закрытии Московского славянского благотворительного общества и распределении остатков его средств.

В ЦГИА СПб использовались:

Ф. 400 (Славянское благотворительное общество). Особый интерес в этом фонде представляют материалы к заседаниям Совета Славянского благотворительного общества, финансовые отчеты, в том числе в связи с формированием и функционированием санитарных отрядов, переписка с их старшими врачами, переписка с различными благотворительными, общественными и правительственными организациями по вопросам организации помощи балканским славянам, отчеты и донесения уполномоченных общества с Балкан, материалы по организации кружечных сборов, прошения о назначении пособий учащимся славянам и списки стипендиатов и многое другое.

Ф. 569 (Канцелярия петроградского градоначальника). В этом фонде содержатся материалы о деятельности городского Комитета по оказанию помощи Сербии, об организации кружечных сборов в пользу Сербии и Черногории, уставные документы Славянского вспомогательного общества (Москва) и др.

Ф. 2265 (Бехтерев В.М.) содержит материалы о деятельности и сборах в пользу Общества славянского научного единения.

В РГИА использовались:

Ф. 434 (Контора князя Иоанна Константиновича). В этом фонде обнаружены документы, касающиеся благотворительной деятельности княгини Елены Петровны, в том числе в период

Балканских и Первой мировой войн, в пользу больных и раненых сербских воинов, а также сербских беженцев и военнопленных.

Ф. 1276 (Совет министров). В этом фонде хранится переписка различных ведомств по вопросу увеличения средств комитета по оказанию помощи Сербии (1914-1915 гг.), по вопросу оказания материальной помощи Сербии, Черногории; о внесении на обсуждение Совета министров вопроса об оказании помощи населению Сербии, разоренному войной (октябрь 1916 г.); дело об ассигновании средств на содержание питательного пункта для сербских беженцев в Турн-Северине (Румыния), на оказание продовольственной помощи сербскому населению на освобожденной от оккупации территории; особый журнал Совета министров об отпуске средств на оказание помощи населению Сербии, разоренному войной и др. Частично эти материалы дублируют те, что находятся в АВПРИ и РГА ВМФ.

В РГА ВМФ использовались:

Ф. 418 [Генмор (Генеральный морской штаб)]. В этом фонде находятся отчеты Экспедиции особого назначения (ЭОН), занимавшейся доставкой грузов различного назначения и вооружения в Сербию, переписка по поводу доставки гуманитарных грузов в Сербию между военным командованием и различными общественными организациями, дипломатическая переписка и донесения военных агентов по поводу текущей ситуации в Сербии. Особый интерес представляют материалы, связанные с помощью начальником экспедиции контр-адмиралом М.М. Веселкиным сербским беженцам на территории Румынии в конце 1915-1916 гг.

Ф. 716 (Военно-морское управление при Верховном главнокомандующем). В этом фонде наибольший интерес представляет переписка с начальником ЭОН контр-адмиралом М.М. Веселкиным за 1916 год.

В архиве Сербского общества врачей (Белград) было использовано письмо русского врача С.К. Софотерова, бывшего старшим врачом санитарного отряда Кауфманской общины (1912-1913 гг.), а также практикующим хирургом и консультантом всех русских отрядов в Сербии в 1915 г. С апреля 1917 г. он являлся делегатом РОКК при штабе союзных армий на Салоникском фронте. Письмо С.К. Софотерова содержит не только обобщающие сведения о русской медицинской помощи Сербии в период Балканских и Первой мировой войн, но и характеризует отношение к ней сербского общества. В письме к неизвестному адресату от 26 декабря 1925 г. С.К. Софотеров с горечью обратил внимание на замалчивание и даже «демонстративное игнорирование» в сербской историографии деятельности русских отрядов Красного Креста[186]. Это письмо было опубликовано на сербском языке Мирославом Йовановичем в репринте объемного сборника по истории сербской военно-санитарной службы, впервые вышедшего в 1925 г. под редакцией

[186] *Софотеров С.К.* Письмо неизвестному адресату (1926) // Архив Музеја Лекарског Друштва (Београд).

подполковника медицинской службы Владимира Станоевича[187]. В подстрочных комментариях говорилось о деятельности русских санитарных миссий и общественных деятелей в период Балканских и Первой мировой войн, что положило начало дальнейшим исследованиям в этой области. Русский вариант письма вышел в России в качестве одного из приложений к исследованию А.Ю. Тимофеева, Я.В. Вишнякова и Г. Милорадовича «Битва двуглавых орлов» (2016)[188].

К опубликованным источникам личного происхождения периода Великого Восточного кризиса можно отнести дневники Д.А. Милютина, военного министра в правительстве Александра II, дающие ценные сведения о деятельности Московского славянского благотворительного комитета и позиции императрицы Марии Александровны по поводу помощи славянам[189], а также публицистический очерк А. Незлобина, передающий не только атмосферу того времени, но и содержащий ценный материал о постановке медицинской помощи в сербской армии и работе русского медицинского персонала[190].

В объемных «Балканских воспоминаниях» В.Н. Штрандмана[191], первого секретаря российской миссии в Белграде (1911–1916 гг.), основанных на дневниковых записях и документах, содержатся сведения о позиции российской дипломатии в решении балканских проблем. Тема организации гуманитарной помощи затронута автором в связи с Балканскими войнами и, частично, Первой мировой войной.

Дипломатическая борьба за итоги Балканских войн, описание атмосферы официального Петербурга и характеристики некоторых крупных дипломатических и политических личностей содержатся в работе очевидца событий – посланника Сербии в России Д. Поповича (1907–1914 гг.). Там же можно найти некоторые сведения о российской помощи больным и раненым сербским воинам и деятельности различных славянских организаций в 1912-1913 гг.[192].

При изучении мемуарной литературы особый интерес представляют воспоминания князя Г.Н. Трубецкого, относящиеся к периоду Первой мировой войны и основанные на документальных и дневниковых материалах. В научный оборот они были введены академиком Ю.А. Писаревым.

---

[187] *Станојевић В*. Историја српског војног санитета. Наше ратно санитетско искуство / Јовановић М., Перишић М., приређивачи, аутори предговора, биографија аутора, библиографије, приређивачи докумената). – Београд: Војноиздавачки и новински центар, 1992. С. 874-882.

[188] *Тимофеев А.Ю., Вишняков Я.В. Милорадович Г*. Битва двуглавых орлов. Очерки по истории русско-сербских отношений в годы Первой мировой войны. – М.: РИСИ, 2016. С. 324-332.

[189] *Милютин Д.А*. Дневник. 1873-1882. В двух томах. – М.: Захаров, 2016.

[190] *Незлобин А*. В Белграде и на позиции. Рассказ очевидца // Русский вестник. Т. 126. М., 1876. С. 782-831.

[191] *Штрандман В.Н*. Балканске успомене. – Београд: Жагор, 2009. С. 195-196.

[192] *Поповић Д*. Балкански ратови 1912-1913. – Београд, 1993.

Борьбе с эпидемиями в Сербии и организации русских отрядов Г.Н. Трубецкой посвятил целую главу своих мемуаров. Дипломат привел уникальные данные о санитарном состоянии Ниша в связи с резким увеличением числа раненых и беженцев, об организации санитарных отрядов в начале войны и т.д. Автор не забыл назвать и конкретных людей, которые своим самоотверженным трудом сумели в короткие сроки добиться впечатляющих результатов (Н.И. Сычев, С.К. Софотеров, С.И. Сиротин, В.В. Семянникова и др.). Г.Н. Трубецкой оставил свидетельство большой работы, проделанной российскими общественными организациями в деле помощи сербскому народу в 1914-1915 гг.

Вместе с тем следует отметить, что работа Трубецкого не свободна от некоторых заблуждений. Так, он пишет, что в Сербии совсем не было общин сестёр милосердия и «очень немногие сербские женщины посвящали себя во время войны уходу за ранеными»[193]. В нашем понимании общин, конечно, не было. Тем не менее в Сербии в течение многих лет уже действовала организация «Коло Српских Сестара», занимавшаяся подготовкой среднего и младшего медицинского персонала. В период Балканских войн 1912-1913 гг. она открыла свой госпиталь. Были и другие женские общества, решавшие различные социальные проблемы. Свидетельствуя о громадной работе, которую проделали русские санитарные отряды, Г.Н. Трубецкой отметил, что «бесплатный амбулаторный прием был нов для сербов»[194]. И в этом случае он погрешил против истины. Начиная с русско-турецкой войны 1877-1878 гг., все русские санитарные отряды открывали бесплатные амбулатории и аптеки, в том числе и в недавнем прошлом, в период Балканских войн, о чем свидетельствуют отчеты старших врачей и уполномоченных отрядов в ГУ РОКК.

Повествуя об основных направлениях гуманитарной деятельности Комитета при миссии в Нише, автор подчеркнул, что «вся эта громадная работа … могла быть осуществлена только благодаря необыкновенной отзывчивости нашего Красного Креста и различных общественных учреждений, … от которых мы получали обильные пожертвования»[195]. Эта тема, обозначенная российским посланником в воспоминаниях, получила развитие в отечественной историографии только в последнее десятилетие. Интересно также отметить, что князь Трубецкой не скрывал, что организацию широкомасштабной помощи Сербии он связывал с необходимостью территориальных уступок в пользу Болгарии, о чем он недвусмысленно писал в своих мемуарах.

Воспоминания французского посланника в Сербии Огюста Бопа, который, подобно князю Трубецкому, находился в самой гуще событий, рассказывают, в основном, о тяготах отступления

---

[193] *Трубецкой Г.Н.* Русская дипломатия 1914-1917 гг. и война на Балканах. – Монреаль, 1983. С. 109.

[194] Там же. С. 118.

[195] Там же. С. 121.

сербской армии из Ниша в Черногорию под натиском неприятеля. Дипломат неоднократно отмечал, что все невзгоды этого периода в равной степени разделил медицинский персонал. В его мемуарах имеются упоминания не только о французских, но и о русских медиках[196].

Непосредственный участник событий, старший врач санитарного отряда Петроградского Славянского благотворительного общества Н.И. Сычев также оставил воспоминания, которые посвятил сербской армии в годы Первой мировой войны, искренне восхищаясь ее стойкостью и мужеством. О гуманитарной помощи свидетельствует небольшой отрывок, где говорится, что «из России в Сербию потянулись целые караваны пароходов и барж с амуницией, продовольствием, обмундированием и санитарным имуществом»[197]. Н.И. Сычев упомянул также английские санитарные отряды.

Об эпидемии тифа, недостатке врачей и санитарного материала сообщается в воспоминаниях старшего сына сербского короля Петра – королевича Георгия, считавшего, что основная заслуга в борьбе с эпидемиями принадлежит англичанам и французам, своевременно прибывшим с медицинским персоналом и санитарным материалом. С уважением и восхищением пишет королевич об английских женщинах, оставивших свою страну и дела, чтобы трудится в сербских больницах под постоянной угрозой заражения тифом. Он также отметил работу французских санитарных миссий[198]. О русской гуманитарной помощи королевич даже не упоминает, что, впрочем, неудивительно, так как именно Российскую империю он винил в закреплении младшего брата Александра на престоле и не смог ей этого простить даже спустя годы после ее падения.

Среди мемуарных материалов можно также выделить сборник «Памяти кн. Гр. Н. Трубецкого», где приводятся свидетельства соратников, сослуживцев, друзей, в том числе, В.Н. Штрандмана, свидетельствовавшего о самоотверженной работе русских хирургов, об отношениях русских дипломатов с епископом Нишским Досифеем, особенно в связи с обширной организацией помощи сербским детям[199]. Эти данные практически совпадают с аналогичными в воспоминаниях князя Г.Н. Трубецкого.

В ходе военных конфликтов первой четверти XX в. представителями национальных организаций Красного Креста и частных иностранных миссий издавались мемуары, публицистические очерки и т.д. Особенно активны в этом отношении были англичане и шотландцы, поэтому не следует удивляться, что, например, современные сербы лучше всего знают сестёр милосердия Элизабет Рос и Илси Инглиш, имена которых стали синонимом

---

[196] *Боп Огист*. За српском Владом. Од Ниша до Крфа (20 октобра. 1915–19 јануара. 1916). – Женева: Уједињења, 1918. С. 13, 29.

[197] *Сычев Н.И*. Сербская армия в европейской войне. – Белград, 1928. С. 11.

[198] *Карађорђевић Ђ*. Истина о Моме животу. -– Београд, 1988. С. 366.

[199] Памяти кн. Гр. Н. Трубецкого. Сб. статей (с предисловием П.Б. Струве). – Париж, 1930. С. 49-52.

героизма и самопожертвования. К сожалению, свидетельства русских сестёр милосердия и врачей являются большой редкостью. В этой связи можно упомянуть воспоминания М.В. Сахарова, младшего врача, сопровождавшего сербские войска под Скутари в 1913 г. в составе отряда Кауфманской общины РОКК[200]. Они дают общую картину пережитых трудностей, но для изучаемой темы малоинформативны.

Отчет о работе отряда английского Красного Креста, представленный его начальницей леди Пэджет в Релиф-фонд, написан подробно и эмоционально. Он содержит данные о деятельности английской миссии в Скопье с июля 1915 г. по февраль 1916 г., в том числе, о составе миссии, о работе в V резервном госпитале, о взаимоотношениях с сербскими властями и т.д[201]. Факты, приведенные леди Пэджет, дополняют общую картину санитарного состояния Сербии, свидетельствуют о настроениях иностранного персонала и мотивах его действий.

Министр иностранных дел Российской империи (в 1910–1916 гг.) С.Д. Сазонов в мемуарах представил свое видение международной и внутриполитической обстановки периода Балканских и Первой мировой войн. Значительное внимание он уделил противоречиям правительства и российского общества по балканскому вопросу в 1912-1913 гг., в частности, о сербских территориальных притязаниях. Он констатировал, что с начала 1913 г. сочувствие российского общественного мнения сербским домогательствам стало проявляться с силой, которая внушила ему некоторые опасения относительно возможности удержать в руках правительства руководящее влияние на ход политических событий. С.Д. Сазонов также свидетельствовал, что император Николай II «сердечно сочувствовал национальным стремлениям сербского народа»[202].

К. Штурценеггер в небольшой работе «Сербский Красный Крест и международная благотворительность во время балканских войн 1912-1913 гг.», опубликованной в Цюрихе за несколько месяцев до начала Первой мировой войны, поделилась впечатлениями о своей поездке на Балканы в качестве делегата Международного Красного Креста[203]. Она оставила ценные сведения об устройстве и персонале госпиталя общины Святой Евгении РОКК в Белграде и «холерной миссии» княгини С.А. Долгорукой в период Второй Балканской войны[204]. Автор

---

[200] *Сахаров М.В*. С сербами к Скутари (впечатления). – СПб., 1913. С.3-56 или Русские о Сербии и сербах. СПб, 2006. С. 544-549.

[201] *Padget Lady*. With our Serbian Allies. – London: The Serbian Relif Fund, 1915.

[202] *Сазонов С.Д*. Воспоминания. – Мн.: Харвест, 2002. С. 83-84.

[203] *Sturzenegger C*. Serbisches und Internazionales Rotes Kreuz wahrend der Balkankriege (1912-1913). – Zurich, 1914. P. 81-83, 86-89.

[204] О санитарном отряде княгини С.А. Долгорукой мы знаем, в основном, из свидетельства К. Штурценеггер. В РГВИА обнаружено несколько писем, касающихся этого отряда, но, если их рассматривать как самостоятельный источник, то было бы невозможно понять, к чему они относятся, если бы не свидетельство К. Штурценеггер.

обратила особое внимание на высокий профессионализм и прекрасное оборудование русских медицинских учреждений. Это уникальное свидетельство, сделанное «по горячим следам» и лишенное позднейших идеологических наслоений, позволяет оценить уровень оказанной сербам русской помощи.

Следующую работу К. Штурценеггер, опубликованную в Цюрихе в 1915 г. можно назвать гимном иностранной медицинской помощи в Сербии[205]. В августе 1914 г. она вторично приехала в страну как представитель Международного Красного Креста, а после её оккупации вернулась в Швейцарию, где продолжила свою деятельность в помощь сербскому народу. К. Штурценеггер рассказала о самоотверженной деятельности иностранных, в основном, американских и швейцарских, миссий в Белграде, Крагуеваце и Нише. Много тёплых слов было сказано и о сербской военно-санитарной службе. Книга интересна тем, что она напоминает путевой дневник, где автор рассказывает о том, что видела своими глазами или в чем принимала участие.

В этой связи следует отметить, что русские санитарные миссии упоминаются только один раз, когда Штурценеггер перечисляет страны, оказавшие сербам медицинскую помощь[206], что выглядит довольно странно, так как, судя по датам и местам пребывания, она не могла не пересекаться с отрядом Славянского благотворительного общества, отрядом Георгиевской общины сестёр милосердия (в 1-й резервной больнице Ниша) и отрядом княгини Трубецкой. На эту мысль нас наводят подписи под некоторыми фотографиями, которые наглядно свидетельствуют, что подобные встречи всё-таки были. Это молчание автора составляет заметный контраст с ее первой работой. Нам представляется, что подобная позиция автором была отголоском политической и дипломатической игры за итоги войны, которая стала заметной с конца 1915 г. и позднее оказала влияние на решения Версальского договора. Вклад русских в войну, в том числе в гуманитарной сфере, не только не учитывался, но и подлежал забвению.

Что касается благотворительной деятельности различных славянских организаций (Петербургского славянского благотворительного общества, Московского славянского комитета и др.) и отношения к ней общественности, то основным источником по этой теме оказалась российская пресса. Так как вопрос о гуманитарной помощи балканским славянам оказался сильно политизированным, приходится быть особенно осторожным при работе с подобным материалом, постоянно сопоставлять его с аналогичными сведениями из других источников.

---

[205] Автор использовал сербское издание. См.: *Штурценегер Катарина (Клара).* Србија у европском рату 1914-1915.: на основу писама, докумената и личных доживљаја и преко 1000 оригиналних снимака. – Нови Сад: Академска књига, 2009.

[206] Там же. С. 111.

Автором диссертации просмотрена и выборочно проанализирована российская пресса 1876-1917 гг., поскольку именно печать мобильно реагировала на происходящие события, отражала все изменения и предлагала к обсуждению спорные вопросы, волновавшие общество. В рамках данной работы было уделено внимание средствам массовой информации практически всех направлений, существовавших в тот период: право-монархическому («Земщина»), консервативно-монархическому («Московские ведомости», «Новое время»), либерально-демократическому («Русские ведомости», с 1905 г. – орган кадетской партии; «Русское слово»), социал-демократическому («День», «Правда»).

Особую группу источников составляют публицистические заметки военных корреспондентов[207], свидетелей Балканских войн, написанные, как правило, по горячим следам. Они носят ярко выраженный агитационный характер и отличаются явной тенденциозностью в оценках. Их авторы являются либо сербофилами, либо болгарофилами и стараются обосновать особую значимость для России, соответственно, либо Сербии, либо Болгарии. Поэтому использование этих источников предполагает некоторую осторожность, а фактический материал нуждается в дополнительной проверке.

Журнал «Новая Европа» (Сербия) в 1928-1929 гг. организовал публикацию серии очерков Душана Семиза[208] под общим названием «Перед зарей великих дней», где, среди других тем, была затронута и пропаганда славянских идей в России в период Балканских и Первой мировой войн. Автор был корреспондентом некоторых русских газет на Балканах, кроме того, занимал должность секретаря Славянского общества научного единения. По его мнению, в славянском вопросе русское общество проявляло единодушие, а препятствия чинили только официальные власти.

Для подготовки диссертации использовались интернет-ресурсы, в основном, как справочные материалы или источник научной литературы. К ним можно отнести Электронную библиотеку РГБ (https://search.rsl.ru/#ef=1), Электронную библиотеку Института славяноведения РАН (https://inslav.ru/resursy/elektronnaya-biblioteka), Электронную научную библиотеку «Киберленинка» (https://cyberleninka.ru), vfnthbfks cfqnf @Djcnjxyfz kbnthfnehf@

---

[207] *Табурно И.* О сербских битвах. (Впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.) – СПб, 1913; *Шевалье Н.* Правда о войне на Балканах. Записки военного корреспондента. – СПб, 1912 и другие.

[208] По версии сербского исследователя Радована Драшковича Душан Семиз был одним из многих эмиссаров тайной организации «Объединение или смерть» (более известной как «Черная рука»), в России и других странах, выполнявших конфиденциальные задания её руководителя Драгутина Димитриевича (Аписа). Подробнее см.: *Драшковић Р.* Преторијанске тежње у Србији. Апис и Црна рука. – Београд: Жагор, 2006.

(http://www.vostlit.info), сайт «Памяти героев Великой войны 1914-1918» (https://gwar.mil.ru/about/) и другие ресурсы.

Все вышеуказанные документы и материалы, дополняя друг друга, дают необходимый круг источников для решения научных задач.

Подводя общий итог состоянию научной разработанности проблемы следует констатировать, что, тематическое разнообразие публикаций в отечественной и зарубежной историографии и обширный корпус введенных в научный оборот источников позволяет сделать следующий шаг и приступить к всестороннему изучению проблемы гуманитарной и благотворительной помощи Российского государства и общественных организаций балканским народам в период военных конфликтов 1875-1917 гг.

Цель исследования: комплексное и всестороннее изучение российской гуманитарной и благотворительной помощи балканским народам в 1875-1917 гг. на фоне обострения конкуренции европейских государств на Балканах.

Для достижения цели предполагается решить следующие **исследовательские задачи**:

- систематизировать и обобщить разрозненным материал, связанный с российской гуманитарной и благотворительной помощью балканским народам в 1875-1917 гг.;

- выявить взаимосвязь между изменениями международной обстановки и тактикой МИД по отношению к деятельности РОКК, Московского славянского благотворительного комитета и Санкт-Петербургского (Петроградского) славянского благотворительного общества;

- выделить основные направления гуманитарной и благотворительной помощи балканским народам в период военных конфликтов;

- определить и сравнить практические результаты деятельности РОКК, Московского славянского благотворительного комитета, Санкт-Петербургского (Петроградского) славянского благотворительного общества, славянских и др. организаций, заявлявших о своем участии в организации помощи балканским народам в указанный период;

- реконструировать деятельность отдельных санитарных отрядов РОКК, Санкт-Петербургского (Петроградского) славянского благотворительного общества, московского и петербургского городских управлений на Балканах, достоинства и недостатки их работы;

- показать роль в благотворительной помощи балканским народам ряда русских общественных деятелей;

-выявить особенности гуманитарной и благотворительной помощи балканским народам (прежде всего, Сербии и Черногории) в период Первой мировой войны.

Научная новизна диссертации состоит в том, что данная работа является первым опытом целостного исследования основных направлений российской гуманитарной и благотворительной помощи балканским народам во время военных действий в важнейший период мировой истории.

Автором были введены в научный оборот малоисследованные и новые источники, открытые им в архивохранилищах. На их основе была восстановлена полная картина российской гуманитарной помощи, причем было показано, что, в первую очередь, она устремлялась туда, куда перемещался фокус российской внешней политики. В диссертации гуманитарная помощь рассматривается и как практическая реализация российских славянских проектов на Балканах, и как сотрудничество (соперничество) общества и власти, где главным критерием является обеспечение долговременного политического эффекта. Под новым углом зрения рассмотрена проблема помощи беженцам в ходе и по окончании Великого Восточного кризиса 1875-1878 гг., а именно: каким образом разница в позиции российского и национальных правительств отражалась на положении беженцев в Черногории, Сербии и Румынии.

В диссертации проанализирована практическая деятельность Московского славянского благотворительного комитета, а затем Петербургского славянского благотворительного общества в 1875-1917 гг. Выявленные данные позволили сравнить объемы деятельности славянских и других общественных организаций и РОКК в период военных действий на Балканах. Изученный разноплановый фактический материал о деятельности различных организаций в период Балканских войн 1912-1913 гг. позволяет опровергнуть утверждение о том, что основная тяжесть гуманитарной помощи славянским народам в этот период легла на плечи «прогрессивной общественности», под которой понимались оппозиционные силы.

В диссертации выявлены тенденции, влиявшие на трансформацию гуманитарной помощи сербскому и черногорскому народам в годы Первой мировой войны. Ближе к ее окончанию гуманитарная помощь всё чаще стала использоваться как один из инструментов давления как на противников, так и сторонников.

На основании обширного документального материала было показано, что российская гуманитарная помощь Сербии и Черногории была продолжена и после поражения сербской армии осенью 1915 г., а ее адресатами стали беженцы, военнопленные и население оккупированных областей. Исследована также российская гуманитарная и благотворительная деятельности в Румынии, сотрудничество РОКК с Румынским Красным Крестом в период Первой мировой войны.

Научная и практическая значимость. Материалы и выводы диссертации восполняют пробелы в освещении российской гуманитарной и благотворительной помощи балканским народам в период военных действий 1875-1917 гг. Они могут быть использованы в обобщающих трудах и монографиях, при чтении общих и специальных курсов по отечественной и новой истории, истории международных отношений и внешней политики России, истории общественных движений, социальной работы в учебной и учебно-методической литературе.

Методологическая основа. При подготовке данного исследования использовались как классическая, так и неоклассическая модели исследования. Выбор моделей диктовался одной из главных задач – реконструкцией исторических событий, связанных с организацией гуманитарной помощи балканским народам в указанный период. Основным критерием был принцип реализма – желание максимально приблизиться к восстановлению исторической истины.

В соответствии с принципом эмпиризма были зафиксированы внешние проявления процесса организации гуманитарной помощи балканским народам и его включенность в основную канву политических и военных событий на Балканах в исследуемый период.

Принцип холизма дал возможность рассмотреть гуманитарную помощь не только как часть российского, но и международного гуманитарного движения, представленного, прежде всего, Российским обществом Красного Креста.

Принцип синкретизма позволил увидеть в гуманитарной помощи не только часть политического процесса, связанного с распространением влияния в регионе и борьбой за власть, но и гуманные движения души и искреннее сочувствие братским народам.

Используя сильные стороны классической модели (объективизм, стремление к поиску логики истории и т.д.), применяя принципы реконструкции исторической реальности, свободной от оценочных суждений, в диссертации представлена относительно целостная картина российской гуманитарной помощи балканским народам в ее развитии. Неоклассическая модель дала возможность перейти от одномерной интерпретации связанных с этим процессов, к многомерным.

Так как историографический анализ убедительно доказал, что формационный подход не позволяет в должной мере раскрыть такое явление, как гуманитарная помощь балканским народам из-за ограниченного набора интерпретаций с точки зрения освободительной борьбы народов, то, с учетом заявленных целей, в рамках классической модели использовались цивилизационный и, частично, антропологический подходы. Это дало возможность рассматривать изучаемые процессы и явления под разными углами зрения.

Цивилизационный подход позволил понять мотивацию официальных и различных общественных кругов в деле помощи балканским славянам, в том числе, и связь с политической борьбой за влияние в российском обществе.

Антропологический подход позволил обратить внимание на роль конкретных личностей в деле помощи балканским народам, оценить их вклад и мотивацию. В частности, речь идет об императорской семье.

Настоящая работа основана на совокупности исследовательских процедур, принципов и методов получения исторического знания: научности, историзма, объективности и системности.

Они позволили раскрыть причинно-следственные связи изучаемых явлений и представить их в целостности и развитии, в контексте сложившихся политических и социальных отношений.

Принцип историзма позволил рассматривать факты, явления и события в соответствии с конкретно-историческими обстоятельствами, в их взаимосвязи и взаимообусловленности. В частности, проследить эволюцию взглядов российской дипломатии на роль гуманитарной помощи балканским народам.

Принцип объективности стал основанием для широкого использования метода позитивизма. И хотя часть современных историков (например, французской школы Анналов) призывает перейти от анализа фактов к осмыслению процессов, нам показалось важным, в первую очередь, восстановить канву событий, которой, как показал историографический анализ, до сих пор практически никто не уделил достаточного внимания. Осмысление процессов, сопряженных с оказанием гуманитарной помощи, невозможно без понимания ее реальных объемов в интересующий нас период. Метод позитивизма стимулировал не только поиск доказательной базы, но и пристальное внимание к деталям, без которых была бы невозможна реконструкция исторической действительности.

Основываясь на принципе системности, объект исследования был рассмотрен как сложная многоуровневая система взаимосвязанных элементов, представленных как государственными органами, так и общественными организациями, объединенными единой целью – помощью балканским народам.

В ходе исследования автор опирался на наиболее распространенные универсальные методы научного познания: анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия и обобщение. Они позволили сбалансированно охарактеризовать все компоненты исследуемой проблемы и реконструировать целостную картину деятельность российского государства и общественных организаций по оказанию гуманитарной помощи балканским народам.

Среди специальных исторических методов при анализе исторических источников были использованы: историко-сравнительный метод, позволивший выявить тождество и различие подходов к вопросам гуманитарной помощи в прошлом и настоящем, проследить их эволюцию, а также проблемно-хронологический, давшмй возможность выделить особенности оказания помощи балканским народам в различные периоды и выстроить их в определенной хронологической последовательности, проследить динамику развития явлений и их особенности.

На основе применения историко-генетического метода раскрыты причинно-следственные связи между событиями и явлениями, проанализирована динамика количественных и качественных изменений, показана преемственность основных направлений гуманитарной деятельности на Балканах.

С учетом задач исследования, особую роль сыграл метод исторической реконструкции, позволивший получить целостную картину деятельности русских гуманитарных миссий в период Балканских и Первой мировой войн, несмотря на фрагментарность исторических источников.

Для выявления закономерностей развития гуманитарной помощи в 1875-1917 гг. использовался один из новейших методов поисковой деятельности – синергетика. Его выбор был обусловлен особенностями исследуемого периода: мир находился в неустойчивом равновесии, в его недрах зарождались предпосылки того, что позже назовут Версальской системой. Гуманитарная помощь, как часть огромной социально-политической системы, также была подвержена метаморфозам, как во внутренней структуре, так и в понимании этого вида деятельности в обществе.

Для определения помощи пострадавшим от стихийных бедствий, техногенных катастроф и военных действий в настоящее время применяется устойчивое выражение «гуманитарная помощь». В данном исследовании использовался также термин «благотворительная помощь». Цели настоящего исследования не предполагают выяснения вопросов о том, насколько близки и чем различаются эти слова по смыслу. Отметим только, что закрепление понятия «гуманитарная помощь» произошло только в XX веке[209], до этого использовался термин «благотворительная помощь». Американский философ Майкл Уолцер в работе «Помощь людям – это благотворительность или долг или то и другое вместе взятое?» уточнил, что гуманитарную помощь считает разновидностью благотворительной[210].

Российские исследователи определяют различие между гуманитарной и благотворительной помощью по источнику материальных благ. Ведущий российский специалист по этим вопросам Г.Н. Ульянова считает, что термин «благотворительность» относится «к области общественной активности, связанной с передачей юридическими и физическими лицами (но только не субъектами государства) денежных и материальных средств, и с личным сотрудничеством частных лиц в деле помощи нуждающимся»[211]. Поэтому в исследовательских целях в данной

---

[209] *Гавриш А.М.* Гуманитарная помощь как внешнеполитический инструмент: сущность и функции // Международная научная конференция: «Актуальные проблемы международных отношений и международного права» 17 марта 2020 г.: Сб. статей. – М., 2020. С. 169.

[210] *Уолцер Майкл*. Помощь людям – это благотворительность или долг или то и другое вместе взятое? // Россия в глобальной политике. 2011. № 4. [Электронный ресурс]. Url.: https://globalaffairs.ru/articles/o-chelovekolyubii/ (дата доступа: 1 октября 2021).

[211] *Ульянова Г.Н.* Изучение истории благотворительности в России (обзор исследований 1989-2003 гг.) // Проблемы изучения и преподавания истории социальной работы и благотворительности в России. Материалы общероссийского семинара, проведенного 26-28 марта 2003 г. в СТИ МГУС. – М., 2003. С. 5.

работе мы использовали определение, данное Николой Б. Поповичем, подразумевавшим под гуманитарной помощью «продовольствие, медикаменты, санитарное оборудование и материалы, медицинское обслуживание раненых и больных, предотвращение эпидемий (деятельность санитарных миссий), сбор добровольных пожертвований»[212].

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В 1875-1917 гг. гуманитарная и благотворительная помощь на Балканах становится одним из инструментов внешнеполитического влияния в регионе и мире. В начале Великого Восточного кризиса 1875-1878 гг., понимая тактическую уязвимость своего курса на невмешательство, российский МИД искал действенное средство, не выходящее за рамки дипломатии, позволяющее расширить свое присутствие и, следовательно, влияние на Балканах. Таким средством была признана благотворительная (гуманитарная) деятельность. Тяжелая гуманитарная ситуация (или катастрофа) становится не только сигналом для оказания благотворительной помощи, но и поводом для работы с общественным мнением страны-донора и страны-реципиента и укрепления отношений с местными элитами.

2. В отсутствие свободы маневра во внешнеполитической деятельности на Балканах, связанной с боязнью международных осложнений с великими державами в случае усиления активности, в российском МИД возникает мысль об использовании частных благотворительных инициатив в пользу балканских славян. Опираясь на одну из христианских добродетелей, милосердие, предполагающей помощь ближнему, за счёт использования административных ресурсов были организованы повсеместные сборы в помощь жертвам восстания. Основной целевой группой информационного воздействия стали широкие слои населения (крестьяне, ремесленники, мещане и т.д.), что обеспечило видимость именно народной поддержки. Этот прием использовался и по окончании Великого Восточного кризиса. Степень вовлеченности населения Империи в поддержку балканского курса правительства регулировалась как на уровне информационного давления (охват и количество проповедей в церкв, частота публичных мероприятий и упоминаний в прессе), так и разрешительной системой.

3. От имени российской общественности основными акторами на Балканах были Общество попечения о раненых и больных воинах (в 1879 г. было переименовано в Российское общество Красного Креста) и Московский славянский благотворительный комитет (Славянский комитет), впоследствии – Московское и Санкт-Петербургское

---

[212] Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: Материалы Международной научной конференции. Москва, 7-8 сентября 2004 г. – М: Наука, 2006. С.187-188.

славянское благотворительные общества. Несмотря на то, что в начале XX в. возникли различные славянские общества, масштаб их активности был несопоставим с деятельностью Красного Креста и Славянского благотворительного общества. Излишняя самостоятельность славянских комитетов в конце 1870-х годов создавала угрозу международных осложнений, однако, в начале Великого Восточного кризиса польза от деятельности славянских комитетов превышала возможные риски. Российский МИД использовал энтузиазм их членов в 1875-1878 гг. для решения своих внешнеполитических задач, а по окончании Великого Восточного кризиса – Петербургское славянское благотворительное общество было поставлено под жесткий контроль, а Московское – закрыто.

4. Гуманитарная и благотворительная деятельность российских общественных организаций на Балканах проходила под наблюдением российских дипломатических представителей. Их уполномоченным, в том числе РОКК, вменялось в обязанность координировать свою деятельность с главами дипломатических миссий и ставить их в известность о своей активности. Российские дипломатические представители в период военных действий создавали временные благотворительные комитеты при миссиях и определяли основные направления приложения сил. Распределение средств и вещевых пожертвований, как правило, происходило с привлечением местных властей и представителей тех групп населения, в чью пользу они собирались. Отчеты о деятельности комитетов при миссиях направлялись в МИД.

5. Деятельность РОКК на Балканах объективно способствовала росту авторитета Российской империи. Помощь оказывалась обеим сторонам конфликта после официального обращения их правительств. Самоотверженная работа персонала санитарных отрядов, проходившая в тяжелых условиях военного времени и, как правило, неблагоприятной эпидемиологической обстановки, неизменно вызывали уважение и благодарность местных жителей. Кроме медицинской, персонал российских лечебных учреждений оказывал и благотворительную помощь.

6. Направления и объемы благотворительной помощи балканским славянам и грекам зависели не только и не столько от масштабов гуманитарной катастрофы и экономических возможностей, сколько от текущей международной ситуации, степени договоренностей с основными игроками и заинтересованностью России в развитии отношений с определенными государственными образованиями на относительно коротком временном отрезке. Там, где влияние внешнеполитических соперников было велико или ощущалась тенденция к скорому преобладанию какой-то из европейских держав, благотворительные вливания были минимальны или даже отсутствовали. В то же время неспособность России

оказать гуманитарную помощь даже по независящим от нее причинам в определенных случаях вела к ослаблению ее авторитета.

7. Гуманитарная помощь балканским славянам и грекам неизменно была одной из привлекательных тем в публичном пространстве. Она использовалась политиками широкого спектра как для привлечения внимания к своей позиции, так и для оценки балканской политики российского правительства. Критика деятельности РОКК на Балканах, славянских организаций и отдельных направлений гуманитарной помощи отражала как завышенные ожидания части общества, нежелающей считаться с реалиями, так и остроту политического противостояния в обществе.

8. Большинство славянских организаций видели свою цель как в теоретической, пропагандистской деятельности в пользу балканских славян, так и в материальной поддержке больных и раненых воинов и населения, пострадавшего от военных действий. Тесно взаимодействуя со средствами массовой информации, славянские организации были способны держать в фокусе балканские проблемы. Однако, что касается практической деятельности, большинству славянских организаций она оказалась не по силам. Попытки их консолидации оказывались либо недолговечными, либо безуспешными из-за идеологических разногласий и соперничества за лидирующие позиции.

9. Несмотря на то, что деятельность славянских организаций в рассматриваемый период находилась в русле российской внешней политики и объективно ее поддерживала, уровень доверия властей к этим организациям был неравнозначным. Одни получали поддержку практически всех начинаний, а другие с трудом собирали средства на поддержку своих инициатив. Петроградское (Петербургское) славянское благотворительное общество, тесно взаимодействовавшее с властями и РОКК, было поставлено под жесткий контроль МИД и МВД.

10. В процессе конкурентной борьбы за сферы влияния на Балканах происходило вытеснение соперников из всех областей, в том числе гуманитарных. Особенно ярко эта тенденция проявилась в годы Первой мировой войны.

11. В период Первой мировой войны возросла роль нейтральных государств и их гуманитарных организаций в оказании помощи оккупированному населению и военнопленным.

Апробация результатов. Основные положения диссертации были апробированы автором на 13 научных конференциях, в том числе, 9 международных: Международная научная конференция «Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в.», Москва, 22 апреля 2010 г.; Международная научная конференция «Модернизация vs. война: человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912-1913)», Москва, 26-27 апреля 2011 г.; Международная научная

конференция «Сербская военно-санитарная служба в период Балканских войн», Белград, 25 сентября 2012 г.; Международная научная конференция «Русский некрополь в Белграде», Белград, 20 июня 2014 г.; Международная научная конференция «Первая мировая война. 100 лет выдающихся исследований истории и юридических вопросов», Белград-Андричград. 29-30 июня 2014 г.; Международная научная конференция «Милосердие в истории. Русский вклад. От Крымской войны до Великой», Москва, 14 октября 2014 г.; XXV Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Секция «Благотворительность и социальная политика государства в России XIX–начала XX веков». Москва, 22 января 2015 г.; XXVI Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Секция «Благотворительность и социальная политика государства в России XIX–начала XX веков». Москва, 20 января 2016 г.; XXVII Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Секция «Благотворительность и социальная политика государства в России XIX–начала XX веков». Москва, 23 января 2017 г.; IX Международная научно-просветительская конференция «Люди и судьбы Русского Зарубежья», Москва, 2-4 февраля 2017 г.; Международная научная конференция «Полтора века милосердия. Российская империя», Москва, 17 мая 2017 г.; VIII Международный конгресс историков медицины «800 лет сербской медицины». Секция История медицины Сербского общества врачей. Белград, 8-11 июня 2017 г.; Первая Международная научная конференция «Русские войска во Франции и на Балканах (1916-1918) в истории и памяти России и Европы». Москва, 16-18 мая 2019 г.; прошла Международная научная конференция «Российское общество Красного Креста и Великая война», Москва, 28 сентября 2024 г.

Основные результаты и выводы были отражены в 25 публикациях, в том числе, 17 статьях в научных журналах, входящих в список ВАК, и трех монографиях, переведенных на сербский язык. Общий объем публикаций составляет 60 п/л.

Глава 1. Российская гуманитарная помощь балканским народам в период Великого Восточного кризиса: от восстания в Герцеговине и Боснии до русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

§ 1. Гуманитарная помощь балканским народам в начале Великого Восточного кризиса 1875-1878 гг.: от восстания в Герцеговине и Боснии до Апрельского восстания в Болгарии 1876 г.

Начало Великому Восточному кризису положило вспыхнувшие в июле 1875 г. восстания в Герцеговине, а затем и Боснии, в той или иной степени затронувшие всё православное население Балканского полуострова. Поводом к вооруженному конфликту послужили действия турецких властей вследствие неурожая 1874 г. Тем не менее, турецкие власти, чтобы сохранить прибыль, пошли на увеличение местных налогов, сделав их непосильными для крестьян. Зима 1875 г. прибавила проблем: в ряде населенных пунктов начался падеж скота. Но и в этот раз турецкие власти не пожелали войти в положение боснийских и герцеговинских крестьян. Налоги были вновь увеличены. Многие семьи были обречены на голодную смерть. Отчаявшиеся крестьяне решились на вооруженное выступление против турок. Вооруженные столкновения начались стихийно в ночь с 22 на 23 июня (с 4 на 5 июля) 1875 г. в местечке Невесинье, в Герцеговине[213]. К началу августа 1875 г. восстание охватило почти всю северную и значительную часть южной Герцеговины, а с середины августа распространилось сначала на северную Боснию, а затем на юго-западную и южную. Начавшись как стихийное, крестьянское, восстание приобрело вожаков и поменяло характер на освободительное[214], что обусловило пристальное внимание к нему не только со стороны европейских кабинетов, но и революционеров всех мастей. Десятки русских «нигилистов» поспешили на Балканы, считая вспыхнувшее антитурецкое восстание началом долгожданной «социальной революции и желая личным содействием способствовать ее успеху»[215].

События в Боснии и Герцеговине поставили российский МИД в сложное положение. Несмотря на желание восстановить свое влияние на Балканах, практически потерянное после Крымской войны, решительные шаги по политическим и экономическим причинам в его ближайшие планы не входили. Влиятельный российский дипломат, посол в Константинополе

---

[213] Москва-Сербия. Белград-Россия. Сборник документов и материалов. Т.2. – Белград-Москва, 2011. С. 406.

[214] *Шмелева О.И.* Влияние боснийско-герцеговинского восстания 1875-1876 года на национально-освободительное движение на Балканах // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2010. № 2 (27). С. 2. Киберленинка [Электронный ресурс]. Url.: vliyanie-bosniysko-gertsegovinskogo-vosstaniya-1875-1876-godov-na-natsionalno-osvoboditelnye-dvizheniya-na-balkanah.pdf (дата обращения: 12.07.2021).

[215] *Шемякин А.Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868 – 1891). – М.: Индрик, 1998. С. 109.

(1864-1876 гг.) граф Н.П. Игнатьев в донесении от 28 августа (9 сентября) 1875 г. отметил, что Россия «не одобряет этого восстания и не может ради того, чтобы ублажить своих неразумных и слишком рьяных единоверцев, идти на риск осложнений в Европе и допустить пересмотр Восточного вопроса в неподходящий момент»[216].

Более того, российское внешнеполитическое ведомство довольно долго не могло определиться со своей стратегией в связи с переживаемым моментом. Одной из причин замедленной реакции в этом вопросе было то, что первоначально восстание в Герцеговине рассматривалась официальной Россией как австрийская провокация, что нашло отражение, например, в письме Александра II к Вильгельму I от 30 августа (11 сентября) 1875 г.[217]

Примечательно, что с мнением государя на балканские события совпадала точка зрения вице-президента Московского славянского благотворительного комитета И.С. Аксакова. В письме к княгине Е.А. Черкасской от 22–24 июня 1875 г. он сразу отметил политический характер событий на Балканах и подчеркнул, что его «очень … занимает и смущает славянское движение в Турции, покуда ещё в Герцеговине. Для меня нет ни малейшего сомнения, что всё это дело Австрии, что Австрия под эгидой дружбы с Россией старается забрать в свои руки Восток… Мы теряем обаяние, Австрия его приобретает…»[218].

На начальном этапе Великого Восточного кризиса единственную возможность замедлить усиление своего основного противника на Балканах российский МИД видел в предотвращении полного распада Османской империи. Только этот вариант в какой-то мере мог гарантировать дипломатическое урегулирование проблемы: интересы европейских государств на Балканах были переплетены так тесно, что любое неосторожное действие могло привести к международным осложнениям. Именно поэтому с самого начала событий в Герцеговине и Боснии Россия была вынуждена идти в кильватере европейских держав, несмотря на то что в сохранении status quo больше всех был заинтересован ее основной соперник на Балканах - Австро-Венгрия. Официальная Вена опасалась распространения протестных настроений на свои территории, населенные славянами, и, следовательно, желала скорейшего прекращения конфликта[219].

В то же время в российском МИД не могли не понимать, что в случае затяжного конфликта последовательное проведение курса на сохранение status quo грозило России потерей авторитета среди православных народов Османской империи. В разгар событий на Балканах, 5 августа 1875

---

[216] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875-1878. Документы. – М.: Индрик, 2008. С. 90.

[217] Там же. С. 95.

[218] Переписка И.С. Аксакова с кн. В.А. Черкасским (1875-1878) // Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867-1878 гг. – М., 1948. С. 142.

[219] История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856-1878 гг.). – М.: КРАСАНД, 2013. С. 164-165.

г., управляющий МИД барон А.Г. Жомини подготовил для Александра II доклад о необходимости дополнительного согласования с Австро-Венгрией позиции России в случае поражения восстания. Он напомнил императору, что по предварительной договоренности, в случае возникновения кризиса в Турции, оба правительства воздержатся от вмешательства и предоставят событиям идти естественным путем. При этом «принцип невмешательства», по мнению российского МИД, должен трактоваться в пользу христиан: «если бы они когда-либо решились начать борьбу не на жизнь, а на смерть, выбрав благоприятный момент…, было бы достаточно предоставить им шанс, гарантируя их от интервенции Австрии в случае, если турки потерпят поражение. В противном случае, то есть если турки, одержав победу, раздавят христиан, то князь-канцлер [Горчаков] был убежден, что невмешательство было бы невозможным…»[220].

Рассуждая в том же русле, советник посольства в Константинополе (1874-1877 гг.) Александр Иванович Нелидов пошел дальше. Сославшись на «совершенно исключительные обстоятельства» и то, что «события происходят с неслыханной быстротой»[221], он посчитал необходимым в письме барону А.Г. Жомини от 18 (30) августа 1875 г. представить свои размышления о ситуации на Балканах. Отметив, что «на карту поставлена наша будущность на Востоке», дипломат указал на уязвимость стратегии России на Балканах. А.И. Нелидов писал, что ему понятен порядок действий, если восставшие будут побеждены или слишком слабы чтобы сопротивляться. В этом случае европейское посредничество для турецких христиан будет «истинным благодеянием». Однако, в противоположной ситуации, если инсургенты будут действовать успешно, то, по мнению российского дипломата, Россия может потерять симпатии балканского населения и право на их покровительство. А.И. Нелидов предположил, что, если боснийцы и герцеговинцы не согласятся обменять добытые ими преимущества на ничем не подкрепленные обещания великих держав, то это поставит российскую дипломатию в неудобное положение. Поэтому российский дипломат предлагал предусмотреть вариант успешного развития событий для инсургентов и выступить на стороне балканских христиан: «… Чем больше благодеяний, нами оказанных, привязывает нас к их судьбе, печальной и радостной, тем теснее будут связаны наши жизненные интересы с будущими судьбами Балканского полуострова…»[222].

В МИД понимали тактическую уязвимость своего внешнеполитического курса – при довольно высоких ставках арсенал средств был невелик. Сознавали это и императорские представители на Балканах. В письме барону А.Г. Жомини от 12 (24) августа 1875 г. генеральный консул в Рагузе

---

[220] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. С. 39.

[221] Там же. С. 60.

[222] Там же. С. 61-62.

(Дубровнике) А.С. Ионин высказался относительно поиска «средства предотвращения всех этих бед, которые могут глубоко потрясти народы на Востоке, а может быть даже в Австрии», и предположил, что «… будет трудно отыскать таковое, которое одновременно было бы действенным и не выходило бы за пределы дипломатии»[223].

Пока чиновники российского МИД искали приемлемый вариант, борьба турецких властей с инсургентами продолжалась. Она шла с переменным успехом: очаги сопротивления то затухали, то разгорались вновь. В конце августа 1875 г. А.С. Ионин заметил, что «… в целом, восстание далеко не идет на убыль, наоборот, … становится заметно, что силы, коими сегодня обладает Турция … абсолютно ничего не могут сделать с восстанием»[224].

Османские войска жестоко расправлялись с христианским населением, сжигая дотла деревни и вырезая их жителей. Спустя несколько месяцев после начала событий, А.С. Ионин писал в МИД о масштабах катастрофы в Боснии и Герцеговине следующее: «Мы до сих пор не имеем возможность ещё вполне сообразить все размеры настоящей катастрофы … Бывают и в других странах революции и бедствия, но здесь – это зверское истребление людей и всего, что они производят…»[225]. Таким образом, затяжной региональный конфликт грозил перейти в широкомасштабную гуманитарную катастрофу, социальные последствия которой в тот момент оценить было сложно.

Но если великие державы надеялись на скорое прекращение конфликта, то Сербия и Черногория были заинтересованы в его развитии. Правящие круги этих балканских стран в течение всего XIX века в той или иной мере поддерживали борьбу герцеговинцев с турками[226].

О настроениях, царивших в Черногории, генеральный консул А.С. Ионин доносил барону А.Г. Жомини 12 (24) августа 1875 г., что «с начала восстания черногорцы, не будучи вовлечены в конфликт, были, пожалуй, склонны видеть во всем этом герцеговинском деле лишь потасовку, “путч”, как писали венские газеты… Но сегодня, когда общее воодушевление, успехи восстания, явная слабость турок придают движению характер борьбы за освобождение…, брожение в Черногории становится почти опасным. Меры, которые князь Николай счел необходимым принять … раздражают народ … [Он] … чувствует, как почва уходит у него из-под ног…, он в высшей степени растерян, почти теряет голову»[227].

---

[223] Там же. С. 54.

[224] Там же. С. 100.

[225] Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875-1878. – М.: Наука, 1978. С. 67.

[226] *Мцхвариашвили А.Д.* Положение Черногории в 60-х годах XIX века (по материалам записок графа Н.П. Игнатьева) // Вестник Удмуртского университета. 2013. Вып. 1. С. 126.

[227] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. С. 53.

Массовый уход в повстанцы с конца июля наблюдался в Черногории и Далмации (в то время часть Австро-Венгрии) На этих территориях организовывались народные отряды (четы). К ним присоединялись отдельные добровольцы из соседних стран – сербы, румыны, поляки, итальянцы и многие другие[228]. К концу августа общая численность восставших (вместе с черногорцами) насчитывала до 12 000 человек и охватывала значительную территорию.

Посол граф Н.П. Игнатьев в донесении А.Г. Жомини от 28 августа (9 сентября) 1875 г., характеризуя ситуацию, отметил, что «… энтузиазм местного населения огромен и черпает поддержку в открытом сочувствии сербов, черногорцев и славян соседних провинций Австрии… Вожди восстания, прежде всего, стремятся продлить борьбу достаточно долго, чтобы принудить к действию князей Сербии и Черногории, подданные коих только и жаждут принять в ней участие. Слабой стороной восстания являются материальные ресурсы. Не хватает денег и хорошего оружия»[229].

Материальных ресурсов не хватало и для решения гуманитарных проблем, продолжавших стремительно нарастать в связи с развитием вооруженного конфликта. Их масштаб был вызван, прежде всего, низким уровнем экономического развития региона и, как следствие, неспособностью местных властей самостоятельно решать возникшие социальные проблемы.

Первые признаки надвигающейся гуманитарной катастрофы появились в конце 1874 г., когда часть крестьянских семей в поисках лучшей доли стала переселяться в Далмацию, Черногорию и Сербию. Жестокость турецких властей, при подавлении восстания не щадивших не женщин, ни детей, ни стариков, заставляла людей спешно покидать свои жилища.

Хотя под давлением великих держав Черногория была вынуждена соблюдать нейтралитет, княжество всё же предоставляло убежище раненым герцеговинским повстанцам и их семьям[230].

К концу лета 1875 г. беженство стало массовым явлением. На территориях соседних стран боснийцы и герцеговинцы были вынуждены влачить жалкое существование в ожидании подачек от местных властей и благотворителей.

К осени 1875 г. турецко-черногорскую границу, только по официальным данным, пересекло более 32 000 человек. Большинство из них расположилось в Грахово – от 15 000 до 17 000 чел.[231] Кроме того, по сообщениям российских дипломатов, на турецкой стороне скопилось большое число беженцев, которое постоянно увеличивалось и в любой момент можно было ожидать их

---

[228] Там же. С. 62.

[229] Там же. С. 89.

[230] *Хитрова Н.И.* Русское общество и Черногория в 60-70-е гг. XIX в. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. Варшава, август 1973. – М.: Издательство «Наука», 1973. С. 179.

[231] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1281. Л. 31, 32.

массового перехода в Черногорию[232]. Для небольшого балканского княжества это грозило огромными проблемами. Не имевшее продовольствия в достаточном количестве для собственного населения, оно не могло обеспечивать беженцев даже самым необходимым, поэтому Черногория оказалась в сложном положении.

Для решения гуманитарных проблем под председательством черногорского митрополита Илариона был образован «Цетиньский комитет для страждущих герцеговинцев». Извещения о пожертвованиях в его пользу регулярно печатались в местной газете «Глас Црногорца». Полученные средства тратились на лекарства для раненых, соломенные матрасы и одеяла, покупку хлеба и необходимых вещей, а также денежные пособия. Кроме того, для 250 раненых комитет сумел устроить пять больниц[233].

Несмотря на то, что черногорское правительство и православная церковь делали всё возможное для облегчения участи несчастных людей, справиться собственными силами они не могли. Митрополит Иларион неоднократно обращался за помощью в представительства европейских государств, в том числе, в российское генеральное консульство в Рагузе. В его ходатайстве речь шла об организации обеспечения беженцев питанием и предметами первой необходимости, а также медицинской помощи, в чем Цетиньский комитет, в значительной мере, рассчитывал на Россию.

А.С. Ионин, в свою очередь, доложил о просьбе в МИД. 8 (20) ноября в донесении вице-директору Азиатского департамента А.А. Мельникову он нарисовал следующую картину: «…митрополит Иларион с другими важнейшими лицами в Черногории ходит теперь из села в село, собирая от черногорцев посильные подаяния… Нужды так велики и настоятельны, что нет сомнения, что черногорцы, которые в такие минуты не жалеют себя, сделают все возможные пожертвования…, но Вы можете себе представить, какое впечатление может произвести на народ эта необходимость жертвовать последним куском хлеба только потому, что турецкому правительству угодно быть невыносимым и варварски жестоким. Страна, которая жила недавно ещё грабежом других, теперь спокойно должна терпеть, что ее грабят. Какие чувства это порождает, насколько нейтралитет возможен при таких обстоятельствах, насколько достанет ещё терпения»[234].

Правительство Черногории посчитало возможным использовать возникший кризис для инициации признания независимости Черногории и присоединения пограничных земель,

---

[232] Там же. Л. 31 об.

[233] Там же. Л. 36-37.

[234] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. С. 163.

населенных этнически родственным населением[235]. Эта идея поддерживалась российским консулом А.С. Иониным, полагавшим, что «нравственно, волей или неволей, Герцеговина принадлежит князю Николаю и видит в распространении на нее черногорских порядков единственный залог своей будущности. Эти чувства искоренить нельзя, и иностранное влияние их не уничтожит»[236]. Планомерная и самоотверженная помощь герцеговинцам, по мнению российского представителя, давала черногорцам некое «моральное право» на сопредельные территории.

Эта часть донесения отражает мнение части российских дипломатов, к числу которых принадлежал и А.С. Ионин, полагавших, что необходимо поддержать давнее стремление Черногории, за скудостью и малочисленностью собственных почв для земледелия не имевшей возможности избавиться от нищеты населения, увеличить свои ресурсы за счёт присоединения плодородных земель соседней турецкой провинции. Подобное рассуждение можно найти и у графа Н.П. Игнатьева, видевшего причины воинственности этого небольшого балканского государства именно в недостатке плодородных почв: «чем больше черногорцы получат земли, … тем лучше будет обеспечен мир», – писал он[237].

А в контексте соперничества России с Австро-Венгрией на Балканах донесение А.С. Ионина можно трактовать как один из видимых им сценариев дальнейшего развития ситуации: переход территории Герцеговины к Черногории мог не только усилить последнюю, но и значительно затруднить Вене проведение ее политики в регионе.

При этом отметим, что поддержка А.С. Иониным притязаний Черногории на сопредельные территории касалась не только военно-политических, но и гуманитарных вопросов. Прекрасно зная, что ресурсов на помощь жертвам восстания у Черногории практически нет, А.С. Ионин предлагал МИД помочь правительству княжества, направив «возможное количество жертвуемых денег на покупку, прежде всего, хлеба», отметив при этом, что герцеговинские беженцы есть ещё в Австрии и Сербии, но там их не так много, и «ситуация, в отличие от черногорской, терпит»[238].

При этом следует заметить, что решением гуманитарных проблем занималась не одна Черногория. К началу августа 1875 г. на Балканах была создана целая сеть комитетов помощи восставшим, членам их семей и беженцам. Среди них были уже упоминавшийся Цетиньский, а

---

[235] *Хитрова Н.И.* Русское общество и Черногория в 60-70-е гг. XIX в. С. 66.

[236] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. С. 163.

[237] Записки графа Н.П. Игнатьева о его пребывании в Константинополе в 1864-1974 гг. // Русская старина. 1914. № 4. С. 45.

[238] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. С. 164.

также Центральный комитет в Белграде, который возглавил сербский митрополит Михаил[239]. Благотворительные комитеты возникли в Воеводине, Далмации, Хорватии (наиболее известный – Загребский комитет во главе с пастором Й. Штросмайером), Румынии (Болгарское человеколюбивое настоятельство) и т.д.

Близость к месту событий делала их помощь оперативной и действенной, однако, учитывая бедность региона и ареал распространения гуманитарной катастрофы, ее было явно недостаточно. Тем более, что события продолжали стремительно развиваться. С 1875 по 1877 гг. в военные действия и вооруженные конфликты в той или иной мере были включены Герцеговина, Босния, Старая Сербия и Северная Албания. В них принимали участие Черногория, Далмация, Военная граница (пограничные земли с Османской империей к югу от Австро-Венгрии) и Хорватия. В результате произошли значительные сдвиги не только в политических, экономических и этнических процессах, но и социальных.

Масштаб гуманитарной проблемы был таков, что его практически сразу можно было определить не как локальный, а как региональный.

Первыми на гуманитарные проблемы в регионе откликнулись европейцы. Несмотря на позицию их правительств, отстаивавших позицию невмешательства, общественное мнение было на стороне восставших. Многочисленные публикации в прессе, рассказывающие о зверствах турок в провинциях, населенных христианами, вызывали искреннее сочувствие.

16 (28) августа 1875 г. в Париже возникает Международный комитет по оказанию помощи восставшим в Герцеговине (председатель – сербский митрополит Михаил, вице-председатель – Й. Штросмайер). Позже аналогичные комитеты были образованы во Франции, Италии, Германии, Англии, Швейцарии, США и других странах[240].

Тем не менее, Центральный комитет Красного Креста в Женеве поддержку герцеговинцам в первые месяцы восстания оказывать не стал: помощь им рассматривалась как содействие мятежникам против законного правительства. Однако впоследствии и он согласился направить своих делегатов в Черногорию, где находилась большая часть раненых[241].

К выводу о необходимости поддержки христианского населения, пострадавшего от восстания в Герцеговине и Боснии в российском МИД пришли к концу августа 1875 г. Однако, учитывая договоренности о невмешательстве, свободы маневра у официальной России практически не было. Тогда и возникает мысль использовать частные гуманитарные инициативы. Как позже

---

[239] *Никифоров Д.И.* Восстание в Боснии и Герцеговине и политический кризис в Сербии в 1875 году // Теория и практика общественного развития. 2014. № 1. С. 261.

[240] *Данченко С.И.* Указ. соч. С. 137.

[241] *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах. С. 278.

писал в одном из донесений А.С. Ионин, катастрофа на Балканах – «самый законный предлог для общественной благотворительности…»[242].

И всё же сомнения относительно возможности использования благотворительности в Герцеговине и Боснии у верхушки российской власти остались. Эти колебания были продиктованы не столько расчётом на коллективное дипломатическое воздействие на Порту, сколько боязнью углубления конфликта в случае, если материальную помощь извне смогут использовать восставшие. На вероятность развития подобного сценария Александр II указал в письме Вильгельму I от 30 августа (11 сентября) 1875 г. Он привел в пример позицию официальной Англии, которая, с одной стороны, ведет переговоры с Турцией, а с другой – не препятствует отдельным высокопоставленным лицам вносить частные пожертвования на помощь инсургентам[243].

По-видимому, политические расчёты оказались сильнее сомнений. Официальный Петербург не хотел ни отставать от европейцев, ни «терять лицо» перед балканскими народами. Тем более, что в России уже была организация, уставная деятельность которой предполагала сбор и отправку вспомоществований зарубежным славянам – Московский славянский благотворительный комитет (Славянский комитет). Возникший 26 января 1858 г. с по ходатайству канцлера А.М. Горчакова, с первых дней своего существования он работал в тесном контакте с Азиатским департаментом МИД[244]. Среди членов этой организации были ученые, чиновники, публицисты, общественные и государственные деятели, отставные военные и дипломаты. В 1868 г. возник Санкт-Петербургский (Петербургский) отдел Московского славянского благотворительного комитета (Славянского комитета).

Московский славянский благотворительный комитет получал финансовую поддержку от членов императорской фамилии (великий князь Константин Николаевич ассигновал в 1858 г. значительную сумму, императрица Мария Александровна ежегодно жертвовала по 300 руб.). Кроме того, Комитету было назначено ежемесячное пособие в 1 000 руб. от МИД[245]. Организация быстро росла и в 1870-х годах насчитывала 240 членов[246].

К началу описываемых событий обе части Московского славянского благотворительного комитета имели достаточный опыт сбора пожертвований в пользу славян, хотя объемы их

---

[242] Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. С. 67.

[243] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. С. 95.

[244] *Попов Н.А*. Краткий отчет о десятилетней деятельности (1858-1868) Славянского благотворительного комитета в Москве. – М.: Университетская типография, 1868. С. 4.

[245] *Мельчакова К.В*. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1850-1870-е годы. Дисс. … канд. ист. наук. – М., 2015. С. 128-129.

[246] Там же. С. 145.

деятельности были сравнительно невелики. Опыт помощи славянам был и у русского общества: например, во время черногорско-турецкой войны 1862 г. был организован сбор средств. По инициативе Московского славянского благотворительного комитета многие газеты («Славянские ведомости», «Московские ведомости» и др.) опубликовали призывы о помощи славянским братьям, чем способствовали притоку пожертвований в их пользу[247].

Славянские комитеты откликнулись на события в Герцеговине только во второй половине августа. Им понадобилось почти два месяца, чтобы определиться со своей позицией и обратиться установленным порядком за разрешением на сбор средств в помощь жертвам восстания на Балканах. Управляющий МИД барон А.Г. Жомини поддержал это ходатайство перед императором. Разрешение приступить «к сбору добровольных пожертвований в пользу единоверцев в Турции, пострадавших от восстания в Боснии и Черногории»[248] Александр II дал 23 августа 1875 г.

26 августа 1875 г. председатель «Общества попечения о раненых и больных воинах» генерал от инфантерии, генерал-адъютант А.К. Баумгартен получил от Славянского комитета письмо с просьбой разместить его кружку для пожертвований в здании Главного управления. В послании сообщалось не только о полученном разрешении на сбор средств, но и поставленным в связи с этим условием, «чтобы собранные деньги были предоставлены исключительно в пользу этих жертв, а никак в пользу инсургентов»[249]. Эта позиция руководства МИД перекликается с позицией аналогичного ведомства Австро-Венгрии, делавшего всё возможное, чтобы помощь пострадавшим от столкновений с турецкими войсками в Боснии и Герцеговине не перешагнула границы благотворительности[250].

Сотрудники обоих Славянских комитетов с 26 августа 1875 г. начали планомерную работу по сбору пожертвований: получив разрешение, они с энтузиазмом включаются в работу, используя все доступные в тот момент возможности: от лекций и концертов известных ученых и артистов до подписки среди влиятельных и состоятельных лиц. С целью сбора средств в северной столице из представительниц высшего общества создается «Санкт-Петербургский дамский кружок для

---

[247] *Хитрова Н.И.* Русское общество и Черногория в 60-70-е гг. XIX в. С. 173-174.

[248] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества (бывший Петербургский отдел славянского благотворительного комитета в Москве) по протоколам общих собраний его членов, состоявшимся в 1868-1883 году. – Спб., 1883. С. 337.

[249] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1281. По делам балканского полуострова, Герцеговины и Боснии.1875. Л. 1.

[250] *Шмелева О.И.* Влияние боснийско-герцеговинского восстания 1875-1876 года на национально-освободительное движение на Балканах // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2010. № 2 (27). С. 6. Киберленинка [Электронный ресурс]. Url.: vliyanie-bosniysko-gertsegovinskogo-vosstaniya-1875-1876-godov-na-natsionalno-osvoboditelnye-dvizheniya-na-balkanah.pdf (дата обращения: 12.07.2021).

оказания помощи пострадавшим герцеговинцам». Этот опыт распространяется и на Москву – в Московском славянском благотворительном комитете также образуется Дамский отдел.

Свою лепту вносит и «Общество попечения о раненых и больных воинах». Оно было образовано в 1867 г. вскоре после ратификации в России Женевской конвенции (1864 г.). С момента основания Общество находилось под покровительством императрицы Марии Александровны и всегда следовало в русле российской политики.

3 сентября 1875 г. Главное управление «Общества попечения о раненых и больных воинах» принимает решение ассигновать в пользу жертв восстания в Боснии и Герцеговине 10 000 руб. серебром[251].

14 сентября 1875 г. ряд российских газет опубликовал призыв о помощи сербского митрополита Михаила. 20 сентября того же года в петербургский отдел Славянского комитета с аналогичной просьбой обратился митрополит Иларион. Черногорский владыка в своем ходатайстве подробно описал ситуацию: «… в пределы Черной Горы перешло более 25 000 несчастных, но … к зиме это число непременно удвоится, так как и теперь уже множество людей, бежавших из разоренных и сожженных селений, толпятся на границах. Все они наги, босы, голодны, все лишены необходимой тёплой одежды для встречи приближающихся морозов. Большая часть этих страдальцев нашла приют в наших тесных бедных жилищах. Нужен хлеб …»[252]. Результаты обращений митрополита Илариона не заставили себя долго ждать. Александр II повелел передать 30 000 руб. на имя черногорского князя в пользу перебежчиков из Боснии и Герцеговины[253]. Так как в документах РОКК не были найдены пояснения на этот счёт, то, возможно, речь идет о средствах, выделенных императорским правительством 15 сентября на покупку хлеба для беженцев из Герцеговины[254].

К концу сентября 1875 г. становится ясно, что события на Балканах принимают затяжной характер и что турки не способны справиться с инсургентами. Однако, несмотря на общее воодушевление, царящее в российском обществе по этому поводу, средства на помощь жертвам восстания собирались медленно, а учитывая масштаб бедствий на Балканах их было явно недостаточно.

21 сентября 1875 г. на чрезвычайном собрании Петербургского отдела Славянского комитета принимается решение о выделении из основного капитала 3 000 руб. на оказание немедленной помощи славянам-беженцам[255]. Это практически всё, чем располагала организация. Поэтому

---

[251] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1281. Л. 3.

[252] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества… С. 336.

[253] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1281. Л. 37 об.

[254] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. С. 151.

[255] *Градовский Г.* Указ. соч. С. 485.

одновременно была создана особая комиссия для изыскания способов к увеличению сбора пожертвований. В нее вошли известные общественные деятели - А.Н. Карамзин, Н.А. Киреев, А.Д. Башмаков, М.Г. Черняев и некоторые другие. Все последующие действия, связанные с оказанием помощи пострадавшим славянским семьям, совершались именно этим временным учреждением Комитета. Итоги сборов регулярно обсуждались на заседаниях организации. И хотя предпринятый Петербургским отделом сбор проходил довольно успешно для такого рода акций (в течение недели с 21 по 28 сентября было собрано 6 702, 51 руб.)[256], эти средства не позволяли оказать существенную помощь.

После доклада генерал-адъютанта А.К. Баумгартена императрице Марии Александровне о ситуации на Балканах, имевшего место 28 сентября 1875 г., товарищ председателя «Общества попечения о раненых и больных воинах» генерал-лейтенант И.М. Гедеонов получил уведомление, что «… императрице угодно, чтобы [он] обратил внимание ГУ Общества на крайне бедственное положение герцеговинских и боснийских семейств, лишившихся крова и пищи в это суровое время года»[257]. По итогам этого доклада «Общество попечения о раненых и больных воинах» подготовило ряд мер помощи жертвам восстания.

Качественный перелом в ситуации со сбором средств произошел в октябре 1875 г.: единичные пожертвования превратились в постоянный поток средств. Этому способствовало несколько факторов. Первым и самым главным из них было содействие в сборе пожертвований центральной и региональной властей. Кроме частной инициативы, Петербургский отдел славянского благотворительного комитета уже с конца августа опирался на поддержку государственного аппарата. Это касалось не только разрешений на сбор средств. Министерство внутренних дел сделало циркулярную рассылку и «сообщило всем губернаторам и другим местным властям о разрешении сбора добровольных пожертвований в пользу пострадавших единоверцев наших на Балканском полуострове и пригласило направлять эти пожертвования в петербургский отдел славянского благотворительного комитета»[258].

Значительное влияние на успешность кампании по сбору пожертвований и аккумуляции их в Славянском комитете оказала позиция Св. Синода. В ответ на ходатайство Петербургского отдела о разрешении тарелочного сбора во всех церквах Империи, он не только его разрешил, но разослал циркуляр во все епархии, чтобы «имеющие поступать пожертвования, по мере накопления, были высылаемы церковными причтами … непосредственно в отдел»[259].

---

[256] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества… С. 335.

[257] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1284. Л. 1.

[258] *Градовский Г.* Указ. соч. С. 486.

[259] Там же. С. 486.

Священники в церквах Империи рассказывали о страданиях православного населения под гнетом Турции и призывали к пожертвованиям в пользу славянских братьев.

Росту сборов способствовали и многочисленные публикации в газетах: подробные репортажи, очерки и призывы о помощи. Чем больше население Российской империи узнавало о страданиях братьев по вере, тем больше им сочувствовало. Чем больше сочувствовало, тем больше несло пожертвований, что, в свою очередь, подстегивало интерес к событиям на Балканах и укрепляло в желании прийти на помощь. Благодаря этому сбор пожертвований постепенно набирал обороты не только в Москве и Петербурге, но и провинции. Только Петербургский отдел Славянского комитета с 26 августа 1875 г. до начала января 1876 г. сумел собрать 125 751 руб.[260], огромную по тем временам сумму.

В отличие от столицы, в Москве «не было ни с чьей стороны распоряжений»[261]. Однако, благодаря активности членов Московского славянского благотворительного комитета, разославших более 100 000 воззваний сербского и черногорского митрополитов по всей России, не только в города, но и села, за тот же период удалось собрать 66 770 руб., не считая вещевых пожертвований[262]. Меньшую часть собранных им средств Московский славянский комитет передал сербскому митрополиту Михаилу, а большую – в Черногорию, митрополиту Илариону[263].

От Славянского комитета не отставали и другие организации. Например, болгарская газета «Век», издававшаяся в Константинополе, 25 октября 1875 г. сообщила читателям, что город Одесса в помощь герцеговинцам собрал 200 000 руб.[264]. По приблизительным оценкам журналиста и публициста Г. Градовского (1842-1915), за второе полугодие 1875 г. совместными усилиями членов славянских комитетов было собрано более 330 000 руб.[265].

В текущей кампании по сбору средств глава московских славянофилов И.С. Аксаков заметил новую тенденцию. В одном из частных посланий А.С. Ионину (22 октября 1875 г.) он написал: ««Кажется, нам удалось подвигнуть общественное чувство, несмотря на сдержанность, вынужденную своего рода политическими соображениями, официальных сфер… Одним словом, выслано … из Москвы до сих пор 30 000 руб., да московская дума решила послать от имени города 20 000 руб. серебром … Двадцать лет тому назад ещё немыслимо было собирать такие

---

[260] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества… С. 348.

[261] *Градовский Г.* Указ. соч. С. 487.

[262] Там же.

[263] Там же. С. 492.

[264] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1281. Л. 37 об.

[265] Там же. С. 492.

суммы на славянское дело, а теперь шлют даже мещане и крестьяне, и всё это по призыву от правительства!»[266].

Таким образом, И.С. Аксаков вполне осознавал значение призывов от правительства, однако, движение общественного мнения в пользу славян он ставил в заслугу славянским комитетам. Кроме того, в этом он процессе увидел дополнительные возможности для официального Петербурга. Отметив в письме князю В.А. Черкасскому от 21 сентября 1875 г., что «… восстание нисколько не укрощено, а только разгорается …, чаша терпения так переполнена, что от малейшей капли польет через край. Черногория и Сербия не выдержат нейтралитета…»[267], И.С. Аксаков размышляет о том, что общественное мнение в России можно использовать как один из инструментов давления во внешней политике. В частности, он пишет: «… всего бы нужнее возбуждать общественное мнение у нас, в России… Я полагаю, что самому правительству нужна поддержка общественного мнения, нужна в том смысле, что оно может перед Европой указывать на необходимость утишать возбуждение умов и внутри себя «законные сочувствия населению» … и даже возвеличивать через это собственные заслуги по части самоотвержения»[268].

Спустя месяц, в уже упомянутом письме от 22 октября 1875 г. к генеральному консулу А.С. Ионину, И.С. Аксаков не просто развивает эту тему, он выражает уверенность: «Я держусь того мнения, что на политическую европейскую арену при настоящих обстоятельствах необходимо ввести русское общественное мнение и чувство. Европа не может с ним не считаться, и оно, полагаю, может быть полезно и самому русскому правительству как точка опоры»[269]. Получается, что для И.С. Аксакова растущие сборы пожертвований стали материальным выражением общественного мнения, и они достигли того предела, когда их результаты можно использовать в политических целях, в частности, на международной арене.

Стоит подчеркнуть, что изменения в ситуации со сбором пожертвований внутри Империи отметил не один И.С. Аксаков. Этот факт отразил в донесении Александру II от 14 октября 1875 г. начальник III отделения его императорского величества канцелярии генерал-адъютант Н.В. Мезенцев: «… Хотя действия … [славянского] общества ещё не перешли пределы обыкновенной благотворительности, и надо полагать, что благоразумие не увлечет … в область политики…»[270]. Тем не менее, его тревожило то, что принятое 3 октября 1875 г. решение московского земства об «общественной официальной помощи в пользу страждущих от повстания в (так указано в

---

[266] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине 1875-1878. С. 154-155.

[267] Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867-1878 гг. – М., 1948. С. 146.

[268] Там же.

[269] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине 1875-1878. С. 154-155.

[270] Там же. С. 151.

оригинале – Г.Ш.) размере 26 000 руб.» может стать примером для подражания «в чисто русских губерниях России»[271].

Генерал-адъютант Н.В. Мезенцов, как и И.С. Аксаков, видел возможные политические последствия растущей поддержки славянского движения, но, в отличие от лидера славянофилов, отмечал не перспективы, а большие проблемы в ближайшем будущем: «По мнению многих серьезных людей, [это может] породить на Западе Европы убеждение, что русское правительство, поддерживая официально относительно событий на Балканском полуострове принцип невмешательства, смотрит снисходительно на предоставление восставшим материальных средств для продления борьбы и, как будто, оказывает тому нравственное сочувствие»[272]. Донесение Н.В. Мезенцова было принято к сведению, но осталось без последствий: на этом этапе польза от деятельности славянских комитетов превышала возможные риски. Сборы проходили под контролем местных властей, а координацией помощи на Балканах занимались императорские представительства в лице генеральных консулов.

И всё же опасения шефа III отделения разделялись на самом верху, примером чему может служить история формирования санитарного отряда в Черногорию.

После всеподданнейшего доклада 28 сентября 1875 г. о гуманитарной ситуации в Боснии и Герцеговине, ГУ «Общества попечения о раненых и больных воинах» получает разрешение императрицы Марии Александровны «послать на помощь раненым и больным жертвам восстания … уполномоченного от общества и одного или двух к нему помощников»[273]. На эту должность был предложен князь Петр Алексеевич Васильчиков (1824-1893).

Принимая во внимание, что «несчастные жертвы нуждаются не только в пище и одежде, но и в медицинском пособии, ГУ предложило снабдить уполномоченного независимо от денежных средств, санитарным персоналом из медиков, фельдшериц и сестёр милосердия, а также медикаментами и перевязочными припасами»[274].

Приняв решение о формировании санитарного отряда, ГУ «Общества попечения о раненых и больных воинах» 22 октября 1875 г. через Азиатский отдел МИД запросило генеральное консульство в Рагузе, «где лучше было бы сосредоточить деятельность уполномоченного, так как с ним будут присланы обществом лазарет и медики»[275]. Спустя неделю, 30 октября, генеральный консул А.С. Ионин, указав, что «при настоящих обстоятельствах … [отправка помощи из России] была бы благодетельна», сообщил, что черногорский князь Никола «просит,

---

[271] Там же. С. 151.

[272] Там же.

[273] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1284. Л. 4.

[274] Там же. Л. 4 об.

[275] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9130. Л. 1.

чтобы делегат общества установил центр своей деятельности в Цетинье. Прибытие его было бы желательно в наискорейшем времени, ибо помощь делу более и более необходима» [276].

Именно эти сведения легли в основу заключения МИД, переданного 7 ноября 1875 г., Александру II. При этом императора волновал только один вопрос, а именно: не отразится ли масштабная помощь жертвам восстания на отношениях России с европейскими государствами. В ответ министр иностранных дел особо подчеркнул, что отправка санитарного отряда и помощь беженцам «не может представлять никаких затруднений в политическом отношении и может быть объяснена единственно желанием общества подать помощь страждущему человечеству», тем более, что Черногория находится «в самом крайнем положении по случаю большого наплыва в ее пределы беспомощных жителей Герцеговины»[277]. В тот же день император утвердил решение ГУ «Общества попечение о раненых и больных воинах» об отправке санитарного отряда на Балканы[278].

Кроме сумм, необходимых на содержание отряда, князь П.А. Васильчиков получил от Красного Креста 15 000 руб. на оказание пособия герцеговинцам-беженцам в Черногории[279]. Московский славянский комитет передал ему в помощь единоверцам 12 000 руб., а петербургский отдел той же организации – 30 000 руб.[280].

Вместе с тем члены ГУ понимали, что масштабы гуманитарных проблем на Балканах требуют значительных вложений. 4 октября во все местные управления и комитеты Красного Креста был разослан циркуляр с просьбой об открытии подписки на добровольные пожертвования в пользу раненых и больных жертв восстания в Боснии и Герцеговине.

Координацией поступающей из России благотворительной помощи пострадавшему населению Балкан занимались российские императорские представительства в Австро-Венгрии и Сербии. Наибольшая нагрузка в этот период легла на плечи российского генерального консула в Рагузе (Дубровнике). С 1874 г. эту должность занимал уже упоминавшийся в тексте Александр Семенович Ионин, который, как и его коллеги А.Н. Кудрявцев (Сараево) и Н.А. Иларионов (Мостар), был прекрасно осведомлен обо всём происходящем на Балканах. Его тесные отношения с местным христианским населением были обусловлены не только тем, что он по должности осуществлял покровительство славянам, но и действенным сочувствием им. В течение длительного периода он поддерживал переписку с представителями славянских

---

[276] Там же. Л. 2-3.

[277] Там же. Л. 5-6.

[278] Там же. Л. 4.

[279] *Градовский Г.* Указ. соч. С. 490-491.

[280] Там же. С. 492.

комитетов. Российский посол в Вене Евгений Петрович Новиков (1826-1903) отмечал наблюдательность А.С. Ионина, соединенную «с теплотою и любовью к делу»[281].

Систематическая помощь жертвам боснийского и герцеговинского восстания на имя генерального консула в Рагузе стала поступать с конца сентября 1875 г.[282]. 28 сентября он получил 10 000 руб., выделенных ранее «Обществом попечения о раненых и больных воинах», и сообщил о намерении в ближайшее время направить 2 000 руб. в Цетинский комитет под отчет[283]. Ещё 8 000 руб. были оставлены в генеральном консульстве в Рагузе «для помощи пострадавшим»[284], которую его сотрудники могли бы оказывать по мере надобности. Кому и сколько средств передавать, они решали самостоятельно, исходя из текущей ситуации.

Несмотря на тесное сотрудничество, подходы к распределению пожертвований у российских дипломатов и представителей славянских комитетов различались. Например, А.С. Ионин, сотрудничал с рядом благотворительных организаций, в том числе Международным комитетом, и передавал им часть средств, поступавших из России[285]. Этот путь был не для славянских комитетов. Его члены полагали, что будет правильным, если православное население Балкан будет знать, откуда конкретно поступает помощь. В письме А.С. Ионину от 22 октября И.С. Аксаков подчеркнул, что славянские комитеты «отклонили предложение председателя комитета [в Вене] Зары (забыл его фамилию …, он же член рейхсрата) посылать [пожертвования] ему, предполагая отправлять чрез Вас для черногорского митрополита и прямо митрополиту сербскому»[286].

Желая ускорить помощь восставшим, члены Петербургского отдела Московского славянского благотворительного комитета после очередного заседания 13 октября 1875 г. принимают решение, не дожидаясь результатов сборов, немедленно отправить 1 000 руб. генеральному консулу в Рагузе для Цетиньского комитета и такую же сумму через российского генерального консула в Белграде княгине Наталье Обренович[287].

Известие из России о формировании санитарного отряда «Обществом попечения о раненых и больных воинах» совпало по времени с решением Австро-Венгрии о замене продовольственной помощи беженцам из Герцеговины на финансовую в 5 000 гульденов (приблизительно 6 000 руб.)

---

[281] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875-1878. С. 165.

[282] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1281. Л. 7.

[283] Там же. Л. 39-39 об.

[284] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества… С. 337.

[285] *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах. С. 277; *Данченко С.И.* Начало Великого Восточного кризиса 70-х гг. XIX в. и русское общество. С. 138.

[286] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875-1878. С. 155.

[287] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества… С. 337.

в месяц. По мнению А.С. Ионина, для «32 000 бежавших это пустяки. Князь [Николай] и все в отчаянии»[288]. Учитывая соперничество Петербурга и Вены на Балканах по всем направлениям, А.С. Ионин 30 октября 1875 г. предложил заполнить освободившуюся нишу: «…. Средства, переданные доселе, находящиеся у меня, назначались на другие траты – их нужно теперь употребить на хлеб, но этого очень мало. Нужно поскорее хлеба…»[289].

К ноябрю 1875 г. генеральное консульство в Рагузе получило 60 603 руб. частных пожертвований из России. Они были использованы для покупки хлеба и одежды для беженцев, медицинских материалов и устройства госпиталей для раненых[290].

Приток пожертвований в помощь герцеговинцам к концу года продолжал набирать обороты. Только на закупки хлеба с 1 октября 1875 г. по 1 июля 1876 г. в Черногорию было переведено 583 000 руб., собранные славянскими и благотворительными комитетами и организациями[291]. Из них в период с 6 марта по 8 июля 1876 г. Московский славянский благотворительный комитет передал консулу А.С. Ионину 128 312.50 руб.[292].

Адресатами помощи Московского славянского благотворительного комитета были не только российские дипломатические представители. В мае 1876 г. на одном из заседаний этой организации было зачитано благодарственное письмо председательницы Женского Друштва в Белграде Екатерины Миловука Дамскому отделению за получение через митрополита Михаила 3 000 руб. «в пользу бедных страдальцев из Боснии и Герцеговины. Эти деньги получены в то самое время, когда и Австрия отказывает этим несчастным в гостеприимстве, так что теперь они могут найти убежище в Сербии и Черногории. … Нельзя себе представить, сколько мучений несчастные славянские христиане претерпели… во время бегства в Австрию. Но этих мучеников за свободу и веру не оставляет надежда на милость Божию и помощь великой и славной России»[293].

При этом надо учесть, что помощь европейских благотворителей на Балканы уже не поступала: с января 1876 г. свою помощь Боснии и Герцеговине прекратила Франция, с апреля

---

[288] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9130. Л. 3.

[289] Там же. Л. 3 об.

[290] *Карасев А.В*. В преддверии войны: Восточный кризис и восстание в Боснии и Герцеговине 1875-1878 годов // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны в 1877-1878 годах. – М., 2006. С. 44.

[291] Там же.

[292] По сбору пожертвований в пользу балканских славян. Доклад комиссии общему собранию санкт-петербургского отдела славянского комитета 12 октября 1876 года // Русская старина. 1876. № 11. С. 18.

[293] Московские ведомости. 1876. 5 мая. С. 4.

1876 г. – Швейцария, а с июня – Великобритания[294]. Решение о прекращении гуманитарной деятельности было продиктовано постепенным затуханием восстания.

Санитарный отряд «Общества попечения о раненых и больных воинах» с госпитальным оборудованием более, чем на 100 кроватей, прибыл в Рагузу 28 декабря 1875 г. Уполномоченный отряда князь Петр Алексеевич Васильчиков, оценив гуманитарную обстановку в Рагузе, доложил в ГУ, что в этом городе находится большое количество беженцев, нуждающихся в помощи, и предложил открыть временную больницу для их обслуживания[295]. Оставив для этих целей одного врача и двух сестёр милосердия, остальные члены санитарного отряда в сопровождении секретаря генерального консульства князя С.В. Шаховского (1852-1894) проследовали к месту назначения, в Черногорию.

По желанию черногорского князя Николы госпиталь «Общества попечения о раненых и больных воинах» открылся в Цетинье. Как позднее отмечалось в документах РОКК, до начала герцеговинского восстания в Черногории не было никаких учреждений для помощи больным и раненым[296]. Госпиталь обслуживал беженцев, без различия национальностей и вероисповедания, в том числе турок. Его пациенты обеспечивались питанием и необходимой одеждой. Кроме того, при русском госпитале была открыта амбулатория, где лечение и выдача лекарств осуществлялись бесплатно[297]. Это лечебное учреждение находилось под покровительством княгини Милены и Ангелины Петрович-Негош, жены воеводы Божидара Петровича-Негоша.

В Цетинье князь П.А. Васильчиков стал членом местного благотворительного комитета, распределявшего помощь из России. По мнению С.А. Никитина, П.А. Васильчиков оказался в двусмысленном положении – от него требовали средства на вооружение повстанцев. Его благотворительная миссия воспринималась герцеговинцами и черногорцами как политическая и от него ждали реальной поддержки восстания. В отчетности Комитета возникли проблемы: часть денег пошла на поддержку восстания и питание восставших[298]. Постепенно возникло взаимное охлаждение: «черногорцы и герцеговинцы надеялись на безоговорочную поддержку со стороны русского правительства; контраст между их ожиданиями и намерениями Красного Креста и его представителя был разителен»[299]. В мае 1876 г. князь П.А. Васильчиков покинул Черногорию по семейным обстоятельствам[300].

---

[294] *Данченко С.И.* Начало Великого Восточного кризиса 70-х годов XIX века и русское общество. С. 146.

[295] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1284. Всеподданнейшие доклады по разным делам. Л. 10.

[296] Там же. Д. 1320. О помощи РОКК Черногории. Л. 2-2 об.

[297] Там же. Д. 1281. Л. 130.

[298] *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах. С. 278-279.

[299] Там же. С. 280.

[300] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875-1878. С. 203.

По-видимому, у уполномоченного Славянского комитета не сложились отношения и с консулом А.С. Иониным. Незадолго до отъезда князя Васильчикова, в письме от 9 (21) апреля 1876 г. генеральный консул просил И.С. Аксакова, чтобы славянский комитет прислал «умного, надежного и честного человека, без личной политики и взглядов»[301]. Как мы увидим дальше, сотрудников с таким набором качеств в славянских комитетах не оказалось – каждый их них имел свои представления о миссии организации на Балканах.

9 мая 1876 г. в Черногорию прибыл новый уполномоченный «Общества попечения о раненых и больных воинах» – тайный советник С.Ф. Панютин. Под его руководством деятельность санитарного отряда была расширена. В столице Княжества С.Ф. Панютин ежедневно обходил черногорские госпитали и, где было необходимо, оказывал помощь. Его деятельность была с благодарностью принята князем Николой: при отъезде уполномоченного Русского Красного Креста в Россию в октябре 1876 г., он был награжден орденом Данилы I степени[302].

Несмотря на видимые усилия дипломатов, противоречия между европейскими государствами и стремление порабощенных балканских народов добиться независимости углубили и расширили Великий Восточный кризис. В той или иной мере в него были вовлечены все европейские провинции Османской империи, населенные православными народами.

Что же касается Княжества Молдавия и Валахия, находившегося в вассальной зависимости от Турции, то провозглашенная им политика нейтралитета задевала интересы России, стремившейся использовать ширившееся национально-освободительное движение для укрепления своего влияния на Балканах. В мае 1876 г. министр Н.К. Гирс дал понять румынскому представителю в Петербурге Э. Гике, что нейтральная позиция предполагает «моральную поддержку христианского населения Турции», а Румыния могла бы взять на себя снабжение христианского населения продовольствием и предоставить убежище повстанцам[303]. Однако на этом этапе Бухарест не посчитал нужным вмешиваться в конфликт: правящие круги во главе с князем Карлом намеревались добиться международного признания прав «полной независимости и постоянного нейтралитета» мирным путем. Однако политику нейтралитета проводить было всё сложнее. С декабря 1875 г. начали просачиваться сведения о вооружении Румынии. На этом фоне румынский агент в Константинополе И. Гика предложил своему правительству программу совместных действий с христианским населением Востока и установление отношений с правительствами Сербии и Черногории[304].

---

[301] Там же. С. 268.

[302] Русский биографический словарь. – СПб., 1902. С. 295.

[303] *Залышкин М.М.* Внешняя политика Румынии и румыно-русские отношения 1875-1878 гг. – М.: Наука, 1874. С. 58.

[304] *Поплыко Д.Ф.* Указ. соч. С. 27-28.

Весной 1876 г. внимание российской общественности на короткий период переключилось на Болгарию. По инициативе Н.А. Киреева в декабре 1875 г. на заседании Славянского комитета в Петербурге был поставлен вопрос о необходимости оказывать помощь не только боснийцам и герцеговинцам, но и болгарам. Так как никакое решение принято не было, то по настоянию Н.А. Киреева к обсуждению этой проблемы вернулись в марте 1876 г. Но и эти прения быстрого результата не дали. Участники заседания пришли к выводу о необходимости выяснения места болгарского вопроса в актуальной международной повестке[305].

20 апреля 1876 г. в Болгарии началось Апрельское восстание, жестоко подавленное турками. Хотя отдельные вспышки вооруженного сопротивления продолжались до конца июля, фактически оно закончилось менее, чем через месяц – 16 мая. Подавление болгарского восстания вызвало большой общественный резонанс. На эти события быстро откликнулась российская и европейская пресса.

Московский славянский благотворительный комитет одним из первых в начале мая 1876 г. опубликовал в «Московских ведомостях» призыв о пожертвованиях, где, в частности, были такие слова: «… восстание славян разгорается, охватывает с каждым днем новые местности, перешло даже на Болгарию, а вместе с сим усиливаются страдания, умножается число жертв, лишенных крова и пищи… Со всех сторон ежедневно славянский комитет осаждают просьбами, мольбами о помощи, круг его благотворительной деятельности сам собою расширился на огромное пространство; собранные им средства оказываются недостаточными…велика по своей сложности высланная славянам русская земская милостыня, которой две трети, по крайней мере, составились из подаяний русского народа, при содействии приходского духовенства… Тяжелое бремя легло, конечно, на русское общество… Нужно ещё, может быть последнее усилие, нужны новые подаяния ещё в течение некоторого времени, до той, вероятно, недалекой поры, когда единодушному действию европейских правительств удастся разрешить политический вопрос в смысле благоприятном славянской свободе… на деле»[306].

В продолжение темы 27 мая 1876 г. «Московские ведомости» поместили заметку о бедственном положении повстанцев и мирного болгарского населения[307]. Призывы жертвовать в пользу болгар разместили и другие газеты.

В разгар болгарских событий комиссия по сбору пожертвований Петербургского отдела Московского славянского благотворительного комитета также обратилась к подданным

---

[305] *Козьменко И.В*. Русское общество и Апрельское болгарское восстание 1876 г. // Вопросы истории. 1947. № 5. С. 96.

[306] Московские ведомости. 1876. 5 мая. С. 4.

[307] Там же. 27 мая. С. 4.

Империи с воззванием, изданным тиражом в сотню тысяч экземпляров. Оно было разослано архиереям, губернаторам, в ремесленные управы, которые, в свою очередь, передали его настоятелям православных церквей, церковным старостам, волостным старшинам и цеховым мастерам. Таким образом удалось добиться максимального охвата населения[308].

Кроме того, для сбора средств активно использовались тарелочные сборы в церквах, лекции, концерты и другие благотворительные мероприятия.

Довольно успешным источником финансирования деятельности Петербургского отдела стала продажа с начала 1876 г. сборника статей на балканские темы «Братская помочь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины»[309], изданная на отчисления не менее 1% от дохода служащих правительственных и общественных учреждений[310]. Выручка от продажи издания позволила в начале июля покрыть долг комиссии кассе петербургского отдела славянского комитета в 3 000 руб., который был сделан в начале восстания ввиду срочной отправки помощи[311].

Издание было поднесено членам императорской семьи, которые, в знак поддержки этого направления деятельности организации, пожертвовали значительные суммы. Наследник цесаревич и великий князь Александр Александрович в благодарность за преподнесенный ему экземпляр передал в Петербургский отдел Московского славянского благотворительного комитета 50 руб.[312] Были поступления и от других членов императорской семьи.

Благодаря усилиям, членов Петербургского отдела, с 21 сентября 1875 г. по 8 октября 1876 г. было собрано 810 699 руб.[313] Из них 10 000 руб. были пожалованы императрицей Марией Александровной – «в помощь бедствующим болгарским семействам»[314].

Расширение территории восстания влекло за собой и разрастание гуманитарных проблем, наблюдалось и их углубление. Прежде всего, это касалось проблемы беженцев, решение которой изначально виделось Россией только на черногорском направлении. Несомненно, одной из причин такого положения был расчёт на то, что и другие европейские государства, прежде всего, Австро-Венгрия, внесут свою лепту.

---

[308] Краткий очерк деятельности Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества за 25 лет его существования. 1868-1893 гг. Составил по поручению Совета действительный член Общества Ф.М. Истомин. – СПб., 1893. С. 26.

[309] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 340.

[310] По сбору пожертвований в пользу балканских славян. Доклад комиссии общему собранию санкт-петербургского отдела славянского комитета. 12 октября 1876 года. // Русская старина. 1876. № 11. С. 6 (61).

[311] Там же. С. 7 (62).

[312] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 374.

[313] Краткий очерк деятельности Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества за 25 лет его существования. С. 27.

[314] Там же. С. 28.

Однако проблемы беженцев использовались европейскими правительствами как один из инструментов для решения своих внешнеполитических задач. Реальные нужды вынужденных переселенцев заботили мало – ими манипулировали в своих целях. Когда было выгодно, их поддерживали на своей или сопредельной территории, когда же ситуация менялась, финансирование прекращалось, и таким образом беженцев вынуждали двигаться дальше или возвращаться на родину.

На эту проблему указал в одном из своих посланий в Московский славянский благотворительный комитет отставной дипломат Владимир Сергеевич Ионин, брат А.С. Ионина, с 1860-х годов служивший в славянских землях. 30 апреля 1876 г. он писал: «…Мое обращение к Вам, господа, вызвано жалобами на отчаянное положение эмигрантов Боснии, где восстание расширяется с каждым днем… Каждому из нас уже известно, что создательница реформ – Австрия, видя невозможность примирить славян с Турцией, решилась угрожать прекращением пособия выходцам и к стыду нашего века беспрепятственно понуждала их голодом возвращаться на родину… Теперь у босняков, обреченных умирать в нищете, осталась только надежда на частную благотворительность и в предсмертной агонии молят русских, более чем кого-либо, пощадить их жизнь. … Господа, умоляю вас, … не дайте угаснуть чувству привязанности славян к России»[315].

Аргументы, приведенные в последней части письма, можно назвать «традиционными». Общественность Российской империи призывали оказывать помощь балканским славянам, используя веру в скорое освобождение единоверцев от турецкого ига и славянское единство. Призывы к милосердию базировались на сознании общности народов и противопоставлении «врагам славянства» и, как правило без ответа не оставались.

§ 2. Организация гуманитарной помощи в период и по окончании сербо-турецкой и черногорско-турецкой войн 1876 г.; помощь беженцам

18 (30) июня 1876 г. Сербия объявила войну Турции, к ней присоединилась Черногория. Это событие вызвало значительный отклик во всех слоях российского общества. Как писал один из врачей-добровольцев, С.П. Коломнин, доцент университета Св. Владимира, бывший с июля по декабрь 1876 г. в составе санитарного отряда, сформированного на личные средства профессора С.П. Боткина, «русский народ смотрел на эту войну с глубоко религиозной точки зрения, она была для него своего рода крестовым походом»[316].

---

[315] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. С. 275-276.

[316] Общий медицинский очерк сербо-турецкой войны 1876 г. и тыла армии в Бессарабии и Румынии во время турецкой войны 1877 г. С. Коломнина, доцента университета Св. Владимира. – СПб, 1878. С. 12.

26 июня (8 июля) 1876 г. Женевский международный комитет циркулярно обратился к национальным обществам с приглашением «поспешить на помощь раненным сербам на том основании, что Сербия уже приступила к Женевской конвенции и обратилась с просьбою к международному комитету об оказании помощи к облегчению участи раненых…»[317].

Как Сербия, так и Черногория остро нуждались в медицинском персонале из-за малочисленности собственных кадров: например, в Сербии в мирное время более чем миллион человек населения обслуживало всего около 80 врачей. В военное время ситуация становилась катастрофической.

С разрешения императрицы Марии Александровны ГУ «Общества попечения о раненых и больных воинах» объявило сбор средств в пользу раненых славянских воинов[318]. Этот призыв был поддержан как в столицах, так и провинции. Так, только Варшавское местное управление собрало 34 350 руб.[319]. Успешный сбор позволил Обществу в июле 1876 г. увеличить финансирование деятельности своего уполномоченного в Цетинье[320].

В Черногории с января 1876 г. находился санитарный отряд Георгиевской общины сестёр милосердия, состоявший из восьми сестёр (старшая - Е.П. Карцова, имевшая опыт работы под руководством Н.И. Пирогова в период Крымской войны 1853-1856 гг.), четырех врачей (В.И. Алышевский, Н.П. Богоявленский, Ковалевский, П.В. Палисадов) и провизора (Н.К. Гинтер)[321]. Он развернул лазареты в Цетинье (на 60 кроватей) и Грахове (на 40-45 кроватей), а для женщин и детей создал специальное отделение. Кроме больных и раненых воинов, лазарет обслуживал и герцеговинских беженцев. Русский персонал сумел обеспечить образцовый уход за больными. Их содержание предполагало полтора фунта мяса в сутки на человека и неограниченное количество табака[322]. Фактически, «с января по сентябрь 1876 года вся санитарная часть Черногории была в руках отряда общины во имя св. Георгия, и эта деятельность была тем труднее, что она являлась совершенной новостью для этого малокультурного края: приходилось

---

[317] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Ф. 11295. Л. 38 об.

[318] Там же. Л. 53.

[319] Краткий отчет о деятельности Варшавского местного управления Общества попечения о раненых и больных воинах, представленный председателем управления генерал-адъютантом Минквицем общему собранию членов в заседании 15 ноября 1877 г., назначенном для избрания нового председателя. – Варшава, 1877. С. 2.

[320] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9045. Красный Крест в Сербии. 1876-1878. Л. 5-6.

[321] Исторический очерк общины сестёр милосердия св. Георгия в Санкт-Петербурге за двадцатипятилетие (1870-1895). – СПб., 1895. С. 8.

[322] *Михайлов Д.* Красный Крест и сестры милосердия в России и за границей. – Пг-Киев, 1914. С. 29.

завоевывать доверие и симпатии жителей, чтобы заставлять их выполнять главные медицинские предписания»[323].

За восемь месяцев работы в русских лазаретах прошли курс лечения 1 058 раненых и больных, а амбулаторная помощь была оказана 16 373 черногорцам[324]. При российских медицинских учреждениях были созданы пункты раздачи платья и белья беднейшим жителям разоренного края. Это был «первый опыт деятельности в чужой стране, среди всевозможных ужасов и бедствий военного времени, был сплошным подвигом любви и самоотвержения» [325].

Санитарному отряду Красного Креста пришлось работать в сложной эпидемиологической обстановке, в момент развития инфекционных болезней. В Грахово в июне от брюшного тифа погиб молодой врач Петр Васильевич Палисадов[326].

Красный Крест поддерживал также лазарет в Даниловграде, работавший как центральный перевязочный пункт. Кроме того, был организован подвижной санитарный отряд из двух врачей и двух фельдшеров, оказывавший помощь раненным на поле боя.

В октябре 1876 г. врач Даниловградского лазарета Я.Д. Петкович писал И.С. Аксакову о работе русских врачей, обслуживавших три перевязочных пункта на албанской границе. После каждого сражения они отправляли раненых в Цетине, в госпиталь «Общества попечения о раненых и больных воинах». С 6 августа по 6 октября медицинскую помощь в Даниловграде получили 1 210 человек, в Цетинье было отправлено 180 человек[327]. Всего с начала Великого Восточного кризиса Красный Крест истратил на нужды Черногории 85 000 руб.[328].

В гораздо больших масштабах в этот период была оказана помощь Сербии. Решение отправить в Сербию врачей и госпитальные принадлежности ГУ «Общества попечения о раненых и больных воинах» приняло 18 июля 1876 г.[329]. На театр военных действий оно командировало свой санитарный отряд (старший врач И.О. Корженевский) и главноуполномоченного (с 19 июля 1876 г.) В.Н. Токарева[330].

В Сербии В.Н. Токарев действовал на основании выданной ему в ГУ инструкции, где, в частности, говорилось, что в его распоряжение поступает весь командированный на театр

---

[323] Исторический очерк общины сестёр милосердия св. Георгия в Санкт-Петербурге… С. 8-9.

[324] *Хитрова Н.И.* Освободительная борьба Черногории 1876-1878 гг. накануне и во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. С. 110.

[325] Исторический очерк общины сестёр милосердия св. Георгия в Санкт-Петербурге… С. 8-9.

[326] Там же. С. 2.

[327] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. С. 321.

[328] *Михайлов Д.* Указ. соч. С. 30.

[329] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9045. Красный Крест в Сербии. 1876-1878. Л. 7.

[330] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1295. Л. 333.

военных действий на средства Красного Креста персонал, «кроме того, в его ведении будут находиться лица, отправленные на частные средства обществ и отдельных лиц, но пожелают действовать в соответствии с Женевской конвенцией под Красным Крестом, им он должен оказывать содействие и покровительство»[331].

Чтобы выполнить стоящие перед ним задачи, Красный Крест обратился с воззванием к русскому обществу и открыл подписку для пожертвований. В результате сумма, затраченная Красный Крестом на помощь сербам, составила 526 276 руб.[332]. Основная ее часть была затрачена на формирование и отправку санитарных отрядов.

Также свои отряды отправляли частные лица и организации. Одной из первых 25 июля 1876 г. в Сербию выехала княгиня Наталия Борисовна Шаховская с 25 сёстрами общины «Утоли мои печали». Вместе с ней отправилось ещё 10 фельдшериц, окончивших учебный курс при Императорской медико-хирургической академии, и пять сестёр от Петербургского отдела Славянского комитета, так что всего поехало 40 сестёр[333].

Впоследствии к ним присоединились санитарные отряды Санкт-Петербургского дамского кружка для сбора пособий в пользу Сербии, Болгарии, Боснии и Герцеговины[334], а также собранные лейб-медиком С.П. Боткиным и старообрядцами[335]. Известно также о частных отрядах из Москвы, Санкт-Петербурга, Одессы, Харькова и других городов России. Они отличались как по материальному снаряжению, так и качеству медицинского персонала. Часть из этих отрядов пожелала встать под флаг Красного Креста. В результате сводный отряд «Общества попечения о раненых и больных воинах» составил 115 врачей, 4 провизора, 118 сестёр милосердия, 41 студент и 78 фельдшеров. Сумма, затраченная Красный Крестом на помощь сербам, составила 526 276 руб.[336].

К сентябрю 1876 г. ГУ «Общества попечения о больных и раненых воинах» взяло на себя содержание и обслуживание 1 000 коек, как в русских, так и сербских медицинских учреждениях.

Медицинская помощь сербской армии, как уже упоминалось, была остро необходима. Дело в том, что сербская военно-санитарная часть, по своим размерам и организации вполне соответствовавшая небольшому составу сербского постоянного войска, в период мобилизации не смогла даже в самом начале войны удовлетворить потребности 100-тысячной армии[337].

---

[331] Там же. Л. 619-619 об.

[332] Иллюстрированный календарь Красного Креста на 1909 год. – СПб., 1908. С. 44-45.

[333] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1295. Л. 333.

[334] Там же. Л. 336.

[335] Там же. Л. 405.

[336] Иллюстрированный календарь Красного Креста на 1909 год. – СПб., 1908. С. 44-45.

[337] Там же. С. 44.

По данным главноуполномоченного В.Н. Токарева, за время пребывания в Сербии Красным Крестом была оказана помощь более чем 5 000 раненым. Они были обеспечены питанием, уходом, постельным бельём, одеждой; давались щедрые пособия по возвращении на родину. Сербскому Обществу Красного Креста была оказана денежная помощь для выдачи жалования медицинскому персоналу. Этому и другим обществам отпускались перевязочные средства, хирургические инструменты, постельное бельё. Красный Крест также предоставлял бельё и тёплую одежду добровольцам[338]. Кроме того, «наше общество [Красного Креста] помогало даже сербскому правительству деньгами или вещами, где нужно было способствовать целям ухода за больными»[339].

Как свидетельствовал С.П. Коломнин, русские врачи, которых было около 100, во время сербо-турецкой войны 1876 г. составили костяк сербской военно-санитарной службы. В.Н. Токарев писал, что «тысячи патриотов, нашедших приют в наших госпиталях, без них были бы предоставлены случаю, страданиям и бедствиям»[340]. Сербских врачей (по разным данным) было мобилизовано от 40 до 50 человек, а врачей других национальностей (англичан, американцев, швейцарцев и т.д.), в совокупности, около 25[341].

Однако, в российском обществе человеколюбивая деятельность «Общества попечения о раненых и больных воинах» была недооценена и практически сразу стала подвергаться критике как слева, так и справа. Одной из причин неудовольствия было отсутствие, по мнению ряда общественных деятелей, той роли, «которую … <Красный Крест> должен был играть по праву, имея большие средства»[342]. Здесь явно примешивались мотивы, вызывавшие определенные опасения в сербском обществе. И, как писал С.П. Коломнин в этой связи, «сербы неверно поняли смысл русской частной помощи и приписывали ей большое политическое значение»[343]. Однако, следует заметить, что полемика, которая велась в российской периодической печати на эту тему, только подогревала критические настроения.

Завышенные ожидания были и у той части российского общества, которая полагала, что, «отправляя в Сербию свой отряд, Русский Красный Крест имел в виду организовать и принять на свои средства всю медицинскую и санитарную часть Сербии». По мнению В.Н. Токарева, это

---

[338] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 36. Л. 9 об.-10.

[339] Там же. Л.10.

[340] Там же.

[341] Общий медицинский очерк сербо-турецкой войны 1876 г. и тыла армии в Бессарабии и Румынии во время турецкой войны 1877 г. С. Коломнина, доцента университета Св. Владимира. СПб, 1878. С. 15.

[342] Там же. С. 28;

[343] Там же. С. 5.

было большой ошибкой, так как «такой широкой задаче не соответствовало … ни первоначально назначенные материальные средства, ни административный состав отряда»[344].

Телеграмма князя В.П. Мещерского, находившегося в зоне военных действий, о плохом состоянии госпиталей Красного Креста, отсутствии в них достаточного количества белья, медикаментов и прочего вызвала переполох и волну возмущения в российском обществе. Князь Мещерский не обошел своим вниманием и частные отряды, указав, что качество медицинского персонала в них оставляет желать лучшего[345]. В.Н. Токареву пришлось оправдываться, доказывая, что это не так[346]. Впоследствии выяснилось, что князь Мещерский полагал, что Красный Крест отвечает за все русские отряды в Сербии. Недоразумение вскоре прояснилось, а вот след от скандала остался надолго.

Деятельность РОКК подвергалась критике и со стороны демократической печати, доказывавшей, что «первый дебют нашего общества Красного Креста очень неудачен… это общество далеко ещё не стоит на высоте своего положения … для достижения своей цели ему необходимо освободиться от того бюрократизма, который парализует его деятельность»[347].

Как справедливая, так и несправедливая критика отдельных недостатков в организации работы ГУ «Общества попечения о больных и раненых воинах» затмевала колоссальную работу, сделанную русским медицинским персоналом под флагом Красного Креста.

А ведь сложности у русских отрядов начались практически сразу. В.Н. Токарев отметил в отчете Главному управлению, что по прибытии в Сербию в конце июля, он обратился к военному министру Тихомиру Николичу и старшему врачу министерства Саве Петровичу[348] «с просьбой указать … местность, где наша помощь необходима и где полезнее устроить госпиталь»[349]. Военное министерство не смогло дать ответы на эти вопросы. Эффективность сербской военно-санитарной службы вызывала вопросы: к началу войны не было ни планов эвакуации, ни даже известий с театра военных действий о количестве раненых[350].

Такое положение дел объяснялось как объективными, так и субъективными причинами. С одной стороны, у сражавшихся за свою свободу сербов практически не было ни денег, ни врачей,

---

[344] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 34. Л. 345 об.-346.

[345] Общий медицинский очерк сербо-турецкой войны 1876 г. С. 27-28.

[346] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 34. Л. 9- 9 об.

[347] *Власова Ю.В*. Сербо-турецкая война 1876 г. и общественное мнение России. Дисс. … канд. ист. наук. - Воронеж, 2003. С. 102.

[348] Военно-санитарную службу военного министерства в тот период возглавлял доктор Карло Белони, а доктор Сава Петрович был специальным представителем сербской армии, отвечавшим за связи с Красным Крестом.

[349] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 34. Л. 1-1 об.

[350] Общий медицинский очерк сербо-турецкой войны 1876 г. С. 2.

ни опыта в организации массовой эвакуации. С другой стороны, как свидетельствовал С.П. Коломнин, сербская военно-санитарная служба «была закрыта и не признавалась в своей несостоятельности»[351]. Несмотря на очевидность проблемы, военное министерство не смогло справиться с координацией медицинской помощи. Главный врач сербской армии был вынужден сосредоточиться на организации только перевязочных пунктов[352]. Сербский Красный Крест «действовал вяло и не был способен взять на себя часть проблем»[353]. Отсюда, по замечанию С.П. Коломнина, «возникал хаос: новые <иностранные> отряды иногда долго сидели в Белграде без дела или занимали местности, не соответствующие их материальным возможностям и силам персонала. Неопытный персонал мог оказаться в гуще событий, в то время как опытные хирурги сидели без дела…»[354].

Вся эта неразбериха происходила в то время, когда больные и раненые воины нуждались в неотложной помощи. Один из русских добровольцев – А. Незлобин – посетил один из ближайших к линии фронта госпиталей и «застал <там> врача в страшном переполохе … к нему привозили и привозили раненых, некуда было их положить: госпиталь и все кафаны были переполнены ими. Множество людей валялось на улице. Стон стоял в воздухе…»[355].

Движимые гуманными соображениями, некоторые русские санитарные отряды стали разворачивать свою деятельность на основании собственных изысканий. Рискуя жизнью, их уполномоченные и старшие врачи стали продвигаться к линии фронта в поисках мест скопления раненых. Одной из первых была княгиня Н.Б. Шаховская[356].

Первые госпитали Русского Красного Креста были устроены в Топчидере, Ягодине и Чуприи. Ягодин стал крупным эвакуационным пунктом. В нем было 14 госпиталей, три из них организовало «Общество попечения о раненых и больных воинах», ещё два содержалось на его средства. И это не считая частных отрядов из России, работавших на русские и сербские деньги.

План эвакуации определился сам собой в августе. Не получая помощь в достаточном объеме, раненые начали самостоятельное движение от линии фронта. Уже упоминавшийся А. Незлобин свидетельствовал, что «по мере удаления от Белграда, чаще и чаще стали попадаться группы раненых сербов и русских, пробиравшихся в Белград. Между ними было много … перевязанных кое-как, безо всякой врачебной помощи. Босые, оборванные, в лохмотьях, в грязи, с изнуренными, мертвенно-бледными лицами, медленно, уныло тащились они по дороге,

---

[351] Там же. С. 4.

[352] Там же.

[353] Там же. С. 7.

[354] Там же. С. 5.

[355] *Незлобин А*. В Белграде и на позиции. Рассказ очевидца // Русский вестник. Т. 126. М., 1876. С. 825.

[356] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 34. Л. 2.

ложились в стороне, прямо в грязь, отдыхали, вероятно, и умирали тут же. Многие шли, не зная, куда и зачем…»[357]. Этот поток стал расширяться. Больных и раненых стали доставлять по дорогам из Алексинаца в Белград.

Однако даже спустя месяц после начала военных действий ситуация в сербских госпиталях практически не изменилась, о чем свидетельствует письмо одного из русских врачей к И.С. Аксакову (конец августа 1876): «… Мы приехали в Парачин отдохнуть, предлагаем свои услуги сербским врачам, взять госпиталь в свои руки, после некоторых препинаний, отдают. Являемся: вонь нестерпимая, грязь, больные лежат на каменном полу, раненые лежат вместе с дизентерийными… Главные врачи военные отправляют русских врачей в такие госпитали, которых никогда не бывало… в Алексинаце русских врачей ставили всегда в самые опасные пункты, сами же уходили к англичанам в более безопасное место…»[358].

Неожиданно для себя русский медицинский персонал столкнулся со сложностями во взаимоотношениях с местной администрацией и чиновничеством при разворачивании лазаретов и госпиталей вдоль линии эвакуации. Сербское население практически ничего не знало о России и относилось к русским с недоверием. Вдали от Белграда русские медицинские учреждения могли рассчитывать лишь на ограниченную помощь – в транспортировке раненых и найме госпитальной прислуги[359].

Основываясь на инструкции ГУ, главноуполномоченный В.Н. Токарев пытался взять под контроль деятельность русских санитарных отрядов, в том числе, за счёт организации снабжения медикаментами и денежными средствами. Но, во-первых, не все отряды в этом нуждались. А во-вторых, из тех, кто пользовался возможностями Русского Красного Креста, далеко не все были готовы давать отчет о своей деятельности или хотя бы сообщать о своем местоположении. Сложность контроля заключалась ещё в том, что география распределения русских врачей была обширной. Русские обслуживали передовые госпитали в Парачине, Чуприи и Ягодине, Аранджеловаце, Пожареваце. Русский персонал работал в большом количестве сербских госпиталей. Да и перевязочные пункты обслуживали, в основном, русские врачи[360].

«Общество попечения о больных и раненых воинах» впервые столкнулось со столь масштабными задачами вне пределов России, но не смогло найти опору в сербском военном министерстве, которое само не имело ни опыта подобной работы, ни соответствующих ресурсов.

---

[357] *Незлобин А*. Указ. соч. С. 821-822.

[358] Москва-Сербия, Белград-Россия. Сборник документов и материалов. Т. 2. – Белград-Москва, 2011. С. 454-455.

[359] Общий медицинский очерк сербо-турецкой войны 1876 г. С. 6-7.

[360] Там же. С. 14-15, 25.

Обеим сторонам пришлось строить эту работу совместно, преодолевая взаимное недоверие. В результате были заложены основы будущей сербской военно-санитарной службы.

Пожертвования, собираемые в России, позволили отправить значительное количество санитарных отрядов, но их качество и снаряжение зависело от опыта, профессионализма медицинского персонала и щедрости благотворителей. Большинство добровольцев, по отзывам В.Н. Токарева, работали самоотверженно, но некоторые члены отрядов оказались не подготовленными к тем трудностям, с которыми столкнулись, что отразилось на дисциплине[361].

Завышенные ожидания от миссии Красного Креста, наложенные на политическое противостояние по балканским вопросам в различных слоях российского общества, вызвали шквал критики в адрес «Общества попечения о больных и раненых воинах», нанося вред его авторитету как в России, так и стране пребывания. В.Н. Токарев с горечью писал в одном из донесений, что некоторые газеты «утверждали даже, что мы не принесли пользы… после 5 ½ месячного пребывания моего в Сербии я не могу разделять взглядов тех, которые говорят об абсолютных неуспехах… было сделано и принесено беспредельно много пользы»[362].

Кроме того, по окончании военных действий некоторые российские добровольцы остались работать в сербских медицинских учреждениях. Например, по данным Е.Н. Козловцевой, княгиня Н.Б. Шаховская осенью 1876 г. вернулась в Россию, а сёстры милосердия ее общины продолжали работать до января 1877 г.[363].

ГУ «Общества попечения о раненых и больных воинах» извлекло уроки из этой военной кампании. Старшие врачи лазаретов, находившихся под флагом Красного Креста, впоследствии были обязаны давать отчеты о своей деятельности[364]. Основываясь на них, организация постоянно совершенствовалась. Опыт сербо-турецкой войны 1876 г. был использован и развит «Обществом попечения о больных и раненых воинах» в последовавшей вскоре русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Отправку отрядов Красного Креста Главное управление РОКК стало контролировать через МИД и МВД, а набор персонала поручать уполномоченным общинам сестёр милосердия.

Деятельность славянских комитетов с началом военных действий в Сербии и Черногории развивалась в нескольких направлениях.

Во-первых, была организована медицинская помощь балканским народам. На средства только Московского славянского благотворительного комитета к началу августа 1876 г. было

---

[361] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 36. Л. 12.

[362] Там же. Л. 9.

[363] *Козловцева Е.Н.* Русские сестры милосердия в Сербии и Болгарии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Славянский альманах. 2009. С. 190.

[364] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 36. Л. 11.

отправлено 150 специалистов-медиков, в том числе 50 врачей, после чего уполномоченный Красного Креста В.Н. Токарев попросил воздержаться от дальнейшей отправки медицинского персонала. Значительно меньшее количество снарядил Петербургский отдел – 29 человек. Среди них были две женщины-врача, Р.С. Святковская и М.Ф. Зиболд[365], принявшие заведывание госпиталем Женского друштва в Белграде[366]. Кроме того, Петербургский отдел выделил средства на содержание санитарного отряда, сформированного в Юрьеве (Тарту)[367]. На эти цели было затрачено 3 000 руб. Всего было отправлено восемь врачей, 13 студентов и фельдшеров, шесть фельдшериц, две сестры милосердия[368].

Во-вторых, славянские комитеты предоставляли материальную, прежде всего, финансовую поддержку, тем, кто оказывал благотворительную помощь балканскому населению на местах. К сожалению, точные цифры привести затруднительно, так как отчет Петербургского отдела Славянского комитета составлен таким образом, что разобраться в нем нелегко: одни и те же цифры расписаны по разным статьям, что было отмечено впоследствии в протоколах организации[369]. Таким образом, о величине пособий мы можем судить лишь приблизительно. Среди адресатов были сербская княгиня Наталья Обренович (10 000 руб., 8 июля), черногорский князь Никола (10 000 руб., 13 сентября 1876 г.), генеральный консул в Дубровнике А.С. Ионин (2 000 руб., 26 июня и 10 000 – 8 июля), Одесское болгарское настоятельство (5 000 руб., 8 июля), К.И. Иванов из Кишенева (5 000 руб., 8 июля), белградский консул А.Н. Карцов (2 009 руб., 28 июля и 13 000 руб., 8 июля)[370].

Однако, как известно, основным направлением деятельности славянских комитетов в этот период стала отправка на театр военных действий добровольцев. Конечно, материальную и организационную поддержку добровольческого движения нельзя отнести к видам гуманитарной помощи, но без краткого экскурса в эту сферу активности славянских комитетов невозможно

---

[365] О Марии Федоровне Зиболд (1847, Рига – 1939, Белград) известно то, что она получила медицинское образование в Цюрихе (1897), в описываемых событиях принимала участие в качестве помощника врача, еще будучи студенткой. Она стала первой иностранкой в сербской военно-санитарной службе. Завершив образование, она вернулась в Сербию. Во время Балканских и Первой мировой войн работала военным врачом, закончив карьеру в чине майора. Была награждена рядом государственных наград, в том числе, орденом за храбрость. // Литвињенко Стеван. Руски лекари у Србији и Црној Гори. – Београд, 2007. С. 124-125.

[366] Краткий очерк деятельности Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества за 25 лет его существования. С. 28.

[367] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 386.

[368] Там же.

[369] Там же. С. 389.

[370] Там же. С. 388-389.

оценить объемы собственно благотворительной помощи, оказанной ими балканским народам в этот период.

Итак, 18 июня сербский князь Милан Обренович объявил о начале войны с Турцией. Как уже говорилось, Сербия не была готова к войне и надеялась на содействие России, опираясь в своих расчётах на российское общественное мнение, в основном, сочувствовавшее освободительной борьбе сербского народа. Как было отмечено в отечественных исследованиях, помощь пришла, но не в той форме, в какой ожидало сербское правительство: оставив себе дипломатическое урегулирование конфликта, официальная Россия не стала препятствовать развитию добровольческого движения[371].

С самого начала Великого Восточного кризиса в рядах повстанцев было довольно много представителей европейских государств. Что же касается российских добровольцев, то первые из них появились ещё осенью 1875 г.[372] Эта волна состояла, в основном, из одиночек - революционеров-демократов, находившихся на нелегальном положении, и надеявшихся на практике реализовать свои убеждения. По разным оценкам в тот период их было от 50 до 100 человек[373], а массовым добровольческое движение стало только с началом сербо-турецкой войны.

К этому времени в российском МИД уже было понимание того, что политика невмешательства не только не дает ожидаемых плодов, но и мешает достижению целей. Требовались активные действия, к которым, однако, Россия не была готова: «поднимать против себя Европу она не может: не сладит она с нею…[она] … должна именно теперь энергически действовать в Европе на прекращение балканской бойни и на удовлетворение требований славян… теперь … нужно хлопотать только о том, чтобы доставлять славянам как можно более средств на продолжение войны, потому что чем более они будут бить турок, так более турки станут уступчивы, да и Европа будет смотреть с большим почтением [на славян] … и скоро согласится поддержать их требования…»[374]. С этой оценкой международного положения и задач России в текущем моменте, как и с предложенным планом действий, изложенных в перлюстрированном письме редактора газеты «Голос» А.А. Краевского к одному из авторов, был согласен Александр II, наложивший на документ соответствующую резолюцию: «Весьма здравые мысли и совершенно согласные с моими»[375].

---

[371] См., например: *Кузьмичева Л.В*. Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 года // Россия и восточный кризис 70-х годов XIX века. – М., 1981. С. 77.

[372] *Никитин С.А*. Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах. С. 288.

[373] *Данченко С.И*. Указ. соч. С. 149.

[374] Москва-Сербия, Белград-Россия. Сборник документов и материалов. Т. 2. – Белград-Москва, 2011. С. 417.

[375] Там же. С. 419.

Поэтому можно с большой долей уверенности говорить о том, что добровольческое движение стало для российской власти прекрасной возможностью обозначить свое присутствие в регионе и поддержку балканских народов, не вступая в конфликт с европейскими государствами.

О.Ф. Миллер, один из активистов Петербургского отдела Славянского комитета, инициативу возникновения добровольческого движения отдал «народным массам»: «отправка добровольцев никогда и не снилась … комитетам. Различного рода русские люди прихлынули к ним толпою и стали требовать, чтобы их снарядили в путь, и не было уже возможности не удовлетворить этим настоятельным требованиям…»[376]. Как бы там ни было, несомненно, что вдохновителем добровольческого движения был не официальный Петербург. Но он смог использовать в своих целях энтузиазм части российского общества и даже на короткий период дал ей возможность увлечься иллюзией определенной самостоятельности в формировании актуальной балканской повестки.

Общеизвестно, что вслед за генералом М.Г. Черняевым и несколькими офицерами, отправившимися на театр военных действий в апреле–мае 1876 г., последовали другие волонтеры. Но их было недостаточно, чтобы можно было говорить о «помощи русского народа». Массовым добровольческое движение становится только после 27 июля того же года, когда Александр II объявил о разрешении военным временно выходить в отставку, чтобы ехать в Сербию, не теряя при этом старшинство при возвращении в полк[377]. Это отмечают российские исследователи, называя июль и август 1876 г. «самой горячей порой в отправке добровольцев»[378].

Славянские комитеты оказывали добровольческому движению организационную и материальную поддержку. Им пришлось взять на себя помощь добровольцам, пожелавшим сражаться в рядах сербской армии, и членам их семей, кроме того, «много стараний и средств были употреблены на снаряжение и доставку одежды, обуви и белья»[379]. Как было отмечено в одном из отчетных документов Петербургского отдела, «до сербской войны и болгарской бойни расходы шли исключительно на пособия семействам герцеговинских и боснийских воинов, нашедших прибежище в соседних странах[380]. С конца июня наступили изменения. Чисто благотворительным начинаниям пришлось “посторониться”, на передний план вышли заботы о Сербии, сербской армии и ее славянском вожде»[381].

---

[376] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества… С. 446.

[377] *Кузьмичева Л.В*. Указ. соч. С. 80-81.

[378] *Никитин С.А*. Славянские комитеты в России. С. 314; *Кузьмичева Л.В*. Указ. соч. С. 80-81 и др.

[379] Краткий очерк деятельности Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества за 25 лет его существования. 1868-1893 гг. С. 28-29.

[380] По сбору пожертвований в пользу балканских славян. С. 11.

[381] Там же.

Не углубляясь в историю вопроса, каким образом славянские комитеты, имея весьма скромные средства, пришли к выводу о необходимости поддержки добровольческого движения, заметим, что это решение не могло быть реализовано без содействия государственного аппарата.

Чтобы обеспечить славянским комитетам организационную и финансовую возможность отправлять достаточное количество добровольцев в сербскую армию, МВД разрешает открыть аналогичные организации по всей России[382]. В их задачу входила как вербовка и отправка волонтеров, так и сбор средств. Как мы уже отмечали, если бы не поддержка Русской Православной церкви и губернаторов, сопровождавшаяся разъяснениями и призывами о помощи славянам после богослужений в церквах, кампанией в столичных и провинциальных газетах и многочисленными мероприятиями, то вряд ли результат был таким успешным.

Тем не менее, несмотря на всеобщий энтузиазм, часть общества не желала понимать, почему нужно решать внешнеполитические задачи в ущерб внутриполитическим, да ещё и за счёт сборов с населения. В разгар кампании по отправке добровольцев, 5 августа 1876 г., редактор газеты «Голос» А.А. Краевский получил письмо от неустановленного лица, полагавшего, что подписка на народное образование была бы целесообразнее помощи славянам[383]. Кроме того, автор послания утверждал, что газеты кричат о «”воле русского народа” в славянском вопросе, а на самом деле могут говорить только от имени известного общественного кружка»[384] и что «без помощи исправников, становых и других властей русский человек не поднимется никогда, никогда не принесет жертвы в ущерб своему имуществу»[385]. Наверное, это письмо могло бы затеряться в сотнях посланий в редакцию одной из петербургских газет, если бы оно не попало в перлюстрацию и на нем не стояла бы пометка Александра II: «много справедливого»![386]

Другими словами, официальный Петербург действовал вполне осознанно. По-видимому, именно об этом 8 августа 1876 г. записал в своем дневнике военный министр Д.А. Милютин: «… Дела сербов идут плохо … На помощь к ним из России стремятся в большом числе и офицеры, и врачи, и сёстры милосердия; даже много волонтеров из простонародья. Трудно было ожидать такого одушевления, такого порыва… Государь, по-видимому, поощряет всё, что делается в пользу балканских славян со стороны частных лиц и общества, но остается в твердом намерении не оказывать никакого вмешательства официального»[387].

---

[382] *Никитин С.А*. Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах. С. 308-309.

[383] Москва-Сербия, Белград-Россия. Сборник документов и материалов. Т. 2. С. 422.

[384] Там же. С. 421.

[385] Там же. С. 422.

[386] Там же.

[387] *Милютин Д.А*. Дневник. 1873-1882. В двух томах. Т. 1. – М.: Захаров, 2016. С. 247.

Ещё одним подтверждением этого тезиса, по нашему мнению, являются «мелкие деньги», собранные как в столице, так и в провинции. Один из активных деятелей Петербургского отдела Славянского комитета А.В. Васильев отмечал, что «главная масса средств, находившихся в нашем распоряжении, дана была нам именно массою нашего крестьянства и другого неимущего люда»[388]. Отсутствие крупных пожертвований как раз и создавало иллюзию «народной поддержки», тогда как официальная Россия оставалась «в тени».

По подсчётам С.А. Никитина, общее число добровольцев, отправленных в Сербию, значительно превышало 4 000 человек[389]. О такой же цифре говорит и Л.В. Кузьмичева[390]. Только Московский славянский благотворительный комитет до октября 1876 г. снарядил 1 176 человек[391]. В числе добровольцев, отправленных на средства комиссии по сбору пожертвований Петербургского отдела, были один генерал, 17 штаб-офицеров, 343 обер-офицера, 289 нижних чинов и 176 разночинцев. Кроме того, 31 офицер из Варшавы, 12 – из Ковно, несколько офицеров из Петербурга по просьбе генерала М.Г. Черняева и 120 донских казаков в полном вооружении, с лошадьми[392].

По прибытии на место многие добровольцы сталкивались с трудностями, к которым не были готовы. Не все из них имели военный опыт, их никто не ждал, их проблемы никто не решал. Большое количество волонтеров скапливалось в сербской столице, праздно проводя время в ожидании назначения. Один из очевидцев событий оставил следующую зарисовку: «Перед входом [в гостиницу «Сербская корона»], в маленьком садике, расставлены столы для публики, все занятые русскими. Тут мелькают несколько шитых военных мундиров, санитары и сёстры милосердия, отмеченные красным крестом, тут заседают корреспонденты всех стран, преимущественно русские, сюда стекаются все вести с места битвы, все сплетни Белграда и лондонских интриг…»[393].

Д.А. Милютин отметил в дневнике, что генерал М.Г. Черняев в телеграмме от 12 августа 1876 г. попросил не присылать более добровольцев, поэтому было «приказано приостановить отправки впредь до разъяснения обстоятельств»[394]. Спустя месяц, 16 сентября 1876 г., товарищ министра внутренних дел князь А.Б. Лобанов-Ростовский сообщил московскому генерал-

---

[388] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 578.

[389] *Никитин С.А*. Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах. С. 320.

[390] *Кузьмичева Л.В*. Указ. соч. С. 89.

[391] *Никитин С.А*. Указ. соч. С. 319.

[392] Краткий очерк деятельности Славянского благотворительного общества за 25-летие его существования. С. 28.

[393] *Незлобин А*. Указ. соч. С. 783.

[394] *Милютин Д.А*. Указ. соч. С. 250.

губернатору князю В.А. Долгорукову волю Александра II запретить формировать добровольческие дружины для отправки в сербскую армию генерала Черняева[395].

Вскоре выяснилось, что остановить кампанию по отправке волонтеров на театр военных действий гораздо сложнее, чем начать. Еще несколько месяцев ощущался следовой эффект от пропагандистской кампании славянофильских кругов. «Добровольческая горячка», как отметил один из первых исследователей этой темы С.А. Никитин, прошла только к декабрю 1876 г.[396].

Несмотря на приостановку отправки добровольцев, славянским комитетам пришлось заниматься их проблемами довольно длительное время, затрачивая на это дело значительные организационные и финансовые ресурсы. Именно на отправку и возвращение добровольцев, а не на благотворительную помощь пострадавшим от военных действий славянам была потрачена основная часть сборов славянских комитетов в 1875-1876 гг.

В середине сентября 1876 г. в Сербию был отправлен представитель Славянского комитета генерал-майор В.Д. Дандевиль – для поддержания порядка среди добровольцев и контроля за ситуацией[397]. Петербургский отдел передал ему большую часть имеющихся средств, так как в его обязанности входили раздача пособий отъезжающим на родину и материальная поддержка остающихся[398]. Неразбериха в этом вопросе была такой, что сербский митрополит Михаил спустя месяц попросил Московский славянский благотворительный комитет дать указание Дандевилю «снабжать средствами всех русских без разбора, кто бы он ни был, для возвращения на родину»[399]. В декабре 1876 г. генерал-майора В.Д. Дандевиля сменил А.А. Нарышкин. Действия представителей славянских комитетов в Сербии продолжались до начала русско-турецкой войны и состояли, кроме помощи добровольцам, в пособии местным жителям и беженцам из Боснии и Болгарии[400].

Стоит заметить, что ожидания от возможностей славянских комитетов в Сербии были явно завышены как в российском, так и сербском обществе. Кроме решения вопросов, связанных с добровольцами, от них ждали помощи в снабжении всем необходимым сербской армии. Масштаб проблем и в этой области был огромным. Часть из них изложена в письме командующего Ибарской армией генерала С.К. Новоселова И.С. Аксакову от 14 октября 1876 г. Обрисовав круг проблем (в армии нет самого необходимого – обуви, платья, тёплого белья, палаток, достаточного количества провианта и так далее), генерал Новоселов не столько просил

---

[395] Москва-Сербия, Белград-Россия. Сборник документов и материалов. Т. 2. С. 463.

[396] *Никитин С.А*. Указ. соч. С. 309.

[397] *Кузьмичева Л.В*. Указ. соч. С. 81-82.

[398] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 469.

[399] Москва-Сербия, Белград-Россия. Сборник документов и материалов. Т. 2. С. 478.

[400] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества… С. 471.

о помощи, сколько упрекал: «… Да, помогите, помогите нам! Вы, может быть, скажете, что Россия помогает нам и помогает сильно. … эта помощь до нас не доходит! Устройте же так, чтобы она до нас доходила, … а не то те пожертвования, которые дает почти каждый русский, пропадут бесследно, тот, может быть, последний грош, который даст бедняк, послужит совсем другому делу, а не нашему святому делу, делу помощи южным славянским народам»[401].

По просьбе российского военного министерства славянским комитетам пришлось взять на себя заботу не только о русских, но и болгарских добровольцах, что тоже требовало немало организационных и финансовых ресурсов. Еще в конце мая 1876 г. Петербургской отдел Славянского комитета командировал на Балканы отставного дипломата В.С. Ионина, выдав ему «на нужды страждущих болгар» 10 000 руб. Как отмечалось в докладе комиссии по сбору пожертвований в пользу балканских славян, «поездка эта имела последствием учреждение в Бухаресте Болгарского центрального благотворительного общества» (БЦБО)[402]. Его почетным председателем был избран В.С. Ионин, почетным членом – князь А.И. Васильчиков. Свою работу БЦБО начало 10 июля 1876 г., о чем письменно известило славянские комитеты в Москве и Санкт-Петербурге, а также о своих официальных целях – сборе средств жертвам Апрельского восстания[403].

Кроме того, Общество обратилось с воззванием к русскому народу с просьбой начать сборы в пользу пострадавших[404]. В одном из обращений, в частности, говорилось: «… в Болгарии турки безнаказанно совершают страшные злодейства и открыто проповедуют избиение болгар … [они] массами стали бросать свои жилища и бежать в горы для спасения … множество их гибнет… Для оказани денежного пособия этим жертвам от злодейств турок в Болгарии, составилось в Букаресте благотворительное общество, но пособие, оказанное им, ничтожно, в сравнении с громадным числом постоянно прибывающих жертв»[405].

Несмотря на название, эта организация была скорее политической. В планы Болгарского центрального благотворительного общества входила не только помощь болгарским беженцам в Румынии, но и пропаганда создания независимой Болгарии, и вооружение и отправка болгарских добровольцев для совместного выступления с сербской армией против Турции. Таким образом, такая форма организации как благотворительное общество оказалась очень удобной для решения

---

[401] Москва-Сербия, Белград-Россия. Сборник документов и материалов. Т. 2. С. 470-471.

[402] По сбору пожертвований в пользу балканских славян. С. 17.

[403] *Струкова К.Л.* К истории русско-болгарских отношений в 1876 году // Славянский архив. Сборник статей и материалов. – Москва: издательство Академии наук, 1959. С. 116-118.

[404] *Никитин С.А*. Указ. соч. С. 331.

[405] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 101. Л. 1-1 об.

как уставных, так и пропагандистских задач. К тому же это облегчало существование БЦБО на территории Румынии.

Из предоставленного В.С. Иониным в Славянский комитет отчета в 1876 г. следует, что основных статей расходов у него были четыре: 1) на учреждение БЦБО и его 12 отделов в разных городах Румынии; 2) на отправку волонтеров в Сербию; 3) на выдачу пособий бедным болгарским эмигрантам; 4) на формирование добровольческих отрядов в Румынии и удовлетворение их нужд в Сербии[406]. В.С. Ионин регулярно писал в Петербургский отдел о трудностях и просил о помощи, в том числе, оружием[407]. Однако на этом этапе можно говорить скорее о содействии славянских комитетов в организации болгарских дружин, чем активном участии.

Ситуация начала меняться, когда Московский славянский благотворительный комитет создал «болгарскую комиссию» под покровительством престолонаследника великого князя Александра Александровича. В нее вошли видные представители московского купечества и благотворители, в том числе, братья П.М. и С.М. Третьяковы и С.Т. Морозов. При образовании комиссии московские купцы пожертвовали 130 687, 74 руб. На эти средства закупалось оружие, а в начале 1877 г. они пошли на вооружение болгарского ополчения[408].

20 августа 1876 г. БЦБО обратилось в Петербургский отдел с просьбой о финансовой помощи для формирования болгарских дружин. В планах было создание единого военизированного формирования в 10 000 бойцов. Кроме денежных средств были необходимы оружие, обувь, перевязочные средства и т.д.[409]. Из отчета Петербургского отдела за 1876 год известно, что комиссия по сбору пожертвований отправила в БЦБО 15 000 руб.[410]

Центральное болгарское благотворительное общество внесло значительный вклад в формирование болгарского ополчения в составе русской армии, впоследствии многие из его членов сами вступили в ополчение и сражались вместе с русскими. Организация прекратила существование в апреле 1877 г., выполнив свое предназначение[411].

Кроме БЦБО отправкой добровольцев занималось и Болгарское человеколюбивое настоятельство. Обе организации соперничали между собой, причем, вторую из них

---

[406] *Струкова К.Л.* Указ. соч. С. 123.

[407] *Колышницына Н.В.* Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество и организация помощи славянам // История Петербурга. 2009. № 2 (48). С. 83.

[408] *Козьменко И.* Русское общество и Апрельское болгарское восстание 1876 г. // Вопросы истории. 1947. № 5. С. 106.

[409] *Струкова К.Л.* Указ. соч. С. 120.

[410] По сбору пожертвований в пользу балканских славян. С. 17.

[411] *Козьменко И.* Указ. соч. С. 105.

поддерживал российский консул в Румынии барон Д.Ф. Стюарт и в сентябре 1876 г. предлагал Петербургскому отделу Славянского комитета сотрудничать именно с ней. На это предложение в письме от 15 октября 1876 г. князь А.И. Васильчиков дипломатично ответил, что все направляемые ими средства идут исключительно в поддержку тех, кто едет добровольцем в сербскую армию[412].

Во второй половине октября 1876 г. стало ясно, что Сербия войну проиграла. От полного разгрома ее спасло только вмешательство Александра II. 19 (31) октября русский посол в Константинополе граф Н.П. Игнатьев передал турецкому правительству ультиматум России с требованием прекратить военные действия и пойти на перемирие. Турция была вынуждена уступить. В результате был подписан мирный договор, одним из условий которого стал отказ Белграда от поддержки восстания в Боснии. Но вооруженный конфликт погасить не удалось. Отдельные вспышки вооруженных столкновений прекратилась только в начале августа 1877 г., после поражения основных сил повстанцев в юго-западной Боснии[413]. Осенью 1876 г. Россия начала подготовку к возможной войне с Турцией.

Последней попыткой удержать ситуацию на Балканах в мирном русле стала конференция послов великих держав в Константинополе. Представители Великобритании, России, Франции, Германии, Австро-Венгрии и Италии с 23 октября 1876 г. по 20 января 1877 г. искали способ решения Восточного вопроса, приемлемого для всех сторон как за счёт изменения политического устройства бывших и настоящих турецких провинций, населенных христианскими народами, так и за счёт территориальных приращений. На основании предложений, выдвинутых послами, 19 (31) марта 1877 г. в Лондоне был подписан лондонский протокол, с которым категорически не согласилась Турция. Стало ясно, что новых вооруженных столкновений не избежать.

Пока европейские политики, дипломаты и военные решали политические вопросы, славянские комитеты использовали мирную передышку для решения социальных проблем, круг которых постоянно расширялся и углублялся. Им пришлось решать сугубо практические задачи, несмотря на то что члены славянских комитетов ощущали себя на пороге грандиозных свершений в «славянском вопросе». В заседании 10 октября 1876 г. Петербургского отдела его председатель князь А.И. Васильчиков отметил, что « … Славянское дело, которое некогда здесь собирало небольшой кружок людей ему преданных, неудержимо растет и созревает … мы вступаем ныне в третий возраст зрелости и возмужалости, когда сочувствие и содействие, заявления и демонстрации начинают утрачивать свою силу, когда требуется от нас … прямое,

---

[412] *Струкова К.Л.* Указ. соч. С. 121-122.

[413] *Карасев А.В*. В преддверии войны: Восточный кризис и восстание в Боснии и Герцеговине 1875-1878 годов // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны в 1877-1878 годах. – М., 2006. С. 40-42.

непосредственное дело… Я смею думать…, что в настоящий момент общественное мнение в России не нуждается в дальнейшем возбуждении и что агитация славянского вопроса была бы бесцельна, потому собственно, что эта всенародная волна уже прошла живою струею от Урала до Дуная. Нам, нашему отделу в особенности, предстоит другая обязанность, устроить так, чтобы эта струя, … этот живой поток не разливался бесплодно и не иссяк преждевременно…»[414].

Однако в ближайшей перспективе славянским комитетам пришлось заниматься всё теми же добровольцами. Восторги российского общества сменились разочарованием: выезжая на театр военных действий под аплодисменты толпы, добровольцы, как правило, возвращались в крайней нужде и были никому не нужны. Даже те из них, кто уезжал за свой счёт и те, кого отправляли другие организации, обращались с различными проблемами в славянские комитеты. И.С. Аксаков писал по этому поводу К.П. Победоносцеву: «Сербские добровольцы наши возвращаются массами, и с ними немало хлопот, потому что все они являются в комитет, и всё это голь, которую приходится рассылать на родину во все концы России, одевать и наделять пособиями. Средств пока у нас есть довольно»[415]. В зависимости от ситуации добровольцам выдавались ежемесячные и единовременные пособия. Всего с января по декабрь 1877 г. 1 240 добровольцам было выдано 31 708 руб.[416].

С этого времени в бюджет организации закладывалась статья на пособия семействам добровольцев. В 1976 г. на эти цели было получено крупное пожертвование в 2 000 руб. Одна из первых денежных выплат была выделена госпоже Перевозниковой, три сына которой сражались в сербской армии[417].

Еще одна категория нуждающихся – тяжело раненые добровольцы и инвалиды. Члены общества первое время надеялись, что раненым и увечным добровольцам удастся получить казенную пенсию, а пока она оформляется, были готовы поддержать их в течение нескольких месяцев, выдавая ежемесячные пособия: офицерам – 25 руб., рядовым – 10. К 1 января 1878 г. помощь оказывалась 11 офицерам и нижним чинам, а также двум семействам погибших офицеров. Всего за год было истрачено 4 140 руб.[418] Что касается помощи семействам погибших воинов, то вдовы и сироты получали ее в Дамском комитете[419].

---

[414] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 579.

[415] И.С. Аксаков – К.П. Победоносцеву. 21 ноября 1876 г. // Люди Русской Правды. Переписка И.С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1855-1886): Тексты. Комментарии. Адресаты / Дмитриев А., Егоров Б. – СПб.: Росток, 2018. С. 387.

[416] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 469.

[417] Там же. С. 387-388.

[418] Там же. С. 440.

[419] Там же. С. 470.

«Временная помощь» стала постоянной статьей расходов славянских комитетов (впоследствии Петербургского славянского благотворительного общества) и просуществовала вплоть до 1917 г. В 1884 г. на пособия добровольцам и членам их семей было истрачено 2 135, 15 руб., то есть около 5% от бюджета, а в 1885 г. – 2 080, 60 (около 15% бюджета)[420].

При этом речь шла о помощи не только русским, но и болгарским добровольцам[421]. После поражения сербской армии болгарские ополченцы, сражавшиеся в ее рядах, оказались в тяжелом финансовом положении. Их не желали содержать ни сербское правительство, ни генерал М.Г. Черняев. Голодные и раздетые, болгарские ополченцы небольшими группами перебирались в Румынию и Бессарабию.

Те, кто попадал в Румынию, могли рассчитывать на помощь БЦБО и Болгарского человеколюбивого настоятельства, а те, кто предпочел Бессарабию, – на покровительство кишеневского уездного исправника (начальника полиции) И.С. Иванова, болгарина по происхождению. В 1876 г. вместе с женой он создал Болгарское благотворительное общество, оказывавшее содействие болгарам, едущим добровольцами в Сербию. Для пополнения средств этой организации проводились различные общественные мероприятия: концерты, лотереи и т.д. В июле 1876 г. Петербургский отдел Московского славянского благотворительного комитета поддержал деятельность И.С. Иванова, передав ему 5 000 руб.[422] Однако гораздо большая поддержка ему потребовалась, когда после окончания военных действий болгарские добровольцы стали прибывать в Кишенев.

После поражения Сербии и подписания перемирия с Турцией небольшая группа болгарских добровольцев расположилась в приграничном румынском городе Турн-Северин. Лишенные какой бы то ни было материальной поддержки, они оказались в плачевном состоянии. Славянский комитет поручил А.А. Нарышкину сопроводить эту группу в расположение российской действующей армии в Кишенев, для чего ему «были ассигнованы особые суммы… Впоследствии, как известно, … [болгарские добровольцы] оправдали доверие наших военных начальников и мужественно сражались в рядах нашего войска под Шипкою, Ески-Загрою и в последних делах за Балканами»[423].

Окончание военных действий изменило структуру расходов славянских комитетов. С конца 1876 г. Петербургский отдел начал выдавать пособия пострадавшим от военных действий славянам. Как правило, эти обязанности возлагались на уполномоченных. В Болгарии им стал

---

[420] Последние 10 лет первого двадцатипятилетия существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества по протоколам общих собраний его членов в 1883 – 1893 гг. – СПб., 1893. С. 29, 73.

[421] *Струкова К.Л.* Указ. соч. С. 123.

[422] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества … С. 388.

[423] Там же. С. 471.

П.В. Алабин, в Сербии – Г.Л. Димпельман, в Черногории сначала князь П.А. Васильчиков, а затем А.В. Васильев. За короткий период болгарам, сербам, черногорцам, боснякам, герцеговинцам было выдано, кроме вещевых пожертвований, свыше 145 000 руб.[424].

Что касается ближайших перспектив деятельности Московского славянского благотворительного комитета, то И.С. Аксаков изложил их в письме К.П. Победоносцеву от 21 ноября 1876 г.: «Я думаю быть на днях в Петербурге … Надобно выяснить, насколько кончается наша, то есть славянского комитета, деятельность в Сербии; здесь она кончается, в Болгарии начинается. Думаю, что теперь, во всяком случае, она пойдет более стройным и правильным образом, хотя и с меньшей самостоятельностью. Но этой самостоятельностью я нисколько не дорожу, ибо единственно прочный залог успеха лежит в правильно понятой и направленной деятельности самого правительства, а не комитета»[425].

Как уже отмечалось, Великий Восточный кризис 1875-1878 гг., кроме политических, породил большое число гуманитарных проблем. Одной из сложнейших из них было беженство, усугубляемое бедностью балканского населения. Движение как христианского, так и мусульманского населения интенсивно меняло этно-конфессиональный состав бывших окраин Османской империи, создавая новые очаги напряженности.

Один из известных славянских деятелей Г.С. Веселитский-Божидарович в письме Н.П. Игнатьеву от 15 (27) марта 1877 г. привел такие цифры движения населения на Балканах: «… православное население Герцеговины уже оставило страну. Из 150 000 его составлявших, 10 000 находилось в Черногории, 25 000 в Далмации, около 35 000 погибло, 6 000 находится под ружьем, около 4000 скрываются в отдаленных горах или состоят в услужении у турок… Все беглецы лишены средств жизни. Находящиеся в Черногории живут милостями России, в Далмации и Кроации бежавшие существуют скудными подаяниями Австрии… При скученной жизни в тесных помещениях, при недостатке пищи и одежды между герцеговинцами господствуют эпидемии и ужасающая смертность, особенно касающаяся их детей… Около 90 000 православных босняков находятся в Кроации, 20 000 – в Далмации, около 25 000 в Сербии… Из Старой Сербии бежало 12 000 в Черногорию, около 30 000 в Сербию, еще многие скитаются в горах внутри страны…»[426]. Далее Г.С. Веселитский-Божидарович делает прогноз, что если босняки и герцеговинцы не вернутся на родину, то эти территории займет мусульманское население, говорящее на турецком языке[427].

---

[424] Краткий очерк деятельности Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества за 25 лет его существования. 1868-1893 гг. С. 37.

[425] И.С. Аксаков – К.П. Победоносцеву. 21 ноября 1876 г. // Люди Русской Правды. С. 386-387.

[426] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875-1878. С. 365.

[427] Там же. С. 366.

О возможных политических последствиях гуманитарной катастрофы на Балканах упоминает и в донесении советнику посольства в Константинополе А.И. Нелидову от 10 марта 1877 г. генеральный консул в Сараево А.Н. Кудрявцев: «… число нищенствующих растет; в селах нечего есть, в городах питаться стало дорого, а торговли нет, и нет никаких работ…»[428]. Затем российский консул указал на то, что турецкое правительство равнодушно смотрит на эту проблему, местные власти, как и прежде, винят в продолжении восстания Австро-Венгрию: «соседняя держава, по их словам, имеет расчёты обратить сие восстание в постоянную язву, чтобы в известный час иметь предлог вмешаться в боснийский вопрос»[429].

В докладе князя А.И. Васильчикова, прочитанного на заседании Петербургского отдела 5 декабря 1876 г., отмечалось, что с окончанием военных действий на окраинах Балканского полуострова скопилось огромное количество беженцев, составивших три основных группы: одна в Румынии, другая в Сербии, третья – в Черногории.

Беженцы в Румынии компактно располагались, в основном, вокруг Бухареста и состояли из болгар – выходцев из средних слоев, бежавших из Турции. Еще до кризиса 1870-х годов они основали Болгарское благотворительное общество, помогавшее страждущим соотечественникам. Волна беженцев с лета 1875 г. быстро истощила и без того скромные средства этого общества. Другое благотворительное общество, Человеколюбивое Дружество, находившееся с 1876 г. под председательством митрополита Панарета (Рашева), затратило 12 000 франков на пособие болгарам в Филиппополе, значительные суммы на отправку и содержание 2 000 волонтеров в Сербию, а также помощь тысяче болгарских семейств в Бухаресте и других местностях. Его финансы истощились и в результате оно было вынуждено просить помощи у Петербургского отдела Московского славянского благотворительного комитета[430].

Вторая группа беженцев находилась в Сербии. В Белграде при участии нескольких русских и под председательством митрополита Михаила также было создано благотворительное общество. В Сербии, по приблизительным оценкам, находилось около 30 000 болгар, бежавших из окрестностей Видина, Ниша, Пирота, и до 100 000 сербов, изгнанных турками из Неготинского, Заечарского, Алексинацкого и Крушевацкого округов[431]. Данные о количестве беженцев и их социальному составу подтверждались донесениями генерального консула в Белграде А.Н. Карцова[432]. В основном, это были крестьяне и члены их семей, большинство из них были

---

[428] Там же. С. 361.

[429] Там же. С. 362.

[430] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 400.

[431] Там же. С. 400.

[432] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 34. Переписка с главноуполномоченными в Сербии. 1878. Л. 20.

болгары, подданные Османской империи, вынужденные покинуть родные места из-за военных действий.

Российский МИД, получив сведения о ситуации с беженцами, в свою очередь, переадресовал их в «Общество попечения о раненых и больных воинах». Там отреагировали на проблему довольно быстро. 15 сентября 1876 г. его председатель генерал-адъютант А.К. Баумгартен сообщил начальнику Азиатского департамента МИД, товарищу министра иностранных дел Н.К. Гирсу о решении передать 20 000 франков «нашему консулу в Константинополе для выдачи пострадавшим болгарам»[433].

В ноябре 1876 г. ГУ «Общества попечения о раненых и больных воинах» получило донесение А.Н. Карцова об образовании в Белграде Комитета «для оказания пособия семействам сербов и болгар, покинувших свои жилища при приближении неприятеля». Эта организация практически сразу обратилась за помощью к России. Российский МИД ходатайство поддержал. В связи с этим ГУ нашло возможным в качестве срочной меры передать в распоряжение митрополита Михаила 3 000 руб. «из сумм, собранных на пособие славянам Балканского полуострова» [434].

Кроме того, в Белграде был образован «Русский благотворительный комитет, для раздачи пособия христианскому населению, пострадавшему от войны с Турцией и укрывшемуся в Княжестве». 7 марта 1877 г. последовало разрешение императрицы Марии Александровны использовать для пособий 50 000 руб. из средств ГУ[435]. В оказании помощи болгарским беженцам принимал участие и Московский славянский благотворительный комитет[436].

К этому времени на попечении Русского комитета состояло 64 000 беженцев, в числе которых было и около 18 000 пострадавших от войны сербов, постоянно проживавших в Сербии. Вслед за заключением в ноябре 1876 г. перемирия с Турцией, число нуждающихся, которым комитет оказывал пособие, сократилось до 46 000 человек, так как сербским правительством было объявлено, что оно принимает на свое попечение пострадавших от войны сербов. Благодаря этому суммы выдач пособий удалось сократить на треть[437].

С этого времени на попечении Русского благотворительного комитета находились, в основном, беженцы-болгары. Кроме пособий (три динара на человека в месяц), нуждающиеся получали в достаточном количестве одежду[438]. Из письма агента Московского славянского

---

[433] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9045. Красный Крест в Сербии. 1876-1878. Л. 17.

[434] РГВИА. Там же. Л. 20.

[435] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 45. О пособии жителям Болгарии и других разоренных турками местностей. Л. 6.

[436] Борьба за национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг.: Сборник документов. Т. 2. – М.: Наука, 1964. С. 276.

[437] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 45. 1877. Л. 6 об.

[438] Там же. Л. 7 об.

благотворительного комитета П.Ф. Мусевича, болгарина по происхождению, И.С. Аксакову известно, что беженцы «получали достаточно хлеба, соль, два раза в неделю мяса, два раза фасоли, свечи, мыло, дров на отопление не имеющим, и некоторым нанимали квартиры»[439].

Волновало Русский комитет и санитарное состояние местностей, где компактно проживали болгары. Так, посчитав неудовлетворительным санитарное обслуживание беженцев в Пожаревацком округе, комитет открыл там временную больницу на 15 кроватей. А для медицинского обслуживания болгар в южной части Моравской долины и в Ужицком округе было приглашено два врача – по одному на каждую местность[440]. В результате этой деятельности Русского благотворительного комитета за первые шесть месяцев его существования санитарное состояние беженцев «было гораздо более удовлетворительное, нежели можно было ожидать»[441].

После заключения 16 февраля 1877 г. сербо-турецкого мирного договора, предусматривавшего также амнистию для бежавших из турецких областей, сербское правительство, чтобы наладить отношения с Турцией, пыталось добиться возвращения беженцев из Сербии на родину[442]. Кроме политических, это могло дать неплохие экономические дивиденды: помощь беженцам требовала значительных финансовых усилий.

Таким образом, к весне 1877 г. интересы русских дипломатов и сербского правительства в отношении болгарских беженцев разошлись. Пока Русский благотворительный комитет искал способы обеспечить их как можно лучше, сербское правительство не видело больше оснований держать подданных Османской империи на своей территории.

С началом сельскохозяйственных работ Русский благотворительный комитет пригласил нуждающихся искать работу среди местного населения. За счёт этого предполагалось уменьшить пособие тем семьям, в составе которых есть трудоспособные члены при условии, что они будут трудоустроены. Руководство комитета обратилось к сербскому правительству с ходатайством о предоставлении болгарским беженцам удобных земель для посева. Однако эта инициатива отклика не нашла.

Как было отмечено в донесении представителя Русского Красного Креста, помощника председателя Русского благотворительного комитета А.А. Рихтера в МИД, сербское министерство внутренних дел «склонялось в то время к мерам противоположным: оно

---

[439] Письмо агента Московского славянского общества П.Ф. Мусевича И.С. Аксакову от 14 сентября 1877 г. // Борьба на национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Сборник документов. Т. 2. – М.: Наука, 1964. С. 276.

[440] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 45. Л. 7 об.

[441] Там же. Л. 7 об.-8.

[442] Борьба на национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Сборник документов. Т. 2. – М.: Наука, 1964. С. 47.

признавало полезным по соображениям исключительно политическим, не только не содействовать обеспечению положения беженцев, но даже удалить их насильно из Княжества»[443].

В последних числах апреля вышло распоряжение сербского министра внутренних дел об удалении болгар в Турцию. По мнению А.А. Рихтера, «это распоряжение сербского министерства не имело никакого оправдания. Достаточно указать на то, что в Сербию к работам ежегодно привлекается до 40 тысяч рабочих, большею частью болгар, особенно ценимыми местными земледельцами за настойчивость к труду, знание дела и честность»[444].

Тем не менее болгары повиновались и для перехода через границу стали стягиваться из Моравской долины, где они расселились в течение зимы, к Княжевацу. В то же время они обратились в Русский благотворительный комитет с просьбой о заступничестве.

21 апреля 1877 г. управляющий департаментом Личного состава и хозяйственных дел (ЛС и ХД) МИД А.Ф. Гамбургер сообщил в телеграмме великому князю Николаю Николаевичу, что «сербское правительство гонит силой из княжества болгарских выходцев, зимовавших в долине Моравы, несмотря на представление нашего благотворительного комитета. На западной границе Сербии около 5 тыс. босняков и герцеговинцев, коих семейства на иждивении нашего комитета, умоляет о снабжении их оружием. По Высочайшему повелению имею честь сообщить Вашему высочеству, если признаете возможным, поручить князю Имеретинскому узнать подробнее обстоятельства дела и употребить возможное влияние на сербское правительство, согласно нашим видам»[445].

С началом русско-турецкой войны 1877-1878 гг. генерал-майор, генерал-адъютант светлейший князь А.К. Имеретинский[446] был командирован в Белград для наблюдения за военными приготовлениями Сербии, а затем состоял при Главной квартире императора Александра II. По-видимому, ему удалось найти нужные аргументы. Значительная часть болгарских беженцев все же осталась в Сербии. Однако к моменту, когда распоряжение сербского министра внутренних дел было приостановлено, около 1 500 болгар, достигших границы, оказались оттесненными в Турцию[447].

---

[443] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 45. Л. 9-9 об.

[444] Там же. Л. 10.

[445] Борьба на национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Сборник документов. Т. 2. – М.: Наука, 1964. С. 47.

[446] *Федорченко В.И.* Свита российских императоров в 2 кн. Кн. I. А-Л. – М.: АСТ, Красноярск: Издательские проекты, 2005. С. 378.

[447] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 45. Л. 10 об.

А.А. Рихтер отмечал трудолюбие болгарских беженцев, которые «выискивали себе работу сами и брались за нее при первой же возможности. К сожалению, скученность болгар в разоренных округах Сербии (Княжевацком и Алексинацком) мешает им обеспечить себя заработками. Многие остались без постоянной работы и отбывают случайную поденщину. Чтобы облегчить им помещение труда своего, комитет раздал им наиболее употребляемые земледельческие орудия…, было несколько случаев покупки им рабочего скота. Болгарские выходцы из пограничных с Сербией земель уходили по ночам в Турцию обрабатывать свои поля, уповая на защиту русских войск при уборке хлеба»[448].

В своем донесении А.А. Рихтер уделил внимание беженцам и из других областей Османской империи, отметив, что эта категория особенно нуждается в русской помощи: «Между босняками из северной Боснии возможность приступить к полевым работам вызвала сильную миграцию обратно на родину. С начала апреля по 16 мая из 13 000 человек около 9 000 возвратились в незамиренную еще Боснию. Оставшиеся 4 000 человек разместились свободно в плодородных землях Шабацкого и Подринского округов. Босняки южные, укрывшиеся в Ужицком округе в числе 10 000 душ, не решились последовать примеру босняков северных; большинство их участвовало в последнем восстании, и не могло надеяться на мирное к ним отношение мусульманского населения Боснии. Вместе с герцеговинцами, в числе 6 000 душ, они остались в Княжестве. Положение этих выходцев с сокращением русской помощи будет крайне тяжело. В гористом неплодородном Ужицком округе они скучились, заработки для них почти невозможны. Страстно прислушиваясь к известиям о движениях русских и черногорских войск и с нетерпением ожидая дня, когда они смогут вернуться на родину, они не поддаются приглашениям комитета расселиться оп другим округам Сербии, где спрос на летние работы больше. Это воинственное население, хотя и подчинилось воле русского правительства не поднимать снова восстания в разоренной Боснии и Герцеговине, но живет только помыслами о борьбе с турками и о торжестве над ними»[449].

Средства Русского благотворительного комитета были ограничены – окончание военных действий прекратили сборы пожертвований. К 22 мая 1877 г. оставалось около 65 000 франков, на которые предстояло оказать помощь 20 000 нуждающимся. А.А. Рихтер полагал, что если четверть из них найдет работу, то остальных средств будет достаточно еще примерно на месяц[450].

Активная деятельность Русского благотворительного комитета в пользу болгар чуть было не привела к конфликту в двух округах Сербии. Дело в том, что при получении средств Красного

---

[448] Там же. Л. 11-11 об.

[449] Там же. Л. 11 об.-12 об.

[450] Там же. Л. 13.

Креста, комитет строго следовал указанию, данному ему ГУ «Общества попечения о раненых и больных воинах», не включать «пострадавших от войны сербов Княжества в число лиц, которым выдавалось пособие»[451]. Однако в двух случаях Русский благотворительный комитет признал необходимым уклониться от этого правила и оказать денежную помощь сербам Княжества, а именно жителям города Княжевца, разоренного турками дотла, и округа Алексинацкого. В связи с тем, что пособие, выдаваемое сербским правительством, было до того мало, что положение расселившихся около Княжеваца болгар, «вполне обеспеченных русским продовольствием от комитета, не могло не представиться завидным для сербов, вернувшихся на выжженные места без средств к существованию»[452].

Опасаясь усиления недружелюбных отношений сербов к болгарам, Русский благотворительный комитет, во избежание притеснений болгар при сделках о сдаче земли и о найме рабочих, признал необходимым оказать хотя бы небольшую помощь сербам Княжеваца в размере 400 дукатов. Руководствуясь теми же соображениями, были распределены 500 дукатов среди жителей Алексинацкого округа, пострадавших сначала от военных действий, а в мае 1877 г. – от наводнения реки Моравы, затопившей и уничтожившей значительную часть их посевов[453].

Для того, чтобы сделать помощь адресной, Русский благотворительный комитет для раздачи пособия христианскому населению, пострадавшему от войны с Турцией и укрывшемуся в Княжестве, действовал в тесном контакте с местными комитетами и их уполномоченными, входившими в непосредственные сношения с нуждающимися.

Эти местные комитеты были образованы частью из сербов, частью из представителей других народностей, которым предоставлялось пособие. Кроме того, к участию в этой работе были приглашены несколько русских. А.А. Рихтер особо подчеркнул, что «содействие этих лиц было особенно полезно, так как оно придало деятельности комитета характер русской помощи и обеспечило за нею полное беспристрастие»[454]. Затем он отметил, что «благодаря этой работе было спасено от голодной смерти свыше 60 000 человек»[455].

Петербургский отдел Московского славянского благотворительного комитета передал русскому министру-резиденту в Белграде А.И. Персиани 15 000 руб. «в пособие боснийским беженцам» Ужицкого и других округов Сербии[456].

---

[451] Там же. Л. 14 об.

[452] Там же.

[453] Там же.

[454] Там же.

[455] Там же. Л. 15.

[456] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 470.

Тем не менее, следует отметить, что балканские народы, взывая о помощи, не всегда имели в виду основные жизненные потребности. В этом смысле примечательно письмо сербского митрополита Михаила секретарю Московского славянского комитета Н.А. Попову от 25 октября 1876 г. Прежде всего, архиерей указывал на то, что жертвам войны уже оказывается разносторонняя помощь. Есть и местные комитеты, один из которых он возглавляет, а также «сюда наехало англичан тьма. Один везет бедным денег, другой одежду, третий собирает детей сирот, четвертый несет дар девицам, … пятый строит бараки, шестой инвалидам помогает… и прочее, а, наконец, и сам старик английский консул Уайт … хлопочет и сам везет бедным помощь»[457]. Тем не менее, митрополит Михаил полагал, что «все это … [бедным] не поможет. Но дайте вы помощи на поле брани для освобождения, и тогда вы [бы] взяли верх над … [бедностью], а без того, пиши пропало все…»[458]. Другими словами, митрополит Михаил связывал процветание своего народа только с национальным освобождением, невозможного без поддержки русской регулярной армии, тогда как благотворительная помощь, сколь велика бы она ни была, только «латала дыры».

Третьей многочисленной группой беженцев были герцеговинцы, укрывшиеся в Черногории. С мая 1876 г. российское правительство ежемесячно предоставляло черногорскому правительству денежные средства на покупку хлеба для беженцев. В 1877 г. на обеспечение продовольствием жителей Черногории было ассигновано 661 000 руб. Всего на эти цели в 1875-1878 гг. Россия передала 3 640 000 гульденов[459]. Благодаря этому черногорские власти были способны ежемесячно отпускать каждому человеку по 12-16 кг муки[460].

По подсчётам уполномоченного князя П.А. Васильчикова, к концу 1876 г. к 70 000 беженцев-герцеговинцев необходимо прибавить около 30 000 черногорцев, впавших в крайнюю нищету. П.А. Васильчиков полагал, что только на покупку кукурузного хлеба на 1877 год понадобится 1 882 000 гульденов (или 1 280 000 руб.)[461].

В 1879 г. для закупки хлеба для голодающего населения черногорскому правительству был предоставлен кредит в 900 000 руб. под 5% годовых[462].

В письме А.С. Ионина князю А.И. Васильчикову от 21 октября 1877 г. содержится подтверждение о получении 31 671 гульденов. Несмотря на то, что средства были получены 14 июля того же года, тратить их Ионин не спешил, «ожидая случай крайней необходимости». По

---

[457] Москва-Сербия, Белград-Россия. Сборник документов и материалов. С. 478.

[458] Там же.

[459] Около 3 000 000 руб.

[460] *Хитрова Н.И.* Россия и Черногория в 1878-1908 годах. – М. Институт российской истории РАН, 1993. С. 71.

[461] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 400.

[462] *Хитрова Н.И.* Россия и Черногория в 1878-1908 годах. С. 42.

мнению российского дипломата, «теперь этот случай представился. Вследствие [некоторых] обстоятельств … высылка хлеба из Триеста для прокормления 60 тыс. герцеговинцев, живущих на черногорских территориях, замедлилась … настал срок раздачи хлеба – герцеговинцы спустились за получением его в Каттаро и др. пункты, где раздача производилась, и, не получая хлеба, стали открыто роптать и производить разного рода бесчинства на улицах австрийских городков, в которых помещаются черногорские хлебные магазины. Австрийские власти обратились к князю Николаю, прося его прекратить … такое положение дел. Князь Николай не мог закупить хлеб на свои деньги, нужные ему для предстоящей зимней кампании…»[463]. В этой ситуации А.С. Ионин приказал раздать 5 000 гульденов герцеговинцам, чтобы они смогли купить себе хлеб на месте. Остальные средства, свыше 26 000 гульденов, он передал князю П.А. Васильчикову для раздачи голодающим герцеговинцам[464].

В докладе князя А.И. Васильчикова была отмечена еще одна группа беженцев – более 70 000 человек – в приграничных районах Австро-Венгрии, которая получала помощь от австро-венгерского правительства, и как было отмечено в документах Петербургского славянского благотворительного общества, «о положении их нам … мало чего известно»[465]. Однако в начале 1877 г. стали поступать просьбы о помощи, оставленные без последствий. В пример можно привести благотворительные учреждения на окраинах Двуединой империи, устроенные Г.С. Веселитским-Божидаровичем на пожертвованные средства. В сентябре 1875 г. он открыл в Рагузе первую школу-приют для детей беженцев. Затем последовали шесть временных церквей и семь детских школ. Когда в июне 1876 г. пособия из России полностью прекратились, они какое-то время продержались на частные средства. К началу 1877 г. оскудели и они. Тогда эти школы и церкви начали закрываться. В марте того же года Г.С. Веселитский-Божидарович обратился к России с просьбой о помощи, оценив ежемесячное содержание всех этих учреждений приблизительно в 200 000 руб.[466]. Ответ не последовал: российский МИД не желал осложнений с Веной в преддверии военных действий.

В мае 1877 г. уполномоченный Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества А.А. Нарышкин, озаботившись проблемой боснийских и герцеговинских беженцев на территории Австро-Венгрии, подготовил записку об их бедственном положении. Он сообщил, что ранее австрийское правительство выдавало по 10 крейцеров на человека в день, а теперь дает только детям моложе 14 лет, а также старикам и женщинам, имеющим детей, по 5 крейцеров в

---

[463] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. – М.: Наука, 1964. С. 300.

[464] Там же.

[465] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 400.

[466] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875-1878. С. 368.

день. А.А. Нарышкин предложил раздавать наиболее пострадавшим кукурузу на 10 000 флоринов в месяц. По его оценкам, таким образом можно было бы поддержать около 40 000 человек. При этом А.А. Нарышкин заметил, что работу найти практически невозможно: «запроса на пришлых рабочих в Австрии почти совсем нет»[467]. На документе есть пометка автора: «Выдано 1 000 дукатов… Вследствие безусловного требования кн. Черкасского о прекращении всяких действий по Боснии оставлено без движения. 23 мая 1877 г.»[468].

Со своей стороны добавим, что с начала Великого Восточного кризиса небольшая часть беженцев находилась в России. С июля-августа 1876 г. оживилась деятельность Одесского болгарского настоятельства, принимавшего беженцев-болгар[469]. Это общество было создано в 1854 г. и занималось размещением балканских беженцев, сбором и распределением помощи[470]. Петербургский отдел Московского славянского комитета передал ему 8 июля 1876 г. 5 000 руб. на оказание помощи беженцам-болгарам[471].

§ 3. Благотворительность на Балканах: человеколюбие или национальные интересы? Дискуссия в Петербургском отделе Московского славянского благотворительного комитета

За неполные два года событий на Балканах деятельность Петербургского отдела Московского славянского благотворительного комитета претерпела значительные изменения, изменилось и само общество.

С момента возникновения Отдела главным источником его средств были членские взносы. В 1875 г. они не покрыли даже текущих, обязательных расходов (стипендиаты, рассылка в славянские земли книг и журналов, поддержка школ и церквей и т.д.). Свести баланс удалось только за счёт займов из специальных сумм Отдела. Средства организации были до того скудны, что когда вспыхнуло восстание в Герцеговине и Боснии, то в помощь славянам удалось отправить только 3 000 руб., взятых из основного капитала[472].

Ситуация изменилась в 1876 г. В распоряжение славянских комитетов средств поступило столько, что удалось сделать запас и на 1877 год. Возросло и число членов, увеличившись на два

---

[467] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. – М.: Наука, 1964. С. 54.

[468] Там же.

[469] *Никитин С.А*. Указ. соч. С. 332.

[470] *Кольчак М.* Одесское общество в войне за освобождение Болгарии (по материалам фондов Одесского историко-краеведческого музея) [Электронный ресурс] // Url.: http://www.history.odessa.ua/publication1/stat16.htm (дата обращения: 6 июля 2020).

[471] По сбору пожертвований в пользу балканских славян. С.18.

[472] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества …С. 445.

года почти на тысячу человек, причем, десять из них, за счёт крупных взносов, сделались постоянными[473]. Только на уставную деятельность Петербургского отдела в 1876 г. было внесено 44 525.48 руб.[474]

Расширение деятельности славянских комитетов, вызванное событиями на Балканах, повлияло и на взгляды его членов. Часть из них была склонна преувеличивать возможности и вклад российского общества в дело освобождения балканских народов от турецкого владычества. Это не могло не сказаться на текущей деятельности организации. Примером может служить дискуссия, неожиданно возникшая после отчетного заседания Петербургского отдела. Если коротко, то одни участники собрания требовали исключения политики из благотворительной деятельности, другие же настаивали на том, что это невозможно, так как их первоочередной задачей является обеспечение национальных интересов России. Еще одной темой для обсуждения стал вопрос, есть ли у российской гуманной миссии союзники в Европе.

Всё началось с доклада председателя Совета общества князя А.И. Васильчикова 5 декабря 1876 г. о тратах организации в отчетный период и перспективах сборов на следующий год. В своей речи докладчик отметил особенность переживаемого момента и указал, что балканским народам пришлось столкнуться с несравнимыми ни с чем масштабами бедствий: «В новейшей истории нет примера, чтобы целые селенья и округа пустели при наступлении неприятеля, чтобы жены и дети выселялись вслед за отрядами инсургентов; … несчастные беженцы из Боснии и Герцеговины уже около года скитаются без приюта и обречены на такое бродяжничество на все времена, покуда продолжаются восстание или война»[475].

Масштабы проблем требовали активных действий и, следовательно, значительных средств, которые председатель Совета общества охарактеризовал как «скорбный бюджет народных бедствий». Князь А.И. Васильчиков привел данные о поступлении в кассу общества средств за прошедший год (по состоянию на 1 ноября 1876 г.). В московское отделение поступило 760 000 руб., в петербургское – 912 000, что в сумме составило 1 672 000 руб. А если считать с другими комитетами, то, по приблизительным подсчётам, общий приход превышал 3 000 000 руб.[476]. Эти средства были истрачены за 14 месяцев на поддержку беженцев в Черногории, Сербии и Румынии и, по свидетельству князя А.И. Васильчикова, траты всё еще продолжались.

Далее докладчик отметил, что вряд ли на следующий год стоит ожидать такого же прихода, более того, по его мнению, «именно в настоящий момент» славянские комитеты обязаны

---

[473] Там же.

[474] Там же.

[475] Там же. С. 400.

[476] Там же. С. 401.

«рассеять преувеличенные надежды в славянских землях на пособия русских благотворительных обществ», а также предостеречь русскую публику «от увлечений, обнаруживавшихся в необдуманном, хотя и очень великодушном желанием удовлетворить все требования, помочь всем нуждам, лечить раненых и призревать бедных, кормить голодных и т.д.».[477]

А.И. Васильчиков подчеркнул, что «нельзя допустить, чтобы пожертвования продолжались в таких же размерах, как ныне, по крайней мере из того источника, который называется самым сильным – из подаяний нашего простого народа», а также нельзя рассчитывать «вызывать на новые пожертвования те классы Русских людей, которые, под именем податных сословий, несли и продолжают нести большую часть громадных тяжестей нашего государственного строя в мирное, и еще более, в военное время»[478]. При этом следует отметить, что свои рассуждения председатель Совета Петербургского отдела строил на уверенности, что у членов общества нет «нравственного права» возлагать на русский народ бремя решения социальных проблем своих славянских братьев. Поэтому, делает вывод докладчик, «скорбный бюджет народных бедствий [в следующем году] сводится неминуемо к дефициту»[479].

В заключение А.И. Васильчиков обратил внимание слушателей на то, что в отчетный период помощь балканским народам оказывали, в основном, русские, поэтому, по его мнению, было бы неплохо, если бы бремя помощи страждущим русский народ разделил со своими «западноевропейскими братьями»: «…русский бедный народ призывает ныне, ради Христа и человечества, другие богатые народы принять в деле спасения вымирающего христианского населения Турции такое же участие, такую же долю расходов, какую он … несет один»[480].

Доклад А.И. Васильчикова предполагалось перевести на иностранные языки и разослать в Западной Европе, преимущественно в Англии, где «неоднократно заявляли о своем сочувствии Славянскому союзу»[481].

Отчетный доклад был встречен аплодисментами, председатель собрания был уверен, что с его тезисами и предложениями все члены Славянского комитета согласны. Однако 7 декабря 1876 г. А. Васильев, А. Осипов, А. Долгий и некоторые другие члены Петербургского отдела выступили против обращения к западноевропейским народам. В этом предложении они увидели «унижение русского народа», которому отказывают в способности оказать надлежащую помощь южным славянам и потребовали обсуждения этих положений. Их возражения строились на убеждении, что злейшим врагом России в деле освобождения славян выступают как раз старейшие и

---

[477] Там же. С. 402.

[478] Там же. С. 401.

[479] Там же.

[480] Там же. С. 402.

[481] Там же. С. 404.

богатейшие народы Западной Европы: «как ни беден русский народ в сравнении с народами Запада, … но только от него южные славяне могут ожидать спасения как от рабства, так и от голодной смерти»[482]. В основе их представлений лежала традиционная мысль славянофилов о мессианском предназначении славянства, особости славянского мира, его превосходства над Западом и главенства в нем Росси[483].

Собственно дискуссия состоялась на ближайшем заседании (9 января 1877 г.) и показала широкий спектр взглядов ее участников на благотворительную деятельность организации на Балканах.

А.И. Васильчиков счел необходимым предварить выступления своих оппонентов некоторыми разъяснениями своей позиции. В частности, он возражал против тезиса о враждебности славянам западноевропейских народов и просил разделять политику отдельных правительств и общественное мнение в этих государствах. Далее он высказал мнение, что «в деле благотворительности [можно обратиться] к человеколюбию, всех без различия национальностей»[484].

Один из главных оппонентов князя, А.В. Васильев, заметил, что «цель всей благотворительности славянских комитетов – это содействие освобождению политическому и духовному угнетенных славянских народов», и указал на то, что «западноевропейские народы были и остаются главными виновниками славянской неволи», ополчившись на Россию в 50-х годах XIX в., «чтобы лишить южных славян того заступничества и покровительства, которое оказывала … Россия»[485]. Отсюда, по его мнению, и тактика европейской дипломатии на сдерживание России, и недоверие к ее действиям в европейском обществе. Развивая свою мысль, А.В. Васильев неизбежно приходит к выводу, что русским надо рассчитывать исключительно на свои внутренние силы[486].

Г.А. Де-Волан, участник сербо-турецкой войны 1876 г., счёл нужным оспорить один из тезисов А.В. Васильева о том, что западные народы не хотят ничего сделать для славян, поэтому за помощью к ним обращаться незачем. Де-Волан посчитал эти слова несправедливыми и привел в пример англичан, собравших к тому времени громадные суммы, всего около 200 000 фунтов стерлингов. Это были значительные средства для голодающего населения Сербии: на них были построены бараки и устроены народные кухни. Де-Волан обратил внимание присутствующих,

---

[482] Там же. С. 403.

[483] *Хевролина В.М.* Идея славянского единства во внешнеполитических представлениях поздних славянофилов (конец 70-х–середина 90-х гг. XIX в.) // Славянский вопрос. Вехи истории. – М., 1997. С. 91.

[484] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 404.

[485] Там же. С. 405.

[486] Там же. С. 406.

что англичане раньше российских славянских комитетов начали помогать разоренным областям Сербии. И нет смысла, по его мнению, «входить в мотивы этой благотворительности, в них, может быть скажут, кроется коварный умысел выставить себя за истинных друзей Славянства», тем не менее, их полезная деятельность, не подлежит сомнению. К тому же славянские комитеты не могут себе позволить таких трат. Г.А. Де-Волан полагал, что из европейских стран только Австро-Венгрия сознательно противодействует освобождению славян, и высказал уверенность, что общественное мнение Англии скоро повернется в сторону славян[487].

А.У. Денисьев поддержал позицию А.В. Васильева. Он подошел к решению вопроса об обращении за помощью к западноевропейским народам прагматически, задав аудитории вопрос о том, какую пользу можно ожидать от этого действия. И сам же ответил: «В начале нынешнего лета наш отдел напечатал воззвание к народу С<оединенных> А<мериканских> Ш<татов> … было собрано 700-800 руб., да и то пожертвованных членами Русской выставочной комиссии в Филадельфии. <Кроме того,>… один из лучших представителей современной Франции, человек, не останавливающийся перед жертвами в десятки тысяч франков, когда дело живо затрагивает его, герцог Омальский, прислал на помощь славянам [всего] 100 руб.»[488]. Далее А.У. Денисьев заметил, что западноевропейские общества, обладая значительным числом газет и журналов, не менее русских знают о нуждах славянских народов, поэтому единственное, что может заставить их прийти им на помощь – это человечность, «точка же деятельности русского народа в этом деле – сознание единства с порабощенными южными славянами». Исходя из этого тезиса, А.У. Денисьев пришел к выводу, что «русский народ, участвуя в борьбе балканских славян за свободу, выполняет свою историческую задачу, а для этого он вряд ли найдет на Западе себе союзников»[489].

О.Ф. Миллер в своем выступлении обратил внимание на слова А.У. Денисьева, что Западная Европа в своей помощи славянам может руководствоваться только гуманностью, тогда как русские руководствуются национальными интересами. В этом тезисе он увидел противопоставление гуманности и национальных интересов и выразил несогласие, отметив, что гуманность и национальные интересы вполне совместимы: истинная гуманность требует признания человеческих прав за всеми национальностями[490]. Возразил О.Ф. Миллер и А.В. Васильеву, утверждавшему, что русским нечего ждать от Запада и незачем обращаться к нему. По его мнению, такая позиция свидетельствует о национальном самомнении, гордой замкнутости

---

[487] Там же. С. 408.

[488] Там же. С. 407.

[489] Там же.

[490] Там же. С. 408.

и похвальбе, что мы сами можем всё сделать, которые осуждались еще ранними славянофилами. В заключение О.Ф. Миллер подчеркнул, что «узкий национализм крайне опасен»[491].

М.В. Умецкий обратил внимание собравшихся на то, что Европа впервые увидела небывалый в истории факт искреннего участия народа в мировом событии, «хотя и проявившийся в начале только благотворительностью… Русское мужичье, предмет ненависти и глумления … явилось передовым деятелем и борцом за христианство и человеческие права. Европа, к ужасу своему, увидела себя позади и, движимая не чувством гуманности, а щекотливым самообожанием и мелким себялюбием, явилась участницею в благотворительности на месте ею же устроенного бедствия. … Вот тогда-то явились в Сербии и Христианская лига с ее представителями для раздачи пособий, и английские кухни, и английские школы для сирот героев; и всё это было не столько плодом любви к ближнему, сколько имело целью отвоевать у Русских право первой целесообразной и действительной благотворительности, подорвать значение Русской помощи в глазах местного общества и всего мира… Славянская благотворительность есть наша прямая обязанность и успешное применение, и выполнение ее зависит, прежде всего, от нас самих»[492].

Этот тезис был поддержан А.У. Денисьевым, указавшим, что западноевропейцы будут помогать славянам с целью «отнять у них надежду на помощь России, порвать их связь с нею и тем самым лишить славянство его исторической будущности». Он пришел к заключению, что «наш комитет, не отрешаясь от принадлежащего ему значения как учреждения национального, не имеет права, да и нужды, просить от имени Русского народа западноевропейское общество о помощи, тем как бы сознаваясь перед Западом в бессилии нашего народа выполнить эту функцию его исторической жизни»[493].

А.В. Васильев посчитал необходимым вторично взять слово, чтобы возразить О.Ф. Миллеру и А.Г. Де-Волану: «… оспаривать существование добрых людей на Западе никто не станет… мы остаемся при том убеждении, что не дело славянского комитета указывать западноевропейской благотворительности дорогу помощи славянам, она, если захочет, найдет дорогу и без наших указаний, наши же просьбы, по моему мнению, не принесут делу ровно никакой пользы, а могут дать только повод глумиться над нами»[494].

Будучи солидарен с Г.А. Де-Воланом в том, «что в воззрениях народов иногда совершается быстрый перелом», А.В. Васильев был готов разделить надежду, «что начало гуманности и справедливости восторжествует и на западе». Однако он сомневался, что это случится в

---

[491] Там же.

[492] Там же. С. 409.

[493] Там же. С. 410.

[494] Там же. С. 409.

ближайшее время. В заключение своей речи А.В. Васильев подчеркнул, что «… в славянском деле, … национальные интересы России совершенно совпадают с требованиями высшей правды, с интересами истинной гуманности», которая восторжествует только тогда «в среде западноевропейских народов, когда падет господство их над другими народами» [495].

А.В. Васильев не оставил без внимания и тезис О.Ф. Миллера о взаимоотношениях между понятиями гуманности и национализма, выразив согласие с тем, что они не находятся в противоречии между собой. Однако, по мнению А.В. Васильева, «фактическое положение западноевропейских народов относительно славянских и некоторых других таково, что их национальные интересы … находятся в противоречии с требованиями справедливости и гуманности»[496]. При этом он был убежден, что «русский народ в … [балканских вопросах] руководствовался единственно чувством родства, чувством любви к ближнему и, наконец, велением заповеди Христовой… он выполнял свой нравственный долг без всяких корыстных мотивов, без всякого поползновения купить себе ценою этих жертв известные права и положение среди славянских народов[497].

Узнав об инициативе Петербургского отдела и последовавшей дискуссии, И.С. Аксаков в письме к князю В.А. Черкасскому от 15 января 1877 г, назвал предложение князя А.И. Васильчикова «нелепым» и излил свой гнев по этому поводу: «… как же это Вы допустили князя А.И. Васильчикова сделать такую … несообразность и подать повод к таким неприличным и неудобным прениям? Что может быть нелепее обращения славянского комитета за помощью к славянам Западной Европы? Они и сами могут обращаться и обращаются. Почему бы уже не предложить Западной Европе и протектората над славянами, так как нам одним не под силу!»[498]. Далее И.С. Аксаков сообщил, что в Москве предложение князя Васильчикова было встречено всеобщим негодованием, и просил князя В.А. Черкасского уговорить его отказаться от обращения, так как в противном случае пришлось бы заявить «в публичном собрании об отсутствии солидарности между … [Московским славянским благотворительным комитетом] и петербургским отделом»[499].

Возмущение И.С. Аксакова было вызвано его убеждением в том, что «Восточный вопрос для России в существе своем прост и ясен. Это вопрос собственного нашего бытия, наш собственный, русский, а не западноевропейский вопрос. Ибо христианский Восток – область христианства

---

[495] Там же.

[496] Там же.

[497] Там же. С. 579.

[498] Переписка И.С. Аксакова с князем В.А. Черкасским (1875-1878) // Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество 1867-1878. – М., 1948. С. 157.

[499] Там же.

Восточного, во главе которого мы стоим, и иного быть не может… Не об улучшении только быта славян балканских предстоит нам заботиться, не от одних турок должны мы охранять их, но и от посягательств Запада, как на их земли, так и на их духовное совращение и обезличение»[500]. И.С. Аксаков подчеркивал, что «деятельность нашего Славянского общества, даже благотворительная, … тесно связана с современными политическими событиями за Дунаем»[501].

Таким образом, дискуссия показала, что многие члены Петербургского отдела Московского славянского благотворительного общества считали благотворительную деятельность своим вкладом в освободительную борьбу балканских народов. В их понимании она была тесно связана с национальными интересами России, поэтому гуманитарную помощь они толковали расширительно. Активность славянских комитетов могла и должна была включать не только решение социальных проблем славянских народов, но и содействие их политическому и духовному освобождению. В этом процессе они не видели союзников в Западной Европе, полагая, что ее человеколюбивые устремления направлены на вытеснение России с Балкан. Были названы и главные враги – Австро-Венгрия и Германия, войны с которыми в обозримом будущем не исключались.

Таким образом, выявившаяся в начале Великого Восточного кризиса уязвимость российской стратегии на Балканах заставила МИД искать дополнительные средства воздействия, которые, во-первых, не выходили бы за пределы дипломатии, а, во-вторых, давали бы определенную свободу маневра в регионе. Направление деятельности подсказали социальные проблемы населения Боснии и Герцеговины, грозившие перерасти в региональную гуманитарную катастрофу.

Анализируя ситуацию, часть российских дипломатов пришла к выводу, что альтернативой прямого вмешательства может стать масштабная благотворительная помощь, которая даст некое «моральное» право на решение политических вопросов. А учитывая бедность балканских государств, она же станет одним из средств влияния на политические и экономические процессы в регионе.

Допуская во внешнеполитическую сферу частную инициативу, МИД видел выгоду как в том, что официальная Россия сможет в этом случае остаться «в тени», так и в том, что на решение текущих задач можно будет использовать привлеченные средства. Видимая польза от данной

---

[500] Речь И.С. Аксакова на заседании Московского славянского благотворительного комитета 6 марта 1877 г. // Славянский вопрос. 1860-1886. Сочинения И.С. Аксакова. – М., 1886. С. 249.

[501] Речь И.С. Аксакова на заседании Московского славянского благотворительного комитета 5 марта 1878 г. // Там же. С. 280.

стратегии победила имевшиеся опасения, что благотворительной помощью смогут воспользоваться инсургенты для расширения восстания.

Содействие балканским славянам оказывали Московский славянский благотворительный комитет, уставная деятельность которого как раз предполагала подобного рода активность, и «Общество попечения о раненых и больных воинах», находившееся под покровительством императрицы Марии Александровны. Первое из них было довольно скромной по размерам своей деятельности организацией, поэтому, чтобы обеспечить ему возможности для решения поставленных задач, частные инициативы были усилены поддержкой губернских властей и Св. Синодом.

С октября 1875 г. единичные пожертвования переросли в мощный поток. Сборы средств сопровождались активной кампанией в прессе, сделав славянскую тему одной из самых значимых. У лидера российских славянофилов И.С. Аксакова появилась даже идея, что российское правительство может использовать «общественное мнение» как инструмент давления во внешней политике. Однако «монополию» в этом вопросе удержать было невозможно. Тему помощи славянам стали использовать многие деятели, чтобы высказываться по широкому спектру вопросов как внешней, так и внутренней политики.

Официальный Петербург сумел использовать возникший энтузиазм части российского общества в своих целях и на короткий период увлечься иллюзией определенной самостоятельности в формировании актуальной балканской политики.

Для «Общества попечения о раненых и больных воинах» и славянских комитетов участие в организации масштабной помощи пострадавшим от военных столкновений на Балканах было серьезным вызовом. Несмотря на то, что в начале Великого Восточного кризиса решались базовые гуманитарные проблемы, а именно: обеспечение продовольствием и оказание медицинской помощи, эти организации впервые столкнулись с такими большими объемами работы. Несомненно и то, что многие из тех, кто непосредственно принял участие в оказании помощи пострадавшим балканским славянам, а также жертвовали на это средства, были далеки от политических расчётов и искренне им сочувствовали.

Распределение средств на местах контролировали российские дипломатические представители. Большая часть денежных средств и вещевых пожертвований сначала шла в Черногорию, а затем в Сербию. Излишняя самостоятельность славянских комитетов, по мнению ряда российских дипломатических представителей, создавала угрозу международных осложнений, однако, в начале Великого Восточного кризиса польза от деятельности славянских комитетов превышала возможные риски.

Это был первый опыт масштабного взаимодействия общественной инициативы и МИД во внешнеполитической сфере, поэтому последний начал выстраивать систему контроля над деятельностью славянских комитетов, которая в полной мере заработала на следующем этапе.

§ 4. Российская гуманитарная и благотворительная помощь балканским славянам и грекам в период и по окончании русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Миссия А.В. Васильева в Черногории. Берлинский трактат и ликвидация Московского славянского благотворительного комитета

Отказ Порты подписать Лондонский протокол 19 (31) марта 1877 г., показал, что мирные способы решения конфликта исчерпаны: Россия была готова начать военные действия. Дипломатическая и военная подготовка возможной войны началась гораздо раньше. Летом 1876 г. внешнеполитическое ведомство начало переговоры с Австро-Венгрией, обеспечивая ее нейтралитет в случае вступления русской армии на Балканы. Они шли довольно успешно: Петербург и Вена договорились не допустить в случае поражения Турции образования большого славянского государства, в котором не была заинтересована ни одна из сторон. В то же время России не удалось согласовать свою позицию по установлению автономии Боснии и Герцеговины. В результате переговоров 3 (15) января 1877 г. в Будапеште было подписано секретное соглашение, предусматривавшее оккупацию австро-венгерскими войсками Боснии и Герцеговины в обмен на нейтралитет Вены в будущей русско-турецкой войне[502].

Кроме того, в ходе российско-румынских переговоров в Ливадии в сентябре 1876 г. «было достигнуто неформальное соглашение о признании Россией государственной независимости Румынии в случае политических и территориальных изменений в Османской империи в обмен на обещание Румынии пропустить русские войска через свою территорию»[503]. 4 (16) апреля 1877 г. Россия и Румыния заключили политическую конвенцию и подписали военное соглашение об условиях прохождения русских войск через территорию Румынии.

Главной задачей румын было обеспечение «гарантированного нейтралитета», вызванное опасением неблагоприятных последствий для княжества в случае вооруженного вмешательства России в балканские дела[504].

---

[502] История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие. 1856-1878 гг. – М.: КРАСАНД, 2013. С. 173.

[503] *Хотькова Е.С., Ермаков С.М., Каширин В.Б.* и др. Румыния: исторические истоки и современное состояние внешнеполитического позиционирования государства. // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 5 (14). С. 9. Url.: https://riss.ru/documents/191/0ba76e52ecbc416e907804dba3df75dd.pdf (дата обращения: 20.06.2021).

[504] *Залышкин М.М.* Внешняя политика Румынии и румыно-русские отношения 1875-1878 гг. – М.: Наука, 1874. С. 139.

Российское военное командование в октябре 1876 г. приняло решение о необходимости формирования болгарских дружин. Командующим назначается генерал Н.Г. Столетов. Основу первых трех болгарских дружин составили как раз болгарские волонтеры, имевшие опыт сражений совместно с сербскими войсками.

В преддверии будущей войны, в декабре 1876 г., генерал Н.Г. Столетов прибыл в Москву просить помощи «болгарской комиссии» Московского славянского комитета в получении амуниции для болгарского ополчения. В решении этого вопроса участвовали три стороны: генерал Столетов и военное министерство, Московский славянский благотворительный комитет и начальник Гражданского управления в Болгарии. Средства на решение этого вопроса Московскому славянскому комитету пришлось изыскивать самостоятельно. Масштаб задачи был таков, что переданных ему военным ведомством на эти цели 80 000 руб. было явно недостаточно[505]. Именно об этом 20 декабря 1876 г. И.С. Аксаков раздраженно писал князю В.А. Черкасскому: «Я уже истратил из сумм славянского комитета до 25 000 руб. на мундиры, шапки, сапоги и т.п. и уже два транспорта отправлено; более авансов делать не стану ни на одну копейку… Пусть же сначала денег дадут [из казны]»[506].

В конце марта 1877 г. в Кишеневе были сформированы первые три болгарские дружины. Формирование остальных шести проходило под руководством И.С. Иванова, а их экипировка, несмотря на возражения, была возложена на И.С. Аксакова[507]. В результате Московский славянский благотворительный комитет передал на эти цели 20 000 руб.[508]. В целом задача по формированию болгарского ополчения была выполнена к началу русско-турецкой войны, а И.С. Иванов на период военных действий занял должность чиновника по особым поручениям при начальнике Гражданского управления в Болгарии князе В.А. Черкасском.

Войну Турции Россия объявила 12 (24) апреля 1877 г., начав «беспримерный по трудности и героизму поход русской армии за Дунай, навеки покрывшее русское оружие славой Плевны и Шейнова, Шипки и Филиппополя. 314 дней и ночей продолжался освободительный поход. В боях за освобождение Болгарии пало более 50 000 русских солдат»[509]. Русско-турецкая война стала кульминацией и завершением Восточного кризиса 1875-1878 гг.

Вступление русской армии на Балканы, по мнению некоторых членов Петербургского славянского благотворительного общества, поставило решение славянского вопроса на новый

---

[505] Переписка И.С. Аксакова с князем В.А. Черкасским (1875-1878) // Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество 1867-1878. – М., 1948. С. 124-125.

[506] Там же. С. 156.

[507] Там же. С. 126.

[508] Там же. С. 124.

[509] *Задохин А.Г., Низовский А.Ю*. Указ. соч. С. 71-72.

уровень. На заседании 11 мая 1877 г. вновь зазвучала тема взаимосвязи политики и благотворительности. В.И. Ламанский, один из идеологов организации, отметил, что «… Россия теперь не только русская, но и славянская, всеславянская держава. Она обладает не только материальною, но и нравственной силою. Славянская Россия … подготавливает в Европе братство славянской семьи. Первый шаг к этому великому подвигу – решение славянского вопроса»[510], и предположил, что дальнейшее движение в этом направлении позволит Славянскому благотворительному обществу перейти исключительно к благотворительной деятельности, и впредь его активность будет «чужда всякой там политики»[511].

О.Ф. Миллер в своих рассуждениях пошел дальше и высказал идею, что широкомасштабная помощь нуждающимся сможет изменить саму политику и сделать ее «человеколюбивой»[512]. Свои рассуждения О.Ф. Миллер строил на том, что Европа имела возможность решить славянский вопрос без России, но не пошла на это, следовательно, в основе проблемы лежит не желание ограничить российское влияние на славян, а нежелание их освобождения. Отсюда, по его мнению, и «одиночество» России в «славянском вопросе», и ограниченность европейской благотворительности: «Европа не захотела взять на себя роль настоящей, радикально понимающей дело, благотворительницы славян; она предпочла оставаться для них только барыней – филантропкой»[513].

Такое положение дел О.Ф. Миллер объяснял тем, что «для того, чтобы одни … [из народов] могли быть вполне свободны, другие должны оставаться рабами… Вот этим-то и должен оставаться для прочих народов Европы славяне… Потому-то и позволяется говорить разве об улучшении их быта, о какой-нибудь там административной автономии, но никак не о полном освобождении … А политическое освобождение славянских народов? … нашего ли ума это дело? ... Старшие братья, умники, отказываются от дела. Волею-неволею пришлось за него приняться Иванушке-дурачку! … Если это действительно нам удастся, то это будет с нашей стороны великое европейское дело, но, гораздо важнее, это будет дело человеческое, христианское»[514].

При этом О.Ф. Миллер отдавал должное европейской филантропии, «и щедро, и по обыкновению толково» трудившейся на пользу славян. Однако, по его мнению, ей «не доставало главного – влияния этой филантропии на политику», и выражал сожаление, что, «несмотря на всеобщие усилия», гуманизация внешней политики не происходит, хотя «комитет наш

---

[510] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 453.

[511] Там же. С. 450.

[512] Там же. С. 448.

[513] Там же.

[514] Там же. С. 450.

рассчитывал именно на возможность такого человеколюбивого влияния на последнюю»[515]. Дело в том, что О.Ф. Миллер полагал, что общечеловеческая задача славянофилов заключается в приведении не только общественных, но и международных отношений к началам христианской нравственности[516]. Несомненно, подобные утверждения были далеки от реальности, но могли активно использоваться в пропагандистских целях, обосновывая гуманизм российской политики на Балканах.

Объявление манифеста о начале военных действий против Турции было встречено в российской столице и провинции с большим энтузиазмом[517]. В церквах Империи во время проповедей прихожанам давались разъяснения о целях войны. Например, в «Тверских епархиальных ведомостях» было опубликовано несколько «поучений сельским прихожанам по прочтении Высочайшего манифеста», где, в частности, говорилось: «Православные христиане! Высочайшим манифестом, сейчас прочитанном, объявлена война Турции. Не для увеличения могущественного и славного царства русского начинается война. Не для приобретения золота и серебра. Нет. Нам не нужно чужих земель… Дать православным славянам свободу жить мирно, возвратить отнятое у них, не дать варварству турок попирать честь человека и христианина, не дать насмехаться над Крестом Спасителя, – вот из-за чего объявлена война Турции. Такая война, видите, дело святое, высокий подвиг христианский…»[518].

Помощь армии в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. оказывало «Общество попечения о раненых и больных воинах», организовав целую сеть лазаретов и госпиталей внутри и вне Империи и эвакуацию раненых. Организованные Красным Крестом сборы пожертвований также, в основном, шли на его нужды. В день объявления войны императрица Мария Александровна подписала Высочайший рескрипт Главного управления «Общества попечения о раненых и больных воинах», призванный увеличить приток пожертвований: «… нужды больных и раненых воинов будут велики и многообразны, но Я знаю, как велик дух братской любви и благотворительности, искони живущий в русском народе. Я уверена, что теперь, когда наше храброе войско идет стать грудью против врага, за освобождение порабощенных и угнетенных собратий, не оскудеет дающая рука и горячее чувство народное не ослабнет во всех сословиях и во всех краях нашего обширного Отечества…»[519].

---

[515] Там же. С. 448.

[516] *Малинов А.О.* Орест Миллер и славянофильство // Соловьевские исследования. 2015. Вып. 2 (46). С. 11.

[517] Борьба на национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Сборник документов. Т. 2. – М.: Наука, 1964. С. 47.

[518] Тверские епархиальные ведомости. 1877, 1 июня. № 11. Неофициальная часть. С. 183.

[519] Там же. 1877, 15 апреля. № 18. Официальная часть. С. 161-162.

Пока шла война и некоторое время после ее окончания священники в церквах Империи вели разъяснительную работу с прихожанами. Так, в «Тверских епархиальных ведомостях», практически в каждом номере публиковались разнообразные материалы, перепечатанные из столичной прессы: разъяснялась суть «Восточного вопроса»[520] (рубрика «Краткие политические известия»), давались материалы о битве на Шипке и подробности падения Плевны, публиковались телеграммы главнокомандующего, а также тексты прелиминарного Сан-Стефанского договора и Берлинского трактата. Всё это должно было облегчить разъяснительную работу священников среди прихожан, создавать положительный образ войны, вызывать сочувствие к ее целям и побуждать к пожертвованиям.

На территориях, отвоеванных у турок, после ухода войск должна была установиться гражданская администрация. В конце октября 1876 г., в период подготовки к возможным военным действиям, у Александра II возникла идея учредить должность заведующего гражданской частью при главнокомандующем Дунайской армией. В его обязанности входила организация деятельности местной администрации, а также координация действий правительства с различными благотворительными организациями, в том числе, славянскими комитетами. История назначения на эту должность князя В.А. Черкасского кратко изложена в дневниках военного министра Д.А. Милютина. Именно он предложил кандидатуру князя, как человека «наиболее способного именно к подобной деятельности»[521].

С началом военных действий князь В.А. Черкасский был назначен и главноуполномоченным «Общества попечения о раненых и больных воинах», что было логичным продолжением идеи сосредоточить координацию всей благотворительной деятельности вне пределов Российской империи в одних руках.

Вступление русских войск на Балканы вызвало новую волну национально-освободительной борьбы балканских народов. Объединенными усилиями удалось достичь значительных успехов. Военные действия поддержало болгарское народное ополчение.

Черногорцы в июне 1877 г. не только оказали ожесточенное сопротивление турецкой армии, но и, сломив его, перешли в контрнаступление. Усилилось повстанческое движение в Боснии, Герцеговине и Македонии. 1 декабря 1877 г. после долгих уговоров и колебаний сербский князь Милан Обренович присоединился к России и вступил в войну с Османской империей. Несмотря на то, что вскоре продвижение сербских войск на южном фронте было остановлено перемирием

---

[520] Там же. 1877. 15 января. № 2. Неофициальная часть. С. 45-48.

[521] *Милютин Д.А*. Указ. соч. С. 295-296.

между Россией и Турцией, им удалось освободить ряд пограничных территорий к югу от Княжества[522].

Румыния также приняла участие в освобождении Болгарии. Провозгласив независимость, она не только позволила русским войскам пройти через свои территории, чем «возбудила сильнейший гнев со стороны Турции»[523], но и мобилизовала свои войска в помощь русской армии. В одной из значимых битв русско-турецкой войны – под Плевной – румынские войска стояли на правом фланге. Их обслуживал Румынский Красный Крест при поддержке Русского. По желанию румынского князя Карла РОКК отправил в помощь раненым и больным румынским воинам бельё и перевязочные средства на 200 человек[524]. Кроме того, с разрешения румынских властей, территория Румынии использовалась русским военным командованием и Красным Крестом для эвакуации раненых в Россию. Значение этого факта трудно переоценить: это был единственный удобный и безопасный путь с Балканского полуострова в глубь Империи[525].

Князь В.А. Черкасский, как и положено главноуполномоченному РОКК, содействовал организации госпиталей, эвакуационных пунктов и складов для русской армии. Этому направлению деятельности он отдавал большую часть времени и энергии, особенно в начальный период, тем более что высшее армейское руководство полагало, что мероприятия по гражданскому устройству Болгарии несовместимы с военными действиями. Сосредоточившись на помощи воинам русской армии, «Общество попечения о раненых и больных воинах» в какой-то мере помогало и местным жителям. Например, когда в Тырнове им была учреждена швейная мастерская «для заготовления белья в пособие военным госпиталям и дивизионным лазаретам, преимущественно в Тырнове, Габрове и на Шипке», с 1 августа 1877 г. в ней получили работу до 1 000 бедных болгарских женщин[526].

По мере занятия русскими войсками болгарских территорий, задачи князя В.А. Черкасского начали расширяться. Однако, помимо своей основной обязанности – разработки законоположений в области гражданского управления и их внедрения в практику, – ему пришлось заниматься гуманитарными проблемами болгарского и турецкого населения.

---

[522] *Карасев А.В.* Князь Милан Обренович и И. Гарашанин: внешнеполитические цели Сербского княжества // В «интерьере» Балкан: Юбилейный сборник в честь Ирины Степновны Достян. – М.: Пробел, 2010. С. 325.

[523] Тверские епархиальные ведомости. 1877, 1 мая. № 9. Неофициальная часть. С. 166.

[524] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 49. Общий обзор деятельности Красного Креста под Плевною. С. 39 об.

[525] Очерк деятельности Красного Креста при оккупационных русских войсках в княжестве Болгарском и Восточной Румелии 1878-1879 гг. князя С. Шаховского. – СПб.: Главное Управление Российского общества Красного Креста, 1880 // РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1318. Л. 2.

[526] Обзор деятельности под покровительством ее императорского величества Общества попечения о больных и раненых воинах с начала нынешней войны. – СПб., 1877. С. 29.

После бегства при приближении российской армии османских властей и большей части турецкого населения, жизни оставшихся турецких семей оказались под угрозой. Пожары и грабежи в турецких деревнях происходили практически ежедневно[527]. Князь Черкасский принимал все возможные меры, чтобы остановить эти эксцессы. Одной из них стало формирование болгарских дружин, способных обеспечить правопорядок и защиту населения.

Кроме того, В.А. Черкасскому пришлось заботиться о спасении и приюте многих сотен тысяч мирных жителей Болгарии, разоренных, оставшихся без крова, без пищи и даже без одежды при наступлении суровой зимы. В.А. Черкасский для помощи болгарским беженцам создал комиссию и предложил губернаторам размещать бездомных по домам ушедших турок, выдавать пособия, преимущественно натурою, отдавать безвозмездно поля с хлебом, оставленные турками, обеспечить заработком болгар на общественных работах (починка и укладка дорог, покосы травы и т.д.). Таким образом, способным к труду была предоставлена работа, старики и дети были собраны в приюты, для женщин были организованы мастерские[528].

Для решения вопросов гражданского управления в освобожденных областях князю Черкасскому требовались грамотные местные кадры. Чтобы решить эту проблему он написал в несколько славянских организаций, в том числе, в Петербургское славянское благотворительное общество. 30 мая 1877 г. В.А. Черкасский обратился к князю А.И. Васильчикову с просьбой «в возможно скором времени» рекомендовать болгар, получивших образование в России: «При переходе через Дунай мне встретится настоятельная необходимость в содействии некоторых местных жителей и по преимуществу людей способных, образованных, на которых можно было бы положиться»[529]. В ответном письме от 13 июня 1877 г. указывалось, что «значительная часть болгар, воспитанников Московского славянского комитета, находятся в русской службе по учебному и по медицинскому ведомству. Многие состоят врачами при Болгарском ополчении»[530]. Далее прилагался список, свидетельствующий, что большинство воспитанников были учителями, а также юристами и секретарями при различных епархиях[531]. Полный список болгар и болгарок, закончивших русские учебные заведения в Одессе в 1854 – 1876 гг., которых

---

[527] Борьба на национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Сборник документов. Т. 2. – М.: Наука, 1964. С. 194.

[528] Русский биографический словарь. – М., 1905. С. 206.

[529] Письмо В.А. Черкасского председателю Петербургского славянского благотворительного общества И.А. Васильчикову. 30 мая 1877 г. // Борьба на национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Сборник документов. Т. 2. – М.: Наука, 1964. С. 106.

[530] Борьба на национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. С. 119.

[531] Там же. С. 118-119.

можно было привлекать к участию в деятельности по реформированию болгарского общества[532], передало князю Черкасскому в начале войны и Одесское болгарское настоятельство.

По мере необходимости В.А. Черкасский сотрудничал со славянскими организациями и по другим вопросам.

К началу военных действий Московский славянский благотворительный комитет и его Петербургский отдел получили новый статус. Теперь это были две самостоятельные организации: они закончили перерегистрацию, начатую в декабре 1876 г. по требованию Александра II. Для этого были подготовлены новые уставы, незначительно отличающиеся друг от друга. Главным было то, что эти документы закрепили уже фактически осуществляемый ими круг деятельности, а также перевели их в ведение МВД. С момента утверждения устава (12 апреля 1877 г.) со всеми своими ходатайствами они должны были обращаться в МВД, а «в случае сношений Общества по собиранию необходимых ему сведений и по передаче пособий с агентами правительства в чужих краях, сношения эти производятся при посредстве МВД через Азиатский департамент МИД»[533]. Под контроль были поставлены и «сношения Общества с различными сословными и общественными учреждениями внутри государства», которые с этого времени должны были производиться только с разрешения соответствующих губернаторов»[534]. Таким образом, Славянские общества потеряли свой уникальный статус (подчинение МИД), встав в один ряд с другими российскими благотворительными организациями. Государству стало проще контролировать их деятельность как внутри Империи, так и вне ее.

Принимать участие в событиях русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Московскому и Петербургскому славянским благотворительным обществам пришлось уже по новым правилам, что для их представителей оказалось непросто: понадобилось некоторое время, чтобы приспособиться к новым условиям своего существования. В отчетном докладе за 1877 г. отмечалось, что с октября 1876 г. по октябрь 1877 г. в связи с военными действиями оно столкнулось с трудностями в контактах со славянскими землями и своими уполномоченными. Члены Общества выделили в его деятельности два периода. Первый – с октября 1876 г. по 30 апреля 1877 г., второй период, – с 1 мая 1877 г., даты фактического введения нового Устава, до конца 1877 г.

Одним из первых действий Славянского благотворительного общества в русско-турецкой войне стало распространение с 26 апреля 1877 г. подписного листа и воззвания в пользу славян

---

[532] *М. Кольчак*. Одесское общество в войне за освобождение Болгарии (по материалам фондов Одесского историко-краеведческого музея). [Электронный ресурс]. Url.: http://www.history.odessa.ua/publication1/stat16.htm (дата обращения: 06.07.2020).

[533] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 440.

[534] Там же.

Балканского полуострова: «… Вступив в пределы Турции, войска наши найдут там многие славянские города и села выжженными и разоренными, славянское население, ради защиты которого предпринята настоящая война, – скитается без крова одежды и пищи по лесам и горным планинам. Как скоро православным русским воинством положен будет конец варварским действиям турок над нашими братьями, всему русскому обществу предстанет другая, не менее святая задача – воскресить разоренную страну для новой самостоятельной жизни»[535].

Содержащиеся в РГВИА документы свидетельствуют, что жертвователями, в основном, были учебные заведения и местные городские управления. Например, 4 февраля 1878 г. местное управление города Тобольска передало «в пользу славян Балканского полуострова» 350 руб.[536]. Всего в 1877 г. в Петербургское славянское благотворительное общество поступило 342 033 руб. (для сравнения: в 1874 г. организация располагала 31 238 руб.)[537].

Узнав о предполагаемом назначении заведующим гражданской частью при главнокомандующем российской действующей армией своего давнего знакомого, князя В.А. Черкасского, И.С. Аксаков 15 ноября 1876 г. пишет ему о будущем сотрудничестве: «Если Вы точно получили это назначение, то необходимо уже определить отношение к Вам комитета и наш взаимный modus vivendi[538]. Нужно бы, в облегчение Вам, держать при особе Вашей нашего уполномоченного, который бы и сносился с Вами от нас и проч.»[539]. Однако фактически эти взаимоотношения были урегулированы не личными договоренностями, как виделось И.С. Аксакову, а правилами для уполномоченных славянских благотворительных учреждений при заведующем гражданской частью в действующей армии, утвержденными 16 ноября 1876 г. Александром II.

Основные положения этого документа были доведены до сведения членов Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества на заседании 23 мая 1877 г.[540]. С этого момента уполномоченные Славянского благотворительного общества поступали в распоряжение заведующего гражданский частью и все свои действия были обязаны

---

[535] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1312. О пожертвованиях, поступающих в пользу славян и черногорцев. 1878. Л. 46 об.

[536] Там же. Л. 40.

[537] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 473.

[538] Дипломатический термин, применимый для обозначение временных или предварительных соглашений, которые впоследствии будут заменены на постоянные или более подробные.

[539] Переписка И.С. Аксакова с князем В.А. Черкасским (1875-1878). С. 152.

[540] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества… С. 440.

согласовывать с ним[541]. Таким образом, правительство получило дополнительную возможность контроля за деятельностью организации.

С открытием военных действий на Дунае уполномоченный Московского и Петербургского славянских благотворительных обществ А.А. Нарышкин[542] переехал в Болгарию, взяв с собой 53 000 франков, не израсходованных в Сербии. Действия Славянского благотворительного общества на сербском направлении на некоторое время прекратились, если не считать разовых вспомоществований. Например, летом 1877 г., по ходатайству сербского митрополита Михаила оно ассигновало 2 500 руб. на детский приют в Белграде и 1 000 руб. на нужды духовной семинарии в Призрене.[543].

О признании за А.А. Нарышкиным звания главного агента от Московского славянского благотворительного общества И.С. Аксаков сообщил князю Черкасскому в мае 1877 г., но при этом попросил, чтобы распоряжение средствами и отчетность остались за Д.А. Хомяковым. Свое решение он объяснил так: «Я очень люблю Нарышкина, но он очень мешковат и мешкотен и не умеет писать кратких отчетов»[544].

Д.А. Хомяков в первые месяцы войны находился в Румынии. В письме И.С. Аксакову от 23 мая 1877 г. он извинялся за свое бездействие: «О деле же покуда писать не могу, потому что такового не было», а также отметил, что не знает, «скоро ли оно явится, всеми давно чаямое дело»[545]. Оценивая гуманитарную ситуацию с беженцами в Румынии, Д.А. Хомяков сообщил, что там «едва ли придется тратить деньги на пособие бежавшим из Турции семействам, потому что таковых, по собранным сведениям, не имеется. Если есть несколько душ в Галаце и Браилове, то таковым помощь наша не нужна, потому что им помогают местные болгары»[546]. Из этого же письма становится ясно, что собранные славянскими комитетами вещевые пожертвования хранились на складе в Бухаресте, но Д.А. Хомяков тяготился «непроизводительными тратами» на его содержание, поэтому с облегчением принял помощь председателя Центрального

---

[541] Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867-1878 гг. – М., 1948. С. 137.

[542] Нарышкин Александр Алексеевич (1839-1916) – член Петербургского комитета; в 1877 г. – уполномоченный в Сербии, (сменил В.Д. Дандевиля), с начала военных действий русско-турецкой войны – главный агент комитетов в Болгарии.

[543] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 470.

[544] Переписка И.С. Аксакова с князем В.А. Черкасским (1875-1878). С. 169.

[545] Письмо Д.А. Хомякова И.С. Аксакову от 23 мая 1877 г. // Борьба на национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Сборник документов. Т. 2. – М.: Наука, 1964. С. 96.

[546] Там же.

болгарского благотворительного комитета Драгана Цанкова, взявшего их на себя[547]. Вещи с этого склада предназначались для раздачи болгарским беженцам.

Отчет одного из агентов Московского славянского благотворительного общества С.Н. Стамболова от 11 июня 1877 г. свидетельствует о том, что пострадавшему от турецких репрессий населению Добруджи было передано 14 тюков одежды. К сожалению, мы не знаем сколько весили эти тюки или сколько людей смогли воспользоваться этой помощью, однако известно, что накладные расходы составили 434 франка, из которых 274 было израсходовано на транспортировку этих вещей, а 160 – на личные траты самого агента[548].

Регулярно информировал А.С. Аксакова о гуманитарной ситуации на Балканах и А.А. Нарышкин из Болгарии. В письме из Тырново от 4 сентября 1877 г. А.А. Нарышкин отметил, что то, что ему «удавалось читать в попадавшихся русских газетах, не вполне верно изображает положение пострадавших болгар … При отступлении русских войск [в июле] пострадали от турок многие болгарские населенные пункты. Например, в Эски-Загре осталось 1/3 населения; всех ограбили…»[549].

Несмотря на общее дело, отношения у князя А.В. Черкасского и уполномоченных Славянского благотворительного общества не складывались, росло взаимное недоверие. Похоже, Д.А. Хомяков и А.А. Нарышкин тяготились опекой В.А. Черкасского, о чем в июне 1877 г. И.С. Аксаков написал княгине Е.А. Черкасской: «Знаю я только одно, что … Хомяков и Нарышкин жаловались на свою, как они выражались, “позорную праздность” и на совершенное устранение их от всякого дела… Во всяком случае, они признают свое пребывание там бесполезным, к великому для меня огорчению, и Хомяков, сдав дела и деньги Нарышкину, уже на обратном пути в Россию и на днях будет в Москве. Нарышкин пока остается, но недоволен там положением, которое создано агентам славянского общества. Если это положение … создано умышленно, то это большая ошибка»[550]. Эта тема была продолжена И.С. Аксаковым и в следующем письме к княгине Е.А. Черкасской от 28 июля 1877 г. Вероятно, Аксаков пытался смягчить тон своего предыдущего послания и сообщил, что «говорил с Хомяковым и выяснил, что его неудовольствие происходило от бездействия в Румынии». Аксаков выразил согласие с Д.А.

---

[547] Там же. С. 96.

[548] Борьба на национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Сборник документов. Т. 2. – М.: Наука, 1964. С. 169.

[549] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 245/1. Отчет уполномоченного славянского общества в Болгарии А.А. Нарышкина. 1877. Л. 26-26 об.

[550] Переписка И.С. Аксакова с князем В.А. Черкасским (1875-1878). С. 178.

Хомяковым, что «агентам славянского комитета, пока идет война, нельзя разъезжать по стране, поэтому следует вернуться в Болгарию после войны»[551].

И.С. Аксаков надеялся как-то исправить ситуацию и искал аргументы для увеличения точек соприкосновения. В одном из июльских 1877 г. писем князю В.А. Черкасскому он заметил, что ему «хотелось бы, чтобы они (то есть уполномоченные – Г.Ш.) были Вам настоящими, хорошими помощниками в той области, которая лежит вне канцелярии. Очень может быть, что, став на точку зрения “государственного деятеля”, Вы считаете небесполезным парализовать деятельность и значение славянского комитета, осудив его на почетное бездействие. Я бы не домогался для него ни значения, ни деятельности, если бы не сознавал, что это значение может еще очень и очень пригодиться самому правительству и послужить даже точкою опоры для противодействия вредным влияниям… Славянские комитеты – представители общественного мнения по Восточному вопросу, и в решении этого вопроса истинным регулятором, с которым необходимо справляться правительству, служит единственно общественное мнение»[552].

Похоже, князь В.А. Черкасский так не считал и видел корень проблем в самих уполномоченных: «… что сказать Вам о Хомякове и Нарышкине? Они схожи между собой лишь в том, что люди оба честные и непроизводительные. Жалуются, что им делать нечего, а когда укажешь им дело, они от него бегут»[553].

Сохранившиеся в архиве донесения А.А. Нарышкина в Петербургское славянское благотворительное общество позволяют нам увидеть ситуацию его глазами и хотя бы частично понять, в чем была суть разногласий. В частности, А.А. Нарышкин не был согласен с предлагаемыми В.А. Черкасским методами поддержки населения: «Местные деятели особенно воздерживали меня от лишних трат и решительно протестовали против раздачи пособий деньгами. Розданные по распоряжению Черкасского 3 000 руб. в самом начале движения, помимо меня, принесли скорее вред, чем пользу, потому что раздавались эти деньги без разбору всем… Самою действенною из предложенных Черкасским мер было, конечно, расселение беженцев по опустелым турецким деревням, но на приведение ее в исполнение не хватило ни умения, ни энергии…»[554].

Речь идет о предпринятых князем В.А. Черкасским действиях в пользу болгар. В письме от 25 июля 1877 г. военному министру Д.А. Милютину заведующий гражданской частью при главнокомандующем Дунайской армии сообщил о панике среди населения Тырнова в связи с

---

[551] Там же. С. 181.

[552] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы. Т. 2. С. 178.

[553] Переписка И.С. Аксакова с князем В.А. Черкасским (1875-1878). С. 180.

[554] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 245/1. Отчет уполномоченного славянского общества в Болгарии А.А. Нарышкина. 1877. Л. 29 об.

отходом русских войск и предпринятых им действиях в пользу болгар: «Жители …[находятся] в неописуемом волнении, того и гляди побегут в Систово… Из-за Балкан валит народ массами. Я велел размещать их по опустевшим здесь турецким деревням, давать им убирать турецкие хлеба исполу[555], сберегая другую половину для войск; дело это я поручил восьми офицерам…, а также выписал агента славянского комитета Нарышкина для помощи болгарам, а на первую помощь выдал казенных денег 3 тысячи»[556].

В основе этого плана лежало стремление и решить гуманитарную проблему, и сэкономить государственные средства. Передавая поручение тырновскому губернатору генералу М.А. Домонтовичу, князь В.А. Черкасский дал следующую инструкцию: «Желательно, чтобы при выдаче прибывшим сюда болгарам пособий была соблюдена возможная бережливость в интересах казны; им должно быть внушаемо, что оказываемое им пособие от правительства должно считаться единовременным и окончательным, и что другого пособия им ожидать трудно или даже невозможно, а потому они сами должны будут озаботиться изысканием средств к существованию, для чего должны немедленно же и со всем усердием заняться как разными заработками, так и, по преимуществу, уборкою оставшихся после бежавших турок хлебных засевов и лугов…»[557]. Вроде бы логично выглядящие меры по поддержке населения оказалось практически невозможно реализовать. Князь В.А. Черкасский не учел, что положение огромного числа беженцев было различно: одни жители едва успевали покинуть свои дома в чем были, а другие спокойно уезжали, прихватив свои сбережения, погрузив свой скарб на телеги и перегоняя скот[558]. Получив пособие, беженцы не спешили принимать участие в трудовых повинностях, ожидая развития событий.

А.А. Нарышкин предлагал оказывать помощь не всем, а только беднейшему населению, не способному прокормить себя самостоятельно. В уже упомянутом нами его сентябрьском письме приводятся как данные о действиях самих уполномоченных, так и оценка необходимых масштабов помощи на ближайшую перспективу: «Мы раздаем пособия с крайней осмотрительностью, собирая женщин с детьми, группируя их по деревням и городам и проверяя заявления соседей, действительно ли у них нет мужей или собственных средств к существованию. Число получающих здесь хлеб доходило за последние дни от 1 500 до 2 000 [человек]»[559]. А.А. Нарышкин отмечал, что в день на одного призреваемого они выделяли 20

---

[555] То есть половину.

[556] Борьба на национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Сборник документов. Т. 2. – М.: Наука, 1964. С. 198.

[557] Там же. С. 226.

[558] Там же. С. 260-261.

[559] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 245/1. Л. 29 об.

сантимов, при том, что число нуждающихся в Тырнове и Габрове было около 2 000 человек, не считая четырех приютов. Таким образом, по его мнению, необходимый бюджет в месяц составлял около 3 000 руб. золотом, «но нуждающиеся прибывают и будут прибывать всю зиму»[560].

А.А. Нарышкин много ездил, общался с местными жителями, старался как как можно больше узнать об их нуждах. 8 августа 1877 г. он отправил из Габрово телеграмму А.С. Акскову: «Объехал местность между Тырновым и Шибкою (так в тексте – Г.Ш.) включительно; бегущих из-за Балкан насчитывают свыше 100 тысяч. Устроил здесь приют для сирот и убогих: призреваются с 1 августа 235 человек… Заведывает комиссия, избранная местным советом, и мой поверенный, председатель суда Манолов. Другие способы благотворения всеми признаются покамест излишними, даже вредными…»[561].

Открывая благотворительные заведения, А.А. Нарышкин старался продумать не только систему контроля за расходами, но и способы пополнения их бюджета. Как видно из его письма от 4 сентября 1877 г., в этом вопросе он полагался на местное общество: «Открыв приют и раздачу хлеба здесь, в Тырнове, я организовал благотворительное общество, которому и передал это дело, но, конечно, и сам в качестве члена участвую во всех их главных распоряжениях, и ни одного расхода они без меня сделать не могут, так как деньги у меня. Покамест оно собрало мало денег помимо членских взносов…, но путем проповеди в церквах и из устных приглашений – за неимением газет – надеется вызвать пожертвования. Председатель – архимандрит Стефан – человек умный и деятельный. В обществе принимают участие все зажиточные обыватели Тырнова и все образованные болгаре, которые вернулись на родину благодаря войне… В Дранове мы тоже открыли приют…»[562]. Губернатор официально разрешил открытие Общества, а проект устава отправлен на утверждение Черкасскому»[563].

Что касается восстановления православных храмов в Тырнове, разрушенных турками, то А.А. Нарышкин заметил, что «сделанные в них повреждения незначительны и их исправление должно быть отнесено на средства прихожан… Они так зажиточны, эти болгаре, что несправедливо тратить русские деньги на те их нужды, которые они сами сознают»[564]. Однако, в качестве символического шага по поддержке православия уполномоченный Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества предложил восстановить в Тырнове древнюю церковь

---

[560] Там же. Л. 30.

[561] Борьба на национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. С. 228.

[562] Освобождение Болгарии от турецкого ига. С. 262.

[563] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 245/1. Отчет уполномоченного славянского общества в Болгарии А.А. Нарышкина. 1877. Л. 29.

[564] Освобождение Болгарии от турецкого ига. С. 268.

40 мучеников, обращенную турками в мечеть. По его данным, это могло стоить около 4 000 руб.[565]

Судя по отчету, предоставленному А.А. Нарышкиным в Славянское благотворительное общество, с 1 июля по 1 декабря 1877 г. на помощь жертвам войны он израсходовал 31 800 франков: из них – меньшая часть (так как существовали субсидии из казенных сумм) на помощь семействам, бежавшим из южной Болгарии в северные округа, а большая – на устройство приютов для детей, оставшихся без крова и пропитания. При содействии Славянских благотворительных обществ подобные учреждения были открыты в Габрово, Тырново, Ловче, приблизительно на 350-400 детей. Только содержание приютов в этот период обошлось в 4 275 франков[566].

Разногласия в методах между князем В.А. Черкасским и А.А. Нарышкиным проявились и в вопросах расселения беженцев, о чем уполномоченный Славянского благотворительного общества написал 9 октября 1877 г. в Петербург: «… Наконец, явилась в … пользу [беженцев] энергическая и решительная мера. Она принадлежит Драгану Цанкову, который приехал сюда в качестве вице-губернатора. Пригласив меня помочь ему, он провел в Тырновском, Габровском и Севлетском советах постановления о размещении беженцев не в турецких домах, а у болгар, помогая одной семье на пять дворов, при этом общине полагается кормить их вплоть до особого распоряжения, то есть до того времени, когда будет можно вернуться в свои жилища. Мы избрали в благотворительном обществе трех женщин с платой 120 франков в месяц, причем с той же суммы они обязаны содержать лошадь. Эти агенты деятельно развозят бедных по деревням в Тырновском округе (разместили 3 700 семейств). В Габрове и Севлиеве по одному агенту: действуют также успешно… Мы написали губернатору, что больше нет мест для размещения и попросили еще 200 человек разместить в других областях, где беженцев мало. Он поддержал наше ходатайство. Однако 9 октября они получили ответ Черкасского, что такое расселение противоречит видам правительства, которое будто бы поставило себе целью водворить болгар по турецким домам, где они и должны получить оседлость, чем предупреждается развитие бродяжничества»[567]. Следует заметить, что вскоре последовал циркуляр князя Черкасского от 4 ноября 1877 г., дозволявший болгарам занимать оставленные турками земли[568].

---

[565] Там же. С. 269.

[566] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 471.

[567] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 245/1. Отчет уполномоченного славянского общества в Болгарии А.А. Нарышкина. 1877. Л. 41 об.-42.

[568] *Чуркина И.В*. Славянофилы и русское правительство во время Восточного кризиса 1875-1878 гг. // Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность. Сб. статей. – М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 179.

О том, что накопилось взаимное раздражение, свидетельствует и такая фраза в цитируемом нами письме: «По инструкции, определяющей наши отношения, я не обязан доставлять ему сведения и отчеты priori o moto[569], а лишь по требованию. Мне пришлось это исполнить в мае и августе. Денежную отчетность он до сих пор не требовал и всё занимал у меня через то или иное лицо [средства] на потребности раненых»[570]. Далее А.А. Нарышкин сообщил, что не может дальше работать с Черкасским, приказавшим предоставить ему денежную отчетность в срочном порядке: «Я не могу дойти до той степени смирения, которая нужна, чтобы продолжить сношения с этим человеком». По его мнению, и И.С. Аксаков, и члены Славянского благотворительного общества осудили бы его, если бы он подчинился[571]. В заключение А.А. Нарышкин назвал князя Черкасского человеком «без всяких нравственных убеждений»[572]. Страсти достигли такого накала, что в ноябре 1877 г. А.А. Нарышкин покинул свой пост уполномоченного с намерением поступить на военную службу.

Конечно, князь В.А. Черкасский не мог оставить эту ситуацию без внимания. В письме И.С. Аксакову от 28 ноября 1877 г. он изложил свое видение событий: «… депутаты славянского комитета, по правде сказать, между нами, слегка осрамились своей непроизводительностью и непроходимой ленью. У Хомякова что-то под ложечкой оказалось неблагополучно. И в ту самую минуту, когда я поручил Анучину в Систово поговорить с ним об оставлении за ним одного из вице-губернаторских мест, он удрал домой. Перед этим он жаловался, что ему нечего делать, хотя он был привлечен к участию в издании материалов; он также говорил, что славянскому комитету здесь нечего делать, а когда я ему посоветовал занятие – на средства комитета организовать в Тырнове первую чисто-болгарскую типографию за Дунаем (остальные две – в Рощуке и Адрианополе состоят в ведении турок и не действуют) для большого количества дешевых учебников, тогда он, одобряя эту мысль, отказался от ее исполнения и передал дело Нарышкину, дотоле пропадавшему Бог весть где. А между тем из-за Балкан с 21 по 22 июля хлынули массы разоренных болгар, голодных и нищих; а тут – ни Хомякова, ни Нарышкина. Просто страм…»[573]. Эта переписка свидетельствует о том, что у уполномоченных и князя Черкасского были разное понимание того, чем должны заниматься представители Петербургского славянского благотворительного общества, поэтому последние искали себе поле деятельности самостоятельно и, соответственно, сами решали, куда направлять финансовые средства организации.

---

[569] Здесь в значении «регулярно».

[570] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 245/1. Л. 42-42 об.

[571] Там же. Л. 42 об.

[572] Там же. Л. 43.

[573] Переписка И.С. Аксакова с князем В.А. Черкасским (1875-1878). С. 183.

В связи с отказом А.А. Нарышкина представлять в Болгарии интересы Петербургского славянского благотворительного общества, должность уполномоченного в конце октября предложили Петру Владимировичу Алабину, имевшему подобный опыт по линии Красного Креста в Зимнице (Румыния). Согласие было получено. А.А. Нарышкин передал новому уполномоченному остатки сумм: 23 261 франк от Петербургского славянского благотворительного общества и около 40 000 франков от Московского. Как отмечалось позже в отчете, этих денег оказалось достаточно для обеспечения до середины марта 1878 г. ранее открытых уполномоченными приютов для детей болгарских беженцев, лишившихся родителей[574].

В материалах Петербургского общества сохранился финансовый отчет А.А. Нарышкина с 16 декабря 1877 по 17 января 1878 г. За этот период он истратил 23 541, 3 руб. Из них помощь русским добровольцам составила 1 155.2 руб., двум добровольцам, ехавшим в Черногорию, – 75 руб., выдано пособий боснийским инсургентам (орудия, патроны и т.д.) – 9 401,2 руб. (около 40% всех средств), на благотворительные цели, в том числе, приюты, – 1 490,9 руб. (около 6% от общей суммы затрат)[575].

Свою благотворительную деятельность Алабин начал с передачи 1 000 франков Еленинскому окружному начальнику гвардии поручику Рудановскому для вспомоществования беженцам после освобождения города Елены 5 декабря 1877 г. Как только до Алабина дошла весть о падении Плевны (10 декабря), как он тут же поспешил туда для помощи жителям города и окрестных сел, пострадавших от длительной осады. Его стараниями был учрежден благотворительный комитет, в который пожелали войти 60 человек. Чтобы комитет начал работу как можно скорее, Алабин выделил на уставные цели организации 2 000 франков[576].

В конце 1877 г. князь В.А. Черкасский передал значительные суммы в помощь беженцам в распоряжение местных губернаторов, в результате у Славянских благотворительных обществ высвободилась часть средств, предусмотренных ранее на призрение этой категории населения.

Возвратившись в Тырново, Алабин вместе с Нарышкиным, который к тому времени все ещё не покинул Болгарию, занялся улучшением организации управления детскими приютами. Ими заведовали комитеты, образованные из местных жителей. Создав за правительственные деньги еще один приют, его объединили с созданными ранее А.А. Нарышкиным родильным домом и богадельней для стариков и старух. На содержание приютов в Тырново и Ловче со времени их открытия и до июля 1878 г. Петербургским и Московским славянскими благотворительными

---

[574] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 471.

[575] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 245/1. Л. 88.

[576] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 481.

обществами было истрачено 39 467 франков 74 сантима, а за медикаменты для детей и беженцев-болгар было уплачено 2 000 франков. Еще 780 франков было передано П.В. Алабиным тырновскому губернатору Цанкову для восстановления церкви 40 мучеников, превращенной турками в мечеть[577].

По-видимому, организаторские способности П.В. Алабина были замечены и высоко оценены российскими властями, так как вскоре он был назначен софийским губернатором. Возможно, этот карьерный рост объяснялся еще и тем, что, в отличие от А.А. Нарышкина, делавшего карьеру по гражданской линии, Петр Владимирович был кадровым военным, прошел Крымскую кампанию.

В январе 1878 г., исполняя поручение главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, П.В. Алабин оказал содействие в создании в Филиппополе комитета помощи наиболее нуждающимся болгарским беженцам, в основном, вдовам и сиротам. Председателем организации стал архимандрит Силесий. Затем Алабин переехал в Софию, к месту своей новой службы. Как было отмечено в отчетных документах Общества, «хотя … [Алабин] еще продолжает хранение и расходование сумм Славянского благотворительного общества, нам предстоит избрать нового агента»[578].

Будучи губернатором и действуя в русле российской официальной политики по поддержанию православия на Балканах, Алабин приложил немало усилий для восстановления православных церквей. По его просьбе была сделана предварительная оценка ущерба, нанесенного турецким владычеством. Только в Филиппополе речь шла о 25 000 000 франков, общая же сумма доходила до 50 000 000. Не имея таких огромных средств, Алабин решил помочь церквам тех местностей, которые не вошли в Болгарское княжество и не требовали больших вложений. Не считая тырновской церкви 40 мучеников, о которой речь шла ранее, на ремонт 46 храмов им было истрачено 7 806 франков 80 сантимов. Всего на ремонт культовых сооружений было передано 15 730 франков. По ходатайству П.В. Алабина из России прибыли церковные книги, облачения, церковная утварь и прочие богослужебные предметы, пожертвованные болгарским церквам[579].

Значительное место в деятельности П.В. Алабина занимало развитие народного образования. К моменту его приезда в Софию большинство школьных помещений было занято под госпитали и лазареты, а школьное имущество либо испорчено, либо потеряно. По давней традиции болгарские школы создавались на деньги церкви, но в тот момент она сама нуждалась в помощи. Были проблемы и с учителями: многие из них были вынуждены искать другое занятие, чтобы

---

[577] Там же. С. 481.

[578] Там же. С. 470.

[579] Там же. С. 482.

прокормить семью. Пришлось восстанавливать начальные школы с чистого листа, в условиях крайне ограниченных средств. В этой ситуации П.В. Алабин принял решение оказывать помощь там, «где потребность была слишком вопиюща». Всего на эти цели было потрачено 2 808 франков, в том числе, были куплены учебники и книги для софийских и сельских школьников. Кроме того, Алабин принял деятельное участие в устройстве софийской народной библиотеки с бесплатной читальней[580].

Заботы российского правительства распространялись и на болгарских беженцев вне пределов Болгарии. Например, русский консул в Триесте А.Б. Гирш в донесении от [7 декабря] 1877 г. сообщил министру Н.К. Гирсу о прибытии большого количества болгар, спасавшихся от преследований турецких властей и возвращающихся на родину, занятую русскими войсками. Русского дипломата волновало, что они находятся в бедственном положении, в то время как «местная … благотворительность, столько уже времени обремененная просьбами, истощилась»[581]. А.Б. Гирш обратился также в Славянское благотворительное общество в надежде на субсидию на эти цели. Узнав об этом, в МИД посоветовали консулу свои просьбы туда больше не адресовать[582]. Можно предположить, что это были отголоски разногласий князя Черкасского с уполномоченными Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества, о которых в МИД, конечно же знали и, обремененные недавним опытом, не желали как укрепления авторитета организации в балканских вопросах, так и новых осложнений. Средства были найдены из других источников.

Не остались без внимания российского правительства и сербские беженцы. 20 декабря 1877 г. канцлер А.М. Горчаков подал Александру II записку о необходимости ассигнования средств для пособия сербским беженцам, возвращающимся на родину. В документе было указано, что их большая часть находится в крайне бедственном положении и обращается в российские дипломатические представительства с просьбой о пособии для дальнейшего следования на родину. А.М. Горчаков предлагал использовать на эти цели суммы, оставшиеся от ассигнованных на нужды славян ранее (на транспортные расходы для обучающихся славян, на отправку богословских книг и т.д.), находившиеся в распоряжении МИД – 6 146, 96 руб. На записке канцлера есть резолюция императора: «Согласен»[583]. Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество, в свою очередь, выделило на эти цели 3 000 руб.[584].

---

[580] Там же. С. 482-483.

[581] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. – М.: Наука, 1964. С. 361.

[582] Там же. С. 463.

[583] Там же. С. 485-386.

[584] Там же. С. 463.

При этом стоит отметить, что прошения боснийских и герцеговинских беженцев, где бы они ни находились, по-прежнему оставались без последствий. 16 (28) июля 1877 г. от имени боснийского народа к Александру II обратились Р. Илич и С. Попович. В переданном императору письме выражались пожелание успехов в войне с Турцией, и надежда на избавление балканских народов от угнетателей и дальнейшее покровительство России. Кроме того, там говорилось о тяжелом положении боснийских беженцев в Сербии и Австро-Венгрии. Представители боснийского народа надеялись на аудиенцию у российского императора. Однако несмотря на то, что под обращением стояло более 1 330 подписей, в приеме им было отказано.

К октябрю 1877 г. осложнилось положение боснийских и герцеговинских беженцев в Сербии, где они компактно проживали в Белградском, Шабацком и Ужицком округах[585]. Боснийцы и герцеговинцы испытывали серьезные проблемы с продовольствием и одеждой. Р. Илич и С. Попович сделали еще одну попытку повлиять на ситуацию и 31 октября 1877 г. письменно обратились к послу Н.П. Игнатьеву. Они упомянули о том, что на территории Сербии беженцы получали какую-то помощь от Русского благотворительного комитета, закрытого вскоре после окончания сербо-турецкой войны. При этом стоит отметить, что рассказ о тяжелой ситуации с выходцами из Боснии и Герцеговины, которые «умирают с голоду и не имеют тёплой одежды», сопровождался ожиданием, что помощь будет не только благотворительной. Р. Илич и С. Попович просили оружие, чтобы вместе с Россией сражаться против Турции. Это обращение тоже осталось без последствий. С большой долей вероятности можно утверждать, что не последнюю роль в упорном молчании официальной России в вопросах помощи этой категории балканского населения сыграли боязнь осложнений с Австро-Венгрией, получившей согласно Будапештской конвенции 1877 г. право на оккупацию Боснии и Герцеговины[586], а также нежелание осложнять с ней отношения в период военных действий.

Что касается Черногории, то ей, как и в предыдущие годы, была оказана значительная помощь. Там было заметно присутствие не только РОКК и Петербургского славянского благотворительного общества, но и частных благотворителей. В отчетных документах Петербургского славянского благотворительного общества за 1876-1877 гг., где царила, по выражению его членов, полная неразбериха и было «невозможно точно сказать на что были потрачены средства», всё же было отмечено, что в период с 24 октября 1876 г. по 31 октября 1877 г. в Черногорию было отправлено около 100 000 руб. Общий расход за этот период составил 213 000 руб.[587].

---

[585] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875-1878. С. 385.

[586] Там же. С. 385-386.

[587] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 471.

Осенью 1876 г. в Черногорию был назначен новый уполномоченный РОКК, действительный статский советник Константин Андреевич Бух. Читая его донесения, нетрудно заметить, что, в первую очередь, его интересовали политические новости. Так, 18 (30) января 1878 г., в период подготовки Сан-Стефанского мирного договора, он писал генерал-адъютанту А.К. Баумгартену, что черногорский князь Никола ожидает невыгодного для Черногории мира и приводит его слова: «… мы должны будем поступиться своими интересами ввиду того, что Россия, по-видимому, желает избежать войны, а для нас важно, чтобы корень славянства – Россия, сохранила бы в целости свои силы»[588]. Далее он делает заключение, что черногорский господарь «готов заключить с Турцией отдельный мир, что подтверждается еще многими другими обстоятельствами…»[589].

К этому времени в русских лечебных учреждениях оставалось только 11 раненых, поэтому, по мнению уполномоченного, следовало отозвать санитарный отряд в Россию, так как содержать его в Черногории уже не имело смысла. Однако остался открытым вопрос, будет ли учреждена в Цетинье при поддержке Русского Красного Креста постоянная аптека, о которой ходатайствовал князь Никола[590].

Благотворительная деятельность в Черногории сокращалась. К.А. Бух не видел далее приложения своим силам, поэтому 10 (22) февраля 1878 г. попросил ГУ отозвать его в Россию[591]. Русский санитарный отряд покинул Черногорию после подписания Сан-Стефанского мира и формально помощь РОКК была прекращена. Но до 10 апреля, пока больница в Цетинье не была передана черногорскому правительству, она содержалась на средства Русского Красного Креста (за это время был истрачен 5 141 гульден 53 кроны)[592].

Военные действия опустошили и без того бедные черногорские хозяйства. В сложном положении оказались семьи раненых, искалеченных и павших воинов. Зная, что ГУ выделило пособия бедствующему населению Черногории, генеральный консул А.С. Ионин ходатайствовал перед МИД о скорейшем их распределении. Однако 24 февраля 1878 г. генерал-адъютант А.К. Баумгартен проинформировал, что это предложение отклонено в связи со скорым возвращением уполномоченного А.К. Буха в Россию[593]. По-видимому, такое решение было продиктовано

---

[588] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1298. Разная переписка с уполномоченным, находящимся в Черногории и другими лицами. Л. 126.

[589] Там же.

[590] Там же. Л. 126 об.

[591] Там же. Л. 148 об.

[592] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 588.

[593] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1298. Л. 182.

желанием контролировать распределение русской помощи. Позже эти средства всё же были направлены в генеральное консульство в Черногории.

Следует обратить внимание и на то, что в разгар военных действий, среди прочих вопросов, решавшихся в МИД, было и продление государственной субсидии Черногории. Ее срок истекал 1 января 1878 г. По высочайшему повелению от 10 ноября 1877 г. «пособие черногорскому народу» в 46 000 руб. ежегодно было продлено еще на пять лет[594]. При принятии решения было учтено, что в 1877 г. черногорскому правительству пришлось взять у России кредит в 440 000 руб. на покупку хлеба для герцеговинских беженцев[595]. В донесении генерального консула А.С. Ионина на имя Н.К. Гирса от 5 (17) февраля 1878 г. из Цетинье сообщалось о глубочайшей благодарности князя Николы за субсидию и о его просьбе направлять ее на постепенное покрытие займа в 600 000 гульденов на покупку хлеба[596]. При этом российский дипломат отметил, что «князь знает, что этих денег не достанет на покрытие всего долга, но в настоящую минуту он действительно не может сообразить, каким способом он впоследствии мог бы восполнить этот недостаток…»[597].

Будущее процветание Черногории А.С. Ионин однозначно связывал с расширением ее территории. Он писал, что необходимо «некоторое время для того, чтобы после глубокого потрясения и переворота, произведенного последними событиями, можно было осмотреться и ознакомиться с источниками возможных доходов после переустройства Черногории. Надобно думать, что расширенная Черногория будет в состоянии жить своими средствами и найдет ресурсы даже и для покрытия небольших долгов, но пока черногорское правительство находится в полнейшей невозможности определить, что будет завтра»[598].

Уже 12 апреля 1878 г. через генеральное консульство в Рагузе было отправлено 15 333 руб. 33 коп. (33 фунта стерлингов 1 шиллинг 3 пенса)[599], составившие первую треть платежа. Все последующие выплаты были отправлены в государственное казначейство на погашение долга[600].

В цитируемом нами письме А.С. Ионина Н.К. Гирсу была затронута и проблема беженцев: «… нельзя себе даже и представить, каким образом население целых округов, которые останутся в черногорских границах, будут водворены на места жительства после такого долгого

---

[594] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9144. Пособие черногорцам. 1877-1887. Л. 1-1 об.

[595] Там же. Л. 38.

[596] Там же. Л. 10.

[597] Там же. Л. 7 об.

[598] Там же. Л. 8.

[599] Там же. Л. 16.

[600] Там же. Л. 22, 24, 27.

блуждания»[601]. Как мы увидим впоследствии, и в этом вопросе Россия пришла на помощь Черногории.

19 февраля (3 марта) 1878 г. в Сан-Стефано между Россией и Турцией был подписан предварительный мирный договор, провозгласивший независимость Сербии, Черногории, Румынии и Болгарии. Территории Болгарии, Черногории и Румынии были значительно расширены. Первая из них получила практически всю Македонию, включая некоторые албанские территории, вторая увеличилась почти в три раза. Румыния прирастила свою территорию за счёт Северной Добруджи, порта Констанца и Змеиного острова в Черном море. Разочарована была только Сербия, не получившая занятые ею в ходе военных действий земли[602].

Предложенные Россией условия мира вызвали в Европе противодействие, грозящее перейти в открытый конфликт. Европейские державы потребовали срочного созыва международной конференции. В Берлине при посредничестве Германии начал работу международный конгресс. Он открылся 1 (13) июня 1878 г. и проходил в условиях острой дипломатической борьбы. Каждая из европейских держав старалась отстоять свои интересы на Балканах.

В короткий промежуток времени от Сан-Стефанского предварительного мирного договора до Берлинского трактата 1 (13) июля 1878 г. российская гуманитарная и благотворительная помощь на Балканах имела свои особенности.

Часть российского общества, в основном, военные и некоторые дипломаты, пребывали в уверенности, что победа русского оружия и масштабная благотворительная помощь балканским народам, в частности болгарам, поселит в их сердцах благодарность и навсегда свяжет их с «матушкой-Россией». Как известно, эти надежды не оправдались. Менее чем через 10 лет последовал разрыв дипломатических отношений с Болгарией.

В какой-то мере идеалистическими, оторванными от политических и экономических реалий были и взгляды на помощь балканским народам и у части членов Петербургского славянского благотворительного общества. Миссия А.В. Васильева в Черногорию показала, что искреннее сочувствие балканским народам и желание помочь во что бы то ни стало, не считаясь с текущей политической обстановкой, могут привести к серьезным внешнеполитическим осложнениям.

Однако далеко не все смотрели на гуманитарную и благотворительную помощь балканским народам сквозь розовые очки. Часть российского общества отмечала как несоразмерность затраченных усилий и результатов, так и большие затраты. Так, барон Врангель, на которого в 1878 г. была возложена обязанность содействовать возвращению боснийских и герцеговинских беженцев, а также руководить заготовкой и раздачей пожертвованного черногорским семействам

---

[601] Там же. Л. 9-9 об.

[602] *Задохин А.Г., Низовский А.Ю.* Пороховой погреб Европы. Балканские войны XX века. С. 73.

хлеба, по свидетельству уполномоченного Петербургского славянского благотворительного общества А.В. Васильева, неоднократно высказывал свои сожаления о том, что «Россия тратится на прокорм всех этих батраков». А в преддверии Берлинского конгресса, «потирая с удовольствием руки, говорил: “Слава Богу, скоро будет заключен окончательный мир, и мы “сдадим” герцеговинцев Австрии и Россия избавится от этих голодных ртов”»[603]. Возможно, что высказывания барона Врангеля не были такими резкими, как представил их А.В. Васильев, однако они отражали точку зрения части российского общества, не видевшего оснований в трате значительных средств в пользу беднейших слоев населения за пределами Российской империи.

Эту точку зрения представлял и корреспондент «Нового времени» А.Н. Молчанов, находившийся в период войны в Черногории. Отметив, что русские «издержали около трех миллионов на прокормление беглецов-славян и не-славян, пришедших на территорию княжества со всех сторон: из Герцеговины, Ново-Базарского округа, из Албании и т.д.», он посчитал «непозволительным давать другим то, чего у нас самих нет… У нас своих … славян неимущих много, много без счёта»[604]. При этом А.Н. Молчанов довольно презрительно отозвался о членах Петербургского славянского благотворительного общества, назвав их «барами, с величайшей наклонностью благодетельствовать направо и налево и с абсолютным отсутствием какого-либо руководящего принципа…»[605]. Как альтернативу он предложил не вкладывать в балканских славян средства, а «знакомить с духовной Россией»[606].

В день подписания Сан-Стефанского договора скончался главноуполномоченный РОКК князь В.А. Черкасский. Оценивая деятельность своего соратника, И.С. Аксаков сказал, что «не под силу было одному человеку нести такие задачи, такую тяготу труда, забот и борьбы»[607], и что «если только представить себе исполинский объем, обстановку, все трудности порученной Черкасскому задачи, так можно лишь дивиться, как сумел одолеть ее Черкасский и дать ей удовлетворительное решение»[608].

20 марта на должность главноуполномоченного РОКК был назначен С.Ф. Панютин. Его деятельность распространилась на всю территорию, занятую русскими войсками – по южную

---

[603] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 577.

[604] Там же.

[605] Там же.

[606] Там же. С. 578.

[607] Речь И.С. Аксакова на заседании Московского славянского благотворительного комитета 5 марта 1878 г. // Славянский вопрос. 1860-1886. Сочинения И.С. Аксакова. – М., 1886. С. 296.

[608] Там же. С. 293.

сторону Балкан. Кроме русских войск, он также опекал и болгарские дружины[609]. Как и его предшественнику, С.Ф. Панютину пришлось решать грандиозные по своим масштабам задачи. Дело в том, что ко времени заключения предварительного мирного договора, на Балканах скопилось огромное количество беженцев, быстро пополнявшееся новыми жертвами войны, что, в свою очередь, грозило эпидемиями. Поэтому российское военное командование приняло решение ускорить эвакуацию раненых и больных русских воинов. С целью координации действий в мае 1878 г., по представлению нового главнокомандующего графа Э.И. Тотлебена, С.Ф. Панютин был назначен председателем эвакуационной комиссии.

В качестве главного уполномоченного Красного Креста при главнокомандующем действующей армии С.Ф. Панютин расширил деятельность склада в Сан-Стефано, открыл и поставил госпитальные бараки и шатры в Адрианополе, Филиппополе, Софии, Казанлыке, Чаталджи и др. Санитарный персонал был усилен дополнительным штатом. В соответствии с поставленной задачей С.Ф. Панютин увеличил сеть эвакуационных пунктов, где при сортировке соблюдались все гигиенические нормы[610].

При решении текущих задач С.Ф. Панютин опирался на поддержку местного населения. Так, весной 1878 г. он сообщил в ГУ РОКК, что «болгарское общество города Ямболя отнеслось сочувственно к положению больных и раненых русских воинов и устроило комитет помощи. Признавая пользу образования такого общества как зародыша будущего болгарского Красного Креста, для увеличения его капитала из средств РОКК было выделено 30 полуимериалов»[611].

С помощью местного населения решались и кадровые вопросы, в частности, со средним медицинским персоналом. Специальных учебных заведений, где его можно было бы готовить, не существовало. Когда в некоторых русских госпиталях явились болгарки-волонтерки, просившие разрешения принять участие в уходе за больными, то «имея в виду крайне важное значение для будущего образования опытных сестёр милосердия из болгарок, … [Панютин] … просил уполномоченных … оказать им содействие, поручив их особенному вниманию … [русских] сестёр, в то же время … инспектор госпиталей генерал-майор В.И. Маркозов сделал распоряжение о приеме болгарок в сёстры милосердия с жалованием 12 руб. металлических»[612]. Таким образом, волонтерское движение было преобразовано в профессиональную подготовку медицинских кадров, в которых болгарское общество остро нуждалось.

---

[609] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д.1311. Отчет главноуполномоченного при главнокомандующем действующей армии тайного советника Панютина. Л. 2.

[610] Русский биографический словарь. – СПб., 1902. С. 295.

[611] РГВИА. Ф. !2651. Оп. 1. Д. 1320. Л. 19.

[612] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1311. Л. 56 а-56 а об.

В мае 1878 г. в Болгарии вспыхнула эпидемия тифа. В связи с этим были предприняты срочные меры по ее локализации: раненые были переведены в специально построенные «заразные» бараки. Эвакуацию русских воинов пришлось ускорить. В результате в Россию за короткий срок удалось вывезти около 60 000 человек[613]. Помощь в связи с эпидемией оказывалась не только больным и раненым русским воинам, но и пленным туркам. В палату, где они лежали, была назначена для ухода сестра милосердия. 43 человека из числа выздоровевших были эвакуированы в Константинополь, причем Красный Крест снабдил их необходимым бельём и одеждой. Сопровождавшему их лицу вменили в обязанность заботиться о пропитании турок во время следования в Сан-Стефано, где они были переданы турецкому военному ведомству[614].

С.Ф. Панютин старался строить свою деятельность таким образом, чтобы после ухода русской армии Красный Крест мог продолжить свою работу в Болгарии. Когда стало ясно, что расчленения Болгарии не избежать и часть её останется в составе Османской империи, главноуполномоченный РОКК подготовил и представил в ГУ проект разделения Восточной Румелии на два района, предложив в каждом из них по уполномоченному с бюджетом в 8 000 металлических руб. Несмотря на то, что этот план был одобрен, осуществиться ему было не суждено[615].

Краснокрестные учреждения постепенно сворачивали свою деятельность: раненые выписывались или эвакуировались, госпитали и лазареты закрывались, имущество упаковывалось и перевозилось в Рени[616]. Как писал князь С.В. Шаховской, «Красный Крест должен был прекратить … продолжительную, многотрудную и славную деятельность…, блистательно доказавшую всему миру, на какой высокий нравственный подъем способен русский человек, готовый добровольно на всевозможные лишения и даже самопожертвование для облегчения страданий своих собратий»[617].

Совместная с европейцами работа над текстом Берлинского трактата заставила российский МИД пересмотреть свое отношение к проблемам боснийских и герцеговинских беженцев. Понимая, что большинство решений конгресса диктовалось желанием не допустить распространения влияния Петербурга на Балканах, российское внешнеполитическое ведомство старалось не только оттянуть момент ввода войск Габсбургской монархии в Боснию и

---

[613] Русский биографический словарь. – СПб., 1902. С. 295.

[614] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1311. Л. 16 об.-17.

[615] Там же. Л. 50 об.-51.

[616] Очерк деятельности Красного Креста при оккупационных русских войсках в княжестве Болгарском и Восточной Румелии 1878-1879 гг. князя С. Шаховского. – СПб.: Главное Управление Российского общества Красного Креста, 1880 // РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1318. Л. 3.

[617] Там же. Л. 2 об.

Герцеговину, но и всеми возможными способами сохранить влияние России в этих турецких провинциях.

Эти усилия были поддержаны Петербургским славянским благотворительным обществом. При этом заметим, помощь боснийским и герцеговинским беженцам, пусть даже символическую, оно не останавливало, что, в какой-то мере компенсировало затяжное молчание официальной России по этому поводу. По-видимому, это был всё тот же прием, пусть и в меньших масштабах, который использовался в начале Восточного кризиса – «неудобную», но необходимую помощь в интересах официального Петербурга оказывали частные благотворители.

5 апреля 1878 г. в Совете Петербургского славянского благотворительного общества получили письмо сербского полковника М. Деспотовича (1822-1890), одного из активных сторонников присоединения Боснии к Сербии, в котором сообщалось, что «значительное число боснийских семейств и инсургентов находится на боснийской территории вблизи австро-венгерской границы в горах и лесах без средств к существованию. Они остаются на своих местах потому, что австро-венгерское правительство выдает вспомоществование только детям и старикам, и то самое незначительное, а между тем в Австро-Венгрии босняки должны платить за жилище и покупать дрова…»[618].

Получение этого письма в Славянском благотворительном обществе практически совпало по времени с донесением советника посольства в Константинополе (1874-1877 гг.) А.И. Нелидова канцлеру А.М. Горчакову от 1 (13) мая 1878 г. об использовании Австро-Венгрией пребывания в ее владениях беженцев из Боснии и Герцеговины как предлог для оккупации провинций. Нелидов обратил внимание канцлера, что австро-венгерское правительство стремится решить одновременно как экономические, так и политические проблемы. Оно «решило больше не допускать продолжения ситуации, созданной присутствием на своей территории эмигрантов этих двух провинций. Помимо огромных расходов по их содержанию, что дорого обходится казне Империи, с политической точки зрения сложилась ненормальная ситуация, которой необходимо положить конец»[619]. Далее А.И. Нелидов привел слова посланника Австро-Венгрии в Константинополе графа Зичи, что лучшим способом решения проблемы стала бы оккупация Боснии и Герцеговины австро-венгерскими войсками.

Следует отметить, что помощь боснийским беженцам из России в этот раз пришла очень быстро: уже 11 мая 1878 г. генерал Деспотович передал в Славянское благотворительное общество благодарность и сообщил, что помощь была передана всем нуждающимся[620].

---

[618] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875-1878. С. 398.

[619] Там же. С. 403.

[620] Там же. С. 398.

В пользу боснийских беженцев Петербургское славянское благотворительное общество продолжало собирать средства и осенью того же года, о чем в письме И.С. Аксакову от 15 сентября 1878 г. сообщил Н.Н. Дурново: «…Аксенов собрал до 3 тысяч руб. между купечеством в пользу босняков и обещается собрать еще не менее 2 тысяч руб., с тем, чтобы перевести их через банк на имя митрополита Михаила»[621].

Таким образом, к решению гуманитарных проблем на Балканах Россия подходила дифференцированно. Если одним балканским народам (болгарам, сербам, черногорцам) она была готова оказать помощь, то степень поддержки боснийских и герцеговинских беженцев всецело зависела от текущей ситуации и договоренностей с Австро-Венгрией. Начавшаяся в июле 1878 г. австро-венгерская оккупация Боснии и Герцеговины закрыла вопрос о помощи беженцам из этих провинций Османской империи. Теперь он находился исключительно в ведении Вены. При этом отметим, что с переходом от османского управления к австрийскому положение местных жителей в пограничной полосе Герцеговины с Черногорией мало в чём изменилось[622]. Их-по-прежнему ждало непосильное налоговое бремя, нерешенный аграрный вопрос и постой теперь уже австрийских войск. Вернувшиеся из Черногории беженцы, зачастую страдавшие от голода, не находили поддержки местных властей ни деньгами, ни продовольствием. В своей политике австрийские власти предпочитали опираться на богатых и влиятельных жителей Герцеговины, в основном, мусульман[623].

Что касается официального Петербурга, то он, в ожидании решения европейских держав, даже в гуманитарной сфере был очень осторожен и старался придерживаться предварительных договоренностей, в частности, с Веной. Как это выглядело на практике, можно рассмотреть на примере гуманитарной помощи беженцам, часть которых находилась на территориях, подпадавших под аннексию Австро-Венгрии.

Особенности работы уполномоченного Петербургского славянского благотворительного общества в период между Сан-Стефанским миром и Берлинским трактатом можно проследить на примере миссии А.В. Васильева в Черногорию, куда он прибыл 31 января 1878 г. Свое назначение он получил месяцем ранее, 30 декабря 1877 г. В его обязанности входило распределение среди беднейшего населения как денежной, так и материальной помощи. В распоряжение Васильева было предоставлено 92 500 руб. Еще в Рагузе он передал 500 гульденов (1 гульден был равен приблизительно 1,18 руб.) архимандритам Серафиму и Мелентию

---

[621] И.С. Аксаков – Н.Н. Дурново. [после 19 сентября] 1878 г. // Люди Русской Правды. С. 339.

[622] *Кондратьева В.Н.* К истории первых лет оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией (1878-1889) // Балканские народы и европейские правительства в XVIII–начале XX в. (Документы и исследования). Вып. 8. М.: Наука, 1982. С. 237, 254-255.

[623] Там же. С. 238-239.

Петровичам в помощь герцеговинским беженцам в Далмации. 4 февраля уполномоченный Славянского благотворительного общества был уже в Цетинье[624].

Пребывание А.В. Васильева в Черногории по времени совпало с решительными шагами правительства Австро-Венгрии по получению мандата на оккупацию Боснии и Герцеговины на фоне бурных протестов балканских славян. Инсургенты не смогли найти защиту у черногорского князя Николы, рассчитывавшего на значительные территориальные приращения по итогам войны и не желавшего ссориться с Австро-Венгрией. Поэтому лидеры повстанцев обратились за помощью к представителю Петербургского славянского благотворительного общества. А.В. Васильев, несомненно, восхищался этими людьми и писал о них в Петербург следующее: «…живя в Черногории, я имел случай близко узнать много … людей, имена которых золотыми буквами должны бы быть записаны на страницах славянской истории. Вся жизнь этих людей – живая былина неустанной богатырской борьбы с врагами славянства…, они грозно и честно держали развернутое имя знамя… [Герцеговинцы] честно выполнили долг свой перед историей и не их вина, если дело испортили потом другие»[625].

Потратив несколько дней на изучение обстановки, 10 февраля А.В. Васильев пишет в Совет Славянского благотворительного общества, что пришел к выводу о невозможности представителю русской благотворительности ограничиться пределами Черногории[626]. Тем более, что его предшественник, князь П.А. Васильчиков, оказывал помощь преимущественно черногорцам: во второй половине 1876 г. им было роздано пособий на 75 000 гульденов (около 64 000 руб.). А пособия герцеговинцам в этот период высылал только Петербургский женский славянский кружок (председательница О.К. Граве), возникший в 1875 г. и прекративший свое существование с перерегистрацией уставов Славянских комитетов). Всего на эти цели было затрачено 5 000 гульденов (примерно 4 200 руб.)[627], что, конечно, при масштабе проблемы могло иметь чисто символическое значение. Поэтому, по мнению А.В. Васильева, кроме черногорцев, необходимо помогать боснякам, и герцеговинцам, находившимся в «гибельном» и «отчаянном» положении[628] как в Черногории, так и в Далмации. Судя по тому, что Совет не возразил своему представителю и даже, более того, ему были высланы дополнительные средства, эта линия поведения была одобрена[629].

---

[624] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 570.

[625] Там же. С. 576.

[626] Там же. С. 571.

[627] Там же. С. 572.

[628] Там же. С. 571.

[629] Там же. С. 570.

Похоже, что А.В. Васильева действительно волновали проблемы славянского населения Балкан. Он много ездил по стране, встречался с людьми, видел их насущные нужды: «на каждом шагу приходилось мне встречаться лицом к лицу с такою несомненною, такою вопиющею нуждою, что отворачиваться от нея не представлялось решительно никакой возможности»[630].

Свои благотворительные действия А.В. Васильев условно разделил на три основных направления: денежные пожертвования, вещевые пожертвования и устройство училищ и приютов для детей.

Денежные пожертвования, как и его предшественники, он раздавал мелкими суммами, по спискам, составленным местными комитетами. Исключение он делал для семей руководителей инсургентов, субсидирование семей которых доходило до 100 гульденов в месяц. Есть также данные, что при распределении гуманитарной помощи А.В. Васильев считал возможным передавать денежные средства повстанцам на цели, не связанные с его миссией[631]. Как бы там ни было, в финансовом отчете представителя Славянского благотворительного общества этот факт отражен не был. А.В. Васильев сообщил, что 46 201 гульден 10 крейцеров он роздал приблизительно 50 000 герцеговинских беженцев в Черногории, 9 504 гульденов – боснийским беженцам[632].

А.В. Васильев придавал большое значение вещевым пожертвованиям. С началом сербо-турецкой и черногорско-турецкой войн 1876 г. их было собрано в России огромное количество. Согласно материалам, содержащимся в РГВИА, первый транспорт с пожертвованиями из России с постельным бельём, одеждой и обувью, нижним бельём, а также госпитальными принадлежностями (119 мест) отправился в Черногорию 5 февраля 1877 г. Затем он отправлялся регулярно два-три раза в месяц до конца года[633]. Получение и распределение этих вещей требовало огромных усилий по сортировке и упаковке, а также, учитывая рельеф местности, значительных денежных средств для доставки. Уполномоченный РОКК генерал А.А. Зубов видел эту проблему и еще до своего отъезда в марте 1878 г. обращался в ГУ с предложением «о прекращении присылки в Черногорию тюков с вещами для раздачи бедным, находя, что пересылка громадного количества старого платья и тряпья сюда, переноска его по горам, наем магазинов и прочие расходы, сопряженные с раздачей, превышают стоимость этих вещей»[634].

Прибыв в Черногорию, А.В. Васильев договорился с генералом А.А. Зубовым, что хлопоты по распределению вещевых пожертвований он возьмет на себя, а расходы на содержание складов

---

[630] Там же. С. 576.

[631] *Хитрова Н.И.* Россия и Черногория в 1878-1908 годах. С. 74.

[632] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 574.

[633] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1297. Об отправке вещей в Черногорию. Л. 1-186.

[634] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9131. О прекращении деятельности общества Красного Креста в Черногории. Л. 2.

и доставку они будут делить пополам. При этом главной трудностью в этом деле А.В. Васильев посчитал раздачу одежды «правильно и безобидно … между нуждающимися», а свое решение заниматься этим трудоемким делом он объяснил тем, что «кроме множества обносившихся и обнищавших черногорских семейств, в княжестве было 75 000 ч<еловек> пришлого, за весьма немногими исключениями, почти одинаково голого народа»[635].

Силами русской миссии и уполномоченных Красного Креста в Черногории было организовано несколько складов пожертвованных вещей из России – в Которе, куда вещи доставлялись морским путем, в Негушах, Цетинье и Даниловграде. Позже к ним присоединились склады в Рисано, Грахове и Никшиче[636]. Вещи поступали на склад в Которе, там сортировались, укладывались в удобные тюки, а затем доставлялись на другие склады. Только в окрестностях Грахово, Невесинье и других небольших населенных пунктов были розданы вещи около 6 000 человек[637].

На собрании членов Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества 14 февраля 1879 г. А.В. Васильев подробно изложил свою позицию, касающуюся вещевых пожертвований: «…мне приходилось слышать замечания, что стоило ли расходовать такие деньги на отправку за тысячи верст различной ветоши, но мне кажется, что денег, затрат на это дело жалеть не следует: помощь одеждою в разоренных местах является такой же самостоятельной необходимостью и таким же добрым и полезным делом, как и помощь деньгами и хлебом…, в глазах тех страдальцев, которым мне довелось помочь, тот и другой вид помощи имеет одинаковую цену»[638].

После вынужденного отъезда А.В. Васильева в конце мая 1878 г. в Петербург, от вещевых пожертвований, учитывая издержки, всё же отказались, а склад, оставшийся после отъезда отряда Красного Креста вместе со всем содержимым был передан митрополиту Илариону[639]. Это решение было поддержано МИД и ГУ РОКК[640].

Еще одним направлением благотворительной деятельности А.В. Васильева было открытие училищ и приютов для детей беженцев. Для устройства этих заведений был использован опыт российских и зарубежных благотворителей. В своем отчете Васильев заметил, что подобные приюты-училища были устроены А.А. Нарышкиным в Болгарии, а затем взяты на свое иждивение болгарским правительством, и в Сербии, где в создании такого училища-приюта для

---

[635] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 579.

[636] Там же.

[637] Там же. С. 580.

[638] Там же.

[639] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9131. Л. 2-4.

[640] Там же. Л. 101 об.

детей повстанцев вместе со Славянским благотворительным обществом участвовало сербское правительство. Этот последний приют был устроен англичанином, а уж потом русские и сербы взяли его на свое содержание[641].

А.В. Васильев поддерживал училища, созданные представительницей Санкт-Петербургкого женского славянского кружка в Херцег-Нови, Рисано, одно в Негушах в Черногории и одно в Крушевицах в Герцеговине, а также создал новые – в Цетинье, в Грахове, Никшиче, Белой Горе и училище для девочек в Рисано. Главный критерий, которого придерживался Васильев, создавая и поддерживая эти учебные заведения – максимальная доступность обучения для детей беженцев[642]. По данным А.В. Васильева, в русских училищах училось, одевалось, кормилось и лечилось около 1 500 детей[643].

Обширная благотворительная деятельность и самостоятельность А.В. Васильева за короткий срок стали не только заметны, но и вызвали крайнее раздражение как официальных представителей России и Австро-Венгрии, так и черногорского правительства. Каждый из них видел в активности уполномоченного Петербургского славянского благотворительного общества угрозу своим интересам.

Отношения А.В. Васильева и А.С. Ионина явно не сложились. Глава российского представительства отзывался о Васильеве иронично, отметив в одном из донесений в МИД, что он «показался здесь всем несколько смешным человеком…». В таком же духе описывал дипломат и деятельность представителя Славянского благотворительного общества: «Пошел Васильев благотворить, конечно, по герцеговинской части, … окружил себя мало-помалу неблагонадежными личностями или мальчишками. … я, однако, не принимал никаких мер, оставляя его совершенно свободным делать, что хочет, и стараясь только, чтобы благотворительные прихоти в его руках не перешли в прихоти политические»[644].

Как представитель официальной России, А.С. Ионин не мог позволить, чтобы российский подданный, прибывший с благотворительной миссией, совершил поступки, могущие повлечь за собой какие-либо осложнения с европейцами, особенно с австрийцами, поэтому он на первых порах «пытался увещеваниями сориентировать Васильева»[645]. Мягкая позиция российского посланника и его долгое терпение объяснялись, по его собственным словам, нежеланием

---

[641] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 581.

[642] Там же. С. 582.

[643] Там же. С. 585.

[644] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875-1878. С. 404.

[645] Там же. С. 405.

«разочаровывать славянские комитеты», что могло привести к прекращению финансирования с их стороны[646].

Эти цитаты взяты из довольно эмоционального доверительного письма А.С. Ионина Н.К. Гирсу, товарищу министра иностранных дел, занимавшему также пост управляющего Азиатским департаментом МИД, от 30 мая (11 июня) 1878 г. Указав, что все его деликатные попытки удержать Васильева от опрометчивых поступков оказались тщетными, А.С. Ионин подчеркнул, что «всему есть предел, а Васильев, кажется, перешел через него»[647]. По мнению российского посланника, представитель Петербургского славянского благотворительного общества «… пустился в предприятие… рискованное и опасное – организовать якобы вне черногорского влияния независимую герцеговинскую силу, которая вопреки узким интересам Черногории, которая из своекорыстия якобы смотрит равнодушно на предстоящее занятие Герцеговины австрийцами, могла б воспротивиться этому событию. Васильев полностью разделял эту иллюзию, которую … привез из комитета, непреложно верующего еще в геройство милых герцеговинцев … это было уже опасно до некоторой степени, ибо на границах Черногории нельзя шутить этими вещами»[648]. Более того, А.С. Ионин сообщил о своих подозрениях, что благотворительные деньги шли на подготовку восстания в Герцеговине,[649] в связи с чем предупредил Васильева, что будет вынужден прекратить его деятельность.

Вскоре наступили и ожидаемые осложнения с европейскими коллегами: австрийцы выразили протест в связи с чрезмерной активностью представителя Славянского благотворительного общества и потребовали его удаления из Ризано[650].

Свидетелем скандала с австрийцами был барон Врангель, командированный в Черногорию на смену А.А. Рихтеру для возвращения на родину боснийских и герцеговинских беженцев. По его мнению, «герцеговинцы сами по себе возмущены, но … Васильев не раздувает этого возмущения материальным образом, а … только соглашается с ними в платонических выражениях негодования на Австрию и на <черногорского> князя Николая, готового изменить славянскому делу»[651]. Однако Ионин полагал, что барон находится в заблуждении, сославшись на имеющиеся у него сведения, что «Васильев в сообществе неких людей пытается организовать что-то вроде

---

[646] Там же. С. 408.

[647] Там же. С. 408.

[648] Там же. С. 405.

[649] Там же. С. 407.

[650] *Хитрова Н.И.* Россия и Черногория в 1878-1908 годах. С. 74.

[651] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875-1878. С. 405.

независимого правительства из герцеговинских главарей для предполагаемого действия против Австрии»[652].

Спустя некоторое время, на одном из заседаний Петербургского славянского благотворительного общества А.В. Васильев изложил свою версию событий, назвав решение представителей Австро-Венгрии «политической акцией». По его свидетельству, первое время он спокойно и открыто производил благотворительные выплаты в Далмации, а австрийские власти не возражали. Делал он это в том же самом месте, где местные чиновники выдавали билеты на хлеб герцеговинцам. Но затем местные австрийские власти потребовали от Васильева получить разрешение на производство выплат из Вены. Он подчинился, сделав соответствующий запрос, причем в период ожидания ответа его деятельность запрещена не была. Запрет последовал 12 апреля, вынудив Васильева переехать в Грахово. Уполномоченный Славянского благотворительного общества так прокомментировал эти события: «Конечно, австрийскому правительству могла быть неприятна раздача русских денег на его земле, увеличивая в глазах местных жителей, его подданных, и без того могущественное обаяние России»[653].

А.В. Васильев, отчитываясь перед членами Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества, рассказал, что, когда он заканчивал раздачу денег в Грахове, черногорское правительство приказало герцеговинским беженцам «идти на свои пепелища», а именно возвращаться в земли, которые должны были отойти Черногории по Сан-Стефанскому миру[654].

Содействие этому процессу как раз и было задачей барона Врангеля. При этом русское правительство предусмотрело для возвращавшихся по дукату (червонцу) на каждого и семенной хлеб для будущего посева. Раздача денег и билетов на получение зерна происходила из хлебных складов в Риеке, Негушах и Грахове. С выдачей этих пособий всякая дальнейшая помощь герцеговинским беженцам и отпуск им месячного пособия как со стороны черногорского, так и российского правительств была прекращена[655]. Барон Врангель находился в Черногории с марта по август 1878 г. За это время большая часть беженцев была отправлена в Боснию и Герцеговину. В пределах Черногории к середине августа осталось около 28 000 человек[656]. Впоследствии большая часть этих земель оказалась в зоне австрийской оккупации[657].

---

[652] Там же. С. 405-406.

[653] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества… С. 575.

[654] Там же. С. 576.

[655] Там же.

[656] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 3. С. 59.

[657] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 576.

В своем отчете А.В. Васильев отметил, что положение герцеговинских беженцев в Черногории и прилегающих землях всё же было намного лучше чем у тех, кто остался на территории Турции и которых ждали «голод и скитания», так как помощь до них не доходила[658].

Перед отъездом в Россию А.В. Васильев передал остаток имевшихся у него средств в 3 519 талеров герцеговинцам. Вскоре он узнал, что как только он покинул Черногорию, князь Никола часть этих денег отобрал «из опасения, чтобы ничтожные эти средства не облегчили …[главарям] возможности сопротивляться австрийской оккупации»[659]. Эта ситуация имела продолжение и была описана в одном из писем Н.Н. Дурново к И.С. Аксакову: «Черногорский князь, как пишут из Цетинье, находится в самых дружественных отношениях к Австрии. Герцеговинских главарей он еще в июле вызвал к себе и держал их всё время в столице, пока австрийцы не заняли Герцеговину»[660]. Вожаки герцеговинских инсургентов теперь были очень неудобны – правящие круги Австро-Венгрии и Черногории уже получили свои политические дивиденды. Что касается А.С. Ионина, то его Н.Н. Дурново обвинял в том, что «он австрийские интересы ставит выше черногорских»[661].

Министр-резидент при черногорском дворе тоже не был в восторге от деятельности представителей Петербургского славянского благотворительного общества. В уже частично цитированном нами письме Н.К. Гирсу от 30 мая (11 июня) 1878 г. он дает оценку активности в регионе как самой организации, так и ее уполномоченных. Характеризуя этих людей, А.С. Ионин презрительно назвал их «любителями политики и благотворительности»[662], заметив при этом, что их «политические выходки проистекают сами собой и без предвзятого намерения, из сентиментальности, соединенной с полным незнанием дел и Востока»[663].

Это письмо А.С. Ионина любопытно еще и тем, что автор не скрывает свою точку зрения на общественную благотворительность на Балканах и ее результаты. Несмотря на более чем трехлетнее сотрудничество, он остался невысокого мнения о «…частной благотворительной деятельности наших Славянских комитетов, которая, – пишет Ионин – как я ни бился, непременно обращается или в некоторую сплетню и интригу или в политические искания приключений. Сколько я ни старался моих сердобольных соотечественников направить на

---

[658] Там же.

[659] Там же. С. 577.

[660] И.С. Аксаков – Н.Н. Дурново. [после 19 сентября] 1878 г. // Люди Русской Правды. С. 338.

[661] Там же.

[662] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875-1878. С. 407.

[663] Там же. С. 408.

практическое и здоровое понимание вещей и разубеждать их в справедливости взглядов, которые они себе обыкновенно формируют по газетным рекламам, всё больше было напрасно»[664].

По мнению А.С. Ионина, подобное поведение представителей славянских комитетов проистекает из-за того, что они попадают под влияние местных деятелей – «пройдох или мальчишек, не кончивших курс в сербских или русских семинариях, которые, на их взгляд, олицетворяют собою прогресс или цивилизацию, а также чистоту славянского духа»[665]. Еще одна причина – предвзятый взгляд на дипломатического агента как выразителя официальной политики, критикуемой славянскими комитетами, а также представление об А.С. Ионине как человеке, преданном черногорскими интересам в ущерб герцеговинским. Отсюда стремление поправить его «заблуждения» своей деятельностью[666].

А.С. Ионин в своем послании к Н.К. Гирсу отметил, что сам просил, чтобы «чистые благотворители избавили меня от необходимости принимать прямое участие в раздаче цванцигеров[667] и тряпья, а прислали бы сюда особенного для этого агента, которого я обещал руководить моими советами»[668]. Похоже, однако, что представители славянского благотворительного общества не очень нуждались в советах главы российской миссии в Цетинье, что А.С. Ионин особо подчеркнул в своем послании: «Здесь ответственный агент поставлен в весьма трудное и неприятное положение. С одной стороны, действительная необходимость помощи, нищета в самом деле несчастного народа, жертвы своекорыстия и политики, а с другой – детские выходки, фантазии, искатели приключений, сплетни и ерунда, выходящие при нашей неумелости из этого же самого человеколюбивого желания помочь. Право, не знаешь, что более наклоняет чашу весов – польза или вред»[669]. Более того, Ионин утверждал, что деятельность представителей славянских комитетов компрометирует русское имя на Балканах[670].

А.С. Ионин представлял дело так, будто князь Никола и черногорское правительство полностью контролируют ситуацию и убеждал Н.К. Гирса, что, несмотря на то, что герцеговинцы «действительно возбуждены против перспектив быть присоединенными к Австрии, … из этого возбуждения ничего не выйдет … Если бы обстоятельства политические сложились так, что полезно было бы воспользоваться против Австрии этим настроением, то без всякой частной помощи им агитацией Черногория, и только она, могла бы сделать, что захочет, в одну минуту.

---

[664] Там же. С. 407.

[665] Там же.

[666] Там же.

[667] Монета в 20 крейцеров, имевшая хождение в Австро-Венгрии и Германии.

[668] Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875-1878. Документы. С. 407.

[669] Там же.

[670] Там же.

… Я осмеливаюсь усмотреть в этом пользу и для нас, ибо такое положение дела позволяет нам действовать, когда захотим, и прекратить действие разом, когда мы этого тоже захотим»[671].

А.С. Ионин предлагал вообще обойтись без благотворительности, считая ее влияние в тот момент практически ничтожным. Так, Петербургское славянское благотворительное общество гордилось организованными для балканских славян образовательными учреждениями. В частности, создание школ и училищ для детей герцеговинцев ставилось в заслугу А.В. Васильеву. Однако А.С. Ионин полагал, что «если школы, заведенные здесь на благотворительные деньги, пропадут, то беда невелика, ибо, в сущности, эти школы тоже не более как декорация или способ рекламы[672]… и это решительно всё равно – будут ли они существовать несколько месяцев или вовсе их не будет… Мы кормили бежавших, это было очень скудно, но достаточно для поддержания их жизни: маленькая раздача в этой массе пропадает даром, никого не делая счастливее…»[673]. В связи с этим Ионин предложил: «не входя с этими комитетами в дальнейшие объяснения, просто посоветовать им прекратить всякую благотворительную даже деятельность, польза которой, особенно теперь, совершенно ничтожна в сравнении с нравственным ее вредом»[674].

Полагаем, что моральные критерии в решении этого вопроса не были основными. Как только на территорию Герцеговины вошли австрийские войска, российский МИД пособия школам прекратил[675]. И это, вероятнее всего, было сделано не под влиянием мнения Ионина, а из абсолютно прагматичных соображений: не было смысла помогать своему внешнеполитическому сопернику решать социальные проблемы на его территории.

Таким образом, по мнению А.С. Ионина благотворительная деятельность целесообразна, если в определенный отрезок времени решается какая-то важная задача, как это было с беженцами в начале Восточного кризиса, либо если благотворительная деятельность существенна и имеет долговременный эффект. Еще одно условие – согласованность действий с дипломатическим представителем России.

Что же касается оценки деятельности А.В. Васильева, то она не может быть однозначной. С одной стороны, как представитель благотворительной организации, он не имел права демонстрировать свои политические пристрастия и способствовать им, в том числе, за счёт средств, пожертвованных на гуманитарные цели, а с другой – он действовал в неизвестных прежде обстоятельствах и, скорее всего, с одобрения членов Славянского благотворительного

---

[671] Там же. С. 409.

[672] Там же. С. 407.

[673] Там же. С. 409.

[674] Там же.

[675] Васильчиков П.А. – И.С. Аксакову. 19 февраля 1883 г. // Люди Русской Правды. С. 198.

общества. В данном случае А.В. Васильев продемонстрировал более последовательную, чем представитель МИД, политику в отношении балканского населения, поддерживая его всеми доступными средствами, невзирая на изменение общей политической ситуации в регионе. Впрочем, подводя итог своей деятельности в Черногории, А.В. Васильев пришел к прагматичному и ожидаемому выводу, что одной благотворительностью помочь герцеговинцам невозможно: славянам необходимо заступничество на государственном уровне[676].

Российское правительство осудило действия А.В. Васильева, охарактеризовав их как превышение полномочий благотворительной миссии и нежелательные политические контакты. В июле 1878 г. министерство внутренних дел направило в Петербургское славянское благотворительное общество обращение, из которого следовало, что А.В. Васильев стал заниматься политической агитацией, что не согласуется с «видами и политикой нашего правительства» и окружил себя неблагонадежными лицами. А.В. Васильев посчитал это обвинение ложным и заявил, что искренне сочувствует народам Боснии и Герцеговины[677].

Забегая вперед, отметим, что МИД извлек из этой ситуации урок и больше не допускал самостоятельных действий на Балканах представителей каких-либо организаций.

В апреле 1879 г. А.С. Ионин отправил в МИД очередную записку с просьбой о помощи разоренной Черногории. В ней он указал, что с момента отъезда российских отрядов РОКК, медицинское обслуживание населения легло на плечи черногорского правительства. Открытую на русские деньги больницу в Цетинье оно не закрыло. Теперь ее персонал не только долечивал раненых, но и вел амбулаторный прием местных жителей. Учитывая необходимость этого лечебного заведения, черногорское правительство взяло на себя обязательство содержать 30 кроватей и бесплатную аптеку для амбулаторных больных[678]. Однако, по свидетельству А.И. Ионина, текущее экономическое состояние Черногории не дает ей возможность содержать эту больницу, требующую около 15 000 гульденов (приблизительно 12 700 руб.) в год. Разовые пособия из России (около 4 000 руб. частных пожертвований и помощь медикаментами в пользу Черногорского Красного Креста), полученные после окончания русско-турецкой войны, решить проблему не могли. К тому же к моменту написания записки частные пожертвования из России прекратились, что и вынудило Ионина обратиться с ходатайством в МИД с просьбой выделить больнице капитал в 50 000 руб., чтобы она могла существовать на проценты. Эти суммы не

---

[676] Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества … С. 593.

[677] *Хитрова Н.И.* Россия и Черногория в 1878-1908 годах. С. 78.

[678] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1320. О помощи РОКК Черногории. Л. 3.

смогли бы покрыть все расходы, а только самые необходимые, однако они смогли бы обеспечить работу больницы на будущее время[679].

Конечно, за государственный счёт Россия не могла поддержать больницу в Цетинье, поэтому МИД переадресовал документ в РОКК. Ознакомившись с ходатайством, ГУ запросило справку о состоянии славянского капитала (остатки от пожертвований 1877-1878 гг.). В кассе оказалось 67 554 руб. 02 коп. 23 апреля 1879 г. на очередном заседании ГУ было принято решение выделить из этой суммы 2 500 руб. на поддержание работы больницы в Цетинье (впоследствии этот взнос стал ежегодным)[680].

Правительству Черногории была продолжена помощь и в решении проблем беженцев. Оккупация Австро-Венгрией территории Боснии и Герцеговины сделала невыгодной масштабную помощь боснийским и герцеговинским беженцам как с экономической, так и политической стороны. Их возвращение на родину финансировалось до тех пор, пока большинство из них не покинуло пределы Черногории[681]. Осенью 1878 г. барон Врангель был вторично командирован в Черногорию с той же целью. До февраля 1879 г., когда он вернулся в Россию, пределы Черногорского княжества покинули еще 22 000 боснийцев и герцеговинцев, переданных австрийским властям. На черногорской территории к началу 1879 г. их осталось около 6 000 человек[682].

Однако Черногории и это количество беженцев было сложно прокормить. В российском МИДе это прекрасно понимали: согласие императора на очередное единовременное пособие последовало 4 декабря 1884 г. В связи с этим министр иностранных дел Н.К. Гирс «вошел в сношение с министерством финансов с просьбой о единовременном пособии ввиду павших на черногорское правительство непосильных расходов на водворение герцеговинских беженцев, переселившихся в княжество во время последнего восстания в Герцеговине»[683]. 15 января 1885 г. Департамент личного состава и хозяйственных дел (ДЛС и ХД) сообщил о перечислении 1 035 фунтов 9 шиллингов 10 пенсов, эквивалентных пожалованным 10 000 руб.[684]

К тому же стоит напомнить, что долг за купленный хлеб Черногория постепенно возвращала из ежегодной субсидии в 46 000 руб., назначенной императорским правительством еще до

---

[679] Там же. Л. 3 об.-4.

[680] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1421. О помощи жителям Македонии. 1903-1904. Л. 3.

[681] *Карасев А.В*. В преддверии войны: Восточный кризис и восстание в Боснии и Герцеговине 1875-1878 годов // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны в 1875-1878 годах. – М., 2006. С. 45.

[682] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 3. С. 59.

[683] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 482. Д. 9149.10 000 руб. единовременного пособия Черногории для водворения черногорских беженцев. 1884. Л. 1.

[684] Там же. Л. 3.

Великого Восточного кризиса. За пять лет (с 1877 г.) в государственное казначейство было возвращено 214 666, 67 руб. К ноябрю 1882 г. долг составил 600 000 гульденов[685]. Таким образом, остаток по долгу был довольно велик, проблема обеспечения продовольствием беженцев, хотя и уменьшилась, но не исчезла, а срок выплаты российской субсидии истекал к 1 января 1883 г.

Более того, Черногория была вынуждена делать новые займы: в начале 1882 г. А.С. Ионин ходатайствовал в МИД о выдаче пособия для оплаты закупленного хлеба «для продовольствования герцеговинцев, ищущих убежища в Черногории»[686]. В результате Высочайшего соизволения, последовавшего 23 февраля того же года, через Одесский банк на эти цели был выдан кредит в 40 000 руб.[687] Была и безвозмездная помощь: Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество 13 марта 1882 г. выделило 5 000 руб. «для пособия семействам герцеговинцев, пострадавших вследствие нынешних обстоятельств на Балканском полуострове»[688].

Просьбы о следующем пособии на те же цели последовали уже через год. 12 февраля 1883 г. на имя министра финансов Н.Х. Бунге министром иностранных дел Н.К. Гирсом было отправлено уведомление, что в результате доклада императору «о необходимости оказать вспомоществование черногорскому правительству в количестве 60 000 руб. серебром, потребных для водворения в Черногории на вечные времена выходцев из Кривошии и на прокормление в течение четырех месяцев семейств герцеговинцев, находившихся в княжестве после восстания до возвращения их на родину, государю благоугодно было в 9 день сего февраля выразить высочайшее согласие»[689]. Тогда же Н.К. Гирс доложил Александру III о стесненных обстоятельствах председателя черногорского Государственного совета Божидара Петровича. Император выразил желание передать ему 15 000 франков из сумм государственного казначейства[690]. 15 февраля того же года эти расходы были утверждены[691].

Кроме того, в конце ноября 1882 г. российский МИД обратился в министерство финансов с запросом о возможности продления пособия черногорскому народу в 46 000 руб. еще на 10 лет с тем, чтобы 20 000 из 46 000 руб. отчислялись ежемесячно на погашение долга в 600 000 гульденов, а остальные 26 000 руб. передавались бы черногорскому правительству. 29 ноября 1882 г. из министерства финансов ответили, что препятствий к разрешению этого пособия не

---

[685] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9144. Пособие черногорцам. 1877-1887. Л. 31-31 об., 33.

[686] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9146. Пособие правительству Черногории для покупки хлеба. Л. 1, 11 об.

[687] Там же. Л. 11, 13, 14.

[688] Там же. Л. 13.

[689] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9148. 30 000 руб. единовременного пособия для Боснии и Герцеговины. 1883. Л. 1.

[690] Там же. Л. 1 об.

[691] Там же. Л. 5.

встречается. Однако, учитывая, что «мотив, на основании которого предполагается продлить означенное пособие, а именно прокормление герцеговинских беженцев, укрывшихся в Черногории, имеет временный характер», министерство предложило ограничить пособие тремя или пятью годами[692], а также предложило передавать на нужды черногорского правительства 30 000 руб., а оставшуюся сумму – в счёт погашения долга. МИД это предложение поддержал. Высочайшее соизволение на продление пособия последовало 8 декабря 1882 г.[693]

К началу XX в. различные субсидии Черногории, как единовременные, так и ежегодные достигли значительных размеров. Как заметил в ответ на просьбу МИД о финансировании очередного благотворительного проекта, касающегося народного образования и здравоохранения в Черногории, министр финансов России С.Ю. Витте (31 октября 1901 г.), «оказываемыя нами княжеству черногорскому воспособления на удовлетворение различных его потребностей и без того достигают уже весьма крупных размеров. Ежегодные субсидии, назначенные в разное время Черногории на содержание учебных батальонов и полубатареи, духовной семинарии и женского училища, а равно и на другие нужды простираются в общей сложности на сумму свыше 220 000 руб. в год» [694]. Указал С.Ю. Витте и на то, что «у нас самих дело народного образования во всех его отраслях является далеко еще не законченным, и именно в настоящее время выдвигаются обширные и неотложные задачи, требующие от государственного казначейства чрезвычайного напряжения»[695]. Припомнил министр финансов и две ссуды из государственного банка – в 1 000 000 и 750 000 руб., выданные в 1889 и 1900 гг. соответственно, погашение которых шло из субсидий МИД и военного министерства[696]. Приведя эти и другие аргументы, министерство финансов не нашло эти расходы целесообразными.

Не дал результатов и запрос в ГУ РОКК. 30 ноября 1901 г. его председатель уведомил графа В.Н. Ламздорфа, что после обсуждения проекта МИД в одном из заседаний, члены ГУ пришли к выводу, что «ввиду больших расходов предстоящих обществу Красного Креста по случаю недорода в обширной полосе Империи, ГУ, не отвергая в принципе пользы от устройства в черногорском княжестве одной больницы или бесплатной амбулатории, Красный Крест находит, что осуществление этого предположения следует отложить до более удобного времени»[697].

---

[692] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9144. Пособие черногорцам. 1877-1887. Л. 35-35 об.

[693] Там же. Л. 38.

[694] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9074. Вопрос о принятии на себя черногорским правительством попечения над народным образованием в Черногории и учреждения там русских больниц. 1901. Л. 43-43 об.

[695] Там же. Л. 43 об.

[696] Там же. Л. 44.

[697] Там же. Л. 47-47 об.

Таким образом, на принятие решения о финансовой помощи балканскому союзнику в мирное время влияла текущая политическая и экономическая ситуация, и без особой нужды российское правительство не видело оснований в ее расширении.

Итоги русско-турецкой войны изменили не только европейский политический ландшафт, но и отразились на положении российских славянских организаций.

1 (14) июля 1878 г. был подписан Берлинский трактат. Несмотря на то, что Конгресс ознаменовался международным признанием государственной независимости Сербии, Румынии и Черногории, российские позиции на Балканах не усилились, а были значительно подорваны[698]. Возвращение России Южной Бессарабии вызвало «всплеск русофобских настроений в румынской государственной элите, что предопределило изменение вектора внешней политики Румынии в сторону сближения с Центральными державами»[699].

Российское общество болезненно отреагировало на решения Берлинского конгресса. 22 июня 1878 г. И.С. Аксаков на заседании Московского славянского благотворительного общества произнес речь по поводу неудовлетворительности условий заключенного мира с Турцией. По повелению императора Аксаков был отстранен от должности председателя, а 21 июля последовало закрытие Общества. Военный министр Д.А. Милютин назвал это событие «прискорбным фактом» и отметил, что оно «неминуемо произведет невыгодное для нас впечатление в славянских землях, где смотрели на Московское славянское общество как на орган, через который само правительство русское проявляло сочувствие и покровительство славянам. Жаль, что наши немногочисленные деятели общественные редко обладают политическим тактом: они почти всегда своими увлечениями портят дело, которому служат»[700].

Так как репрессии не коснулись Петербургского, Одесского и Киевского славянских благотворительных обществ, то можно говорить о том, что закрытие именно московской организации было сигналом российскому обществу, что государственная власть не потерпит вмешательства во внешнюю политику.

И.С. Аксаков получил сравнительно легкое наказание – его лишили поста и отправили в ссылку в имение жены. Оттуда он вел переписку с соратниками и старался следить за развитием ситуации. 15 сентября 1878 г. в письме председателю Совета Петербургского славянского благотворительного общества он отметил: «… мы с Вами абсолютно бессильны, не имеем ни

---

[698] В «пороховом погребе Европы». 1878-1914. – М.: Индрик, 2003. С. 7.

[699] *Хотькова Е.С., Ермаков С.М., Каширин В.Б.* и др. Румыния: исторические истоки и современное состояние внешнеполитического позиционирования государства. // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 5 (14). С. 9. Url.: https://riss.ru/documents/191/0ba76e52ecbc416e907804dba3df75dd.pdf (дата обращения: 20.06.2021).

[700] *Милютин Д.А*. Указ. соч. С. 92.

денег, ни органа, ни общественной силы за плечами… Теперь миллионов вам не понесут, да и воззвать не дадут…»[701].

Ликвидация дел и капиталов производилась под наблюдением московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова и была закончена к середине августа 1878 г.[702]. В ЦГА Москвы сохранилось дело, показывающее, каким образом московские власти распорядились имуществом Московского славянского благотворительного общества.

Московский университет 31 июля 1878 года получил библиотеку, уложенную в 12 коробов, две витрины, о чем в деле имеется расписка[703]. Пожертвованные для славян церковные книги и другие вещи были переданы настоятелю Сербского подворья[704].

В тот же день в различные учебные заведения, где обучалась славянская молодежь, были разосланы письма. Одно из них было направлено директору Московского реального училища. В нем сообщалось об упразднении Московского славянского благотворительного общества и о том, что «его капиталы, предназначенные на благотворительность, возлагаются на должностные лица под наблюдением московского генерал-губернатора» [705]. Реальному училищу предлагались 3 660 руб. с тем, чтобы они были израсходованы на пособие двум болгарским юношам – Николаю Райнову, уже зачисленному в училище, по 240 руб. в год в течение семи лет, и Стефану Дмитриеву Гочеву, планирующему поступить в ближайшее время, – та же сумма на тот же период, а «из оставшихся 300 руб. каждый из них должен получить по 150 руб. для возвращения на родину. Если они покинут училище ранее положенного срока, то остаток должен быть употреблен на образование славян на усмотрение директора реального училища»[706].

Таким образом, имевшиеся в распоряжении Московского славянского благотворительного общества средства были переданы в учебные заведения для обеспечения возможности для его стипендиатов окончить курс обучения и вернуться на родину. В результате Московский университет получил 7 350 руб., Московская духовная семинария – 11 393 руб., учительский институт – 200 руб., Южно-Славянский пансион в Николаеве – 1 900 руб.[707]. 1 385 руб. было передано через настоятеля Сербского подворья для студента Московской Духовной академии Ефрема Бойовича[708].

---

[701] И.С. Аксаков – Н.Н. Дурново. 15 сентября 1878 г. // Люди Русской Правды. С. 336.

[702] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д.11297. Л.4.

[703] ЦГА Москвы. Ф. 1901 (Московское славянское благотворительное общество). Оп. 1. Д. 1. Л. 2-3.

[704] АВПРИ. Там же. Л. 4 об.

[705] ЦГА Москвы. Ф. 1901. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

[706] Там же. Л. 1-1 об.

[707] АВПРИ. Там же. Л. 4 об.

[708] ЦГА Москвы. Ф. 1901. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

В связи с отказом директора Московского реального училища принять предназначенные для обучения болгарских юношей средства, они были оставлены в Управлении Московского генерал-губернатора до востребования[709]. Кроме того, была оказана помощь двум студентам Московского университета, сербам по национальности, отпущенным на летние каникулы на родину. Им было передано пособие для возвращения в Москву для продолжения обучения[710].

В результате к 28 ноября 1878 г. в кассе Московского славянского благотворительного общества оставалось 46 241 руб. 92 коп. и 500 гульденов[711], а к 15 декабря 1881 г. – 2 750 руб.[712] Эти средства постепенно расходовались на обучение и возвращение на родину южнославянской молодежи по распоряжению московского губернатора.

Практически сразу после ликвидации Московского славянского благотворительного общества в МВД стали поступать запросы из Москвы и Санкт-Петербурга о разрешении вновь открыть это или подобное Общество, но все ходатайства правительством отклонялись. Что касается Петербургского славянского благотворительного общества, то оно, как было отмечено в его документах, с 1879 г. вернулось «к прежней ограниченной и скромной своей деятельности»[713] по поддержке научно-культурных связей с южными и западными славянами. Свертывание активности некоторые члены общества связывали с председательством в его Совете К.Н. Бестужева-Рюмина (1878-1879, 1880-1882), убежденного сторонника сближения славянских народов на почве духовного общения. Он не отрицал необходимость политического освобождения южных и западных славян, но считал это делом отдаленного будущего[714].

19 февраля 1883 г. (уже после отставки К.Н. Бестужева-Рюмина по болезни) князь П.А. Васильчиков, оценивая период его председательства, написал И.С. Аксакову: «Благодаря сначала герцеговинско-сербским увлечениям, потом известным разным скандалам в Обществе, наконец, бездействию Совета под председательством Бестужева, у нас прекратились всякие сношения с австрийскими славянами, в особенности с чехами и хорватами; с другой стороны, мы прекратили всякое сношение и с Боснией и Герцеговиной и не делаем ничего больше для этих двух стран, которым и министерство иностранных дел перестало давно платить прежде отпускавшиеся пособия школам. Немногочисленны наши сношения и с прочими славянскими странами.

---

[709] АВПРИ. Там же. Л. 4 об.

[710] Там же. 4 об.

[711] ЦГА Москвы. Ф. 1901. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

[712] Там же. Л. 80.

[713] Краткий очерк деятельности Славянского благотворительного общества за 25 лет его существования. 1868-1893. С. 38.

[714] *Шмурло Е.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. – Юрьев, 1999. С. 226-228.

Очевидно, что подобное отношение для Славянского общества немыслимо»[715]. Кроме того, князь П.А. Васильчиков осуждал чрезмерную экономию средств Петербургского славянского благотворительного общества за счёт изданий трудов на славянские темы и помощь школам[716].

Несомненно, и князь П.А. Васильчиков, и И.С. Аксаков знали, что деятельность обществ находится под пристальным вниманием как МВД, так и МИД. А «скромная» деятельность организации является следствием всё той же двойственности российского внешнеполитического курса и нежеланием расширять круг проблем за счёт необдуманных слов или действий отдельных славянских деятелей. Примером тому может служить цензура «Известий Петербургского славянского благотворительного общества». Все подготовленные для этого издания статьи в обязательном порядке предоставлялись в Азиатский департамент МИД. Там не только долго держали все материалы, но и убирали всё, что могло бросить даже тень на австрийское и прусское правительства[717].

Логика существования Петербургского славянского благотворительного общества в этих условиях выдвинула на первый план научные, культурные и образовательные программы, что в полной мере соответствовало ожиданиям российского внешнеполитического ведомства.

Впрочем, Славянское благотворительное общество смогло внести свою лепту в поддержку русских благотворительных учреждений в Болгарии и Восточной Румелии в послевоенный период.

§ 5. Российская гуманитарная помощь населению, пострадавшему от военных действий в Восточной Румелии (Южной Болгарии) в 1879-1886 гг.

По итогам Берлинского конгресса Болгария оказалась разделенной по линии Балканского хребта на Северную Болгарию в статусе вассального княжества и Южную Болгарию в качестве автономной турецкой провинции, получившей название Восточная Румелия. Внутреннее обустройство Болгарского княжества и Восточной Румелии было возложено на Временное русское гражданское управление сроком на девять месяцев. Такой короткий срок объяснялся позицией великих держав, не желавших усиления влияния России на Балканах.

Россия возлагала на Болгарию особые надежды: «влекомая собственными внешнеполитическими целями и интересами, она стремилась к созданию “Великой Болгарии”, которая, по замыслу российских стратегов, должна была стать главным опорным пунктом русского влияния на Балканах и плацдармом на пути в Константинополь»[718].

---

[715] Васильчиков П.А. – И.С. Аксакову. 19 февраля 1883 г. // Люди Русской Правды. С. 198.

[716] Там же. С. 198.

[717] *Шмурло Е.* Указ. соч. С. 226-227.

[718] *Шемякин А.Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868 – 1891). – М.: Индрик, 1998.

На территорию Южной Болгарии русская армия вступила в январе 1878 г. в разгар военных действий, а покинула ее в начале июля 1879 г., уже после проведенных реформ. Они проводились таким образом, чтобы максимально приблизить устройство этой турецкой провинции к устройству Болгарского княжества и облегчить их скорое объединение, в котором в России мало кто сомневался. Изменения затрагивали не только политическую и военную сферы, но и гуманитарную.

Преобразования в обеих частях Болгарии проходили на фоне острой конкуренции европейских держав за влияние в этой части Балканского полуострова. В отличие от представителей Англии и Австро-Венгрии, поддерживающих линию турецкого правительства на изоляцию Восточной Румелии от Болгарского княжества и укрепление в ней влияния Турции, русское гражданское управление стремилось эти связи сохранить и развить[719]. В Петербурге полагали, что в скором времени объединенная Болгария станет форпостом российской политики в регионе[720].

Надо отметить, что у определенной части военных и дипломатических кругов были завышенные ожидания от русской гуманитарной деятельности на Балканах. Например, В.В. Ящеров, бывший в период оккупации командиром 9-й Харманлийской дружины Восточно-Румелийской милиции, в своих воспоминаниях выразил уверенность, что она сможет закрепить «привязанность освобожденных болгар к освободительнице России, … так, чтобы никакие ухищрения, никакие посторонние усилия, не могли ослабить ее …»[721]. Далее он отметил, что подобная деятельность, «не говоря уже о пользе освобожденному народу, … еще более окажется благотворительной для нашего собственного отечества, которое бедно искренними друзьями, которое нуждается в них, как в насущном хлебе»[722]. Практически в то же время другой очевидец событий, генерал от инфантерии Г.И. Бобриков, вынес иное и более трезвое суждение, заметив, что «образ страдающих единоплеменников заслонил собою разумную оценку обстановки и идеализировал наш великодушный порыв в исключительное стремление облагодетельствовать униженных и попранных в человеческих правах болгар»[723].

В гуманитарной области Временное русское гражданское управление действовало совместно с Российским обществом Красного Креста и некоторыми российскими благотворительными

С. 148-149.

[719] *Литаврин Г.Г.* Краткая история Болгарии. – М.: Наука, 1987. С. 248.

[720] *Виноградов В.Н.* Двуглавый российский орел на Балканах. 1683-1914. – М.: Индрик, 2010. С. 434.

[721] Записки о Восточной Румелии (Южной Болгарии) В.В. Ящерова. – М., 1888. С. 38.

[722] Там же. С. 38-39.

[723] *Бобриков Г.И.*, генерал от инфантерии. Воспоминания о Берлинском конгрессе // Русский вестник. 1889. № 12. С. 5.

организациями. Кроме того, оно могло опираться на жен представителей высшего командного состава, находившихся вместе с мужьями в оккупационной зоне. Их деятельность объективно отвечала интересам местного населения[724].

Прежде всего, Временному русскому гражданскому управлению пришлось столкнуться с проблемой беженцев. Часть населения, покинувшая свои жилища с началом военных действий, стала возвращаться. Военный историк, генерал-майор Н.Р. Овсяный свидетельствовал, что «начавшиеся тотчас после Берлинского конгресса волнения в Восточной Румелии и Македонии и переселение сперва мусульманских “беженцев”, а затем христианских “выселенцев” вынуждали русское управление откладывать намеченные работы и заботиться о водворении массы бесприютных и голодных пришельцев…»[725].

К концу сентября 1878 г. в Восточной Румелии было до 8 000 беженцев, а в декабре их было уже до 30 000. Беженцы оказались в жалком, практически безвыходном положении. Ситуацию усугубила суровая зима 1879-1880 гг.: скученность, отсутствие жилья, голод и разного рода лишения привели к возникновению среди беженцев очагов эпидемий возвратного и сыпного тифа, быстро распространявшихся на местное население[726]. Это была серьезная проблема, способная поставить под удар все преобразования.

Как отметил в своих воспоминаниях В.В. Ящеров, «правительство Восточной Румелии честно выполнило в этом случае свою обязанность и высказало полное человеколюбие и участие к бывшим врагам своим, пришедшим теперь молить о куске хлеба: немедленно были ассигнованы суммы на покупку для них этого хлеба и семян для посева…»[727]. Н.Р. Овсяный дает более точную информацию: «… для продовольствия … неимущих… разрешено было расходовать запасы зерна, собранные с турецких полей, а также деньги, вырученные в некоторых местах от продажи такового»[728].

В.В. Ящеров свидетельствовал, что, «крайне гуманные и разумные меры, принимавшиеся начальством русским во время войны и оккупации для ограждения оставшегося на месте турецкого населения, оказали самые благотворные последствия…, <способствовали> упрочению доброй памяти в турецком народе»[729].

---

[724] *Хевролина В.М.* Россия и воссоздание болгарского государства // Труды Института российской истории. Вып. 10 / отв. редактор Ю.А. Петров. – М., 2012. С. 443.

[725] *Овсяный Н.Р.* Русское управление в Болгарии в 1877-1878-1879 гг. Ч. II. Российский императорский комиссар в Болгарии генерал-адъютант князь А.М. Дондуков-Корсаков. – СПб., 1906. С. 101.

[726] Там же. С. 142.

[727] Записки о Восточной Румелии. С. 86.

[728] *Овсяный Н.Р.* Указ. соч. С. 108.

[729] Записки о Восточной Румелии. С. 60-61.

Кроме того, «управлением имперского комиссара было сделано сношение с российским посольством в Константинополе о приостановлении эмиграции мусульман в Восточную Румелию, чтобы сохранить свободные места и запасы для беженцев-христиан. Вместе с тем учреждена была специальная комиссия в Филиппополе с подкомиссиями в Адрианополе и Сливне для заведывания делом расселения этих беженцев»[730].

Несомненной заслугой Русского Красного Креста в Восточной Румелии за время оккупации, князь С.В. Шаховской, уполномоченный РОКК при оккупационных войсках, посчитал организацию врачебно-санитарного дела, упущенного «из виду нашей администрацией и непредусмотренное дипломатами… и, бесспорно, являющееся для провинции вопросом существенной необходимости»[731].

В докладной записке С.В. Шаховского, отправленной в ГУ РОКК в мае 1879 г., описывается печальное состояние народного здравоохранения в Восточной Румелии. По долгу службы ему приходилось объезжать военные госпитали, останавливаясь на ночлег как в городах, где они расположены, так и в других населенных пунктах, встречавшихся на пути. Везде князь С.В. Шаховской отмечал одно и то же – «или полное отсутствие всяких врачей или, если они были, то не отвечали своему назначению». Кроме того, практически повсеместно отсутствовало родовспоможение – «об акушерках <они> не имеют понятия»[732]. К этой картине можно добавить постоянную угрозу вспышек эпидемий. При этом князь С.В. Шаховской был уверен, что «нравственная обязанность обратить на это печальное явление серьезное внимание и постараться насколько возможно оказать … помощь населению» лежит на Российском обществе Красного Креста[733].

К 1 марта 1879 г. в Восточной Румелии было шесть русских госпиталей, которые не отказывали в помощи как местному населению, так и болгарской милиции[734]. Однако, эти медицинские учреждения должны были покинуть пределы провинции к моменту вывода русских войск.

Пока в Филиппополе находилось управление князя А.М. Дондукова-Корсакова, вопросы здравоохранения в той или иной мере решались. В столице Восточной Румелии и Ямболе были открыты городские больницы, причем первая из них предназначалась для лечения «заразных болезней». Однако проблем здравоохранения эти меры решить не могли. Например, больница в Ямболе, прекрасно оснащенная русскими военными властями и пользовавшаяся поддержкой

---

[730] *Овсяный Н.Р.* Указ. соч. С. 108.

[731] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1318. Л. 13-13 об.

[732] Там же. Д. 1315. Л. 30 об.

[733] Там же. Л. 31 об.

[734] Там же. Д. 1318. Л. 134 об.

Русского Красного Креста, содержала всего 30 коек, что для девятитысячного города было очень мало[735].

Кроме того, немногочисленные болгарские медицинские учреждения испытывали кадровый голод. В этой турецкой провинции не существовало системы подготовки врачей и среднего медицинского персонала. Одну из первых попыток изменить это положение предприняла Н.М. Столыпина: она привлекла несколько болгарок к работе в одном из русских госпиталей под руководством старшей сестры Дементьевой.

Князь Шаховской понимал, что кратковременность пребывания русской администрации не давала возможности серьезно заняться проблемами здравоохранения. Единственный выход в этой ситуации он видел в опоре на местное население, тем более что «болгарское общество понимает масштаб проблем и практически везде – от Филиппополя до Бургаса – готовы следовать рекомендациям Красного Креста об устройстве врачебного дела»[736].

Еще одна проблема, с которой пришлось столкнуться Временному русскому управлению – дети-сироты. По инициативе Ольги Николаевны Скобелевой (1823-1880), жены командира Собственного его императорского величества конвоя генерал-лейтенанта Д.И. Скобелева, матери генерала М.Д. Скобелева, в октябре 1878 г. в столице Восточной Румелии – Филиппополе был организован приют для воспитания круглых сирот обоего пола без различия национальностей и вероисповедания (Сиропиталище). В него принимались дети не старше 10 лет. Кроме крова и питания они получали образование как на родном, так и на русском языке, изучали чтение, письмо, арифметику, краткие сведения по географии и древней истории[737]. Мальчикам преподавали ремесла – столярное, слесарное, плотницкое, а также хоровое пение. Девочки учились рукоделию, шитью и пению. Предполагалось, что наиболее способные дети продолжат обучение в России, а остальным будет предоставлена работа на родине.

Среди основателей Сиропиталища были временный филиппопольский полицмейстер полковник Гамильтон, Александра Домантович (урожденная Массалин-Мравинская, дочь финского фабриканта, жена генерала М.А. Домантовича), Наталья Михайловна Столыпина (урожденная княжна Горчакова, фрейлина, жена генерал-губернатора Восточной Румелии и Адрианопольского санджака А.Д. Столыпина), Елена Федоровна Шепелева (урожденная Строльман, жена генерал-майора А.А. Шепелева, филиппопольского губернатора)[738].

---

[735] Там же. Л. 138 об.

[736] Там же. Д. 1315. Л. 31 об.

[737] Там же. Л. 144.

[738] Там же. Л. 153.

Идея об открытии приюта была воспринята с воодушевлением: на средства, собранные по подписке среди солдат и офицеров оккупационного войска, был нанят и отремонтирован дом[739]. Он был открыт 20 мая 1878 г. и смог принять 15 детей. Сиропиталище возглавила надзирательница из местных уроженок. При приюте существовала женская больница, устроенная полковником Гамильтоном, и пансионат для девиц.

Для обеспечения деятельности Сиропиталища было образовано Женское благотворительное дружество из болгарских дам. Одной из главных задач этой новой организации было привлечение средств для приюта: он существовал на добровольные пожертвования. 15 000 франков собрали русские офицеры[740]. Российский МИД принял решение ежегодно ассигновывать по 300 руб. на его содержание[741]. Генерал-губернатор Восточной Румелии генерал-лейтенант Столыпин пожаловал Дружеству 3 000 руб. для покупки места и постройки собственного дома для Сиропиталища. Место было куплено на берегу реки Марицы, почти в центре города и практически сразу начались работы по строительству здания[742].

В ожидании скорого окончания срока пребывания русских войск в Восточной Румелии, деятели Красного Креста и некоторые влиятельные полковые дамы были обеспокоены тем, как обеспечить нормальную работу медицинских и благотворительных учреждений, устроенных их усилиями в Восточной Румелии. Обсуждение этого вопроса началось задолго до окончания срока полномочий Временного русского управления. В том числе, по свидетельству князя С.В. Шаховского, велись частые и продолжительные беседы с болгарским экзархом Иосифом (Йовчевым), представителями болгарского духовенства и интеллигенции. Они совместно искали способ, при котором в деле помощи больным и раненым воинам без различия вероисповедания и национальности могли принимать участие как можно более широкие слои населения[743].

В результате этих встреч возникла идея о создании общества св. Пантелеймона[744]. В основу его учредительных документов, утвержденных 23 мая 1879 г., был положен устав РОКК[745]. Князь С.В. Шаховской приветствовал создание общества св. Пантелеймона. По его мнению, «русское общество протянуло руку помощи своим освобожденным братьям, чтобы вызвать их на путь общественной самодеятельности, столь необходимой для местного гражданского населения… Русский Красный Крест открытием общества св. Пантелеймона открыл в Восточной Румелии

---

[739] Там же. Д. 1318. Л. 184 об.

[740] Там же. Л. 190 об.

[741] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8356. 1879. Л. 1.

[742] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1318. Л. 193 об.

[743] Там же. Л. 141 об.

[744] Там же. Л. 142, 144 об.

[745] Там же. Д. 1315. Л. 1-1 об.

почву, основанную исключительно на милосердии и братской любви при … [отсутствии] какой бы то ни было политической тенденции…»[746].

В Совет общества св. Пантелеймона вошли наиболее уважаемые в Восточной Румелии лица. Почетное председательство взял на себя болгарский экзарх Иосиф. Среди задач была помощь раненым и больным воинам: у болгарского войска к весне 1879 г. был 21 лазарет, остро нуждающийся в белье, перевязочных средствах и медикаментах[747]. Кроме того, предстояло создать институт сестёр милосердия.

С первых дней своего существования общество св. Пантелеймона рассчитывало на помощь России. 24 мая Совет общества обратился к князю С.В. Шаховскому с ходатайством «о пожертвовании вещей Красного Креста, оставшихся на складах в Румелии, а также оставлении на год трех-четырех сестёр милосердия … как инструкторов»[748]. Разрешение пришло практически сразу. В своем отчете князь Шаховской отметил, что «согласие ГУ на передачу имущества обществу св. Пантелеймона было не только актом великодушия и милости, но и благоразумия»[749]. Поступившись малым, получили большее: соизволение императрицы Марии Александровны на ходатайство общества св. Пантелеймона «было встречено с восторгом и ликованием. Этот дар послужил краеугольным камнем, заложенным русским обществом в основу первого самодеятельного общественного дела, которым начала Румелия свою новую жизнь…»[750]. Вещи со склада Красного Креста стали поступать в лазареты Филиппополя, Ямболя и Бургаса[751]. Кроме того, бараки Красного Креста в Систове и Рущуке со всем оборудованием были переданы властям города[752].

Однако вскоре С.В. Шаховской посчитал нерациональным «распределять по существующим местным больницам… госпитальное имущество Красного Креста», так как не находил «никаких гарантий, чтобы розданное таковым способом имущество принесло бы существенную пользу и не подверглось бы продаже и растратам…»[753]. Поразмыслив, он пришел к выводу о необходимости устройства больницы. Болгарский экзарх Иосиф, греческий и болгарский

---

[746] Там же. Д. 1318. Л. 170 об.-171.

[747] Там же. Д. 1315. Л. 96 об.

[748] Там же. Л. 2.

[749] Там же. Д. 1318. Л. 72.

[750] Там же. Д. 1315. Л. 36.

[751] Там же. Л. 37.

[752] Там же. Д. 1318. Л. 74.

[753] Там же. Д. 1315. Л. 32.

митрополиты, представители филиппопольской интеллигенции всех национальностей весьма сочувственно отнеслись к этой мысли и энергично взялись за ее осуществление[754].

Госпиталь св. Пантелеймона на 80 кроватей был торжественно открыт 14 июня в Бургасе. Ему были переданы все вещи со склада Российского общества Красного Креста[755].

У общества св. Пантелеймона были обширные планы. В ближайшее время планировалось открыть больницы в наиболее населенных и нуждающихся городах: в Филиппополе на 100 кроватей, Сливно – на 25, а также расширить до 60 кроватей больницу в Ямполе[756]. РОКК поддержал это решение, взяв на себя обязательство помочь в оборудовании одной-двух больниц.

Кроме того, РОКК командировал в Восточную Румелию с 1 июля 1879 по 1 июля 1780 г. четырех сестёр милосердия – акушерок Рулицкую и Смолякову, фельдшерицу Черкес, инструктора для болгарских сестёр милосердия Дементьеву[757]. Дементьева и Смолякова были командированы в Филиппополь, Рулицкая – в Ямболь, Черкес – в Сливно[758]. Без содержания, по собственной инициативе, в Восточной Румелии осталась также сестра Папе.

Как уже упоминалось, в июле 1879 г. последние отряды русских оккупационных войск покинули Восточную Румелию, «предоставив эту область собственным своим силам»[759]. На короткое время попечение о Сиропиталище и других организациях взяли на себя Е.Ф. Шепелева, Н.М. Столыпина и ее дочь М.А. Столыпина. Но спустя непродолжительное время и они оставили Восточную Румелию. С их отъездом большинство опекаемых ими учреждений стали приходить в упадок. Например, из-за отсутствия средств была закрыта больница заразных болезней в Филиппополе[760].

Созданные при помощи русских благотворительные организации, на которые возлагалось столько надежд, без помощи своих покровителей справлялись с трудом. Хотя единичные целевые пожертвования из России продолжали поступать, на их судьбу влияло текущее состояние российско-болгарских отношений и бюрократические препоны.

В пример можно привести завещание скончавшегося в марте 1878 г. учителя одной из российских гимназий Бончева, бывшего воспитанника Московского славянского комитета, болгарина по национальности. По его распоряжению из имеющихся у него средств 1 000 руб. следовало передать Московскому славянскому благотворительному обществу и такую же сумму

---

[754] Там же. Л. 33 об.

[755] Там же. Л. 13-13 об.

[756] Там же. Д. 1318. Л. 155 об.

[757] Там же. Д. 1315. Л. 126, 157.

[758] Там же. Л. 130.

[759] Записки о Восточной Румелии. С. 69.

[760] РГВИА. Ф. 12651. Оп.1. Д. 1318. Л. 136 об.

училищу в селе Панагюриште в Восточной Румелии. По решению Московского славянского благотворительного общества эти 2 000 руб. в мае 1878 г. были отправлены в Сосковское славянское благотворительное общество[761]. Однако, согласно переписке российского генерального консульства в Филиппополе с посольством в Софии, по состоянию на 15 (24) ноября 1879 г. эти деньги не были переданы по назначению, так как «члены хозяйственного комитета при народном училище села Панагюриште в Восточной Румелии обратились в консульство с просьбой выслать им 1 000 руб., завещанные Бончевым»[762].

Серьезные затруднения были и у Сиропиталища. Женское благотворительное общество, как могло, старалось его поддержать, регулярно устраивая сборы пожертвований. Но средств всё равно не хватало. Строительство дома для Сиропиталища было остановлено. Между тем «старое помещение приюта оказывалось тесным и вследствие небрежного к нему отношения сделалось грязным до отвращения. От вони, нечистоты и плохой пищи дети стали заболевать. Нужно было или немедленно же перевести их в другое помещение или совсем закрыть приют»[763]. Члены Женского благотворительного дружества неоднократно обращались за помощью в Санкт-Петербургское и Киевское славянские благотворительные общества. Среди архивных документов есть свидетельство того, что Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество 24 июля 1879 г. направило российскому генеральному консулу в Филиппополе 1 000 руб. (104 фунта стерлингов, 1 шиллинг и 2 пенса) для Сиропиталища[764]. И, скорее всего, это было не единственное пожертвование.

Значительный вклад в дело поддержки общества св. Пантелеймона и детского приюта в Филиппополе внесла О.Н. Скобелева. В начале декабря 1879 г. она обратилась к министру иностранных дел Н.К. Гирсу с просьбой о содействии в получении «некоторой помощи благотворительным учреждениям Восточной Румелии от общества Красного Креста»[765]. При этом она указала на главную причину своего беспокойства: дальнейшее развитие этих благотворительных учреждений, «сообразно возрастающим потребностям, невозможно при настоящих, необеспеченных средствами <обстоятельствах>»[766]. Объясняя, почему обществу св. Пантелеймона и Сиропиталищу срочна необходима русская помощь, О.Н. Скобелева подчеркнула, что «местное население несомненно и искренне сочувствует им, но оно слишком мало развито, слишком не привычно к общественной деятельности, наконец, финансовое

---

[761] ЦГА г. Москвы. Ф. 1901. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.

[762] Там же. Л. 48.

[763] РГВИА. Там же. Л. 193 об.-194.

[764] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8354. 1879. Л. 1.

[765] Там же. Д. 8355. Л. 1 об.

[766] Там же. Л. 1.

положение его слишком шатко, чтобы можно было доверить дальнейшее существование этих учреждений исключительно их инициативе» [767].

По-видимому, аргументы О.Н. Скобелевой сочли в МИД убедительными. По докладу министра иностранных дел от 7 декабря 1879 г. Александр II повелел отпускать с 1 января 1880 г. на содержание филиппопольского Сиропиталища из сумм государственного казначейства по 1 200 руб. в течение трех лет. Впоследствии каждые три года это ходатайство возобновлялось. Ольга Николаевна, со своей стороны, 20 декабря 1879 г. передала в пользу приюта 750 руб.[768]

Опекало Сиропиталище в Филиппополе и российское генеральное консульство, постоянно заботясь о пополнении его средств и используя для этого все возможные способы. Когда в 1881 г. одна из русских сестёр милосердия, находившаяся на службе в обществе св. Пантелеймона, вышла замуж и оставила свое жалование за девять месяцев в сумме 1 440 франков на счету генерального консульства, то российские дипломаты обратились с ходатайством о передаче этих денег приюту на устройство детской больницы[769]. МИД эту инициативу одобрил.

В то же время генеральное консульство стремилось держать под своим контролем как суммы, поступающие в распоряжение Сиропиталища из России, так и деятельность этой организации. Поводом для обсуждения данного вопроса с МИД послужил пожертвованный в 1883 г. наследниками бывшего генерального консула в Филиппополе князя А.Н. Церетелева вексель в 110 фунтов стерлингов, 18 шиллингов и 11 пенсов. Это был остаток жалования, причитавшегося покойному на день смерти. Управляющий генеральным консульством Александр Григорьевич Сорокин просил разрешения оставить эти средства на счетах консульства «в виду малой благонадежности местного комитета, управляющего означенным приютом …, я находил бы более удобным и соответствующим целям жертвователей, – писал он, – не отдавая комитету помянутого векселя, приложить оный к хранящемуся в генеральном консульстве, составившемуся из пожертвований разных лиц капиталу, принадлежащему Сиропиталищу. Не выпуская из своих рук этого капитала, генеральное консульство сохраняет возможность не только производить из оного по своему усмотрению вполне целесообразные затраты на надобности помянутого заведения, но и значительно влиять руководящим и направляющим образом на деятельность его попечителей»[770]. Предложение возражений не вызвало.

Помощь оказывалась и обществу св. Пантелеймона. В уже упомянутом письме О.Н. Скобелевой министру иностранных дел, кроме прочего, говорилось о необходимости

---

[767] Там же. Л. 1 об.

[768] Там же. Д. 8356. Л. 2-4.

[769] Там же. Д. 8357. Л. 1.

[770] Там же. Д. 8359. Л. 1-1 об.

командирования еще двух русских сестёр милосердия, в дополнение к четырем, уже работающим в Восточной Румелии, а также о примерно 1 000 руб. для приглашения русского врача-хирурга на два года[771].

К решению этих задач предлагалось привлечь Русский Красный Крест. Получив соответствующее отношение МИД, 17 января 1880 г. Главное управление РОКК уведомило о выделении в распоряжение общества св. Пантелеймона единовременного пособия в 2 000 кредитных руб. «на содержание врача-хирурга и двух сестёр милосердия». А спустя еще месяц эти средства уже были в генеральном консульстве в Филиппополе[772].

После смерти мужа [27 декабря 1879 (8 января 1880) г.] О.Н. Скобелева приняла решение посвятить себя благотворительности и отправилась в Восточную Румелию, где открывала отделения общества св. Пантелеймона, помогала снабжению болгарских госпиталей. В середине мая 1880 г. она взяла под свое покровительство Сиропиталище и провела там реорганизацию.

Выяснив, что основной капитал Женского благотворительного дружества не превышает 30 000 франков, а расходный – 4 000 франков, О.Н. Скобелева пришла к выводу, что «на проценты с этого капитала нечего было и мечтать о содержании трех учреждений», в то же время, этих средств было достаточно, чтобы содержать в Сиропиталище более 35 детей[773]. С целью экономии больница при приюте была закрыта – больных перевели в больницу общества св. Пантелеймона в Филиппополе. 12 девочек из пансиона присоединились к воспитанникам Сиропиталища[774].

Приезд О.Н. Скобелевой в Филиппополь и вовремя принятые ею меры избавили приют от неизбежного закрытия. Благодаря ее энергичным действиям возобновились работы по постройке здания приюта. Жизнь Женского благотворительного дружества оживилась: его члены проводили на квартире у Ольги Николаевны целые дни за шитьем белья и одежды детям приюта из материала, купленного ею на собственные средства. 1 июня 1880 г. было освящено новое здание, куда были переселены все воспитанники[775]. По ходатайству О.Н. Скобелевой новое румелийское правительство обязалось ежегодно субсидировать приюту 750 франков[776], что позволило увеличить количество призреваемых.

В Сиропиталище была назначена русская начальница. Ею стала сестра милосердия Луиза Егоровна Папе. Ей же было поручено попечение о русских сёстрах милосердия, находящихся в

---

[771] Там же. Д. 8355. Л. 1 об.-2.

[772] Там же. Л. 4, 11.

[773] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1318. Л. 193.

[774] Там же. Л. 192-192 об.

[775] Там же. Л. 194.

[776] Там же. Л. 198.

командировке в Восточной Румелии[777]. Л.Е. Папе пробыла на посту начальницы приюта до 21 ноября 1879 г.[778], а затем ее сменила Юлия Адриановна Лопухина. К этому времени в приюте содержалось 180 детей[779].

Однако Ольга Николаевна об этом уже не узнала. Ее жизнь трагически оборвалась 6 июня 1880 г.: неподалеку от Филиппополя на нее и ее спутников напали с целью грабежа и убили. Смерть О.Н. Скобелевой не осталась незамеченной как в российском, так и болгарском обществе. Многие газеты поместили некрологи, высоко оценивая ее деятельность.

Русская благотворительная помощь Сиропиталищу была остановлена в связи с разрывом дипломатических отношений между Петербургом и Софией в начале ноября 1886 г. Тогда же из Болгарии был отозван весь русский консульский состав[780], и, следовательно, следить за расходованием русских благотворительных средств было некому.

Незадолго до начала сербо-болгарской войны 1885-1886 гг. министр иностранных дел инициировал продление пособия в 1 200 руб. в год для Сиропиталища с 1 января 1886 г.: «Принимая во внимание, что это единственное учебное русское заведение [в Болгарии] приносит немалую пользу стране, призревая и воспитывая болгарских сирот, и что материальное положение оного еще не настолько прочно, чтобы оно могло обойтись без всякой с нашей стороны поддержки, МИД полагал бы полезным продолжать выдачу пособий еще на три года»[781]. Кроме того, было отмечено, что в случае отказа от выплат, «пребывание русской начальницы во главе Сиропиталища сделается невозможным»[782].

Последнее пособие Сиропиталищу из государственного бюджета было выплачено в 1886 г. Это становится ясно из всеподданнейшего доклада Н.К. Гирса от 3 мая 1888 г. Министр иностранных дел просил разрешения у императора использовать имеющуюся в распоряжении МИД сумму на поддержку приюта в Филиппополе на помощь населению Черногории, пострадавшему от голода вследствие неурожая: «МИД полагал бы обратить в пользу нуждающихся черногорцев имеющуюся в его распоряжении сумму в 3 000 руб., предназначенную на содержание как в минувшем, так и в текущем годах, устроенного трудами русских в Филипополе Сиропиталища, на каковое, в виду настоящего политического положения в Болгарии не может быть употреблена по назначению»[783].

---

[777] Там же. Л. 163 об.

[778] Там же. Л. 200.

[779] Там же. Л. 200 об.

[780] Авантюры русского царизма в Болгарии. Сб. документов / сост. П. Павлович. – М.: СОЦЭКГИЗ, 1935. С. 23.

[781] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8356. Л. 9-9 об.

[782] Там же. Л. 9 об.

[783] Там же. Л. 14-14 об.

Русская гуманитарная помощь болгарским благотворительным организациям и учреждениям была «заморожена» до восстановления русско-болгарских дипломатических отношений в царствование Николая II.

§ 6. Гуманитарная помощь во время сербо-болгарской войны 1885 г.

К середине 1880-х годов позиции Российской империи на Балканах были слабы, как никогда[784]. Проевропейские настроения в большинстве молодых балканских государств не давали возможность найти точку опоры ни в Болгарии, ни в Сербии. Стремление Петербурга в период Великого Восточного кризиса «добиться образования и международного признания сильного болгарского государства, призванного играть … ключевую роль на Балканах»[785], вызывали настороженное к нему отношение со стороны правящей сербской элиты. В результате сербским правительством был подписан ряд сербо-австрийских экономических и политических договоров, укреплявших позиции Австро-Венгрии в Сербии во главе с князем Миланом.

Не лучше обстояли и в Румынии. Притязания на Южную Добруджу усиливали ее антироссийские настроения. В 1883 г. Румыния вступила в блок Центральных держав – Германии, Австро-Венгрии и Италии[786], что не могло не привести к дальнейшему охлаждению русско-румынских отношений[787].

Хрупкое равновесие на Балканах, существовавшее после Берлинского конгресса, было нарушено, когда в результате вооруженного выступления 6 сентября 1885 г. в Филиппополе Восточная Румелия была объявлена частью Болгарии. Представитель султана был выслан в Турцию. Князь Александр Баттенбергский[788] 8 сентября объявил себя князем Северной и Южной Болгарии. В МИД посчитали, что общеславянским интересам и, в первую очередь, России, нанесен ущерб[789].

Расширение и усиление Болгарии стало неожиданностью для Сербии и Греции, их правительства начали готовиться к мобилизации, готовые вступить в битву за территориальные приращения и укрепление своих позиций на Балканах. Австро-Венгрия, не заинтересованная в

---

[784] Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3281. Неклюдов. Записки о болгарских делах. 1891. Л. 2.

[785] *Искендеров П.А*. Сербия при Обреновичах // В «пороховом погребе Европы». С. 165.

[786] *Виноградов В.Н*. Румыния во Второй балканской войне // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912-1913). - М., 2012. С. 353.

[787] Там же. С. 357.

[788] Князь Александр Баттенбергский формально занял престол в 1879 г. по решению Народного собрания в Тырново, а фактически с одобрения европейских держав, в том числе, России. К 1883 г. он потерял расположение Русского Двора из-за своей русофобской политики. Влияние России на Балканах в этот период было минимальным.

[789] *Косик В.И.* Из «семейной хроники славянства» (Болгария в международных отношениях 1879-1896 гг.) // В «пороховом погребе Европы». С. 201.

усилении какого бы то ни было балканского государства, стала подталкивать сербского князя Милана Обреновича к войне с Болгарией. На сербо-болгарской границе начались провокации. Стало понятно, что война начнется в ближайшее время. Российское правительство, не желавшее конфликта с Турцией, отозвало своих военных специалистов из Болгарии. Общественное мнение России и большинства стран Европы, за исключением Австро-Венгрии и балканских государств, симпатизировало Болгарии[790].

Следует также заметить, что ни Петербургское славянское благотворительное общество, ни ГУ РОКК проявить инициативу в деле помощи больным и раненым балканским воинам не спешили.

Еще в преддверии военного конфликта в Петербургское славянское благотворительное общество стали поступать письма с просьбой о помощи. 21 октября 1885 г. председатель Совета получил сообщение из 2-го Центрального отделения Болгарского Красного Креста. Оно было написано в период многочисленных приграничных столкновений между сербами и болгарами[791]. Аналогичные прошения были получены из Систовского и Видинского отделений Болгарского Красного Креста[792].

По инициативе членов Петербургского славянского благотворительного общества – генерал-майора М.А. Домантовича, бывшего тырновского губернатора, и князя П.А. Васильчикова – эти документы были переадресованы в РОКК. Назревающие военные действия обсуждались на заседании ГУ 30 октября 1885 г. На нем было сделано заявление председателя организации генерал-адъютанта М.П. фон Кауфмана, что «… события на Балканском полуострове налагают … обязанность, в силу Женевской конвенции 22 августа 1864 г.[793], оказать помощь жертвам сербо-болгарской войны»[794]. В результате прений было решено распределить помощь между пострадавшими как в Сербии, так и Болгарии, немедленно отправив «сербскому и болгарскому обществам Красного Креста, исключительно на нужды Красного Креста, деньгами по 100 000 франков (приблизительно по 40 000 руб.) и вещами то, что будет признано полезным и необходимым»[795].

Однако в письме к И.С. Аксакову князь П.А. Васильчиков совсем иначе описал итоги этого заседания: «Что касается… [Общества Красного Креста], то оно в последнем своем заседании…

---

[790] *Бендеров А.Ф.* Сербско-болгарская война 1885 г. – СПб., 1892. С. 2-9.

[791] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1340. Л. 15-15 об.

[792] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 3. Д. 25. Л. 131 об.-132.

[793] Первый из международных договоров, создавших правовое поле для обеспечения охраны и облегчения участи раненных и больных во время военных действий.

[794] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1336. Об оказании помощи больным и раненным воинам в Сербии и Болгарии. Л. 1.

[795] Там же. Л. 1-1 об.

выслушало без возражения сделанное мимоходом председателем Кауфманом заявление о том, что не предстоит надобности делать какие-либо приготовления или распоряжения ввиду предстоящей войны сербов с болгарами»[796]. По мнению автора, «заявление это обусловливалось указанием из Гатчины, что касается до того, что оно не вызвало возражений, то это объясняется тем, … что до последней минуты не верилось в возможность подобной войны, что казалось дико с нашей [стороны] делать ввиду ее приготовления: это представлялось даже каким-то как будто соучастием с нашей стороны»[797].

Медлить с реализацией принятого решения становилось всё труднее: 2 (14) ноября 1885 г. Сербия объявила войну Болгарии и перешла к активным военным действиям.

ГУ РОКК никаких публичных заявлений не делало, а на имя его председателя стали поступать многочисленные обращения как от организаций, так и от частных лиц с призывом обратить внимание на положение больных и раненых воинов на Балканах. В пример можно привести следующий текст неустановленного автора, по-видимому, входившего в число членов Красного Креста, на имя председателя ГУ генерал-адъютанта М.П. фон Кауфмана от 9 (21) ноября 1885 г.: «Тщетно ожидая на настоящей неделе обычного заседания ГУ или исполнительной комиссии, … осмеливаюсь письменно представить нижеследующее мое предложение. На бывшей осенью прошедшего года в Женеве международной конференции общества Красного Креста… ГУ РОКК с особой рельефностью выставило то первостепенное обязательное значение, которое оно придает международной деятельности Красного Креста, заключающейся в помощи, оказываемой армиям воюющих держав обществами Красного Креста нейтральных государств, помощи, отрешенной от всяких политических, национальных, племенных симпатий или соображений, исключительно зиждущейся на гуманитарных побуждениях и основаниях. Этой международной помощи требуют в настоящее время жертвы, неожиданно возникшей … <войны> … Можем ли мы отказать в ней? Не в силу племенных или религиозных сочувствий призываемся мы подать помощь жертвам войны: сочувствия эти должны быть тут также нам чужды, как и поводы частной неприязни»[798]. Далее автор просит безотлагательно оказать помощь воинам болгарской и сербской армий[799]. Аналогичное письмо с просьбой об оказании немедленной помощи балканским славянам было написано 10 ноября художником П.В. Жуковским, крестником Александра II[800].

---

[796] П.А. Васильчиков – И.С. Аксакову. 12 ноября 1885 г. // Люди русской правды. С. 207.

[797] Там же.

[798] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1340. Л. 21-21 об.

[799] Там же. Л. 22.

[800] Там же. Л. 23-24.

Свою точку зрения по поводу того, кто должен оказывать помощь жертвам войны, высказал в письме к князю П.А. Васильчикову от 12 ноября 1885 г. и И.С. Аксаков: «Я получил из Болгарии требования из разных отделений … Красного Креста. Так как русское общество теперь на болгар не дает ни гривенника, то обращаться к нему и не стану: раз болгары захотели обходиться без России и скомпрометировали свое существование, то нет и повода для русского общества и жертвовать. Ну, а Вы член Красного Креста, у которого точка зрения не политическая и не национальная, к Вам же бумаги и отсылаю»[801].

ГУ РОКК откладывало исполнение собственных решений до тех пор, пока 11 ноября 1885 г. М.П. фон Кауфман не получил конфиденциальное письмо министра иностранных дел Н.К. Гирса: «… Согласно полученным во вверенном мне министерстве сведениям, как в Болгарии, так и в Сербии ощущается крайний недостаток санитарных средств, и раненые обеих сторон, будучи по большей части лишены всякого призрения, находятся в ужасном положении. В виду этого Красные Кресты австрийский и английский уже сделали распоряжение об отправлении на место как медиков, так и медицинских пособий. Полагая, что и наш Красный Крест пожелает принять деятельное участие в деле призрения жертв сербо-болгарской войны, я обращаюсь … с покорнейшею просьбой благоволить меня уведомить, какие распоряжения Вы изволите признать возможными сделать в видах оказания пособия как болгарским, так и сербским раненым. К сему считаю долгом присовокупить, что в консульство наше в Рущуке уже являлась болгарская депутация с заявлением, что на месте военных действий ощущается крайний недостаток в медиках и инструментах, и выразила надежду, что с нашей стороны будет оказано возможное содействие несчастным раненым» [802].

Таким образом мы видим, что, помимо гуманитарных соображений, российское внешнеполитическое ведомство приняло в расчёт и чисто политические, не желая отставать в деле помощи балканским славянам от своих давних соперников – Великобритании и Австро-Венгрии.

После письма Гирса решение было принято оперативно. Менее чем через неделю, 16 (28) ноября 1885 г., на заседании ГУ уже обсуждалась отправка санитарных отрядов в Сербию и Болгарию. М.П. фон Кауфман обратился за разрешением к августейшей покровительнице: «Болгаро-сербская распря, вызвавшая массу жертв с обеих сторон, при крайнем недостатке санитарной помощи, как в том, так и в другом государствах, и бедности местных органов Красного Креста, учреждение которых только что последовало, вызывает необходимость, не ограничиваясь посылкой денег и вещей, командировать на театр военных действий правильно

---

[801] И.С. Аксаков – П.А. Васильчикову. 12 ноября 1885 г. // Люди русской правды. С. 207.

[802] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1340. Л. 18-19.

организованные санитарные отряды, помощь которых для пострадавших неотложна и явится действительным благодеянием. В этих видах долгом считаю испрашивать Всемилостивейшего соизволения Вашего императорского величества на организацию и отсылку от РОКК санитарных отрядов по одному в Сербию и Болгарию»[803]. Получив разрешение, в ГУ была избрана комиссия под председательством сенатора, генерала от инфантерии И.М. Гедеонова[804]. Она постановила срочно отправить денежную помощь в сербскую и болгарскую организации Красного Креста, а также соответствующие запросы, чтобы выяснить, куда необходимо доставить госпитальные принадлежности на 50-100 кроватей, хирургические инструменты и перевязочные материалы. Их комплектование было поручено одесскому местному управлению РОКК.

Исполняя решение ГУ от 30 октября, в помощь национальным отделениям Красного Креста были немедленно отправлены по 100 000 франков. Уполномоченным в Болгарию от ГУ был назначен действительный статский советник камергер В.М. Юзефович, в Сербию – полковник Н.Д. Шведов.

Одновременно комиссия направила запросы в петербургские общины милосердия, какая из них имеет возможность быстро мобилизовать персонал для отправки в Софию и Белград, а также в военное министерство по поводу возможного командирования хирургов[805].

Кроме того, комитет предложил организовать сбор пожертвований, которые будут поровну поделены между Сербией и Болгарией[806]. Местные отделения Красного Креста начали сбор средств в помощь жертвам войны.

Горячее участие в формировании этих отрядов приняли великие княгини Александра Иосифовна, Елизавета Федоровна и принцесса Евгения Максимилиановна, «явивши в этом случае … истинное христианское сочувствие»[807]. Они без малейшего промедления отозвались на просьбу о назначении в отряды по 12 сестёр милосердия общин св. Георгия и Александровской, изъявив при этом желание, чтобы их сопровождали врачи общин Зененко и Степан Потоцкий[808].

Великая княгиня Елизавета Федоровна поручила 1-му Санкт-Петербургскому Дамскому комитету передать в ГУ для отправки в Сербию и Болгарию госпитальное бельё на 100 кроватей. Почетный член комитета великая княгиня Александра Иосифовна пожертвовала 129 экземпляров евангелий на сербском, болгарском и славянских наречиях[809].

---

[803] Там же. Д. 1336. Л. 3-3 об.

[804] Там же. Д. 1340. Л. 16 об.

[805] Там же. Д. 1336. Л. 3 об.

[806] Там же. Л. 3 об.

[807] Там же. Л. 9.

[808] Там же. Л. 11 об.

[809] Там же. Л. 12 об.

Императрица Мария Федоровна одобрила действия ГУ и поручила его председателю выразить благодарность великим княгиням Александре Иосифовне, Елизавете Федоровне и принцессе Евгении Максимилиановне, а также попечительницам общин св. Георгия графине Е.Н. Гейден и Александровской – Ю.Ф. Гамбургер[810].

Смета расходов была составлена из предположения, что пребывание русских санитарных отрядов как в Сербии, так и в Болгарии продлится полгода. На их снаряжение и деятельность было ассигновано 107 000 руб., а с учетом денежного пособия и стоимости отправленного груза расход составил 250 000 руб.[811]

В результате в каждый санитарный отряд было назначено по шесть врачей, шесть фельдшеров из военных госпиталей и 12 сестёр милосердия. 27 ноября ГУ РОКК было уведомлено, что главное военно-санитарное управление направило в его распоряжение 10 врачей и 12 фельдшеров[812]. Всего в обоих отрядах состоял 51 чел., а общий вес груза составил 320 пудов[813].

Отряды были снабжены всем необходимым, чтобы развернуть свою деятельность тотчас по прибытии на место. К месту назначения они отправились практически одновременно: 30 ноября 1885 г. – в Болгарию, а 1 декабря – в Сербию[814].

Военные действия были прекращены 28 ноября 1885 г. Однако больных и раненых воинов с обеих сторон было довольно много и их долечивание заняло определенное время.

В отчете уполномоченного РОКК в Сербии полковника Н.Д. Шведова отмечалось, что «война застала [сербское] военно-санитарное ведомство и местное общество Красного Креста неподготовленным к оказанию помощи тому числу раненых и больных, которое явилось необходимым последствием внезапности начала кампании и ее кратковременности. Прибытие иностранных организаций Красного Креста оказало существенную помощь сербским больным и раненым воинам и наглядным образом выразило важное значение такой соединенной помощи, тем более что она явилась тогда, когда помощь раненым местными средствами было недостаточной»[815].

Отряд Петербургской Александровской общины[816] прибыл в Белград вечером 5 декабря 1885 г,. во время наступившего перемирия и усиленных приготовлений к ожидаемой второй

---

[810] Там же. Л. 7.

[811] Там же. Л. 8 об.

[812] Там же. Л. 12.

[813] Там же. Л. 8 об.

[814] Там же. Л. 7.

[815] Там же. Д. 1334. Л. 1-1 об.

[816] Состав санитарного отряда, командированного в Сербию: уполномоченный: полковник Н.Д. Шведов; агент – А. Повало-Швейковский; врачи Степан Потоцкий, надворный советник Минин, надворный советник Косач, младший

кампании[817]. На железнодорожной станции его встретили российский министр-резидент в Белграде А.И. Персиани[818] и вице-президент Сербского общества Красного Креста. По случаю приезда санитарного отряда уполномоченный отряда Н.Д. Шведов и министр-резидент А.И. Персиани были приняты королевой Натальей, а затем приглашены к завтраку[819].

Русский медицинский персонал прибыл в момент, когда работа иностранных санитарных миссий по оказанию помощи раненым была в самом разгаре. За короткое время, с 8 по 15 ноября 1885 г., в Белграде было развернуто 20 резервных госпиталей, более чем на две тысячи кроватей, хотя и со скромной материальной обстановкой[820]. Все сербские врачи – военные, гражданские и частные – были направлены на театр военных действий, поэтому во вновь открытых госпиталях катастрофически не хватало медицинского персонала[821].

Первым раненым, прибывшим в Белград с поля боя, хирургическая помощь была оказана профессором Мозетиг из Вены с двумя ассистентами, австрийскими врачами из Веселина, а немного позже и их соотечественниками, прибывшими как по приглашению сербского правительства, так и по собственному почину[822]. Примечательно, что из национальных обществ Красного Креста первым оказалось австрийское, командировавшее уполномоченного майора Буеля с 32 сёстрами милосердия и перевязочным материалом[823]. Впрочем, это может объясняться не только заинтересованностью Австро-Венгрии в развитии отношений с Сербией, но и близостью границ.

С 7 ноября в Белград стали прибывать другие иностранные санитарные миссии, а именно: Румынская (с 7 ноября 1885 г. по 5 января 1886 г.), Тевтонского ордена (с 17 ноября 1885 г. по 20

врач 100-го пехотного Осуровского полка лекарь Попович, врач для командировок Одесского округа военно-санитарного управления лекарь Казанлий; провизор Артур Вильде; фельдшеры Сомов, Андреев, Заводчиков, Петр Глодзь, Макар Водовозов, Анатолий Соколов; письмоводитель Борис Говеман; санитары Лайберг, Федор Грачев. Сестры милосердия Александровской общины: Клавдия Тихомирова (старшая), Юлия Захарова, Мария Самсонова, Паулина Мизгер, Мария Кондырева, Юзефа Карпинская, Варвара Крыжова, Ольга Массингберд, Аграфена Оленникова, Любовь Емельянова, Юлия Зейдель, Татьяна Александрова. // Там же. Д. 1336. Л. 18 об.-19.

[817] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1334. Л. 3-3 об.

[818] Персиани Александр Иванович (23 ноября 1842 – 19 сентября 1896), потомок старинного боярского рода, тайный советник (1895); окончил Императорский Александровский лицей (1858-1862), затем поступил на службу в Азиатский департамент. С августа 1877 года – дипломатический агент и генеральный консул России в Сербии, с августа 1878 – министр-резидент, с марта 1889 по 1895 год – посланник.

[819] Там же. Л. 30 об.

[820] Там же. Д. 1334. Л. 6.

[821] Там же. Л. 6 об.

[822] Там же. Л. 7.

[823] Там же.

января 1886 г.), Венгерская (с 19 ноября по 29 декабря 1885 г.) – содержание этого госпиталя производилось за счёт австро-венгерской колонии в Сербии, Германская (с 20 ноября 1885 г. по 20 января 1886 г.), Английская (с 7 декабря 1885 г. по 3 февраля 1886 г.)[824]. Все они нашли работу в столичных резервных госпиталях. Деятельность всех делегаций Красного Креста, прибывших в Сербию и работавших в резервных госпиталях Белграда, согласовывалась с правительственным комитетом по оказанию частной помощи раненым, бюро которого состояло из секретаря и писаря и было одним из отделений управления главного военно-санитарного инспектора военного министерства[825]. Отвечал за работу с иностранными делегациями полковник Савва Петрович.

Местное управление общества Красного Креста, находившееся под покровительством королевы Натальи, оказывало содействие всем иностранным миссиям. Уполномоченные санитарных отрядов контактировали непосредственно с председателем ГУ Сербского Красного Креста.

16 ноября в сербскую столицу прибыл прекрасно оборудованный госпитальный поезд Мальтийского ордена, который за два рейса из Ниша в Белград перевез 300 раненых. Позже эвакуация раненых производилась на военно-санитарных поездах[826], устроенных бароном Мунди на средства сербско-болгарского комитета в Вене для помощи сербским и болгарским раненым[827]. Вольное общество пожарных в Белграде предоставило для этого поезда 30 своих членов в качестве санитаров.

Отряд Александровской общины приступил к работе 7 декабря 1885 г. во II военно-резервном госпитале на 130 кроватей. Это медицинское учреждение было размещено в двухэтажном здании с флигелями, принадлежавшем белградской Духовной академии. К моменту его передачи отряду Александровской общины, оно было грязным, запущенным, а раненые лежали на кроватях без постельного белья. Госпиталь пришлось приводить в порядок. 19 декабря госпиталь посетила королева Наталья и выразила благодарность медицинскому персоналу[828]. До этого во II резервном госпитале было четыре сиделки и два фельдшера, а операции и перевязки делали два приходящих врача. Этот персонал получил другое назначение. В короткие сроки была улучшена пища больных, организовано дежурство врачей и сестёр милосердия.

Отряд Александровской общины был снабжен всем необходимым для деятельности в военном госпитале: Одесский склад Красного Креста предоставил ему 100 комплектов госпитального белья, а Петербургский Центральный склад – 153 пуда белья, консервов, чая, госпитальных

---

[824] Там же. Л. 8-8 об.

[825] Там же. Л. 9.

[826] Там же. Л. 7-7 об.

[827] Там же. Л. 7 об.

[828] Там же. Д.1336. Л. 29 об.

вещей, в том числе 100 кроватей и прочего. Всё это госпитальное имущество было отправлено заранее и ожидало санитарный отряд в Белграде[829]. По пути в Белград в Вене были приобретены перевязочные средства, некоторые хирургические инструменты, аптечные принадлежности и пр.[830]. При госпитале были созданы склад и аптека. Кроме того, оказывалась амбулаторная хирургическая и терапевтическая помощь гражданскому населению из окрестных городов и деревень[831].

Когда в декабре 1885 г. стали уезжать иностранные санитарные миссии, их раненых переводили на долечивание в русский госпиталь. 28 декабря поступило 26 раненых из госпиталя венгерской санитарной миссии, а 20 января еще 30 – от германской[832]. В январе 1886 г. отряду Александровской общины был передан госпиталь Тевтонского ордена на 90 кроватей, расположенный в здании Учительской школы, где находилось 52 раненых. Для его обслуживания из состава отряда были выделены агент, врач, фельдшер и три сестры милосердия[833].

В начале января 1886 г. отряд Александровской общины в составе уполномоченного, врача, агента, двух сестёр милосердия и фельдшера на поезде, снаряженном Мальтийским орденом, производил эвакуацию раненых из Ниша в Белград[834].

После отъезда австрийских врачей русским персоналом был принят еще один госпиталь на 100 кроватей, находившийся в здании Военной академии. Персонал из Учительской школы был переведен в этот резервный госпиталь, здесь был открыт склад. Когда это медицинское учреждение, в связи с сокращением числа пациентов, было закрыто 24 марта, нуждавшиеся в продолжении лечения раненые были переведены во II резервный госпиталь. Персонал Александровской общины был опять в полном составе.

С 3 февраля 1886 г. в Белграде остались только русская организация Красного Креста и несколько австрийских врачей, закончивших свою деятельность к 20 февраля. С этого момента практически вся медицинская помощь сербским раненым осуществлялась русскими. В госпиталях Белграда к 8 марта было 162 раненых и в окружных госпиталях внутри страны – 35 раненых[835]. По представлению полковника Н.Д. Шведова ГУ приняло решение прекратить работу отряда Александровской общины к 1 апреля.

---

[829] Там же. Л. 8 об.

[830] Там же. Д. 1334. Л. 3.

[831] Там же. Л. 21 об.- 22.

[832] Там же. Л. 23 об.

[833] Там же. Л. 23 об.-24.

[834] Там же. Л. 7 об.

[835] Там же. Л. 26-26 об.

В своем отчете полковник Н.Д. Шведов пишет о том, какая психологическая обстановка окружала русский медицинский персонал: «Согласно распоряжению министра-резидента было обращено особое внимание на изолирование нашего отряда от сербской публики, на сплочение его как можно теснее и постановку под контроль уполномоченного. Не скрываемая некоторыми интеллигентами подозрительность к отряду, благодаря самому строгому отношению к делу с первых шагов деятельности отряда, исчезает и сербы начинают видеть в отряде только людей, приехавших для своего дела. Если бы случился политический переворот, то уполномоченный употребил бы все свои силы, чтобы на наш отряд не было брошено и тени подозрения. Пресекались даже малейшие попытки заводить знакомства»[836].

Накануне отъезда русского отряда, 25 марта 1886 г., сербская королевская чета прибыла в госпиталь и поблагодарила персонал за полезную и плодотворную деятельность. По просьбе королевы Натальи один врач и три фельдшера были оставлены для наблюдения за выздоравливающими. Они продолжали работу еще два месяца[837]. Позже Н.Д. Шведов отметил в отчете ГУ, что деятельность прочих санитарных отрядов продолжалась от полутора до двух месяцев[838]. В общей сложности отряд Петербургской Александровской общины проработал в столице Сербии четыре месяца и обслужил, судя по отчету, 446 раненых (умерло 8). Кроме того, на санитарном поезде было эвакуировано 129 раненых воинов. В амбулатории было принято 6 000 человек[839].

Всего на содержание отряда, путевые расходы и помощь раненым ГУ израсходовало 82 007 франков 49 сантимов, кроме этого, непосредственно Сербскому обществу Красного Креста было выдано 100 000 франков как пособие на улучшение питания и содержания раненых[840].

Сербское правительство высоко оценило деятельность русского отряда. Все его члены были награждены орденами и памятными подарками. Уполномоченный отряда полковник Н.Д. Шведов был награжден сербским знаком Красного Креста и орденом св. Савы 2-й степени[841].

В Болгарию, как и в Сербию, русский санитарный отряд прибыл со значительным опозданием: другие иностранные отряды уже начали свою деятельность. Князь П.А. Васильчиков в письме И.С. Аксакову отметил по этому поводу, что «уже две недели тому назад прибыл в Болгарию немецкий санитарный отряд! Положение раненых там ужасное, никакой помощи, никакой

---

[836] Там же. Д. 1336. Л. 30 об.

[837] Там же. Д. 1334. Л. 2.

[838] Там же.

[839] Там же. Л. 28.

[840] Там же. Л. 2 об.

[841] Там же. Д. 1340. Об оказании помощи больным и раненным воинам болгарской и сербской армий 1885-1889. Л. 5.

организации, ни врачей, ни сестёр (до приезда немок и немцев, конечно), ни медикаментов, ни перевязочных средств! Увы, наши отряды немногих спасут, придется им лечить лишь старые раны да порождаемые войной болезни»[842].

Санитарный отряд Георгиевской общины[843] прибыл в Софию 15 декабря 1885 г.[844], продвигаясь через Рущук (7 декабря) и Плевну (12 декабря). В Плевне был отслужен молебен по павшим воинам. Движение транспорта на всем маршруте было сильно затруднено из-за сильной стужи и глубокого снега. Местные власти на всем протяжении следования отряда Георгиевской общины оказывали ему содействие, население относилось дружелюбно[845].

В Софии санитарный отряд встретили российский консул и городское начальство. Из доклада председателя ГУ РОКК императрице Марии Федоровне от 17 декабря 1885 г. известно, что груз, отправленный из Одессы в Болгарию, частично ждал прибытия российского отряда в Рущуке, а другая часть – в Софии[846]. Несмотря на то, что только в болгарской столице больных и раненых воинов было около 2 000 человек, другие иностранные отряды свою работу уже заканчивали[847].

Санитарный отряд Георгиевской общины сразу же принял под свою ответственность госпиталь на 50 кроватей, организованный в начале войны российским дипломатическим агентством, куда по желанию болгарского князя Александра Баттенбергского доставляли только тяжелораненых[848]. Кроме того, русский санитарный отряд согласился снабжать военный госпиталь болгарского правительства на 200 кроватей врачами, сёстрами, лекарством и некоторыми госпитальными предметами, но без обязательства питания больных[849]. Согласно

---

[842] П.А. Васильчиков – И.С. Аксакову. 12 ноября 1885 г. // Люди русской правды. С. 206-207.

[843] Состав отряда, назначенного в Болгарию: уполномоченный – камергер, действительный статский советник Владимир Михайлович Юзефович; агент – отставной штабс-ротмистр Василий Ушаков; врачи: Владимир Зененко, Михаил Игнатьев, младший ординатор московского военного госпиталя надворный советник Назаров, младший ординатор харьковского военного госпиталя надворный советник Филиппович, старший ординатор киевского военного госпиталя Рудков, младший врач 4 гренадерского Несвижского полка Фалькенберг, младший врач 131-го Тифлисского полка надворный советник Родзевич; провизор: Отто Лане; фельдшеры: Михаил Гайер, Петр Коковин, Николай Яковлев, Герасимов, Павлов, Дзедрович, санитар Йова Костич; сестры милосердия общины св. Георгия; старшая – баронесса Вера Егоровна Врангель. // РГВИА. Ф. 12651. Оп.1. 1336. Л. 18-18 об.

[844] Там же. Л. 19 об.

[845] Там же. Л. 25 об.-26.

[846] Там же. Л. 25 об.-26.

[847] Там же. Л. 27 об.

[848] Там же. Л. 27 об.

[849] Там же. Л. 27-27 об.

отчетным документам, только в период с 15 декабря 1885 г. по 1 марта 1886 г. члены санитарного отряда Георгиевской общины оказали помощь около 500 больных и раненых воинов[850].

23 августа 1886 г. председатель ГУ РОКК М.П. фон Кауфман получил благодарственное письмо из Болгарского общества Красного Креста, подписанное Тырновским митрополитом Климентом: «…самоотверженная деятельность врачебно-санитарного отряда Вашего общества под руководством его превосходительства Владимира Михайловича Юзефовича и ее превосходительства баронессы В.Е. Врангель, столь благотворная для наших раненых и больных воинов, была новым блестящим доказательством того тёплого, сердечного и великого братского сочувствия, какое болгарский народ всегда встречал у своих братьев-освободителей»[851].

17 декабря 1885 г. председатель ГУ РОКК доложил императрице Марии Федоровне о работе русских санитарных отрядов в Болгарии и Сербии, удостоившихся высочайшего одобрения. Как уже было отмечено, с самого начала сербо-болгарской войны 1885 г. Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество не спешило с инициативами и ждало указаний сверху. Князь П.А. Васильчиков в уже упомянутом письме И.С. Аксакову сообщил, что председатель П.П. Дурново «оттягивает созыв заседания Совета, ожидая решения Главного Управления общества Красного Креста. … [13 ноября], наконец, оно соберется, и я ожидаю скандала, то есть отказа, несмотря на то что идет некоторая агитация в пользу оказания помощи, между прочим, кажется, военный министр [П.С. Ванновский], в пользу этого»[852].

На предыдущем заседании Петербургского славянского благотворительного общества, 3 ноября, обсуждалось прошение некой дамы о выдаче ей «денежного пособия для отправки в Болгарию на театр войны. Большинство членов побоялось принять на себя инициативу в таком деле и решило передать прошение в Главное Управление общества Красного Креста»[853].

О медлительности Петербургского Славянского благотворительного общества в принятии решения о помощи жертвам сербо-болгарской войны, П.А. Васильчиков сообщал И.С. Аксакову и после того, как ГУ РОКК пришло к выводу о необходимости снаряжения санитарных отрядов в Болгарию и Сербию[854]. Наконец, в заседании от 17 ноября 1885 г. этот вопрос был поставлен. Примечательно, что в повестке он не был первым и стоял после обсуждения состава делегации Славянского благотворительного общества на освящение церкви во имя свв. Кирилла и Мефодия во введенской гимназии. Председатель П.П. Дурново сделал сообщение об ассигновании пособия в 100 000 франков обеим воюющим сторонам от ГУ РОКК по ходатайству генерал-майора М.А.

---

[850] Исторический очерк общины сестёр милосердия св. Георгия в Санкт-Петербурге за 25-летие (1870-1895). С. 21.

[851] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1340. Л. 6 об.-7.

[852] П.А. Васильчиков – И.С. Аксакову. 12 ноября 1885 г. // С. 207.

[853] Там же. С. 206.

[854] Там же. С. 207.

Домантовича и князя П.А. Васильчикова, затем участники заседания перешли к обсуждению возможного пособия жертвам войны и от имени Славянского благотворительного общества[855].

Не дожидаясь решения общего собрания, из запасного капитала было выделено 5 050 руб., которые разделили поровну между обеими сторонами[856]. В результате 4 840 франков было отправлено в Сербию на имя члена Скупщины (бывшего и будущего премьер-министра) Йована Ристича, такая же сумма – в Болгарию, митрополиту Клименту. 1 000 руб. была передана в распоряжение митрополита Михаила, находившегося в Москве. В газетах был объявлен сбор пожертвований в пользу жертв сербо-болгарской войны[857].

О том, как расходовались эти средства, можно судить по благодарственному письму от 27 ноября 1885 г. Йована Ристича на имя председателя Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества за переданные ему 4 840 франков «на пособие пострадавшим от войны». Полагая, что эта категория сербского населения слишком разнородна, он принял решение отдать эти деньги раненым, которых отправляют долечиваться домой, но они настолько бедны, что не имеют средств на проезд. Ристич сообщил, что при раздаче пособий не делалось различия по национальному признаку: деньги выдавались как сербам, так и болгарам, находившимся на излечении в сербских госпиталях. Отвечая на поставленный, видимо, ранее вопрос из Петербургского Славянского благотворительного общества, где еще необходима помощь, Ристич отметил, что было бы лучше, если бы была возможность и впредь направлять финансовые средства. Свою мысль он подкрепил утверждением, что сербские «больницы прилично снабжены потребными средствами», которые продолжают поступать со всех сторон и, прежде всего, от ГУ РОКК. А хуже всего, как он уже указывал, обстоят дела у выписывающихся из госпиталей раненых и членов тех семейств, кормильцы которых погибли или ранены на войне. Именно эти категории населения, по мнению Ристича, нуждаются в денежных средствах[858]. К сожалению, данные о том, как отреагировало на этот призыв Петербургское славянское благотворительное общество, нами не обнаружены.

После разрыва дипломатических отношений с Софией Петербургское, Киевское и Одесское славянские благотворительные общества свою деятельность на территории Болгарии прекратили, однако материально поддерживали болгарских эмигрантов. Для тех из них, кто находился в Румынии, средства передавались через председателя Одесского славянского

---

[855] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 3. Д. 25. Л. 130-131.

[856] Последние 10 лет первого двадцатипятилетия существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества по протоколам общих собраний его членов, состоявшимся в 1883-1893 гг. – СПб., 1893. С. 142.

[857] ЦГИА СПб. Там же. Л. 130 об.-131.

[858] Там же. Д. 652. Л. 1-1 об.

благотворительного общества Кривцова. В одном из донесений директору Азиатского департамента И.А. Зиновьеву [12 ноября (31 октября) 1887 г.] Н.Г. Гартвиг, бывший в тот момент в командировке на Балканах, сообщил: «М.А. Хитрово[859], вследствие представленных мной сведений о крайне плачевном материальном положении выходцев [из Болгарии], поселившихся на границе Восточной Румелии, перевел на имя помянутого Кривцова восемь тысяч франков для раздачи их беднейшим»[860].

Поддерживая болгарских эмигрантов, в российском МИД надеялись, что они смогут составить оппозицию действующей власти в Болгарии, не устраивающую российское правительство. Посредниками в переговорах на эту тему и решении финансовых вопросов выступали члены Славянских благотворительных обществ[861].

Если болгарскую оппозицию на территории Румынии поддерживать удавалось, то от аналогичной тактики с румынской оппозицией пришлось отказаться. Весьма красноречивым является пример с образованным в 1885 г. в Яссах обществе, поставившем «своей задачей защищать православие против враждебных замыслов католической пропаганды и способствовать поддержанию в народе нравственно-религиозных начал»[862]. Цели этой организации, как мы видим, совпадали с целями российского внешнеполитического ведомства в регионе, поэтому она не могла не обратить на себя внимание российского правительства. Возникло даже предположение выдать этому обществу щедрое пособие, однако возникло неожиданное препятствие[863]. В связи с тем, что членами общества были исключительно оппозиционеры, премьер-министр Ион Брэтиану отказал «ему в признании и заставил румынский Синод издать правило, по которому духовным лицам запрещалось принимать участие в общественных заседаниях, за исключением заседаний Синода и Сената»[864]. Этот шаг сделал российское участие в делах общества бессмысленным. Как отметил министр иностранных дел Н.К. Гирс в письме от 4 августа 1887 г. посланнику М.А. Хитрово, «предпринимать благотворительное дело в чуждой стране, правительство коей относится к этому делу с нескрываемым предубеждением, было бы несовместно с достоинством императорского правительства, это значило бы совершенно напрасно усложнять наши отношения с Румынией»[865].

---

[859] С 1886 г. чрезвычайный посланник и полномочный министр при румынском королевском дворе, гофмейстер.

[860] Авантюры русского царизма в Болгарии. С. 78.

[861] Там же. С. 79, 85, 158.

[862] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2780. 1887. Записка посланника в Румынии д.с.с. Хитрово. 1887. Л. 126.

[863] Там же.

[864] Там же. Л. 126 об.

[865] Там же. Л. 127.

Необходимость проявлять осторожность в своих действиях была следствием того, что к концу XIX в. России было все сложнее удерживать свои позиции на Балканах, вынужденной к тому же, под давлением Великобритании и США, уделять значительное внимание своим интересам на Дальнем Востоке[866]. Поэтому «один из традиционно приоритетных, балканский вектор российской политики на рубеже XIX и XX вв. … отходит на второй план, в известном смысле обеспечивая тыл для активизации действий на дальневосточном направлении»[867].

В связи с этим, несмотря на довольно прохладные отношения с Австро-Венгрией, занимавшей (при поддержке Лондона и Берлина) прочные позиции в регионе, официальный Петербург в конце 1890-х годов предпринимает определенные шаги к сближению с Веной. Тем более, что во время критского кризиса 1896-1897 гг. и греко-турецкой войны 1897 г. Австро-Венгрия и Россия продемонстрировали способность к координации действий друг с другом и другими европейскими державами. В 1895 г. российское министерство иностранных дел возглавил А.Б. Лобанов-Ростовский, бывший посланник в Вене, полагавший, что от распада Османской империи выиграла бы только Великобритания. В том же году к руководству австро-венгерским МИД приходит А. Голуховский, консервативный и осторожный политик. По инициативе российской стороны начинаются переговоры о необходимости совместных действий в Болгарии и Османской империи. Они выявили ряд расхождений во взглядах, тем не менее, в 1897 г. был заключен русско-австрийский договор, предусматривавший отказ от односторонних действий на Балканах[868]. 2 (15) октября 1904 г. была подписана декларация о взаимном нейтралитете между Россией и Австро-Венгрией, целью которого было обеспечение доброжелательного нейтралитета в случае, если одна из сторон подвергается агрессии[869].

§ 7. Преодоление гуманитарных последствий восстания 1895-1896 гг. на Крите и греко-турецкой войны 1897 г.

России было важно сохранить авторитет покровительницы всех православных народов, что позиционировалось как преимущество перед католическими и протестантскими европейскими

---

[866] *Дятлова А.В*. Внешняя политика Российской Империи на Дальнем Востоке на рубеже XIX и XX в. в работах Стивена Маркса // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 610.

[867] *Рыбачонок И.С*. Политика России на Балканах на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы // Труды института российской истории. Вып. 9. – Тула: Гриф и К, 2010. С. 395.

[868] *Крючков И.В*. Россия и Австро-Венгрия: политика сотрудничества и компромиссов на Балканах (1896-1908) // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. VI. К 150-летию образования Австро-Венгерской Империи. – Ставрополь: Издательство СКФУ, 2018. С. 13-16.

[869] Там же. С. 19.

державами. Поэтому в сферу интересов Российской империи на Балканах входили территории, населенные не только славянами, но и другими православными народами, в частности, греками.

Греческое государство, созданное в результате войны за независимость 1821-1829 гг. при поддержке европейских держав, оставило за пределами своих границ значительные пространства, населенные греками. Эпир, Фессалия и Крит находились в османском владении. Борьба за воссоединение этих земель с Грецией и составляла основу внешнеполитического курса греческого правительства в течение всего XIX и начала XX в., вплоть до Балканских войн 1912-1913 гг.[870].

Начало русско-турецкой войны 1877-1878 гг. спровоцировало первые столкновения греческих повстанцев с турецкими войсками. В январе 1878 г., когда поражение Порты стало очевидным, начались вооруженные столкновения в Эпире, Фессалии и Македонии. После подписания предварительного мирного договора в Сан-Стефано, начавшееся было в январе 1878 г. восстание в Фессалии стало быстро затухать, а выступление в Эпире с самого начала не имело размаха из-за слабой материальной базы. Локальным было и выступление греков в Македонии[871]. Высокую готовность к выступлению продемонстрировал и о. Крит[872]. Однако вмешательство великих держав не позволило критянам вступить в войну. В «спокойствии» Греции был заинтересован и Петербург, опасавшийся, что выдвижение на авансцену греческого вопроса нарушит хрупкое равновесие и ускорит вмешательство Великобритании[873]. Тем не менее выступления жителей греческих провинций оказали влияние на позицию великих держав на Берлинском конгрессе[874].

В течение всего XIX века ареной борьбы греков за расширение и укрепление своего государства был остров Крит. Его сотрясали следующие одно за другим восстания христиан, желавших освобождения от турецкого владычества. Великие державы поддерживали притязания критян, но не торопились с присоединением, преследуя собственные интересы. Очередное восстание 1896-1897 гг. поставило критскую проблему в центр Восточного вопроса и сделало её одной из ступеней в разделе турецкого наследства[875].

---

[870] *Цехмистренко С.П.* Восстания в греческих провинциях Османской империи в 1878 г. и их отражение в русской периодической печати // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции (XIX–XX в.). Балканские исследования. Вып. 11. – М.: Наука, 1989. С. 131.

[871] Там же. С. 141.

[872] Там же. С. 133-134.

[873] *Кофос Э.* Россия и эллинизм Восточного кризиса 1875-1878 гг. // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции (XIX–XX в.). Балканские исследования. Вып. 11. – М.: Наука, 1989. С. 150.

[874] *Цехмистренко С.П.* Указ. соч. С. 142.

[875] *Соколовская О.В.* Россия в миротворческой акции европейских держав на Крите в 1897-1909 гг. // Военно-исторической журнал. 2008. № 11 (583). С. 25.

Главной задачей России, как и других европейских держав, было «удержание Греции от конфликта с Османской империей и сохранение на Балканах баланса сил. Вместе с тем Россия осознавала неизбежность присоединения острова к Греции в силу его географического положения, этнического состава и национального самосознания большинства населения – греков»[876]. Единство веры, исторической традиции, и родственные связи между Российским Императорским Домом и эллинской королевской семьей, скрепленные многочисленными браками, обусловливали «неизменное благожелательное расположение … к греческому королевству, которое многократно имело случай убедиться в том, что законные его нужды встречали самую действенную поддержку России»[877]. Со своей стороны, российский МИД ожидал, «что эллинское правительство с доверием будет прислушиваться к советам России, имеющим высшею задачею охранение православия и поддержание мира на Востоке, тем более что осуществление намеченной цели отвечает и интересам самой Греции»[878].

6 (18) мая 1896 г. греки начали очередное восстание, турки ответили резней христиан в Канее (Ханье), после чего вооруженное столкновение стало быстро разрастаться. Великие державы посчитали нужным вмешаться.

Осенью того же года Австро-Венгрия, Великобритания, Германия, Италия, Франция и Россия отправили в критские территориальные воды свои военно-морские эскадры. Российской эскадрой Средиземного моря командовал контр-адмирал П.П. Андреев. Для координации действий европейцев на Крите был создан Совет адмиралов. Все мероприятия на острове проводились с общего согласия и носили миротворческий характер[879].

1897 год начался с драматических событий. Христиане были вынуждены спасаться от преследований мусульман и бежать с острова на материк на кораблях великих держав: 24 и 25 января было вывезено около 5 000 человек, из них около 1 500 беглецов на броненосце «Николай I» и канонерской лодке «Запорожец»[880].

Королева эллинов Ольга Константиновна, дочь великого князя Константина Николаевича, описывала эти трагические события в письмах к брату, великому князю Константину Константиновичу: «В Крите полное восстание. Канея горит уже два или три дня, от этого города почти что ничего не осталось; военные суда перевозят несчастные семьи, стариков, женщин,

---

[876] *Она же*. Российская дипломатия и критский вопрос на рубеже веков (1900-1901) // В «интерьере Балкан». Л. 405.

[877] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2323. 1903. Доверительная инструкция д.с.с. Щербачеву, назначенному посланником в Афины. Л. 10-10 об.

[878] Там же. Л. 10 об.

[879] *Соколовская О.В*. Россия в миротворческой акции европейских держав на Крите в 1897-1909 гг. С. 25.

[880] Там же.

детей; здешнему правительству, и без того бедному, приходится кормить эту массу народа; возбуждение здесь сильное…»[881].

К началу 1897 г. греко-турецкие отношения были обострены до предела: население Крита продолжало настаивать на своем праве присоединиться к Греции. В конце января вожди повстанцев сформировали вооруженный отряд и подняли греческий флаг на полуострове Акротири (община Ханья). Греция поддержала инсургентов и сделала попытку захватить остров, отправив на Крит военное формирование из 1 500 бойцов. Эскадры европейцев 9 (21) февраля обстреляли повстанцев с моря, делая при этом все возможное, чтобы сдержать обе стороны конфликта и не дать ему разгореться. В это время «великие державы были заняты переделом других регионов мира и были чрезвычайно заинтересованы в сохранении спокойствия на Ближнем Востоке… В каждом случае великие державы кооперировали свои усилия, чтобы восстановить спокойствие и предотвратить еще больший международный кризис»[882].

6 марта 1897 г. на Константинопольской конференции Крит был объявлен автономией. Великие державы блокировали остров, начали высадку своих вооруженных отрядов, разделили остров на сектора и ввели временное управление Совета адмиралов (Великобритания, Италия, Россия и Франция)[883]. О.В. Соколовская отметила, что распределение иностранных военных отрядов по секторам было равномерным только на первый взгляд. Самыми сложными оказали кандийский (британский) и ретимский (русский) сектора, где было сосредоточено большое количество населения, поддерживавшего турецкие власти и оказывавшего противодействие распоряжениям оккупационных войск. А сравнение великобританского и русского секторов было явно не в пользу последнего, где не было достаточно плодородной земли, поэтому возможность возвращения беженцев-мусульман здесь воспринималась весьма болезненно[884] и, следовательно, для умиротворения населения гуманитарная помощь всякого рода здесь была особенно необходима.

§ 7. 1. Российская помощь в ликвидации гуманитарных последствий греко-турецкой войны 1897 г.

Весной Критский вопрос вовлек Грецию в вооруженный конфликт с Турцией. Эта война была невыгодна европейским державам, так как грозила нарушить status quo на Балканах[885].

---

[881] ГА РФ. Ф. 660 (великий князь Константин Константинович). Оп. 2. Д. 225. Л. 5.

[882] *Соколовская О.В*. Россия на Крите. Из истории первой миротворческой операции XX века. – М.: Индрик, 2006. С. 23.

[883] *Она же*. Россия в миротворческой акции европейских держав на Крите в 1897-1909 гг. С. 26.

[884] *Она же*. Россия на Крите. С. 35.

[885] Там же. С. 26.

В начале апреля 1897 г. греческие войска перешли границу в Фессалии, Эпире и Македонии, что привело к столкновениям с турецкой армией. 18 апреля Турция объявила Греции войну. Через неделю турки заняли город Ларисса в Фессалии.

Великие державы сделали всё возможное, чтобы не допустить разжигания конфликта: Великобритания, Франция, Россия, Италия, Австро-Венгрия и Германия выступили с объединенным протестом, а также предприняли определенные усилия, чтобы не допустить вступления в войну Болгарии и Сербии, имевших свои претензии к Османской империи[886]. Начатая греками война против турок закончилась уже в мае полным разгромом Греции, а османские войска оккупировали Фессалию. Греческому правительству ничего не оставалось, как обратиться к великим державам за помощью в разрешении конфликта. Посредником в мирном урегулировании противоречий выступил император Николай II.

19 мая 1897 г. было заключено перемирие и начались затяжные переговоры об условиях мира. Мирный договор был подписан 4 декабря того же года. Великие державы поспособствовали тому, чтобы он был заключен на самых выгодных для побежденной стороны условиях[887]. Автономия Крита была подтверждена, а Фессалия возвращена грекам. Одновременно были увеличены международные сухопутные силы на Крите.

Как и другие военные конфликты, греко-турецкая война 1897 г. сопровождалась гуманитарными проблемами, важнейшей из которых была необходимость медицинской помощи раненным воинам.

В соответствии с уставом МОКК помощь была предложена обеим воюющим сторонам. В апреле 1897 г. в Фессалию был направлен московский санитарный отряд РОКК. Его работа по оказанию помощи воинам турецкой армии продлилась с 1 мая по 6 июня. Санитарный отряд был снаряжен при поддержке великой княгини Елизаветы Федоровны, возглавлявшей Дамский комитет московского управления РОКК. Великий князь Сергей Александрович, как глава московского отделения РОКК, интересовавшийся делами этого санитарного отряда с момента принятия решения о его формировании, назначил делегатом от Московского местного управления Красного Креста своего адъютанта, штабс-капитана В.Ф. Джунковского.

Первый драгоман (переводчик) посольства в Константинополе А.А. Орлов, командированный для сопровождения русского санитарного отряда, сообщил в отчете, что на канонерской лодке «Донец» они подошли к стоянке турецких кораблей в ночь с 29 на 30 апреля 1897 г. Командующий турецкой эскадрой Хассан Рами паша был «растроган гуманностью русского

---

[886] *Соколовская О.В*. Основные проблемы внешней политики Греции в конце XIX века // В «пороховом погребе» Европы. С. 242-243.

[887] *Она же*. Крит в судьбе принца Георга Греческого и российского императора Николая II. С. 189.

правительства, являющегося на помощь несчастным раненым»[888]. Однако сойдя на берег, руководители санитарного отряда выяснили, что в Волосе раненых нет и необходимо отправляться в Лариссу или Фарсал[889]. По 2 мая включительно отряду пришлось выяснять место назначения. Эти сложности объяснялись кратковременностью боевых действий и малым числом раненых. Место для расположения лазарета было определено только 3 мая. Санитарному отряду предложили работать в Фарсале. В этот день российские представители встретились с Бонковским пашой, главным союзным инспектором турецкой армии, и осматривали дом, в котором в тот момент находился санитарный отряд Оттоманского банка (два врача, три студента), а также располагались военные чины и корреспонденты. Дом был признан отвечающим всем санитарным требованиям, тогда же А.А. Орлов и В.Ф. Джунковский договорились о питании отряда и транспорте для перевозки имущества[890]. Правда, позже выяснилось, что вместо обещанных 30 повозок турецкие власти могут предоставить только девять[891]. Других иностранных отрядов Красного Креста в турецкой армии в тот момент не было. В ближайшее время ожидали швейцарский отряд, уполномоченные которого уже находились в Фарсале[892].

Пока санитарный отряд работал в пункте назначения, у В.Ф. Джунковского была возможность много ездить по Фессалии. Свои впечатления о гуманитарной ситуации он изложил в специальной записке, из которой следует, что турки намеренно «разграбляли все города и селения, по которым им приходилось проходить, а затем поджигали большую часть из них. Единственный уцелевший город, виденный мной – это г. Воло[с], который благодаря энергичным мерам, принятым консулами России и иностранных держав, а также присутствию иностранных судов – остался нетронутым. Необходимости в подобном уничтожении всего встречавшегося на пути следования турок, конечно, не представлялось, и мне кажется, что они всё разоряли с исключительной целью грабежа, а вовсе не по каким-либо тактическим соображениям. Из виденных мной городов один только Велестино мог быть уничтожен выстрелами во время сражения, так как он лежит как раз в той местности, где происходило одно из самых горячих сражений. И все-таки, несмотря на это, следы грабежа и здесь ясно видны во многих домах, а церковь, у которой от выстрелов пострадал один только крест на куполе, свидетельствует ясно, что турки разорили ее уже после битвы»[893].

---

[888] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3749. Фессалия. Записки Джунковского, Орлова, Щербатского, Кондо. 1897. Л. 11.

[889] Там же. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3676. Командирование в Турцию русского отряда Красного Креста. 1897. Л. 6.

[890] Там же. Л. 10, 18.

[891] Там же. Л. 19 об.

[892] Там же. Л. 12 об.

[893] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3749. Л. 1-1 об.

Сравнивая снаряжение турок и греков, В.Ф. Джунковский обратил внимание и на постановку медицинской помощи в обеих армиях. Греческая армия отступала беспорядочно, потеряв всё свое снаряжение, что и позволило представителям Русского Красного Креста познакомиться с ним детально: «всё, что доставалось туркам от греков, свидетельствовало о том, насколько греческая армия была хорошо снаряжена для похода, тогда как турецкая в этом отношении оставляла желать много лучшего. Когда я увидел первый раз турецкие войска, то был поражен их видом – это была толпа оборванных нищих… Я был поражен, когда под Домокосом увидел артиллерийских лошадей – это были скелеты, обтянутые кожей. Таких лошадей я встречал только при объезде Саратовской губернии во время голода… Медицинская часть у турок на поле сражения была устроена очень плохо – у них не было никаких средств для перевозки раненых, которых вследствие этого клали прямо на арбы или сажали верхом на вьючных лошадей для доставления в ближайший госпиталь. Помощь раненым на полях сражений подавали только доктор Ларди с французскими врачами-волонтерами; турецких докторов не было вовсе видно, а составляющие постоянный штат действующих частей доктора, как малоподготовленные, не могли оказать деятельной помощи, а подвижных лазаретов и перевязочных пунктов не было вовсе. Госпитали были устроены турками ниже всякой критики и только после взятия Лариссы и Фарсело, когда туркам достались большие склады не только лекарств и перевязочных материалов, но и кроватей, матрацов – они устроили госпиталя, но дело у них долго не ладилось за отсутствием хирургического персонала; так что если бы не доктор Ларди со своими ассистентами и наш отряд, то после сражения при Домокосе [они] не могли бы помогать [своим] раненым. У греков же в смысле снаряжения всё было устроено очень хорошо, но, к сожалению, они этим не воспользовались, уступив всё хорошее туркам. У них были прекрасные шатры-палатки, превосходные обозы, громадные аптечные склады в городах, масса перевязочного материала везде, медицинская часть в смысле снаряжения была устроена превосходно – каждый солдат в греческой армии имел при себе необходимый перевязочный материал до английской булавки включительно, который герметически был закрыт в маленькой жестяной коробке… Палатки достались туркам в числе 800, все они совершенно новые и выделялись среди турецких. Они гораздо больше и удобнее. … Кроме этого, турки получили большие аптечные и перевязочные склады до инструментов и стерилизаторов включительно»[894].

В.Ф. Джунковский отметил, что турки добивали раненных противников, поэтому в их госпиталях «было такое ничтожное количество раненных греков»[895]. Еще одну причину малого

---

[894] Там же. Л. 4-6.

[895] Там же. Л. 6 об.

количества греков в турецких госпиталях назвал А.А. Орлов, отметивший, что греки стараются не оставлять на поле боя ни раненых, ни убитых[896].

10 июня 1897 г. председатель РОКК генерал-адъютант М.П. фон Кауфман сообщил министру иностранных дел графу М.Н. Муравьеву о телеграмме делегата московского местного управления штабс-капитана В.Ф. Джунковского, в которой говорилось о просьбе султана оставить русский санитарный отряд еще на некоторое время в Константинополе. На всеподданнейшем докладе на эту тему было начертано: «Можно»[897].

Некоторые подробности о деятельности отряда можно узнать из письма посла в Константинополе А.И. Нелидова министру иностранных дел графу В.Н. Ламздорфу. Московский отряд Красного Креста находился сначала в Фессалии, а потом более месяца в Константинополе. В Россию он возвратился 10 июля 1897 г. Перед отъездом русский санитарный отряд был принят султаном, который его благодарил «за оказанную… человеколюбивую помощь и высказал чувство глубочайшей признательности их императорским величествам и государыне великой княгине Елизавете Федоровне, попечением коей этот отряд был снаряжен»[898]. В заключение посол А.И. Нелидов добавил: «Я, со своей стороны, считаю приятнейшим долгом засвидетельствовать, как благотворна, умела и во всех отношениях правильна была деятельность нашего санитарного отряда, что я должен приписать отменному такту и усердию начальника его штабс-капитану Джунковскому, а также преданности делу как главного врача доктора Ланге, так и двух других врачей, а равно и всего состава сестёр милосердия. Султан пожаловал всем подарки и ордена»[899].

Еще одной серьезной гуманитарной проблемой греко-турецкой войны 1897 г. было беженство. Греки, опасаясь расправ, массово бежали из районов, занятых турками. 27 октября (8 ноября) 1897 г. королева Ольга Константиновна направила русской императрице Марии Федоровне телеграмму, что беженцам из Фессалии, состоящим, в основном, из женщин и детей, помощь Красным Крестом не оказывается[900].

По повелению августейшей покровительницы ГУ РОКК, установленным порядком, через министерство внутренних дел, обратилось в МИД с ходатайством «об испрашивании высочайшего соизволения государя императора на открытие во всех учреждениях общества Красного Креста в Империи сбора пожертвований в помощь пострадавшим фессалийцам –

---

[896] Там же. Л. 10.

[897] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3676. Командирование в Турцию русского отряда Красного Креста. 1897. Л. 16, 17.

[898] Там же. Л. 19.

[899] Там же. Л. 19 об.

[900] Там же. Д. 3684. Сбор в пользу фессалийцев при Красном Кресте. 1897-1898. Л. 3.

жертвам греко-турецкой войны, терпящим страшную нужду»[901]. Высочайшее разрешение было дано 20 ноября 1897 г.[902], и по всей Империи начался прием пожертвований.

По данным министерства внутренних дел, по инициативе отдельных лиц попытки организовать сборы пожертвований в помощь грекам были зафиксированы гораздо раньше. Например, 15 декабря 1897 г. было получено сообщение тифлисского губернатора Ф.А. Быкова о том, что еще в сентябре по подведомственной ему губернии, часть которой была заселена греками, «разъезжал некто Иван Дмитриевич Зографопуло, именовавший себя греческим консулом, и производил без разрешения властей сбор денежных пожертвований в пользу фессалийских греков»[903]. Только в Карской области ему удалось собрать 4 000 руб.[904] Министерство внутренних дел навело справки об этом человеке и выяснило, что его настоящее имя Дмитрий Иванович Загрифидис, и он какое-то время действительно состоял греческим королевским консулом в Ейске, но, во-первых, эта должность была упразднена вместе с греческим вице-консульством, а во-вторых, разрешение на сбор пожертвований ему никто не давал[905].

Пока шла подготовка к сбору средств в помощь беженцам из Фессалии, адъютанту великого князя Сергея Александровича штабс-капитану В.Ф. Джунковскому 30 октября 1897 г. было направлено письмо за подписью члена Военного совета, председателя главного военно-санитарного комитета П.Ф. Рерберга с предложением возглавить гуманитарную миссию: «Волею государыни [Марии Федоровны] и просьбой королевы эллинов посылаются в Афины нуждающимся фессалийским женщинам и детям тёплые вещи. Приобретенное Вами знание условий останавливают мой выбор на Вас для распределения помощи. Можете принять? [В] утвердительном случае испросите соизволение великого князя [Сергея Александровича] и, если его высочество соизволит, немедленно прибудьте в Петербург»[906]. На это предложение В.Ф. Джунковский ответил отказом, так как соответствующее разрешение от великого князя он не получил.

В данном случае речь шла об отправке спешной помощи для 100 женщин и 100 детей[907]. ГУ РОКК перевело на счёт российского посланника в Греции М.К. Ону 500 руб. для оказания

---

[901] Там же. Л. 4.

[902] Там же. Л. 6.

[903] Там же. Л. 9.

[904] Там же.

[905] Там же. Л. 11.

[906] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1380. Об отправке в Афины тёплых вещей для фессалийцев. 1898. Л. 4.

[907] Там же. Л. 6.

необходимой помощи бедствующим фессалийцам[908]. Однако императрица Мария Федоровна посчитала, что на 7 500 нуждающихся этого слишком мало, и 7 ноября по ее распоряжению были ассигнованы еще 5 000 руб. «на дополнительную заготовку как предметов первой необходимости, так и для дополнительных выдач»[909]. Второй транспорт с пожертвованиями был отправлен в ноябре[910].

Еще одним регионом, значительно пострадавшим в ходе греко-турецкой войны, был населенный большим числом христианских семей Янинский вилайет, входивший в состав Османской империи. Российский консул в Янине Н.А. Скрябин, искренне желая помочь православному населению, 21 января 1898 г. обратился к послу в Константинополе И.А. Зиновьеву: «Вашему высокопревосходительству угодно было сообщить мне о разрешении [сбора] Св. Синода с целью облегчения [участи] христианского населения Эпира и восстановления православных церквей в епархиях Янинской и Никопольской… известие, что о том, что Россия приняла близко к сердцу бедственное положение эпиротских христиан, моментально распространилось по всей стране. Если вспомнить, что тысячи разоренных дотла христиан без особой милости Провидения, каковым явилась в настоящую минуту Россия, должны были беспощадно погибнуть, то легко себе представить радость наполнившую сердца как самих страдальцев, так и очевидцев их страданий, мучившихся невозможностью облегчить участь несчастных своими слабыми средствами; даже мусульмане были тронуты щедростью России… Но как ни спасительна для всех бедствующих несомненная надежда на близкую помощь, тем не менее, нужда среди многих настолько велика, что была бы истинным для них благодеянием лишь помощь своевременная и, в крайнем случае, – минутою раньше»[911].

В связи с этим Н.А. Скрябин просил посла разъяснить, «для облегчения каких неотложных нужд» он может воспользоваться имеющимися у него средствами «в счёт ожидаемых получений», и о решении уведомить телеграммой[912]. Что именно ответили на это обращение российского консула не установлено, но, судя по архивным документам, регулярная помощь христианам Эпира оказывалась, как минимум до 1903 г.

Средства, собранные в России, с конца февраля 1898 г. стали поступать в посольство в Константинополе и практически сразу отправлялись по назначению: сохранилась расписка консула Н.А. Скрябина от 4 марта 1898 г. в получении 231 турецкой лиры 21 пиастра (2 000 руб.), пожертвованных Св. Синодом «на выдачу вспомоществований пострадавшим во время греко-

---

[908] Там же. Л. 26.

[909] Там же. Л. 30 об.

[910] Там же. Л. 43 а.

[911] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 5927. Л. 5-6.

[912] Там же. Л. 6 об.

турецкой войны грекам Эпира»[913]. Получаемые из России средства расходовались на помощь беднейшему населению Эпира и на ремонт или строительство церквей, разрушенных в ходе военных действий. Иногда из-за неравномерно поступавших пожертвований из России консулу приходилось выбирать, какую задачу считать первоочередной.

Принять решение в этом вопросе действительно было сложно. Помощи православной церкви в Греции российское правительство уделяло огромное внимание, надеясь таким образом ослабить оппозицию и даже противодействие со стороны греческих элит русскому влиянию в Греции. Проблемы в этой сфере неоднократно отмечались в инструкциях МИД посланникам при греческом королевском дворе. В одном из таких документов было указано, что «сознание необходимости единения с Россиею недостаточно проникло в умы эллинских правящих классов: в этом отношении на первом месте следует поставить деятельность греческого духовенства. Пользуясь тем, что в силу исторических условий значительнейшая часть православного населения Турецкой империи подчинена в религиозном отношении греческой иерархии, представители последней стремятся превратить православие в орудие проведения идей эллинизма, чем естественно вызывают сопротивление паствы, не принадлежащей к греческому племени и дорожащей сохранением своей национальной самобытности»[914]. Более того, понимая, что Россия не может и не будет поддерживать подобные устремления, «греческие иерархи, приходя в соприкосновение с просветительной деятельностью русских религиозных учреждений на Востоке, всячески противятся нашим начинаниям и затрудняют нам достижение целей, направленных к утверждению и развитию православия в Турции»[915].

Как на практике решались подобные вопросы, можно увидеть на следующем примере: по желанию королевы Ольги Константиновны, желавшей участвовать в осуществлении российской политики в Греции[916], одной из забот российского консульства в Янине стало восстановление церкви в селе Камарина, от которой после пожара, устроенного турками, остался только остов. В то же время нужда христианского населения Эпира была такой острой, что отказать им в пособии было невозможно.

Проблемы распределения пожертвованных средств отражены в одном из донесений консула Н.Г. Сухотина, пришедшего на смену Н.А. Скрябину, в российское посольство в Константинополе от 18 июля 1898 г.: «Упомянутые в предписании императорского посольства от 27 июня … 131 турецких лир 20 пиастров и 5 920 франков, доставленные Св. Синодом для

---

[913] Там же. Л. 1, 2.

[914] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2323. 1903. Л. 10 об.

[915] Там же. Л. 10 об.

[916] *Соколовская О.В*. Греческая королева Ольга Константиновна. С. 107.

пострадавших от войны жителей Эпира, получены мною 15 июля. Из составленного списка деревень, не получивших еще ни одного раза помощи, оказывается еще 27 деревень… списки теперь уже составляются… числом в 8 000 жителей, на поддержание существования которых потребуется израсходовать 40 000 пиастров… Так как вся полученная сумма составляет 42 846 пиастров, то за вычетом стоимости кукурузы, которая будет роздана буквально голодающим жителям этих 27 деревень, остаются лишь 2 846 пиастров, могущие быть назначены на постройку хотя бы крыши сожженной и представляющей лишь четыре стены церкви в селении Камарине. По справкам, наведенным консульством, оказалось, что на восстановление этого разрушенного храма требуется сумма в 150 турецких лир. При всем старании найти возможность удовлетворить в наибольшей степени жителей Камарины, хотя и имеющих другую церковь, где уже и совершаются богослужения, но нуждающихся в постройке и другого храма, [не удается], я не решаюсь взять на себя окончательное определение размера суммы…, [так как], уделив требуемые на постройку второго храма 150 лир, пришлось бы лишить 10-дневного пропитания 2 430 человек»[917]. Затем консул Н.Г. Сухотин дипломатично просит у посла совет, как лучше распределить имеющиеся в консульстве суммы, заметив при этом, что «раздача кукурузы наиболее нуждающимся единоверцам нашим будет начата немедленно»[918].

Полученный вскоре ответ гласил, что вопрос восстановления храма в Камарине «может быть решен ныне же, так как в посольство поступило новое пожертвование от Св. Синода на нужды эпиротов» в 657 фунтов 2 шиллингов, из которого можно уделить «необходимую сумму для обновления храма по желанию ее величества королевы Ольги Константиновны»[919]. Однако восстановление храма затянулось. О скором возобновлении богослужений в церкви в селении Камарина консул Н.А. Скрябин смог сообщить только в мае 1902 г. В ответ на запрос из МИД он сообщил, что близится окончание работ по восстановлению храма, на которые он передал 150 лир [920].

Судя по отчету консульства за 1898 год, оно получало деньги на благотворительные цели дважды. 27 июня 1898 г. была получена 131 турецкая лира и 5 920 франков. Из них 110 пиастров было истрачено на медную купель в церковь деревни Стривина, а 390 пиастров 25 пара были розданы в качестве пособий жителям разных деревень, обратившихся за помощью непосредственно в консульство. Всего на помощь единоверцам было израсходовано 38 803

---

[917] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 5927. Л. 18-19 об.

[918] Там же. Л. 19 об.-20.

[919] Там же. Л. 16 об.

[920] Там же. Л. 7-7 об.

пиастра и 20 пара, а остаток в 4 043 пиастров[921] был присоединен к 500 турецких лир (55 000 пиастров), полученным 11 декабря 1898 г.[922].

Из отчета о расходовании средств от 18 января 1899 г. следует, что основное пособие жителям Янинского вилайета выдавалось кукурузой. Наиболее пострадавшими оказались Янинский, Превезский и Параметийский округа. Например, в последнем из них кукуруза была передана беднейшим жителям 10 деревень[923]. Процедура выдачи кукурузы была выработана еще при консуле Н.А. Скрябине и использовалась Н.Г. Сухотиным, «с прибавлением лишь одной меры предосторожности против недобросовестности мухтаров[924] и [извещения призреваемых] … о количестве назначенной им кукурузы; для этого … [российский консул] сделал распоряжение, чтобы через посредство митрополитов и других лиц, пользующихся доверием, были … [сделаны] списки с именами славянских семейств и числом членов, с обозначением количества кукурузы, выдача которой будет произведена таким-то складом. Списки эти, по приказанию митрополитов, объявлялись во всеобщее сведение в деревнях священником после службы в течение трех праздников. Населению становилось известным о являющейся ему помощи, и многие злоупотребления делались невозможными»[925]. К отчету консульства в МИД были приложены расписки в получении платы за поставленную кукурузу, списки жителей деревень за подписью мухтаров, доверенных лиц, на которых была возложена выдача пособия, и свидетелей[926].

Несмотря на то, что процедура выдачи продовольственной помощи была простой и понятной, всё же консульству пришлось преодолевать некоторые препятствия: «Мелкие турецкие власти, рвения ради, не обошлись без того, чтобы не оказать множество затруднений доверенному лицу, которому … [консул] поручил закупку кукурузы и осмотр складов и качества сделанного запаса. Пришлось прибегнуть за содействием к генерал-губернатору Осману паше, который, благодаря нашим отличным отношениям, положил конец всяким затруднениям»[927].

Масштабы бедствия эпириотов и размеры конкретной помощи были подробно изложены в письме консула Н.Г. Сухотина от 26 марта 1899 г. послу в Константинополе И.А. Зиновьеву. К нему были приложены финансовые документы (список деревень и расписки поставщиков) к отчету о расходовании 59 043 пиастров, о котором говорилось выше[928]. В 50 деревнях, где

---

[921] Там же. Л. 59 об.

[922] Там же. Л. 54-55.

[923] Там же. Л. 56 об.-57.

[924] Мухтар (мудр) – староста в уезде.

[925] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 5927. Л. 55-55 об.

[926] Там же. Л. 56.

[927] Там же. Л. 56-56 об.

[928] Там же. Л. 50-50 об.

проживало 1 970 семейств (10 140 человек), была распределена кукуруза по 10, 5 и 3 ока[929] на человека, а именно: «по 10 ока получили те семейства, которые бежали во время войны в Грецию и возвратились лишь после объявления амнистии, и поэтому … не получали от нас помощи ни разу, по 5 ока уже получившие прежде, и по 3 ока несколько семейств в деревнях окрестностей Превезы, трудное положение которых было хорошо известно нашему вице-консулу в Превезе... Таким образом, всего роздано кукурузы 56 560 ока на сумму 46 728 пиастров и 35 пара»[930].

Кроме того, получив сведения о том, что «в деревне Марати, против города Арты, на самой границе, потерпевшей, быть может, более всех других, семь семейств доведены до крайней степени бедности … [Н.Г. Сухотин] снабдил их одною парою волов и плугом (12 ½ лир), предложив им за это внести посильную лепту, когда для них окажется возможным, в их сельскую церковь»[931].

По сообщению консула Н.Г. Сухотина, российское представительство ежедневно осаждали «толпы бедных крестьянок, умоляя дать хлеба их малолетним детям. Этим несчастным [было] роздано по 5 ока муки на человека. Всего на 160 человек – 800 ока на сумму 1 040 пиастров»[932]. Просители могли рассчитывать и на вещевые пожертвования: сотрудниками консульства было выдано 600 штук различного белья для женщин, детей, мужчин на сумму 4 940 пиастров. Затем была оказана «денежная помощь беднейшим эпиротам по указаниям священников, мухтаров и тем несчастным, кто был [лично] известен сотрудникам консульства – помощь эту получили в основном женщины – вдовы с детьми». Расход составил 3 115 пиастров и 10 пара. Была учтена и просьба содержавшихся в местных тюрьмах крестьян. Им было выдано мясо на общую сумму в 770 пиастров[933].

Консул Н.Г. Сухотин понимал, что все эти меры, предпринимаемые российскими властями, являются временными и не могут решить гуманитарные проблемы Эпира, поэтому в заключение отметил, что «все эти пособия облегчили, конечно, ужасное положение эпиротов, но все-таки они страшатся близкого будущего, не имея теперь ни домашнего скота, ни семян…»[934]. В своих донесениях русский дипломат не раз отмечал, что «помощь, оказываемая нами единоверцам, производит во всем Эпире самое лучшее впечатление. Не говоря уже о христианах, но даже и мусульмане дивятся величию и мудростию православной России»[935].

---

[929] Османская мера веса. 1 ока=1, 2828 кг.

[930] Там же. Л. 51.

[931] Там же. Л. 51-51 об.

[932] Там же. Л. 51 об.

[933] Там же. Л. 52 об.

[934] Там же. Л. 52 об.-53.

[935] Там же. Л. 53-53 об.

Однако такая благостная картина была далеко не везде. В уезде Парамитиа «снабжение хлебом населения … произвело прекрасное впечатление на христиан и очень дурное на местных мусульман. Вообще христианское население этой местности наиболее других выносит от турок; оказание же им этой помощи дало понять, что Россия озабочена положением этих покинутых христиан. Многие фанатики-мусульмане города Парамитиа … вздумали распустить слух о том, что получаемая христианами помощь исходит от султана… Само собой разумеется, что эти старания были напрасны, так как мухтары и священники деревень получали документы на выдачу хлеба из русского консульства в Янине»[936]. Тем не менее, по мнению российского консула в Янине, щедрость пожертвований способствовала росту авторитета России и императора, которому посвящались благодарственные молебны[937].

Гуманитарная ситуация в вилайете была такова, что помощь эпиротам была продолжена и в последующие годы. В частности, 10 апреля 1899 г. посольство в Константинополе отправило в консульство в Янине на благотворительные цели еще 1 000 турецких лир[938].

Как и предполагал консул Н.Г. Сухотин, во время посевной христиане Янинского вилайета ожидали от российского консульства не только помощи хлебом, но и семенами, которых крестьяне лишились, уступив их своим арендодателям в качестве уплаты за взятый ранее хлеб. Поэтому в письме от 21 марта 1900 г. консул просил снабдить его необходимой суммой на эти цели, а также поинтересовался, может ли он расходовать часть имеющихся у него денег на мелкий ремонт церквей, на который не требуется разрешение турецких властей»[939]. Судя по всему, эта просьба консула Н.Г. Сухотина встретила понимание. На его письме есть пометка красным карандашом: «500 лир отправлены 5 апреля 1900 г.»[940].

В мае 1901 г. в Янину в качестве генерального консула вернулся Н.А. Скрябин. 18 мая 1902 г. им был представлен отчет за первые четыре месяца текущего года. В этот период из посольства в Константинополе было получено 600 турецких лир (66 000 пиастров)[941], 7 января и 20 марта 1902 г. равными долями, для раздачи пособий беднейшему населению Эпира. Наибольшие статьи расходов составили денежные пособия особо нуждающимся селянам Янинской и Превзеенской епархий (51 460 пиастров) и пособия селянам и горожанам мукою, маисом и хлебом по предварительным спискам (10 251 пиастров). Далее следовали выдачи мелкими суммами, без расписок, в консульствах в Янине (1 755 пиастров) и в Превезе (407), выдачи по отдельным

---

[936] Там же. Л. 57 об.-58.

[937] Там же. Л. 58.

[938] Там же. Л. 46.

[939] Там же. Л. 41-41 об.

[940] Там же. Л. 41.

[941] 1 лира=110 пиастров.

прошениям (1 683), а также накладные расходы, связанные с отправкой доверенных лиц в селения из Янины (300 пиастров) и Превезы (143)[942]. В документах АВПРИ сохранилась также расписка консула в Янине от 10 июня 1903 г. о получении 300 лир из константинопольского посольства «для пособия беднейшему населению Эпира»[943], – это говорит о том, что благотворительная деятельность российского консульства была продолжена и в дальнейшем.

§ 7. 2. Русская благотворительная деятельность в Ретимно и Канее (о. Крит)

Стоянка российской эскадры на Крите располагалась в русском секторе в Ретимно и Канее. Первым начальником русского экспедиционного отряда был полковник (с 1900 г. – генерал-майор) Ф.А. Шостак, заслуживший уважение критян своей общественно-полезной и благотворительной деятельностью: благоустройством города, улучшением его санитарного состояния, созданием благотворительного фонда помощи неимущим, восстановлением сношений между мусульманами и христианами, активным участием русского отряда в жизни православного населения[944].

Свои действия в гуманитарной сфере начальники русской эскадры через морское министерство координировали с МИД, которое, в свою очередь, поощряло аналогичную деятельность своего представителя в Канее.

Император Николай II внимательно следил за событиями на Балканах и поддержал предложение МИД прийти на помощь православным христианам Крита, наиболее пострадавшим от орудийного огня соединенной европейской эскадры в феврале 1897 г. Несмотря на человеколюбивые мотивы, которыми, несомненно, руководствовался Петербург, в переписке графа В.Н. Ламздорфа с консулом в Канее Н.Н. Демериком и послом в Константинополе графом М.Н. Муравьевым прослеживается политический заказ в осуществлении благотворительных мероприятий. По мнению официальной России, они должны были значительно укрепить авторитет Империи на Балканах как защитницы православного населения.

Высочайшее дозволение на оказание благотворительной помощи последовало 1 мая 1897 г., а уже на следующий день консулу в Канее Н.Н. Демерику было отправлено предписание министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа срочно собрать сведения о наиболее пострадавших критянах, а также о разрушенных церквах[945].

---

[942] Там же. Л. 23.

[943] Там же. Л. 37.

[944] *Соколовская О.В*. Россия в миротворческой акции европейских держав на Крите в 1897-1909 гг. С. 26.

[945] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2436. Помощь населению Крита. 1897. Л. 3-4, 6.

Переданное в МИД из морского министерства донесение от 19 мая 1897 г. о прогулке во время увольнения русских офицеров в Гонию, находившуюся в восьми верстах от Ретимно, рисовало мрачную картину: «… то, что … [они] увидели …, оставило … глубокое впечатление. Все три посещенные ими деревни представляют из себя развалины; церкви, а особенно могилы, разорены совсем. Поля не возделаны; кое-где виднеется тощий овес или пшеница… Скота нигде нет: на всем пути рота не встретила ни одного стада овец или коз, столь обычных в здешнем крае. Население исхудалое, истощенное; особенно женщины и дети имеют крайне изнуренный вид; одеты все буквально в лохмотья… Лишения, которые население претерпевало и претерпевает, должны быть ужасны…»[946].

Эти проблемы оказались не единственными. 31 мая 1897 г. из морского министерства в МИД пришло сообщение, что на Крит начали возвращаться беженцы-христиане, а их дома уже заняты мусульманами. Кроме того, очень остро стояла проблема продовольствия. Начальник эскадры Средиземного моря контр-адмирал П.П. Андреев доложил в Петербург, что адмиралы соединенных эскадр обратились к своим правительствам за необходимыми по данному вопросу инструкциями. Попросил их у своего начальства и контр-адмирал Андреев, уточняя, «может ли он и в каком размере принять участие в делах снабжения акротирцев продуктами», и получил ответ, что «он отнюдь не должен отказываться, действуя в согласии с прочими адмиралами»[947]. Свои действия в этом вопросе морское министерство согласовывало с МИД.

5 июля 1897 г. Н.Н. Демерик подготовил графу В.Н. Ламздорфу обстоятельное письмо по поводу необходимой помощи критянам-христианам. По данным российского консула, христиане, населяющие гористые округи острова пострадали меньше всего. Им удалось воспользоваться имуществом бежавших мусульман, в том числе, урожаем и запасами. Положение христиан-горожан и жителей пригородов было намного хуже: большинство было вынуждено бежать в Грецию, оставив свое имущество на разграбление. Жители Канеи, кроме прочего, перенесли еще и пожар: сгорели до основания все христианские общинные здания и все школы. Н.Н. Демерик оценивал убыток канейцев в 80-100 000 франков[948]. Далее российский консул писал, что больше всего пострадали христиане окрестных сел. Их грабила и городская чернь, и мусульмане: все дома были «разрушены, оливковые плантации и фруктовые сады вырублены либо сожжены, молодые деревья поломаны, поля и виноградники отведены под

---

[946] Там же. Л. 15.

[947] Там же. Л. 9-10.

[948] Там же. Л. 18 об.-19 об.

пастбища скоту. Башибузуками не были пощажены ни церкви, ни кладбища… Некоторые села представляют из себя груду развалин»[949].

Проанализировав ситуацию и оценив масштабы разрушений, Н.Н. Демерик предложил «ограничить на первое время раздачу вспомоществований округом Канеи, где находится стоянка императорской эскадры и местопребывание консульства, и округом Ретимо, составляющим как бы русский удел в международной оккупации Крита. В округах Кандии и Лассити, отданных в заведывание иностранных морских и сухопутных сил, пришлось бы предварительно заручиться сочувствием и содействием местных иностранных властей, дабы предупредить столкновения с ними, а также и с турецкими управителями при установлении непосредственных сношений с христианами, укрывающимися пока по ту сторону кордона. Во-вторых, представлялось бы целесообразным по мере возможности выдавать пособия лишь наиболее пострадавшим семьям в обоих округах… Таковые ограничения были бы тем более уместны, что иначе затраты дошли бы до чрезмерных размеров, в одних только восточных уездах, по наведенным мною справкам оказалось бы около тысячи бедствующих семей…»[950].

Приблизительное количество пострадавших Н.Н. Демерик оценивал в 500 – 600 семей (около 3 000 человек): «Вся эта масса народа лишена собственного крова, одежды, обуви и насущного хлеба. До наступления зимнего сезона на первую очередь выступает, конечно, вопрос об обеспечении их продовольствием…»[951]. При этом российский консул отметил, что христианское население находится в несравнимо худшем положении, чем мусульманское, которому помогает турецкое правительство. Речь идет о раздаче хлеба в объеме свыше 60 000 рационов муки[952].

По подсчётам Н.Н. Демерика помощь христианскому населению Крита будет сопряжена со значительными финансовыми затратами: если при цене низкосортной муки в 2 пиастра помогать 3 000 человек, то еженедельный расход может достигать 100 турецких лир (2 750 франков). Кроме того, Н.Н. Демерик полагал, что «раздача дарового хлеба в местностях, где царит полная анархия, вызовет среди христиан взаимную зависть и столкновения, в этом не может быть сомнений. Но кроме того, следует предвидеть, что и мусульмане… отнесутся крайне неприязненно к самому факту раздачи пособий их врагам, на коих они вдобавок смотрят как на бунтовщиков, и что поэтому с их стороны можно ожидать попыток к созданию всяких затруднений»[953]. Чтобы избежать различного рода осложнений, Н.Н. Демерик предложил

---

[949] Там же. Л. 19 об.-20 об.

[950] Там же. Л. 22-23.

[951] Там же. Л. 23.

[952] Там же. Л. 23 об.

[953] Там же. Л. 23 об., 24 об.

снабдить пострадавших строительным материалом и дать им средства на приобретение одежды[954].

22 сентября 1897 г. Николай II повелел выдать в распоряжение российского консула в Канее 55 000 руб. (146 000 франков) из болгарского оккупационного фонда (остаток от деятельности российских представителей в Болгарии после русско-турецкой войны 1877-1878 гг.), о чем 11 октября 1897 г. министр иностранных дел известил Н.Н. Демерика, Эти средства предназначались «… на восстановление пострадавших от пожара зданий христианской общины в Канее, на устройство [временной] больницы в Ретимно, на исправление двух церквей в Акротири и, наконец, на оказание ныне же пособий беднейшим жителям острова»[955].

Масштабы русской благотворительной деятельности, по мнению графа В.Н. Ламздорфа, должны быть таковы, чтобы «оказываемая критянам государем императором помощь имела не временное, преходящее значение, а осталась надолго запечатленной в памяти населения»[956], более того, «… факт щедрой, царской милости имеет и другое, более обширное значение: он являет собой новое, яркое доказательство незыблемости основы русской политики, всегда с участием относившейся к судьбам единоверцев наших в Турции и, с этой точки зрения, мы готовы думать, что он произведет благотворное действие на самое население Крита, к которому ныне с высоты престола протянулась рука великодушной помощи, но и за пределами острова, на христиан всего Востока, всегда с доверием и надеждою взиравшим на свою покровительницу»[957].

В переданных консулу Н.Н. Демерику указаниях МИД выражалась надежда, что щедрая помощь сможет «облегчить … старания на месте к устроению умов и умиротворению острова, особенно в настоящее время, когда раздаются голоса о необходимости скорейшего разрешения критского вопроса и обеспечения дальнейшей участи пострадавших»[958].

Опасаясь осложнений с мусульманским населением, Н.Н. Демерик запросил дополнительные инструкции. Ответ пришел 1 ноября 1897 г. за подписью министра графа В.Н. Ламздорфа: «Согласно данным Вам высочайше одобренным инструкциям, Вы должны прежде всего прийти на помощь христианскому населению, озаботиться судьбою православных общин. … затем, конечно, Вы могли бы уделить и в пользу мусульман некоторую часть суммы в 10 000 франков, ассигнованной на мелкие пособия. Притом вам надлежит избегать всякого посредства турецких властей, которые не внушают нам никакого доверия»[959].

---

[954] Там же. Л. 23 об.

[955] Там же. Л. 49.

[956] Там же. Л. 49-49 об.

[957] Там же. Л. 50 об.

[958] Там же. Л. 51.

[959] Там же. Л. 55.

Через посольство в Константинополе консул в Канее 16 ноября 1897 г. получил 30 000 франков из ассигнованной на помощь критянам суммы в 55 000 руб.[960] Исполняя возложенное на него поручение, Н.Н. Демерик передал епископу в Канее 15 000 франков на помощь бедным и пообещал средства на восстановление храмов. Такую же сумму он отправил епископу в Ретимно и навел справки о возможности организации больницы[961]. Обоим епископам российский консул направил сопроводительные письма, в которых, избегая противопоставления христиан и мусульман, заявил «как насчёт непосредственных человеколюбивых побуждений монаршего акта, так и насчёт близкой его связи с традиционной заботливостью императорского правительства о судьбах всех вообще восточных христиан»[962].

Одновременно Н.Н. Демерик известил об учреждении ретимнской больницы и турецкие власти, и мусульманские круги, передав 1 500 франков мусульманскому благотворительному фонду в Канее. Они были «настолько тронуты и польщены участливостью императорского правительства к бедствиям и нуждам их подданных, безразлично их вероисповедания, что немедленно известили об этом Порту»[963].

О первых итогах в благотворительной сфере и возникших в связи с этим предложениях, российский консул доложил в МИД 29 октября (10 ноября) 1897 г.: «Мусульмане будут приобщены к монаршему милосердию устройством в Ретимно больницы для обоих частей населения. Ходатайствую, однако, об выделении ныне же специально на их долю двухсот наполеондоров для раздачи при посредстве их властей нуждающимся в Канее и Ретимно. Таким путем с самого начала рельефно выделяющим беспристрастную филантропическую сторону акта, он будет огражден от нежелательных тенденциозных толкований, политическое же значение его, предусмотренное в предписании, будет мною всячески обеспечено без ущерба»[964]. Действия Н.Н. Демерика были одобрены, ему были немедленно отправлены 11 306, 5 руб., первая часть из обещанных 55 000[965].

Для того, чтобы обеспечить все заявленные проекты необходимыми денежными средствами, 13 ноября 1897 г. Николай II разрешил сбор средств «в пользу нуждающихся острова Крит, без различия национальностей»[966]. Поступившие пожертвования направлялись в российское посольство в Константинополе.

---

[960] Там же. Л. 160.

[961] Там же. Л. 56-56 об.

[962] Там же. Л. 70 об.

[963] Там же. Л. 71 об.

[964] Там же. Л. 57.

[965] Там же. Л. 64.

[966] Там же. Л. 65.

Свои действия и мотивы, лежащие в их основе, Н.Н. Демерик подробно объяснил М.Н. Муравьеву в письме от 29 ноября 1897 г. Консул в Канее обратил внимание российского посла в Константинополе, что, получив выделенные на благотворительные нужды средства, он принял все меры, «которые казались … уместными для обеспечения акту царской милости наиболее глубокого и единодушного впечатления…»[967]. Его главной заботой стал учет всех местных условий, «дабы высочайшая воля не стала ненароком предметом каких-либо прений и ясный смысл ея не был извращен пристрастными толкованиями», а также то, что «приходилось считаться с ревнивою щепетильностью мусульманского общественного мнения и турецких властей», чтобы обойти даже возможность каких-либо «подозрений и агитации со стороны иностранных представителей»[968].

Таким образом, выполнение на греческой земле монаршей воли сталкивалось с рядом препятствий, обусловленных как недружелюбным отношением местных властей, так и настороженным вниманием европейских держав. И первые, и вторые, имея свои цели, старались не допустить расширение русского влияния на население Крита.

Н.Н. Демерика настораживало и настроение «самих христиан, призванных главным образом воспользоваться монаршими щедротами... христианские главари, всецело поглощенные думами и заботами об исходе политических вопросов дня, находились под впечатлением раздражающих их слухов об ожидающих их разочарованиях…»[969].

Греческие политические элиты надеялись на скорейшее присоединение Крита и медлительность европейских держав в этом вопросе они воспринимали очень болезненно и тяжело шли на компромиссы[970]. Видя щедрость Николая II и учитывая российско-греческие династические связи, население Крита возлагало на Россию особые надежды[971]. Завышенные ожидания в политической сфере негативно сказывались на результатах усилий российских дипломатов, что, в конечном итоге, и отметил консул Н.Н. Демерик в приведенном выше документе. По мнению посла в Риме А.И. Нелидова, «греки вообще относятся к России не сочувственно, забыв о благодеяниях в критических обстоятельствах последних лет, склоняются на сторону наших противников, особенно Англии, и противодействуют там, где возможно, особенно в церковных делах и в Македонии»[972].

---

[967] Там же. Л. 69.

[968] Там же. Л. 69 об.

[969] Там же. Л. 69 об.-70.

[970] *Соколовская О.В*. Основные проблемы внешней политики Греции в конце XIX в. // В «пороховом погребе» Европы. С. 244-245.

[971] *Она же*. Российская дипломатия и критский вопрос на рубеже веков (1900-1901). Л. 408.

[972] Там же. Л. 414.

Серьезную опасность для населения Крита представляли эпидемиологические заболевания, обусловленные не только отсутствием медицинской помощи, но и особенностями городского быта, сохранившегося со средневековья. Ситуацию усугубляло большое число беженцев. Так, в Ретимно вместо 9 000 жителей оказалось более 30 000, не считая русских моряков[973].

Чтобы защититься от тифа, особенно свирепствовавшего в октябре 1897 г., русские военные предприняли ряд мер, затронувших городское хозяйство Ретимно. По рекомендациям русских врачей начальник русского экспедиционного отряда Ф.А. Шостак потребовал от городских властей очистить улицы от нечистот и починить канализацию. Жителям запретили выбрасывать на улицы мусор, нечистоты и трупы животных. Эти меры способствовали улучшению санитарной обстановки и снижению заболеваемости[974].

Еще одной гуманитарной проблемой, обозначившейся в начале 1898 г., стала угроза голода и сопряженная с ним проблема беженства. В донесении от 31 января Н.Н. Демерик сообщил, что «если обстоятельства не изменятся, [то] в середине февраля в некоторых участках острова появится голод. Запасы местного урожая уже истощаются, а средств на покупку муки у большинства христиан не имеется. Во избежание голода и соблазняемые преувеличенными слухами о пособиях греческого правительства, бедняки сотнями уходят с острова на пароходах, отбывающих в Грецию. На днях из Ретимно выселилось 137 душ селян, в ожидании прихода судна они в течение нескольких дней пользовались довольствием от полковника Шостака и получили денежное пособие из нашего вице-консульства в этом городе. За последнюю неделю с острова выбыло не менее 300 семей. Собравшиеся в городе Ретимно беглецы в числе 734 душ до посадки на пароход пользовались даровой пищей и чаем из остатков довольствия наших солдат. В восточной половине острова, где адмиральским советом чрезкордонные отношения еще не разрешены, положение еще тягостнее. 7 550 эмигрантов, скопившихся в местечке Палеохоры, были спасены от голода нашим консульством, отправившим им запас продовольствия»[975].

С политической точки зрения бегство христианского населения с Крита России было невыгодно: освободившиеся места сразу же занимали мусульмане, что могло существенно изменить баланс сил на острове. К тому же свою активность усилили как турецкие, так и греческие благотворительные организации. Поэтому с оказанием помощи приходилось спешить не только из гуманитарных, но и из политических соображений.

Из донесения Н.Н. Демерика было известно, что «критяне-мусульмане уже целый год питаются на средства Константинопольского мусульманского комитета помощи. Комитетом

---

[973] *Соколовская О.В*. Россия на Крите. С. 36.

[974] Там же. С. 38.

[975] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2436. Помощь населению Крита. 1897. Л. 95-95 об.

было прислано на остров не менее 70 000 пятипудовых мешков муки стоимостью в 1 ½ миллиона франков. По словам Джевад-паши, подвоз необходимой муки для мусульман в количестве 600 мешков ежемесячно обеспечен только до конца апреля. Нищета христиан более тягостна. Один сухарь и 10 сантимов, выдаваемые греческим правительством ежедневно каждому эмигранту, являются для них достаточною приманкою, чтобы покинуть свою родину»[976].

17 января 1898 г. епископ Кандии и Апокорны, викарный критский митрополит Никофор подал на имя русской императрицы Александры Федоровны ходатайство о даровании помощи населению острова, пострадавшему от событий прошлых лет. По прочтении оно было передано в ведомство у Певческого моста с пометкой: «на усмотрение МИД». Решение принимается быстро. Спустя несколько дней от имени императрицы Александры Федоровны делается распоряжение о передаче митрополиту Никифору 25 000 франков для раздачи пособий[977]. Эти средства 21 января 1898 г. были отправлены в императорское посольство в Константинополе. Митрополит Никифор получил их от консула Н.Н. Демерика. Пожертвование от имени императрицы Александры Федоровны пришло в период, когда беженство достигло своего пика. Оно позволило частично покрыть расходы как морского ведомства, так и российского дипломатического представительства на неотложную помощь беженцам. Кроме того, эти средства дали возможность митрополиту Никифору открыть в Канее под своим председательством благотворительный комитет[978], начавший «свою деятельность как раз в то время, чтобы не дать развиться переселенческому движению»[979]. При этом важно отметить, что благотворительные средства от имени императрицы вошли составной частью в обещанные Николаем II 55 000 руб.[980], что нашло отражение в отчете Н.Н. Демерика от 18 июня 1898 г. Другими словами, пожертвование от имени императрицы не увеличило общую сумму пособия, а значительно ускорило получение его части.

Из 25 000 франков консул Н.Н. Демерик, за вычетом расходов на пересылку денег, получил 24 593 франка. Из них 13 333 франка (5 000 руб.) были потрачены на пособия критянам: 12 000 франков были переданы в христианский благотворительный комитет под председательством епископа Никифора в Канее; 500 франков – в распоряжение полковника Ф.А. Шостака, а остаток в 833 франка российский консул роздал лицам, непосредственно обратившимся в консульство[981].

---

[976] Там же. Л. 114-114 об.

[977] Там же. Л. 173.

[978] Там же. Л. 98-98 об.

[979] Там же. Л. 114 об.

[980] Там же. Л. 180.

[981] Там же. Л. 190 об.

Митрополит Никифор также представил свой отчет. Благотворительный комитет под его председательством израсходовал 5 000 франков на Канейский округ, столько же на Кандийский и 2 000 франков на Ретимнский. Для распределения пособий в двух последних округах были устроены особые комиссии из местных нотаблей, при активном участии российских консульских агентов. Они получали от центрального комитета «условленные суммы в виде ежемесячных ассигновок и расходовали их согласно спискам, составленным уездными епископами и митрополиями». По этой схеме пособия были розданы более, чем 2 000 пострадавшим, преимущественно жителям из района погромов, и семьям, потерявшим своих кормильцев, а также лицам, получившим увечья[982].

Таким образом, пожертвование от имени императрицы Александры Федоровны позволило быстро среагировать на гуманитарную проблему и приступить к ее решению.

Тем временем МИД сделал следующий шаг. Уже в начале марта 1898 г. Николай II повелел выдать 30 000 руб. на покупку хлеба и отправку его на Крит контр-адмиралу Н.И. Скрыдлову[983], сменившему контр-адмирала П.П. Андреева на его посту. Н.Н. Демерик в донесении от 21 марта 1898 г. отметил своевременность этого жеста: «Высочайшее пожертвование значительной партии муки является для критян новым неоценимым благодеянием»[984].

Временно управляющий морским министерством по главному морскому штабу адмирал Ф.К. Авелан 10 марта 1898 г. известил телеграммой императорского посла графа М.Н. Муравьева, что контр-адмиралу Н.И. Скрыдлову было предписано «привести в исполнение объявление населению острова о высочайшей милости, по личному его усмотрению в зависимости от благоприятных к тому местных обстоятельств, не отдаляя его, однако, от времени прибытия хлеба и в то же время озаботившись, чтобы оно состоялось ранее, чем успели бы проникнуть о том слухи в население острова со стороны…»[985].

Обещанный хлеб пришел на Крит в начале апреля 1898 г.: 4 285 мешков пшеничной муки было доставлено на броненосце «Александр II» правлением Общества пароходства и торговли[986].

Раздача муки в зоне конфликта была делом непростым. Благотворительный акт мог увеличить напряженность между христианским и мусульманским населением, усугубив и без того сложную обстановку. Поэтому 894 мешка муки сразу же было передано местным турецким властям. Для распределения оставшейся части среди христианского населения в разных областях острова была создана комиссия под руководством контр-адмирала Н.И. Скрыдлова. В нее вошли митрополит

---

[982] Там же. Л. 190 об.-191.

[983] Там же. Л. 110, 107-107 об.

[984] Там же. Л. 114 об.-115.

[985] Там же. Л. 109-109 об.

[986] Там же. Л. 139.

Никифор, консул Н.Н. Демерик, член христианского благотворительного комитета М. Миталаки, командующий русскими частями в Канее и Суде подполковник С.С. Короев, капитан 2-го ранга барон Индрениус, руководивший приемом и раздачей муки[987].

Быстрое и действенное реагирование России на нужды критян не понравилось представителям европейских держав, усмотревших в этом желание усилить свое влияние. В результате российская благотворительная акция чуть было не привела к скандалу. В донесении Н.Н. Демерика было отмечено, что «раздача муки, высочайше пожертвованной в пользу нуждающихся критян без различия вероисповедания, началась в городе Ретимно на второй день Пасхальных праздников[988] после молебна за благоденствие государя императора, отслуженного на городском плацу преосвященным Дионисием в сослужении с греческим и российским духовенством… Торжественная обстановка, приданная по желанию адмирала делу раздачи муки, была, к сожалению, перетолкована иностранными представителями как намерение России выставить на вид симпатии ее к Криту, наряду с бездеятельностью остальных правительств. Иностранные консулы сделали собравшимся намек на то, что непрерывные чествования только одной из держав могут неблагоприятно отразиться на исходе политических вопросов»[989].

Несмотря на растущее недовольство европейских держав, гуманитарная активность в российском секторе была продолжена. Более того, по представлению консула Н.Н. Демерика 22 мая 1898 г. император увеличил сумму ассигнований на эти цели со 146 000 до 200 000 франков[990]. На следующий день из болгарского оккупационного фонда было выделено 50 000 франков на организацию госпиталя в Ретимо[991]. В константинопольское посольство эти средства поступили 27 июня 1898 г.[992].

Больничное здание в Ретимо было заложено уже 18 (30) июля, а спустя полгода, 14 (26) декабря «была совершена при церковном параде закладка построек, возводимых от высочайшего имени на месте погоревших во время смуты церковных зданий здешней православной общины [в Канее]»[993].

Таким образом, на гуманитарные и благотворительные цели в 1898 г. на Крите было истрачено 91 260 франков[994]. К этому можно добавить, что в последующие годы России приходилось

---

[987] *Соколовская О.В*. Россия на Крите. С. 40.

[988] Пасха в 1898 году пришлась на 17 апреля.

[989] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2436. Помощь населению Крита. 1897. Л. 188-189.

[990] Там же. Л. 136.

[991] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2488. Организация госпиталя в Ретимо. Крит. 1899. Л. 1-2.

[992] Там же. Д. 2436. Помощь населению Крита. 1897. Л. 160.

[993] Там же. Л. 156-157.

[994] Там же. Л. 160.

изыскивать средства на содержание больницы в Ретимно, так как городские власти не имели такой возможности. А русские военные, расквартированные на Крите, обучали за свои средства 26 детей из неимущих семейств[995].

9 ноября 1899 г. на собор Ретимно было поднято восемь колоколов, перелитых из старых на средства, переданные в качестве пожертвования полковником Ф.А. Шостаком[996].

В инструкции барону Б.Р. Розену, назначенному посланником при греческом королевском дворе в 1901 г., действия российских властей на Крите оценивались следующим образом: «… ближайшие попечения наши о разрешении критских дел, непрестанные старания, направленные к облегчению участи местного населения и щедрое материальное воспособление пострадавшим критянам как нельзя лучше свидетельствовали об искренности наших намерений и незыблемости преданий России, всегда имевшей в виду улучшение быта христиан всего Востока»[997].

В декабре 1898 г. в английском секторе, в Кандии, вспыхнули беспорядки между христианами и мусульманами, началась резня. Погибло около 600 критян, пострадали и английские военные. Во инициативе Великобритании великие державы вынудили турецкие войска покинуть остров[998]. С этого времени Крит контролировал интернациональный сухопутный и военно-морской контингент держав-покровительниц[999].

В декабре 1898 г. при поддержке великих держав на остров прибыл верховный комиссар, греческий принц Георг, которому была передана власть на острове. Блокада острова была прекращена, критский кризис 1895-1897 гг. миновал. 14 (26) декабря 1897 г. французский, итальянский, английский и русский адмиралы на своих флагманских кораблях вышли в море и покинули Крит[1000].

В 1905-1906 гг. на Крите разгорелось очередное восстание, организованное оппозицией. Оно было подавлено великими державами, но встал вопрос о замене верховного комиссара. Политическая борьба на острове и ошибки, допущенные принцем Георгом в проведении реформ, вынудили его уехать с Крита[1001], а его место занял известный греческий политик А. Заимис. Международные отряды окончательно покинули остров в 1909 г. Юридически Крит был присоединен к Греции в результате Балканских войн 1912-1913 гг.

---

[995] *Соколовская О.В*. Россия на Крите. С. 69.

[996] Там же. С. 71.

[997] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2322. 1901. Секретная инструкция д.с.с. барону Борису Романовичу Розену. Л. 14.

[998] *Соколовская О.В*. Россия в миротворческой акции европейских держав на Крите в 1897-1909 гг. С. 27.

[999] *Она же*. Греческая королева Ольга. С. 118.

[1000] Там же. С. 121-122.

[1001] Соколовская О.В. Россия в миротворческой акции европейских держав на Крите в 1897-1909 гг. С. 28-29.

§ 8. Вызовы начала XX в. Илинденское восстание

Начало XX века не принесло российскому внешнеполитическому ведомству долгожданных успехов на Балканах. И это несмотря на то, что в 1896 г. были восстановлены дипломатические отношения с Болгарией, а в 1903 г. на сербский престол взошел пророссийски настроенный представитель династии Карагеоргиевичей. В том же году, по мнению русского военного агента М.Н. Леонтьева, появились первые признаки ослабления антироссийских настроений в Румынии, связанные, прежде всего, с нарастающими сомнениями ее элит в возможной опоре в достижении внешнеполитических целей на Австро-Венгрию[1002], а также с беспокойством за судьбу румын в Трансильвании. Кроме того, румынское правительство, как и российское, было заинтересовано в сохранении status-quo на Балканах[1003].

Несомненно, что свою роль сыграла переориентация российского МИД с традиционного европейского на дальневосточное направление. Россия не отказалась от поддержки православных балканских народов, но, скованная системой международных договоров и нежеланием борьбы на два фронта, была вынуждена приспосабливаться к обостряющейся конкуренции между крупными международными игроками.

Чтобы иметь возможность сосредоточиться на дальневосточном направлении и не получить «сюрпризы» на Балканах, в преддверии нового века МИД пришлось активно заниматься не только решением дипломатических задач, но и внутренними делами Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества.

Дело в том, что к концу 1890-х годов, когда «уход» России с Балкан стал очевиден, к руководству организации пришли лица, желавшие активизировать ее деятельность и сделать сопоставимой с периодом начала Великого Восточного кризиса. МИД обеспокоил отчет ревизионной комиссии Славянского благотворительного общества, датированный 18 февраля 1899 г. В заключительной части этого документа была отмечена «необходимость принятия Советом таких мер, которые … должны были бы оживить общество и поставить его в уровень тем задачам, которые налагают на него самим его существованием, и тем славным именем, которое оно носит, и тем славным прошлым, которое у него есть. Славянское общество должно быть духовным вождем и нравственною опорою всему угнетенному и раздробленному политически и духовно славянству»[1004]. Ревизионная комиссия нашла, что «в собраниях славянского общества должны вырабатываться миросозерцание его членов и отношение их к волнующим славянский мир событиям и вопросам», поэтому «полагает необходимым

[1002] *Сергеев Е., Улунян А*. Не подлежит оглашению. С. 133.

[1003] *Хотькова Е.С., Ермаков С.М., Каширин В.Б.* и др. Указ. соч. С. 11.

[1004] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 5139. Переписка по делам СБО. 1899-1900. Л. 10.

поддерживать отношения со всем славянством, напоминая обществу о его широкой деятельности в период герцеговинского восстания»[1005].

Совет общества отказался осуществить все изложенные ревизионной комиссией предложения как противоречащие задачам и уставу общества[1006]. По-видимому, обстановка настолько накалилась, что 29 февраля 1899 г. председатель Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества граф Н.П. Игнатьев и весь Совет заявили о сложении своих полномочий. Как было отмечено в записке, поданной по этому поводу в МИД, «в недрах …[общества] господствуют несогласия и открытая борьба партий умеренных членов и тех, которые желают придать деятельности общества политический характер»[1007]. В Славянском благотворительном обществе прошли выборы нового председателя. Им стал полковник В.В. Комаров, известный деятель славянского движения, а его товарищами - генерал-лейтенант А.А. Киреев и А.В. Васильев. Все трое были сторонниками активных действий.

В МИД была составлена «Заметка по делу Славянского благотворительного общества в Санкт-Петербурге», где указывалось, что при таких условиях будущая деятельность Славянского благотворительного общества в Санкт-Петербурге, совершенно уклоняясь от прямого своего назначения, определенного уставом, может иметь … весьма нежелательные в политическом отношении последствия, а посему с точки зрения министерства иностранных дел казалось бы целесообразным на первых же порах положить предел развитию деятельности общества в указанном направлении временным закрытием оного. Впоследствии же, когда окажется возможным устранить всякое участие в составе общества неудобных элементов, могло бы последовать открытие общества при совершенно новом его составе и при более прямом наблюдении со стороны правительства за характером и направлением оного»[1008].

Этот документ был подан Николаю II с соответствующими комментариями графа М.Н. Муравьева. На сложившуюся ситуацию в Славянском благотворительном обществе и его действия, идущие «вразрез с прямым его назначением, определенным уставом»[1009], министр иностранных дел указал в письме от 9 апреля 1899 г. министру внутренних дел И.Л. Горемыкину. Реакция была незамедлительной. Уже на следующий день И.Л. Горемыкин сообщил М.Н. Муравьеву, что «не разрешил вновь избранному председателю – полковнику В.В. Комарову и его товарищам генерал-лейтенанту А.А. Кирееву и д.с.с. А.В. Васильеву приступить к своим

[1005] Там же. Л. 10 об.

[1006] Там же. Л. 10 об.

[1007] Там же. Л. 18.

[1008] Там же. Л. 36.

[1009] Там же. Л. 23.

обязанностям». В тот же день об этом решении был проинформирован петербургский градоначальник[1010].

Однако члены Славянского благотворительного общества и не думали сдаваться. На очередных выборах председателя, состоявшихся 16 июня 1899 г., победила кандидатура А.В. Васильева. И это несмотря на то, что МИД настоятельно советовал на должность председателя графа Н.П. Игнатьева, как человека «опытного в балканских делах»[1011]. Будучи сначала посланником, а затем послом в Константинополе в 1864-1877 гг., он был одним из тех, кто формировал балканскую политику правительства и выступал за создание независимых балканских государств, симпатизирующих России и способствующих российскому контролю над Проливами[1012]. Однако, эту рекомендацию «мятежные» члены Общества проигнорировали. Более того, в его Совете оказались и другие нежелательные для российского внешнеполитического ведомства лица. В этом факте МИД увидел «стремление нынешних заправил общества сохранить за собою и в будущем главное руководство делами оного в духе, не соответствующем задачам общества», и предположил, что «лучшим средством восстановить нормальный порядок вещей в среде Славянского благотворительного общества – … [является] временное закрытие оного»[1013]. В то же время, принимая во внимание, что «закрытие общества может вызвать ложное толкование за границей…, [предлагается] исчерпать все средства, дабы побудить членов общества вернуться к деятельности, отвечающей его прямой задаче»[1014]. Другими словами, чиновники МИД надеялись найти способ повернуть ситуацию в свою сторону, допуская крайние меры только в безвыходной ситуации.

Положение дел в Славянском благотворительном обществе и предложения о его временном закрытии были доложены императору 22 июня 1899 г. Действия своего министра иностранных дел император одобрил[1015]. Но, по-видимому, старания добиться от вновь избранного Совета общества послушания также не увенчались успехом. В результате по итогам доклада министра иностранных дел от 8 июля 1899 г. Николай II повелел отменить все действия и постановления Общества от 23, 27 февраля, 7, 14 марта и 16 июня 1899 г. и предложить лицам, избранным 27 апреля 1897 г. приступить к своим обязанностям на следующее трехлетие, а также подготовить

[1010] Там же. Л. 28-28 об.

[1011] Там же. Л. 31 об.

[1012] *Чуркина И.В.* Славянофилы и русское правительство во время Восточного кризиса 1875-1878 гг. // Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность). Сб. статей. – М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 170.

[1013] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 5139. Переписка по делам СБО. 1899-1900. Л. 41 об.-42.

[1014] Там же. Л. 42.

[1015] Там же. Л. 38.

пересмотр устава Славянского благотворительного общества[1016]. Таким образом, во главе организации вновь встал граф Н.П. Игнатьев и его сторонники.

Согласно проекту нового устава (1899), цели Общества были сформулированы, в основном, в духе культурного сотрудничества и состояли в помощи школам, церквам, просветительским учреждениям и литературным предприятиям в славянских землях, в содействии воспитанию и образованию славян обоего пола в России; в нравственной и материальной поддержке славян, развитию отношений с учеными, литературными обществами и отдельными лицами в славянских землях, в издании научных и литературных сочинений, в устройстве собраний, публичных чтений и т.д, что не исключало помощи славянам во время народных бедствий (голод, наводнение, разорение края и пр.)[1017].

А.А. Поповкин, сравнив уставы 1877 и 1900 гг., пришел к выводу, что новый документ несколько сужал «число задач организации и увеличивал власть Совета. Например, в новом Уставе не была упомянута присутствовавшая в первом параграфе прежнего задача “изыскивать средства для воспитания молодых славян … за границей”, также исчезло уточнение, поощрявшее книгообмен между Россией и зарубежными славянскими культурными центрами. Прекратил своё действие и важный пункт “в” первого параграфа устава 1877 года, предусматривавший помощь славянам, приезжающим в Россию, в “приискании занятий”. Тем самым исчезло основание для поддержки славянского переселенческого движения»[1018]. Кроме того, в отличие от Устава 1877 г., где основная роль принадлежала Общему собранию, в документе 1900 г. его место занял Совет[1019], сделав организацию более управляемой.

Желание официальной России придать Санкт-Петербургскому славянскому благотворительному обществу сугубо культурно-просветительский и благотворительный характер не смогло убедить европейцев в том, что Россия отказывается от активных действий на Балканах. Об этом свидетельствуют донесения в МИД одного из сотрудников российского консульства в Будапеште от 1 и 7 мая 1900 г., где сообщается, что «утверждение нового устава Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества вызвало появление на страницах будапештской официозной газеты «Pester Lloyd» пространной статьи, в которой обращено внимание на задачи общества, коими, согласно уставу, является развитие духовного единения славян, а равно оказание им нравственной и материальной поддержки. По словам

[1016] Там же. Л. 44-45.

[1017] Там же. Л. 47-47 об.

[1018] *Поповкин А.А*. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге (1858 – 1921). Дисс. … канд. ист. наук. – Воронеж, 2012. С. 318-319.

[1019] Там же. С. 319.

сказанной газеты, славянское общество будто бы призвано преследовать не столько благотворительные, сколько чисто политические цели»[1020].

В этом мнении отразились не столько недоверие к тому, что организация, ассоциирующаяся с одним из инструментов российского влияния на Балканах, сосредоточится исключительно на просветительских и благотворительных целях, сколько новые тенденции в понимании значения этих направлений во внешнеполитической деятельности. Эти новые тенденции стали проявляться к началу XX века, что нашло отражение в событиях до и после Илинденского восстания в Македонии и Одринской Фракии.

Как и другие порабощенные народы, входившие в состав Османской империи, христианское население Македонии в течение долгого времени боролось за свое освобождение. После русско-турецкой войны 1877-1878 гг. по условиям Сан-Стефанского мирного договора большая часть территории Македонии должна была войти в состав Болгарии, но под давлением великих держав этого не произошло. Берлинский трактат, оставив Македонию в составе Османской империи и продекларировав реформы в интересах христианского населения, породил так называемый «македонский вопрос». Россия, верная стремлению как можно дольше не допускать серьезных политических осложнений на Балканах и в Европе, не могла оставить без внимания эту проблему и была вынуждена искать выход в русле своей балканской политики[1021]. На короткий период ее союзницей в этом вопросе становится Австро-Венгрия.

Несмотря на благие пожелания европейцев, положение Македонии после Берлинского конгресса существенно осложнилось. Новые независимые балканские государства, подталкиваемые европейскими политиками, стали вынашивать планы увеличения своей территории за ее счёт[1022]. Борьба между Греций, Болгарией и Сербией, за эту часть «османского наследства» еще больше дестабилизировала обстановку в регионе.

Политика османских властей в Македонии не давала возможности развиваться экономике и торговле, что вело к обнищанию христианского населения, состоявшего, в основном, из сельских жителей. Внутреннюю ситуацию усугубляло то, что после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в Македонию хлынуло большое количество беженцев-мусульман из Болгарии, Сербии, Боснии и Герцеговины. Турецкие власти направляли их в христианские села, жители которых были обязаны кормить пришельцев и предоставлять им кров[1023]. Часть беженцев образовала банды, грабившие и терроризировавшие местное христианское население. Македонцы пытались

[1020] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 5139. Переписка по делам СБО. 1899-1900. Л. 55 об.

[1021] *Сквозников А.Н*. Македония в конце XIX – начале XX века – «яблоко раздора» на Балканах. – Самара, 2020. С. 7-8.

[1022] *Ямбаев М.Л.* Македония в 1878-1912 гг. // В «пороховом погребе» Европы. С. 297.

[1023] *Сквозников А.Н*. Указ. соч. С. 38.

сопротивляться, периодически вспыхивали вооруженные восстания, жестоко подавлявшиеся турками[1024].

В октябре 1893 г. в Салониках была создана Македонская революционная организация (позже она несколько раз меняла свое название, а с 1905 г. называлась Внутренняя македонско-одринская (адрианопольская) революционная организация (ВМОРО)), поставившая своей целью автономию Северной Македонии. По мнению её основателей, средством достижения этой цели было всеобщее вооруженное восстание македонцев против турецкого владычества. Эта заговорщическая организация знала периоды взлета и падения, в достижении своих целей, в частности, в сборе средств, не гнушалась никакими методами, включая террор и провокации. Она получила поддержку в Болгарии, где с 1894 г. легально действовал Верховный македонский комитет, также поддерживавший борьбу за автономию Македонии[1025]. ВМОРО стала быстро расширяться путём создания местных революционных комитетов и к 1903 г. имела разветвленную конспиративную сеть в Македонии и отделения в Константинополе, Афинах и Софии[1026].

Христианское население Македонии оказалось заложником противоборства различных сил. Донесения русского консула в Битоли А.А. Ростковского послу в Константинополе И.А. Зиновьеву дают представление о повседневной жизни македонцев. Так, 16 января 1903 г. дипломат сообщил, что к нему в консульство «являются чуть ли не каждый день жители разных сёл с жалобами на неистовства солдат, грабящих дома, насилующих женщин и т.п. … Вообще положение жителей сел отчаянное. С одной стороны, они страдают от посещения турецких солдат, уносящих с собою все, что им попадется под руку, и к тому же подвергающие пыткам жителей с целью узнать, где скрываются инсургенты, с другой стороны, бесчисленные революционные банды, постоянно увеличивающиеся в числе, отнимают у жителей последние крохи. Если к этому прибавить, что солдаты всякий раз при встречах с инсургентами поджигают дома [местных жителей], то неудивительно, что лишенные крова и всего имущества селяне бродят толпами и вымаливают пропитание у таких же нищих, как и они сами»[1027]. В донесении от 16 апреля того же года А.А. Ростковский добавил, что «турецкие власти, озлобленные своею неудачею [в поимке повстанцев], вымещают свою злобу на жителях тех сел, из коих они сами по

[1024] *Ямбаев М.Л.* Указ. соч. С. 297-298.

[1025] *Сквозников А.Н.* Указ. соч. С. 51.

[1026] *Ямбаев М.Л.* Указ. соч. С. 302-303.

[1027] Новые документы о положении в Битольском вилайете в 1903 г. (из донесений русских консулов) // Славянский архив. Сборник статей и материалов. – М., 1963. //

Url.: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XX/1900-1920/Bitol_1903/text.phtml?id=9097 (дата обращения: 20.10.2020).

своей бездарности выпустили инсургентов, арестовывая и сажая их массами в тюрьму по обвинению в содействии революционерам»[1028].

Еще одной проблемой, волновавшей российских дипломатических представителей, была активность католических миссионеров, использовавших проблемы и страхи местного населения для достижения своих целей. В мае 1903 г. консул А.А. Ростковский сообщил И.А. Зиновьеву, что «здешние французские католические священники, а также, как говорят, и австрийский консул, советуют болгарам принять унию, обещая в таком случае свое покровительство. Лазаристы[1029] громогласно заявляют, что, в случае повторения в Битоли резни, их духовная миссия и католические консульства откроют свои двери и предоставят убежище только принявшим унию, которые вместе с тем перестанут быть подозрительными в глазах турецких властей. … Эта последняя перспектива соблазнила двух болгар, находящихся в тюрьме…, и они подали заявление…, что желают принять унию. Болгарский митрополит, узнав об этом, прилагает все старания, чтобы подавшие заявления не были освобождены, так как это может соблазнить и других…»[1030].

Основным фактором, влиявшим на принятие решения о переходе в католичество, были материальные проблемы местных жителей, о чем А.А. Ростковский также сообщил в российское Константинопольское посольство: «высокопреосвященный Григорий обратился к экзарху с просьбою прислать ему денег для оказания помощи нуждающимся, число коих ежедневно увеличивается… Не имея никакой работы, и взрослые здоровые мужчины вынуждены вымаливать себе пропитание. Местные источники для оказания помощи бедным уже иссякли, и поэтому митрополит вынужден обратиться за содействием к экзарху, опасаясь, что, в противном случае, католические священники воспользуются безвыходным положением жителей для цели своей пропаганды»[1031].

В июне 1903 г. А.А. Ростковский доложил послу об успехах среди болгар католической пропаганды в Битоли, где местный начальник католической миссии уже готовил прошение генерал-губернатору о признании в городе униатской общины. При этом консул подчеркнул, что «движение среди болгар в пользу перехода в унию не ограничивается одним городом Битоли, а распространяется и по селам: слухи ходят, что уже 200 семейств… согласны сделаться

[1028] Там же.

[1029] Католическая конгрегация (орден).

[1030] Новые документы о положении в Битольском вилайете в 1903 г. (из донесений русских консулов) // Славянский архив. Сборник статей и материалов. – М., 1963. //

Url.: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XX/1900-1920/Bitol_1903/text.phtml?id=9097 (дата обращения: 20.10.2020).

[1031] Там же.

униатами… Католические священники стараются всеми силами поддержать среди населения идею, что всякий униат пользуется особым покровительством в лице французского консула, и поэтому избавляются от произвола местных властей»[1032].

Таким образом, неспособность турецких властей обеспечить даже базовые потребности христианского населения Македонии – физиологические (кров, одежда, пропитание) и безопасность – постоянно подталкивали его к активным действиям. Агитация ВМОРО падала на благодатную почву. Осенью 1902 г. началось Горноджумайское восстание, быстро и жестоко подавленное турками. Это событие ожидаемо привлекло внимание дипломатии иностранных держав, в первую очередь, Австро-Венгрии и России. Как альтернатива вооруженной борьбе за освобождение Македонии ими был предложен план создания автономии под управлением турецкого паши (Венская программа), который позже был дополнен и развит в Мюрцштегском соглашении[1033].

Оживление европейской дипломатии после Горноджумайского восстания породило у части революционеров уверенность, что настало благоприятное время для нового, более масштабного восстания, которое заставит великие державы действовать в македонском вопросе намного активнее. Инсургенты начали его подготовку[1034].

Апрельские донесения 1903 г. консула А.А. Ростковского показывают, что неудачи реформ, саботируемых местными властями, и неспособность турецких войск справиться с инсургентами весьма успешно использовались революционными элементами для укрепления своего авторитета и подстрекательства селян к восстанию. Подготовка к вооруженным столкновениям велась даже в болгарской гимназии, где ученики под руководством учителей (практически все они были членами ВМОРО)[1035] обучались обращаться с оружием. Противодействие турецким властям поддерживала и болгарская церковь. Охридский митрополит Мефодий, по сведениям А.А. Ростковского, «всегда относился очень сочувственно к революционным комитетам и поддерживал с ними самые дружеские отношения»[1036].

[1032] Там же.

[1033] *Ямбаев М.Л.* Указ. соч. С. 309-310.

[1034] Там же. С. 310-311.

[1035] *Ямбаев М.Л.* Болгаро-македонское революционное движение на рубеже XIX–XX вв. Отношения Болгарии и официальной России // Общественные движения у народов Юго-Восточной Европы и России в XVIII–начале XX в. – М.: ЛЕНАНД, 2011. С. 164.

[1036] Новые документы о положении в Битольском вилайете в 1903 г. (из донесений русских консулов) // Славянский архив. Сборник статей и материалов. – М., 1963. //

Url.: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XX/1900-1920/Bitol_1903/text.phtml?id=9097 (дата обращения: 20.10.2020).

Поводом к восстанию стала резня христианского населения Салоник и Битоля, устроенная турками в ответ на серию террористических актов. Оно началось 20 июля (2 августа) 1903 г., в Ильин день, в Битольском вилайете и вошло в историю как Илинденское. Балканские государства инсургентов не поддержали. Европейские дипломаты заняли выжидательную позицию.

Российский МИД короткое время колебался в принятии решения: русский посол в Софии в 1897-1905 гг. Ю.П. Бахметьев настаивал на помощи Македонии, а русский посол в Константинополе в 1897-1909 гг. И.А. Зиновьев – на суровом подавлении македонского восстания[1037]. Официальный взгляд на македонские события российского МИД отражен в заявлении министра иностранных дел графа В.Н. Ламздорфа от 1 (14) августа 1903 г., где говорилось о необходимости «предотвратить всякую возможность быть втянутыми в происходящую распрю каким-либо непосредственным активным действием»[1038].

Не получив желаемую поддержку, 2 октября 1903 г. повстанцы принимают решение прекратить борьбу, однако, в отдельных районах вооруженные столкновения наблюдались до начала ноября. Началась массовые расправы турок с христианским населением, более 20 000 беженцев вынуждены были искать спасения в Болгарии, Сербии, Черногории. Связанное с этим ухудшение гуманитарной ситуации в сопредельных с Македонией государствах потребовало от их правительств значительных усилий.

Оставшееся в Македонии православное население было поставлено на грань выживания. Управляющий консульством в Битоли Н.В. Кохманский 18 октября 1903 г. написал об этом послу И.А. Зиновьеву: «Положение христианского населения вилайета продолжает быть крайне тяжелым, несмотря на то, что восстание прекратилось и сражений больше не происходит… Зато отряды [турецких] войск бродят без всякой надобности… и под видом розыска скрываемого якобы селянами оружия творят повсеместно страшные насилия и грабят решительно всё, что находится под руками, в особенности съестное, причем режут сельский скот…, конечно, не уплачивая за него владельцам ни гроша. Мало-мальски не предупредительное отношение к таким насилиям со стороны христиан, осмеливающихся иногда протестовать или пробующих защищать свое имущество от грабителей, наказывается последними яростными побоями, достающимися даже на долю женщин и детей. Всё это происходит в присутствии офицеров, а иногда и представителей местной гражданской администрации… Австрийский консул и я не

[1037] *Ямбаев М.Л.* Македония и Россия (1897-1902 гг.). Дисс. … на соискание канд. ист. наук. – М., 2004. С. 4.

[1038] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. 1903. Д. 1321. Л. 219.

перестаем представлять главному инспектору о каждом случае в отдельности, но … улучшения положения в вилайете совершенно не замечается…»[1039].

Положение македонцев после разгрома Илинденского восстания нашло отклик в Европе. Стало ясно, что ситуация накалена настолько, что «достаточно незначительного события на Балканах, чтобы в движение пришли все силы, имеющие интерес в регионе, … с непредсказуемым концом»[1040]. Не последнюю роль в этих процессах играли гуманитарные проблемы. Единственным выходом казалось ускорение реформ. В подписанном в начале октября 1903 г. Россией и Австро-Венгрией Мюрцштегском соглашении, Османской империи было предложено, кроме проведения ряда политических и административных реформ в Македонии, вернуть беженцев и оказать им финансовую помощь: им причитались выплаты на восстановление жилищ, хозяйства, школ, храмов. Христианские селения, уничтоженные в ходе военных действий, предполагалось освободить от уплаты налогов. Все финансовые выплаты осуществлялись под контролем Вены и Петербурга[1041].

Эти меры должны были восстановить как социальное, так и этническое и конфессиональное равновесие, а также не допускать необоснованной жестокости по отношению к мирному населению.

Компания в защиту христианского населения Македонии развернулась во всех славянских странах, в Англии, Италии, Франции. В пострадавшие от военных действий районы были отправлены многочисленные благотворительные миссии. Следует отметить, что их деятельность протекала не в самых благоприятных условиях. Об этом консул Н.В. Кохманский упомянул в донесении в Константинополь от 29 октября 1903 г., сообщив, что военные отнимают у христианского населения даже «вещи, раздаваемые ныне … от разных интернациональных благотворительных обществ; так, в Охридской казе американский агент снабжает пострадавшее население тёплым платьем и одеяниями, которые немедленно же отбираются проходящими через данное село солдатами»[1042].

[1039] Новые документы о положении в Битольском вилайете в 1903 г. (из донесений русских консулов) // Славянский архив. Сборник статей и материалов. – М., 1963. //

Url.: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XX/1900-1920/Bitol_1903/text.phtml?id=9097 (дата обращения: 20.10.2020).

[1040] *Сквозников А.Н*. Указ. соч. С. 73.

[1041] *Крючков И.В*. Указ. соч. С. 18.

[1042] Новые документы о положении в Битольском вилайете в 1903 г. (из донесений русских консулов) // Славянский архив. Сборник статей и материалов. – М., 1963. //

Url.: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XX/1900-1920/Bitol_1903/text.phtml?id=9097 (дата обращения: 20.10.2020).

Россия, занятая дальневосточными проблемами, среагировала не сразу. Среди причин этого явления были опасения (как и в период Великого Восточного кризиса), что гуманитарная помощь может быть истолкована европейцами как содействие инсургентам, а революционные элементы, в свою очередь, смогут ее использовать для решения своих задач[1043]. По мнению В.Н. Ламздорфа, только заявив официально свое отношение к событиям на Балканском полуострове, Россия могла бы, «без опасения, что ее человеколюбивые намерения были истолкованы как поощрение революционной деятельности македонских комитетов, и тем послужат помехой к умиротворению края, обратить внимание на тяжелое положение мирного населения, вовлеченного в смуту угрозами и лживыми уверениями вожаков, и озаботиться помощью жертвам восстания»[1044].

Кроме европейского общественного мнения, российское правительство волновала и позиция населения Империи, сочувственно относившегося к стремлению македонцев к освобождению от турецкого ига. В этой связи была поставлена задача «изыскать средства к предупреждению возможности недобросовестным лицам эксплуатировать это сочувствие в свою пользу или обратить жертвуемые русским народом деньги на помощь революционному делу»[1045].

Именно поэтому к организации российской гуманитарной помощи македонцам, пострадавшим от военных действий, в том числе беженцам, на официальном уровне приступили только с конца октября 1903 г., в чем явно отставали от европейцев. На этот факт, как мы увидим ниже, русские консулы не раз обращали внимание своего руководства.

Время шло, а помощь из России в Македонию так и не поступала. ГУ РОКК не предпринимал никаких действий до тех пор, пока внешнеполитическое ведомство не определилось с тактикой в гуманитарной сфере. Одним из поводов к началу активных действий этой благотворительной организации послужило письмо управляющего МИД князя В.С. Оболенского-Нелединского-Мелецкого от 26 сентября 1903 г. с сообщением, что «в Санкт-Петербург прибыли несколько дней тому назад члены образовавшегося в Болгарии общества для оказания благотворительной помощи пострадавшим во время последних смут македонцам, профессора Софийского университета Иван Георгов и Любомир Милетич, с целью испросить дозволения императорского правительства на организацию в России сбора пожертвований в пользу нуждающихся жителей Македонии, посредством распространения воззваний и других соответствующих мер. По докладу о сем государю императору, … [ему] благоугодно было всемилостивейше соизволить на удовлетворение ходатайства упомянутых лиц и одобрить вместе с тем высказанное

[1043] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 5225. Л. 26 об.

[1044] Там же. Л. 26.

[1045] Там же. Л. 26 об.

министерством иностранных дел соображение о необходимости придать с очевидностью для всех делу сбора пожертвований и распределения их характер исключительно благотворительный. В виду сего, полагая, что таковое условие было бы лучше всего осуществлено в том случае, если бы императорское общество Красного Креста взяло на себя заботы по сему предмету»[1046]. Далее следовала просьба о докладе по сему предмету августейшей покровительнице РОКК. Содержание письма князя В.С. Оболенского-Нелединского-Мелецкого было доложено по телеграфу императрице Марии Федоровне, находившейся в гостях у родственников в Копенгагене. Этим же способом было получено и ее разрешение[1047].

Обстоятельный доклад императрице Марии Федоровне о ситуации в Македонии председатель ГУ генерал-адъютант Н.И. Казнаков смог сделать только в середине октября 1903 г., когда она вернулась в Россию. Тогда же он сообщил и о письме принцессы Клементины Саксен-Кобургской (матери князя Фердинанда Болгарского) от 14 (27) октября 1903 г. на имя императрицы Марии Федоровны. Как уже упоминалось, одной из серьезных социальных проблем по окончании восстания были беженцы. Большая их часть находилась в Болгарии[1048]. Принцесса Клементина Саксен-Кобургская взяла на себя координацию помощи беженцам. Когда их количество к осени 1903 г. резко увеличилось, принцесса Клементина Саксен-Кобургская обратилась к европейским монархам, в том числе императрице Марии Федоровне, с личными письмами, в которых попросила «отнестись с милостивым участием к положению приютившихся в Болгарии обездоленных христиан из Македонии»[1049].

По итогам доклада императрице генерал-адъютант Н.И. Казнаков получил разрешение «на открытие во всех учреждениях общества Красного Креста сбора пожертвований в пользу пострадавших во время последних смут в Македонии», причем часть от предстоящих сборов было решено «перевести в распоряжение принцессы Клементины на нужды христиан, проживающих в Болгарии»[1050].

23 октября 1903 г. состоялось заседание ГУ РОКК, объявившее о начале сбора средств[1051]. Установленным порядком ГУ РОКК обратилось в МВД и Св. Синод с ходатайством о разрешении «произвести по всем церквам Империи кружечный сбор на … доброе дело», которое было удовлетворено[1052]. 29 октября 1903 г. товарищ министра внутренних дел П.Н. Дурново

[1046] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. 1421. О помощи жителям Македонии. 1903-1904. Л. 2-2 об.

[1047] Там же. Л. 5.

[1048] Там же. Л. 41 об.

[1049] Там же. Л. 6.

[1050] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 485. Д. 5225. О сборе пожертвований в России в пользу македонцев. 1903. Л. 6-7.

[1051] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. 1421. О помощи жителям Македонии. 1903-1904. Л. 6.

[1052] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 5225. Л. 26 об.

сообщил, что «министерство … не преминет безотлагательно циркулярно предложить губернаторам и градоначальникам об оказании … содействия в этом деле и к распространению в пределах Империи соответствующих воззваний»[1053].

Система сбора пожертвований была продумана таким образом, чтобы обеспечить строжайший контроль за движением средств на всех этапах. 4 ноября 1903 г. МВД направило циркулярные письма губернаторам, начальникам областей, градоначальникам и обер-полицмейстерам, где было разъяснено, что собираемые средства, по мере поступления, даже небольшими суммами, через ГУ РОКК будут немедленно направляться в распоряжение российских консулов в Македонии для распределения между нуждающимися. Пример своим подданным подал Николай II, пожертвовавший 10 000 руб. для раздачи пострадавшим[1054].

Проявило активность и Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество. Оно также обратилось в Св. Синод, который, «приняв во внимание бедственное положение македонских славян, разоренных происходящими в Турции событиями», определил, «сохранив и впредь разрешенный Санкт-Петербургскому славянскому благотворительному обществу церковный сбор “в пользу нуждающихся славян”, разрешить, независимо от него, произвести сбор пожертвований в пользу страдающих македонских славян по всем церквам Империи» в один из воскресных дней на усмотрение епархиальных начальств. Причем, перед производством сбора священникам надлежало разъяснять его назначение, а полученные пожертвования, в соответствии с циркулярами МВД, направлять «без промедления … в распоряжение Российского общества Красного Креста»[1055].

Слаженные действия МИД, МВД и Св. Синода свидетельствуют как об официальном курсе на поддержку пострадавшего македонского населения, так и о том, что активность российской общественности в этом вопросе, по мнению официального Петербурга, должна была сосредоточиться вокруг двух организаций – РОКК и Петербургского славянского благотворительного общества.

Первые результаты благотворительных сборов были достигнуты к началу 1904 г.: из справки, представленной ГУ РОКК в МИД следует, что по данным на 17 января в пользу пострадавших македонцев было собрано и отправлено (6 и 10 января) в российское посольство в Константинополе 2 826, 46 руб. К началу марта в кассу ГУ поступило уже 22 970 руб. Из них было передано в МИД «для направления по принадлежности» 255,23 руб., императорскому послу в Константинополе 3 583,96 руб. (с учетом предыдущей суммы), а также в Петербургское

[1053] Там же. Л. 13.

[1054] Там же. Л. 15, 26.

[1055] Там же. Л. 16-16 об.

славянское благотворительное общество в пользу беженцев – 230, 10 руб. Таким образом, за четыре месяца с конца октября 1903 по 1 марта 1904 г., было израсходовано 10 049, 29 руб., а в кассе ГУ РОКК оставалось 12 921. 55 руб.[1056].

Бюрократическая машина раскручивалась очень медленно, собранные средства растворялись, как капля в море. Тем временем гуманитарная ситуация в Македонии стала ухудшаться. К социальным проблемам добавились эпидемиологические. В ноябре 1903 г. Н.В. Кохманский докладывал послу И.А. Зиновьеву, что среди населения распространяется эпидемия натуральной оспы, принимающая угрожающие размеры. Турецкие власти не проводили санитарных мероприятий и фактически оставили население без медицинской помощи. Н.В. Кохманский полагал, что «является крайне необходимым командирование в наш вилайет на предстоящий зимний сезон европейских летучих врачебно-санитарных отрядов и в этом отношении помощь нашего Общества Красного Креста, располагавшего обширным персоналом врачей, сестёр и братьев милосердия и легко могущего навербовать самоотверженных добровольцев для такой высокой цели как оказание помощи гибнущему в беспомощном состоянии единоверному и единоплеменному населению Македонии, могла бы оказать громадное влияние в политическом смысле, так как сильно подняла бы престиж России среди македонцев, крайне отзывчивых к участливому отношению к их острым нуждам»[1057].

Спустя месяц, развивая тему неспособности турецких властей бороться с эпидемией оспы, основным рассадником которой являются тюрьмы, российский консул В.Ф. Каль обратил внимание И.А. Зиновьева, что большую помощь в борьбе с эпидемиями населению Македонии оказывают иностранные благотворительные общества, в основном, английские. Они лечат больных бесплатно, устаивают склады хлеба, провианта и тёплого платья. По подсчётам российского консула, на эти цели было истрачено более 8 000 фунтов стерлингов[1058]. Сравнивая масштабы иностранной и отечественной помощи, консул В.Ф. Каль пишет о том, что «наряду с широкою благотворительностью англичан, американцев, французов, болгар, а также сербов и греков невольно поражает безучастие России. До сегодняшнего дня пожертвованы и доставлены во вверенное мне консульство только 55 турецких лир, из них 100 руб. (11, 5 лир), присланные из России Одесским благотворительным обществом[1059].

Еще одним поводом для беспокойства российских дипломатических представителей в Македонии стала инославная пропаганда, тесно увязанная с благотворительной деятельностью.

[1056] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1421. О помощи жителям Македонии. 1903-1904. Л. 43.

[1057] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 5225. Л. 20-20 об.

[1058] Там же. Л. 37.

[1059] Там же. Л. 20 об.

В донесении консула В.Ф. Каля отмечалось, что иностранные благотворительные организации преследуют не только гуманистические цели, но и ведут католическую пропаганду[1060], что затрудняло реализацию официальной политики российского МИД на поддержку православия и православных народов в регионе. В уже упомянутом донесении Н.В. Кохманского указывалось, что «католическими духовными учреждениями в Битоли и Солуни командируются в пункты, где оспенная эпидемия особенно свирепствует, сёстры милосердия, а так как у католиков на Востоке всякое благотворительное дело сопровождается религиозной пропагандою и имеет ее как основную цель, то и в этом случае результатом посещения сёстрами православных сел надо ожидать усиления униатского движения»[1061]. При этом Н.В. Кохманский выражал уверенность, что «участие нашего Красного Креста [в борьбе с эпидемиями] могло бы само по себе удержать македонцев от навязывания им отпадения от Православной Церкви»[1062].

Инославную пропаганду среди македонцев вели и протестанты. Дипломатический агент в Софии Ю.П. Бахметьев 11 января 1904 г. сообщил в МИД, что считает «нелишним присовокупить в виде характеристики протестантской пропаганды в православных странах, что американские миссионеры … раздают беженцам отличные одеяла и другие полезные вещи, но только под условием, чтобы они записались как неофиты в протестантизм; эти записи, как бы фиктивны они ни были, препровождаются в центральную организацию в Америке, и миссионеры получают поголовную премию за каждого “новообращенного”»[1063].

Эти донесения были внимательно изучены в МИД, о чем свидетельствует проект письма послу в Константинополе И.А. Зиновьеву, датированный январем 1904 г. В нем говорилось, что католические и частные английскими благотворительными обществами, используя бедственное положение македонских христиан, склоняют последних к переходу в унию. При таких условиях, по мнению дипломата, «отсутствие со стороны России помощи … не соответствует нашим политическим видам, и восстановление нарушенного в этом отношении не в нашу пользу равновесия должно быть признано делом неотложной надобности»[1064]. Автор проекта указывал, что задачу восстановления равновесия могло бы выполнить общество Красного Креста, а финансирование его деятельности предполагалось осуществить в счёт сбора средств по всенародной подписке[1065].

[1060] Там же. Л. 37.

[1061] Там же. Л. 20 об.

[1062] Там же. Л. 20 об.

[1063] Там же. Д. 2524. Л. 6.

[1064] Там же. Д. 5225. Л. 42-42 об.

[1065] Там же. Л. 43.

Как известно, санитарные отряды Русского Красного Креста в Македонию отправлены не были, так как в медицинском персонале нуждалась русская армия, отправленная на Дальний Восток. Однако с января 1904 г. материальная помощь македонцам, пострадавшим во время и после Илинденского восстания, стала поступать регулярно.[1066].

Материалы, сохранившиеся в российских архивах, позволяют нам сопоставить масштабы материальных разрушений в наиболее пострадавшем Битольском вилайете с объемами гуманитарной помощи, предоставленной РОКК и славянскими организациями.

Основываясь на уже упомянутом положении Мюрцштегского положения, содержавшем требование к турецкому правительству выделить средства на восстановление разрушенных во время восстания жилищ, школ и культовых сооружений христиан, возвращение беженцев, а также выдачу пособий, посол И.А. Зиновьев поручил консулу Н.В. Кохманскому оценить масштабы ущерба. Это было важно еще и потому, что контроль за расходованием этих средств возлагался на российского и австрийского генеральных консулов в Македонии[1067].

В докладной записке от 25 октября 1903 г. российский представитель в Битоли сообщил, что приблизительное число сожженных частных домов составляет 8 000 единиц, а материальные потери оцениваются в 287 500 лир. На восстановление 26 зданий училищ, по его подсчётам, требовалось около 1 215 лир. Кроме того, ущерб в 5 500 лир был нанесен 25 разрушенным церквам и около 600 лир монастырю Всех святых в Охридской казе[1068].

Турецкие власти, следуя под давлением России и Австро-Венгрии Мюрцштегскому соглашению, постановили выдавать пострадавшему христианскому населению (старикам от 60 лет, женщинам и детям до 16 лет) по 15 пиастров в течение четырех месяцев. Однако, по мнению Н.В. Кохманского, это пособие не соответствовало действительным нуждам селян, «лишенных нынешнего урожая, спаленного в полях, скота, угнанного турками, … 15 пиастр недостаточно для месячного пропитания, принимая во внимание сильно поднявшуюся дороговизну жизни под влиянием последних событий; помимо этого, совершенно произвольно назначен срок раздачи вспомоществования на 4 месяца, т.е. кончая серединою февраля, когда здесь ещё полная зима, и всё та же голодная нужда будет по крайней мере до середины апреля»[1069]. Российский дипломат

[1066] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1441. О помощи населению Македонии, пострадавшему от смуты 1903-1905 годов. 1906-1908. Л. 53.

[1067] *Сквозников А.Н.* Указ. соч. С. 81.

[1068] Новые документы о положении в Битольском вилайете в 1903 г. (из донесений русских консулов) // Славянский архив. Сборник статей и материалов. – М., 1963. //

Url.: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XX/1900-1920/Bitol_1903/text.phtml?id=9097 (дата обращения: 20.10.2020).

[1069] Там же.

считал, что «было бы более соответствующим назначить пособие не менее как по 20 пиастр ежемесячно старикам, женщинам и детям (т.е. приблизительно 2/3 общего числа пострадавших) и непременно на полгода; таким образом, считая в среднем всего не менее 7 душ на каждые 8 тыс. домов, определиться, что выдаче вспомоществования подлежат около 30 тыс. душ по 20 пиастров на 6 месяцев; итак, потребная на вспомоществование населению сумма выражается в 36 тыс. лир»[1070].

Сделав эти подсчёты, Н.В. Кохманский представил в российское посольство в Константинополе приблизительную смету расходов на восстановление разрушенных домов и социальных объектов, а также пособие населению. Он указал, что «во исполнение турецким правительством поставленных Россией и Австро-Венгрией требований для Битольского вилайета требуется 230 815 лир, в том числе, на восстановление сожженных домов 187 500 лир, училищ – 1215 лир, церквей – 5 500, монастырей – 600 лир, на вспомощетвование населению 35 000 лир. Итого: 230 815 лир»[1071]. В пересчёте на российскую валюту того времени речь идет о восполнении ущерба на 2 007 086,96 руб., из которых пособия населению должны были составить не менее 304 347, 82 руб.

Отчет ГУ РОКК о предоставлении помощи Македонии за 1903-1908 гг. позволяет нам оценить, что и в каких объемах было сделано за этот период. Всего с конца 1903 г. по 1 января 1908 г. на помощь населению Македонии, «пострадавшему от смут», через внешнеполитическое ведомство было перечислено 59 525 руб.[1072], то есть 6 845,37 лир. Неизрасходованными по данным на 1 января 1908 г. остались 32 897.9 руб.[1073] (3 783, 25 лир), то есть немногим больше половины пожертвований.

В 1903-1904 гг. в ГУ РОКК от частных лиц и организаций поступило 57 898. 55 руб.[1074], переданных в МИД. Большая их часть, а именно 45 454.77 руб., в течение 1903–1906 гг. были направлены послу в Константинополе и распределены между дипломатическими агентами на местах.

Порядок выдачи благотворительных сумм был определен подробной инструкцией графа В.Н. Ламздорфа от 15 декабря 1903 г., где указывалось, «во избежание всяких ложных толков, поручить раздачу пособий нашим консульским представительством в Македонии при ближайшем участии их иностранных сотоварищей (подчеркнуто в оригинале – Г.Ш.). Принципы

[1070] Там же.

[1071] Там же.

[1072] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1441. О помощи населению Македонии, пострадавшему от смуты 1903-1905 гг. 1906-1908. Л. 53.

[1073] Там же. Л. 58 об.

[1074] Там же. Л. 10 об.

широкого контроля в этом деле необходимо сохранить и теперь, но в виду предстоящего учреждения особой комиссии для оказания денежной помощи пострадавшим македонцам, – как это установлено в инструкции гражданским комиссаром при генеральном инспекторе областей Европейской Турции – всего правильнее передавать пожертвования из России в ее заведование. Вследствие сего мною было сделано распоряжение о направлении всех поступающих в пользу македонцев через посредство Красного Креста и из других источников сумм во вверенное Вам посольство, которое, в свою очередь, не откажет переслать их по мере надобности нашему гражданскому комиссару»[1075]. Кроме того, в МИД было оставлено 6 256.23 руб., а в дипломатическое агентство в Софии передано 5 667.5 руб. (15 000 франков), обещанных принцессе Клементине Саксен-Кобургской [1076].

Со средствами, предназначенными матери болгарского князя для помощи болгарским беженцам, вышло недоразумение. Принцесса Клементина была известным благотворителем и возглавляла общественное движение в Болгарии в помощь македонским беженцам. Несмотря на то, что на ее обращение императрица Мария Федоровна ответила собственноручным письмом и известила, что часть собранных в России пожертвований в пользу македонцев будет направлена нашим консулам в Македонию, а другая в распоряжение принцессы[1077], матери болгарского князя пришлось довольно долго ждать и даже добиваться обещанного. Принцесса Клементина, равно как и князь Фердинанд, были вынуждены неоднократно обращаться в российское дипломатическое агентство с запросами по этому поводу.

Г.Г. Лермонтов письмом от 16 февраля 1904 г. сообщил об этом в министерство и заметил, что «с нашей стороны было бы неловко не исполнить данного императрицей обещания, о котором в свое время было крупным шрифтом пропечатано во всех болгарских газетах»[1078]. Недоразумение следовало срочно устранить. Министр иностранных дел В.Н. Ламздорф обратился к генерал-адъютанту Казнакову с вопросом, «какие распоряжения последовали по сему предмету и когда можно ожидать доставление суммы, имеющей поступить в распоряжение августейшей матери князя Болгарского»[1079]. Председатель ГУ РОКК Казнаков 2 марта 1904 г. известил министра иностранных дел, что по распоряжению императрицы Марии Федоровны из числа пожертвований, поступивших в кассу ГУ в помощь пострадавшим македонцам, выделено 15 000 франков[1080]. Вексель для дипломатического агентства в Софии был передан в МИД на

[1075] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 485. Д. 5225. Л. 26-27.

[1076] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1441. Л. 10 об.

[1077] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 2524. Л. 12.

[1078] Там же. Л. 12-12 об.

[1079] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. 1421. О помощи жителям Македонии. 1903-1904. Л. 41-41 об.

[1080] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 2524. Л. 17.

следующий день[1081], а средства доставлены по назначению 18 апреля[1082]. Мы полагаем, что этот случай был обусловлен человеческим фактором. О распоряжении императрицы либо забыли, либо дожидались дополнительных указаний.

Анализ основных статей благотворительных расходов за 1904-1907 гг., зафиксированных в отчетах, представленных в МИД, показывает, что на благотворительные деньги поддерживались, прежде всего, местные православные организации: греческая, болгарская и сербская общины в Призрене, сербская община в Приштине, больницы в Солуни, благотворительные общества, греческие и болгарские церкви и школы, а также выдавались мелкие пособия нуждающимся[1083].

Например, российское императорское посольство в Константинополе в течение 1903-1906 гг. из сумм РОКК выдало мелких пособий христианским семьям на 1 303, 64 руб., болгарским и греческим церквам в шести серах, трех монастырях – 295.82 руб., греческой, сербской и болгарской общинам в Солуни – 1 586.46 руб., греческой школе в Корице – 12.86 руб., болгарской гимназии в Солуни – 17.44 руб., благотворительным обществам в Солуни: болгарскому 87.1 руб., греческому 61.04 и 26.16 руб.; германскому 8.72 руб.; больницам в Солуни – городской – 87.25 руб. и итальянской 39.41 руб. и т.д.[1084]. В 1907 г. посольством было истрачено 5 827.92 руб.[1085].

Как и было предписано министром иностранных дел, часть средств была передана российскому гражданскому агенту в Македонии Н.Н. Демерику. Из его отчета видно, что в 1904 г. из сумм РОКК поступило 2 965.01 руб., а израсходовано – 377.71 руб.[1086], что можно считать весьма скромным вкладом в развитие гуманитарной сферы. Эти средства были истрачены на поддержку болгарских и греческих общин, монастырей, церквей и школ. В 1905 г. приход и расход возросли до 5 383.08 и 1 238.38 руб.[1087] соответственно. В следующем году расход снизился до 205.42 руб.[1088], а назначение платежей осталось прежним.

Материальная помощь населению Македонии оказывалась до 1908 г.[1089], потом она была приостановлена.

Поддержка македонских беженцев была организована и в Болгарии. Кроме российского дипломатического агентства ее оказывало Петербургское Славянское благотворительное

[1081] Там же Л. 22.

[1082] Там же. Л. 28.

[1083] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1441. Л. 10 об.

[1084] Там же. Л. 42.

[1085] Там же. Л. 44.

[1086] Там же. Л. 21 об.

[1087] Там же. Л. 24 об.

[1088] Там же. Л. 26 об.

[1089] Там же. Л. 53.

общество, выделившее в помощь народу Македонии 10 000 руб. В отчете Общества отмечено, что в 1903-1904 гг. на эти средства была оказана помощь, в основном, вещами, 2 064 беженцам в Бургасе и его окрестностях[1090]. В 1905 г. Петербургское Славянское благотворительное общество смогло собрать в пользу македонских беженцев 236.10 руб.[1091].

При императорской миссии в Софии был образован благотворительный комитет помощи беженцам под покровительством жены посланника Марии Бахметьевой. Средства на эти цели в 1903 г., согласно отчету «О суммах для подачи помощи христианским семействам, бежавшим в Болгарию от турецкого насилия» от 11 января 1904 г., поступали от Петербургского Славянского благотворительного общества (19 825 левов) и частных лиц. Например, Варвара Петровна Самарина (дочь генерала Ермолова) и ее муж Федор Дмитриевич Самарин передали 5 478,5 и 1 440 левов соответственно. Были и другие жертвователи. Кроме того, в российскую миссию были переданы средства от католического архиепископа в Софии от имени Его Святейшества Папы Римского – 1 530 левов; часть средств от подписки, сделанной в Дании – 3 082,5 лева; от французского делегата с Софии по табачному контролю – 500 левов. Всего на помощь македонским беженцам было получено 33 433, 35 левов[1092]. Эти средства расходовались «исключительно на покупку одежды, обуви и предметов первой необходимости, в особенности для женщин и детей, и, где возможно, на устройство даровых столовых с горячей пищей. Русская старшая сестра милосердия, находящаяся при здешней Александровской больнице, сама отправляется в те местности, где собралось много несчастных, для раздачи таковой помощи через посредство местных священников и кметов»[1093].

Посланник Г.П. Бахметьев отметил активность иностранных благотворителей в пользу македонских беженцев: «Кроме 10 000 франков, пожертвованных императором Францем-Иосифом принцессе Клементине для этой цели, Австрийский Красный Крест также определил для этого доброго дела 10 000 крон, и австрийские сёстры милосердия усердно и деятельно помогают на месте пострадавшим. Итальянский король [Виктор Эммануил III] также прислал принцессе 10 000 франков, и даже германский император пожертвовал 2 000 франков. Его Святейшество Папа, кроме 1 500 франков, предоставленных в распоряжение моей жены, прислал еще 4 000, и довольно крупные суммы, в точности мне неизвестные, были привезены сюда из Англии и Америки частными лицами; вот эти суммы, как бы велики они не были на бумаге, весьма скоро испаряются при этом громадном количестве беглецов»[1094].

[1090] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 2524. Л. 1 об.

[1091] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1441. Л. 11.

[1092] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 2524. Л. 5.

[1093] Там же. Л. 5 об.

[1094] Там же. Л. 5 об.-6.

Таким образом, регулярная российская помощь пострадавшим македонцам стала поступать в Македонию и Болгарию позже, чем от европейцев, хотя ее размеры были на сопоставимом с ними уровне. Основными побудительными мотивами были социальные проблемы жителей Македонии, а также поддержка православия и авторитета Российской империи на Балканах. Судя по переписке российских дипломатов, объем помощи не мог решить всех гуманитарных проблем. Тем не менее, увеличить ассигнования в помощь македонцам Россия не могла по ряду причин. Во-первых, ее ресурсы были значительно ослаблены: в период русско-японской войны и по ее окончании в поддержке нуждались, прежде всего, больные и раненные русские воины и члены семей погибших и увечных. Внесла свою лепту и революция 1905-1907 гг., отодвинувшая внешнюю политику на второй план. Во-вторых, были и другие причины. К концу первого десятилетия XX века у российского МИД уже не было твердой уверенности в том, что прогрессирующий распад Османской империи и даже ее полный уход из Европы, соответствует национальным интересам России, поскольку не было гарантии, что вакуум на Балканах заполнят благоволящие к ней силы[1095]. Полагаем, что именно поэтому оказываемая гуманитарная и благотворительная помощь была относительно скромной – до прояснения ситуации не было смысла вкладывать средства туда, куда в любой момент мог прийти внешнеполитический соперник.

Поражение России в русско-японской войне имело далеко идущие последствия. Ее международный престиж значительно упал, чем не замедлили воспользоваться европейские соперники. Создание в 1907 г. Антанты усилило противостояние двух блоков в Европе. Главной ареной борьбы стали Балканы и Ближний Восток. Германия вынашивала планы подчинить Турцию своему влиянию, а ее союзница Австро-Венгрия взяла курс на самостоятельную линию в балканской политике и усилила давление на Сербию и Болгарию, стремясь вытеснить оттуда Россию.

Временный альянс Петербурга и Вены на Балканах стал нежизнеспособным. Теперь Австро-Венгрии стали выгодны сохранение Османской империи в прежнем виде и отказ от активных реформ в Боснии и Герцеговине. В ближайшей перспективе Вена намеревалась усилить свои позиции на Балканах. Однако и Турция стремилась «не допустить своего вытеснения из региона и потери европейских владений»[1096].

В 1908 г. Австро-Венгрия и Германия заключили с Портой ряд важных договоров, обеспечивающих их экономическую экспансию в Македонии[1097].

[1095] *Сквозников А.Н.* Указ. соч. С. 42.

[1096] *Сергеев Е., Улунян Ар.* Не подлежит оглашению… С. 115.

[1097] *Сквозников А.Н.* Указ. соч. С. 106-107.

Россия пыталась помешать этим планам и в марте 1908 г. предложила расширить число гражданских агентов, включив в их состав представителей Великобритании, Италии, Франции и Германии, что объективно ослабило бы влияние венского и берлинского кабинетов. Новый вариант программы обсудили на своей встрече император Николай II и король Эдуард VIII в июне 1908 г. в Ревеле. Его окончательный вариант предполагалось проанализировать в июле 1908 г., но младотурецкая революция в Турции изменила расклад сил. Реформы в Македонии были свернуты[1098].

Ситуация усугублялась вынужденной осторожностью России на международной арене, что вызывало резкую критику со стороны внутренней оппозиции. 4 апреля 1908 г. на заседании Государственной Думы П.Н. Милюков резко осудил российские власти за десятилетнее «отсутствие» на Балканах. В этом вопросе кадеты получили поддержку октябристов.

Идея оппозиции об усилении балканского направления полностью совпадала с мнением министра иностранных дел России в 1906-1910 гг. А.П. Извольского, увидевшего возможность возвратить России престиж, который был утрачен из-за неудачной кампании на Дальнем Востоке[1099]. 3 февраля 1908 г., А.П. Извольский инициировал обсуждение балканской темы на заседании Совета министров. Глава внешнеполитического ведомства заявил, что «если Россия будет продолжать пассивную оборонительную политику, оставляя балканский вопрос «замороженным», она рискует потерять разом плоды вековых усилий, утратить роль великой державы и занять положение государства второстепенного значения, к голосу которого никто не прислушивается»[1100]. Однако поддержки у других министров А.П. Извольский не нашел, а премьер-министр П.А. Столыпин завершил дискуссию заявлением, что в настоящий момент Россия не может вести агрессивную внешнюю политику и следует ограничиться лишь тем, что может быть достигнуто чисто дипломатическими методами – «искусством министра иностранных дел»[1101].

Первые ощутимые последствия как ослабления военной мощи России после русско-японской войны, так и охлаждения российско-германских отношений сказались к 1908-1909 гг. Как писал один из чиновников МИД, «Габсбургская монархия приобрела уверенность, что Германия не будет препятствовать ей в действиях, нарушающих интересы России … И вот новый министр иностранных дел Австро-Венгрии барон Эренталь … задумал воспользоваться такою счастливою для Австро-Венгрии политической конъюнктурою, чтобы аннексировать

[1098] Там же. С. 113-115.

[1099] *Алексеева И.В*. Оппозиция Его величества. Дума, царизм и союзники по Антанте в эпоху П.А. Столыпина. 1907-1911. – СПб., 2004. С. 93.

[1100] Там же.

[1101] Там же. С. 94.

находившиеся во временной оккупации Габсбургской монархии Боснию и Герцеговину, отторгнутые Россией от Турции в войну 1877-1878 гг.»[1102]. Это произошло в октябре 1908 г. Турция, получив компенсацию, свершившийся акт признала.

В Петербурге известие об аннексии было воспринято как серьезный дипломатический промах А.П. Извольского. Его переговоры с бароном Эренталем стали на долгие годы предметом насмешек. Даже не искушенным в политике людям было понятно, что конечной целью Австро-Венгрии был захват Сербии, а аннексия была подготовительным этапом к его осуществлению. В Сербии прошли массовые протестные манифестации[1103]. Не осталась в стороне и Черногория. Возникла угроза нового военного столкновения.

Россия снова оказалась в двойственном положении. С одной стороны, она искренне сочувствовала сербам, а с другой была вынуждена удерживать сербское правительство от решительных действий, даже рискуя потерять доверие балканских славян. В основе такой политики по-прежнему лежала неготовность к масштабному противостоянию с европейскими державами.

На первый план выдвинулись новые методы проникновения на Балканы и другие интересующие европейцев и американцев регионы. О новых тенденциях в этой сфере в 1910 г. сообщил из Берлина российский посланник граф Н.Д. Остен-Сакен. По его сведениям, Германия планировала распространить свое влияние в Малой Азии за счёт создания там немецких человеколюбивых учреждений и что цель этих организаций – подготовка почвы для дальнейшего экономического проникновения Германии на Восток[1104].

В этом донесении российский дипломат писал, что «человеколюбивые замыслы должны, таким образом, служить лишь новым проводником немецкого влияния в Турции и вовлекая, на первых порах, для завоевания доверия местного населения, в своего рода миссионерскую деятельность, врачей, лишенную, разумеется, какого бы то ни было конфессионального оттенка. Для опыта предполагается учредить первый такой медицинский пункт… на содержание и обзаведение … комитет предполагает ассигновать 20 000 марок. От успеха этой первой попытки будет зависеть дальнейшее развитие задуманного плана раскинуть сеть немецких медицинских станций вдоль Багдадской магистрали»[1105].

Выбор места для развития сети медицинских учреждений не был случаен. В начале XX века железные дороги – «передовые для того времени средства коммуникации… [рассматривались]

[1102] *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. – СПб: Нестор-История, 2008. С.176.

[1103] Санкт-Петербургские ведомости. 1908. 14 (27) октября. С. 5.

[1104] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 12473. Л. 185.

[1105] Там же. Л. 185-185 об.

как важные инструменты реализации военно-стратегических и внешнеполитических планов», поэтому строительство ожидаемо воспринималось европейскими соперниками, в том числе Россией, как проникновение, чреватое серьезными политическими последствиями[1106]. Именно поэтому для Германии было так важно, чтобы местное население и местные власти были лояльны к строительству и даже поддерживали его. Граф Остен-Сакен подчеркнул, что пионерами этой стратегии были американцы. Мысль об учреждении подобных медицинских пунктов, по сведениям российского дипломата, была внушена «примером американского «Syrian Protestant College» в Бейруте, имеющего медицинское отделение, в котором обучаются многие местные обыватели, завязывающие затем прочные сношения с Америкой»[1107]. Таким образом, средством проникновения американцы сделали образовательные учреждения.

В подтверждение своей точки зрения Н.Д. Остен-Сакен ссылался на одного из авторов немецкого плана по продвижению на Восток, доктора философии Пауля Рорбаха[1108], свидетельствовавшего, что «Syrian Protestant College» в Бейруте немало способствовал «поднятию американского торгового ввоза в Турцию, исчисляемого им в 30 000 000 пиастров в год»[1109]. Подобную стратегию освоили и другие европейцы. Рорбах «ставил рост итальянского влияния в Леванте[1110] в соотношение с увеличивающимся числом итальянских школ, не говоря уже о примере, поданным в этом отношении Францией»[1111].

Граф Остен-Сакен обратил внимание на еще один немаловажный факт: «как во всех предприятиях последнего времени, преследующих задачу расширения немецкого влияния, так и в этом деле подчеркивается характер частной предприимчивости и отсутствие политических замыслов. Но давно уже осторожная германская политика приспособилась умело пользоваться самоотверженной деятельностью своих национальных пионеров, труды коих на самых разнообразных поприщах ведут к одной, не теряемой из виду, цели: к поступательному движению Германии к предуказанному пути к Востоку»[1112].

[1106] *Сергеев Е., Улунян Ар*. Указ. соч. С. 111-112.

[1107] АВПРИ. Там же. Л.185 об.

[1108] Рорбах Пауль (1869-1956), доктор философии, историк, политик, публицист, путешественник. Один из влиятельнейших теоретиков немецкого национал-консерватизма начала XX века. Окончил Дерптский и Страсбургский университеты. В 1900-х годах сформулировал концепцию германской метрополитики, основанной на протестантской этике и увязывавшей требования о расширении сфер влияния Германии с ее социальной и культурной миссией. Она базировалась на тезисе о превосходстве германской культуры и необходимости ее распространения.

[1109] АВПРИ. Там же.

[1110] Восточная часть Лигурийского побережья от границы Франции до Тосканы.

[1111] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 12473. Л. 185 об.

[1112] Там же.

Глава 2. Российская гуманитарная и благотворительная помощь балканским славянам и грекам в период Балканских войн

§ 1. РОКК: подготовка и отправка санитарных отрядов и других краснокрестных учреждений на балканский театр военных действий

К началу 1910-х годов Балканы превратились в один из основных объектов борьбы великих держав. Соперничество шло как на уровне коалиций (Антанты и будущего союза Центральных держав), так и отдельных европейских государств и США. Ситуация усложнялась амбициями молодых балканских государств. Каждое из них стремилось к лидерству в регионе и максимальному расширению территорий за счёт соседей. Правящие круги Сербии, Черногории, Болгарии и Греции, лавируя между великими державами, пытались использовать очевидное ослабление Османской империи в своих интересах. Однако реальность была такова, что в одиночку никто из них не мог справиться даже со слабеющей с каждым годом Османской империей. Приходилось идти на вынужденный союз. В 1905 г. молодые балканские государства заключили между собой таможенное соглашение, целью которого было ослабление экономического влияния Австро-Венгрии и Турции. С осени 1911 г. при участии российской дипломатии начались двусторонние сербо-болгарские и болгаро-греческие переговоры, увенчавшиеся весной-осенью 1912 г. рядом договоров, предусматривавших, среди прочего, военное сотрудничество. К осени 1912 г. Балканский союз практически оформился. В сентябре к нему присоединилась Черногория[1113].

Катализатором событий 1912-1913 гг. на Балканах выступило албанское восстание 1912 г., заставившее молодые славянские государства и Грецию спешно начать активные действия.

В Петербурге, несмотря на предпринимаемые российской и европейской дипломатией усилия к умиротворению сторон во избежание вооруженного конфликта, понимали, что возможно такое стечение обстоятельств, которое сделает общее движение неизбежным[1114]. Чтобы уменьшить последствия возможной войны на Балканах и предотвратить вмешательство в нее великих держав, российская дипломатия договаривается с Веной о ее локализации[1115].

При этом российское общественное мнение, в основном, было на стороне молодых балканских государств и выступало за решительные действия на Балканах. Одни политические деятели полагали, что настал момент «для осуществления “вековой мечты” – овладения черноморскими проливами, выпавшим шансом поквитаться с Австро-Венгрией за унижения, пережитые в дни

[1113] *Искендеров П.А*. Балканские войны 1912-1913 гг. // В «пороховом погребе Европы». С. 477-478.

[1114] Там же С. 478-479.

[1115] *Терзич Славенко*. Указ. соч. С. 99.

Боснийского кризиса»[1116], а другие надеялись, что наконец-то восторжествует идея славянского единства и возникнет славянская федерация, способная обеспечить политическое могущество России и славян, ограничив мировое владычество Европы.

По итогам визита И.А. Гучкова на Балканы летом 1912 г., военный агент в Сербии полковник В.А. Артамонов сообщил в Генеральный штаб, что сербы увидели в нем яркого представителя российского общественного мнения и придавали его визиту особое значение[1117]. Лидер октябристов встретился с представителями политической и финансовой элиты, полагавшими, что его устами «неофициальная Россия сообщала то, что не могла сказать официально»[1118]. Содержание разговоров А.И. Гучкова стало известно дипломатическим представителям России.

По мнению российского посланника в Софии А.В. Неклюдова, его настроение «не соответствовало официальной позиции российского правительства. Как бывший председатель Государственной Думы и думского комитета государственной обороны, А.И. Гучков понимал, что «немедленное выступление наше [в поддержку балканских славян и греков] было бы сопряжено с чрезвычайной опасностью, но в глубине души он не был против разрешения теперь же балканского вопроса, а именно – раздела Македонии и приобретения Россией Проливов»[1119]. Пересказывая результаты своих встреч в балканских столицах, А.И. Гучков говорил А.В. Неклюдову не только о готовности балканских политических лидеров к активным выступлениям, но и об обещаниях Николая II и сербскому премьер-министру Николе Пашичу «во всяком случае предотвратить вступление австрийцев в Сербию и в Ново-Базарский санджак. Следовательно, можно смело готовиться к действиям на македонском фронте»[1120]. Не менее воинственные настроения, по сведениям А.И. Гучкова, были и в Болгарии, и в Турции, и в Македонии[1121].

Напряжение в балканских столицах было таково, что было достаточно малейшего повода, чтобы привести к войне. Первыми не выдержали в Константинополе: 11 (24) сентября 1912 г. Турция объявила на своих европейских территориях мобилизацию[1122]. В Афинах, Белграде, Софии и Цетинье в ответ начали спешно готовиться к войне.

Насколько внимательно в Петербурге следили за ситуацией, можно увидеть не только по дипломатической переписке, но и стремительным действиям РОКК, проявившим инициативу, не

[1116] *Кострикова Е.Г.* Первая балканская война и российское общество // Вестник РУДН. Серия История. 2009. № 4. С. 99.

[1117] *Штрандман Василий*. Балканские воспоминания. – М.: Книжница, 2014. С. 136.

[1118] *Кострикова Е.Г.* Указ. соч. С. 99.

[1119] *Штрандман Василий*. Указ. соч. С. 133.

[1120] Там же.

[1121] Там же. С. 134.

[1122] *Задохин А.Г., Низовский А.Ю*. Указ. соч. Л. 104.

дожидаясь начала военных действий и официального обращения от противоборствующих сторон. Не последнюю роль в этом процессе сыграл член мобилизационного совета при ГУ РОКК А.И. Гучков. В заседании 14 сентября 1912 г. им был поставлен вопрос, будет ли и, если да, то в каком виде, оказана помощь славянским государствам, ввиду объявления мобилизации в Болгарии, Сербии, Греции, Черногории и Турции. В итоге обсуждения участники совещания постановили выяснить в МИД желательность оказания помощи «по случаю войны»[1123].

Товарищ председателя ГУ Д.Р. Вилькен, учитывая опыт греко-турецкой войны 1897 г., поставил вопрос о помощи Турции[1124]. А.И. Гучков и Н.Д. Шведов предложили санитарный отряд туда не отправлять, а ограничиться денежной и материальной помощью[1125]. Окончательное решение принято не было. Вопрос о помощи Турции был отложен до получения ответа на запрос в Турецкий Красный Полумесяц[1126].

В тот же день на экстренном заседании ГУ было решено организовать врачебную помощь Болгарии, Сербии, Греции и Черногории, отправив на театр военных действий отряды Красного Креста, сформированные по типам и штатам[1127] лечебных заведений военного времени[1128]. Главное Управление остановило свой выбор на тыловом госпитале в 200 кроватей и этапном лазарете в 50 кроватей. По мнению специалистов РОКК, эти типы лечебных учреждений больше всего подходили для деятельности на Балканах из-за незначительности расстояний для передвижения.

Ожидалось, что основные потери могут быть в Болгарии (она имела самую большую армию), поэтому при определении количества лечебных заведений туда было намечено отправить госпиталь на 200 кроватей и три этапных лазарета по 50 мест каждый, в Сербию один госпиталь и два этапных лазарета, в Грецию и Черногорию – по два этапных лазарета[1129]. Таким образом, было предложено мобилизовать для отправки на Балканы два госпиталя, девять лазаретов (всего

[1123] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1478. Об оказании Красным Крестом помощи балканским государствам в их борьбе с Турцией. 1912. Л. 5.

[1124] Там же. Л. 5 об.

[1125] Там же. Л. 6.

[1126] Там же. Л. 5 об.

[1127] Выработанные правила, каталоги и штаты формирования и снабжения лечебных учреждений РОКК впервые были проверены на практике, подтвердив сформулированный ГУ тезис, что к военным действиям необходимо готовиться в мирное время.

[1128] Доклад Общему собранию членов РОКК 26 мая 1913 // Русский инвалид. 1914. 3 августа. С. 3.

[1129] Там же.

850 кроватей)[1130], на что по предварительным расчётам требовалось 650 246, 61 руб.[1131] Формирование штатов санитарных учреждений было возложено на общины сестёр милосердия, материальное оборудование – на Главный склад Общества Красного Креста по утвержденным ГУ срокам и каталогам.

Согласно принятым правилам, решение должна была утвердить императрица Мария Федоровна, гостившая в тот момент в Копенгагене. Ее разрешение запросили телеграммой, 19 сентября она ответила: «Сочувствую предложению ГУ и разрешаю на случай войны отправку в Болгарию, Сербию и Грецию отрядов Красного Креста»[1132]. В тот же день с пометкой «срочно» в общины сестёр милосердия из ГУ были отправлены письма с предложением в недельный срок мобилизовать санитарный отряд, готовый отправиться на Балканы[1133]. Эта переписка свидетельствует о том, что ГУ старалось держать под контролем каждый шаг – от штатов медицинских учреждений и количества багажа до маршрута следования.

Учитывая, что военные действия еще не начались, мобилизация санитарных отрядов проходила «в закрытом режиме». Об этом свидетельствует обмен телеграммами между попечителем Харьковской общины сестёр милосердия Ф.Ф. Лезелем и управляющим канцелярией ГУ РОКК А.Д. Чаманского. Когда первый из них в телеграмме от 22 сентября 1912 г. спросил, допустимо ли формирование отряда путем объявления в газетах, то на следующий день получил ответ, что «в настоящее время [это] недопустимо»[1134].

Тем не менее, информация о начале мобилизации санитарных отрядов для отправки на Балканы попала в прессу. Можно предположить, что это было сделано намеренно, чтобы дать еще один сигнал в столицы балканских государств о поддержке официальной Россией их действий.

Узнав о начале формирования санитарных отрядов на Балканы, ряд местных комитетов Красного Креста и губернских общественных деятелей выразили желание принять участие в этом процессе. Так, в конце октября 1912 г. попечительница Киевской общины Красного Креста В.В. Маврина сообщила в ГУ, что на заседании организации было решено отправить санитарный отряд в помощь сражающимся единоверным и единокровным братьям на средства общины. В ответ ГУ направило В.В. Мавриной письмо следующего содержания: «Помощь союзным

[1130] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1478. Об оказании Красным Крестом помощи балканским государствам в их борьбе с Турцией. 1912. Л. 7 об.

[1131] Расчёт на шесть месяцев с учетом содержания одного раненого составил в 1,5 руб. в день. 2 госпиталя на 200 кроватей 273 229, 96 руб.: 9 этапных лазаретов по 50 мест каждый – 377 026, 65 руб. // Там же. Л. 8 об.

[1132] РГВИА. Там же. Л. 16.

[1133] Там же. Л. 19, 21, 22, 23, 24, 25, 27-30.

[1134] Там же. Л. 75.

государствам Балканского полуострова оказывается в должной мере исключительно ГУ. Никаких самостоятельных посылок отрядов местными учреждениями Красного Креста не допускается. Средства общины могут расходоваться только на помощь отечественной армии. Благоволите отменить постановление Совета общины»[1135]. В.В. Маврина была вынуждена подчиниться, хотя, как мы увидим дальше, от реализации этих планов не отступила. Письма аналогичного содержания были отправлены и в другие местные комитеты РОКК, проявившие инициативу в этом вопросе.

Если своим отделениям ГУ могло отдавать приказы, то на решения губернских комитетов и отдельных жертвователей оказывалось косвенное давление. На их запросы неизменно отвечали, что формируемые вне плана РОКК санитарные отряды не могут претендовать ни на флаг Красного Креста, ни на льготный проезд, так как они даются только тем, «кто едет под контролем ГУ»[1136]. Это был серьезный сдерживающий шаг, так как транспортные расходы и оформление документов для выезда за границу требовали значительных средств.

Местным отделениям Красного Креста, общинам и прочим организациям, стремившимся внести свою лепту, было предложено, с разрешения местной администрации собирать средства на помощь славянам и отправлять в ГУ[1137]. По-видимому, ГУ было намерено с первых дней держать ситуацию под контролем. Однако из провинции все же выехала небольшая часть санитарных отрядов, финансируемая не на средства Красного Креста. Будут ли они действовать под флагом РОКК или на свой страх и риск решалось в каждом случае индивидуально.

22 сентября 1912 г. в помещении Главного Управления РОКК прошло очередное заседание мобилизационного совета. На него были приглашены представители попечительских советов, старшие врачи и настоятельницы общин сестёр милосердия, занимавшихся формированием отрядов. Целью этого мероприятия было «согласование общих действий и устранение недоразумений, которые могут возникнуть»[1138].

25 сентября (8 октября) 1912 г. Черногория объявила войну Турции. На следующий день был обнародован королевский манифест и начались военные действия. 5 (18) октября войну Турции объявили Болгария, Сербия и Греция. Румыния в военных действиях участие не принимала: 26 сентября (9 октября) 1912 г. она заявила о своем нейтралитете, что было встречено с пониманием и одобрением как балканскими соседями, так и великими державами[1139]. Война получила

[1135] Там же. Д. 1481. Л.124.

[1136] Там же. Д. 1478. Л. 286.

[1137] Там же. Д. 1481. Л. 167, 170, 172.

[1138] Русские ведомости. 1912. 23 сентября. С. 4.

[1139] *Виноградов В.Н.* Румыния во Второй балканской войне. С. 347.

название Первой Балканской и завершилась 30 мая 1913 г. подписанием Лондонского договора, существенного сократившего европейские владения Османской империи.

Как писал впоследствии министр иностранных дел С.Д. Сазонов, «головокружительные успехи балканских союзников произвели ошеломляющее впечатление по всей Европе»[1140]. Симпатии всех слоев российского общества, за небольшим исключением, были на стороне православного населения Балканского полуострова. Великий князь Константин Константинович в первые дни войны писал: «Военные действия начались. Черногория имела значительный успех. Италия заключила с Турцией мир. Дипломатия оказалась бессильной предотвратить войну. Наше дипломатическое выступление союзно с Австрией – ужасно. И как государь допустил это?»[1141].

Некоторые члены Дома Романовых состояли в родстве с сербской, черногорской и греческой правящими династиями. Дочь великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны была замужем за греческим принцем Николаем, племянником императрицы Марии Федоровны по отцу и великого князя Константина Константиновича по матери. Невестка последнего, княгиня Елена Петровна, была дочерью сербского короля и внучкой черногорского короля. К тому же она приходилась племянницей великим княгиням Милице Николаевне и Анастасии Николаевне. Поэтому не удивительно, что при великокняжеских дворах были открыты сборы средств. Одной из первых благотворительниц стала великая княгиня Мария Павловна-старшая. От нее не отставали Милица Николаевна и Анастасия Николаевна. Сбор пожертвований «по инициативе королевы эллинов Ольги Константиновны и ее королевского высочества княгини Елены Петровны с соизволения великого князя Константина Константиновича» в пользу семей убитых и раненных греческих и сербских воинов при конторе Мраморного дворца был открыт после согласования с МИД в 20-х числах октября[1142]. Однако сборы, производимые конторами великокняжеских дворов, могли иметь лишь вспомогательный характер и решать какие-то частные задачи. Масштабную и планомерную помощь был способен оказать только Красный Крест.

В докладе «Об оказании РОКК врачебно-санитарной помощи армиям воюющих на Балканском полуострове государств», сделанном на чрезвычайном общем собрании его членов 14 октября 1912 г. указывалось: «… наши братья на Балканах, измученные бесконечными страданиями и унижениями, а в последние месяцы и неописуемыми зверствами турок, подняли оружие против своих вековечных врагов, поднялись как один за веру, за свободу, за право

[1140] *Сазонов С.Д*. Воспоминания. – Мн.: Харвест, 2002. С. 74.

[1141] ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 64. Л. 44.

[1142] АВПРИ. Ф.151. Оп. 482. Д. 3758. Л. 14.

дышать»[1143]. Именно поэтому «Красный Крест – истинный выразитель лучших, идеальных сторон русской души и русского сердца – не мог не откликнуться на страдания своих кровных, не мог не принять участия в этом последнем крестовом походе и не послать родным благородным борцам свою помощь под флагом любви, милосердия, под флагом Креста»[1144].

По смете, представленной в ГУ РОКК, стоимость оборудования перевозки и содержания отрядов Красного Креста в течение 6 месяцев составила 675 349, 74 руб. Из них стоимость госпиталя на 200 кроватей: 136 890.60 руб., этапного лазарета - 41 970, 60 руб., а общая приблизительная стоимость оборудования и содержания в течение шести месяцев двух госпиталей и 9 этапных лазаретов, командированных в славянские государства и Грецию – 651 511, 74 руб. Оборудование и содержание в течение этого же времени больницы в Константинополе оценивалось в 23 838 руб.[1145].

Для того, чтобы была возможность оперативно решать поставленные задачи по оказанию помощи больным и раненным воинам балканских армий, ГУ была дана возможность позаимствовать из запасного капитала Общества 1 000 000 руб. Такое решение позволяло не только оказать помощь вовремя, но и не использовать средства, выделенные для российских больных и раненных воинов. Возврат средств запасного капитала предполагалось осуществить за счёт организации повсеместного сбора. Кроме того, к началу Первой Балканской войны в ГУ хранился специальный славянский капитал, образовавшийся из остатков пожертвований славянам в 1875, 1876 и 1877 гг. – 66 865.88 руб.**[1146]** Его также планировалось использовать для помощи балканским славянам.

Формирование штатов санитарных учреждений для Болгарии было возложено на Санкт-Петербургские Георгиевскую, Евгенинскую, Кауфманскую и Александровскую общины сестёр милосердия; формирование госпиталя и двух этапных лазаретов в Сербию было поручено Московским Иверской и Александринской, а также Киевской Мариинской общинам. Отряды для Черногории были сформированы Санкт-Петербургской Елизаветинской и Харьковской общинами, а лазареты для Греции – Санкт-Петербургской Крестовоздвиженской и Одесской Касперовской. Названия всем санитарным отрядам давались по имени организации или лица, их сформировавших. Средства на формирование санитарных отрядов были срочно переведены в названные общины сестёр милосердия телеграфом[1147].

[1143] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1475. Доклады ГУ. 1912. Л. 56.

[1144] Там же.

[1145] Там же. Л. 57 об.

[1146] Там же. Д. 1478. Л. 13.

[1147] Там же. Д. 1476. Л. 6.

Объявление войны славян против Турции вызвало шквал заявлений (в основном, от сестёр милосердия, фельдшериц и сиделок) в РОКК с просьбой о командировании на Балканы. Некоторые из просителей имели серьезный опыт работы и даже рекомендации тех лечебных учреждений, где они работали. Однако все они получили ответ из ГУ, что командировок на Балканы не будет, так как было принято решение об организованном выезде санитарных отрядов, сформированных уполномоченными общинами сестёр милосердия.

В целях мобилизации санитаров ГУ РОКК обратилось к начальникам войсковых частей в России с предложением рекомендовать Красному Кресту санитаров из нижних чинов, подлежащих увольнению в запас в ближайшие сроки. Войсковые части откликнулись довольно быстро, и в распоряжение РОКК поступили сотни добровольцев[1148].

4 и 5 октября 1912 г. отряды Красного Креста отбыли в Черногорию, 10 октября в Сербию и Грецию[1149], а 11 октября – в Болгарию[1150].

Кроме санитарных отрядов, сформированных по инициативе и на средства ГУ, были и другие медицинские учреждения, отправленные на театр военных действий. Их можно разделить на несколько категорий. Во-первых, это вспомогательные структуры, образованные по инициативе ГУ или по запросам с мест на средства Красного Креста или привлеченные средства. К ним можно отнести Передовой склад РОКК в Софии и санитарный транспорт в Болгарии. Во-вторых, санитарные отряды, возникшие по инициативе городских общественных управлений или отдельных жертвователей. Особенности их комплектования, касающиеся как персонала, так и оборудования, согласовывались с ГУ. Они могли подчиняться ГУ или иметь двойное подчинение. Образованные таким образом медицинские учреждения отправлялись на Балканы под флагом РОКК и носили имена лиц или организаций, внесших вклад в их формирование. К этому типу можно отнести отряды московского и петербургского городских общественных управлений, Кишеневского Гербовецкого отряда имени Петербургского Купеческого общества и два санитарных отряда имени Е.М. Терещенко с семьей. В-третьих, надо упомянуть санитарные отряды, сформированные в провинциальных российских городах, с ведома или без ведома ГУ и отправленные на Балканы за счёт местных жертвователей. Их отличали малочисленность (иногда

[1148] Биржевые ведомости. 1912. 29 сентября. С. 3. ГУ в обращении к начальникам войсковых частей попросило предупредить нижние чины, что в случае общей мобилизации в России, солдаты-санитары (на основании соглашения между Красным Крестом и военным ведомством) будут оставлены на службе Красного Креста на правах мобилизованных.

[1149] Греческое правительство изъявило согласие на принятие российских отрядов Красного Креста за несколько дней до отъезда санитарных отрядов. Об этом решении посланник Демидов известил МИД телеграммой от 4 (17) октября 1912 г. // АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4042. 1913. Л. 3.

[1150] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1475. Доклады ГУ. 1912. Л. 56 об.

даже отсутствие врачей), бедность оборудования, недостаточность медикаментов и перевязочных средств. Эти отряды, как правило, поступали в распоряжение местных военно-санитарных управлений, самостоятельно не работали, а пополняли персонал уже существующих медицинских учреждений. Так как отчеты в ГУ они не предоставляли, то сведений о них крайне мало.

Как уже упоминалось, по инициативе городских общественных управлений и отдельных жертвователей было сформировано несколько санитарных отрядов.

7 октября 1912 г. гласный московской городской думы С.В. Пучков подал в думу заявление о необходимости оказания спешной помощи сражающимся за свою свободу балканским славянам и грекам, где, в частности, говорилось: «Ныне, когда наши братья-славяне, национальная свобода и благосостояние которых возродились благодаря великим жертвам русского народа, следуя заветам своих предков, пошли, как один человек, на смертный бой со своим исконным врагом, мы, русские гласные городской думы, представители населения сердца России – Москвы, … не можем относиться пассивно к грозным событиям, которые разыгрываются в настоящее время на Ближнем Востоке. Нашим русским горячим сердцем мы заодно с нашими единоплеменными братьями будем переживать все потрясающие моменты борьбы их с врагом, будем скорбеть при известиях об их неудачах и радоваться их победам. Вместе с тем, по велению нашего сердца, должны спешить им на помощь в пределах наших средств и возможности. В настоящее время у наших братьев наиболее острая нужда ощущается в деле оказания врачебной и материальной помощи раненым, и именно в этой области, прежде всего, необходима скорейшая помощь»[1151].

Судя по тому, с какой скоростью это заявление было отпечатано типографским способом к ближайшему заседанию городской думы, большинство ее членов с постановкой вопроса было согласно. На заседании 9 октября 1912 г. было решено передать в распоряжение городской управы и специально созданной комиссии из гласных[1152] 50 000 руб. «на дело организации врачебно-санитарной самостоятельной помощи славянским армиям, а также действующей с ними солидарно армии греческой, и помощи семьям воинов». Кроме того, предполагалось в ближайшее время создать особый Дамский комитет и поручить городскому голове организацию приема пожертвований от населения «на нужды воюющих армий»[1153].

[1151] ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3017. О войнах славянских государств с Турцией. 1912. Л. 2-2 об.

[1152] Состав комиссии по организации врачебно-санитарной помощи славянским армиям: Гучков Николай Иванович, Березовский Сергей Елиазарович, Буланов Николай Егорович, Горохов Дмитрий Егорович, Кузнецов Николай Иванович, Шмаков Алексей Семенович, Осипов Александр Павлович, Пучков Сергей Васильевич, Соловьев Михаил Тимофеевич, Шустов Николай Николаевич. // Там же. Л. 59.

[1153] Там же. Л. 4.

Формулировка этого последнего пункта вызвала возражения. Прошло довольно много времени, прежде чем постановление московской городской думы от 9 октября 1912 г. было утверждено, что, впрочем, не мешало комиссии из гласных активно действовать в согласованном направлении. Московская пресса в течение нескольких дней разжигала страсти, поддерживая слухи, что московский градоначальник отменит постановление. Можно с большой долей уверенности предположить, что заминка была вызвана опасением, что подобная постановка вопроса вызовет резкий отпор со стороны поборников соблюдения status quo на Балканах. Однако, после изменения редакции второго пункта на «помощь больным и раненым воинам и населению балканских государств», 1 ноября московский градоначальник генерал-майор Адрианов документ утвердил[1154]. Это произошло тогда, когда московские санитарные отряды были уже в пути. Еще одним, пусть и косвенным, доказательством того, что никакой опасности для данного постановления не существовало и оно было совершенно в русле текущей российской политики, было то, что Дамский комитет[1155] возглавила жена градоначальника А.А. Адрианова, а среди ее заместительниц была фрейлина Е.Ф. Джунковская, сестра генерал-губернатора.

15 октября 1912 г. состоялось первое совместное совещание московской городской управы, гласных городской думы и городских врачей. Обсуждалась необходимость и возможность оказания помощи всем славянским народностям в одинаковой мере. В итоге было принято решение об организации четырех санитарных отрядов (болгарского, греческого, сербского и черногорского), направляемых на Балканы в распоряжение местных организаций Красного Креста. Предполагалось, что каждый из них будет сформирован по типу стандартных лазаретов РОКК, но штат врачей будет усилен с учетом местных потребностей[1156]. Тогда же была проявлена инициатива по организации в Москве однодневного сбора средств на врачебно-санитарную помощь сражающимся армиям на Балканах.

16 октября московский городской голова Н.И. Гучков обратился в ГУ с просьбой выслать в Москву в кратчайшие сроки полный комплект лазаретного снаряжения для четырех лазаретов на 50 кроватей каждый, командируемых московским городским общественным управлением на Балканы. Заказчик пожелал, чтобы оборудование было укомплектовано с таким расчётом, чтобы в случае необходимости была возможность выделить летучий (передвижной) отряд[1157]. А учитывая то, что городское общественное управление увеличило состав врачей в каждом лазарете (по сравнению со штатным расписанием на четыре врача каждый), то соответственно

[1154] Там же. Л. 37.

[1155] Был образован 24 октября 1912 г.

[1156] Там же. Л. 24-25.

[1157] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1489.Л. 13.

просили и увеличить комплект хирургических инструментов в снаряжении каждого лазарета. Председатель ГУ телеграммой уведомил московского городского голову, что со стороны ГУ препятствий не встречается, но для решения возникающих вопросов попросил делегировать в столицу своего представителя[1158]. Этим особоуполномоченным стал ординатор Старо-Екатерининской больницы Н.К. Холин[1159].

Вопросы, связанные с формированием московских отрядов, обсуждались на нескольких заседаниях ГУ. Первое из них прошло 20 октября 1912 г., следующее - 25 октября[1160]. Кроме прочего, были утверждены составы отрядов[1161], основу которых составили сёстры милосердия общины «Утоли моя печали» и персонал Старо-Екатерининской, Морозовской, Сокольнической, 1-й градской и Алексеевской больниц.

28 октября 1912 г. московские отряды, взятые по просьбе московского городского общественного управления под флаг Красного Креста[1162], выехали из Москвы к месту назначения[1163].Последующие отряды выезжали в зависимости от поступавших просьб и возможностей жертвователей: вдовы поручика Е.М. Терещенко, санкт-петербургского городского общественного управления и Санкт-Петербургского Купеческого общества.

Петербургская городская дума свое постановление о помощи воюющим за своё освобождение балканским славянам и грекам вынесла 10 октября 1912 г. Кроме решения об ассигновании 100 000 руб. из бюджета городского общественного управления, оно декларировало, во-первых, намерение немедленно проинформировать об этом решении глав каждого из четырех балканских государств, отправив от имени городской думы соответствующие телеграммы, а во-вторых,

---

[1158] Там же. Д. 1075. Л. 67.

[1159] Там же. Л. 67 об., 72 об.

[1160] Там же. Л. 64, 72.

[1161] Там же. Л. 102. Персонал каждого из московских отрядов состоял из пяти врачей, заведующего хозяйством, 10 сестёр милосердия и 12 санитаров. Старшим врачом и уполномоченным болгарского отряда был назначен Дмитрий Николаевич Рознатовский, ординатор 1-й городской больницы имени Н.И. Пирогова, старшей сестрой – Татьяна Захарова (Морозовская больница). Санитарный отряд в Сербию возглавил Николай Константинович Холин, ординатор Старо-Екатерининской больницы. Старшей сестрой стала Анастасия Зарюгина (1-ая градская больница). Николай Михайлович Плешков (ординатор Старо-Екатерининской больницы) и старшая сестра Василиса Полысоева (Алексеевская главная больница) получили назначение в Грецию. Константин Александрович Хирнов (по другим данным – Жирнов), ординатор городской Сокольнической больницы и старшая сестра Евдокия Ивашкова (Шаболовское отделение Щербаковской больницы) отправились в Черногорию.

[1162] Там же. Д. 1085. О деятельности врачебных отрядов Красного Креста на Балканском полуострове и ликвидации их деятельности. Январь-апрель 1913. Л. 47.

[1163] Там же. Д. 1475. Доклады ГУ. 1912. Л. 101 об.

вступить в переговоры с другими городскими и земскими управлениями об открытии общего сбора пожертвований.

Это постановление практически мгновенно получило широкий общественный резонанс и стало одним из самых обсуждаемых. В нем увидели превышение петербургской думой своих полномочий сразу в нескольких направлениях.

Мнение крайне правых монархических кругов выразил князь В.П. Мещерский в статье «Мой протест». Решение петербургской городской думы об оказании помощи сражающимся славянам и грекам князь Мещерский назвал «бестактной и беззаконной манифестацией, враждебной правительственной политике по восточному вопросу». Он указал, что эту кампанию подхлестывают издания «Новое время», «Биржевые ведомости» и «Копейка»[1164].

«Русские ведомости» подливали масла в огонь и разъясняли читателям, что «посылка телеграммы от имени населения столицы воюющим государствам является событием международного значения и требует в такой щекотливый момент, как нынешний, осторожного к себе отношения»[1165].

Что касается объединения усилий столицы и провинции в деле помощи славянам, то «Русские ведомости» посчитали, что подобные действия спровоцируют «провинциальные городские и земские учреждения, и тогда может получиться картина всероссийской политической манифестации»[1166]. Правительство, с трудом подавившее революцию 1905 г., не могло позволить объединения оппозиции в этом вопросе, предпочитая сохранить контроль за ситуацией за собой.

По сведениям «Русских ведомостей», данное решение петербургской городской думы «вызвало серьезные переговоры между представителями администрации и высшего правительства», признавшими данный вопрос «сложным и требующим обсуждения»[1167].

Следующий шаг был за градоначальником[1168]. Постановление могло вступить в силу лишь при отсутствии протеста с его стороны. Однако генерал-майор Д.В. Драчевский, которому немедленно доложили о происходящем, хранил молчание. Это порождало дальнейшее обсуждение в средствах массовой информации, выдвигались различные варианты развития событий.

«Санкт-Петербургские ведомости» поспешили оповестить горожан, что «градоначальник опротестовал постановления городской думы об ассигновании 100 000 руб. на врачебную

[1164] Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 12 (25) октября. С. 1. Перечисленные средства массовой информации выпускались большими тиражами и пользовались популярностью у широких слоев населения.

[1165] Там же.

[1166] Русские ведомости. 1912. 12 октября. С. 3.

[1167] Там же. С. 3.

[1168] По закону деятельность городской думы ограничивалась границами города Петербурга.

помощь славянам»[1169]. На следующий день, 18 (31) октября 1912 г., кадетская «Речь», ссылаясь на частные сведения, проинформировала, что «протест коснется части постановления о привлечении к делу помощи славянам провинциальных городов»[1170].

В ответ на упреки «Нового времени», что «правительство тормозит организацию медицинской помощи славянам», 19 октября 1912 г. в «России» была размещена информация, что А.И. Гучков провел по этому поводу переговоры с Председателем Совета министров В.Н. Коковцевым, уверявшим, что «постановление городской думы о помощи славянам опротестовано не будет». Как и ожидалось, решение петербургской городской думы от 10 октября, пусть и с некоторым опозданием, было утверждено 18 ноября 1912 г. Однако из него был исключен пункт о привлечении провинциальных городов к сбору средств.

Таким образом, власти Петербурга не были против отправки городских отрядов, главное возражение вызывало возможное распространение сборов пожертвований на их содержание в провинцию. Формально потому, что это противоречило законодательству, а на самом деле, из опасения, что столичные общественные деятели расширят аудиторию для пропаганды своих взглядов, используя привлекательную для населения идею.

Пока обсуждались политические вопросы и шла дискуссия в прессе, для исполнения постановления от 10 октября 1912 г. был предпринят ряд организационных шагов. Санкт-Петербургское городское общественное управление (председатель Г.А. Фальборк) приняло решение сформировать три этапных лазарета имени города Петербурга по 50 мест каждый для отправки в Черногорию, Болгарию и Сербию. Персонал и оборудование должен был предоставить Красный Крест. По решению ГУ Кауфманской общине предстояло командировать своих сестёр милосердия в Болгарию, Царскосельской – в Черногорию, а Тверской Серебряной – в Сербию. Совместно с лазаретами имени города Петербурга за счёт города были командированы врачи: для Болгарии – 10, для Сербии – 10 (работа одного из них была оплачена графом М.М. Перовским-Петрово-Солововo[1171]), для Черногории – 5, всего – 25 врачей. Они предназначались для усиления персонала местных лечебных заведений по указаниям национальных обществ Красного Креста соответствующих государств[1172].

Санитарные отряды вместе с необходимым имуществом и оборудованием должны были выехать к месту назначения 3 ноября.

[1169] Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 17 (30) октября. С. 3.

[1170] Речь. 1912. 18 (31) октября. С. 4.

[1171] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1085. Л. 47 об.

[1172] Там же. Д. 1475. Л. 103 об.

Для решения всех возникающих вопросов была образована подготовительная комиссия Санкт-Петербургского городского общественного управления по оказанию помощи на средства города Петербурга раненым и больным воинам славянских и греческих армий. Кроме прочего, она рассматривала заявления лиц, желающих отправиться на театр военных действий. По данным П.П. Дурново, к концу октября в комиссию поступило около 150 заявлений от врачей, имевших опыт работы в русско-японскую войну, многочисленных студентов-медиков, сестёр милосердия, санитаров и сиделок. Из них около 90% работало и училось в провинции[1173].

Вскоре в первоначальный план были внесены коррективы. 1 ноября председатель подготовительной комиссии П.П. Дурново обратился в ГУ с просьбой ограничиться командированием лазаретов в Болгарию и Сербию, прикомандировав к каждому по 10 врачей. Что касается планировавшегося ранее лазарета в Черногорию и пяти врачей дополнительно, то его формирование предложили отменить, а вместо этого перевести в распоряжение российской миссии в Цетинье 10 000 руб. из 80 000, которые были ранее переведены в распоряжение ГУ[1174]. Это решение было принято с учетом текущей ситуации в Черногории, где к тому времени вопросы медицинской помощи были более-менее решены, но срочно требовались средства на создание питательных пунктов, устройством которых занималась великая княгиня Милица Николаевна.

В связи с этим ГУ предложило демобилизовать отряд Царскосельской общины[1175]. Однако персоналу вскоре работа нашлась. Забегая вперед, отметим, что старший врач А.В. Бритнев был командирован в Сербию, барон А.А. Врангель – в распоряжение особоуполномоченного П.А. Тыртова, пять санитаров – на Передовой склад в Софию, а еще пять – в распоряжение княгини Елены Петровны по ее просьбе[1176].

Дворы великих князей Николая Николаевича и Петра Николаевича отправляли в Черногорию грузы, необходимые для решения гуманитарных задач, о чем свидетельствуют счета за их доставку, выставленные правлением акционерного транспортного общества «Герард и Гей»[1177].

12 октября 1912 г. в ГУ обратилось Санкт-Петербургское Купеческое общество с просьбой разрешить выдать из особого капитала, пожертвованного им в период русско-японской войны на нужды больных и раненных воинов и их семейств, не менее 60 000 руб. на оборудование лазарета на 50 кроватей имени Купеческого Общества на срок до шести месяцев в помощь славянским

[1173] Вечернее время. 1912. 20 октября (2 ноября). С. 3.

[1174] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1475. Л. 117.

[1175] Там же. Л. 117 об.

[1176] Там же. Оп. 3. Д. 330. Л. 78 об.

[1177] Там же. Оп. 1. Д. 1479. Об оказании Красным Крестом помощи балканским государствам в их борьбе с Турцией. 1 ноября 1912 – 9 января 1913. Л. 196.

армиям в их борьбе с Турцией и приобретение необходимых материалов для его работы. Для получения необходимой суммы Купеческое общество просило разрешения реализовать часть процентных бумаг, в которых этот капитал (около 300 000 руб.) хранился. Купеческое общество надеялось, что ГУ позволит допустить к формированию этого лазарета одного-двух представителей купеческого сословия по его выбору[1178].

Информацию о решении ГУ разместило 20 октября (2 ноября) 1912 г. в газете «Вечернее время». В заметке сообщалось, что формирование этапного лазарета на 50 кроватей имени Петербургского купеческого общества, предназначенного в Болгарию, было поручено Кишеневской Гербовецкой общине сестёр милосердия[1179].

Петербургское Купеческое общество оплатило также формирование и отправку в Болгарию санитарного транспорта из 30 санитарных повозок, хозяйственной двуколки и походной кухни[1180]. Предполагалось, что лошади для этого транспорта будут приобретены на средства, выделенные ГУ, а обозная прислуга будет командирована Болгарским обществом Красного Креста[1181]. О необходимости такого рода помощи заявил болгарский посланник – ГУ после консультаций с МИД пошло навстречу.

Принимая во внимание, что транспорт будет действовать как санитарная единица РОКК, при участии начальника транспорта был пересмотрен перечень снаряжения, и выяснилось, что его надо дополнить запасными частями для обоза, бельём и тёплыми вещами для выписывающихся, некоторым запасом медикаментов и перевязочных средств[1182]. По мнению членов ГУ, такое оборудование транспорта было необходимым потому, что болгарская армия выдвинулась далеко вперед, и, следовательно, доставка грузов и эвакуация больных и раненых проходили по грунтовым дорогам, значительно осложнявшим этот процесс во время сезонной распутицы. Стоимость дополнительного оборудования составила 3 151 руб. 81 коп.[1183].

Врачебно-санитарный персонал транспорта, состоявший из врача, двух студентов-медиков и восьми санитаров, был отправлен в Болгарию 3 ноября вместе с Кауфманским этапным лазаретом имени Е.М. Терещенко с семьей[1184]. 13 000 руб. на покупку лошадей в тот же день было переведено по телеграфу посланнику А.В. Неклюдову. Согласно справки ГУ, эти средства

[1178] Там же. Д. 1475. Л. 65.

[1179] Вечернее время. 1912. 20 октября (2 ноября). С. 3.

[1180] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1085. О деятельности врачебных отрядов Красного Креста на Балканском полуострове и ликвидации их деятельности. Январь-апрель 1913. Л. 47.

[1181] Там же. Л. 93.

[1182] Там же. Д. 1475. Л. 93.

[1183] Там же. Л. 93 об.

[1184] Там же. Л. 102.

передал РОКК благотворитель, пожелавший остаться неизвестным. На месте помощь в покупке лошадей должен был оказать агент министерства промышленности и торговли агроном И.К. Окулич[1185], занимавшийся перепиской и всеми делами Красного Креста до прибытия на Балканы особоуполномоченного П.А. Тыртова[1186].

Е.М. Терещенко была известной благотворительницей, владелицей огромного состояния. Она обратилась в ГУ с просьбой оборудовать на ее средства два лазарета на 50 кроватей (один в Сербию, другой в Болгарию). Е.М. Терещенко выразила желание содержать лазареты в течение трех месяцев. В случае положительного решения она была готова немедленно передать 54 000 руб. Кроме того, если ситуация потребует продления деятельности финансируемых ею отрядов еще на три месяца, Е.М. Терещенко обещала выделить дополнительно еще 26 000 руб. К ходатайству благотворительницы прилагалась справка, что стоимость оборудования лазарета на 50 кроватей по сметам Главного склада стоит 40 000 руб.[1187]. Ходатайство Е.М. Терещенко обсуждалось на заседании ГУ 20 октября 1912 г. и было принято к исполнению. Формирование этапных лазаретов имени Е.М. Терещенко с семьей было поручено Кауфманской общине (для Сербии) и Свято-Троицкой (для Болгарии)[1188]. Отъезду санитарных отрядов имени Е.М. Терещенко с семьей было посвящено несколько газетных публикаций. В них сообщалось, что благотворительница уже затратила 80 000 руб., а всего ей придется израсходовать около 200 000 руб., и что она сама руководила подготовкой отрядов. Проводы отрядов носили торжественный характер. Каждый санитар получил в подарок от Е.М. Терещенко часы. В заметке говорилось, что «это первый почин отправки отрядов на частные средства»[1189].

История с формированием отряда Киевской Мариинской общины сестёр милосердия получила свое продолжение. 23 октября 1912 г. в ГУ поступила телеграмма ее попечительницы В.В. Мавриной с разъяснением, что деньги на проектируемый для отправки в Болгарию отряд собирались отдельно, а не из кассы общины. Далее следовал вопрос, не согласится ли ГУ само командировать отряд на Балканы. В случае положительного решения персоналу будет выдано вперед трехмесячное содержание, а также деньги на обратный проезд. Кроме того, община обязалась выдать перевязочные материалы и наборы инструментов[1190].

В результате обсуждения ходатайства Киевской Мариинской общины сестёр милосердия о командировании врачебно-санитарного отряда в составе врача, шести сестёр милосердия, пяти

[1185] Там же. Л. 89.

[1186] Там же. Д. 1479. Л. 210.

[1187] Там же. Д. 1475. Л. 69.

[1188] Там же.

[1189] Вечернее время.1912. 27 октября (7 ноября). С. 3.

[1190] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1475. Л. 76.

санитаров с необходимым комплектом перевязочных материалов в Болгарию на собранные общиной средства, на очередном заседании ГУ 29 октября 1912 г. было принято решение не препятствовать его командировке[1191]. Санитарный отряд Киевской Мариинской общины (старший врач Ф. Кондратьев) выехал к месту назначения 1 ноября 1912 г.[1192].

24 октября 1912 г. полтавское земство телеграфировало в ГУ о формировании двух санитарных отрядов на Балканы – в Сербию и Болгарию. В составе каждого отряда было три сёстры милосердия, два фельдшера, четыре санитара. В этой связи полтавская земская управа интересовалась, можно ли в связи с этим получить льготы на проезд и оформление паспортов. В просьбе было отказано[1193]. Тем не менее отряды выехали к месту назначения.

В конце ноября 1912 г. «Крымский вестник» сообщил о прибытии в Севастополь из Симферополя двух отрядов, отправляющихся в Болгарию и Сербию. Отряд в Болгарию состоял из старшего врача, хирурга бердянской городской больницы Топалова, младшего врача П.Г. Рыжкова, четырех сестёр милосердия, фельдшериц и двух санитаров-болгар. Он был организован на средства, собранные преимущественно среди болгар бердянским уездным комитетом по оказанию помощи славянам-воинам на Балканах. Отряд в Сербию состоял из старшего врача Л.С. Киша, двух сестёр милосердия Хмель и Руденко и санитара Шульца. Он был организован Таврическим губернским комитетом по оказанию помощи славянам-воинам на Балканах. Отряды везли с собой 70 пудов перевязочного материала. 17 ноября отряды отбыли в Одессу, где планировали пополнить свои запасы[1194].

К январю 1913 г. на театр военных действий было отправлено: врачей – 31, завхозов – 20, фармацевтов – 2, сестёр милосердия – 162, санитаров 252. Общее число штатных кроватей в командированных лечебных заведениях – 1 250, но имущественное снаряжение позволяло лечебным заведениям принимать больных и раненых в двойном количестве, благодаря чему многие отряды развернулись на большее количество мест. Каждому отряду было обеспечено снаряжение на три месяца[1195].

По распоряжению ГУ РОКК все санитарные отряды по прибытии на место поступали в распоряжение национальных обществ Красного Креста, с согласия которых они были командированы[1196].

[1191] Там же. Л. 71.

[1192] Там же. Л. 103 об.

[1193] Там же. Л. 74.

[1194] Крымский вестник. 1912. 18 ноября // РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1488. Л. 71.

[1195] Там же. Д. 1479. Л. 172 об.-173.

[1196] Там же. Д. 1467. Л. 54.

В российском обществе нашлись недовольные выбором партнеров для краснокрестных отрядов на Балканах. В газете «Утро России» от 10 ноября 1912 г. была напечатана заметка «Москвичи на театре войны» с описанием переезда отряда, сформированного московским городским общественным управлением из Москвы в Сербию, позаимствованным из письма его старшего врача Н.К. Холина одному из членов Московской городской управы. Среди прочего, в заметке было отмечено, что «ГУ Красного Креста оказалось совершенно не осведомленным, что Сербский Красный Крест – частное учреждение, с которым никто не считается». Председатель РОКК А.А. Ильин отреагировал почти мгновенно, отправив письмо московскому городскому голове Н.И. Гучкову, где, в частности, было сказано: «В виду вышеизложенного считаю своим долгом разъяснить, что Сербское общество Красного Креста находится под покровительством сербского короля и председательством министра двора, признано и аккредитовано другими обществами того же имени и потому «частным учреждением, с которым никто не считается», названо быть не может»[1197].

Параллельно с процессом формирования санитарных отрядов руководство ГУ РОКК предпринимало шаги по организации повсеместного сбора пожертвований на оказание помощи славянам Балканского полуострова. Решение было принято в заседании 27 сентября 1912 г. Члены ГУ признали «желательным организовать повсеместный по Империи сбор пожертвований на оказание врачебно-санитарной помощи славянам Балканского полуострова, употребив имеющие быть собранными от означенного сбора суммы как на покрытие уже произведенных ГУ расходов по снаряжению и содержанию организаций Красного Креста на театре военных действий, так и на дальнейшее содержание этих организаций»[1198]. Затем установленным порядком председатель ГУ обратился за разрешением к Председателю Совета министров. Положительный ответ был дан 6 октября 1912 г. Однако, когда об этом известили императрицу Марию Федоровну, она посчитала, что сбор пожертвований преждевременен[1199]. Поэтому на очередном заседании ГУ, состоявшемся 11 октября 1912 г., было решено оставить вопрос о повсеместном сборе средств открытым до получения надлежащих указаний императрицы[1200].

Однако председатель РОКК А.А. Ильин был обеспокоен этим непредвиденным обстоятельством и обратился с просьбой о содействии к камер-фрейлине Марии Федоровны Е.С. Озеровой. В письме он сообщил, что Петербургское славянское благотворительное общество уже открыло сбор средств, каковой проводится различными способами, в том числе и по церквам

[1197] Там же. Д. 1481. Л. 222.

[1198] Там же. Д. 1488. Л. 1.

[1199] Там же.

[1200] Там же. Д. 1481. Л. 56.

Империи. А.А. Ильин полагал, что дальнейшее промедление со стороны ГУ неблагоприятно отразится на результатах сбора, и «столь необходимый для военно-санитарных нужд отечественной армии запасной капитал останется не пополненным». Именно об этом обстоятельстве А.А. Ильин и просил доложить вдовствующей императрице в первую очередь[1201].

По-видимому, начало военных действий на Балканах и соответствующие затраты из запасного капитала ГУ стали убедительными аргументами для начала повсеместного сбора средств и пожертвований в пользу Красного Креста. Он начался с конца октября 1912 г.[1202].

Быстрое развитие ситуации на Балканах внесло коррективы в первоначальный план ГУ. На заседании ГУ от 8 ноября 1912 г. был поднят вопрос о необходимости Передового склада общества Красного Креста в Софии для обеспечения материальным снабжением лечебных заведений общества, действующих на Балканах. На срочность решения вопроса указывали донесения старших врачей о крайне напряженной работе лечебных учреждений РОКК, действующих в Болгарии и Сербии, а также о быстром расходовании перевязочного материала и иных запасов. Кроме того, поступали просьбы различных общественных организаций и частных лиц о передаче по назначению собираемых ими материальных пожертвований в пользу балканских славян и греков.

В связи с этим ГУ постановило командировать на Балканский полуостров особого уполномоченного, члена совета складов общества, генерал-майора П.А. Тыртова. Кроме формирования Передового склада ему была поручена пересылка в болгарские и сербские лечебные учреждения пожертвования, поступающие из России[1203].

Приняв решение об организации Передового склада, ГУ действовало очень быстро. В считаные дни был определен и сформирован штат склада, были подготовлены списки необходимых предметов и материалов, а также утверждено «Положение о временном полевом складе Российского общества Красного Креста». Помощником П.А. Тыртова стал барон А.А. Врангель, а заведующим Передовым складом в Софии был назначен Р.Я. Рейн[1204].

Пока определялось количество и категории запасов, которые следовало сделать, председатель ГУ сделал распоряжение об отправке 9 и 10 ноября первых четырех вагонов грузов, проследовавших через Одессу, Рущук и Софию[1205]. Это были медикаменты, перевязочные

[1201] Там же. Л. 116-117.

[1202] К 15 ноября 1912 г. было собрано 181 827.64 руб. // Там же. Л. 253-253 об.

[1203] Там же. Д. 1488. Л. 12.

[1204] Кроме того, в штат входили бухгалтер Н.И. Воронин, артельщик И.В. Молодцов, старший санитар Александр Григорьев, санитары Николай Шендель и Сергей Щеглов. // Там же. Выписки из журналов заседаний ГУ по организации Передового склада на Балканском полуострове. 1912-1913. Л. 32.

[1205] Там же. Л. 3.

средства, предметы ухода за больными, постельное бельё и многое другое, что могло понадобиться в первую очередь. 13 ноября в Одессу прибыло 2 500 пудов груза для Передового склада[1206]. Всего для его устройства с Главного склада РОКК было отпущено различных предметов на 50 000 руб.[1207].

ГУ организовало отправку пожертвований в Софию через свой Главный склад и Одесское местное управление. На Передовом складе эти вещи сортировались и передавались по назначению[1208]. Так, 15 ноября 1915 г. кружок новгородских дам под руководством жены губернатора Нины Исидоровны Лопухиной и в его доме упаковал для отправки на Балканы два пуда сахара, по 25 рубашек хирургических, бумазейных и простых, 50 простынь и многое другое. На Передовой склад эти вещи поступили 3 декабря 1913 г. через Главный склад в Петербурге. Так что конечного пункта пожертвования достигали довольно быстро.

При этом следует отметить, что принимались вещи и материалы исключительно новые, не бывшие в употреблении и, кроме того, могущие быть использованными на нужды лечебных заведений и для снабжения выписывающихся из госпиталей, а именно: мужское бельё, тёплое платье, фуфайки, одеяла, валенки, туфли, башлыки, а также чай, кофе, сахар, шоколад, какао, крепкое вино, сгущенное молоко, табак, папиросы, мыло и пр.[1209]. Прием вещевых пожертвований был предусмотрен лишь для Болгарии и Сербии, так как переотправка пожертвований в Грецию и Черногорию вызывала значительные трудности и расходы. Поэтому жертвователям рекомендовался перевод в распоряжение общества Красного Креста Греции и Черногории денежных сумм[1210].

Кроме того, рабочей была схема, когда отдельные благотворители могли заказать оборудование или отдельные предметы на Главном складе РОКК, а затем они либо отправлялись по назначению через Передовой склад или выдавались жертвователям с тем, чтобы они могли сами распоряжаться этими вещами. В этом смысле примечательна «Справка об отпуске разных предметов Главным складом учреждениям и лицам для отправки на Балканы» (без даты, предположительно – октябрь 1912 г.), сохранившаяся в материалах ГУ. Она дает представление о том, кто и что заказывал и на какую сумму. Из документа видно, что Русско-болгарскому дамскому комитету было выдано постельное бельё, медикаменты, аптечки, хирургические инструменты и пр. на сумму 1 436, 28 руб.; Петербургское славянское благотворительное общество заказало хирургические инструменты и аптекарские принадлежности на 1 004, 46 руб.

[1206] Там же. Л. 72.

[1207] Там же. Л. 76.

[1208] Там же. Д. 1085. Л. 48.

[1209] Там же. Оп. 3. Д. 310. Л. 33.

[1210] Там же. Оп. 1. Д. 1488. Л. 133.

Постельное бельё, медикаменты, аптечные принадлежности, перевязочные материалы, хирургические инструменты были куплены Русско-Сербским дамским комитетом (на 3 926, 96 руб.), Обществом славянской взаимности (на 2 2026, 42 руб.), Союзом русских женщин (на 326, 40 руб.). Княгине Елене Петровне, снаряжавшей отряд в Сербию, было предоставлено оборудование этапного лазарета на сумму 14 340, 54 руб. Конторой двора великого князя Николая Николаевича на 350 руб. были куплены одеяла, а контора двора великого князя Константина Константиновича оплатила бельё, затратив 270, 80 руб. Общая сумма покупок составила 23 681, 86 руб.[1211]

К началу января 1913 г. на оказание помощи раненым и больным воинам на театре войны Балканского полуострова в ГУ поступило пожертвований на 277 439, 43 руб., из материальных пожертвований Главный склад отправил в Софию 450 мест, общим весом в 1 614 пудов[1212].

Выезд П.А. Тыртова и сотрудников Передового склада из Петербурга состоялся 11 ноября 1912 г. В тот же день особоуполномоченный РОКК заявил корреспонденту газеты «Вечернее время» о целях своей поездки следующее: «Деятельность наших отрядов на нынешнем театре военных действий является, в сущности, для нас первым серьезным экзаменом на случай собственной войны. Во время русско-японской войны дело снабжения отрядов Красного Креста всем необходимым не было достаточно хорошо организовано, все покупалось дорого, не было планомерности, отсутствовала необходимая организация. Настоящая моя командировка вызвана необходимостью прийти на помощь отрядам Красного Креста, которые начинают испытывать нужду в многочисленных предметах оборудования…»[1213].

Скорым поездом сотрудники склада прибыли в Одессу 13 ноября, в тот же день погрузились на пароход и отбыли в Рущук[1214]. 18 ноября они уже были в Софии, о чем на следующий день уведомили Болгарское общество Красного Креста[1215].

Особоуполномоченный П.А. Тыртов прибыл на Балканы, когда большинство русских отрядов уже приступило к работе. Поэтому свою командировку он начал с ознакомления с деятельностью русских медицинских учреждений в Сербии и Болгарии. В сопровождении своего помощника барона А.А. Врангеля П.А. Тыртов прибыл в Белград 18 ноября 1912 г., а затем отправился через Ниш в Ускюб (Скопье), где 21 ноября приступил к осмотру русских лазаретов. 25 ноября 1912 г. он был уже в Софии. По итогам поездки председателю РОКК А.А. Ильину был предоставлен подробный отчет. П.А. Тыртов с удовлетворением констатировал, что русские медицинские

[1211] Там же. Л. 94.

[1212] Там же. Д. 1479. Л. 173 об.

[1213] Там же. Д. 1488. Л. 45.

[1214] Там же. Д. 1475. Л. 155.

[1215] Там же. Д. 1488. Л. 73-73 об.

учреждения «поставлены вполне образцово, хорошо оборудованы и достаточно снабжены всем необходимым почти на месяц вперед». Особоуполномоченный усмотрел только один недостаток: отсутствие достаточного количества тёплого нательного белья для подлежащих выписке. Впрочем, тут же было отмечено, что эта проблема уже решена для Сербии благотворительностью жены российского посланника А.П. Гартвиг и, частично, сербским правительством[1216]. Так как П.А. Тыртов находился на территории Болгарии, то часть своих функций в Сербии он делегировал А.П. Гартвиг.

Пока Тыртов знакомился с деятельностью русских санитарных отрядов в Сербии, персонал Передового склада готовился к его открытию. Городские власти Софии безвозмездно передали для его размещения здание школы Раковского и примыкавший к нему двор, по своим размерам вполне отвечавшие задачам хранения госпитального имущества[1217].

Открытие склада, призванного обслуживать русские санитарные отряды в Болгарии и Сербии, состоялось 24 ноября[1218]. Болгарские власти высоко оценили эту инициативу ГУ. 29 ноября на его очередном заседании была зачитана телеграмма царицы Элеоноры: «Присылка склада Красного Креста является пополнением насущной потребности. Сердечно благодарю за вашу мысль, которая доказывает еще раз, насколько нужды наших храбрых воинов близки и дороги своим славянским братьям»[1219].

Из отчета П.А. Тыртова известно, что «старшим врачам наших лазаретов и госпиталей были разосланы телеграммы с просьбой безотлагательно прислать свои требования о дополнительном имуществе для отрядов. В течение первой недели, то есть с 26 ноября по 1 декабря, складом снабжено 12 лазаретов, функционирующих в Сербии и Болгарии». Особоуполномоченный ГУ провел анализ заявок и выяснил, что большинство заявлений врачей о дополнительном снабжении касаются продовольствия и частью медицинских средств, не имеющихся на складе. Причину П.А. Тыртов видел в том, что в местах пребывания наших отрядов иногда невозможно достать самых необходимых предметов, а также и тем, что все российские лазареты были экипированы как этапные, а фактически выполняли функции стационарных госпиталей. Свою роль сыграло и то, что почти все отряды развернулись на большее по сравнению со штатным числом количество кроватей[1220].

[1216] Там же. Оп. 2. Д. 1495 а. С. 1-2, 15.

[1217] Там же. Оп. 1. Д. 1488. Л. 149.

[1218] Там же. Д. 1479. Л. 133.

[1219] Там же. Д. 1488. Л. 105.

[1220] Там же. Л. 163 об.

Интенсивные военные действия в ноябре 1912 г. быстро истощили склад. 4 декабря 1912 г. П.А. Тыртов ходатайствовал перед ГУ о дополнительном снабжении его имуществом на сумму 14 521 руб.[1221], так как имеющиеся запасы подходили к концу[1222].

Как уже отмечалось, Передовой склад был предназначен в помощь русским отрядам. Об этом свидетельствует ответ ГУ на запрос баронессы В.И. Икскуль фон Гильденбрандт о возможности пополнения запасов одного из филиппопольского лазаретов: «1 декабря 1912 г. … Склад послан исключительно снабжения русских лазаретов точка выдача болгарских случаях крайней необходимости зависит исключительно Тыртова точка Искренний привет Чаманский»[1223]. Можно предположить, что особоуполномоченный РОКК отказал баронессе в связи с недостаточностью в тот момент запасов для русских лечебных учреждений.

Однако по требованию жертвователей помощь в пополнении госпитальных запасов оказывалась и славянским армиям. Так, в отчете председателю ГУ А.А. Ильину от 1 февраля 1913 г. П.А. Тыртов сообщил, что часть тёплых вещей, пожертвованных Русско-Сербским комитетом для нужд сербской армии, он направил на передовые позиции под Адрианополь, за что 25 января 1913 г. получил благодарность генерала-адъютанта Степановича[1224].

Значение деятельности Передового склада трудно переоценить. Несмотря на четко очерченный круг задач, по прибытии на место особоуполномоченный РОКК П.А. Тыртов фактически стал координатором деятельности русских санитарных отрядов и являлся связующим звеном между местными военными и санитарными властями, РОКК, лицами или организациями, финансирующими отряды, и их старшими врачами[1225]. Кроме своих основных обязанностей по организации работы склада и логистики, П.А. Тыртов снабжал ГУ различного рода информацией, отражающей положение дел в постановке медицинского обслуживания как в болгарской, так и в сербской армиях.

§ 2. Обсуждение в российской печати 1912-1913 гг. проблем гуманитарной помощи славянским народам

Интерес общественности к теме помощи воюющим на Балканах славянам и грекам подогревался в российской печати регулярными сообщениями военных корреспондентов, интервью с высокопоставленными дипломатами и общественными деятелями, очерками публицистов и аналитическими статьями. Периодически давалась информация о сборе средств и

[1221] Там же. Д. 1488. Л. 160 об.

[1222] Там же. Л. 160.

[1223] Там же. Л. 113.

[1224] Там же. Д.1503. Л. 109.

[1225] Там же. Д. 1479. Л. 209.

пожертвованиях, а также о формировании и деятельности санитарных отрядов РОКК на Балканах. Круг проблем, связанный с гуманитарной помощью сражающимся славянским народам и грекам, обсуждавшийся в периодической печати, отражал, прежде всего, взгляды различных слоев российского общества на внутреннюю и внешнюю политику Российской империи.

Значительный интерес общественных деятелей и лидеров партий к балканским вопросам, не в последнюю очередь, объяснялся сочувствием значительной части российского населения южным славянам, которых воспринимали как братьев, основываясь на единстве веры. Оппозиция прекрасно сознавала, что, развивая тему помощи славянам, она вступает в противоборство с авторитетом царской власти, ведь российские императоры традиционно воспринимались на Балканах как защитники православия и православных. Критика балканского направления внешней политики российского правительства наносила удар не столько по позиции министра С.Д. Сазонова, сколько по позиции Николая II, единолично контролировавшего деятельность МИД.

Балканские события 1912-1913 гг. предоставили оппозиции прекрасные шансы побороться за общественное мнение: официальная Россия была связана рядом договоренностей с европейскими странами, затруднявшими ей свободу маневра на Балканах. Эти же обстоятельства делали невозможной открытую поддержку устремлений балканских государств.

Следуя линии МИД, официальные круги Российской империи при поддержке правых сначала были заинтересованы в сохранении status quo на Балканах, затем были озабочены тем, чтобы предпринимаемые дипломатические шаги по урегулированию территориальных вопросов были согласованы с «европейским концертом».

Октябристы критиковали внешнеполитическое ведомство за недостаточную поддержку балканских народов. Кадеты ратовали за «демократизацию» отношений со славянскими народами и объединение «всех прогрессивных сил» в организации помощи славянам. И октябристы, и кадеты выступали за «активную внешнюю политику на Балканах» в противовес осторожной официальной позиции.

У социал-демократов был особый взгляд. Они полагали, что «славянские задачи» России отвлекают население от внутренних проблем[1226], и выступали против вмешательства во внутренние дела балканских народов, против войны.

В печати нашли отражение не только политические, но и гуманитарные проблемы: «стоит ли оказывать помощь балканским народам?», «стоит ли оказывать помощь больным и раненным

[1226] *Ленин В.И.* Ко всем гражданам России // ПСС. Т. 22. С. 138.

турецким воинам?», «нужно ли разрешать мусульманскому населению Российской империи участвовать в сборе средств жертвам балканских войн?».

Эти вопросы обсуждались практически ежедневно, вызывая критику не только действий правительства, но и РОКК[1227]. Официальные круги, как правило, не реагировали на большинство выпадов, однако, члены ГУ РОКК, как представители общественной организации, были вынуждены периодически давать комментарии.

Одним из первых в российской прессе был поставлен вопрос, стоит ли оказывать гуманитарную помощь воюющим славянским народам. После публикации решения ГУ о мобилизации санитарных отрядов на случай войны на Балканах, РОКК пришлось отбиваться от нападок как справа, так и слева. Справа критиковали за поспешность, слева – за медлительность. О позиции социал-демократов речь пойдет ниже.

В ряде изданий началась дискуссия, не отразится ли отправка санитарных отрядов на Балканы на состоянии помощи русской армии в случае начала военных действий против Российской империи. В этом отношении примечательна статья в газете «Вечернее время»: «Посылать ли лазареты Красного Креста на Ближний Восток?». Вышла она через неделю после публикации информации о предстоящей отправке лазаретов на Балканы. Автора статьи «эта весть … смутила». И тут же поставил ряд «неудобных» вопросов: «Неужели наш Красный Крест настолько разбогател после японской войны и голодовок, что может рассылать … лазареты огромной стоимости, “оборудованные по последнему слову науки”»? Как же связать с этим такие обстоятельства, что у нас самих сейчас не достает не менее 2 000 сестёр на случай войны, если не считать жалкого по качеству суррогата сестёр из монахинь и из девятимесячных курсов, а ведь на Балканы мы пошлем лучших из общинских. Что…мы сами, наконец, быть может, накануне войны, а то и ряда войн; что же эти лазареты, посылаемые, у нас лишние? Сёстры посылаемые тоже лишние?»[1228] В той же газете был опубликован комментарий представителя Красного Креста, который заверил читателей, что в случае оказания помощи балканским государствам интересы российской армии не пострадают[1229].

Еще одним объектом для нападок стало «преждевременное» решение ГУ РОКК о мобилизации отрядов. Об этом 22 сентября (5 октября) 1912 г. сообщило «Утро России». В заметке «Недовольство Красным Крестом» автор отметил, что в правительственных кругах

[1227] Общественная организация, находившаяся под покровительством императорской семьи и пользовавшаяся авторитетом в широких слоях населения.

[1228] Вечернее время. 1912. 1 (14) октября. С. 2.

[1229] Там же.

«вызвала крайнее недовольство чрезвычайная поспешность, обнаруженная обществом Красного Креста в снаряжении отрядов для отправки в Болгарию, Грецию, Сербию и Черногорию»[1230].

Эта тема в течение нескольких дней была затронута несколькими изданиями. «Одесский листок» в заметке «Шумим!» довольно язвительно писал: «Войны на Балканах еще нет. До вмешательства России, до необходимости с нашей стороны более или менее активного сочувствия еще, к счастью, далеко. Но кой-кто уже успел вооружиться и даже раз-другой ударить картонным мечом по воздуху… Почему-то крайне нетерпимо стало Красному Кресту. Более невтерпеж даже, чем самим заинтересованным сторонам, балканским державам. Красный Крест своим нетерпением, говорят, успел даже сконфузить правительство»[1231]. Досталось от автора заметки и А.А. Башмакову, одному из активных членов Петербургского славянского благотворительного общества: «Едва ли правительство получило большее удовлетворение от выступления другого, тоже “органа” власти – редактора «Правительственного вестника» г. Башмакова. Г[осподин] Башмаков выступил с воззванием к русскому обществу…, в котором заявил, что верит, что Россия придет всегда на помощь в важные минуты всеславянской истории. Пока он призывает ограничиваться пожертвованиями в пользу Балканских государств. Далее автор намекнул, что прославянское движение поддерживается на самом верху, а заодно прошелся и по благотворительным сборам: «Бог весть, кто уполномочил г. Башмакова на выражение “всенародного порыва” и открытие сбора пожертвований. Но так уж водится, что редактор “Правительственного вестника” должен быть непременно записной славянофил. Чем же лучше выразить свое пламенное славянство, да еще “за четверть часа” до пожара, до открытого объявления войны, как не пойти “побираться” во имя балканских государств»[1232].

Автор заметки в «Биржевых ведомостях» от 22 сентября (5 октября) 1912 г., отметив еще и «нежелание» оказать помощь Турции, также указал на существующее якобы «неудовольствие в правительственных кругах» по поводу «поспешности Красного Креста и нетактичности по отношению к Турции». РОКК был вынужден оправдываться. Газета здесь же опубликовала заявление управляющего канцелярией ГУ А.Д. Чаманского, «что отряды никуда не отправлялись, мобилизация заключается в подготовке необходимых вещей и их упаковке. Говорить о бестактности по отношению к Турции тоже преждевременно, так как решение о том, куда отправлять отряды, еще не принято»[1233].

[1230] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1478. Л. 50.

[1231] Там же. Л. 68.

[1232] Там же.

[1233] Биржевые ведомости. 1912. 22 сентября (5 октября). С. 2.

Однако печать продолжала развивать тему «отказа» в помощи Турции. «Русское чтение» 13 октября 1912 г. поместило заметку «Сочувствие балканским христианам», где автор отметил, что французские и английские газеты сочувствуют балканским славянам и «указывают между прочим на то, что несмотря на официальный нейтралитет, несмотря на требование справедливости одинаково прийти на помощь жертвам обеих сторон, гораздо охотнее организуется дело в пользу славян, гораздо ближе чувствуются интересы Красного Креста, чем Красного Полумесяца»[1234].

Начало военных действий накал страстей только усилило: общественность принялась с жаром обсуждать, стоит ли оказывать помощь больным и раненым турецким воинам. 16 октября 1912 г. социал-демократическая «Правда» поместила статью «Ужасы войны», где, со ссылкой на сведения английского корреспондента «Daily Cronicle», описывались страдания турок после их поражения в битве у Люле-Бургаса: «Отступление турок превратилось в беспорядочное бегство одурелых, голодных, измученных, обезумевших толп. Автомобиль корреспондента застрял в толпе бегущих. Голодные турки просили у него хлеба. Приходилось самому делать перевязки. Врачей мало. Перевязочных материалов нет. Припасов нет»[1235]. Такая позиция социал-демократии, по-видимому, была обусловлена не только гуманистическими соображениями, но и нежеланием идти в русле официального внешнеполитического курса, ориентированного на поддержку славян.

Иначе оценивали ситуацию на правом фланге. Настоящую ярость со стороны черносотенной газеты «Земщина» вызвало воззвание супруги французского посла[1236] в Константинополе, опубликованное 24 октября (6 ноября) 1912 г. в парижской газете «Matin». Госпожа Бомпар пригласила французскую общественность к пожертвованиям в пользу турецких раненых. Издание привело отрывок из воззвания: «Я обращаюсь к вам от имени тех французов, которые в продолжение нескольких столетий отправлялись на Восток, чтобы учить восточные народы любить Францию, как неугасимый факел цивилизации. Я обращаюсь к вам от имени тысячи солдат, *участников Крымской войны* (было выделено в тексте газеты курсивом – Г.Ш.), которые пали на здешней земле и могилы которых здесь свято сохраняются» [1237]. Не без сарказма в «Земщине» по этому поводу указывалось, что «сострадание госпожи Бомпар, конечно, похвально. Но вот что несколько странно. С женой бывшего посла в Петербурге мы носились, как с писаной торбой, а она нашла уместным взывать о сострадании во имя участников Крымской

[1234] РГВИА. Ф. 1651. Оп. 1. Д. 1480. Командирование врачебно-санитарного отряда в Турцию. 1912-1913. Л. 34.

[1235] *Ленин В.И.* Ужасы войны // ПСС. Т.22. С. 159-160.

[1236] Морис Бомпар, французский посол в Петрограде (1902 – 1907) и Константинополе (1909 – 1914).

[1237] Земщина. 1912. 26 октября. С. 3.

войны. Что же, эта госпожа имела в виду вызвать сочувствие к туркам, с которыми французы вторично ворвались в наше отечество?»[1238]. Газета четко придерживалась линии «свои – чужие» и приглашала к этому читателей.

Голос в защиту прав мусульман подняло авторитетное издание партии прогрессистов[1239] «Утро России». Оно выразило суровое порицание петербургской администрации, запретившей сбор пожертвований в пользу пострадавших на войне турок. Кроме того, издание проинформировало читателей о запрете местными властями Оренбурга сбора средств в пользу больных и раненных турецких солдат и офицеров, и выразило недоумение, почему этот город, являющийся центром русского мусульманства, «не смеет проявить гуманного отношения к страждущим мусульманским воинам». Автор статьи подчеркнул, что принцип гуманизма превыше всех других соображений: «Почему никто не подумал, что проливаемая турецкая кровь – тоже горячая человеческая кровь? Почему не нашлось в России гуманных людей, которые могли бы вспомнить, что помощь жертвам войны должна направиться и в эту сторону? Почему высокие принципы человеколюбия, мира никого не толкнули на помощь погибающим туркам?»[1240].

«Земщина» отреагировала на эту публикацию немедленно, выразив страхи некоторой части российского общества: «Плохо работает мыслительный аппарат у радикальных крикунов. Иначе они поняли бы, что нельзя шутить с панисламистскими чувствами русских мусульман, которых, несомненно, разжег бы сбор в пользу раненных единоверцев. Шутки с огнем – всегда опасны»[1241]. Тем не менее, чтобы успокоить общественное мнение, та же «Земщина» периодически печатала объявления, подобные этому: «Бакинский миллионер-нефтепромышленник пожертвовал Красному Полумесяцу 15 000 руб.»[1242].

Двойственность подходов российской бюрократии к гуманитарной помощи противоборствующим сторонам отметил Ар. А. Улунян. Он констатировал, что «в связи с Первой Балканской войной усилились тревоги правящих кругов относительно возможного распространения радикального ислама, что выразилось в препятствии проведения общественных

[1238] Там же.

[1239] «Прогрессистами» назывались немногочисленные политически активные представители русской (прежде всего московской) буржуазии и интеллигенции, разделявшие идеи эволюционного общественного прогресса и ратовавшие за поэтапное проведение реформ во всех сферах жизни.

[1240] Земщина. 1912. 4 ноября. С. 2. Номер газеты «Раннее утро», где находился цитируемый «Земщиной» текст, автором не обнаружен.

[1241] Там же.

[1242] Там же.

акций в защиту больных и раненных турецких воинов»[1243]. Таким способом власти пытались не допустить «радикализации и политизации ислама внутри России» и максимально усилить контроль за самой крупной неправославной конфессией. Озабоченность правящих кругов вызывала и возможность координации деятельности образовавшихся исламских общественно-политических организаций в Российской империи[1244].

Российская демократия по этому вопросу высказалась довольно определенно. В статье «Нейтралитет и право частной благотворительности», опубликованной в «Санкт-Петербургских ведомостях», выражалась безусловная поддержка российских мусульман, готовых помочь своим братьям по вере. Автором приводились аргументы со ссылкой на международное право. Внимание читателей акцентировалось на факте, что «медицинское и санитарное состояние турецкой армии никуда не годится», поэтому автор доказывал, что «разрешая самую широкую пропаганду благотворительной помощи балканским славянам, отправку им лазаретов, лекции, концерты и так далее, следует, в интересах беспристрастия и справедливости, разрешить это и мусульманам»[1245].

Не остались в стороне от полемики и «Русские ведомости», выражавшие мнение «профессорской Москвы». 21 ноября 1912 г. в газете были опубликованы материалы В. Короленко «Крест и Полумесяц». Автор сообщил, что побудительным мотивом к написанию статьи послужил отчет об одном из земских собраний в небольшом провинциальном городе, где было предложено послать телеграмму с выражением сочувствия борющимся славянам, а затем возник вопрос о санитарной помощи. Кто-то из гласных предложил оказать помощь «всем страдающим от войны», без различия народности, но эта идея вызвала серьезное противодействие. В итоге собрание большинством голосов постановило ассигновать по 100 руб. балканским славянам. Идея помощь без различия национальности была отвергнута. Короленко обратил внимание читателей, что вопрос, кому оказывать помощь, возник не только в захолустном Горбатове. Статья проникнута сочувствием к простым туркам-хлебопашцам, согнанным со своих земель. Короленко осуждал культивируемый некоторыми средствами массовой информации в российском обществе образ турка-зверя, подчеркивая, «что война вообще – это дело зверское». Писатель выразил сожаление, что большинство членов общества солидарны с теми, кто «не хочет слышать голос разума», и в заключение сделал вывод, что «надо

[1243] *Улунян Ар.А.* Взгляд имперской России на Балканы (начало XX века). С. 326.

[1244] Там же. С. 347.

[1245] Новое время. 1912. 1 (14) ноября. С. 2.

помогать страдающим людям, вне зависимости от рациональных доводов, в этом и есть смысл христианства»[1246].

Следует отметить, что воинственные выкрики в печати против Турции и призывы к крестовому походу довольно быстро прекратились. Это было связано не столько с широкой поддержкой идей гуманизма, что, конечно, имело место, но и с завершением военных действий против Османской империи и переключением внимания части общества на «исконного врага славянства» – Австро-Венгрию. Таким образом, в печати нашли отражение изменение внешнеполитических ориентиров и отказ от союза с Веной в балканских вопросах.

Если часть прессы критиковала Красный Крест за «поспешность» и «нежелание помогать Турции», то другая ругала его за «медлительность», «помощь туркам» и «игнорирование интересов славян». Так, газета «Свет», вскоре после открытия военных действий на Балканах, писала: «…Нам безразлично, что нет известий о выступлении на Балканы Красного Креста из Германии или Англии. Но чего медлит русский Красный Крест “готовый к выступлению в любую минуту”?»[1247]. Досталось от автора и «просвещенной Европе»: «… кровь-то христианская на Балканах льется! Число убитых и раненых растет. Особенно у черногорцев, которые первыми ринулись в бой… Где же помощь гуманной, христианской, богатой Европы? Помощи не оружием! На этот счёт у гуманной Европы есть отговорка: нейтралитет мешает. Помогать туркам можно! Им охотно посылают оружие и снаряды, даже деньги… Впрочем, балканские христиане и не просят помощи оружием. Сами дерутся. Но помощь настоятельно нужна иная. Истинно гуманная, человеческая. Помощь раненым и больным. Мало врачей и сестёр милосердия, мало госпиталей, мало лекарств и пособий. Где же застряла эта помощь гуманной Европы? О ней ничего не слыхать. Только множатся телеграммы о беспомощной нужде черногорских раненых»[1248].

В архивных материалах ГУ РОКК была обнаружена еще одна статья на эту тему «Мысли о войне и мире» от 30 сентября 1912 г. без указания источника. Автор сетовал, что «… Тяжело русскому человеку чувствовать теперь, что и наша русская дипломатия участвует в … немощном хоре, усердно жует бумагу купно с немцами, австрийцами, французами и англичанами, когда Балканы уже заливаются доблестной кровью… А жаль, что и наш Красный Крест увлекается примером дипломатической косности. Газетным репортерам рассказывает о том, как у него “все готово для выступления в любую минуту”, и откладывает до пятого октября – то есть на целую неделю – отправку своих первых отрядов в Черногорию. А ведь еще вчера, 28 сентября,

---

[1246] Русские ведомости. 1912. 21 ноября. С. 3.

[1247] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1478. Л. 145.

[1248] Там же. Л. 145.

телеграммы говорили о массе раненных черногорцев. Сегодня же телеграф сообщает уже о «переполненных ранеными» черногорских госпиталях!..»[1249]

Тема помощи славянам, несомненно, популярная, использовалась различными партиями в своих целях. Они не только привлекали внимание общественности к своей деятельности, но и критиковали политических противников. Например, обсуждая итоги выборов в Государственную думу в октябре 1912 г., кадеты упрекали октябристов, что они были слишком заняты делами Красного Креста и Балканской войной, поэтому «проморгали результаты выборов»[1250]. Октябристы, в свою очередь, на страницах «Московских ведомостей» выразили обеспокоенность, насколько будущая Дума «сумеет быть представительницей русских чувств, насколько сумеет стать нравственной опорой правительства для бодрой и энергичной защиты русских интересов и достоинства, неразличимых с интересами и достоинством христианских народностей Ближнего Востока». Опасными, с точки зрения октябристов, были победы «кадеков» и социал-демократов, которые «безучастны к международным интересам России»[1251].

Прекрасным примером того, как проблема помощи балканским славянам из гуманитарной плоскости переходит в политическую, является опубликованная в «Русских ведомостях» статья известного политического деятеля, члена кадетской партии Е.Д. Кусковой, где она доказывала, что помощь воюющим славянам и грекам неминуемо ведет к войне, что любые шаги в этом направлении могут ее спровоцировать. Еще одна идея, которую пропагандировала Кускова – что бесправное население не может по-настоящему сочувствовать чужой борьбе за освобождение: «… борцам нужны не сентиментальные слова, не восторги и умиление, а грубая, реальная поддержка. В какой форме мы, демократы, можем эту поддержку оказать? Не говоря уже о том, что многие из нас принципиальные противники войны, не могущие, следовательно, бить в барабаны и собирать добровольческие войска, даже помощь милосердную, краснокрестную, мирную, едва ли мы можем оказать. Для этого нужны свободные соединения, братские союзы, митинги, воодушевление, которых в нашей обстановке не может быть. … [Активно] сочувствовать славянам – значит толкать в известный момент и свою родину на вооруженную защиту их прав. Какой реальный смысл имеет сочувствие борющимся, кроме готовности к их поддержке?»[1252]. Е.Д. Кускова также видела в российском обществе признаки того, что совершенно естественная симпатия к борцам за свободу перерождается «в националистическую, религиозную, расовую и прямо-таки ненавистническую травлю их противников. … Если …

[1249] Там же. Л. 37.

[1250] Речь. 1912. 15 (28) октября. С. 4.

[1251] Московские ведомости. 1912. 20 октября (2 ноября). С. 2.

[1252] Русские ведомости. 1912. 13 октября. С. 2-3.

запутанная балканская трагедия выродится во вражду к турку, к мусульманину вообще, то мы воистину стоим перед опасностью, последствия которой даже трудно учесть»[1253].

Эту статью не смог оставить без внимания «Голос Москвы», поместив 30 октября 1912 г. заметку «Злобы дня». Автор попытался представить дело так, будто октябристы являются единственными последовательными защитниками славянского движения: «Как только на Балканах прогремел первый выстрел и пролились первые капли родственной нам славянской крови, – русский Красный Крест сейчас же пошел туда, куда звал его долг, – на помощь страждущим. Через несколько дней отряды были готовы. «Речь» тогда пустила слух, что в правительственных кругах очень недовольны такой поспешностью. Слух оказался обычной кадетской чепухой. Деятельность Красного Креста не встретила никаких затруднений со стороны правительства… Затем, по примеру Красного Креста, зашевелились и другие общественные организации. Создалось то, что называется общественным подъемом… Известно, как отнеслось правительство к этому подъему, когда он вышел за пределы благотворительной деятельности и широкой волной охватил страну. Славянские симпатии оказались не в фаворе… Правительство стало косо смотреть на славянофильское движение. Был дан лозунг: “это не демократично!”. И даже помощь раненым? Даже помощь раненым. По крайней мере, именно так ответила госпожа Кускова в «Русских ведомостях». Далее автор отметил, что радикальная оппозиция посчитала, что славянофильские настроения общества не соответствуют взглядам демократических классов и «одернула» Пироговское общество, поэтому оно отказалось от всякого участия в деле помощи славянам[1254]. Как мы видим, автор поставил на одну доску и правительство, и кадетов, и радикальную оппозицию. В этой связи интересно отметить, что лозунг борьбы за демократию использовался практически всеми политическими течениями и движениями, хотя он понимался ими по-разному.

Словно отвечая на выпады октябристов, П. Н. Милюков в начале ноября 1912 г. призвал русское «прогрессивное» общество к пожертвованиям в пользу славян[1255]. Лидер кадетов от имени своих сторонников недоумевал, почему молчат русские либералы, почему славянам не высказывают сочувствия представители «настоящей» России в лице прогрессистов. Он предложил направлять пожертвования на свое имя, поручившись, что каждая копейка пойдет в дело[1256]. Милюков обратил внимание читателей на то, что новые политические реалии требуют установления отношений со славянами на новых началах, так как «нынешние “братушки” уже не

[1253] Там же.

[1254] Голос Москвы. 1912. 30 октября. С. 5.

[1255] Статья Милюкова цитируется по материалам «Земщины», исходная статья автором не обнаружена.

[1256] Земщина. 1912. 6 ноября. С. 2.

похожи на бедных родственников, ожидающих подачки по праздникам», и что «мы отныне не покровители, а друзья возникающего балканского единства. Югославянский мир теперь сам по себе, связанный с нами культурной связью. От нас зависит, закрепить эту связь или разрушить». Сообщив мнение П.Н. Милюкова, автор заметки в «Земщине» задал риторический вопрос, «дойдут ли собираемые деньги по своему назначению?»[1257].

Популярность РОКК и темы гуманитарной помощи славянам некоторые политические деятели использовали для укрепления собственного политического авторитета. 27 октября (9 ноября) 1912 г. ряд московских газет, в частности, «Московские ведомости» проинформировали об отъезде на Балканы лидера октябристов А.И. Гучкова. Ему были организованы торжественные проводы, на которых присутствовали многие официальные лица и общественные деятели[1258]. Общественность проинформировали, что А.И. Гучков едет по делам Красного Креста[1259]. Создавалось впечатление, что ему поручена какая-то важная гуманитарная миссия на Балканах.

Эти сообщения встревожили руководство РОКК. 15 ноября 1912 г. председатель РОКК А.А. Ильин отправил письмо состоящему при вдовствующей императрице Марии Федоровне свитскому генералу-майору князю Н.Д. Оболенскому с сообщением, что в некоторых газетах появились статьи, в которых говорится, что А.И. Гучков отправился на театр военных действий Балканского полуострова в качестве уполномоченного и даже главноуполномоченного Красного Креста. А.А. Ильин выразил опасение, что подобные статьи могут обратить на себя внимание императрицы Марии Федоровны, и в связи с этим попросил «доложить нашей августейшей покровительнице, что до настоящего времени ГУ РОКК для объединения действующих на театре войны организаций общества никто в качестве уполномоченного или главноуполномоченного командирован не был, во всяком случае, командирование такого лица не могло бы последовать без предварительного соизволения на это ее императорского величества»[1260]. Через несколько дней, 20 ноября 1912 г., князь Н.Д. Оболенский ответил А.А. Ильину, что доложил ситуацию императрице Марии Федоровне, она ознакомилась с публикациями и выразила сомнение в подлинности газетной информации. Однако никакие опровержения Главным управлением Красного Креста даны не были. Газеты продолжали освещать визит А.И. Гучкова на Балканы, а затем его публичные выступления по итогам этого визита с оценкой деятельности российских

[1257] Там же. (статья «Опасные сборщики»).

[1258] Московские ведомости. 1912. 27 октября (9 ноября). С. 4.

[1259] По данным военного корреспондента Н.П. Мамонтова, командированного в Софию, А.И. Гучков прибыл на Балканы как уполномоченный Красного Креста с целью изучения санитарной части союзных армий. Подробнее см.: *Мамонтов Н.П.* С болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. – М., 1913. С. 158.

[1260] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1481. Л. 257-257 об.

санитарных отрядов в Сербии и Болгарии. Так, 6 декабря 1912 г. «Вечернее время» поместило заметку «К возвращению А.И. Гучкова»: «С балканского театра военных действий возвратился в Петербург А.И. Гучков. Он побывал в Сербии и Болгарии. В Болгарии А.И. Гучков находился всё время на Чаталджинских позициях…. Он знакомился с постановкой медицинского и санитарного дела, интересовался военной организацией и подготовкой болгарской армии… В Сербии и Болгарии А.И. Гучков осматривал госпитали русского Красного Креста. По его словам, они организованы образцово, так же, как и отряды, посланные Петербургом. – "Участие русского общества и нашего Красного Креста, – говорит А.И. Гучков, – оказало славянам громадную услугу. Это не только хорошее дело на пользу раненых, но и истинно национальное русское дело"…»[1261]. Подобные публикации поддерживали у читателей впечатление общественной инициативы в «славянском деле».

Примером накала страстей по славянским вопросам и борьбы либеральных кругов за симпатии населения является полемика в прессе в связи с проведением в Санкт-Петербурге «Дня славянских флагов», организованного Обществом славянского научного единения[1262]. Настоящая борьба развернулась за участие в нем образованной молодежи. Организационный комитет разослал особые воззвания в высшие учебные заведения, приглашая учащихся принять участие в сборе пожертвований.

По информации «Речи» студенты охотно откликнулись на призыв и массово записывались в сборщики[1263]. Но, вероятно, печатный орган кадетов поспешил выдать желаемое за действительное, так как через несколько дней к молодежи обратился П.Н. Милюков. Сравнивая итоги сборов «Славянского дня» в Москве и «Черняевского дня»[1264] в Петербурге, лидер кадетов отметил, что последний дал приблизительно десятую часть московского сбора. Причину этого он увидел в отсутствии интереса со стороны учащихся высших учебных заведений, что, по его мнению, сказалось на контингенте сборщиков, обусловив его малочисленность и ненадежность.

Милюков выразил надежду, что «День славянских флагов» пройдет намного успешнее, мотивируя тем, что «цель сбора более широка и своевременна». Лидер кадетов заявил, что «из всех организаций, посвященных славянству», Общество научного славянского единения «вызывает наименьшие возражения со стороны прогрессивных элементов», а «способ передачи сбора избран такой, какой вызывает наименее сомнений. Собранные деньги будут непосредственно направлены в распоряжение Красного Креста Болгарии, Сербии, Черногории и

[1261] Там же. Д. 1479. Л. 124.

[1262] Подробнее о мероприятии и его итогах см. в разделе, посвященном Обществу славянского научного единения.

[1263] Речь. 1912. 4 (17) декабря. С. 6.

[1264] Подробная информация об этих мероприятиях содержится в разделах, посвященных Московскому славянскому комитету и Санкт-Петербургскому славянскому благотворительному обществу.

Греции». Этим последним замечанием Милюков фактически выразил недоверие всем общественным организациям, которые также выступали инициаторами различных сборов в пользу балканских народов и, прежде всего, РОКК. Кроме того, он обратил внимание петербургской молодежи, что «славянские организации старого типа неразрывно связали себя с идеями религиозной и национальной розни», но от них «по самому смыслу своей задачи свободно Общество научного единения». Милюков посчитал своим долгом «оповестить об этих особенностях сбора учащуюся молодежь столицы и обратиться с призывом о содействии». Как дополнительный аргумент использовался тот факт, что депутаты от Петербурга в Государственной думе принимали участие в ревизионной комиссии по настоящему сбору. По мнению Милюкова, последнее обстоятельство гарантировало мероприятие от злоупотреблений[1265].

Но были и призывы не участвовать в сборе средств. Социал-демократические газеты «Правда» и «Луч» размещали материалы против «Славянского дня» под лозунгами «Ни гроша!», «Мы против войны!», «Война войне!» и пр. «Правда» решительно осудила затею сборов, разъяснив, что народные массы и в Турции, и в славянских государствах, брошенные в кровавую бойню своими правителями, одинаково страдают от ужасов войны. Это издание опубликовало ряд материалов, доказывающих, что цель правящих кругов не столько помочь славянам, сколько разжечь ненависть к туркам, подготовить Россию к войне с Австрией и Германией[1266]. В противовес активности славянских организаций «Правда» обратила внимание своих читателей на начавшийся по призыву Международного секретариата профессиональных организаций сбор средств на предприятиях страны в пользу профсоюзов балканских государств и Турции. 15 января 1913 г. газета сообщила о решении собрания рабочих и работниц Выборгского района призвать рабочих Петербурга провести по всем фабрикам и заводам однодневные сборы в помощь рабочих организаций Балкан и Турции[1267].

Таким образом, газетные материалы о подготовке и проведении «Дня славянских флагов» убедительно свидетельствуют о том, что в среде славянских организаций и движений не было единства. Искреннее сочувствие российских подданных сражающимся славянским братьям в очередной раз использовалось в политической борьбе. В ожесточенной борьбе за симпатии населения в организацию процесса помощи славянам и грекам вмешивались политические

[1265] Речь. 1912. 9 (22) декабря. С. 2.

[1266] *Гришина М.И.* Вопросы внешней политики России на страницах большевистской «Правды» (1912-1914) // Материалы и исследования по истории СССР. Ученые записки МГПИ им. Ленина. – М., 1965. С. 224.

[1267] Там же. С. 227.

партии, что, в конечном счёте, отражалось на масштабах деятельности в пользу балканских народов.

Давая информацию об итогах «Дня славянских флагов», «Земщина» отметила, что «симпатичная цель общества, к сожалению, омрачилась той партийностью, которую устроители внесли в это дело. Например, они отклонили предложение Черняевского комитета[1268] общими усилиями устроить однодневный сбор в пользу славян. Публика, тем не менее, охотно покупала флажки, движимая симпатиями к славянам». Чтобы подчеркнуть скромные итоги «Дня славянских флагов», газета напомнила читателям, что «Москва собрала в день славянских флагов более 100 000 руб.»[1269].

На следующий день «Земщина» поместила заметку «Злоупотребления в день славянских флагов», где сообщалось, что Оргкомитет не смог предотвратить нарушения: были задержаны лица без удостоверений, найдены взломанными две кружки. Озабоченное этими фактами Общество научного объединения, по сведениям редакции, «решило с ними бороться весьма своеобразным способом: доверить сбор учащимся высших учебных заведений и платить им 10% от сбора». Вывод был сделан неутешительный: «благотворительность превращается в ремесло»[1270].

В 1930-е годы оценка итогов этого мероприятия претерпела изменения. Душан Семиз, получивший образование в Московском университете за счёт Славянского благотворительного общества и занимавший в период Балканских войн должность секретаря Общества славянского научного единения, представил это событие как «большой успех прогрессивных сил» и сообщил, что сбор средств поддержали все слои общества. Против, по его сведениям, выступил только ультраправый «Луч» (хотя на самом деле «Луч» был социал-демократической меньшевистской газетой). Иначе в его интерпретации выглядят и финансовые итоги. Д. Семиз засвидетельствовал отправку «братьям в Черногории, Сербии, Болгарии и Греции» 100 000 золотых руб., собранных Обществом научного единения[1271]. (Хотя, как мы это уже знаем, цифра была гораздо скромнее). В следующем предложении Д. Семиз сообщил об ассигновании Петроградской управой 250 000 руб. золотом для организации и отправки санитарных миссий в Сербию, Болгарию и Грецию. Поставив эти два факта рядом (без указания конкретных дат), он создал у читателей впечатление, что решение управы было принято под давлением успеха «прогрессивных сил».

[1268] Был образован Петербургским славянским благотворительным обществом в начале Первой Балканской войны. О нем и его деятельности речь пойдет в соответствующем разделе.

[1269] Земщина. 1912. 14 декабря. С. 4.

[1270] Там же.

[1271] *Semiz D*. Pred zoru velikih dana // Nova Evropa. 1929. № 8. S. 221.

Однако, постановление Петербургской думы было принято 10 октября 1912 г. и с «Днем славянских флагов» никак связано не было[1272]. Еще одна мысль, которую Семизу хотелось довести до читателей – это противостояние «прогрессивных демократических сил» и царского правительства в деле помощи славянам. Поэтому, рассказывая об организации санитарных отрядов на Балканы, он сообщил, что специальной комиссии «чинило препятствие министерство внутренних дел» по причине того, что «во главе комиссии стояли прогрессивные люди, а за ними народная Россия»[1273].

Статья Д. Семиза является примером того, как в конце 1920-х – начале 1930-х годов прошлого столетия постепенно формировался миф о противостоянии «прогрессивных» кругов и официальной России в славянском вопросе, что, по мнению его авторов, являлось одним из доказательств неспособности царского правительства отражать интересы широких слоев населения, а также отстаивать внешнеполитические интересы Российского государства.

Вопросы гуманизма в отношении противоборствующих сторон были подняты в прессе и в период осады Адрианополя (ноябрь 1912 г.–март 1913 г.). Турецкий гарнизон и жители города находились в тяжелейших гуманитарных условиях: им не подвозили ни продукты, ни снаряды. Эта ситуация и стала поводом для обсуждения в печати. В январе 1913 г. московская газета «Утро России» ппубликовала следующую заметку: «Патриот своего отечества, некий Скиталец[1274], со смаком цитирует в “Раннем утре” брошюру мнимого “доктора” Эрнеста Яэка, по которому выходит, что на турок наклеветали. Все зверства в Македонии совершались болгарами и греками. Упоенный столь важным открытием, г. Скиталец от себя уже пишет: “Конечно, скажут: Доктор Эрнест Яэк – немец! Наврал всё, проклятый немчура!” Но неужели можно серьезно говорить тут о лжи, когда лишь на днях болгары отказались пропустить германский лазарет Красного Креста в Адрианополь, где от недостатка медицинской помощи массами гибнут неповинные мирные жители! Если они решились на такое варварство официально, перед глазами всей Европы, всего цивилизованного мира, то на что они способны неофициально, исподтишка, за кулисами своего грабительского набега!”»[1275]. Процитировав Скитальца, автор статьи, намекая на позицию Германии в балканском вопросе, с сарказмом восклицает: «Этакое варварство! Отчего же вместе с санитарным отрядом не допустить было завоза хлеба, да заодно снарядов?»[1276]. В заключение автор недвусмысленно выразил свою позицию по отношению к

[1272] Ibidem.

[1273] Ibidem.

[1274] Псевдоним Степана Гавриловича Петрова, революционера, публициста, писателя «средней руки», ученика А.М. Горького.

[1275] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1479. Л. 176.

[1276] Там же.

переживаетмым событиям: «Кстати, д-р Яэк такой же немец, как г. Скиталец русский, в глотке которого не застревает даже такое гнусное выражение как “грабительские набеги” в отношении освободительной войны»[1277]. Эта заметка ярко продемонстрировала мнение части общества, что гуманизм «для своих» и «для чужих» – это разные понятия.

Пока шла война на Балканах, в прессе активно обсуждались связанные с ней проблемы. Большое количество публикаций свидетельствовало об интересе к теме. Часть из них была сильно политизирована и отражала широкий спектр проблем, не всегда напрямую связанных с гуманитарной деятельностью. Как правило, ее обсуждение было только поводом для обозначения политической позиции и критики официальной России и связанных с ней структур.

С началом Первой Балканской войны ГУ четко и слаженно провело мобилизацию по ранее разработанным каталогам и инструкциям, практическая деятельность санитарных отрядов Красного Креста свидетельствовала о несомненном героизме русского медицинского персонала, самоотверженно и профессионально выполнявшего свою работу в невероятно тяжелых условиях военного времени.

§ 3. Деятельность учреждений РОКК на балканском театре военных действий (октябрь 1912 г. – январь 1913 г.)

Русские санитарные отряды и другие учреждения РОКК прибыли на Балканы в разгар наступательных операций армий Балканского союза. Как писал очевидец событий, дипломат В.Н. Штрандман, «Русский Красный Крест и Славянское общество в Москве снарядили и командировали русских врачей и сестёр милосердия, санитаров и обильный санитарный материал для открытия госпиталей в Сербии, Болгарии, Черногории и Греции»[1278].

События Первой Балканской войны «развивались на трех основных театрах боевых действий: болгарская армия развивала наступательные операции в направлении Фракии и Константинополя, греческие войска сконцентрировали свои усилия на занятии как можно более обширных территорий в Македонии и Эпире, а интересы Сербии и Черногории распространялись на Ново-Пазарский санджак, Албанию и Македонию»[1279].

К исходу ноября все европейские владения Турции, за исключением осажденных крепостей Скутари (Шкодер), Янины и Адрианополя, были очищены от турецких войск. Турецкое правительство обратилось к великим державам с просьбой о посредничестве в прекращении военных действий. 3 декабря 1912 г. между Турцией и балканскими государствами,

---

[1277] Там же.

[1278] *Штрандман В.Н.* Балканские воспоминания. С. 181.

[1279] *Искендеров П.А.* Указ. соч. С. 483.

участвовавшими в войне, было подписано перемирие. 16 декабря в Лондоне начались мирные переговоры.

§ 3.1. Деятельность отрядов и других учреждений Красного Креста в Болгарии

Получив информацию о готовящемся формировании санитарных отрядов на Балканы, посланник в Софии А.В. Неклюдов отправил 29 сентября (18 октября) 1912 г. в МИД телеграмму, что считает «совершенно необходимым» открытие российского госпиталя на Шипке[1280]. С учетом того, что инициатива развития освободительного движения южных славян и греков в тот момент была на стороне балканских государств, российский дипломат стремился таким образом подчеркнуть преемственность переживаемых событий с периодом русско-турецкой войны 1877-1878 гг., когда помощь России была определяющей. Понимая, что это медицинское учреждение будет в стороне от основных военных действий, А.В. Неклюдов просил МИД ходатайствовать об его открытии перед императором и императрицей Марией Федоровной. В той же телеграмме А.В. Неклюдов указал, что «совершенно необходимо … послать в Болгарию как можно больше врачей, даже просто в города, ибо страна почти лишена медицинской помощи». По мнению дипломата, «русское общество должно хорошенько понять, насколько опасна и торжественна настоящая минута для балканских православных и откликнуться самой широкой помощью милосердия»[1281].

Тема русских отрядов Красного Креста для Болгарии была поднята, как только прозвучали первые выстрелы. 1 (14) октября 1912 г. между посланником и МИД произошел обмен телеграммами. А.В. Неклюдов проинформировал, что «в виду происшедшего сегодня боя турок с сербами под Ристовацем и вчерашнего нападения на болгарские посты близ Чукур-Киоя можно ожидать со дня на день начала военных действий и единовременного объявления войны. В виду сего [Иван] Гешов, в качестве председателя болгарского Красного Креста, и королева Элеонора, которая принимала меня сегодня, просят о скорейшем выезде наших отрядов Красного Креста. Гешов исполнит все формальности, требуемые II ст. Женевской конвенции, и покамест официально уведомляет Вас о согласии болгарского правительства принять наши отряды, которые должны следовать по Дунаю до Рущука»[1282]. По-видимому, в ответ из МИД был отправлен срочный запрос, можно ли рассчитывать, что наши краснокрестные отряды будут находиться на передовых позициях, так как в тот же день А.В. Неклюдов, исполняя поручение царицы Элеоноры, передал, «что по распоряжению Главного Штаба иностранные отряды Красного Креста не будут расположены на передовой линии. Им предоставлена роль

[1280] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4041. Красный Крест. Болгария. 1912. Л. 6.

[1281] Там же.

[1282] Там же.

эвакуационных госпиталей, куда, впрочем, будут привозить раненых при первой возможности»[1283].

По-видимому, в переписке за этот день был затронут и вопрос об организации русского медицинского учреждения на Шипке. А.В. Неклюдов настаивал и даже предпринял кое-какие шаги на опережение: «Считаю необходимым для чести русского имени устройство госпиталя на Шипке независимо от снаряжения отрядов Красного Креста. На Шипке имеем полное оборудование на 100 человек здоровых пансионеров. Туда нужны были бы: врачебный персонал, сёстры и персонал прислуги, лекарства, перевязочные средства, асептирующий аппарат и, если окажется возможным, две автомобильные повозки. Посему и прошу повергнуть на высочайшее благовоззрение государыни императрицы настоящее мое ходатайство. Я уже приказал спешно произвести необходимый незначительный ремонт здания»[1284]. В то же время он признавал, что «было бы действительно жаль оборудование полевых госпиталей применять к целям эвакуационного госпиталя на Шипке»[1285].

4 (17) октября 1912 г. посланник А.В. Неклюдов передал в МИД, что по сведениям, полученным от царицы Элеоноры, «наши полевые госпитали Красного Креста будут передвинуты ближе к линии военной операций, нежели предполагалось вначале, а именно: в Тырново-Семенли, в Стральджу, Радле-Махале и Кизил-Агач», а также просил «телеграфировать о дне выезда и пути следования наших госпиталей» и дать «возможно скорейший ответ насчёт устройства русского госпиталя в Шипке»[1286].

5 (18) октября 1912 г. болгарские войска пересекли турецкую границу. Им «противостояла крупная турецкая группировка, сосредоточенная в Восточной Фракии и прикрывавшая стамбульское направление… В ожесточенном … сражении у Кирк-Килиса (Лозенграда) болгарская армия нанесла туркам сокрушительное поражение и обратила их в бегство. Преследуя отступающие турецкие войска, болгары осадили Адрианополь (Эдирне). Перегруппировав силы, турки перешли в контрнаступление и на линии фронта Люле-Бургаз – Бунар-Хиссар начались ожесточенные бои, в которых турецкие войска потерпели поражение. Преследуя бегущих турок, болгарская армия вышла на Чаталджинские высоты в нескольких километрах от Стамбула»[1287].

[1283] Там же.

[1284] Там же. Л. 5.

[1285] Там же.

[1286] Там же. Л. 2.

[1287] *Задохин А.Г., Низовский А.Ю.* Указ. соч. С. 105.

Русские санитарные отряды, предназначенные для Болгарии, уже были готовы к отъезду. Специальным поездом из Петербурга 11 (24) октября 1912 г. выехал персонал Георгиевского[1288] госпиталя, Александровского, Кауфманского имени города Петербурга и Евгенинского[1289] лазаретов. Они шли по особому расписанию и в Одессе были уже 14 октября утром. Тут же началась погрузка на пароход «Русь», который отошел от берега в пять часов пополудни. В болгарский порт Рущук санитарные отряды прибыли 16 октября и сразу же пересели на поезд до Софии. По пути следования в Плевне (Филиппополе) им устроили торжественную встречу. 17 октября вечером отряды прибыли в Софию, где на перроне их ожидали российский посланник А.В. Неклюдов, представитель царицы Элеоноры и другие официальные лица[1290].

На совещании 18 октября в штаб-квартире начальника санитарной инспекции при общей Главной квартире полковника Димитра Киранова в Старой Загоре старшие врачи получили назначения. Георгиевский и Кауфманский отряды было решено отправить в Лозенград, а два других – Евгенинский и Александровский – в село Любимец, в пяти километрах от Мустафа-Паши[1291], где, по мнению доктора Киранова, «помощь была наиболее настоятельной и могла принести существенную пользу». В обоих этих пунктах, только что взятых болгарской армией, не было ни одного хорошо снабженного и оборудованного госпиталя, а нужда в них была огромная, так как именно здесь проходили пути эвакуации раненых с театра военных действий[1292]. По итогам совещания в отряды были высланы соответствующие телеграммы с предложением немедленно отправиться к месту назначения[1293].

[1288] Старший врач и уполномоченный РОКК – Люциан Романович Ивановский; старший ординатор – Николай Иванович Кочетов; младшие врачи: Константин Петрович Алешко; Герберг Генрихович Келлер, Сергей Абрамович Новотельнов; старшая сестра Александра Вадимовна Романова. Вот как оценивало руководство Георгиевской общины старшего врача Л.Р. Ивановского: «Преданный своему делу труженик, справедливый начальник, человек с большими административными и организаторскими способностями», талантливый врач. // ЦГИА СПб. Ф. 403. Оп. 1. Д. 319. Адреса в связи с 35-летием служения В.Е. Врангель в Красном Кресте. 1912-1913. Л. 6, 8 об.

[1289] Уполномоченным и старшим врачом Санкт-Петербургской общины св. Евгении был Е.О. Манойлов.

[1290] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1493, Отчеты о деятельности лечебных учреждений Красного Креста на Балканском полуострове. 1912-1913. Л. 89.

[1291] Современное название Свиленград, находится на юге Болгарии, в 273 км от Софии на границе с Грецией и Турцией. В течение долгого времени это была спорная территория: в результате русско-турецкой войны она вошла в состав Болгарии, но Берлинский трактат оставил её в составе Османской империи. 5 октября 1912 г. город был взят болгарской армией. По Лондонскому договору 1913 г. эти территории вошли в состав Болгарии.

[1292] ЦГИА СПб. Ф. 403. Оп. 1. Д. 214. Отчет доктора Ивановского по работе в Болгарии на театре военных действий (1 октября 1912–10 мая 1913). Л. 11.

[1293] РГВИА. Там же. Л. 127-128.

20 октября 1912 г. русский персонал покинул Софию. Александровский и Евгенинский санитарные отряды выехали в направлении Филиппополя, а Георгиевский и Кауфманский – на юго-восток Болгарии, в сторону города Ямбола. Прикомандированные к отряду имени Петербурга врачи были направлены в распоряжение Болгарского Красного Креста и получили назначения: два – в Рущук, два – в Сливен, два – в Шумен. Остальные остались при русских лечебных учреждениях[1294].

Старшие врачи Георгиевского (Л.Р. Романовский) и Кауфманского имени города Петербурга отрядов (К.Ф. Гефдинг, затем И.И. Душечкин) присоединились к ним 21 октября утром и в тот же день днем отряды прибыли в Ямбол, откуда им предстояло следовать до Лозенграда на воловьих повозках. Около трех часов дня оба отряда собрались в здании вокзала, проводить их приехала царица Элеонора.

Имущество Георгиевского госпиталя разместилось на 94 повозках по 25 пудов каждая. 62 повозки занял Кауфманский отряд имени города Петербурга[1295], еще 20 понадобилось для размещения персонала, столько же взяли на случай поломок. Затем этот огромный обоз двинулся в путь. Дорог практически не было, погода была ужасная, дул холодный, пронизывающий ветер. Ночевали либо в повозках, либо в крестьянских избах по 4-5 человек на полу, зачастую в антисанитарных условиях. Переход составил 124 км. Питались исключительно благодаря походной кухне Кауфманского лазарета – чай (утром и вечером), горячий суп. В Лозенград русские санитарные отряды на 206 повозках (остальные сломались в пути и были оставлены) прибыли 27 октября и сразу же, при содействии коменданта города, занялись поиском подходящих помещений для медицинских учреждений[1296]. Так как Лозенград находился на линии железной дороги, соединявшей его с передовыми позициями 1-й и 3-й армий, он стал главным госпитальным центром[1297].

Георгиевский госпиталь было решено расположить в недостроенных турецких казармах в 1,5-2 км от города. Это были два каменных корпуса, один в два, а другой – в три этажа[1298]. Их достоинством было то, что они были относительно новыми, а недостатками – отсутствие

[1294] Там же. Оп. 3. Д. 330. Л. 114 об. Подробнее об их деятельности см.: *Шевцова Г.И.* Русский гуманный поход на Балканы. – М., 2012. С. 173-176.

[1295] ЦГИА СПб. Ф. 403. Оп. 1. Д. 214. Отчет доктора Ивановского по работе в Болгарии на театре военных действий (1 октября 1912–10 мая 1913). Л. 12-13.

[1296] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1493. Отчеты о деятельности лечебных учреждений Красного Креста на Балканском полуострове. 1912-1913. Л. 128-129.

[1297] Там же. Д. 1089. Л. 270 об.

[1298] ЦГИА СПб. Там же. Л. 14.

водопровода, канализации, отопления, вентиляции, кухни[1299]. Эти помещения уже были заняты приблизительно 500 больными и ранеными. Они «лежали вперемешку на полу и кроватях, в полном солдатском одеянии до фуражки включительно»[1300].

Пришлось немедленно приступить к ремонту, чистке и устройству госпиталя. Чтобы ускорить прием раненых, было решено начать их размещение сначала в одном корпусе, а потом во втором. Кроме того, были сложности со складированием имущества, устройством персонала и организацией его питания во время ремонта. Имущество решили хранить частью в ремонтируемых корпусах, частью – во дворе, накрыв брезентом. Кауфманский отряд, заняв один из соседних корпусов казарм, разрешил временно использовать их походную кухню. На месте нашлись палатки, где разместился персонал. На решение этих вопросов ушли сутки. Чистка, ремонт и дезинфекция помещений начались 28 октября[1301].

Руководством госпиталя было принято решение открыть четыре отделения (три хирургических и одно терапевтическое). 1 ноября 1912 г. были оборудованы перевязочные и аптека, расставлены кровати, разложены тюфяки и т.д. Были подготовлены и подсобные помещения. Открытие госпиталя состоялось 2 (15) ноября, в тот же день персонал принял 54 пациента, на следующий день еще 58. Все они имели тяжелые ранения[1302]. Легкораненых болгары эвакуировали внутрь Болгарии.

Второй корпус перешел в ведение госпиталя Георгиевской общины 3 (16) ноября. Чистка, мытье, ремонт и дезинфекция этого корпуса заняли четыре дня. 5 ноября врачи и сёстры спешно перебрались из палаток в помещение госпиталя. Основной причиной преждевременной смены жительства стал холодный, порывистый ветер, срывавший палатки. 7 ноября закончились ремонт и оборудование второго корпуса, на следующий день состоялся торжественный молебен, а с 9 ноября он стал заполняться ранеными. С этого времени Георгиевский госпиталь стал работать в полную силу, развернувшись на 320 кроватей[1303].

4 декабря 1912 г. Кауфманский лазарет имени города Петербурга открыл амбулаторный прием для жителей города, что имело огромное значение: в связи с мобилизацией медицинского персонала на весь город остался всего один гражданский врач[1304].

Санитарная ситуация в городе быстро менялась. Когда в городе стало больше больных, чем раненых, с 26 декабря, по настоятельной просьбе болгарских медицинских властей, весь первый

[1299] РГВИА. Там же. Л. 131.

[1300] Там же. Д. 1089. Л. 270 об.

[1301] Там же. Д. 1493. Л. 132.

[1302] ЦГИА СПб. Ф. 403. Оп. 1. Д. 214. Л. 16-17, 19.

[1303] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1493. Л. 133, 135.

[1304] Там же. Оп. 3. Д. 330. Л. 105.

корпус Георгиевского госпиталя стал терапевтическим. В этот момент в нем находилось на лечении 111 нижних чинов и 26 офицеров. В помощь персоналу был прикомандирован доктор В.Г. Свитальский[1305]. 30 января, когда количество больных сократилось до 63 (55 нижних чинов и 7 офицеров), терапевтическое отделение было свернуто до прежних размеров[1306], а госпиталь восстановил свою прежнюю структуру. В.Г. Свитальский в тот же день был откомандирован из госпиталя в распоряжение особоуполномоченного РОКК генерала П.А. Тыртова[1307].

Санитарный транспорт (старший врач В.А. Гинтылло) прибыл в Рущук из Одессы в начале ноября 1912 г. и вместо ожидаемых 70 лошадей получил всего одну, так как остальных купить не удалось. Из Рущука до Ямбола персонал со снаряжением добрался железнодорожным транспортом, где были получены тягловые лошади из запасов болгарской армии. Оттуда через Лозенград транспорт был направлен к Чаталджийским позициям и поступил в распоряжение начальника 3-й болгарской армии генерала Ратко Дмитриева. С момента прибытия и до конца декабря санитарный транспорт перевез 1 080 человек, главным образом, холерных больных, очищая таким образом передовые позиции от инфекции. В январе было эвакуировано 500 человек, из которых 200 были ранены в боях после возобновления военных действий. ГУ планировало ликвидировать деятельность транспорта в январе 1913 г., но возобновившиеся военные действия не позволили это сделать. С начала февраля 1913 г. русский санитарный транспорт возглавил В.Г. Свитальский. По его сообщениям, подтвержденным донесениями П.А. Тыртова и письмами генерала Р. Дмитриева, работа русского санитарного транспорта оказала неоценимые услуги болгарской армии, так как все расчёты на эвакуацию раненых и больных с передовых позиций с момента его прибытия строились только на нем.

28 декабря 1912 г. в ГУ была получена телеграмма П.А. Тыртова об отъезде старшего врача Кауфманского лазарета И.И. Душечкина в связи с получением новой должности. Его место было предложено занять врачу А.В. Бритневу[1308], находившемуся в Сербии.

Александровский и Евгенинский санитарные отряды к месту назначения, станцию Новый Любимец, прибыли ранним утром 22 октября 1912 г.

Отряду Александровской общины (старший врач А.Ф. Зимницкий, младший – Н.Ф. Петров, старшая сестра А.Д. Емельянова) досталось здание вокзала – современное двухэтажное строение с мансардами над боковыми флигелями. В правом осталось управление станцией, левый флигель занял персонал, в остальных помещениях разместился лазарет. Его развертывание заняло два дня

[1305] Он находился в числе дополнительных врачей, прикомандированных к санитарному отряду имени города Петербурга за счёт городского общественного управления.

[1306] ЦГИА СПб. Ф. 403. Оп. 1. Д. 214. Л. 20.

[1307] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1493. Л. 141.

[1308] Там же. Д. 1085. Л. 10.

– 23 и 24 октября. К приему раненых было подготовлено 70 кроватей (20 из них были присланы царицей Элеонорой, первый раз посетившей это русское лечебное учреждение 24 октября). На месте было нанято четыре прачки для стирки белья и четыре санитара-болгарина: палатный санитар, помощник повара, водонос для ванны и прачечной, еще один санитар собирал в селе молоко и яйца для лазарета[1309]. Болгарский Красный Крест назначил в лазарет переводчика.

25 октября старший врач А.Ф. Зимницкий сообщил телеграммой главному военно-санитарному инспектору болгарской армии полковнику Димитру Киранову, что лазарет готов к принятию раненых. По этому случаю прошел благодарственный молебен. На следующий день, после боя при Палас-Тепе, прибыла первая партия, состоявшая из 41 бойца 12-го пехотного полка, почти все они были тяжелораненые, их доставка осуществлялась на волах или по железной дороге[1310], в тех же самых вагонах, в которых возили снаряды и лошадей, без специального оборудования и предварительной дезинфекции[1311].

Принимая пациентов, русский медицинский персонал отметил, что в болгарской армии плохо поставлено дело первой помощи. Раненые могли находиться несколько суток без обработки ран и перевязок, что плохо сказывалось на дальнейшем лечении[1312]. Как было отмечено в одном из отчетов старшего врача, «первые партии раненых приходили в ужасном виде: грязные, в порванной одежде, переутомленные от усиленных маршей и беспрерывных боев»[1313]. Вследствие большой нужды в Болгарии в стационарных лечебных учреждениях Александровский этапный лазарет сразу утратил свое первоначальное назначение как этапного лазарета и стал стационаром для тяжелораненых.

Ближайшим помещением к железнодорожной станции (примерно в половине версты) было здание карантинного барака. Именно там был развернут лазарет Евгенинской общины[1314]. Для приема раненых было подготовлено 50, а затем еще 15 кроватей. Помещение было очень запущено: пришлось приложить немало усилий, чтобы приспособить его под нужды лечебного учреждения, что повлекло за собой дополнительные затраты на оборудование, покупку печей, оконных стекол и др. Неудобство этого здания было еще в том, что персонал, кухню, прачечную и аптеку пришлось расположить в домах в полукилометре от лазарета[1315]. Ввиду разбросанности помещений и наличия только одного колодца с хорошей водой около железной дороги, пришлось

[1309] Там же. Д. 1493. Л. 63, 65 об.

[1310] Там же. Л. 65 об.

[1311] Там же. Л. 15.

[1312] Там же. Л. 64 об.-65.

[1313] Там же. Л. 15.

[1314] Там же. Д. 1479. Л. 75.

[1315] Там же. Д. 1493. Л. 118.

нанимать женщин для стирки белья и уборки помещений, а также мужчин для распилки дров, уборки нечистот и подъема воды.

Евгенинский лазарет, также как и Александровский, работал не как этапный, а как стационарный. Оба лечебных учреждения принимали преимущественно тяжелораненых. Старший врач Евгенинского лазарета Е.О. Манойлов писал в отчете, что «сёстры работают с удивительной энергией и самоотвержением, живут в голубятнике, на чердаке, совершенно не думают о личных удобствах и очень хорошо ухаживают за больными. Санитары … все работают на совесть»[1316].

По данным, опубликованным в «Новом времени», к середине ноября 1912 г. в Евгенинском лазарете находилось 40, а в Александровском – 50 раненых[1317]. Все раненые при выписке из русских лазаретов получали чистое бельё, иногда и верхнюю одежду, из пожертвованных в России вещей.

Царица Элеонора неоднократно посещала русские лечебные учреждения, осматривала помещения, беседовала с ранеными и персоналом[1318].

В Любимце находился также 2-й отряд Киевской Мариинской общины (старший врач Т. Кондратьев), командированный с разрешения ГУ. Он состоял из врача, шести сестёр милосердия, пяти санитаров и был отправлен на усиление персонала одной из болгарских больниц, расположенных в разоренных турецких казармах. Это лечебное учреждение было развернуто на 200 кроватей, но в ближайшем будущем их число предполагалось увеличить до 400. Раненых было очень мало, в основном, тифозные больные.

Этот санитарный отряд формировался на привлеченные средства. На них же было приобретено и материальное оборудование для обеспечения его деятельности. Так как финансирование отряда, по понятным причинам, было ограничено, то имущество приобреталось самое необходимое. Это же обстоятельство сказалось и на положении персонала[1319]. На этот факт указал в своем донесении П.А. Тыртов после посещения отряда Киевской Мариинской общины в начале января 1913 г. Он заметил, что «госпитальное оборудование, как-то: кровати, посуда, предметы ухода за больными носят на себе признаки большой нищеты, больничное бельё плохое и его очень мало. Денежное вознаграждение персонала очень незначительно… Из содержания, в случае необходимости, персонал отряда должен был оплачивать стоимость своего продовольствия и помещения в лазарет»[1320]. Особоуполномоченный РОКК обратил внимание

[1316] Там же. Оп. 3. Д. 330. Л. 91.

[1317] Новое время. 1912. 15 ноября // РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1479. Л. 75.

[1318] Там же. Д. 1493. Л. 64 об.-65, 118.

[1319] Там же. Д. 1085. Л. 15 об.-16.

[1320] Там же. Л. 15.

ГУ, что «Киевский отряд, работающий с одинаковым успехом с другими отрядами Красного Креста, но поставленными в значительно худшие условия по материальному обеспечению и по обстановке работы, находится в исключительно несправедливом положении»[1321].

Лазарет Свято-Троицкой общины имени Е.М. Терещенко с семьей (старший врач Вс. Тылинский, старшая сестра графиня Е.Н. Игнатьева), прибывший в Софию в первых числах ноября, получил назначение в Пловдив, где расположился в здании городской гимназии имени Маразли. К середине ноября в нем было 60 больных и раненных болгарских воинов.

Кишиневский Гербовецкий лазарет имени Петербургского купеческого общества (старший врач Лебедев, старшая сестра Коломийцева) был оставлен в Софии и размещен в здании женской прогимназии на улице Шипка[1322]. На его открытии присутствовала царица Элеонора[1323].

Уже 22 ноября 1912 г. на заседании ГУ было рассмотрено ходатайство Болгарского общества Красного Креста об увеличении числа кроватей в Гербовецком лазарете РОКК со 100 до 150, обязавшегося, в случае положительного решения, обеспечить дополнительные кровати и бельё. Подобный шаг означал увеличение содержания больных приблизительно на 4 500 руб. в месяц. Участники совещания признали это возможным и разрешение на увеличение госпиталя дали[1324].

С 5 ноября по 28 декабря 1912 г. в Кишиневском Гербовецком лазарете имени Петербургского купеческого общества было сделано 150 операций, 3 000 перевязок, среднее суточное число раненых – 97. «Новое время» писало, что «внимательный, трогательный и тёплый уход за ранеными русских сестёр милосердия производит на суровых и неизбалованных болгарских солдат сильное впечатление. Драгоценным помощником медицинского персонала явился священник Лупалов, который бросил в Кишеневе свою службу, записался в отряд простым санитаром и работает по уходу за ранеными наравне с другими, а вместе с тем обслуживает и их духовные нужды. Во время Рождественских праздников для раненых была устроена ёлка. Каждый из пациентов получил в подарок пакет со сластями, а также несколько папирос, фланелевую рубашку и серебряный жетон с надписью на одной стороне – “Гербовецкий лазарет, София”, под надписью расположен Красный Крест, а на другой стороне – “На память освободительной войны. 1912 года, 25 декабря”»[1325].

Кроме Гербовецкого лазарета, в Софии также работал один из отрядов города Москвы (старший врач Д.Н. Рознатовский). По сведениям на 1 декабря 1912 г. в нем было 125 раненых. Еще один московский отряд (старший врач В.А. Хирнов) обслуживал в тот период 335 раненых

[1321] Там же. Л. 15 об.

[1322] Там же. Оп. 3. Д. 330. Л. 99.

[1323] Там же. Оп. 1. Д. 1479. Л. 75.

[1324] Там же. Д. 1475. Л. 125-125 об.

[1325] Новое время. 1913. 28 января // РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1479. Л. 175.

в Ямболе [1326]. Кроме того, в Болгарии находились отряды, сформированные в провинции по инициативе местных организаций и частных лиц. Данные об их деятельности в отчетных документах ГУ не обнаружены.

§ 3.2. Деятельность отрядов Красного Креста в Сербии

Основные силы сербской армии действовали в Македонии. Разбив крупные турецкие силы в двухдневном (23-24 октября) бою у Куманова, сербы заняли Скопье, Велес и Призрен. Ожесточенные бои продолжались весь ноябрь. Одержав ряд побед, сербы к концу месяца сломили сопротивление противника и овладели северо-западной и центральной Македонией и вступили в Албанию, заняв Эльбасан. Вспомогательный Ибарский корпус сербской армии занял Новопазарский санджак и соединился с черногорской армией. Совместные силы сербов и черногорцев двинулись в Албанию и в конце ноября вошли в Тирану и Дуррес.

Стремительное наступление сербской армии сопровождалось большими потерями. Военно-санитарное ведомство явно не справлялось со своими задачами. Корреспондент газеты «Раннее утро» Н.И. Гасфельд (псевдоним – Н. Шевалье) находился с заданием от редакции на Балканах и таким образом описал ситуацию с медицинским обслуживанием сербской армии в период напряженных боев под Кумановом: «Обстановка, в которой лежат раненые, оставляет желать многого во всех отношениях. Духота в палатах, пыль и грязь невообразимая… отсутствие перевязочных материалов, сестёр, врачей… словом, полная неподготовленность в санитарном отношении, хаос и бестолковая суетливость в уходе и распределении раненых… получается такое впечатление, как будто сербы совершенно не рассчитывали иметь потери в своих рядах и не подготавливались для ухода за ранеными. Несчастные ждут часами перевязки, а тяжелые случаи, когда необходимо скорее вмешательство хирурга, кончается печально. И ряд гробов, уставленных в соседней мертвецкой, открытых и на скорую руку сколоченных, и страдальческие лица обретших последний покой турок, албанцев, сербов являются живым укором виновникам этого серьезного дефекта сербской армии. Сопровождавший меня, только прибывший из Москвы русский хирург, всмотревшись в характер ранений покойников, сказал мне, что добрую половину могла бы спасти своевременная помощь… Во двор госпиталя без конца въезжают повозки с тяжелоранеными жертвами кровопролитного Кумановского боя»[1327].

Другой военный корреспондент – И. Табурно – писал, что «санитарная часть в сербской действующей армии поставлена сравнительно хорошо… Насколько было достаточно персонала

[1326] Там же. Оп. 3. Д. 330. Л. 113 об.

[1327] *Шевалье Н*. Правда о войне на Балканах. Записки военного корреспондента. – СПб, 1912. С.41-42.

… в армии, настолько его недоставало в [тыловых] госпиталях»[1328]. Что творилось в перевязочных пунктах и лазаретах на передовой – неизвестно, – иностранные специалисты и корреспонденты туда не допускались. Однако русские врачи и супруга посланника А.П. Гартвиг свидетельствовали о достаточно низком уровне первой помощи, – как из-за недостатка врачебного персонала, так и перевязочных материалов.

А.П. Гартвиг эмоционально описала ситуацию в Белграде в письме Н.И. Гучкову. Она обратила внимание московского городского головы, что «нахлынуло такое количество раненых, на которое в самом начале войны никто не рассчитывал. Первыми прибыли из-под Ристоваца 300 человек, которыми заполнили военный госпиталь. Потом из-под Мердара прибыло еще 800 человек, а через два дня стали поступать раненые из-под Куманова и четники, приблизительно 2 000 человек. Ранеными были заполнены все лучшие здания Белграда – все гимназии, основные школы, Учительский дом, семинария богословия, богадельни и т.д.»[1329].

Еще на стадии подготовки наступления сербское правительство рассчитывало на помощь иностранных санитарных отрядов. 2 (15) октября 1912 г. белградская Скупщина внесла изменение в законодательство, предусматривающее разрешение принимать на службу в армию иностранных врачей.

В тот же день посланник Н.Г. Гартвиг отправил донесение в МИД о том, что премьер-министр Сербии Н. Пашич лично явился к нему, чтобы передать от имени сербского правительства «глубочайшую признательность по поводу человеколюбивого предложения ГУ Красного Креста командировать в Сербию отряд», которому был обещан «самый радушный прием». В той же телеграмме Н.Г. Гартвиг проинформировал об острой потребности во врачах[1330]. Менее чем через неделю, 8 (21) октября, Н.Г. Гартвиг настоятельно просил ускорить прибытие санитарных отрядов в связи с началом военных действий[1331].

О трудностях с медицинским обслуживанием армии свидетельствуют и выдержки из письма сербского военного министра, опубликованные 9 октября 1912 г. в «Голосе Москвы». В тексте отмечалось, что «при всем старании и предпринятых мерах сербский военный санитет без посторонней помощи не в состоянии пополнить недостаток в личном составе лекарей, который в настоящее время является самым чувствительным, самым тяжелым и необходимым»[1332].

[1328] *Табурно И.* О сербских битвах (Впечатления очевидца войны сербов с турками 1912). – СПб, 1913. С.111-113.

[1329] ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3017. Л. 30.

[1330] АВПРИ. Ф.151. Оп. 482. Д. 529. С. 53.

[1331] Там же. С. 57.

[1332] Голос Москвы. 1912. 9 октября. С. 5.

Старшим врачом госпиталя московской Иверской общины сестёр милосердия был назначен ординатор одной из московских больниц Аксентий Христофорович Бабасинов. Выезд отряда[1333] состоялся 10 октября из Москвы одновременно с лазаретом московской Александринской общины. О торжественных проводах отряда накануне отъезда писали все московские газеты. Сначала они прошли в помещении Иверской общины в присутствии августейшей покровительницы - великой княгини Елизаветы Федоровны. Каждый отъезжающий получил из её рук по небольшой иконе в подарок. В отряд была передана на время пребывания на Балканах старая хоругвь времен русско-турецкой войны, хранившаяся в общине[1334].

14 октября 1912 г. отряд прибыл в Белград. Для госпиталя ему было предоставлено большое трехэтажное здание 2-й белградской гимназии, находившееся на Македонской улице. Часть отряда занялась обустройством лечебного учреждения, другая была временно направлена в сербскую резервную больницу, где ощущалась острая нехватка медицинского персонала.

Как только первые помещения были готовы, Иверский госпиталь, не дожидаясь окончания подготовительных работ, принял первых пациентов, – 21 раненого, нуждавшегося в срочной медицинской помощи. 19 октября 1912 г., в день официального открытия, отряд разместил раненых из-под Куманова, доставленных поездом из Ниша (121 чел.), а 25 октября – еще 40. К концу октября госпиталь обслуживал 177 раненых, в большинстве своем нижних чинов.

В начальный период деятельности, по согласованию с сербскими властями, госпиталь принимал только раненых, больных в нем не было. Ситуация изменилась в начале 1913 г., когда в большом количестве появились инфекционные больные, тогда стали принимать и их. Некоторые подробности того периода мы узнаем из письма А.П. Гартвиг особоуполномоченному РОКК П.А. Тыртову. Супруга посланника отмечала самоотверженную работу персонала с тифозными больными, которых становилось всё больше. В больнице долечивались тяжелораненые, поступившие в начале войны, и, одновременно, прибывали раненые из постепенно упраздняемых лазаретов. Среди них, по свидетельству А.П. Гартвиг, нередко попадались те, кому требовались операции, и «бывшие в плохих, неопытных руках».

Кроме штатных сотрудников в Иверском госпитале работало много волонтеров[1335]. Как только госпиталь открылся, к старшему врачу стали поступать просьбы от дам белградского общества о

[1333] Санитарный отряд состоял из старшего врача, старшего ординатора, трех младших врачей, фармацевта, заведующего хозяйством, 16 сестёр милосердия и 35 санитаров.

[1334] Московские ведомости. 1912. 10 (23) октября. С. 3.

[1335] Сестры милосердия: русские подданные – Людмила Николаевна Гартвиг, дочь посланника, Людмила Михайловна Артамонова, жена военного агента, болгарская подданная – Екатерина Тошева, жена болгарского посланника в Сербии, сербские подданные: Гермина Игнатьевна Паункович, супруга управляющего страхового общества «Россия», Елена Юришич-Штирм, жена флигель-адъютанта короля Петра, Зорка Миушкович,

разрешении работать в нем в качестве сестёр милосердия. В виду недостаточной медицинской подготовки этих лиц (по стандартам РОКК), им было дано разрешение выполнять некоторые обязанности только под руководством сестёр общины при непременном условии подчинения всем порядкам в госпитале[1336].

В отчете о деятельности Иверской общины за 1912 год было отмечено внимание к работе российского госпиталя сербских властей. Иверский госпиталь дважды посетил король Пётр, а княгиня Елена Петровна в течение почти полутора месяцев пребывания в стране приезжала почти ежедневно.

Отряд Комитета «Христианская помощь» московской Александринской общины[1337] получил назначение в город Ниш. Лечебное учреждение расположилось в инженерных казармах без канализации и водопровода. К достоинствам здания относилось наличие достаточного электрического освещения и отопления. К приему больных лазарет был готов 20 октября[1338]. На торжественном молебне в день открытия присутствовали генерал-губернатор, гражданский губернатор, мэр, а также другие городские и военные представители местного общества.

Лазарет был заполнен исключительно тяжелоранеными, причем выздоравливающих, по предложению сербского начальства, переводили на долечивание в больницу Сербского Красного Креста[1339]. В отчете заведующего хозяйством отряда П.М. Райского отмечено, что больные поступали в плачевном состоянии: в старом, изношенном белье, грязном платье. Работу прачечной удалось наладить не сразу, поэтому за помощью обратились к супруге российского посланника А.П. Гартвиг, которая в короткий срок обеспечила запас достаточного количества нижнего белья, носков, меховых тужурок и других тёплых вещей. Ими снабжали как больных, так и выписывающихся. Пожертвований хватило на довольно продолжительный срок, пока не

учительница, Анастасия Глушевич (русская), учительница, Надежда Глушевич, гимназистка, Круна Арцимович, учительница, Фрида Раппопорт, дочь белградского негоцианта, Екатерина Виссарионовна Стоянович (урожденная Комарова), жена сербского консула в Будапеште). Кроме того, помощь в деятельности госпиталя оказывали Георгий Паункович, управляющий страховым обществом «Россия», Милутин Пешич, служащий страхового общества «Россия», который взял на себя канцелярскую работу, Милош Москалевич, преподаватель гимназии, тоже помогал в канцелярии. Русский подданный Святослав Митричевич, корнет запаса, вел всю переписку с санитарными учреждениями. // РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1507. Л.145-145 об. Дочь инженера князя Андронникова помогала в белградской больнице доктора Суботича. См.: *Табурно И.* Указ. соч. С.119, 121. Ещё две русские женщины помогали в чешских госпиталях.

[1336] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 323. Л. 77 об.

[1337] Согласно типовому штатному расписанию для этапных лазаретов РОКК, отряд состоял из старшего врача, младшего врача, заведующего хозяйством, шести сестёр и десяти санитаров.

[1338] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 310. Л. 87.

[1339] Там же. Л. 27.

была налажена доставка необходимых предметов одежды с Передового склада РОКК в Софии. Всего, по данным П.Н. Райского, через лазарет прошло 2 000 комплектов вещей[1340].

Как и другие иностранные медицинские учреждения, лазарет удостоил своим вниманием король Пётр.

За время функционирования лазарета в нем получили квалифицированную медицинскую помощь 167 пациентов (из них 93 раненых и 74 больных)[1341]. Старший врач Алексей Юрьевич Озолинг (ординатор Московской хирургической клиники), младший врач Иван Дмитриевич Добронравов (терапевт), старшая сестра Параскева Лохина и заведующий хозяйством Павел Михайлович Райский были награждены впоследствии знаками Красного Креста[1342].

Под руководством А.Ю. Озолинга в Нише работал также упоминавшийся ранее Таврический отряд (старший врач Людвиг Степанович Киш, две хирургические сёстры – Хмель и Руденко и санитар Шульц), сформированный в ноябре 1912 г. на средства «Таврического Комитета по организации помощи Балканским славянам и грекам». Санитарный отряд был укомплектован всем необходимым для работы: бельём, перевязочными материалами и хирургическими инструментами[1343].

Киевский этапный лазарет[1344] Мариинской общины Красного Креста (старший врач – Николай Иванович Паевский) выехал в Белград из Киева в тот же день, что и московские санитарные отряды – 10 октября 1912 г. Город Киев благословил свой отряд образом архистратига Михаила, который по прибытии на место был помещен на почетное место в лазарете.

В Белграде выяснилось, что помещение для лазарета не подготовлено, снаряжение не прибыло из-за задержки в Австро-Венгрии. А.П. Гартвиг так описывала эту ситуацию в письме Н.И. Гучкову: «С Киевским этапным случился казус. Они приехали раньше московских, назначены во Вранье, а до сих пор выехать не могут. Конечно, в А в с т р и и (такая разрядка дана в оригинале документа – Г.Ш.), у вагона с их багажом, якобы, загорелась ось, и его отцепили. До сих пор его

[1340] При ликвидации лазарета 900 комплектов вещей было передано работавшему в сербской больнице русскому врачу К.Н. Моисеенко. // РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1493. Л. 8-8 об.

[1341] Из 74 больных было 31 хирургических и 43 терапевтических. Умерло 13 (7,8%), из них раненых – 2 (2,1%), больных – 11 (14,8%); выздоровело – 53, переведено в другие лечебные учреждения – 101; было сделано 40 операций у раненых, 28 у больных. Амбулаторный прием вели с начала функционирования лазарета. // Там же. Оп. 3. Д. 323. Л. 81.

[1342] Там же. Оп. 2. Д. 294. Л. 121-122.

[1343] АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/2. Д. 55. Л. 41.

[1344] Количество персонала соответствовало типовому штатному расписанию для этапных лазаретов РОКК.

нет; никакие телеграммы не помогают. Бедные доктора и сёстры сидят здесь и работают то в одном госпитале, то в другом без своих инструментов и своего перевязочного материала»[1345].

Отряду было предложена временная работа в госпитале «Коло Српских Сестара», расположенном в городском училище. 18 октября отряд Киевской Мариинской общины получил предписание отправиться во Вранье, где персонал ожидали те же трудности с помещением, но еще добавились проблемы с продовольствием, которого в этом населенном пункте практически не было.

21 октября 1912 г. по приказу начальника сербского военно-санитарного управления Романа Зондермайера лазарет отправился в Новую Сербию, в Скопье. Там оказалось, что практически все здания в городе уже заняты. Пока ожидали вагоны со снаряжением[1346], членам отряда пришлось жить в очень грязном, неотапливаемом, совсем не приспособленном для проживания людей, помещении. Там же местные власти планировали расположить лазарет. Помог счастливый случай. 26 октября 1912 г. Верховная Команда (Главный штаб сербской армии) выехала из достаточно благоустроенного здания турецкой гимназии «Идадиа». Начальник военно-санитарного управления предложил занять это помещение. Работа по благоустройству закипела. К 28 октября лазарет был готов к приему раненых. Первый транспорт был принят 30 октября (46 человек)[1347].

2 ноября 1912 г. лазарет Киевской Мариинской общины посетил король Сербии и выразил «удовольствие по поводу его устройства и содержания»[1348].

По данным отчетов старшего врача Паевского, раненые прибывали в лазарет «в чрезвычайно печальном виде», особенно в первом транспорте из-под Прилепа. Они были истощены до крайности, малокровные и слабые. При первичном осмотре многие падали в обморок. Бельё при раздевании раненых разлагалось на лохмотья и кишело насекомыми. Чтобы решить проблему с их одеждой, старший врач Н.И. Паевский обратился в ГУ с просьбой срочно прислать носильное и постельное бельё. 15 ноября 1912 г. Он отправил донесение о том, что лазарет обслуживает 70 больных и что ощущается острая нехватка медикаментов и перевязочных средств. Напряженная

[1345] ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3017. Л. 30-30 об.

[1346] Прибыли 25 октября 1912 г.

[1347] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1520. Л. 247-249. По состоянию на 10 ноября 1912 г. в лазарете находилось 50 больных. Ввиду возрастающего количества больных и раненых пришлось срочно подготовить дополнительные палаты на 20-25 пациентов.

[1348] Там же. Оп. 3. Д. 310. Л. 8.

работа отряда продолжалась почти до конца 1912 г. 20 января 1913 г. отряд был по указанию особоуполномоченного П.А. Тыртова закрыт[1349].

Старшим врачом этапного лазарета Тверской Серебряной общины имени города Петербурга был назначен Алексей Николаевич Торочешников. Санитарный отряд городского общественного управления прибыл в Белград 7 ноября 1912 г. Вскоре А.Н. Торочешников сообщил в ГУ, что отряд ожидает отъезда в Битоли, но не может выехать из-за починки железнодорожных мостов. Состояние неопределенности длилось до 16 ноября, когда персоналу предложили остаться в Белграде, а заодно поинтересовались, смогут ли они в случае согласия, принять больных и раненых 18-го числа.

Лазарет на 60 кроватей был немедленно развернут в помещении Старой Военной академии, которое, по мнению А.Н. Торочешникова, было совершенно не приспособлено для приема раненых. Оно использовалось как архивный склад, не отапливалось, обладало тусклым освещением. Пришлось оборудовать аптеку, перевязочную, операционную, ванную, три палаты. Большой и светлый коридор использовался как столовая. Существенными недостатками являлись отсутствие кухни, водопровода и слабая электрическая мощность. Военное министерство отказалось брать на себя расходы по приспособлению архивного помещения Военной академии в стационар, а А.Н. Торочешникову пришлось затратить дополнительные средства на необходимое обустройство. Лазаретная кухня была открыта 24 ноября. Проблему недостатка тепла взяло на себя военное министерство, немедленно доставив дрова для отопления.

18 ноября в 3 часа утра в лазарет поступило 52 человека (из них 16 терапевтических, остальные раненые)[1350]. Таким образом, этапный лазарет с первых дней существования был превращен в тыловой стационарный. В тот же день сербское военное министерство прикомандировало к лазарету чиновника министерства финансов Андрея Ристовича Петровича в качестве комиссара, в обязанности которого входили непосредственное сношение с министерством, а также ведение дел для последующей отчетности. Фактически он стал посредником между старшим врачом лазарета, сербскими властями и сербскими торговыми фирмами, которые доставляли всё необходимое для нужд лазарета. В отчете в ГУ А.Н. Торочешников по этому поводу заметил:

[1349] За время работы лазарет принял 146 человек. Из них 128 раненых, четыре контуженных, 14 больных острыми заболеваниями. Большинство пациентов были тяжелые с множественными ранами, переломами, в том числе осложненными, довольно часто встречались загрязненные раны. По предоставленным отчетам, выздоровело восемь человек, с улучшениями выписано на поправку домой – 91, умерло – пять. Умершие почти все были из-под Прилепа, из первой партии с переломами костей и загрязненными ранами. За отчетный период было сделано 59 операций, из них под наркозом – 17, под местной анестезией – 26, перевязок – 2580. // Там же. Д. 323. Л. 82-82 об.

[1350] Там же. Оп. 1. Д. 1491. Л. 286. В период с 18 по 24 ноября было выписано 20 человек.

«Исключительно удачный выбор военным министерством такого комиссара, который входит во все нужды … лазарета и крайне облегчил нашу задачу развернуться в стационарный лазарет»[1351].

Типовое штатное расписание лазарета было усилено двумя младшими врачами из числа прикомандированных (хирургами Николаем Соловьёвым и Александром Бритневым) и сербским персоналом[1352].

20 ноября 1912 г. по случаю открытия лазарета был совершен молебен в присутствии княгини Елены Петровны, представителей русской миссии, военного министерства и городского самоуправления. По свидетельству А.Н. Торочешникова, княгиня Елена Петровна по окончании торжественной части обошла всех больных, спрашивала каждого в отдельности о состоянии здоровья. 22 ноября лазарет был удостоен посещения короля Петра. Монарх провел там более часа, осмотрел аптеку, перевязочную, палаты, разговаривал с больными и ранеными. В отчете от 30 ноября А.Н. Торочешников отметил, что при выходе из лазарета «его величество соизволил выразить чувство глубокой благодарности за образцовый порядок, хороший уход, сердечное и добросовестное отношение к больным-сербам со стороны всего медперсонала»[1353].

Тверская Серебряная община сестёр милосердия поддерживала связь со своим отрядом. 29 ноября 1912 г. ее попечительница, супруга тверского губернатора С. М. Бюнтинг сообщила в ГУ о телеграмме Торочешникова, что в лазарете не хватает белья. В свою очередь, Община отправила ему 300 руб. для решения этой проблемы[1354].

12 декабря 1912 г. А.Н. Торочешников был экстренно вызван главным инспектором санитарной части военного министерства полковником Р. Зондермайером. Военное министерство предложило русскому лазарету переехать в соседнее здание Новой Военной

[1351] Там же. Д. 1492. Л. 4.

[1352] По предложению военного министерства, в лазарет были приняты три серба: студент-медик Военно-медицинской академии Цветко Костич Джорджевич (оказывал помощь врачам в качестве переводчика и исполнял распоряжения врачей по лечению больных), воспитанник Таврической духовной семинарии Святослав Анастасьевич Райкович (добровольно исполнял обязанности письмоводителя и переводчика при старшем враче и заведующем хозяйством), София Константиновна Зета, сербка по происхождению, владеющая русским и несколькими иностранными языками (помогала по уходу за больными, служила переводчиком при старшей сестре-хозяйке). Сербский персонал пользовался столом вместе с русским, без ежемесячного вознаграждения, кроме Джорджевича (состоял на службе в отряде с 12 ноября по 2 декабря 1912 г.). Вследствие того, что русский повар-санитар не был знаком с сербской кухней, Торочешников нанял ему двух помощниц (ежемесячное вознаграждение одной составляло 50 динаров в месяц, другой – 20). В помощь завхозу и комиссару были приняты два рассыльных, один из которых совмещал свои обязанности с обязанностями электрика (получал 30 динаров в месяц). // РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1491. Л. 4 об.

[1353] Там же. Д. 1492. Л. 13-13 об.

[1354] Там же. Л. 5.

академии (8-я сербская резервная больница), где оставались больные после отъезда чешских врачей, а помещение было лучше приспособлено под медицинское учреждение. Описывая эту ситуацию в письме П.А. Тыртову, А.Н. Торочешников констатировал, что «…события последнего времени с наступлением периода перемирия и создавшегося у многих иностранных врачей представления о конце войны, мобилизация в Австрии, которая оттянула большое количество чешских врачей, добровольно здесь работавших, отъезд группы бельгийских врачей поставили сербское военное министерство в большое затруднение. Факты отбытия вышеуказанных врачей оставили целый ряд больниц без нормальной врачебной помощи. В таком безвыходном положении оказалась 8-я резервная больница, которая расположена с нами в одном дворе. В этой больнице на 300 кроватей к моменту нашего перехода находилось 129 больных с рядом тяжелых хирургических и внутренних болезней при двух врачах – не специалистах…»[1355].

Предстояло решить непростую задачу: бюджет лазарета был ограничен сметой. Его расширение было необходимо согласовывать, что требовало определенного времени. А между тем отказать нуждающимся в помощи раненым А.Н. Торочешников не мог[1356].

Учет всех ресурсов показал, что в новых условиях без привлечения дополнительного бюджета[1357] лазарет сможет вести 150-200 больных одновременно. Сербское военное министерство прикомандировало к русскому лечебному учреждению 10 санитарок и 30 санитаров для обеспечения надлежащего ухода за ранеными. Жена русского военного агента Л.М. Артамонова взяла на себя выдачу тёплого белья и необходимой одежды выписывающимся из лазарета[1358].

Расширение больницы и совместное использование ресурсов явно свидетельствовали о доверии старшему врачу отряда Тверской Серебряной общины со стороны сербских военно-санитарных властей. Однако, как выяснилось, не всех в Петербурге это устраивало. Предпринимались довольно серьезные попытки дискредитировать А.Н. Торочешникова и как специалиста, и как администратора. Вероятно, это делалось, чтобы подтвердить обсуждавшийся

[1355] Там же. Л. 44-44 об.

[1356] В результате переговоров с сербской стороной были достигнуты следующие соглашения: питание больных и перевязочные средства будут оплачиваться лазаретом, лекарства по сложным рецептам обязалась выдавать бесплатно сербская военная аптека. Постельным и верхним бельём за счёт лазарета обеспечивалось 60 больных, остальные 120 больных – из кладовой 8-й сербской резервной больницы. В распоряжение Торочешникова перешел и весь инвентарь с имеющимися кроватями этого сербского медицинского учреждения. Кроме того, ему были переданы незначительные запасы перевязочного материала, рентгеновский кабинет, инструментарий и медикаменты, пожертвованные чешскими врачами в эту больницу.

[1357] Санкт-Петербургская славянская комиссия поддержала расширение лазарета, «с тем непременным условием, чтобы в лазарет принимались исключительно раненые». // РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1492. Л. 55.

[1358] Там же. Оп. 3. Д. 323. Л. 88 об.

в российской печати тезис об ошибочном подходе ГУ в выборе старших врачей. В РОКК стали поступать неблагоприятные сведения о деятельности отряда, в частности, о неспособности А.Н. Торочешникова организовать соответствующим образом деятельность лазарета и тяжелом характере старшего врача, необоснованно загружающего работой персонал. ГУ сильно беспокоило, что в связи с этими обвинениями «деятельность находящегося в Белграде Тверского Серебряного этапного лазарета Красного Креста имени Санкт-Петербурга в течение всего времени пребывания его в Сербии протекала в направлении, далеко не соответствующем достоинству РОКК и той высокой цели, ради которой он был командирован на Балканский полуостров»[1359].

В марте 1913 г. ГУ попросило Н.Г. Гартвига расследовать ситуацию. Русский посланник решительно встал на сторону А.Н. Торочешникова. В доверительном письме на имя председателя ГУ РОКК А.А. Ильина от 6 апреля он констатировал: «Почитаю своим приятным долгом заявить…, что сообщенные Вами сведения грешат весьма существенными неточностями и отличаются несомненной предвзятостью, которая является причиной одностороннего и несправедливого освещения фактов… лазарет работал исправно, … заслужил полное доверие и благодарность местного населения»[1360], и когда отряд закончил свою работу, ему были устроены «сердечные и трогательные проводы»[1361]. Гартвиг добавил также, «в ограждение личности доктора Торочешникова», что старшему врачу «пришлось иметь дело с персоналом, хотя крайне трудоспособным и добросовестным, но мало сговорчивым, не всегда подчинявшимся, несомненно преувеличенной, строгости старшего врача и, вероятно, недостаточно скрывавшим свое личное неудовольствие от отдельных членов сербского общества, что и могло породить слухи»[1362].

14 декабря 1912 г. отряд принял последний транспорт раненых. Хирургической работы не стало. По мнению А.Н. Торочешникова, дальнейшее пребывание отряда стало бы «потерей времени и средств». Лазарет Серебряной Общины функционировал 58 дней с 18 ноября 1912 г. по 15 января 1913 г. За время работы им было принято 346 больных и раненых, из них 16 – офицеров. В лазарет принимались только раненые, инфекционные больные переводились в специальную больницу. В русский лазарет, как правило, поступали раненые из других медицинских учреждений на долечивание, поэтому операции, как правило, не требовались. Часть пациентов была с внутренними болезнями, в основном, ревматизмом и катаром верхних

[1359] Там же. Оп. 1. Д. 1492. Л. 201 об.

[1360] Там же. Д. 1499. Л. 63-63 об.

[1361] Там же. Л. 63 об.

[1362] Там же. Л. 63 об.

дыхательных путей. Всего было сделано 39 операций, 2 500 перевязок (из них 100 – гипсовых). С момента открытия лазарета работала амбулатория, где было принято около 100 человек, преимущественно местные жители[1363]. По договоренности с сербскими властями лазарет прекратил свою деятельность и 25 января 1913 г. выехал в Россию. В Тверь отряд вернулся 1 февраля.

В октябре 1912 г. по инициативе княгини Елены Петровны был сформирован лазарет на 50 кроватей, названный ее именем. Кроме старшего врача В. Сиземского, опытного хирурга, участника русско-японской войны, штат состоял из врачей Ристича и Знаменского, а также студента 5-го курса Военно-медицинской академии Бацковича. Обслуживание больных было поручено сёстрам милосердия Петербургской Елизаветинской общины. На театр военных действий в качестве сестры милосердия отправилась также супруга врача Знаменского.

Учитывая потребности сербских госпиталей, помимо основного оборудования, с Главного склада РОКК княгиней Еленой Петровной были затребованы дополнительно 200 комплектов постельного и носильного белья[1364]. Снаряжение лазарета по сметам ГУ стоило 14340.54 руб., дополнительное – 663.10 руб. (согласно счёту ГУ РОКК, предоставленному конторе Двора великого князя Константина Константиновича)[1365].

Выезд отряда в Белград состоялся 12 октября[1366]. Княгиня Елена Петровна отправилась вместе с ними в качестве сестры милосердия, её сопровождала фрейлина Т.Ю. Щербачева.

Отряд прибыл к месту назначения 15 (28) октября 1912 г. На вокзале его встречали сербские министры, русский, болгарский и греческий посланники[1367]. Оценив ситуацию с медицинским персоналом в Белграде, княгиня Елена Петровна обратилась в ГУ командировать дополнительно за ее счёт в лазарет Елизаветинской общины еще пять санитаров. Как мы уже знаем, ими стали пять человек из персонала расформированного Царскосельского отряда. В Сербию они выехали 5 ноября 1912 г.[1368].

А.П. Гартвиг писала Н.И. Гучкову, что «перед отъездом своим во Вранье княгиня Елена Петровна два дня пробыла в Белграде и всё это время посвятила на объезд госпиталей. Я была с нею и чего только не насмотрелась и не наслушалась, ибо княгиня опрашивала каждого

[1363] Там же. Д. 1521. Отчеты о деятельности учреждений РОКК в Балканскую войну. Л. 361-362.

[1364] Там же. Д. 1476. Л. 45.

[1365] Там же. Д. 1477. Л. 59, 75.

[1366] Там же. Д. 1476. Л. 105. Снаряжение было доставлено в двух товарных вагонах.

[1367] Вечернее время. 1912. 15 (28) октября. С. 2.

[1368] Павел Жилин, Илья Виноградов, Михаил Федотов, Даниил Ковалев, Павел Аксенов // РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 310. Л. 4. Стоимость отправки составила 775 руб. // Там же. Д. 1477. Л. 95.

солдата»[1369]. В Иверском госпитале, по свидетельству очевидцев, её королевское высочество почти ежедневно присутствовала на перевязках и операциях. Посещала княгиня Елена Петровна госпитали и на вновь присоединенных территориях. Сообщая о прибытии короля Петра в Скопье 21 октября 1912 г., российские газеты отметили, что она сопровождала отца в форме российской сестры милосердия[1370]. Это вызывало необычайное воодушевление в войсках. Для простых солдат она стала символом нерушимого союза России и Сербии. Практически теми же словами описывала её визит российская пресса. Княгиня последовательно объехала практически все госпитали в Скопье и беседовала с ранеными.

В лазарет княгини Елены Петровны регулярно направлялись различные грузы от имени великого князя Константина Константиновича и князя Иоанна Константиновича. Как только выяснилась потребность в тёплом белье, в Мраморном дворце сформировали и доставили в Сербию транспорт тёплой одежды[1371]. Старший врач отряда Кауфманской общины, прибывший в Белград в конце октября, передал фрейлине Т.Ю. Щербачевой груз из трех ящиков, отправленный конторой Двора великого князя Константина Константиновича. Были и частные пожертвования. Уже упоминавшийся Таврический отряд в ноябре 1912 г. доставил партию белья, пожертвованного Ялтинским дамским комитетом в распоряжение княгини Елены Петровны[1372].

24 октября (6 ноября) 1912 г. МИД уведомил российского консула в Скопье А.Д. Калмыкова о намерении княгини Елены Петровны перевести часть раненых во Вранье[1373], что и было сделано незамедлительно. 26 октября княгиня выехала во Вранье, к месту нахождения своего лазарета[1374]. И только организовав его работу, она смогла вернуться в Россию. По данным «Нового времени», 24 ноября (7 декабря) княгиня Елена Петровна выехала из Белграда в Петербург[1375]. Отряд остался во Вранье. Снабжением госпиталя после её отъезда княгини занималась А.П. Гартвиг[1376].

Данные о практической деятельности этого лазарета обнаружить не удалось. В личной переписке княгини Елены Петровны с младшим братом мужа – князем Олегом Константиновичем – есть только несколько фраз, касающихся лазарета (к сожалению, не

[1369] ЦГА Москвы. Ф.179. Оп. 21. Д. 3017. Л.30 об.

[1370] Земщина. 1912. 22 октября. С. 2.

[1371] РГВИА. Там же. Л. 4

[1372] АВПРИ. Ф.166. Оп. 508/2. Д. 55. Л. 41 об.

[1373] Там же. Ф.151. Оп. 482. Д. 1483. Л. 156.

[1374] Земщина. 1912. 25 октября. С. 2. Первоначально лазарет был рассчитан на 25 кроватей. Был ли он расширен или был организован по первоначальному плану – не установлено.

[1375] Новое время. 1912. 24 ноября (7 декабря). С. 4.

[1376] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1506. Л. 71.

датированных): «Мой госпиталь во Вранье в порядке. У нас 70 раненых», «… санитары и сёстры очень хорошие и работают восхитительно»[1377]. Кое-какие сведения можно почерпнуть из переписки А.П. Гартвиг с П.А. Тыртовым. В письме от 3 февраля 1913 г. супруга посланника жаловалась, что «Сиземский все время из Вранье что-нибудь просит…прислал длинный список медикаментов, их нет у меня, оказалось только три, остальное Зарин[1378] покупает в Вене. Написал он мне в таком духе, что ему хотелось бы с лазаретом приехать на линию следования раненых из Адрианополя в Ниш или Белград. Это оттого, что… если новых раненых не будет, чтобы он ликвидировал лазарет»[1379].

Лазарет Кауфманской общины Красного Креста имени Е.М. Терещенко с семьей был сформирован по типу этапных лазаретов РОКК на 50 мест (с дополнительным оборудованием до 100 мест). Старшим врачом отряда был назначен приват-доцент С.К. Софотеров. 24 октября 1912 г. после молебна и благословления иконой попечительницей Общины баронессой В.И. Икскуль фон Гилленбандт отряд выехал в Сербию.

29 октября 1912 г. отряд прибыл в Белград, где был встречен представителями военного министерства и размещен в здании, специально предназначенном для приема прибывающих отрядов Красного Креста[1380], а следующий день отряд получил предписание в Скопье[1381]. 1 ноября 1912 г. лазарет выехал по назначению. В ночь со 2 на 3 ноября его встретил на вокзале начальник санитарной части действующей армии доктор Лазар Генчич, оказавший впоследствии всестороннее содействие в работе данного медицинского учреждения[1382].

[1377] ГА РФ. Ф. 660 (великий князь Константин Константинович). Оп. 2. Д. 735. Л. 3, 4.

[1378] Леонид Сергеевич Зарин, второй секретарь российской миссии в Белграде.

[1379] Там же. Д. 1505. Л. 56.

[1380] Здание это раньше служило интернатом для сельских учительниц и, по желанию госпожи Николич, давшей на это средства, интернат был приспособлен в служебную гостиницу для санитарных отрядов. Врачам, сестрам и санитарам комнаты, кровати и горячая вода предоставлялись бесплатно.

[1381] С 1-го ноября по настоянию и рекомендации сербского военного министерства в штат отряда была принята студентка-сербка Санкт-Петербургских медицинских курсов в качестве ординатора-переводчика. С 17 ноября по указанию главного санитарного инспектора был принят сербский студент московского Агрономического института в качестве переводчика. Вознаграждение им выплачивалось за счёт Общины. Труд по ведению отчетности и переписке вообще безвозмездно взяла на себя жена старшего врача Люция Софотерова. Она же помогала в канцелярской переписке и по хозяйственной части. В официальных списках отряда она не значится. // РГВИА. Ф. 12651. Оп. 2. Д. 1495 а. С. 16-16 об.

[1382] Большое участие в работе российского медицинского учреждения принимал также исполняющий обязанности консула Юрий Геннадиевич Удинцов, впоследствии получивший награду РОКК за содействие в работе русских санитарных отрядов.

Доктор Генчич сообщил, что для отряда приготовлено здание бывшей турецкой ремесленной школы на берегу реки Вардар. Оно было в плачевном состоянии: отсутствовало отопление, туалеты использовать было невозможно. Помещения пришлось очищать от мусора, стены белить и красить, вставлять стекла в окна, проводить воду, устанавливать железные печи. Кроме того, были построены туалеты для персонала и больных. В здание было проведено электричество. Все эти изменения, как было отмечено в отчете старшего врача С.К. Софотерова, были осуществлены за одну неделю благодаря чуткому отношению сербских властей. Лазарет на 50 кроватей сначала разместился только на втором этаже, так как в течение еще трех недель на третьем и частично первом этаже продолжали жить более 120 учеников и хранилось школьное имущество. Работы были закончены к 7 ноября 1912 г. На следующий день состоялось торжественное открытие[1383].

Как и остальные русские медицинские учреждения, отряд на первом этапе ждала интенсивная работа. Первые транспорты, по отчетам старшего врача С.К. Софотерова, были очень тяжелые. Раненых доставляли в лазарет на носилках с санитарных поездов. Как и везде, большинство пациентов были в ужасном состоянии: насекомые кишели не только на одежде, но и на повязках[1384]. Раненые получали чистое бельё не только при поступлении, но и при выписке[1385]. В середине ноября лазарет пришлось расширить. 14 ноября он обслуживал 116 кроватей. Для населения был открыт амбулаторный прием: больные получали лекарства, практиковались повторные посещения. Начавшееся в декабре перемирие постепенно свело деятельность лазарета до минимума.

Старшим врачом санитарного отряда городского общественного управления, названного именем Москвы, был назначен известный московский хирург Николай Константинович Холин, ординатор Старо-Екатерининской больницы. Он же стал уполномоченным московской городской управы[1386]. Выезд персонала к месту назначения состоялся 27 октября одновременно с отрядом Иверской общины сестёр милосердия Красного Креста[1387]. 30 октября 1912 г. санитарный отряд имени Москвы был принят под флаг РОКК.

[1383] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 323. Л. 83 об).

[1384]В лазарете были случаи брюшного и сыпного тифа, рожистого воспаления. При выявлении инфекционных заболеваний больные переводились в сербские госпитали (8 случаев).

[1385] Там же. Л. 85 об.

[1386] Там же. Оп. 1. Д. 1489. Л. 1-4.

[1387] Торжественные проводы отрядов состоялись накануне в зале Городской думы. От городского головы Н.И. Гучкова отряд получил стяг с изображением Спаса Нерукотворного с надписью «Благословение Москвы своему отряду на помощь страждущим братьям. 1912 г.». Кроме того, каждый член отряда получил на память нательный образок. Напутственный молебен совершил серпуховской епископ Анастасий. // Московские ведомости. 1912. 30 октября. С. 3.

По распоряжению сербских военных властей москвичи[1388] отправились в Скопье, куда прибыли 8 ноября 1912 г. и сразу же приступили к работе. Из отчета старшего врача Н.К. Холина известно, что лазарет был развернут на 153 кровати. С 8 ноября по 1 декабря было принято 242 раненых (три офицера и 239 солдат) и 13 больных (один офицер, 11 солдат, один санитар). Всего в ноябре поступило 255 человек, эвакуировано – 142 человека, умерло – четыре. По состоянию на 1 декабря в госпитале осталось 109 человек (99 раненых и 10 больных) [1389].

1 декабря при лазарете были открыты амбулаторный прием для местного населения и аптека, где назначенные медикаменты выдавались бесплатно. 13 декабря приняло первых трех пациентов отделение на шесть кроватей для женщин, нуждающихся в хирургическом лечении. Кроме того, по инициативе Н.К. Холина при лазарете было открыто отделение для женщин мусульманского вероисповедания. С 1 по 20 декабря в госпиталь поступило 34 раненых (из них три офицера) и 11 больных (из них четыре офицера), гражданских – восемь мужчин и пять женщин. Эвакуировано: раненых – четыре офицера и 47 солдат, больных – четыре офицера, 13 солдат и одна женщина. Умер один человек. К 20 января в госпитале находились 97 человек[1390].

Московская городская управа поддерживала связь со старшим врачом и супругой российского посланника. По их запросам неоднократно пополнялось снаряжение этого русского благотворительного учреждения, в том числе тёплой одеждой для выздоравливающих[1391].

В материалах московского городского общественного управления есть также данные о том, что через старшего врача лазарета Н.К. Холина для сербских больниц в Призрене в январе 1912 г. было передано 1 764 пожертвованных москвичами предмета (рубахи, кальсоны, носки, рукавицы, постельное бельё и пр.), за что была получена благодарность начальника санитарной части 3-й армии полковника Милана Петича[1392].

Информация о деятельности отряда регулярно размещалась в средствах массовой информации. Именно из газет можно узнать детали, которые не вошли в официальные отчеты: условия работы, впечатления членов отряда о работе местных санитарных служб и пр. «Голос Москвы» передал одно из первых донесений Холина из Скопье о том, что отряд встретила отвратительная погода: холода, дожди и слякоть. По мнению старшего врача, «пребывание в Сербии началось неудачно: перегрузка запасов на границе была произведена небрежно. Ящики с медикаментами оказались разбитыми, мешки с крупой разорванными»[1393]. «Русские

[1388] В составе пяти врачей, одного завхоза, 10 сестёр милосердия общины «Утоли мои печали» и 12 санитаров.

[1389] РГВИА. Ф 12651. Оп. 1. Д. 1489. Л. 81.

[1390] РГВИА. Ф 12651. Оп. 1. Д. 1489. Л. 81.

[1391] Вечернее время. 1912. 11 ноября. С. 3.

[1392] ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3017. Л. 72.

[1393] Голос Москвы. 1912. 10 ноября. С. 4.

ведомости», сообщив о том же эпизоде, прибавили, что «отряд находится в полной зависимости от военного министерства Сербии. Простота нравов необыкновенная, но всё дело ведется правильно и серьезно»[1394].

В «Голосе Москвы» от 23 октября, со ссылкой на доктора Холина, сообщалось, что поступающие в лазарет больные «плохо перевязаны и испытывают большие мучения при перевозках на волах. Многих везут в течение восьми дней», также говорилось об отсутствии в городе водопровода, испорченного турками при отступлении и о том, что сербские власти прикомандировали в помощь отряду 20 сербских солдат из санитарной роты, которые оказывали большую помощь в работе лазарета. Далее было написано, что «русские добровольцы-санитары очень плохи, сербское правительство не знает, как от них отделаться. Консервы Красного Креста оказались испорченными»[1395]. Подобные факты приводились и в газете «Русское слово» (статья «К войне на Балканах»): «Консервы Красного Креста прибыли тухлыми, что отмечается и соседним киевским отрядом». ГУ РОКК не могло оставить без внимания это сообщение и попросило своего особоуполномоченного выяснить на месте достоверность газетных сведений и, в случае справедливости информации, «не отказать выслать десять банок из числа выданных лазарету для исследования»[1396]. Таким образом, служебное расследование было проведено как в отношении качества персонала, так и материального обеспечения отряда.

По первому вопросу П.А. Тыртов сообщил 14 декабря 1912 г. в ГУ, что видел эти консервы, и одна банка действительно была тухлой. Он признался, что не придал этому значения, так как питание в лазарете было поставлено таким образом, что консервы не требовалось, а всё необходимое в достаточном количестве закупалось на местном рынке. Поэтому особоуполномоченный ограничился просьбой составить соответствующий акт. Тыртов заметил, что он заблаговременно просил всех старших врачей сообщать ему и в ГУ обо всех обнаруженных дефектах, в том числе материального снабжения[1397].

Объяснения по поводу качества персонала были отправлены П.А. Тыртовым управляющему канцелярией Совета РОКК А.Д. Чаманскому 4 января 1913 г. Особоуполномоченный пояснил, что в заметке приведены искаженные факты из частного письма Холина одному из членов московской городской управы. Что касается сведений о младшем медицинском персонале, то их

[1394] Русские ведомости. 1912. 10 ноября. С. 4.

[1395] Голос Москвы. 1912. 23 ноября. С. 4.

[1396] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 2. Д. 1495 а. С. 170.

[1397] Там же. С. 173-174. Объяснительную записку написал и Н.К. Холин. Он проинформировал, что проблемы возникли не только с консервами, но и с сухим молоком, полученным на складе РОКК. Молоко не растворялось в воде, а плавало кусками. На месте этот продукт было невозможно достать. Положение спасло то, что при отъезде отряд дополнительно закупил сгущенное молоко. // Там же. С. 178.

Тыртов назвал лживыми, сообщив, что о «санитарах лазарета города Москвы в Скопье мне лично докладывал сам доктор Холин», считавший, что они «составляют гордость их отряда». От себя представитель РОКК добавил, что ему «никогда не приходилось слушать жалобы на них ни в Сербии, ни в Болгарии»[1398].

Сербские власти не могли не знать о нападках российской прессы на младший медицинский персонал. Поэтому, когда 11 января 1913 г. от нефрита скончался старший санитар лазарета А.Б. Сысун, сербы устроили ему такие похороны, которых до той поры не видели в Скопье. По приказанию генерала Мишича старшему санитару московского санитарного отряда были возданы воинские почести, какие полагались офицеру сербской армии. Отпевание совершили сербский митрополит с восемью священниками в древней сербской церкви. Тело до могилы провожал персонал всех трех русских госпиталей (Киевского Мариинского, Кауфманского и имени Москвы), российский вице-консул Ю.Г. Удинцов, начальник санитарной части действующей сербской армии полковник Генчич, комендант города полковник Маринович и много сербских офицеров. В траурной церемонии принял участие практически весь город. 15-16 января 1913 г. большинство белградских газет поместили некрологи (напечатаны они были и некоторыми московскими изданиями)[1399]. Церемония прощания продемонстрировала уважительное отношение сербских властей к российскому медицинскому персоналу.

§ 3.3. Санитарные отряды РОКК в Черногории

25 сентября (8 октября) 1912 г. Черногория первой объявила войну Турции. Уговоры дипломатических представителей России и Австро-Венгрии приостановить военные приготовления результатов не дали. На следующий день начались военные действия. Черногорская армия была разделена на три отряда. Приморский отряд находился под командованием главы кабинета министров и военного министра генерала М. Мартиновича и базировался в районе Бара. Зетский отряд под командованием престолонаследника Данилы, в задачу которого входило взятие албанской крепости Шкодра, находился около Подгорицы.

[1398] Там же. Оп. 1. Д. 1489. Л. 74 об.

[1399] Формулярный лист Александра Борисовича (в «Искрах» ошибочно используется отчество Николаевич). Сысуна не был обнаружен. В средствах массовой информации содержится ряд противоречий, например, журнал «Искры» (1913, № 6) сообщил, что он служил в течение 11 лет при операционной московской Старо-Екатерининской городской больницы, а «Голос Москвы» (от 16 января 1913 г.) – что А.Б. Сысун был швейцаром при той же больнице. Кроме того, «Искры» сообщили, что во время Русско-японской войны Сысун работал санитаром на Дальнем Востоке в госпитале города Москвы. По личному желанию он отправился старшим санитаром в Сербию, где «до последнего дня своей жизни честно нес незаметную, но важную работу по операционной». Во всяком случае, нам кажутся более достоверными сведения корреспондента журнала «Искры», иначе невозможно объяснить, почему именно Сысун был назначен старшим санитаром отряда.

Восточный отряд под командованием генерала Я. Вукотича был призван обеспечить безопасность черногоро-турецкой границы, а при благоприятных условиях развернуть наступление в Ново-Пазарском санджаке и Метохии. Верховным командующим черногорской армии являлся король Никола[1400].

Черногорская армия очень нуждалась в помощи международных отрядов Красного Креста. Поэтому через посланников еще на стадии подготовки к военным действиям были сделаны соответствующие запросы. Не стала исключением и российская миссия. На телеграмму посланника при черногорском Дворе А.А. Гирса управляющий МИД А.А. Нератов 23 сентября 1912 г. ответил, что «разумеется, с нашей стороны не встречается препятствий к помощи Русского Красного Креста в случае объявления войны. Официальное сообщение черногорского правительства до этого было бы несвоевременно. Не теряем надежды на предотвращение войны ввиду переговоров держав о способах добиться от Порты реформ с достаточным обеспечением»[1401].

В эти же дни газета «Русское слово» опубликовала интервью с уполномоченным черногорского Красного Креста А.И. Дросси. В нем говорилось о необходимости помощи москвичей, так как в Черногории нет ни хирургических инструментов, ни перевязочных материалов – всё это придется закупать за границей: «… мы лишены возможности послать их теперь же, заблаговременно – у нас нет средств. Волей-неволей мы принуждены выжидать объявления войны, после чего мы обратимся с воззванием о помощи к Москве»[1402].

Русское общество с сочувствием отнеслось к нуждам черногорцев в связи с началом военных действий против турецкой армии. «Русское слово» сообщило, что «на воззвание о помощи Черногорскому обществу Красного Креста откликнулась не одна только Москва. Уполномоченный общества А.И. Дросси ежедневно получает пожертвования из всех уголков России. Размеры пожертвований очень различны и колеблются от трех до 50 руб. Большинство пожертвований из провинции идут не от отдельных лиц, а от целых групп. Служащие в торговых учреждениях, фабричные рабочие, гимназисты и гимназистки шлют деньги, собранные между собой по подписке… Пожертвования от москвичей крупные. Попадаются суммы в 25, 50 и даже 100 руб…»[1403]. В результате за пять дней было собрано свыше 1 400 руб.[1404].

Черногорский король высоко оценил деятельность уполномоченного Черногорского Красного Креста А.И. Дросси. «Русское слово» 28 сентября 1912 г. сообщило о полученной им телеграмме

[1400] *Искендеров П.А*. Балканские войны 1912-1913 гг. С. 482-483.

[1401] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4045. Красный Крест, Черногория. 1912. Л. 3.

[1402] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1478. Л. 84.

[1403] Там же. Д. 1487. Об оказании помощи больным и раненым воинам в Черногории. 1912-1913. Л. 144.

[1404] Там же. Л. 144.

Николы Петровича-Негоша: «Я жду большой помощи для моих доблестных воинов от Красного Креста. Заранее горячо благодарю Вас»[1405].

В Петербурге пожертвования в пользу черногорцев стекались к великим княгиням Милице Николаевне и Анастасии Николаевне. Н.Г. Струнина привела данные о многочисленных пожертвованиях как частных лиц, так и организаций, на их имя в период Первой Балканской войны[1406]. Они же заранее побеспокоились и о медицинском персонале. 5 октября 1912 г. школа сиделок Кауфманской общины уведомила ГУ, что накануне в Черногорию были отправлены три сёстры милосердия: Вера Алексеева, Ирина Апухтина и Зинаида Верещагина – с содержанием за счёт великой княгини Милицы Николаевны в помощь сёстрам общины, работавшим в Черногории с февраля месяца 1912 г.[1407].

Экономическое положение Черногории было таково, что даже успешные военные действия вели к ухудшению гуманитарной ситуации. Когда в начале октября в результате наступления черногорцы взяли в плен 3 600 турецких солдат, это стало большой проблемой, так как черногорское правительство было неспособно их прокормить. Единственный выход виделся в обращении за помощью к европейским Красным Крестам[1408].

Международные санитарные отряды учитывали особенности гуманитарной ситуации в Черногории при подготовке своего снаряжения. На это обстоятельство указал в своем донесении от 4 октября 1912 г. посланник в Черногории А.А. Гирс, сообщив в МИД, что «отряду австрийскому[1409] дано 150 000 крон на оказание в случае нужды санитарной помощи путем денежного вспомоществования», и задал вопрос, «имеются ли в распоряжении заведующего нашими отрядами Красного Креста денежные средства»[1410].

Тяжелую ситуацию в стране усугубила преждевременно наступившая зима, породившая проблему пропитания семейств убитых и раненных воинов. 26 октября 1912 г. А.А. Гирс передал в Петербург, что «число таких семейств, не знающих как прокормиться, быстро возрастает, и помощь им является делом настоятельным. Не будет ли признано возможным, во-первых,

---

[1405] Там же. Л. 30.

[1406] *Струнина Н.Г.* Деятельность великой княгини Милицы Николаевны Романовой по оказанию помощи Черногории во время балканских войн // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912-1913). – М., 2012. С. 384-385.

[1407] РГВИА. Там же. Л. 131.

[1408] Колокол. 1912. 4 октября // РГВИА. Там же. Л. 148.

[1409] Речь идет о полевом госпитале австро-венгерского общества Красного Креста на 50 кроватей с двумя врачами, 15 братьями и 6 сестрами милосердия, а также полевой амбулаторией с двумя врачами и шестью братьями милосердия. // РГВИА. Там же. Л. 168.

[1410] Там же. Л. 31.

оповестить о том русских жертвователей, и, во-вторых, ассигновать на этот предмет тысяч пять руб., переведя ее в распоряжение миссии, которая немедленно положила бы начало устройству столовых и пунктов для раздачи хлеба и топлива. Были случаи расхищения родственниками раненых, навещающих последних в лазарете, заготовленной для больных пищи»[1411].

В материалах РГВИА сохранилась небольшая заметка без ссылки на источник, написанная, судя по всему, в конце октября 1912 г.: «Ввиду того, что врачебно-санитарная помощь Черногории с посылкою отрядов Красного Креста в данное время является совершенно обеспеченной, русское общество не могло не откликнуться на возникшую другую острую нужду среди жен, вдов и детей раненных или убитых черногорских воинов. Обществом славянской взаимности передало великой княгине Анастасии Николаевне 6 000 руб. для перевода этой суммы в распоряжение великой княгини Милицы Николаевны. На эту же цель в распоряжение Милицы Николаевны переведено петербургским городским управлением 10 000 руб. взамен предполагавшейся посылки отрядов в Черногорию[1412].

ГУ РОКК мобилизовало в помощь Черногории два санитарных отряда – Петербургской Елизаветинской и Харьковской общин сестёр милосердия.

Петербургская Елизаветинская община сестёр милосердия находилась в ведении Первого Санкт-Петербургского дамского комитета, состоявшего под покровительством императрицы Александры Федоровны и великой княгини Елизаветы Федоровны. 25 сентября 1912 г. Елизаветинская община получила по телефону распоряжение ГУ о формировании этапного лазарета на 50 кроватей и приступила к исполнению его немедленно. Так как община была предупреждена о мобилизации заранее, поэтому кандидатура старшего врача была уже подобрана. Им стал хирург Михаил Александрович Бобров[1413], уже шесть лет находившийся в ней на службе и имевший опыт русско-японской войны[1414]. Заведующим хозяйством был назначен А.И. Пантелеев, помещик, хороший хозяин, имевший опыт аналогичной работы в одном из отрядов Красного Креста в предыдущую военную кампанию. Младшим врачом стал врач Григорий Йовович, русский подданный, черногорец по происхождению[1415].

По выбору попечительницы общины в отряд были назначены шесть сестёр милосердия. Старшая сестра, Александра Федоровна Алексеева-Барашко[1416], работала в общине 16 лет, со дня ее основания, и имела опыт работы на театре военных действий в русско-японскую войну. Затем

[1411] Там же. Л. 111.

[1412] Там же. Д. 1479. Л. 18.

[1413] Там же. Д. 1487. Л. 124.

[1414] Вечернее время. 1912. 18 сентября // РГВИА. Там же. Л. 28.

[1415] Там же. Л. 124 об.

[1416] Там же. Д. 1479. Л. 228 об.

был объявлен набор санитаров. При выборе кандидатур учитывалось несколько параметров. Кроме рекомендаций и справок об отличном поведении, приветствовалось знание какого-нибудь ремесла. Старшим санитаром «был назначен Куприянов, как служивший уже в лазарете Елизаветинской общины в Харбине и лично известный с лучшей стороны главному врачу общины»[1417].

Санитарный отряд Елизаветинской общины был снаряжен в соответствии с инструкциями и распоряжениями ГУ. С учетом особенностей Черногории в дополнение он получил ещё палатки[1418].

К месту назначения санитарный отряд Елизаветинской общины выехал 5 (18) октября 1912 г. Накануне в домовой церкви общины во имя св. Пантелеймона состоялись торжественные проводы. Член попечительского Совета С.В. Бельгард от имени великой княгини Елизаветы Федоровны вручила каждому по образку[1419].

В Черногорию Елизаветинский отряд прибыл вполне благополучно, причем во время пути по австрийской земле ему оказывалось всяческое содействие. Так, на станции Граница австрийским железнодорожным начальством были заранее заготовлены четыре товарных вагона, поэтому вся перегрузка имущества заняла всего три-четыре часа[1420].

Санитарные отряды РОКК прибыли в Черногорию в разгар наступательных операций черногорской армии, успешно развивавшихся до конца октября. В первые дни войны Зетский и Приморский отряды достигли серьезных успехов, но воспользоваться преимуществами не сумели, допустив ряд тактических ошибок[1421].

16 октября русские санитарные отряды развернули этапные лазареты в Дульциньо, в небольшом городке на Адриатическом побережье и в тот же день им пришлось принять большой транспорт с ранеными[1422].

Лазарету Елизаветинской общины досталось школьное здание, очень запущенное и грязное, требовавшее ремонта и дезинфекции. Чтобы не обрушились потолки, приходилось ставить подпорки[1423]. В этом здании отряд застал раненых и больных, валявшихся на полу в антисанитарных условиях, «пользовавшихся самым примитивным лечением или, вернее, оставшихся без всякого лечения. Почти треть больных были терапевтическими, большей частью

[1417] Там же. Л. 124-124 об.

[1418] Там же. Д. 1487. Л. 154.

[1419] Петербургская газета. 1912. 2 октября // Там же. Л. 80.

[1420] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 330. Л. 87 об.

[1421] *Искендеров П.А*. Указ. соч. С. 484.

[1422] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1478. Л. 301.

[1423] Там же. Оп. 3. Д. 330. Л. 88.

страдающие перемежающейся лихорадкой и ревматизмом. Доставка раненых и больных с позиций затрудняются полным отсутствием перевозочных средств»[1424].

Младший врач Елизаветинской общины Григорий Йовович отмечал, что перевязочные пункты в Черногории были устроены очень плохо, да и устраивались они наспех – перед самым наступлением или штурмом. В этих пунктах работали, кроме трех-четырех черногорских врачей, и европейские врачи – французы, англичане, итальянцы, которые, за исключением небольшого количества перевязочных средств и инструментов, ничем не снабжались, несмотря на то что они были представителями своих национальных Красный Крестов. Были и такие иностранные передовые пункты, в которых не было ни одного лица с высшим медицинским образованием. В этих плохо устроенных перевязочных пунктах ни одному тяжелораненому не была оказана необходимая медицинская помощь[1425].

Одна из сестёр милосердия написала в свою общину о впечатлениях от первых дней пребывания в Цетинье: «… врачей у нас масса, а санитаров очень мало, да вообще, с прислугой здесь очень трудно. Много раненых умерло, а много есть на пороге смерти. Много случаев госпитальной гангрены, «рожи». Некоторые больные приходят с червями в ранах, так первая помощь очень плоха и ее очень мало…»[1426].

Что касается эвакуации раненых, то существовала такая практика: родственники, которым удавалось найти лошадей, самостоятельно отвозили своих близких с передовых перевязочных пунктов в центральные. Центральные перевязочные пункты находились, как правило, в расположении Главной квартиры штаба, на расстоянии 6-8 км от передовых позиций. Йовович свидетельствовал, что они были устроены гораздо лучше передовых эвакуационных пунктов, но далеко не так, как это было нужно: не было ни перевязочных, ни операционной. Исключение составляли прекрасно оборудованные итальянские и швейцарские перевязочные пункты. Кормили раненых только на центральных перевязочных пунктах. В других местах своих пострадавших близких разыскивали жены, матери, сёстры, дочери и самостоятельно решали эту проблему[1427].

С 16 по 22 октября в Елизаветинском лазарете находилось 55 больных и раненных воинов[1428].

28 октября черногорские войска осадили турецкую крепость Шкодер (Скутари). Количество раненых в русских госпиталях стало увеличиваться. Их доставляли на арбах и повозках из-под Шкодера. Елизаветинский лазарет запросил разрешение на развертывание лечебного учреждения

[1424] Вечернее время. 1912. 9 ноября // РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1478. Л. 42.

[1425] Там же. Д. 1089. Л. 260 об.

[1426] Там же. Д. 1487. Л. 130.

[1427] Там же. Л. 261-261 об.

[1428] Вечернее время. 1912. 9 ноября // Там же. Л. 42.

на 100 кроватей и поинтересовался, будет ли в таком случае усилен персонал и где брать перевязочный материал. Это вопрос обсуждался на заседании мобилизационного отделения ГУ РОКК 8 ноября 1912 г.[1429].

Харьковскому лазарету (старший врач – Сергей Николаевич Козенцов; старшая сестра – Гончарова) пришлось развернуться в двух далеко отстоящих друг от друга домах. Здания также были ветхими, запущенными и требовали серьезного ремонта. Эти условия значительно затрудняли работу персонала. 26 октября 1912 г. старший врач Харьковской общины С.Н. Козенцов отправил в ГУ донесение, где, в частности, отметил, что руководимый им лазарет «уже заполнен ранеными [и] поступает много просьб о принятии больных, большинству которых приходится отказывать за отсутствием помещения и еще по нижеследующей причине: лазарет помещается в двух помещениях – домах, очень далеко отстоящих друг от друга; … готовить и носить пищу весьма затруднительно; все эти условия весьма тяжелы для работы и сильно усложняют ее; здания очень ветхи, мало приспособлены для резких холодов и дождей, постоянно приходится ремонтировать, всё своими санитарами, так достать людей весьма затруднительно. Поместить при наличности моего персонала в этих помещениях могу максимум 60 человек. Является также большая необходимость в тёплых вещах; пришлось выписать для помещений шесть печек, так как дома нигде не отапливаются. Добывание провианта также затруднительно, больше всё приходится выписывать. В лазарет назначен, по крайней необходимости, переводчик – студент-черногорец, которому, по предложению посланника Гирса, необходимо платить 60 крон в месяц. Кроме сего необходим наем прислуги для помощи на кухне, мыть бельё, носки воды, которая очень далеко»[1430].

Пока старший врач Харьковского лазарета рисовал мрачную картину, посланник А.А. Гирс в тот же день сообщил в МИД, что «врачебная и санитарная помощь … [Черногории] обеспечена благодаря многочисленным и широко обставленным отрядам Красного Креста»[1431].

Об этом же факте свидетельствует и эпизод, материал о котором был опубликован «Новым временем»: когда старший врач Елизаветинского лазарета С.Н. Бобров предложил командующему армией генералу Митару Мартиновичу отправить врача, сестру милосердия и двух санитаров на передовые позиции, то, кроме благодарностей, получил еще и заверения, что «медицинская помощь армии в настоящий момент обеспечена»[1432]. В той же заметке были

[1429] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1479. Л. 41.

[1430] Там же. Д. 1487. Л. 128.

[1431] Там же. Л. 111.

[1432] Новое время. 1912. 18 ноября // Там же. Д. 1479. Л. 75.

приведены данные о том, что на 1 ноября 1912 г. в лазарете Елизаветинской общины находилось 24 раненых и 27 больных черногорских воинов[1433].

По сообщению старшего врача московского санитарного отряда К.А. Хирнова, в начале ноября в Черногории было около 700 раненых, из них большинство легко. Оценивая обстановку, Хирнов полагал, что необходимость в санитарном отряде здесь отпала, и просил разрешения на командировку в Сербию, где была нужда в медицинском персонале[1434].

Тем временем черногорский Восточный отряд выполнил поставленную перед ним задачу: заняв по пути следования несколько населенных пунктов, он 4 ноября 1912 г., одновременно с сербскими отрядами вошел в Дьяково. Затем бойцы Восточного отряда были переброшены под Скутари (Шкодру), осажденную с октября 1912 г. черногорскими войсками[1435]. Решение вопроса о принадлежности крепости Шкодра имел для черногорцев принципиальное значение. Во время подготовки Лондонского мирного договора Черногория пыталась дипломатическими методами обеспечить необходимые для нее территориальные приращения, куда входили стратегически важные пункты – Ипек, Шкодра (Скутари) и Дьяково.

Черногории пришлось обсуждать этот вопрос с Австро-Венгрией. Предварительные переговоры были начаты в ноябре 1912 г. Передачу крепости Черногории официальная Вена сопроводила рядом условий, выполнение которых поставило бы черногорское королевство в экономическую и политическую зависимость от Австро-Венгрии. Когда король Никола отклонил это предложение и принял решение в начале декабря 1912 г. начать штурм крепости. Однако, в последний момент, под влиянием дипломатических представителей великих держав, предлагавших не предпринимать решительных действий, а дождаться решения этого вопроса на европейском уровне, от своих замыслов черногорский правитель на время отказался[1436].

Черногорский король пытался найти поддержку в этом вопросе и в России. По поводу территориальных приращений великая княгиня Милица Николаевна 24 декабря 1912 г. обратилась за содействием к председателю правительства В.Н. Коковцеву, письменно изложив пожелания черногорцев[1437]. Примечательно, что кроме просьб о поддержке в территориальных вопросах и отправке оружия и боеприпасов для черногорской армии, к жизненно важным и неотложным задачам относилась помощь продовольствием – хлебом и кукурузой[1438]. По данным,

---

[1433] Там же.

[1434] Новое время. 1912. 13 ноября // Там же. Д. 1487. Л. 131.

[1435] *Искендеров П.А*. Указ. соч. С. 485.

[1436] Там же. С. 487-488.

[1437] *Коковцев В.Н*. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919 гг. Кн. 2. – М., 1992. С. 124-125.

[1438] Там же. С. 126.

П.А. Искендерова, уже в начале 1913 г. «Черногория получила от России в качестве личного подарка от императора Николая II 10 000 тонн пшеницы и муки»[1439].

21 ноября русский персонал (два врача, две сестры милосердия и два санитара), снабженный необходимыми материалами, организовал перевязочный пункт в горах, куда он прибыл по трудной горной дороге; ввиду заключения перемирия, персонал был возвращен обратно 24 ноября, а перевязочный материал и необходимый груз, по просьбе генерала Митара Мартиновича, был оставлен на месте до выяснения результатов окончательных переговоров в Лондоне[1440].

По плану ГУ РОКК после заключения перемирия черногорские отряды должны были ликвидировать свою деятельность. В связи с этим велись консультации с Черногорским обществом Красного Креста и российским посланником А.А. Гирсом. 9 января 1913 г. старший врач Харьковской общины С.Н. Козенцов был вызван к посланнику А.А. Гирсу, где сообщил, что в лазарете 57 человек, из которых только 20 человек раненых, причем все они выздоравливающие и не нуждаются в постельном режиме. Если новых поступлений не будет, то к 1 февраля большинство из них будет выписано. Такая же картина была и в Елизаветинском отряде[1441]. По-видимому, посланник счел работу русских санитарных отрядов законченной и дал соответствующие инструкции. Персонал начал сворачивать свои лечебные заведения. Старший врач Елизаветинской общины М.А. Бобров сообщил в ГУ, что 23 января лазарет неожиданно посетил князь Мирко и застал сотрудников лазарета за упаковкой имущества[1442].

Однако по просьбе митрополита Митрофана оба отряда были задержаны до выяснения обстановки [1443].

§ 3.4. Российские санитарные отряды в Греции

Греческое правительство объявило всеобщую мобилизацию 17 (30) сентября 1912 г., поставив командованию армии задачу занять как можно больше территорий в Македонии и Эпире[1444].

Греция вступила в войну на день позже Сербии и Болгарии – 6 (19) октября 1912 г. Королева Ольга Константиновна в это время гостила в России у брата – великого князя Константина Константиновича. Как только до нее дошли слухи о грядущих событиях, она сразу же решила

[1439] *Искендеров П.А*. Указ. соч. С. 505.

[1440] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1479. Л. 133.

[1441] Там же. Д. 1487. Л. 188.

[1442] Там же. Л. 190.

[1443] Там же. Л. 188 об.

[1444] *Искендеров П.А*. Указ. соч. С. 483.

вернуться в Грецию. Однако из-за отсутствия билетов на единственный корабль до Афин и неудобного расписания ей пришлось ждать отъезда почти неделю[1445].

Наступление греческой армии развивалось довольно успешно сразу в двух направлениях – северо-западном, эпирском (командующий генерал К. Сапундзакис), и северо-восточном, фессалийском. Второе направление считалось приоритетным, поэтому основные силы были сосредоточены в Фессалийской армии.

Великий князь Константин Константинович беспокоился о сестре и несколько дней спустя записал в дневнике: «Оля 5-го вернулась в Афины и не застала старшего сына, который уже уехал командовать действующей армией… Остальных сыновей Ольга проводила в армию. Бедная, как должно болеть ее сердце!»[1446]. Королева Ольга Константиновна «энергично принимается за дело и, широко тратя свои личные средства, реорганизует оказание медико-санитарной помощи, не приспособленной до того к условиям военных действий. Она организовала походные госпитали, перевязочные пункты, а когда начали прибывать миссии Красного Креста с врачами и оборудованием для госпиталей почти из всех европейских государств, королева всех успевала принимать, обласкать и направлять куда надлежало»[1447].

В одном из писем брату того периода Ольга Константиновна пишет, что она сразу по прибытии «…начала заниматься этим делом и разъезжала вчера несколько часов, чтоб лично убедиться, сколько помещений и сколько кроватей приготовлено»[1448]. Жены кронпринца Константина и принца Георга устроили свои госпитали в Афинах, кроме того, принцесса Мария занялась транспортировкой раненых из прифронтовой зоны на кораблях. Жена принца Николая Греческого, Елена [дочь великого князя Владимира Александровича], организовала перевозку раненых по железным дорогам, а принцесса Алиса работала в прифронтовом госпитале[1449].

В преддверии военных действий через российскую миссию в Афинах в ГУ РОКК обратилась великая княгиня Елена Владимировна. В телеграмме в МИД за подписью князя Урусова говорилось, что жена принца Николая устраивает [подвижной] лазарет, ввиду чего просит командировать в ее распоряжение десять сестёр и шесть санитаров с перевязочными средствами

[1445] *Шевцова Г.И.* Красные маки для княгини. Материалы к биографии княгини Елены Петровны. – М.: Союз-дизайн, 2017. С. 181, 182.

[1446] ГА РФ. Ф. 660 (великий князь Константин Константинович). Оп. 1. Д. 64. Л. 46.

[1447] *Поляков В.Н.* Семейная и общественная жизнь королевы Ольги // Великая княгиня Ольга Константиновна – королева Эллинов. Под молотом судьбы: [каталог по материалам выставки «Великая княгиня Ольга Константиновна – королева Греческая. К 150-летию со дня рождения. / авт.-сост. Р.Р. Гафифуллин], – Санкт-Петербург. ГМЗ «Павловск», 2016. С. 97.

[1448] Цит. по: *Соколовская О.В.* Греческая королева Ольга Константиновна. С. 167.

[1449] Там же.

и носилками. Из ГУ ей ответили, что распределение персонала будет зависеть от формируемого отряда Красного Креста[1450]. Спустя несколько дней, телеграммой от 3 (16) октября, великая княгиня Елена Владимировна вторично просила выделить ей из предположенного к командировке персонала четыре сестры милосердия и шесть санитаров для ее санитарного поезда[1451].

Вскоре после начала военных действий греческое правительство обратилось в Российское общество Красного Креста с просьбой о помощи в медикаментах, перевязочных средствах и других средствах медицинской помощи. ГУ РОКК уведомило греческую миссию, что Красный Крест предполагает отправить в Грецию врачебно-санитарные отряды[1452]. Петербургская Крестовоздвиженская и Одесская Касперовская общины сестёр милосердия получили мобилизационные наряды на формирование лазаретов на 50 мест каждая. Королева Ольга Константиновна, получив эту информацию, лично занялась поиском помещения для русских лазаретов[1453].

Первым мобилизационным днем для Касперовской общины Одесского местного управления Красного Креста стало 28 сентября. Ей предстояло выполнить эту задачу под руководством попечительницы баронессы Е.М. Швахгейм за семь дней[1454]. Уполномоченным ГУ РОКК и старшим врачом санитарного отряда Одесской Касперовской общины сестёр милосердия был назначен В.А. Волошинов. Уже когда отряд прибыл к месту назначения, руководство общины сообщило 17 октября 1912 г. в ГУ, что никаких затруднений в формировании отряда не встретилось. 9 октября в два часа дня в церкви Касперовской общины было совершено напутственное молебствие. 10 октября утром персоналу были выданы подъемные и суточные деньги, жалование за полмесяца вперед и аванс старшему врачу[1455].

И Касперовская, и Крестовоздвиженская общины, согласно приказу, собирали необходимое имущество в соответствии с инструкциями и по каталогам подвижных лазаретов на 50 кроватей. Однако были и особенности: в значительном количестве были взяты чай, сахар, стерилизованное молоко и консервированная зелень, «в каковых предметах в Греции ощущается недостаток или же цена значительно выше, чем в России»[1456].

[1450] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1483. Л. 21.

[1451] Там же.

[1452] Там же. Л. 12.

[1453] *Соколовская О.В*. Греческая королева Ольга Константиновна. С. 169.

[1454] РГВИА. Там же. Л. 1.

[1455] Там же. Л. 93-93 об.

[1456] Одесские новости. 1912. 1 октября // Там же. Л. 2.

Сразу же был продуман маршрут движения персонала и грузов. Санитарный отряд Крестовоздвиженской общины и его лазаретное снаряжение предполагалось доставить из Петербурга в Одессу, откуда вместе коллегами из Касперовской общины и их имуществом они морем должны были достичь Триеста, а затем Пирея[1457].

20 октября оба отряда прибыли в Пирей в разгар наступательных операций греческой армии. 22 октября (4 ноября) 1912 г. королева Ольга Константиновна писала брату: «Вы, вероятно, все удивляетесь и любуетесь быстротой действий нашего войска и его храбростью. Они с самой Элассоны до Янины (где было большое сражение вчера) бьют турок и ни перед чем не останавливаются»[1458].

После нескольких удачных столкновений с противником, 25 октября (7 ноября) 1912 г. эпирская армия подошла к Янине, однако сил для захвата крепости не хватило, поэтому было принято решение укрепиться в этом районе и перейти к осаде.

Греческим войскам на фессалийском направлении 9 октября 1912 г. удалось нанести поражение туркам под Сарантопоросом и занять этот важный стратегический пункт, открывающий путь к Битоле (Монастиру) и Салоникам. Под давлением греческого правительства Фессалийская армия разделилась, меньшая ее часть была отправлена в направлении Битолы, а большая, во главе с престолонаследником, – к Салоникам. После занятия 26 октября (8 ноября) греческой армией Салоник и взятия турецких частей в плен, положение турок стало критическим. Кроме того, у греков осложнились отношения с болгарами, также претендовавшими на победу в Салониках.

Занятие древней столицы Македонии дало возможность часть греческих войск перебросить на эпирское направление, под Янину, и поддержать свои части, двигавшиеся к Монастиру (Битоле). Греческую армию, отстранив от командования Константиноса Сапундзакиса, возглавил кронпринц Константин.

В ходе тяжелейших кровопролитных боев 31 октября – 5 ноября (13-18 ноября) сербская армия разгромила турецкие войска в окрестностях Битолы и вскоре соединилась с греческими войсками в районе Флорины, занятой ими 6 (19) ноября[1459].

Свои задачи греческая армия выполнила и в Эпире. Два штурма Янины в декабре 1912 г. и январе 1913 г. были отбиты турками. После нарушения Турцией перемирия греческая армия вновь перешла к активным действиям. 22 февраля (5 марта) гарнизон крепости сдался, и Янина стала греческой.

[1457] Там же. Л. 5.

[1458] ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 242. Л. 71.

[1459] *Искендеров П.А*. Указ. соч. С. 485.

Санитарному отряду Крестовоздвиженской общины было предложено остаться в Пирее. Первоочередной задачей стал поиск подходящего помещения. Один из богатых горожан предложил для лазарета свой дом[1460]. Персонал расположился в доме неподалеку и немедленно приступил к развертыванию медицинского учреждения. По данным «Нового времени», к 30 октября в нем было 11 раненых[1461], а спустя две недели, к 15 ноября – 40[1462]. Донесение в ГУ РОКК из этапного лазарета Крестовоздвиженской общины с кратким обзором деятельности санитарного отряда от 3 января 1913 г. отражает сложности, с которыми столкнулся отряд. Как было отмечено в документе, «вторая половина декабря [с 16 по 31 декабря 1912 г.] … прошла очень тяжело. Погода всё время стояла холодная и сырая. В помещениях персонала стены покрылись пятнами сырости, в щели окон и дверей всё время дул ветер. Вследствие этого в помещении было все время холодно, как на открытом воздухе»[1463]. Далее старший врач Н.И. Напалков указал, что «утеплить данное помещение нет никакой возможности; нет надежды на отвод другого помещения. Остается ждать лишь более тёплой погоды»[1464].

Ситуацию усугубляли неблагоприятные санитарные условия: «дурная вода», ее недостаток, «зловонный клозет, холод и сырость»[1465]. Кроме того, из внешних сложностей Н.И. Напалков отметил дороговизну припасов и отопления и «вечную возню с водопроводами и клозетами вследствие дурного технического устройства последних»[1466]. Всё это, по мнению старшего врача, отразилось на здоровье персонала. 10 человек заболели – это были не только простуда и инфекции, но и обострение хронических заболеваний. В больнице тоже «было холодно, но не так сыро, так как больничный дом построен все-таки лучше. Больных на 16 декабря оставалось 50 (2 больных, 48 раненых). Вновь поступило 31 декабря 19 (4 больных, 15 раненых). Выписалось 39… Смертей не было… остается на 1 января [1913 г.] 30 [человек]… Больница не отказывает в приеме и гражданским больным, нуждающимся в оперативной помощи, а так как имеется маленькая комнатка в стороне от других, то и женщинам. Оперировано с 16 декабря по 31 декабря [1912 г.] 4 больных… Кроме того, врачи отряда оперировали в Русской больнице в Пирее, где ими сделано 6 операций…»[1467]. В заключение своего донесения старший врач Н.И. Напалков посчитал своим

[1460] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1483. Л. 41.

[1461] Новое время. 1912. 18 ноября // Там же. Д. 1479. Л. 75.

[1462] Там же. Оп. 3. Д. 330. Л. 101 об.

[1463] Там же. Оп. 1. Д. 1483. Л. 135.

[1464] Там же. Л. 135 об.

[1465] Там же. Д. 1483. Л. 135.

[1466] Там же. Л. 136.

[1467] Там же. Л. 135 об.-136.

долгом отметить «самоотверженную работу всех членов отряда, не щадящих своего здоровья и сил на деле, на которое послала их родина»[1468].

19 декабря 1912 г. больницу посетила королева Ольга Константиновна и после обхода больных пила чай вместе с персоналом в общей столовой. 24 декабря для пациентов госпиталя была устроена ёлка. Дерево, украшения и гостинцы для больных прислала греческая королева. На празднике присутствовала жена русского посланника С.И. Демидова, которая привезла больным в подарок книги[1469]. В январе 1913 г. в связи с прекращением военных действий отряд был отозван в Россию.

Санитарный отряд Одесской Касперовской общины по приказанию королевы Ольги Константиновны был командирован в Воло[1470]. 23 ноября утром на пароходе «Афина» они прибыли в город и получили письмо от королевы с точной локацией лазарета. Им предстояло проследовать в деревню Элевторохори, небольшое местечко на западном берегу Салоникского залива. Ночью того же дня они отправились к месту назначения. Однако там не оказалось ни одного подходящего здания и санитарному отряду пришлось три дня жить на пароходе, ожидая назначения в Салоники[1471].

Недалеко от Салоник стоял госпитальный пароход принцессы Марии. Королева Ольга постоянно посещала его и присутствовала на перевязках. Работы там было много: раненых привозили непрерывно. А тем временем Касперовский отряд томился неподалеку в вынужденном бездействии. Королева Ольга Константиновна писала брату, что отряду придется «вернуться в Воло и там устроиться, т.к. нет возможности попасть в Салоники – не на чем их перевозить, т.к. у них громаднейший груз и нет способов перевозки»[1472].

27 ноября старший врач В.А. Волошинов был приглашен на королевскую яхту, где ее величество предложила вернуться в Воло и там сформировать лазарет. Санитарный отряд Касперовской общины прибыл туда 28 октября и развернул лазарет в современном здании, где вода нагревалась газом[1473], что было удобно. 30 октября были приняты первые 20 раненых. Через неделю из было уже 46 человек[1474]. 23 декабря 1912 г. руководство Касперовской общины

[1468] Там же. Л. 136-136 об.

[1469] Там же. Л. 136 об.

[1470] Там же. Л. 301.

[1471] Новое время. 1912. 2 декабря // Там же. Д. 1479. Л. 120.

[1472] *Соколовская О.В*. Греческая королева Ольга Константиновна. С. 171.

[1473] РГВИА. Там же. Д. 1483. Л. 92 а, 92 б.

[1474] Новое время. 1912. 2 декабря // Там же. Д. 1479. Л. 120.

сообщило ГУ о текущей ситуации в санитарном отряде: «лазарет обеспечен всем необходимым»[1475].

В ноябре 1912 г. в Триест прибыл еще один отряд Красного Креста – имени города Москвы, предназначенный для Греции[1476]. Третий отряд города Москвы, командированный в Черногорию, был задержан в Триесте российским консулом Н.А. Смирновым после телеграммы посланника из Цетинье, что врачебно-санитарный персонал больше не требуется. По его запросу решался вопрос, куда отправлять отряд дальше – в Сербию или Болгарию[1477]. Позже было принято решение командировать его в болгарский город Ямбол.

К концу декабря военные действия практически прекратились и поток раненых иссяк. 10 января 1913 г. ГУ Греческого Красного Креста телеграммой известило старшего врача Касперовской общины о распоряжении королевы Ольги Константиновны перевести часть раненых в Афины, а остальных – в местную городскую больницу ввиду того, что лазарет может быть отозван в Россию. 16 января 1913 г. В.А. Волошинов сообщил об этих указаниях ГУ и о том, что «в настоящее время в лазарете остались только шесть более трудных раненых»[1478]. В ожидании дальнейших указаний персонал приступил к укладке имущества.

Узнав о решении ГУ об отозвании санитарных отрядов, 12 января 1913 г. королева Ольга Константиновна отправила А.А. Ильину телеграмму: «Невыразимо тронута щедрым даром белья и перевязочных средств Греческому Красному Кресту. Искренно сожалею об отъезде русских отрядов, любвеобильная деятельность которых всегда будет вспоминаться с глубокой благодарностью»[1479].

23 января 1913 г. В.А. Волошинов получил распоряжение ГУ о немедленном сворачивании деятельности и отъезде в Афины, где в российской миссии он должен получить дальнейшие путевые инструкции. 25 января персонал и имущество русского лечебного учреждения отбыли из Воло в Пирей, в тот же день за несколько часов до отъезда старший врач получил от королевы эллинов телеграмму, в которой она спрашивала, не может ли лазарет остаться в Греции. В донесении в ГУ В.А. Волошинов написал: «По прибытии в Афины, 26 января, я явился в российскую императорскую миссию. Имея в виду желание ее величества, посланник телеграфировал в ГУ РОКК, не будет ли разрешено лазарету остаться в Греции. Вечером 28 января я получил от секретаря посольства письмо, извещающее, что лазарету разрешено отправляться в Превезу, одновременно посланник известил королеву. 29 января в российской

[1475] Там же. Л. 101-101 об.

[1476] Новое время. 1912. 18 ноября // Там же. Д. 1479. Л. 75.

[1477] Там же. Оп. 3. Д. 330. Л. 82.

[1478] Там же. Оп. 1. Д. 1483. Л. 137.

[1479] Там же. Л. 127.

императорской миссии была получена от ее величества телеграмма, в которой были намечены следующие пункты для предполагаемого размещения лазарета: Афины, Патрос, о. Левкида и о. Корфу, а за окончательными инструкциями мне было предложено явиться в ГУ Греческого общества Красного Креста. Правление ГУ Греческого Красного Креста предложило расположить лазарет в Пирее, ввиду того что в вышеозначенных пунктах не имеется свободных помещений. 31 января мною было приступлено к устройству лазарета в Пирее, и 2 февраля лазарет принял 12 человек больных и раненых. Лазарет находился в том же помещении, которое занимал лазарет Крестовоздвиженской общины… В помощь персоналу правлением Греческого Красного Креста прикомандированы четыре солдата»[1480].

Учитывая практику передачи санитарных материалов и медикаментов в национальные отделения Красного Креста и в период ожидания скорого отъезда отряда Касперовской общины, секретарь королевы М.Ю. Гаршин [не ранее 12 – не позднее 31 января] по просьбе королевы Ольги Константиновны написал А.А. Ильину письмо с вопросом, «не найдете ли … возможным, чтобы лазарет Касперовской общины при отъезде в Россию передал бы весь оставшийся материал в распоряжение ее величества королевы эллинов для русской больницы в Пирее, так как в ней раненые будут находиться и по окончании войны до полного их выздоровления»[1481]. Секретарь королевы напомнил, что «в Пирее находится постоянная Русская больница, принадлежащая ее величеству королеве эллинов, обслуживаемая русским персоналом и сёстрами Крестовоздвиженской общины. Эта больница по случаю военных действий предоставила 25 кроватей для раненых и при отбытии из Пирея Крестовоздвиженского лазарета в Россию приняла от него большинство раненых»[1482].

На заседании ГУ от 7 февраля 1913 г. была зачитана благодарность Греческого Красного Креста, отметившего деятельность русских санитарных отрядов[1483].

§ 3.5. Санитарный отряд Варшавской Елисаветинской общины в Турции

Как отмечалось в докладе общему собранию членов РОКК, «для милосердия нет врагов, и Красный Крест, в силу Женевской конвенции, не мог не предложить своей помощи и Турции»[1484]. Как писал позже в своих воспоминаниях В.Н. Штрандман, «Российским обществом Красного Креста было сделано предложение о высылке санитарного отряда в Турцию, но ответ получился неопределенный, и поэтому пришлось ограничиться отправкой только санитарного

[1480] Там же. Л. 177-178.

[1481] Там же. Л. 141.

[1482] Там же. Л. 141.

[1483] Там же. Л. 144.

[1484] Там же. Д. 1475. Л. 57.

материала и медикаментов»[1485]. Дипломат ошибся. Русский санитарный отряд в Турцию был отправлен, однако это решение было принято не сразу и имело политический подтекст.

30 сентября (13 октября) 1912 г. МИД обратился к российскому императорскому послу в Константинополе с просьбой выяснить предварительно, нуждается ли турецкое общество Красного Полумесяца в помощи и «какой вид помощи и в каких условиях представлялся бы Вам желательным и удовлетворительным для турецкого правительства»[1486]. Заметив, что «ГУ Красного Креста имеет в виду широкую помощь балканским государствам в случае войны» и «полагая неудобным уклониться от всякой помощи Турции», Главное управление «признавало бы однако нежелательным командировать туда персонал и предпочло бы направить в распоряжение оттоманского общества Красного Полумесяца некоторое количество госпитального имущества или предложить известную сумму на приобретение такового на месте»[1487].

Посол М.Н. Гирс в 1912-1914 гг. в тот же день ответил телеграммой, что было бы желательно обратить в русский лазарет для раненых без различия вероисповедания и национальностей болгарскую больницу имени Евлогия Георгиева. Это решение стало плодом размышлений русского дипломата над тем, как, с одной стороны, действовать в рамках общеевропейской практики и оказать помощь Турции, а с другой – «не обидеть» славянские государства, поддержав их противника. Именно эти соображения были изложены в письме М.Н. Гирса в министерство. По его мнению, «принося помощь Турции, мы окажем в то же время помощь Болгарии, обеспечивая за нею владение больницею, которая иначе будет конфискована Турцией. Сохранение за Болгарией ее больницы успокоит болезненное впечатление, которое иначе неминуемо произведет на славян помощь, оказанная нами Турции, даже предложением известной суммы. Болгарский посланник с благодарностью предоставит в наше распоряжение эту больницу»[1488]. М.Н. Гирс полагал, что «использование болгарской больницы позволит нам оказать помощь в достойном России виде»[1489].

Дополнительными аргументами в пользу этого решения стало то, что европейцы уже проявили активность в гуманитарной сфере: «германский посол устраивает лазарет, организуемый госпожою Бомпар, или же пожертвует крупную сумму денег. Об отпуске

[1485] *Штрандман В.Н.*. Указ. соч. С. 182.

[1486] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4044. Красный Крест. Турция. 1912-1913. Л. 60 об.

[1487] Там же. Л. 60.

[1488] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1475. Доклады ГУ. 1912. Л. 44.

[1489] Там же. Л. 44.

значительной суммы денег хлопочет также г. Ла-Булиниер[1490], директор [Управления[1491]] Оттоманского долга»[1492].

МИД с предложением посла М.Н. Гирса согласился. Товарищ министра иностранных дел А.А. Нератов 5 октября 1912 г. отправил в Константинополь телеграмму: «Красный Крест, принципиально соглашаясь с предложением о болгарской больнице Георгиева, просит сообщить, на какое количество кроватей может быть устроен госпиталь и будет ли русская помощь в этом деле сочувственно принята Оттоманским Полумесяцем»[1493]. На документе, сохранившемся в АВПРИ, есть приписка от руки, датированная 6 октября: «Куюмджан благодарил от имени турецкого правительства, заявив, что не преминет уведомить Красный Полумесяц, и что он уверен, что последний примет известие об устройстве госпиталя с благодарностью, так как в этом деле ничто не бывает лишним»[1494].

В телеграмме от 6 октября 1912 г. М.Н. Гирс передал благодарность турецкого правительства и Красного Полумесяца за предложение использовать для турецких воинов болгарскую больницу, способную принять до 90 больных и раненых.

Несмотря на то, что «больница прекрасно устроена», для воплощения этой идеи требовались определенные материальные ресурсы: медицинский персонал, перевязочные средства, бельё и деньги на содержание госпиталя. По данным российского посольства на финансирование лазарета на 90 кроватей в болгарской больнице было необходимо 8 400 франков ежемесячно. В эту сумму включались расходы на вознаграждение служащих, отопление, освещение и т.д. Медицинский персонал пришлось бы пополнить главным врачом и четырьмя сёстрами милосердия[1495]. Этот вопрос обсуждался на заседании мобилизационного совета ГУ РОКК от 11 октября 1912 г. В результате было принято решение – «применить для обслуживания больницы [имени Евлогия Георгиева] штат этапного лазарета Красного Креста за исключением заведующего хозяйством и 8 санитаров[1496], так как хозяйственные обязанности по больнице

[1490] Французский дипломат, в 1901-1902 гг. – дипломатический агент Франции в Софии.

[1491] Управление Оттоманского государственного долга было учреждено в 1881 г. для контроля над уплатой внешнего долга Оттоманской империи и являлось одним из инструментов европейского давления на Турцию.

[1492] РГВИА. Там же. Л. 44.

[1493] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4044. Красный Крест. Турция. 1912-1913. Л. 53.

[1494] Там же.

[1495] Там же. Л. 54.

[1496] Таким образом, штат больницы был определен следующим образом: старший врач, младший врач, шесть сестёр милосердия, восемь санитаров.

могли бы быть приняты одним из чинов посольства, а в санитары могут быть наняты из числа местных людей, хорошо известных посольству»[1497].

По итогам заседания была составлена смета: на персонал (старший врач, младший врач, сёстры милосердия, санитары) выделялось 8 060 руб., на перевязочный материал – 1 719 руб., на хирургические инструменты – 925 руб., на бельё – 2 200 руб., на аптеку и медикаменты – 800 руб. Всего на снаряжение санитарного отряда в Константинополь было выдано на 5 644 руб. Так как содержание лазарета на 50 человек в течение шести месяцев из расчёта 1 руб. в сутки на человека составляло 9 000 руб., то с учетом непредвиденных расходов из средств ГУ было выделено 23 838 руб.[1498].

При этом ГУ направило в Главный склад РОКК письмо с просьбой при отправке снаряжения в константинопольскую больницу, перевязочный материал отправить в двойном количестве против указанного в каталоге лазарета на 50 кроватей»[1499]. Остальные позиции были оставлены без изменений.

Предоставить шесть сестёр милосердия должна была Варшавская Елисаветинская община. Из ГУ она получила 1 080 руб. в качестве подъемных, суточных и на жалованье шести сестёр милосердия[1500]. Кроме того, была одобрена смета в сумме 24 000 руб., составленная из расчёта работы больницы в течение полугода[1501].

Попечительницей больницы, в соответствии с существующей практикой, ГУ РОКК телеграммой от 5 (18) октября предложило стать Марии Николаевне Гирс (урожденной Замятниной, в первом браке фон Таубе), жене посла[1502], что было принято с благодарностью[1503].

Пока санитарный отряд готовился к отъезду из России, решался вопрос о старшем враче больницы «Евлогий Георгиев». По распоряжению посла М.Н. Гирса, с 10 (23) октября 1912 г. исполняющим эти обязанности был назначен врач Николаевской больницы[1504] Владимир Петрович Щепотьев[1505], который сделал все необходимые организационные распоряжения, а также заказал дополнительные материалы и постельное бельё. 11 (24) октября 1912 г. из МИД пришло уведомление о том, что «Красный Крест не встречает препятствий, чтобы главный врач

[1497] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1475. Доклады ГУ. 1912. Л. 44.

[1498] Там же. Д. 1480. Командирование врачебно-санитарного отряда в Турцию. 1912-1913. Л. 33.

[1499] Там же. Л. 15.

[1500] Там же. Л. 10.

[1501] Там же. Д. 1475. Л. 44 об.

[1502] Там же.

[1503] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4044. Красный Крест. Турция. 1912-1913. Л. 52.

[1504] Николаевская больница находилась в Европейском квартале, в 3-этажном каменном здании.

[1505] Там же. Л. 48.

посылаемого отряда и доктор Щепотьев договорились о старшинстве между собой. Добавочный запас белья и прочее посылаются с отрядом»[1506].

Санитарный отряд выехал из Одессы 18 октября 1912 г. во главе с младшим врачом С.А. Ушаковым[1507], на которого временно, до прибытия старшего врача, были возложены его обязанности (старший врач прибыл в отряд на следующем пароходе). Вместе с персоналом был отправлен груз – хирургические инструменты и перевязочный материал на 100 кроватей для болгарской больницы[1508]. Кроме того, 11 октября ГУ РОКК перевело М.Н. Гирс 5 000 руб. на выдачу жалования персоналу и содержание 50 больных лазарета в течение двух месяцев (из расчёта один руб. в сутки на больного)[1509].

К месту назначения санитарный отряд прибыл 20 октября 1912 г.[1510]. На пристани он был встречен чиновниками русского посольства. Однако, по распоряжению посла отряд развернулся не в болгарской больнице, а в помещении Николаевской русской больницы на 60 коек. О готовности лазарета к приему больных и раненых известили турецкие власти[1511] и практически сразу приняли первых 50 пациентов[1512]. М.Н. Гирс в своей телеграмме в ГУ объяснила, за счёт чего удалось увеличить число больничных коек: «Так как обилие раненых не дозволяло лазарету ограничиться приемом только 50 человек, сочла долгом увеличить число кроватей, воспользовавшись для их снаряжения собранными в императорском посольстве доброхотными пожертвованиями русских подданных и учреждений г. Константинополя, а равно приготовленным трудами дам нашей колонии бельём»[1513].

Несмотря на энтузиазм русской колонии, персоналу санитарного отряда приходилось работать в сложных условиях, что отметил в своем донесении в ГУ исполняющий обязанности старшего врача С.А. Ушаков: «Русская больница производит хорошее впечатление, но только абсолютно не приспособлена для хирургических больных, хотя операционная имеется и в полной исправности»[1514]. Кроме того, работа русского персонала осложнялась эпидемией холеры, принявшей к началу ноября «угрожающие размеры при полном отсутствии средств борьбы с

[1506] Там же. Л. 46.

[1507] 9 октября 1912 г. ГУ РОКК выдало удостоверение Сергею Алексеевичу Ушакову в том, что он командируется в качестве врача в отряд Красного Креста в Турцию. // РГВИА. Ф. 1651. Оп. 1. Д. 1480. Л. 8.

[1508] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4044. Л. 47.

[1509] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1475. Доклады ГУ. 1912. Л. 126.

[1510] Доклад императрице Марии Федоровне от 29 октября 1912 г. // Там же. Д. 1483. Л. 301.

[1511] Там же. Д. 1475. Л. 106.

[1512] Там же. Д. 1480. Л. 88.

[1513] Там же. Л. 125-125 об.

[1514] Там же. Л. 88.

нею»[1515]. Масштабы бедствия турецкие власти скрывали. Как отмечалось в одном из донесений в Петербург, «среди тысяч раненых и больных [турецких] солдат, размещенных по мечетям, много холерных случаев и большая смертность, но эти сведения получить затруднительно»[1516].

В первые же дни стало понятно, что из-за большого количества раненых, прибывавших в Константинополь, требуется увеличить госпиталь до 150 кроватей[1517]. 25 октября 1912 г. посол в Константинополе сообщил об этом в МИД и задал вопрос о возможности увеличения бюджета[1518]. Однако с решением этого вопроса в Петербурге не торопились.

Вездесущее «Новое время» 28 октября 1912 г. опубликовало заметку о ситуации с медицинской помощью в Константинополе: «Сюда прибыло до сих пор до 15 000 раненых. Они рассказывают, что их не подбирали на поле сражения, причем в большинстве случаев им удавалось попасть к врачу лишь на четвертый день, но доставляли и на восьмой день после сражения… В войсках, как оказывается, совсем не было носилок… Ввиду недостатка организованных госпиталей, раненых сваливают в казармах, укладывают их прямо на полу. Во имя человеколюбия желательно, чтобы русский Красный Крест оказал … раненым более основательную помощь»[1519].

Газета «Вечернее время» сообщила, что «в Константинополе, наряду с русским отрядом, работают отряды германский и австрийский и лазарет, организованный супругой французского посла… госпожой Бомпар»[1520].

Старший врач Г.Х. Бабасинов[1521] прибыл в Константинополь в конце октября. ГУ долго медлило с принятием решения о кандидатуре старшего врача и разослало циркулярные письма видным хирургам и некоторым руководителям лечебных учреждений. Из документа видно, что

[1515] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4044. Л. 32.

[1516] Там же. Л. 24.

[1517] Там же. Л. 38.

[1518] РГВИА. Ф. 1651. Оп. 1. Д. 1480. Л. 98.

[1519] Там же. Л. 103.

[1520] Вечернее время. 1912. 1 ноября // Там же. Д. 1479. Л. 1.

[1521] Врач Григорий Христофорович Бабасинов окончил курс Московского университета в 1900 г., с ноября 1900 г. по май 1902 г. работал в качестве экстерна в хирургическом отделении больницы братьев Бахрушиных в Москве, где исполнял обязанности штатного ассистента в течение шести месяцев. С мая 1903 г. по июнь 1904 г. провел в Париже, где занимался бактериологией в Институте Пастера, а также работал в парижском госпитале. С июня 1904 г. по октябрь 1911 г. Бабасинов работал в хирургическом отделении городской яузской больницы для чернорабочих в Москве. В этой больнице он исполнял обязанности штатного хирурга в течение 36 месяцев. В русско-японскую войну в течение семи месяцев Бабасинов служил в санитарном поезде княгини З.Н. Юсуповой в качестве второго врача. К 1912 г. он был сотрудником хирургического отделения Старо-Екатерининской больницы. // Там же. Д. 1480. Командирование врачебно-санитарного отряда в Турцию. 1912-1913. Л. 81.

этот вопрос имел политическое значение: «…принимая во внимание громадное значение русского лазарета в Константинополе и то видное место, которое он должен занять в ряду лечебных заведений, устраиваемых в столице Турции другими европейскими государствами, крайне желательно, чтобы во главе нашего лазарета находился врач-хирург, известный своею научной и практической деятельностью»[1522]. Свое назначение Г.Х. Бабасинов получил 23 октября 1912 г.[1523], а уже 27 октября на пароходе «Корнилов» выехал из Одессы вслед за отрядом[1524]. Поэтому решать проблемы вверенного ему лечебного учреждения пришлось прямо с колес. Первым его ходатайством в ГУ стала просьба о расширении лазарета. Она была рассмотрена на заседании ГУ РОКК 22 ноября 1912 г., участники которого отметили, что «материальное оборудование лазарета и помещение им занимаемое вполне позволяет довести число кроватей до 100. В случае увеличения [числа] кроватей, необходимый санитарный персонал может быть приглашен в Константинополь из местных монахов» [1525].

Из донесения Г.Х. Бабасинова от 4 ноября 1912 г. становятся известными некоторые подробности о буднях лазарета. Он свидетельствовал, что на лечении в нём находилось 70 человек (из них 7 офицеров, 25 – тяжелых). В учреждении не было своего рентгеновского аппарата, поэтому договорились о возможности пользоваться соответствующим оборудованием во французском госпитале[1526]. Перевязочных материалов и медикаментов было достаточно[1527], одежда и бельё для раненых постоянно пополнялись за счёт пожертвований в посольство. 1 ноября из лазарета выписалось 15 человек, из них два офицера. Новых поступлений раненых не было[1528].

Более подробную информацию о деятельности лазарета за первый месяц можно найти в небольшой заметке в «Новом времени» от 23 ноября 1912 г. В ней сообщалось, что «старший врач Константинопольского лазарета сообщил о 70 раненых, в конце первой недели выписано 32 выздоровевших, среди них три офицера. Затем поступил 21 человек, предполагается увеличить госпиталь до 100 коек, санитары будут приглашены из местных монахов», а также о проблемах русского лечебного учреждения с получением пациентов. Читатели информировались и о координации действий международных отрядов Красного Креста между собой: «Ввиду отдаленности лазарета от тех пунктов, куда больные доставляются непосредственно с театра

[1522] Там же. Л. 61.

[1523] Там же. Л. 85.

[1524] Там же. Л. 114.

[1525] Там же. Д. 1475. Л. 126.

[1526] Там же. Д. 1480. Л. 132.

[1527] Там же. Л. 131-131 об.

[1528] Там же. Л. 131.

военных действий, не всегда легко пополнять лазарет ранеными. Лазарет вошел в сношение с некоторыми иностранными лечебными заведениями Константинополя, через которых и получают раненых. Кроме того, лазарет вошел в общую организацию константинопольских госпиталей при помощи телеграфных бюллетеней, которые посылаются через день префекту Константинополя с обозначением имеющихся в лазаретах Красного Креста коек»[1529].

Как и другие учреждения Красного Креста, русский лазарет удостоился посещения представителя султана Мехмеда V – Шалида Гуршида в сопровождении Соди-паши, передавшего благодарность султана за помощь[1530].

Судя по сохранившейся в документах ГУ телеграмме, РОКК предложил мусульманам Российской империи сформировать санитарный отряд в помощь турецкой армии. Переговоры шли с крымскими татарами через активного члена Красного Креста княгиню Барятинскую. 6 декабря 1912 г. она отправила из Ялты телеграмму на имя А.А. Ильина следующего содержания: «… татары поручили мне телеграфировать Гирсу относительно хирургического отряда; получила отрицательный ответ, посылают тёплые вещи, бельё, деньги»[1531].

В заседании ГУ РОКК от 13 декабря 1912 г. были подведены итоги первого месяца работы русского госпиталя в Турции. Присутствующие отметили, что за первый месяц деятельности лазарета было израсходовано 2 810, 83 руб., включавшие расходы на преобразование Николаевской больницы, жалование персоналу и расходы на питание, провиант и отопление[1532]. С учетом ходатайства старшего врача было принято решение дополнительно ассигновать еще 3 000 руб. примерно на два месяца[1533].

На следующий день, 14 декабря, председатель ГУ РОКК А.А. Ильин уведомил М.Н. Гирс о разрешении «в случае необходимости, развернуть константинопольский лазарет Красного Креста до 100 кроватей, приняв во внимание, что по донесении старшего врача лазарета для оборудования дополнительных кроватей уже имеется необходимый инвентарь», а также о том, что «ГУ … постановило перевести на означенную надобность Вашему превосходительству новый аванс для передачи уполномоченному лазарета в размере 3 000 руб., причем не встречено препятствий к увеличению ежемесячного бюджета больницы на 1 000 руб.[1534] В

[1529] Там же. Л. 143.

[1530] Там же. Л. 143.

[1531] Там же. Л. 149.

[1532] Там же. Д. 1475. Л. 146.

[1533] Там же. Л. 146 об.

[1534] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4044. Л. 9-9 об.

Константинополе эти средства были получены приблизительно через месяц, о чем М.Н. Гирс уведомила ГУ РОКК[1535].

По окончании военных действий лазарет Варшавской Елисаветинской общины стал готовиться к отъезду.14 января 1913 г. в МИД получили телеграмму посла М.Н. Гирса: «…полагал бы желательным, ввиду уменьшения количества раненых, обратный отъезд в Россию отряда Красного Креста 21 января. Французский, германский и английский отряды уже отозваны. Прошу телеграфировать, как отряд должен поступить с имуществом Красного Креста»[1536].

В письме из МИД от 19 января 1913 г. (со ссылкой на ГУ) указывалось, что хирургические инструменты и стерилизаторы должны вернуться на склад Красного Креста, а остальное, то есть бельё, перевязочный материал, медикаменты и припасы, оставлены в Константинополе для нужд Николаевской больницы[1537].

Ответное письмо посла М.Н. Гирса было составлено 29 января 1913 г. и, кроме благодарности от имени Николаевской больницы за принятое решение, содержало оценку деятельности русского медицинского персонала: «С сожалением расставаясь ныне с врачами, сёстрами милосердия и персоналом отряда, считаю приятным долгом уведомить … о безупречном и усердном исполнении ими возложенных на них обязанностей и самом сердечном отношении к раненым. Энергичная, полная самопожертвования деятельность сестёр милосердия привлекла к ним всеобщее расположение, и пребывание здесь отряда Красного Креста составляет самое отрадное впечатление»[1538]. В период Первой Балканской войны этот госпиталь оказал помощь 191 раненному и больному воину[1539].

Русский санитарный отряд покинул Турцию 21 января 1913 г. на пароходе «Император Николай II». Русское общество пароходства и торговли предоставило его членам бесплатный проезд до Одессы[1540]. Узнав об отъезде русского санитарного отряда, турецкие военные власти в конце января 1913 г. обратились с ходатайством «продолжить прием раненых в русской больнице от имени нашего Красного Креста»[1541].

[1535] Там же. Л. 7.

[1536] Там же. Л. 3.

[1537] Там же. Л. 4-4 об.

[1538] Там же. Л. 2 об.

[1539] *Артюшкова Е.Е.* Балканский опыт РОКК: отчет о Первой балканской войне // Балканские войны: на пути к Первой мировой. Url.: https://inslav.ru/sites/default/files/2018_slav-mir-tezisy_22_artyushkova.pdf (дата обращения: 11.11.2020).

[1540] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4044. Л. 11.

[1541] Там же. Л. 1.

Посол М.Н. Гирс посчитал целесообразным пойти навстречу пожеланию турецкого правительства и 4 февраля 1913 г. уведомил МИД, что продолжение приема турецких больных и раненных воинов в русской больнице Красного Креста вполне осуществимо, «вследствие пожертвованного белья, перевязочного материала и медикаментов в пользу больницы. Необходимы лишь средства на содержание раненых»[1542], приблизительно 2-3 тысячи руб. МИД переадресовал эту просьбу в ГУ РОКК[1543]. По распоряжению А.А. Ильина 7 февраля 1913 г в Константинополь были переведены 2 000 руб.[1544], о чем 9 февраля председатель ГУ сообщил товарищу министра иностранных дел А.А. Нератову[1545].

Отчет главного врача Г.Х. Бабасинова был утвержден на заседании ГУ 28 февраля 1913 г.[1546].

§ 4. Деятельность благотворительных комитетов при дипломатических миссиях на Балканах (на примере Сербии и Черногории)

В своей гуманитарной деятельности на Балканах особоуполномоченный ГУ РОКК П.А. Тыртов и старшие врачи санитарных отрядов получали всестороннюю поддержку российских дипломатических представителей. Это могла быть самая разнообразная помощь – от получения необходимой информации и улаживания конфликтов до поиска обслуживающего персонала и закупки лекарств и медикаментов в сопредельных странах. Кроме того, в зависимости от ситуации, при посольствах создавались благотворительные комитеты, самостоятельно привлекавшие средства на свою деятельность, или специальные фонды, расходовавшие целевые средства. Как правило, председательницами этих временных комитетов становились жены, сёстры или дочери посланников или консулов.

Так, 17 (30) ноября 1912 г. генеральный консул в Салониках через посольство в Афинах обратился в МИД, «ввиду многочисленных обращений в генеральное консульство лиц пострадавших от войны и ее последствий и полного неимения в консульстве средств для оказания пособия», с просьбой «исходатайствовать в Красном Кресте в распоряжение консульства известной суммы, не менее 2 000 руб., подобно тому, как было отпущено во время македонского восстания»[1547]. И хотя нами не были обнаружены документы, что данное ходатайство было удовлетворено, с большой долей вероятности можно утверждать, что препятствий оно не встретило. И если деньги не смог выделить Красный Крест, то был найден другой источник.

[1542] РГВИА. Ф. 1651. Оп. 1. Д. 1480. Л. 186-186 об.

[1543] Там же. Л. 186-186 об.

[1544] Там же. Л. 187.

[1545] Там же. Л. 190.

[1546] Там же. Л. 206.

[1547] Там же. Д. 1421. О помощи жителям Македонии. 1903-1904. Л. 1.

О том, как работали временные организации при российских дипломатических миссиях можно рассмотреть на примере комитетов в Сербии и Черногории.

При российской миссии в Белграде 13 октября 1912 г. был образован Комитет для приема пожертвований в пользу больных и раненных сербских воинов под председательством А.П. Гартвиг. Этой временной организации с первых дней существования пришлось решать разнообразные задачи. Прежде всего жене посланника пришлось взять на себя координацию и распределение на территории Сербии поступающих через Передовой склад в Софии вещевых пожертвований и передачу в русские медицинские учреждения заказанные ими предметы и медикаменты. Для этого при миссии был устроен специальный склад. Все поступавшие вещи передавались в Центральный комитет Сербского общества Красного Креста, а также распределялись по заявкам русских и сербских госпиталей и общественных организаций. Объемы пожертвований и имена благотворителей регулярно печатались в сербском официальном печатном органе «Самоуправа»[1548].

Круг обязанностей жены посланника был определен в одном из сопроводительных писем П.А. Тыртова от 10 декабря 1912 г.: «Глубокоуважаемая Александра Павловна! ... все вещи посылаю в Ваше распоряжение для оказания помощи больным и раненным воинам Сербии, независимо от того, где они находятся, в русских или иных больницах. Желательно лишь, чтобы они знали, от кого идет настоящая помощь, то есть из России. Большинство предметов пожертвовано учреждениями и лицами для Сербии, и потому, если представится возможность, хорошо было бы уведомить жертвователей как о получении вещей, так и о том, какое назначение им дано. Часть предметов посылается мною в распоряжение доктора Зондермайера для аналогичной цели, благоволите не отказать передать их полковнику… Я очень извиняюсь, что причиняю Вам хлопоты и беспокойство, но убежден, что Вы не будете сетовать на меня за это во имя великого дела братской помощи братским народам»[1549].

Регулярные отчеты о деятельности склада при дипломатической миссии дают представление об объеме работы А.П. Гартвиг, принимавшей и отправлявшей грузы, а также ведшей отчетность практически в одиночку. В одном из писем Тыртову она сообщила, что не может рассчитывать на помощь секретарей миссии, которые и так загружены на основной работе. Эти отчеты содержат сведения не только о характере и объеме получаемых грузов, но и об отправителях. Например, в письме от 15 февраля 1913 г. жена посланника упоминает один тюк вещей из Славянского благотворительного общества (от разных жертвователей), 100 пудов сахара от

[1548] ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3017. Л. 31.

[1549] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 2. Д. 1495 а. С. 171-171 об.

Московской городской управы, чай и сахар от Русско-Сербского комитета, а также корзину белья от госпожи Золотаревой, сшитого ею из материала, пожертвованного фабрикантами и т.д.[1550].

Наступившие холода заставили задуматься о необходимости тёплой одежды и белья, как для раненых, так и для беженцев и сирот. А.П. Гартвиг обратилась с призывом о помощи в российские газеты, различные благотворительные учреждения, а также к отдельным лицам, например, к московскому городскому голове, председателю Московского славянского комитета Н.И. Гучкову. Ее воззвания были напечатаны в ряде российских газет.

С поразительной энергией и неутомимостью А.П. Гартвиг успевала поддерживать десятки, а то и сотни контактов. Практически ежедневно она посещала русские благотворительные учреждения, через старших врачей отрядов РОКК и прикомандированных специалистов была в курсе положения дел в русских и сербских провинциальных госпиталях. Если было необходимо, жена посланника сопровождала высокопоставленных гостей из России (например, великую княгиню Елену Владимировну в Иверский госпиталь в Белграде, княгиню Елену Петровну в поездке во Вранье и т.д.). Кроме того, А.П. Гартвиг принимала участие во всех светских мероприятиях, устраиваемых российской миссией и сербскими властями.

Благотворительная деятельность А.П. Гартвиг не ограничивалась Белградом. На сочувствие жены русского представителя могли рассчитывать и в других городах и населенных пунктах. И, конечно, кроме больных и раненных сербских воинов, предметом особой заботы А.П. Гартвиг были беднейшие слои сербского общества – беженцы и сироты. Вскоре после начала Первой Балканской войны по инициативе жены русского посланника и при поддержке белградских дам был открыт приют-ясли, взятый под покровительство княгиней Еленой Петровной. Позже эта организация была преобразована в Приют военных сирот св. Елены[1551].

Заботу о сборе средств для него взяла на себя Александра Павловна. Она и посланник Н.Г. Гартвиг отправляли десятки писем всевозможным благотворителям в России, с тем чтобы обеспечить жизнедеятельность этого благотворительного учреждения, полностью зависевшего от русских денег[1552]. В одном из писем московскому городскому голове Н.И. Гучкову (17 и 18 октября 1912 г.) А.П. Гартвиг благодарила за щедрое пожертвование на ее приют и сообщила, что на 600 руб. она купила «одежду, бельё и матрасы для детей, так как кровати в Белграде купить невозможно – все под ранеными»[1553]. 23 ноября 1912 г. Московский Совет детских приютов

[1550] Там же. Д. 1505. Л. 49-49 об.

[1551] Српкиње у служби отаџбини и народу за време балканских ратова 1912 и 1913 г. као за време светског рата од 1914-1920. – Београд: издање југословенске женске секције ФИДАКА, 1933. С. 20-21.

[1552] Новое время. 1912. 22 ноября (5 декабря). С. 3.

[1553] ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3017. Л. 30.

Ведомства учреждений императрицы Марии сообщил А.П. Гартвиг о решении перечислить 1 033 руб., собранных среди членов названного Совета, с просьбой «обратить их исключительно на дело призрения детей-сирот сербских воинов»[1554].

К марту 1914 г. в Приюте военных сирот св. Елены содержалось более 80 детей, материальное обеспечение которых требовало значительных усилий. Св. Синод не остался равнодушным к этой проблеме и принял решение часть средств от церковных сборов перечислять на эти цели[1555]. Это русское благотворительное учреждение просуществовало до октября 1915 г.

Деятельность жены посланника не осталась незамеченной в сербском обществе. Об огромной популярности среди населения А.П. Гартвиг, которую сербы называли «наша сербская майка» (мать), писал В.Г. Комаров[1556], русский публицист славянофильского направления, посетивший Сербию в начале 1914 г.[1557].

По свидетельству В.Н. Штрандмана, весной 1913 г. А.П. Гартвиг объезжала русские госпитали в Нише, Скопье и Битоли. Ее приезды вызывали большой интерес в сербских военных частях, которые ее приглашали и чествовали как жену российского посланника, неустанно защищавшего сербские интересы. Популярность А.П. Гартвиг была такова, что ее поездкам стали приписывать не столько благотворительный, сколько политический характер. В.Н. Штрандман писал, что в Белграде среди иностранцев ходили слухи, что жена российского посланника поддерживала среди военных дух сопротивления каким бы то ни было уступкам болгарам. Дипломат отмечал, что «почва, на которую падали слова жены русского представителя, была слишком благодарна, чтобы не производить громадного впечатления»[1558].

За свою гуманитарную деятельность в период Балканских войн А.П. Гартвиг была награждена знаками отличия Красного Креста 2-й степени[1559].

Следует отметить, что в благотворительной деятельности сербских и русских учреждений участвовала не одна только жена посланника, но и большинство русских, находившихся в период Балканских войн на территории Сербии. Это были и дипломаты, и члены их семей, и представители русской общины. Первый секретарь императорской миссии В.Н. Штрандман в мае 1913 г. закупал в Вене медикаменты и госпитальное оборудование по поручению дамского общества «Коло Српских Сестара». Некоторые из жен и дочерей российских дипломатов добровольно записались в сёстры милосердия в белградский госпиталь этой организации. Среди

[1554] АВПРИ. Ф. 155. Оп. 508/2. Д. 155. Л. 20-21.

[1555] Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 2592. Л. 121-123.

[1556] Председатель Русско-Сербского комитета.

[1557] Русские о Сербии и сербах. – СПб. Алетейя, 2006. С. 576-577.

[1558] *Штрандман В.Н.* Указ. соч. С. 195.

[1559] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 2727. Л. 2.

них была жена первого секретаря миссии Ю.Н. Штрандман[1560]. Дочь посланника Л.Н. Гартвиг работала в качестве сестры милосердия в Иверском госпитале в Белграде. Супруга военного агента Л.М. Артамонова, кроме работы в госпиталях «Коло Српских Сестара» и Иверском в качестве сестры милосердия, добровольно взяла на себя обязанность обеспечения бельём и одеждой сербских воинов, выписывавшихся из лазарета имени города Петербурга.

Не менее активной была деятельность Комитета для оказания помощи семьям больных и раненных черногорских воинов, находившегося под председательством посланника А.А. Гирса. Из отчета, представленного на имя министра С.Д. Сазонова 1 августа 1913 г., известно, что эта временная организация была образована 20 декабря 1912 г. по инициативе посланника с целью распределения полученных пожертвований[1561]. Комитет работал в тесном взаимодействии с местными властями, выдававшими просителям специальные удостоверения, отражавшие материальное положение семьи и содержавшие сведения о том, кто из членов семьи умер, тяжело ранен или потерял здоровье на войне, о составе семьи и возрасте ее членов. Все пособия назначались на основании этих данных. Комитет оказал помощь деньгами, мукой и одеждой 3 279 семействам, потери которых составили 2 381 убитыми и 1 118 тяжело ранеными[1562]. Средства этой временной организации, в основном, были сформированы из пожертвований, поступивших из России, частью на имя короля Николы и членов его семьи, частью – на имя российского посланника. Комитет проработал полных пять месяцев (то есть до конца мая 1913 г.)[1563].

Вещевые пожертвования российская миссия получала из Женевы (приблизительно на 30 000 крон), из России (на 12 000 крон) и Рима – на 3 000[1564]. Согласно данным, предоставленным российским посланником, денежные пожертвования в отчетный период достигли 247 585 крон. Из этих средств 184 775 крон были выданы в виде пособий. Кроме того, при больнице Данило I в Цетинье был устроен питательный пункт для лиц, приезжавших навестить своих раненных родственников, 10 000 крон было пожертвовано в черногорский фонд, учрежденный для обучения детей погибших воинов торговле и ремеслу. Комитет не ограничивался помощью семьям воинов, он продолжал оказывать содействие и беднейшему населению Черногории[1565].

Отчет о деятельности Комитета для оказания помощи семьям больных и раненных черногорских воинов А.А. Гирс предал огласке, а мотивы этого поступка он изложил в

[1560] РГВИА Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1477. Л. 28.

[1561] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 2591. Л. 48-48 об.

[1562] Там же. Л. 51.

[1563] Там же. Л. 51 об.

[1564] Там же. Л. 50.

[1565] Правительственный вестник. 1913. 17 августа. С. 4.

сопроводительном письме министру иностранных дел. По мнению посланника, «опубликование отчета, рассылаемого … всем отдельным жертвователям, представленного мной как ввиду значительности собранной Комитетом общей суммы (259 585, 72 крон), так и в целях подачи благого примера черногорским благотворительным учреждениям, имеющим весьма смутное понятие о необходимости отчетности в распоряжении общественными суммами» [1566]. Кроме того, А.А. Гирс надеялся, что «наш пример мог бы послужить полезным прецедентом для черногорского правительства, подав ему мысль о необходимости по собственному почину составить и опубликовать отчет о распределении переданных мною в его распоряжение запасов муки и зерна, всемилостивейше пожалованных государем императором для раздачи нуждающемуся населению Черногории», так как по дошедшим до него сведениям, «значительная часть … запасов не была передана по прямому назначению»[1567].

§ 5. Русские санитарные отряды Красного Креста во время возобновления военных действий, подготовка их возвращения в Россию и итоги деятельности

Ввиду заключения в конце 1912 г. союзными государствами Балканского полуострова перемирия с Турцией и всеобщего ожидания окончания военных действий, ГУ поставило вопрос о ликвидации и отозвании в Россию врачебных отрядов РОКК, командированных на Балканский полуостров и в Турцию. Принимая такое решение, ГУ основывалось на донесениях старших врачей лазаретов, большинство из которых указывало на прекращение потока раненых. С конца декабря многие русские врачи стали тяготиться бездействием и просили прервать их командировку. Так, прикомандированный к отряду Тверской Серебряной общины врачей Н. Соловьев, написал в конце декабря 1912 г. председателю ГУ А.А. Ильину, что он поехал на Балканы «с единственной целью иметь интересную работу и оказать посильную помощь славянам…. Однако в течение уже почти двух месяцев у нас очень мало работы или лучше сказать, ее почти совсем нет, … между тем в России работа наша очень нужна»[1568].

ГУ признало необходимым обратиться в Сербское и Болгарское общества Красного Креста с запросом, есть ли надобность в дальнейшем пребывании русских санитарных отрядов на театре военных действий. Как Сербское, так и Болгарское общества Красного Креста сообщили, что в санитарном персонале нужды больше нет, «но встречается крайняя необходимость в денежных средствах на пособия выздоравливающим». ГУ решило «прекратить командировки персонала и

[1566] АВПРИ. Там же. Л. 48-48 об.

[1567] Там же. Л. 48-48 об.

[1568] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1492. Л. 51-52, 72.

организовать в России сбор материальных и денежных пожертвований для отправки в действующие армии»[1569].

После ряда консультаций с дипломатическими представителями, особоуполномоченным П.А. Тыртовым и старшими врачами, «выяснилась возможность, не ожидая заключения мира, отозвать к середине и концу января по одному отряду из Греции и Черногории (Крестовоздвиженский из Пирея и Харьковский из Дульциньо), три отряда из Сербии, два отряда и санитарный транспорт из Болгарии и вызвать русский лазарет из Константинополя[1570].

П.А. Тыртовым и его сотрудниками были составлены графики приостановки деятельности лазаретов в Сербии и Болгарии и определен порядок следования персонала в Россию. Старшим врачам русских лечебных учреждений были даны соответствующие указания. При расформировании лазаретов было решено бельё, перевязочные материалы и медикаменты передать в местные общества Красного Креста или российские лечебные заведения, продолжавшие свою деятельность. Остальное имущество следовало возвратить на Передовой склад РОКК в Софии[1571]. При отзыве санитарных отрядов ГУ приняло меры, чтобы раненые и больные, нуждающиеся в дальнейшем лечении, были обеспечены надлежащей помощью.

Тема постепенной ликвидации деятельности РОКК на балканском театре военных действий обсуждалась на нескольких совещаниях. На заседание ГУ 8 января 1913 г. были приглашены представители петербургского городского общественного управления. В ходе обмена мнениями выяснилось, что ассигновав средства на деятельность отрядов имени Петербурга на три месяца, столичные власти хотели бы избежать дальнейших трат. В то же время было ясное понимание того факта, что, пока есть больные и раненые, эвакуировать отряды невозможно. Участники заседания нашли решение, позволяющее петербургскому городскому общественному управлению в какой-то мере избежать дополнительных вложений, а именно: санитарный отряд Тверской Серебряной общины в Белграде и Кауфманский санитарный отряд в Филиппополе должны были свернуть свою деятельность к 20 января 1913 г. Кроме того, было предложено отозвать всех врачей, прикомандированных на средства петербургского городского общественного управления в распоряжение Болгарского и Сербского Красных Крестов[1572].

Мобилизационный совет предложил ликвидировать деятельность Евгенинского лазарета в Любимце, Кауфманского в Лозенграде, а также сообщить московского городскому голове Н.И. Гучкову о возможности отозвать отряд имени Москвы из Софии. Свято-Троицкий отряд имени

[1569] Там же. Оп. 3. Д. 323. Л. 53 об.-54..

[1570] Там же. Оп. 1. Д. 1085. Л. 114.

[1571] Там же. Д. 1505. Л.146 об.

[1572] Там же. Д. 1085. Л. 13-13 об.

Е.М. Терещенко с семьей было решено закрыть 15 января, а судьбу сербских отрядов определить после консультаций с посланником Н.Г. Гартвигом[1573].

Дело в том, что 4 (17) января 1913 г. Н.Г. Гартвиг сообщил в МИД, что считает необходимым осмотреть русские лазареты Красного Креста в Нише, Вранье и Ускюбе и попросил отложить решение об их ликвидации до окончания этой поездки[1574]. Выезд посланника из Белграда состоялся 6 (19) января 1913 г. По возвращении Н.Г. Гартвиг подтвердил возможность закрытия госпиталей Александринской, Тверской Серебряной и Киевской Мариинской общин милосердия. Таким образом, плановой ликвидации, в первую очередь, подлежали отряды, финансирование которых шло не за счёт ГУ.

Когда упомянутые решения ГУ через российские дипломатические представительства были доведены до сведения руководителей Сербского и Болгарского Красных Крестов, последовало несколько ходатайств. П.А. Тыртов сообщил о просьбе Болгарского Красного Креста задержать Кауфманский отряд имени Петербурга в Филиппополе на две недели, а через посланника Н.Г. Гартвига Сербский Красный Крест попросил оставить некоторые предметы оборудования и материалы лазарета Тверской Серебряной общины сербскому военно-санитарному управлению. В связи с этим ГУ направило соответствующий запрос в Подготовительную комиссию санкт-петербургской городской думы по организации врачебно-санитарной помощи раненным воинам славянских и греческой армий[1575].

12 (25) января 1913 г. в Петербурге под председательством гласного П.П. Дурново состоялось заседание городской комиссии по оказанию врачебно-санитарной помощи балканским государствам. Оставление городских санитарных отрядов на Балканах было сопряжено с дальнейшим ассигнованием средств на их содержание, так как, по имеющимся у Комиссии сведениям, Российское общество Красного Креста уже израсходовало 70 000 руб., переданные городским общественным управлением, и даже произвело перерасход. Комиссия поручила гласным Г.А. Фальборку, А.В. Васильеву и лейб-хирургу Е.В. Павлову войти в сношение с обществом Красного Креста и проверить документальные данные об израсходовании средств. В результате обсуждения участники заседания постановили не отзывать городские отряды до окончания военных действий, «тем более, что надежды на скорейшее заключение мира в настоящее время сильно поколеблены»[1576]. В случае необходимости Комиссия была готова

[1573] Там же. Л. 13 об.

[1574] Одной из целей посланника было содействие в организации складов для помощи больным и раненым сербским воинам. // АВПРИ. Ф.151. Оп. 482. Д. 531. Л. 3.

[1575] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1085. Л. 23.

[1576] Санкт-Петербургские ведомости. 1913. 13 (26) января. С. 4.

обратиться в городскую думу с предложением о новом ассигновании средств на содержание отрядов имени Петербурга.

В соответствии с этим решением 15 января был составлен ответ на запрос ГУ. Из него следовало, что вопрос о расформировании петербургских отрядов остается открытым до выяснения текущей ситуации на Балканах – будет ли заключен мир или вновь начнутся военные действия. Что же касается инвентаря, медикаментов и перевязочных материалов, то их было решено оставить городским управлениям Белграда и Филиппополя[1577].

Еще одной проблемой, которую пришлось срочно решать ГУ, была поддержка военно-санитарных ведомств балканских государств врачебным персоналом. В связи с увеличением количества инфекционных заболеваний, 14 января 1913 г. Н.Г. Гартвиг сообщил в МИД убедительную просьбу сербского медицинского управления не отзывать врачей, командированных петербургским городским общественным управлением. Посланник посчитал необходимым «горячо поддержать ходатайство оставить врачей на местах»[1578]. Окончательное решение зависело от Красного Креста. 25 января 1913 г. Гартвиг телеграфировал в ГУ РОКК, что прекращение командировки русских врачей, «ввиду крайней потребности в Сербии в медицинской помощи», произведет «весьма тяжелое впечатление». Российский посланник просил изыскать возможность их оставить. Из ГУ ответили, что задержать на службе Красного Креста врачей, командированных в Сербию на средства петербургского общественного управления, не представляется возможным ввиду ассигнования средств на их содержание только до 1 февраля 1913 г. Однако ГУ обещало не чинить препятствий в случае поступления всех желающих на службу в сербское медицинское ведомство[1579]. Аналогичное решение было принято и по Болгарии.

На заседании ГУ 24 января 1913 г. обсуждались вопросы, связанные с исполнением решений о постепенной ликвидации отрядов. Была заслушана телеграмма П.А. Тыртова, что часть врачей, командированных в Болгарию на средства города Петербурга, отправлена в Россию, другая же поступила на службу к болгарам. Отряд Свято-Троицкой общины имени Е.М. Терещенко с семьей в Филиппополе был свёрнут, имущество передано городским властям, больные и раненые были переведены в болгарские лечебные учреждения. П.А. Тыртов запрашивал указания о дальнейшей участи отряда, а также проинформировал, что персонал Кауфманской общины, находившийся в Лозенграде, уже выехал в Россию[1580].

[1577] РГВИА. Там же. Л. 23.

[1578] Там же. Д. 1492. Л. 82.

[1579] Там же. Л. 104-105.

[1580] Там же. Д. 1085. Л. 30.

На заседании была заслушана телеграмма старшей сестры Евгенинского лазарета Ф.П. Беляевой, обратившейся к попечительнице с просьбой разрешить сёстрам взять отпуск с тем, чтобы иметь возможность остаться работать в болгарских лечебных учреждениях ввиду ожидающегося возобновления военных действий[1581].

Старшие врачи Харьковской и Елисаветинской общин, находившиеся в Черногории, сообщили о значительном сокращении больных и раненых в их лазаретах и обратились с просьбой о прекращении деятельности отрядов[1582]. Им было предписано передать бельё, медикаменты и перевязочный материал Черногорскому Красному Кресту и готовиться к отъезду 30 января. Однако 23 января вечером в ГУ поступила телеграмма, что король Черногории просит об оставлении отрядов в связи с возможным развитием событий под Скутари (Шкодрой). На следующий день стало известно о ходатайстве председателя Черногорского Красного Креста митрополита Митрофана задержать отряды до 1 марта. В этом вопросе ГУ пошло навстречу и отряды остались на месте «до особого распоряжения»[1583].

Возникшие было у особоуполномоченного проблемы с ликвидацией деятельности русских лечебных заведений с московскими отрядами, получавшими указания из Москвы, были быстро улажены. ГУ обратилось в московскую городскую управу с просьбой поручить расформирование отрядов П.А. Тыртову. Ответ от 23 января 1913 г. гласил, что соответствующее распоряжение было сделано[1584]. Таким образом, вся полнота власти в вопросах ликвидации деятельности РОКК на Балканах была сосредоточена в руках ГУ в лице его представителя.

В докладе общему собранию членов РОКК 27 января 1913 г. отмечалось, что из Болгарии решено отозвать в первую очередь Кауфманский отряд из Лозенграда (там остался Георгиевский госпиталь); Евгенинский отряд из села Любимец (остался Александровский лазарет), Свято-Троицкий отряд из Филиппополя (остался Кауфманский лазарет имени Петербурга), отряд имени города Москвы из Софии (остался Гербовецкий лазарет). В Сербии установленным порядком свертывались Киевский лазарет в Ускюбе (остались Кауфманский и Московский), Александринский лазарет в Нише и Тверской Серебряный в Белграде. В сербской столице продолжил свою работу Иверский госпиталь. Черногорские отряды задерживались до особого распоряжения, а Грецию и Турцию должны были покинуть все русские отряды[1585].

Как уже упоминалось, бельё, перевязочные средства и медикаменты по решению ГУ должны были быть переданы в местные Красные Кресты. Имущество лазаретов Свято-Троицкого в

[1581] Там же.

[1582] Там же.

[1583] Там же. Л. 30 об.

[1584] Там же. Д. 1479. Л. 179.

[1585] Там же. Л. 173 об.-174.

Пловдиве и Кауфманского в Ускюбе, согласно воле жертвовательницы Е.М. Терещенко, полностью передавались городским управлениям городов Пловдив и Ускюб, а имущество отрядов города Петербурга – городским управлениям Белграда и Пловдива[1586].

Крестовоздвиженский отряд прибыл в Петербург 22 января. Кауфманский отряд из Лозенграда и Евгенинский отряд из Любимца вернулся в столицу 30 января, в тот же день прибыл из Белграда в Тверь отряд Тверской Серебряной общины. 1 февраля возвратились отряд Киевской Мариинской общины из Скопье в Киев, Московской Александринской общины из Ниша – в Москву, а Константинопольский отряд – в Петербург[1587].

Пока в Лондоне шли переговоры о будущем мире, в Турции в результате переворота 23 января 1913 г. пришло к власти правительство младотурок. Оно прервало мирный процесс, возобновив в начале февраля военные действия. В январе-феврале 1913 г. членам Балканского союза удалось достигнуть определенных военных успехов. Греческая армия смогла добиться капитуляции турецкого гарнизона на о. Хиос и выиграла морское сражение у о. Тенедос. Болгарская армия вела военные действия в Восточной Фракии. Успешно начатый болгарами штурм гарнизона в Галлиполи был остановлен турецкой армией, получившей подкрепление. Сербская армия, выполнив, в основном, свои задачи смогла перебросить две дивизии под Адрианополь, осажденный болгарскими войсками, и дать подкрепление черногорцам, планировавшим захватить Шкодру (Скутари). Развитие событий дало возможность туркам убедиться, что они не способны оказать сопротивление войскам Балканского союза, поэтому в конце февраля они обратились к великим державам за содействием в заключении мира[1588].

Нестабильная ситуация на Балканах привела членов ГУ к мысли о необходимости предоставить особоуполномоченному РОКК право решать вопросы о задержке и отправке отрядов и персонала, согласовывая свои действия с национальными обществами Красного Креста. П.А. Тыртову было рекомендовано, в случае если сёстры милосердия расформированных отрядов остаются для работы, их не разъединять, а прикомандировывать к оставшимся отрядам Красного Креста[1589].

Остальные отряды продолжили свою деятельность на театре военных действий: Георгиевский госпиталь и Кауфманский лазарет имени Петербурга в Филиппополе, Александровский лазарет в Любимце, Кишеневский Гербовецкий лазарет имени Петербургского Купеческого Общества в

[1586] Там же Л. 173 об.

[1587] Там же. Д. 1085. Л. 115.

[1588] *Искендеров П.А*. Указ. соч. С. 487.

[1589] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1085. Л. 30 об.

Софии. В Белграде для обслуживания раненых остался Иверский госпиталь. В Скопье находились лазареты имени города Москвы и Кауфманский имени Е.М. Терещенко с семьей.

Кроме того, старший врач Свято-Троицкого лазарета имени Е.М. Терещенко уведомил о том, что по его отряд с 29 января 1912 г. вновь возобновил свою деятельность. Ввиду того, что имущество лазарета уже было передано в виде дара городскому управлению города Филиппополя[1590], то городской голова дал разрешение временно его использовать[1591].

Основные события этого периода разворачивались вокруг осажденных турецких гарнизонов Адрианополя, Шкодра (Скутари) и Янины.

В ожидании решительных действий союзных войск часть русских медицинских учреждений в Болгарии и Сербии была оставлена там, где она и была, а часть – передвинута туда, куда указало болгарское и сербское командование.

В феврале в Болгарии наступили холода и сильные заносы. В районе действующей армии было полное затишье, больные и раненые в медицинские учреждения почти не поступали. Георгиевский госпиталь использовал это время для дезинфекции и текущего ремонта своего здания. Некоторые медицинские учреждения получили возможность передвинуться ближе к линии фронта. Например, отряд города Москвы (старший врач Д.Н. Рознатовский, старшая сестра Т. Захарова) из Софии был отправлен в Софлу. Расположившись в небольшом здании, он смог развернуть лазарет на 50-70 кроватей[1592]. На другом конце города было открыто отделение лазарета еще на 70 кроватей; таким образом, их общее число достигло 140. Из состава этого отряда был выделен летучий отряд для действий в Галлиполи[1593], который в ожидании большого наплыва раненых из-под Адрианополя в начале марта пришлось вернуть обратно.

Отряд города Москвы (старший врач В.А. Хирнов) вследствие просьбы штаба болгарской армии в конце февраля 1913 г. был переведен из Ямбола в Дедеагач (Западная Фракия)[1594] и развернул лазарет в здании греческой гимназии[1595]. Дедеагач был освобожден болгарской армией при поддержке греческого флота в ноябре 1912 г.

Февраль оказался особенно тяжелым для работы русского санитарного транспорта: люди были измотаны, транспорт нуждался в хорошем ремонте[1596]. Здесь сказывались и невыносимые

[1590] Там же. Д. 1479. Л. 177.

[1591] Там же. Л. 178.

[1592] Там же. Д. 1085. Л. 195.

[1593] Там же. Л. 76.

[1594] Там же. Л. 61 об.

[1595] Там же. Д. 1479. Л. 180.

[1596] Там же. Д. 1085. Л. 93 об.

погодные условия, и бездорожье, и круглосуточный режим. Санитары, «обессиленные тяжелым трудом, ужасными условиями жизни, постоянно полуголодные, начали хворать»[1597].

Если не было работы по транспортировке больных и раненных воинов, то персонал русского санитарного транспорта сам обеспечивал себе занятие. Так, в деревне Ерменикюй, где разместилось несколько болгарских перевязочных пунктов, старший врач В.Т. Свитальский и студент Лосинский решили прийти на помощь болгарским врачам[1598]. В одном из отчетов отмечалось, что в те дни они не имели «буквально ни одной минуты свободного времени. Оба утром уезжали, вечером возвращались домой полуголодными, уставшими. Приходилось изучать дороги, организовывать перевозки больных и раненых, заботиться о том, чтобы в каждом пункте было в каждый необходимый момент достаточное количество перевязочных материалов»[1599].

О тяжелых условиях работы санитарного транспорта и опыте работы В.Т. Свитальский рассказал 25 мая 1913 г. на итоговой конференции РОКК. Он свидетельствовал, что пока Адрианополь не был взят, сквозного движения по железной дороге не было. Приходилось и людей, и грузы перевозить с пересадкой, занимавшей не менее суток. Перевозные средства у болгарской армии были, но они были слишком тяжелыми и не подходили для тех условий, в которых велась война. Поэтому проблемы были во всем: в доставке грузов, продовольствия, раненых. По мнению В.Т. Свитальского, русский санитарный транспорт прибыл вовремя, но его деятельность пришлось несколько видоизменить – он был разделен на несколько частей[1600]: одна работала на Чаталджийских позициях у генерала Дмитриева, а другая под Адрианополем, у генерала Иванова[1601]. За то время, когда транспортом руководил В.Т. Свитальский, было перевезено 988 человек (758 больных и 230 раненых)[1602].

В Кауфманский лазарет имени города Петербурга в Филиппополе в феврале поступило 84 пациента (выписалось 60). Всего было сделано 2 420 перевязок и 8 операций[1603].

В начале марта стали поступать сведения о возможности скорого штурма Адрианополя и формировании Чаталджийских позиций. Так как из-за погодных условий эвакуация раненых в тыловые госпитали была приостановлена, то в Георгиевском госпитале было решено больных и раненых передать в болгарскую санитарную станцию или болгарскую больницу[1604], а

[1597] Там же. Д. 1473. Л. 93.

[1598] Там же.

[1599] Там же. Л. 90 об.

[1600] Там же. Д. 1089. Л. 255-255 об.

[1601] Там же. Д. 1085. Л. 93 об.

[1602] Там же. Д. 1089. Л. 256.

[1603] Там же. Д. 1085. Л. 195 об.

[1604] Там же. Д. 1493. Л. 141.

терапевтическое отделение переоборудовать для приема хирургических больных. Кроме того, помещение аптечного склада было переоборудовано в дополнительную перевязочную. В течение 5 и 7 марта поступило 85 раненых, 10 марта – 112 (из Чорлу) [1605].

В ночь с 11 на 12 апреля начался штурм Адрианополя. Совместными усилиями болгарских и сербских войск после ожесточенного трехдневного штурма 13 (26) марта он был взят. Особую гордость для российской общественности представлял тот факт, в этих событиях принял непосредственное участие русский летучий санитарный отряд, выделенный в начале января 1913 г. из состава Кауфманского отряда имени города Санкт-Петербурга. Он состоял из старшего врача А.В. Бритнева (Царскосельская община), заведующего хозяйством, шести сестёр милосердия и нескольких военных санитаров, выделенных из резерва, и с разрешения болгарских властей определен в осаждающую Адрианополь армию[1606].

По отзывам П.А. Тыртова, летучий отряд А.В. Бритнева оказал громадную услугу 3-й болгарской армии во время атак 11 и 12 марта[1607]. Находясь в центре восточного сектора осады, русский санитарный отряд работал под артиллерийским огнем без отдыха более двух суток и во время штурма принимал раненых пяти полков: сделал перевязки и накормил свыше 2 100 человек (18 трепанаций, 5 ампутаций, 50 гипсовых повязок и т.д.)[1608]. Как было отмечено позже в документах РОКК, «Кауфманский [летучий] отряд имел возможность сослужить особо выдающуюся службу милосердия и помощи … Подвиг поистине выдающийся и почти единственный в своем роде, если принять в соображение, что лазарет вначале был оборудован всего на сто кроватей»[1609].

Благодарность отряду была выражена и в телеграмме командующего 2-й болгарской армией генерала Иванова: «Кауфманский отряд имени города Петербурга … работал день и ночь почти без отдыха и принес такую большую пользу раненым, что я не нахожу подходящих слов выразить благодарность и признательность отряду за его самоотверженную деятельность от своего имени, как командующего армией, и от имени всех раненых»[1610].

Первоначально предполагалось, что под Адрианополем будут действовать два летучих отряда – имени города Петербурга и имени города Москвы. Но судьба второго отряда сложилась иначе. В начале 1913 г. посланник Н.Г. Гартвиг получил ходатайство командующего сербской армией генерала Степановича с просьбой о передвижении лазарета имени Москвы из Скопье под

[1605] Там же. Л. 142.

[1606] Там же. Д. 1085. Л. 115 об.

[1607] Там же. Л. 194.

[1608] Там же. Л. 194 об.

[1609] Там же. Д. 1479. Л. 209.

[1610] Там же. Д. 1085. Л. 148.

Адрианополь для обслуживания сербских войск[1611]. Узнав об этом, П.А. Тыртов немедленно написал Р. Зондермайеру следующее: «Радостно приветствую Ваше решение. Убежден, наши лазареты приложат все старания, чтобы быть как можно полезнее геройской армии Сербии. Находясь ближе к полям сражений, они еще сильнее смогут развить свои лечебные средства и еще большему числу раненых смогут спасти жизнь»[1612].

Н.Г. Гартвиг запросил разрешение московской городской думы и получил его. 23 января старшему врачу Н.К. Холину был дан приказ свернуться и немедленно двинуться под Адрианополь. Н.К. Холин стал готовить отъезд. А пока часть медицинского персонала московского лазарета была спешно отправлена в Мустафа-пашу под Адрианополь[1613]. 27 января П.А. Тыртов об этом проинформировал генерала Иванова и попросил о содействии в приеме, размещении и обеспечении его деятельности[1614].

Предстоящей работе санитарного отряда имени Москвы на передовой при сербской действующей армии в России придавалось большое пропагандистское значение. 29 января 1913 г. А.А. Ильин доложил текущую ситуацию Николаю II, в том числе о том, что на передовых позициях будут действовать два русских санитарных отряда. В тот же день «Московские ведомости» поместили небольшое сообщение, что доктор Холин перевел часть госпиталя в составе одного врача, двух сестёр милосердия и санитара к Адрианополю[1615]. На следующий день то же издание с восторгом писало, что отряд имени Москвы получил «блестящее назначение работать в самых передовых позициях, куда не допускались иностранные отряды»[1616].

К этому времени летучий отряд (старший врач Виктор Ипполитович Оппоков[1617]) уже прибыл к месту назначения и развернул лазарет на 25 кроватей[1618]. Тыртов получил просьбу немедленно выслать палатки[1619]. Однако к работе приступить не удалось. 1 февраля 1913 г. В.И. Оппоков отправил телеграмму Тыртову, что отряд «на позиции не отправляют, оставляют лазаретом [в] Мустафа-паша». В донесении отмечалось, что для лазарета было найдено крайне неудобное помещение, требующее большого ремонта и, следовательно, больших средств и времени. Кроме

[1611] Там же. Д. 1503. Л. 2.

[1612] Там же. Д. 1504. Л. 30.

[1613] Оборудование вновь образованного летучего отряда было пополнено медикаментами и перевязочными средствами с Передового склада РОКК в Софии (шесть мест). // Там же. Д. 1503. Л. 175.

[1614] Там же. Д. 1502. Л. 112.

[1615] Московские ведомости. 1913. 29 января. С.3. В этих сведениях есть неточности: в донесении Тыртова Ильину сообщается, что отряд состоял из трех сестёр, трех санитаров и врача. // Там же. Л. 191.

[1616] Московские ведомости. 1913. 30 января (12 февраля). С. 3.

[1617] Один из четырех младших врачей отряда имени Москвы.

[1618] Снаряжение отряда позволяло обслуживать 40 кроватей.

[1619] РГВИА.Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1502. Л. 151.

того, обладая оборудованием и имуществом летучего отряда, В.И. Оппоков не имел возможности развернуть полноценный стационар. П.А. Тыртов отреагировал немедленно, прислав телеграмму: «…возмущен, буду содействовать всеми мерами исполнению того, для чего прибыли»[1620]. В тот же день Тыртов отправил запрос генералу Иванову и получил ответ от начальника санитарной инспекции болгарской армии полковника Киранова, что по распоряжению болгарского военного министра уже отдан приказ о принятии отряда во 2-ю армию и определении ему назначения обслуживать преимущественно сербскую дивизию[1621]. По донесению Гартвига в РОКК от 3 февраля 1913 г. помощь в организации лазарета на новом месте обещало сербское военно-санитарное управление[1622]. Тем не менее, никаких изменений в судьбе отряда не произошло.

Начальник сербского военно-санитарного управления Верховного командования полковник Л. Генчич в письме от 4 февраля 1913 г. дал П.А. Тыртову некоторые разъяснения, отметив, что «сербской дивизии под Адрианополем в настоящее время нет надобности в … большом госпитале, ибо существующая санитарная организация может, как до сих пор и делала, оказывать первую помощь на передовых позициях, причем имеется возможность довольно быстро эвакуировать раненых в Сербию»[1623]. Далее Генчич сообщил, что лично убедился в отсутствии приемлемых условий для хирургической работы передового летучего отряда имени Москвы, находящегося в тот момент в Мустафа-паша. Примечательно, что Л. Генчич настаивал на том, что это подразделение лазарета Н.К. Холина было отправлено на передовые позиции «без ведома сербского главного военного санитета». В заключение Генчич сообщил Тыртову, что в связи с ожидающимся большим количеством раненых из-под Скутари, госпиталь имени Москвы следует оставить на прежнем месте, а в случае надобности и большого количества работы под Адрианополем санитарный отдел военного министерства сделает соответствующие распоряжения. На этом письме Тыртов сделал эмоциональную приписку, отражающую его отношение к сложившейся ситуации: «Своя своих не разбирают, то просят, то не нужно. Какая-то чепуха. Во всяком случае, позарез хотят оставить в Скопье. 4 февраля 1913 г.»[1624].

Н.К. Холин не знал обо всех этих сложностях и продолжал готовить отъезд отряда под Адрианополь. Своих раненых он планировал передать в лазарет Кауфманской общины имени Е.М. Терещенко с семьей, о чем начал переговоры с его старшим врачом С.К. Софотеровым[1625].

[1620] Там же. Д. 1503. Л. 90, 92.

[1621] Там же. Л. 94.

[1622] Там же. Л. 21.

[1623] Там же. Л. 97-98.

[1624] Там же. Л. 98-99.

[1625] Старший врач отряда Кауфманской общины РОКК имени семьи Терещенко.

Однако просьба Холина опоздала. К этому времени Софотеров уже дал согласие начальнику сербского военно-санитарного управления принять транспорт с 60 ранеными из-под Скутари[1626]. В донесении Тыртову С.К. Софотеров сообщил, что был вынужден отказать Н.К. Холину, предполагающийся отъезд которого расстраивал планы местного военно-санитарного управления[1627].

П.А. Тыртов попросил Н.К. Холина уточнить у Генчича, надо ли оставлять летучий отряд под Адрианополем, отметив при этом, что сербские власти «не могут спеться и получается какая-то двойственность! То просят, то говорят: “не нужно!”»[1628]. Частично причины этой ситуации проясняются в письме жены посланника А.П. Гартвиг к П.А. Тыртову от 3 февраля, где она пересказала слова Зондермайера, что из-под Адрианополя он получил накануне только восемь человек, а из-под Скутари в Драч (Дуррес) поступило много раненых и еще больше больных[1629]. Вероятно, ситуация менялась быстрее, чем исполнялись приказы.

Официальный ответ П.А. Тыртова Л. Генчичу выглядел так: «Если лазарет города Москвы нужен и более необходим в Скопье, пусть остается на своем месте. Перевод его вызывался ходатайством штаба армии, так же как посылка туда летучего отряда. Если последний не очень нужен при сербском корпусе, то может быть лучше устроить его при болгарской армии. Очень прошу не отказать мне сообщить»[1630]. Соответствующие телеграммы были отправлены также Гартвигу, Холину и Софотерову.

Н.Г. Гартвиг считал, что передовой отряд из Мустафа-паша должен возвратиться в Скопье и был готов отдать соответствующее распоряжение. П.А. Тыртов телеграммой попросил ничего не предпринимать, не дождавшись его личного доклада, и срочно выехал в Белград.

Прекращение военных действий делало пребывание на Балканах русских санитарных отрядов бесполезным. Более того, напрасно тратились ресурсы РОКК и частных благотворителей. Это понимал не только П.А. Тыртов. Превращение Кауфманского лазарета имени Е.М. Терещенко с семьей в тыловой госпиталь С.К. Софотеров считал напрасной тратой ресурсов, тем более что к этому моменту было достаточно мест в сербских госпиталях. Об этом 8 февраля 1913 г. он написал П.А. Тыртову и заметил, что, по имеющимся у него данным, настоятельная необходимость в этапных лазаретах была в Салониках и Дураццо, а также сослался на слухи о недостаточной организации хирургической помощи около Галлиполи. В заключение С.К.

[1626] Прибыли 4 февраля 1913 г.

[1627] РГВИА. Там же. Л. 102.

[1628] Там же. Л. 103.

[1629] Там же. Д. 1505. Л. 56.

[1630] Там же. Д. 1503. Л. 102.

Софотеров ходатайствовал о переводе вверенного ему отряда в то место, которое будет отвечать его предназначению[1631].

По итогам поездки в Белград и используя аргументы С.К. Софотерова, П.А. Тыртов составил записку А.А. Ильину. В частности, особоуполномоченный ГУ сообщил, что он обратил внимание сербского военно-санитарного управления на несоответствие деятельности Кауфманского лазарета поставленной перед ним задаче и ходатайствовал об отправке его на передовую. К этому времени уже была получена телеграмма Р. Зондермайера от 13 февраля, что передовой летучий отряд отозван из Мустафа-паши, так как лазарет Холина «получил более важное определение»[1632].

18 февраля 1913 г. П.А. Тыртов направил С.К. Софотерову телеграмму (аналогичную получил старший врач отряда имени Москвы Н.К. Холин) следующего содержания: «сношением [с] сербским санитетом выяснилась необходимость передвижения обоих лазаретов из Скопье в Черногорию: одного в Дураццо, другого – в Алессио. Прошу Вас собрать лазарет по указанию начальника санитарной части операционной армии и двинуться в указанное им место, где развернуть возможно большее число кроватей»[1633].

Сербские войска выдвинулись в этот район по просьбе черногорского короля поддержать его армию во время штурма Скадара. Алессио (Леш) и особенно Дуррес находились довольно далеко от места предполагаемой битвы. Можно предположить, что несмотря на позицию великих держав, сербское правительство не потеряло надежду на получение выхода к морю и рассчитывало, в случае успеха, вновь поднять этот вопрос. Завоевание доступа Сербии к Адриатике, чтобы ослабить экономическую зависимость от Австро-Венгрии, было одной из важнейших политических и военных целей сербского правительства в ходе Первой Балканской войны[1634]. Как известно, попытка ее реализовать была предпринята вскоре после начала военных действий: 23 октября 1912 г. Верховное командование сербской армии издало приказ о выдвижении частей Дринской и Шумадийской дивизий к Адриатическому побережью, где они должны были занять города Медова и Дуррес, находящиеся на албанской территории. Подразделениям, составившим две колонны, была поставлена задача встретиться в районе Леш-Медова. Правая колонна, входившая в состав Дринской дивизии, выдвинулась в заданном направлении 28 октября 1912 г. и после нескольких боев 6 ноября 1912 г. вошла в Леш. Левая колонна, состоявшая из подразделений Шумадийской дивизии, вышла из Призрена

[1631] Там же. Д. 1504. Л. 21-22.

[1632] Там же. Д. 1503. Л. 194.

[1633] Там же. Д. 1504. Л. 34.

[1634] *Недок Александар С.* Балкански ратови 1912 – 1913. Рад српског војног санитета. – Београд: Медија центар Одбран, 2021. С. 127, 128.

27 октября и прибыла к Лешу одновременно с правой колонной. Затем сербские военные части совершили 60-километровый переход вдоль побережья и 16 ноября 1912 г. достигли Дурреса. Сербская армия заняла район от Леша до Медовы. После подписания перемирия с Турцией 25 ноября 1912 г. сербами было сформировано Командование прибрежных войск, находившееся сначала в Дурресе, а затем в Леше[1635]. Австро-Венгрия потребовала от Белграда освободить албанские территории и объявила частичную мобилизацию. Вопрос о доступе Сербии к Адриатическому побережью обсуждался на Лондонской международной конференции 1912 г. По ее решению Сербия обязалась вывести свои войска по первому требованию великих держав[1636].

После возобновления в начале февраля 1913 г. военных действий, командование черногорской армии решило штурмовать Скадар. Боевая операция длилась с 7 по 9 февраля, но успехом не увенчалась. Черногорцы понесли большие потери, поток раненых увеличился.

Для обеспечения успешного решения своих боевых задач черногорцы были вынуждены обратиться за помощью к сербской армии. Сербское правительство немедленно образовало отдельный Приморский корпус в составе 30 000 человек под командованием генерала Петара Бойовича. К нему же перешли действовавшие в районе Скадара черногорские подразделения[1637]. Именно к ним на помощь и были командированы русские санитарные отряды.

На следующий день после получения приказа русские лазареты в Скопье были свернуты, больные и раненые переведены в другие медицинские учреждения, необходимое имущество упаковано. Весь инвентарь Кауфманского отряда по желанию Е.М. Терещенко был передан сербским властям[1638]. С.К. Софотеров сообщил, что его отряд обеспечен всем необходимым для работы, так как он заблаговременно отправил на Передовой склад РОКК в Софию завхоза отряда Т.И. Тарасова и отдал распоряжение о закупке продуктов[1639].

Оценку деятельности лазаретов имени Москвы и Кауфманской общины на вновь присоединенных территориях дал начальник санитарной части действующей армии полковник Л. Генчич в письме на имя особоуполномоченного РОКК П.А. Тыртова. Он написал, что «обе больницы своей просвещенной, добросовестной и искренней работой оказали за короткое время в Скопье не только сербскому войску, но и горожанам очень большую услугу»[1640].

[1635] Там же. С. 128-132.

[1636] *Плеханов А.Е*. Россия и балканские войны: 1912-1913 гг. // История, философия, политология, юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. Ч. II. 2015. № 4 (54). С. 136-137.

[1637] *Искендеров П.А*. Указ. соч. С. 489.

[1638] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1521. Л. 35-36.

[1639] Там же. Д. 1473. Л. 9-9 об.

[1640] Там же. Л. 15.

24 февраля вместе с сербской армией Кауфманский этапный лазарет и лазарет имени города Москвы выехали к месту назначения. На следующий день они прибыли в Салоники, где им пришлось ждать окончания погрузки сербских войск на судна до 4 марта. Времени зря они не теряли: были докуплены продукты и медикаменты, которые не удалось достать ранее[1641].

4 марта 1913 г. Кауфманский лазарет вместе с московским отрядом и штабом сербской армии на греческом судне «Патрис» отправились в Медуа. Путешествие проходило в неблагоприятных погодных условиях, поэтому вместо четырех дней они шли две недели. Медуа достигли только 18 марта. Во время пути отряды оказывали помощь больным на эскадре. До 21 марта персоналу лазаретов пришлось оставаться на пароходе, так как ждали разгрузки военного снаряжения. Затем отряды и их имущество были спущены на берег, а поздно вечером один был направлен в Дураццо, а другой – в Алессио[1642].

Совместный штурм сербами и черногорцами Скутари был назначен на 10 апреля 1913 г.[1643]. К нему готовились не только воинские соединения, но и санитарные отряды. От первоначального намерения устройства русского лазарета около Алессио быстро отказались из-за отсутствия дорог, по которым можно было бы доставлять раненых с поля боя. Ожидавшийся транспорт с сербскими врачами и санитарными принадлежностями к назначенному времени не прибыл, поэтому отряды Кауфманской общины и города Москвы оказались единственными, кто мог бы оказать помощь сербскому корпусу при штурме Скутари. Сербским военным командованием были намечены необходимые перемещения и персоналу отрядов поручили устроить и обслуживать два перевязочных пункта при штурме Скутари: один – под Тарабошем, другой – под Барданьолем[1644].

Однако намеченный штурм так и не состоялся. Великие державы 28-29 марта 1913 г. потребовали от Сербии и Черногории снять осаду Скутари и вывести свои войска с албанских территорий[1645]. Сербия подчинилась, а Черногория, отказавшись от активных действий, перешла к осаде. 23 апреля командир гарнизона Эссад-паша предложил начать переговоры о капитуляции. Соответствующее соглашение, подписанное на следующий день, позволило турецкому гарнизону с оружием в руках и тем из жителей, кто этого пожелает, покинуть крепость. Черногорские войска вошли в город, где, несмотря на давление великих держав, находились до 9 мая 1913 г., когда король Никола был вынужден передать крепость под контроль союзников[1646].

[1641] Там же. Оп. 3. Д. 323. Л. 85 об.-86.

[1642] Там же. Д. 1085. Л. 76.

[1643] *Искендеров П.А*. Указ. соч. С. 489.

[1644] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 323. Л. 86.

[1645] *Искендеров П.А*. Указ. соч. С. 489.

[1646] Там же С. 494-495.

После отказа сербов участвовать в штурме Скутари, Кауфманский имени Е.М. Терещенко с семьей и московский санитарные отряды получили приказ вернуться в Медуа. Там отряд Кауфманской общины раскинул палатку и начал прием больных и раненых, нуждавшихся в перевязках. У многих воинов повязки не менялись неделями, особенно у тех, кто был в плену у турок. За 12 дней в Медуа было принято 649 человек, около 120 человек получили пожертвования в виде постельного белья и одеял.

В Черногории, с начала Балканской войны действовали лазареты Петербургской Елизаветинской и Харьковской общин. 18 февраля 1913 г. старшие врачи получили инструкции ГУ по поводу их возвращения через Триест и Одессу в Россию[1647]. Это решение основывалось на полученных ранее сведениях о прекращении потока раненых. Великая княгиня Милица Николаевна среагировала почти мгновенно и сообщила в ГУ, что «только что получила из Черногории срочную телеграмму: очень просят оставить отделение Русского Красного Креста еще на некоторое время, ввиду событий, ожидающихся на днях в Скутари»[1648].

В результате Елизаветинский и Харьковский этапные лазареты продолжали свою деятельность в Дульциньо. По сведениям на конец февраля 1913 г., в Елизаветинском и Харьковском этапных лазаретах находились на излечении 43 и 67 больных и раненных воинов соответственно. По донесениям старшего врача Елизаветинского лазарета 27 февраля около часа дня были получены сведения о приближении к Дульциньо турецкого крейсера «Гамидие», подвергшего бомбардировкам Дураццо и Медуа. По телеграфному распоряжению князя Мирко, все больные и раненые, кроме тяжелых, были эвакуированы в горы, так как здание лазарета было совершенно открыто с моря. Персонал Елизаветинского отряда остался в здании для оказания помощи тем, кто в этом нуждался. Тревога оказалась ложной: турецкий крейсер прошел мимо Дульциньо на расстоянии 10 км не выпуская снарядов. Вечером того же дня все раненые были возвращены в лазарет[1649].

7 марта 1913 г. старший врач Харьковского лазарета Ковенцов в еженедельном отчете в ГУ РОКК сообщил, что взял аванс из пожертвованных сумм на покупку одежды, так как «в большинстве случаев не в чем бывает выписывать из лазарета выздоровевших больных; часто бывали случаи выписывать больных в одних носках, без всякой обуви; благодаря же поступающим пожертвованиям всем нуждающимся по возможности оказывается помощь»[1650]. К этому моменту в лазарете было 40 раненых и 24 больных черногорских воина[1651].

[1647] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1487. Л. 198.

[1648] Там же. Л. 181.

[1649] Там же. Д. 1085. Л. 116 об.

[1650] Там же. Д. 1487. Л. 239.

[1651] Там же. Л. 239.

Русские медицинские учреждения были подготовлены к приему раненых из-под Скутари. По донесениям старших врачей, в марте стояла очень тёплая погода, поэтому были разбиты палатки, в которых, в случае необходимости, можно было принять дополнительное число раненых. 9 марта 1913 г. русские лазареты посетила черногорская королева Милена и её дочь принцесса Ксения. Каждый больной получил от них по золотой монете в 20 франков. Санитарам и остальному низшему персоналу они передали по 300 крон[1652].

К середине марта 1913 г. санитарная ситуация на Балканах постепенно стабилизировалась. После взятия 6 марта Янины, 13 (26) марта Адрианополя и снятия 23 апреля 1913 г. осады Скадара военные действия постепенно сворачивались, соответственно, прекращался и поток раненых.

В Черногории в Елисаветинском лазарете к 22 марта находилось 89 пациентов. Для увеличения числа мест пришлось развернуть палатку на 20 мест, а за неимением кроватей около 30 раненых пришлось разместить на полу, на матрасах. В Харьковском лазарете по состоянию на 28 марта находился 81 раненый. Большинство из них было доставлено из-под Скутари после штурма Тарабоша. Так как лазарет был рассчитан на 100 человек, то недостаток в оборудовании не ощущался.

В марте самая сложная обстановка из-за большого количества раненых была в Болгарии. В связи с осадой и падением Адрианополя, количество раненых во всех лечебных учреждениях значительно превышало положенное по штату число кроватей.

Например, в Георгиевском госпитале в Филиппополе после февральского затишья[1653] в первых числах марта началось усиленное поступление раненых. По настоятельной просьбе инспектора-лекаря всех лозенградских лечебных заведений доктора Джамджиева число мест в Георгиевском госпитале было увеличено до 362 кроватей. Часть из них пришлось поставить в проходах. В течение первой недели прибыло 85 раненых, эвакуированных из Черлу, где очищали госпитали под Чаталджей. На второй неделе движение усилилось: раненые поступали из-под Чаталджи и небольшие партии из-под Адрианополя.

Движение больных и раненых в Георгиевском госпитале в марте (с 1 по 22 включительно) выглядело следующим образом: к 1 марта в госпитале было 126 больных и раненых, прибыло – 573. Эвакуировано и перевезено в санитарную станцию – 281. Выздоровело 30, умерло 9. Таким образом, к утру 23 марта в госпитале находилось 360 человек. Все были ранеными, кроме восьми инфекционных больных. Ежедневно проводилось до 200 перевязок. При этом надо учесть, что в

[1652] Там же. Д. 1085. Л. 196 об.

[1653] В феврале было принято 84 человека (выписалось 60). Всего было сделано 2420 перевязок и 8 операций. // Там же. Д. 1085. Л. 195 об.

Георгиевский госпиталь направлялись только тяжелораненые. Легкораненые и раненые средней тяжести направлялись в болгарские этапные больницы, которых в Лозенграде было четыре[1654].

Свято-Троицкий лазарет после штурма Адрианополя был заполнен максимально. В нем было 110 раненых, среди которых были тяжелые. В Александровском лазарете в Любимце находилось 55 пациентов, в Московском лазарете в Дедеагаче – 101[1655].

Вследствие инициативы ГУ РОКК, предварительно не несогласованной с болгарскими военно-санитарными властями, Кишиневскому Гербовецкому лазарету пришлось в конце марта досрочно покинуть Болгарию. Дело в том, что при первых же известиях о падении Адрианополя ГУ передало срочное распоряжение П.А. Тыртову о переводе туда Георгиевского госпиталя из Филиппополя и Кишиневского Гербовецкого лазарета из Софии и разрешило принять все меры, какие он признает необходимыми, к обеспечению Адрианополя возможно более полной помощью русских отрядов[1656]. Соответствующие приказы были отданы и старшим врачам отрядов. Поспешное решение ГУ, пусть и продиктованное лучшими побуждениями, не привело к желаемому результату по не зависящим от русского персонала причинам.

Приступив к исполнению этого распоряжения, Георгиевский госпиталь столкнулся с серьезной проблемой: «некуда было сдать раненых…, так как во всех лечебных заведениях Лозенграда был к этому времени максимально полный комплект…; кроме того, выяснилось, что в видах предупреждения в сдавшемся городе эпидемий, болгарское санитарное ведомство решило произвести дезинфекцию Адрианополя»[1657] и закрыло город на две недели[1658]. Кроме того, все более-менее подходящие для лечебных учреждений помещения в Адрианополе были заняты[1659].

Вследствие тех же обстоятельств туда не был переведен и Кишиневский Гербовецкий лазарет имени города Санкт-Петербурга. По распоряжению П.А. Тыртова он был спешно свернут и покинул болгарскую столицу, отправившись к месту назначения, но вскоре был вынужден вернуться. К этому времени его помещение уже было занято болгарским госпиталем, поэтому Гербовецкому лазарету пришлось отправиться в Россию[1660]. Одновременно с ним в конце марта 1913 г. Болгарию покинул персонал летучего отряда А.В. Бритнева.

[1654] Там же. Л. 192-193 об.

[1655] Там же. Л. 194 об., 196.

[1656] Там же. Л. 193 об.

[1657] ЦГИА СПб. Ф. 403. Оп. 1. Д. 214. Л. 23.

[1658] РГВИА. Там же. Л. 194.

[1659] Там же. Л. 193 об.

[1660] РГВИА. Там же. Л. 194.

Тем не менее Георгиевскому госпиталю удалось внести существенный вклад в помощь больным и раненным воинам, сражавшимся под Адрианополем. Старшая сестра А.В. Романова в письме настоятельнице Георгиевской общины сестёр милосердия баронессе В.Е. Врангель от 18 марта [1913] г. отмечала, что «… весь февраль прошел довольно скучно. Работа была минимальная …, [но] вот уже неделя как наш госпиталь заработал, а сейчас у нас 320 человек и завтра рассчитываем принять еще 40, которых нам доставляют из-под Чаталджи. Мы увеличились на 360, находим, что могут вместить наши здания и обслуживать персонал, оставаясь все-таки госпиталем, а не этапным пунктом. Большинство тяжело раненых, которых специально доставляют к нам, считая нас лучшим госпиталем в Лозенграде, а всех попадающихся более легких, мы сейчас передаем дальше. 8 марта прибыла в Лозенград царица и 9-го начала объезд госпиталей с нас… Кажется, общее впечатление о госпитале было вполне благополучное…»[1661].

Во время визита в Георгиевский госпиталь 13 марта царица Элеонора привезла на своей машине двух раненых офицеров. А.В. Романова свидетельствовала, что она «была чрезвычайно утомлена, а главное, удручена виденной картиной в Хевсу, [где находится болгарский] этапный лазарет между Ординым и нами, где было большое скопление раненых и полный недостаток помощи»[1662]. Как позже отметил врач С.А. Новотельнов, царица Элеонора «видела всю обстановку, всю неподготовленность болгарских перевязочных пунктов и просила кого-нибудь из [русских] врачей поехать в ближайшей из них, в Хавсу, чтобы помочь болгарским врачам с перевязками»[1663]. На 600 раненых их было всего три[1664].

С.А. Новотельнов выразил готовность выехать туда немедленно. С ним были командированы сёстры А. Тауц и А. Северина, а также санитар Борцов с необходимыми материалами. Царица приняла это предложение с благодарностью и на следующий день прислала за ними свой автомобиль[1665]. Русскому персоналу отвели комнату в одном из болгарских лазаретов. С.А. Новотельнов «прошелся по Хавсе, чтобы посмотреть раненых и болгарский перевязочный пункт. Во всех домах, без стекол, без дверей, разрушенных и полуразрушенных, везде, где можно было поместить раненых, они лежали прямо на полу, подстилкой им служила лишь солома да соломенная труха, под головой – ничего…»[1666]. С.А. Новотельнов свидетельствовал, что «… стонали, кажется, лишь те, кто был без сознания… когда я проходил из палатки в палатку,

---

[1661] ЦГИА СПб. Ф. 403. Оп. 1. Д. 319. Л. 5-6.

[1662] Там же. Л. 6.

[1663] Там же. Д. 214. Л. 22.

[1664] Там же.

[1665] Там же.

[1666] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1089. Л. 247.

тяжелораненые обращались ко мне, как к русскому доктору, чтобы я помог им чем только могу, что они из-под Одрина еще вчера, а некоторые из них ранены еще 12-го, а им не подали никакой помощи, даже не перевязали»[1667]. Таким образом, помощь русского персонала пришлась как нельзя кстати. За два дня ему удалось обслужить 214 человек, сделав необходимые манипуляции и перевязки[1668].

На освобожденных территориях русские санитарные отряды столкнулись не только с медицинскими проблемами. 15 марта 1913 г. «Русское слово» поместило сообщение главноуполномоченного московского санитарного отряда доктора К.А. Хирнова, находившегося в Западной Фракии. Старший врач русского отряда сообщил в городскую управу, кроме информации о пациентах (115 раненых и 306 человек «с отмороженными конечностями»), несколько слов о гуманитарной ситуации в городе: «Здешнее население состоит исключительно из греков, турки все бежали, бросив на произвол судьбы женщин и детей. Ежедневно вереница турчанок [стоит] с утра у дверей нашей кухни, ожидая остатки пищи от раненых. К 12 часам, когда всё съестное разобрано, несколько робких, бессловесных фигур в покрывалах еще долго стоят у дверей, так как всех удовлетворить нет никакой возможности…»[1669].

Начиная с конца марта, в виду открывшегося железнодорожного сообщения через Адрианополь, в русские госпитали перестали поступать раненые. Работа русского санитарного транспорта была свернута, а 24 марта 1913 г. всё его имущество, включая двуколки, были переданы болгарской армии как дар РОКК[1670]. 25 марта персонал санитарного транспорта выехал в Софию. Накануне его отъезда в штабе 3-й армии состоялись проводы, носившие чрезвычайно торжественный характер. Временный командующий 3-й армией генерал Христоф произнес прочувствованную речь об отношении России к болгарской войне, затем говорил о деятельности РОКК в Болгарии, благодарил персонал за самоотверженную работу и наградил старшего врача Свитальского и студента Лосинского знаками военного ордена «За храбрость» IV степени[1671]. Болгарские военные награды получили и другие члены санитарного отряда, обслуживавшие санитарный транспорт.

Раненные сербские воины из-под Адрианополя эвакуировались внутрь Сербии. Поэтому и в Иверском госпитале в Белграде количество раненых в марте увеличилось. По состоянию на 22 марта в нём находилось 181 человек больных и раненых[1672].

[1667] Там же. Л. 247 об.

[1668] ЦГИА СПб. Ф. 403. Оп. 1. Д. 214. Л. 22.

[1669] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1479. Л. 177.

[1670] Там же. Д. 1085. Л. 93 об.

[1671] Там же. Д. 1473. Л. 96.

[1672] Там же. Д. 1490. Л. 113.

16 марта 1913 г. по просьбе начальника сербского военно-санитарного управления врачи Николай Иванович Севриков и Михаил Петрович Манчтет были командированы во 2-ю белградскую резервную больницу[1673] и стали совмещать работу в двух лечебных учреждениях. В начале апреля 1913 г. персонал госпиталя принял участие в эвакуации раненных и больных сербских воинов из Черногории.

После эвакуации сербских войск из-под Скутари на побережье осталось 860 больных и раненных сербских воинов. Оказание им помощи и доставка в Сербию оказались для сербского правительства непосильной задачей, и оно обратилось за помощью к России.

30 марта (12 апреля) 1913 г. МИД получил телеграмму из Белграда от посланника Н.Г. Гартвига с изложением просьбы сербского премьер-министра Н. Пашича об отправке большого парохода Русского Добровольного флота в Дураццо для перевозки около 1 000 раненных и больных сербских воинов из-под Скутари в Салоники, где им будет оказана надлежащая помощь. На подлиннике документа была поставлена резолюция императора Николая II: «было бы хорошо помочь». 4 апреля 1913 г. в МИД поступили телеграммы П.А. Тыртова и Н.Г. Гартвига по этому поводу. В первой сообщалось о возможности сопровождения сербских воинов двумя нашими отрядами, находящимися в тот момент в Дураццо, и о необходимости «заготовить на пароходе… койки с матрасами, подушками, бельём для всего числа раненых». Во второй телеграмме обращалось внимание на острую потребность в бельё для раненых[1674].

Министр иностранных дел обратился с просьбой о содействии к председателю ГУ РОКК А.А. Ильину и в Комитет Добровольческого флота. К документу было приложено ходатайство сербского правительства от 30 марта 1913 г.

5 апреля 1913 г. А.А. Ильин сообщил министру С.Д. Сазонову, что Красный Крест готов принять на себя организацию врачебно-санитарной помощи раненным сербским воинам и обеспечение их медикаментами, бельём, перевязочными материалами и продуктами во время пути. Однако другие расходы, кроме содержания персонала отрядов Красного Креста, он принять не готов. МИД в тот же день обратился по этому поводу к председателю Совета министров В.Н. Коковцеву, отметив в письме, что «по общеполитическим соображениям помощь России в осуществлении означенной человеколюбивой меры представлялась бы крайне желательною»[1675].

Для решения поставленной задачи было созвано особое совещание, на котором присутствовали представитель РОКК, заведующий мобилизационным отделением А.А. Леман, представители МИД, торгового, военного и морского министерств. Представитель

[1673] Там же. Д. 1083. Л. 196.

[1674] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3758. Л. 28, 30.

[1675] Там же. Л. 33, 34 об.

Добровольного флота проинформировал, что в Одессе находятся пароходы «Херсон» и «Петербург», вместимостью 1 500 мест каждый, но без специального оборудования для перевозки раненых. Выбор участников совещания пал на «Петербург». Подготовку судна к перевозке раненых взяло на себя РОКК. Все расходы были отнесены на счёт Государственного казначейства[1676]. Руководить отправкой в Салоники сербских раненых было поручено уполномоченному РОКК, сенатору Борису Евгеньевичу Иваницкому.

Через своего посла в Лондоне российский МИД обратился к английскому правительству с просьбой о беспрепятственном пропуске судна в Салоники. Главному складу РОКК было дано указание срочно доставить пассажирским поездом в Одессу 1 000 комплектов белья, перевязочного материала, сушеных овощей к отправлению парохода, назначенному на 7 апреля. Медицинскую помощь сербским раненым было решено поручить находившимся в Сербии и Черногории российским санитарным отрядам[1677]. Как мы уже упоминали, Кауфманский отряд имени Е.М. Терещенко с семьей и отряд имени города Москвы в этот момент находились в Медуа в ожидании эвакуации в Россию, а Елисаветинский и Харьковский – в Дураццо. Больных и раненных сербских воинов принимал также Иверский госпиталь в Белграде.

9 (22) апреля 1913 г. сербское правительство через Н.Г. Гартвига передало искреннюю благодарность за отправку транспорта для больных и раненых сербов и пообещало самое широкое содействие Б.Е. Иваницкому[1678].

17 апреля 1913 г. в порт Джиованни-ди-Медуа[1679] пришел пароход «Петербург». Об этом событии С.К. Софотеров писал в отчете: «Нужно было пережить все тяготы жизни в обстановке блокирующего порта и испытать все невзгоды походной жизни, чтобы понять ту радость, которая была испытана всеми членами отряда при известии о приходе русского госпитального судна»[1680]. На яхте черногорского короля из Дураццо прибыли два русских санитарных отряда, работавшие в Черногории.

18 и 19 апреля проходила погрузка раненых и персонала русских отрядов со всем имуществом. При этом оказалось, что кроме раненых, в медицинской помощи нуждаются 250 больных сыпным тифом. Сербские власти попросили взять на борт и их. Эту просьбу поддержал командующий союзной блокадной эскадрой вице-адмирал Дерней. Б.Е. Иваницкий дал разрешение. Всего госпитальное судно приняло 850 человек. 19 апреля 1913 г. «Петербург» снялся с якоря. Больных и раненых распределили на пароходе следующим образом: носовое

[1676] Там же. Л. 39.

[1677] Там же. Л. 64-65.

[1678] Там же. Д. 531. Л. 131.

[1679] Албанские названия – Медова, Шенгини.

[1680] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 323. Л. 86 об.

отделение заняли пациенты с общими болезнями (200 человек). Их обслуживал отряд Кауфманской общины имени Е.М. Терещенко с семьей. Часть кормовых помещений отдали тем, чей характер болезни не был определен. Здесь распоряжались сербский врач и отряд Елизаветинской общины. Еще одно отделение поручили отряду имени Москвы. Харьковский отряд осуществлял общий санитарный надзор и снабжение всем необходимым больных сыпного отделения. Потери в пути составили 15 человек.

В ведение Кауфманского отряда поступило 200 человек, из которых 95 были ранены, остальные поправлялись после тяжелых заболеваний – тифа, воспаления легких, почек и т.д. Члены отряда делали ежедневные перевязки, усиленно работала аптека, обслуживая не только свое отделение[1681].

Переезд в Салоники длился с 19 по 23 апреля 1913 г.[1682]. В порту больных и раненых встретил небольшой отряд, командированный Иверским госпиталем (старший врач А.Х. Бабасинов, две сестры милосердия и четыре санитара) с запасом перевязочных материалов и медикаментов[1683]. 23 и 24 апреля в санитарных поездах, следовавших в Белград, был размещен 851 человек[1684]. В задачу Иверского отряда входило их медицинское сопровождение[1685]. Согласно воле семьи Е.М. Терещенко, всё имущество Кауфманского лазарета вновь было передано представителям сербских властей[1686].

27 апреля 1913 г. «Петербург» взял курс на Одессу, куда прибыл 1 мая 1913 г. вместе с санитарными отрядами Кауфманской, Харьковской, Елизаветинской общин сестёр милосердия РОКК и имени Москвы.

Судьба остальных русских санитарных отрядов была решена в начале апреля 1913 г., когда стало понятно, что военные действия не возобновятся. Все они получили распоряжение ГУ о возвращении в Россию. По мере ликвидации отрядов свертывал свою деятельность и Передовой склад в Софии: имущество упаковывалось и отправлялось через Одессу на Главный склад РОКК.

Касперовский этапный лазарет в Пирее, в связи с сокращением потока раненых был расформирован и 4 апреля покинул Грецию[1687].

[1681] Там же. Л. 87.

[1682] Там же. Оп. 1. Д. 1473. Л. 122-123, 138.

[1683] Отчет о деятельности Иверской общины сестёр милосердия Российского Общества Красного Креста за 1913 год. – М., 1914. С. 27.

[1684] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 323. Л. 86 об.

[1685] Отчет о деятельности Иверской общины сестёр милосердия … С. 27.

[1686] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 323. Л. 87.

[1687] Там же. Оп. 1. Д. 1085. Л. 197.

8 апреля 1913 г. Александровский лазарет в Мустафа-Паша получил телеграмму П.А. Тыртова о демобилизации. Упаковка имущества началась немедленно. Свертывание лазарета заняло восемь дней. 10 апреля на специальном санитарном поезде из лазарета были вывезены последние тяжелораненые (девять человек). 16 апреля отряд отбыл в Софию и передал имущество на Передовой склад. 25 апреля персонал Александровского отряда вернулся в Петербург. За время своей работы он принял 407 больных, в основном тяжелораненых. Из них было 327 болгар (18 офицеров и 309 нижних чинов), 75 сербов (один офицер), один турок, два гражданских, два санитара Александровского отряда, заболевшие тифом. Было сделано свыше 4 000 перевязок[1688].

11 апреля 1913 г. поступило распоряжение особоуполномоченного П.А. Тыртова приступить к ликвидации Георгиевского госпиталя в Лозенграде. В тот же день начали готовиться к отправке. В этот момент в госпитале находилось на лечении 64 человека, из которых 58 было невозможно эвакуировать. Их перевели во II этапную болгарскую больницу, а шесть человек выписали. 17 апреля был отслужен благодарственный молебен, а госпиталь был закрыт[1689]. Георгиевский госпиталь функционировал со 2 ноября 1912 г. по 17 апреля 1913 г. включительно. Общее число поступивших в лечебное учреждение – 1 351 человек, из них 1 017 раненых. Из госпиталя было эвакуировано 1 053 пациента, выписано – 227, умерло – 77 (5,6 %)[1690].

В сводном отчете ГУ РОКК «О деятельности лечебных учреждений Красного Креста на Балканском полуострове. 1912-1913 гг.» указывалось, что несмотря на то, что специально устроенного амбулаторного приема при госпитале не было, приходящим больным в помощи не отказывали. Таких визитов за время пребывания отряда Георгиевской общины в Лозенграде было около 1 000[1691], было выдано 8 268 рецептов[1692].

По окончании упаковки имущества, все оставшиеся запасы провизии Георгиевского госпиталя были по особой описи сданы заведующему расходным болгарским магазином в Лозенграде полковнику Белову, обоз был возвращен полностью начальнику транспортного депо в Лозенграде полковнику Димитриеву, а здания со всеми пристройками – коменданту города. Накануне отъезда началась погрузка имущества в товарные вагоны, а 24 апреля, в 10 часов утра, провожаемый представителями властей города во главе с комендантом генералом Петровым, отряд отбыл в Софию[1693]. В Рущук члены отряда приехали только 2 мая поздно вечером, так как

[1688] Там же. Д. 1493. Л. 15 об.-16.

[1689] ЦГИА СПб. Ф. 403. Оп. 1. Д. 214. Л. 23.

[1690] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1493. Л. 144.

[1691] Там же. Л. 145.

[1692] ЦГИА СПб. Ф. 403. Оп. 1. Д. 214. Л. 24.

[1693] Там же. Л. 183.

по всему пути следования (Адрианополь, София, Плевна) их ждали торжественные встречи, приемы и экскурсии.

3 мая в 16 часов Георгиевский отряд отбыл на австрийском судне в направлении Галаца. Дальнейшее путешествие продолжилось на пароходе «Русь». В Одессе персонал был 5 мая и в тот же день вечером поездом выехал в Петербург. 11 мая 1913 г. на железнодорожном вокзале их встретили попечительница графиня М.Ф. Шереметева и чины общины[1694].

Последним вернулся в Россию Иверский госпиталь из Белграда. Он завершил свою работу 23 апреля 1913 г.[1695]. Оставшихся пациентов передали в сербские госпитали на долечивание. В день отъезда, 29 апреля, в честь отряда у российского посланника состоялся завтрак. Н.Г. Гартвиг поблагодарил отряд, поддержавший честь русского имени в Сербии. На проводы персонала госпиталя на вокзале собрались русская миссия и колония, председатель совета министров Сербии, представители города, белградские доктора и масса публики. Поезд тронулся под пение русского гимна и крики «ура» и «живео»[1696]. 11 мая персонал госпиталя встречали в Москве.

За время работы Иверского госпиталя была оказана помощь 841 раненным и больным воинам. На 590 раненых приходилось 685 ранений. Острые инфекции наблюдались у 31 пациента. Было сделано 284 операции, перевязок – 12 766[1697]. В представлении к награде, поданном императрице Марии Федоровне 20 октября 1913 г., о старшем враче А.Х. Бабасинове было сказано следующее: «С отличным успехом выполнил возложенную на него ответственную задачу и содействовал той отличной репутации, которую стяжал госпиталь за пределами нашего отечества»[1698].

В телеграмме посланника в Софии А.В. Неклюдова от 6 мая 1913 г. говорилось, что «на днях закончили свою деятельность и выехали в Россию последние отряды Красного Креста, а завтра выезжает и особоуполномоченный камергер П.А. Тыртов» [1699]. 16 (29) мая 1913 г. российские газеты сообщили о его возвращении в Петербург[1700].

В мае в московской и петербургской городских думах прошли заседания ликвидационных комиссий.

В Москве 29 мая 1913 г. состоялось объединенное заседание славянской комиссии и Дамского комитета. В итоговом докладе было отмечено, что с начала Балканской войны в их распоряжение поступило свыше 233 000 руб. пожертвований, которые были израсходованы на врачебно-

---

[1694] Там же. Л. 186.

[1695] 11 мая 1913 г. вернулись в Москву.

[1696] Голос Москвы. 1913. 1 мая. С. 3.

[1697] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 323. Л. 79.

[1698] Там же. Оп. 1. Д. 1083. Л. 57.

[1699] Там же. Д. 1479. Л. 208.

[1700] Санкт-Петербургские ведомости. 1913. 16 (29) мая. С. 4.

санитарную помощь славянским государствам и Греции. В заседании были заслушаны краткие отчеты врачей, всему персоналу была объявлена благодарность. Была также отмечена деятельность А.П. Гартвиг по оказанию помощи сербскому отряду и С.В. Пучкова как инициатора городских врачебно-санитарных отрядов[1701]. Деятельность московского городского управления по организации помощи раненным воинам союзных балканских армий была прекращена[1702].

Оценивая деятельность ГУ РОКК в период Первой Балканской войны, лейб-медик, профессор Военно-медицинской академии Н.А. Вильяминов отметил, что «… на этот раз, как мы это все хорошо знаем, русский Красный Крест действовал особенно удачно, как в смысле быстроты отправления отрядов, так и их организации, во всяком случае, он, несомненно, действовал шире, чем крастнокрестные отряды других европейских держав»[1703].

На общем собрании членов РОКК 26 мая 1913 г. были приведены следующие цифры: на формирование и содержание лечебных учреждений на балканском театре войны (в Болгарии, Греции, Сербии, Турции и Черногории) было истрачено 859 037. 63 руб.[1704], из них было получено в виде пожертвований от частных лиц и учреждений – 284 161. 41 руб.[1705] Это, несомненно, говорит о поддержке гуманитарной деятельности РОКК на Балканах российским населением.

Возможностей для подданных Империи доказать делом свое отношение к переживаемым событиям было несколько. Можно было принять участие в систематических церковных тарелочных сборах в пользу Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества и РОКК или сдать средства или материальные пожертвования непосредственно в РОКК, местные отделения которых, как правило, возглавляли супруги местных высших гражданских или военных чиновников.

Состоятельные граждане организовывали многочисленные комитеты по сбору целевых средств, проводили различные акции. Разрешение на проведение любых публичных мероприятий давали местные власти, что позволяло регулировать уровень общественной активности и направлять ее в определенное русло.

Следует отметить массовое участие населения в сборе средств в пользу балканских славян и греков, которым оно, несомненно, сочувствовало. Это явление отметил сербский посланник Д. Попович, свидетельствовавший в своих воспоминаниях, что «в России многие лица и

[1701] Московские ведомости. 1913. 30 мая. С. 4.

[1702] ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Л. 37.

[1703] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1085. Л. 242 об.

[1704] Там же. Оп. 3. Д. 323. Л. 46 об.

[1705] Там же.

организации приносили пожертвования деньгами и вещами как помощь раненым, осиротевшим семьям»[1706]. Он даже предложил премьер-министру Н. Пашичу в письме от 4 (17) ноября 1912 г., чтобы сербы не собирали пожертвования, а предоставили это русским[1707].

К концу ноября-началу декабря 1912 г. сборы в пользу пострадавших от военных действий славян стали повсеместными. Они прошли в Севастополе (4 000 руб.), Симферополе (5 000 руб.), Томске (3 000 руб.)[1708], Минске (6 000 руб.)[1709], Орехово-Зуево (1 100 руб.), Батуми (1 000 руб.).

Организуемые акции были самыми разнообразными. Так, Общество тульских врачей 3 декабря 1912 г. организовало продажу газеты «Славянский день». Вырученные средства пошли на покупку медикаментов и перевязочных средств[1710].

Как только появилась перспектива окончания войны, Св. Синод постановил открыть сбор деньгами и церковной утварью для оказания помощи разоренным православным церквам в селениях, освобожденных от турецкого владычества. Заведование сбором было поручено Хозяйственному управлению Св. Синода[1711].

Российское общество оказывало также помощь на вновь присоединенных территориях. Например, оно откликнулась на призыв о помощи жителей экзархистского славянского села Экши-су, разрушенного турками после нанесенного им поражения у Баницы – Сорович. В марте 1913 г. Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество направило на имя консула А.М. Петряева 1 500 франков «для помощи пострадавшим от турецких зверств жителям села Экши-су»[1712]. Консул Н.В. Кохманский в мае лично передал болгарам эти средства[1713].

Новый всплеск активности широких слоев населения был обусловлен победой славян под Адрианополем. 22 апреля 1913 г. в Москве в Малом зале консерватории состоялся благотворительный спектакль в пользу семей славянских воинов, павших под Адрианополем[1714].

При этом следует отметить, что энтузиазм российского общества касался, в основном, христианского населения Балкан. Мусульманское население на завоеванных территориях оказалось в сложном положении. На них не распространялись благотворительные и

[1706] *Попович Д*. Балкански ратови. 1912-1913. - Београд, 1993. С. 151.

[1707] Там же.

[1708] Московские ведомости. 1912. 1 декабря 1912. С. 3.

[1709] Там же. 5 декабря. С. 3.

[1710] Там же.

[1711] Новое время. 1913. 11 (24) февраля. С. 2.

[1712] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1391. О помощи славянам, пострадавшим от турецких зверств в Македонии и Старой Сербии. 1912-1914. С. 220.

[1713] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2706. Судьба Македонии после Балканских войн. Л. 32 об.

[1714] Земщина. 1913. 22 апреля. С. 3.

гуманитарные акции российского правительства, общественных организаций и частных лиц. Основываясь на донесениях с мест, свидетельствующих о тяжелом положении мусульман, МИД адресовал в ГУ РОКК ходатайство «об ассигновании в распоряжение императорских российских консулов в Македонии денежных средств для выдачи пособий наиболее бедному населению, впавшему в крайнюю нужду вследствие событий последнего времени»[1715]. После обсуждения этого вопроса на одном из заседаний ГУ А.А. Чаманский 8 января 1913 г. сообщил в МИД о невозможности выделить какие-либо суммы на эти цели «ввиду неимения в распоряжении сего Управления соответствующих сей цели кредитов»[1716]. Кроме того, он сообщил, что лично переговорил на эту тему с деятелями Славянского благотворительного общества и Общества славянской взаимности и выяснил, что «ввиду того обстоятельства, что оказание помощи предположено главным образом мусульманскому населению, отпускать каких бы то ни было денежных средств этими Обществами представляется невозможным»[1717].

Однако, желая «прийти на помощь в деле изыскания средств для выдачи пособий беднейшему населению Македонии, ГУ обратилось к Таврическому губернатору с просьбой предложить мусульманскому населению вверенной ему губернии отпустить из собранных для Общества Красного Полумесяца денежных средств некоторые суммы в распоряжение наших дипломатических представителей в Македонии. Если министерством иностранных дел будет признано желательным, то с подобного рода просьбой ГУ готово обратиться и к туркестанскому генерал-губернатору, а также оренбургскому и уфимскому губернаторам, в губерниях которых проживает значительное количество мусульман»[1718]. По-видимому, эта инициатива не имела продолжения, так как в дополнение к этому письму спустя несколько дней А.А. Чаманский прислал копию телеграммы таврического губернатора графа П.Н. Апраксина от 12 января 1913 г.: «рассчитывать на успех трудно. Комитет сбору пожертвований прекратил деятельность [в] ноябре. Симферопольские татары отказались»[1719].

Следует также отметить, что энтузиазм российского общества по сбору средств касался только Первой Балканской войны. И, конечно, без такой повсеместной поддержки была бы невозможна деятельность многочисленных общественных организаций.

[1715] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1479. Л. 136.

[1716] Там же.

[1717] Там же.

[1718] Там же.

[1719] Там же. Л. 137-138.

§ 6. Деятельность славянских и других общественных организаций по оказанию гуманитарной помощи армии и пострадавшему от войны балканскому населению в период Первой Балканской войны

В преддверии военных действий на Балканах в России начали возникать различные славянские общества (Московский славянский комитет, Кружок славянских деятелей, Общество славянского единения и прочие), а уже имеющиеся усилили свою активность. Масштабы деятельности каждого из них были неравнозначными. Большинство ставило своей задачей поддерживать освободительную борьбу православных славянских народов и греков, а также способствовать распространению в российском обществе знаний о текущих событиях на Балканах и славянском движении.

К числу наиболее активных следует причислить Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество, Общество славянской взаимности, Московский славянский комитет.

Как показали дальнейшие события, основная часть энергии большинства славянских организаций ушла на организацию славянских банкетов и лекций по балканским вопросам, в частности, о текущих событиях, а также выпуск брошюр соответствующего содержания. По свидетельству активного участника одной из славянских организаций Петербурга Душана Семиза, самой удобной формой привлечения общественного внимания были лекции по различным актуальным вопросам. Он отметил, что в этом случае такие газеты как «Новое время» и «Речь» обязательно размещали материал о самом выступлении и последующих дискуссиях[1720].

Однако сбор сколько-нибудь значительных денежных средств и вещевых пожертвований для оказания практической помощи большинству из них оказался не по силам. Тем не менее, тесно взаимодействуя со средствами массовой информации, славянские организации были способны формировать и подогревать общественное мнение, постоянно держать в фокусе балканские проблемы.

Подогревали интерес к теме и специальные эмиссары из Болгарии и Сербии, целью которых было заручиться поддержкой по широкому кругу вопросов (важнейшим из которых были «справедливые» территориальные претензии) не только официальной России, но и либерального общественного мнения. Как правило, это были бывшие высшие чиновники или представители националистически настроенной интеллигенции. Их трибуной стала газета «Новое время»[1721].

[1720] *Semiz D*. Pred zoru velikih dana // Nova Evropa. 1928. № 10-11. S. 341.

[1721] *Илюхин* М.И. «Особая позиция» П.Н. Милюкова по вопросам внешней политики в период Балканских войн 1912-1913 гг. // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Выпуск 2. – Брянск: Издательство Брянского государственного педагогического университета, 2000. С. 106.

11 октября 1912 г. на квартире известного общественного деятеля М.М. Ковалевского состоялось совещание кружка лиц, интересующихся славянским вопросом, в котором приняли участие академики и профессора В.И. Вернадский, А.А. Шахматов, В.М. Бехтерев, П.Н. Милюков, И.В. Ястребов, Р. Кошутич и др. Присутствовало и несколько сенаторов, А.Н. Брянчанинов, слависты – профессор В.И. Ламанский, П.А. Ровинский, П.А. Лавров. Из обмена мнениями выяснилось наличие двух течений. Приверженцы первого выступали за сдержанное отношение к вопросу и проведение резкой границы между «прогрессивными элементами общества» и националистически настроенными элементами. Второе выступало за объединение всех партий на почве активной поддержки освободительной борьбы балканских народов[1722].

Как мы увидим, попытки консолидации славянских организаций предпринимались и впоследствии, но оказывались либо недолговременными, либо безуспешными из-за идеологических разногласий и соперничества за лидирующие позиции.

Разобраться в деятельности каждой из славянских организаций оказалось нелегко из-за отсутствия или недостатка архивных источников. Основная информация о них содержится в периодической печати того времени и, как правило, требует дополнительной проверки. Тем не менее, чтобы оценить масштабы и результаты практической деятельности каждой из них, ниже будут представлены сводные данные о некоторых организациях, чаще всего упоминавшихся в периодике 1912-1913 гг.

Рассмотрение практической деятельности некоторых общественных организаций начнем с Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества, которое одним из первых откликнулось на балканские события.

§ 6.1. Деятельность Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества

29 апреля 1912 г. после одобрения кандидатуры министром внутренних дел в должность председателя Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества вступил генерал от инфантерии П.Д. Паренсов, сменив на этом посту сенатора А.А. Нарышкина. П.Д. Паренсов был соратником генерала М.Д. Скобелева, участником русско-турецкой войны 1877-1878 гг., первым военным министром Болгарии и прекрасно разбирался в балканских вопросах[1723].

Свои взгляды на развитие событий на Балканах и связанную с этим деятельность Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества новый глава организации изложил 29 мая 1912 г. на общем собрании ее членов. В своей вступительной речи П.Д. Паренсов отметил, что «Балканский полуостров уже много лет подряд находится в атмосфере грозовой, причем это

[1722] Московские ведомости. 1912. 10 (23) октября. С. 3.

[1723] *Кострикова Е.Г.* Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. 1908-1914. – М.: Институт российской истории, 2007. С. 231.

грозовое напряжение усиливается…»[1724], и сделал предположение, что в ближайшее время там вспыхнет пожар, и никто не может предугадать его размер и длительность[1725].

Затем новый председатель обратил внимание собравшихся на то, что название общества носит двухчленный титул – «славянское» и «благотворительное», причем главным словом, по его мнению, является именно первое, что и определяет основное направление деятельности организации. Далее П.Д. Паренсов заявил: «мы, прежде всего, славяне, и если это так, то ничто, совершающееся в славянстве, нам не чуждо. Второй член нашего титула, “благотворительность”, есть только слово, выражающее мысль: творить благо славянству не может ограничиваться только благотворительностью в прямом и узком понимании этого слова. Мы и в мирное время не заключаемся в тесные рамки: выдача пособий на обучение славянской молодежи, пенсии, выдачи денег бедным славянам, чтобы не голодали, выдачи денег славянской молодежи, кончившей у нас курс или не кончившей и возвращающейся домой и т.д. Мы поддерживаем церкви и школы в зарубежных славянских землях… Мы поддерживаем веру православную, то есть ту, которую исповедует вся православная Россия, и это выражает собою первую и главную поддержку связи славян с Россией. Поддерживая школы, мы не задаемся мыслию только насаждать грамотность среди славянского юношества…[1726], мы даем им средство изучать науки… Вообще “благотворительность” в нашем деле должна выражать в творчестве всего того, что может служить на благо всего славянства нашему русскому благу не противоречащему и на сближение его с нами»[1727]. Затем П.Д. Паренсов сказал, что «творение блага должно быть расширено в тяжкие и грозные для славянства дни». При этом он отметил, что общество не собирается формировать дружины и посылать оружие, но и ограничиваться одними благими пожеланиями оно тоже не может[1728]. Таким образом, председатель сформулировал текущие задачи и предложил собравшимся готовиться к любому развитию событий. Примечательно, что по мнению П.Д. Паренсова, «быть готовым – значит обладать средствами, прежде всего, денежными»[1729].

В этой связи Совет Общества попросил у собрания разрешения использовать 10 000 руб. из запасного капитала, причем было отмечено, что «в действиях наших мы будем всегда ставить на

[1724] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 3. Д. 72. Л. 142 об.

[1725] Там же. Л. 144.

[1726] Там же. Л. 145.

[1727] Там же. Л. 145 об.

[1728] Там же. Л. 145 об.-146.

[1729] Там же. Л. 146.

первое место соблюдение достоинства славянской России и господствование русских и национальных интересов»[1730]. Разрешение было получено.

Положение дел на Балканском полуострове обсуждалось и на других заседаниях Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества. До начала военных действий к этой теме члены организации возвращались неоднократно.

Кроме того, была проделана большая предварительная организационная работа. Чтобы обеспечить адресную помощь славянским странам, руководство Общества в срочном порядке начало проводить консультации с некоторыми деятелями РОКК[1731].

Случаи нападения турок на славянские селения в пограничных областях в Македонии, Старой Сербии и Албании продолжались всё лето 1912 г. Как только до России дошли сведения, что на границе с Турцией скопилось более двух тысяч семей беженцев, на заседании Совета 28 августа 1912 г. было решено выделить средства в пользу населения, пострадавшего от турецких погромов. По 1 000 руб. было перечислено черногорскому митрополиту Митрофану, сербскому митрополиту Димитрию и российскому консулу в Битоли А.М. Петряеву[1732].

Итогом еще одного заседания Совета – от 18 сентября 1912 г. – стало решение об отправке пособий жертвам ожидаемой войны через национальные общества Красного Креста по 2 000 руб. – в Сербию и Болгарию и 3 000 руб. – в Черногорию[1733]. В сопроводительном письме в Сербское общество Красного Креста отмечалось, что это «помощь славным сынам Сербии, открывшим свою решительную борьбу с исконным врагом Веры Христовой и свободы славянских народностей»[1734].

25 сентября 1912 г. на заседание Славянского благотворительного общества были приглашены члены РОКК: председатель А.А. Ильин, генерал-лейтенант Н.Д. Шведов, председатель мобилизационного совета А.И. Гучков, супруга посланника в Болгарии Н.В. Неклюдова, заведующий мобилизационным отделом А.А. Леман и казначей Санкт-Петербургской Елизаветинской общины сестёр милосердия Н.Г. Князев. В заседании принял участие доброволец войны 1876 г. И.М. Булацель. Присутствующие обсуждали вопрос, в какой мере можно наладить параллельную работу Общества и РОКК в деле оказания помощи славянским государствам в предстоящую кампанию. Из прений выяснилось, что Красный Крест на организацию помощи больным и раненным славянским и греческим воинам ассигновал 700 000 руб. Представители РОКК сообщили, что все траты Красного Креста направлены, главным

[1730] Там же. Л. 147.

[1731] Там же. Оп. 1. Д. 1315. Л. 26.

[1732] Московские ведомости. 1912. 5 (18) октября. С. 3.

[1733] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1391. Л. 10.

[1734] Там же. Л. 23.

образом, на оборудование медицинской и санитарной части, и что в этом отношении они не ждут поддержки от Славянского благотворительного общества, задачи которого, по их мнению, совершенно другие. Таким образом, в определенной мере были разграничены «сферы влияния», что не только обеспечивало эффективность затрат, но и давало возможность оперативно реагировать на запросы с мест.

Представители Славянского благотворительного общества, в свою очередь, посчитали, что благодаря своим связям со славянским югом они имеют полную возможность оказать влияние на местные общественные организации – сербские, черногорские и болгарские, чтобы они скоординировали свою деятельность по оказанию медицинской помощи с РОКК. Кроме того, учитывая, что по полученным обществом сведениям, материальное обеспечение национальных отделений Красного Креста в Сербии, Черногории и Болгарии явно недостаточно, Славянское благотворительное общество предложило ряд мер для улучшения их положения.

30 сентября 1912 г. прошло очередное общее собрание членов Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. Совет обратился с просьбой о предоставлении очередного кредита, так как 10 000 руб. уже были израсходованы. Собрание отнеслось к этой просьбе с полным сочувствием и одобрило целевые траты в 40 000 руб.[1735] Спустя несколько дней «Голос Москвы» написал по этому поводу, что это «большая жертва со стороны Общества, если принять во внимание, что весь запасной капитал составляет 52 000 руб.»[1736].

Кроме того, после замечания председателя П.Д. Паренсова, что вся благотворительность возглавляемой им организации направлена на славян Балканского полуострова, но «к великой нашей радости и утешению… греки объединились с последними для того, чтобы вместе сражаться за честь … Креста против ига ислама», был поставлен вопрос, не следует ли Славянскому благотворительному обществу распространить свою человеколюбивую деятельность и на греков[1737]. Присутствующие ответили утвердительно.

Учитывая масштаб задач, перед Обществом встала проблема поиска новых источников средств. Возможностей для пополнения кассы, ввиду чрезвычайных обстоятельств, у него было несколько. В первую очередь, был открыт пункт сбора пожертвований от населения в пользу больных и раненных славян и греков в помещении Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества и редакции газеты «Новое время». С просьбой напечатать объявления о сборе пожертвований руководство Общества обратилось также в газеты «Вечернее время», «Петербургскую газету», «Речь», «Копилку», «Русское слово» и другие. В большинстве

[1735] Там же. Оп. 3. Д. 72. Л. 149-150. Это был капитал комитета по устройству Всеславянской выставки.

[1736] Голос Москвы. 1912. 2 октября. С. 2.

[1737] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 3. Д. 72. Л. 150.

редакций к этой просьбе отнеслись благожелательно. Основные надежды возлагались на целевые церковные тарелочные сборы, пожертвования населения и продажу изданий Общества.

Совет обратился с ходатайствами о разрешении сбора в пользу славян в день Казанской Иконы Божьей Матери 22 октября 1912 г. в церквах соответствующих епархий к митрополитам Петербургскому, Киевскому и Московскому[1738]. Митрополиты Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний и Московский и Коломенский Владимир разрешение дали, а в Киеве был получен отказ, так как на это время уже был назначен другой сбор. В результате в обеих столицах было собрано 11 451, 47 руб.[1739]. Кроме того, Св. Синод разрешил тарелочные сборы на нужды пострадавших от войны славян и греков во всех церквах Империи 25 и 26 декабря 1912 г., давшие к 1 апреля 1913 г. около 55 000 руб.[1740].

От разных обществ, кружков, сборов Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество получило 15 240, 48 руб. Из них самые крупные жертвы были Духовного Собора Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры – 5 000 руб., Царицынского комитета для сбора пожертвований в пользу славян – 2 000 руб., от служащих и рабочих Судостроительного завода – 1 176 руб. и т.д.[1741].

Регулярные публичные заседания Общества использовались как для пропаганды своих взглядов, так и для сбора пожертвований. Одно из первых таких мероприятий прошло 18 октября 1912 г., когда Славянское благотворительное общество устроило в ресторане «Вена» славянский обед, пригласив свыше 100 славянских деятелей. В повестке было обсуждение балканских событий и принятие ряда постановлений об оказании помощи балканским христианам[1742].

Следующим логичным шагом Совета стало решение о возобновлении издания «Славянских известий»[1743], тем более, что интерес к славянским проблемам в связи с предстоящими событиями резко возрос.

Сбор средств осуществлялся и на специальных мероприятиях, устраиваемых Обществом самостоятельно или совместно с частными лицами или организациями. К ним относятся концерты, Славянские базары, выставки и тому подобное. В начале октября 1912 г. председатель Общества обратился к администрации всех петербургских частных театров с просьбой дать спектакль для увеличения средств возглавляемой им организации. При этом предполагалось

[1738] Московские ведомости. 1912. 2 (15) октября. С. 2.

[1739] ЦГИА СПб. Там же. Д. 75. Л. 19 об.-20.

[1740] Там же. Л. 20 об.

[1741] Там же. Д. 74. Л. 21.

[1742] Московские ведомости. 1912. 20 октября (2 ноября). С. 4.

[1743] Там же. 17 (30) октября. С. 3.

поставить пьесы из жизни южных славян[1744]. 3 ноября 1912 г. по представлению министра внутренних дел император дал разрешение на открытие Санкт-Петербургским славянским благотворительным обществом сбора пожертвований в пользу раненных и осиротевших православных славян и их союзников[1745]. Эти меры принесли свои результаты: к 1 ноября 1912 г. в Общество поступило 26 520.75 руб., а к 6 февраля 1913 г. общая сумма поступлений от пожертвований составила уже 98 734.04 руб.[1746].

2 (15) октября 1912 г. состоялось заседание Совета, на котором была образована распорядительная комиссия в составе А.А. Башмакова (председатель), Н.И. Каменкова, В.К. Кораблева, А.И. Соболевского. Комиссии были даны самые широкие полномочия и поручена организация помощи южным славянам. При Обществе было открыто Дамское отделение. Его возглавила В.М. Христианович, одна из дочерей генерала М.Г. Черняева[1747]. Дамское отделение занималось, в основном, изготовлением белья и перевязочных материалов для госпиталей, а также сбором и отправкой вещевых пожертвований. В 1912 г. оно провело четыре заседания. В декабре 1912 г. Дамское отделение при участии Русско-Болгарского дамского кружка, Союза русских женщин, Комитета дам греческой колонии в Санкт-Петербурге провело в зале городской думы благотворительный базар в пользу балканских союзников. Чистый сбор составил 7 000 руб., разделенных поровну между Болгарией, Грецией, Сербией и Черногорией[1748].

Для обеспечения отправки благотворительных грузов Общество заблаговременно договорилось с одесским Товариществом русского пароходства и торговли о приеме и хранении вещевых пожертвований для отправки на Балканы[1749]. Однако этот канал доставки не понадобился, так как гуманитарные грузы на театр военных действий отправлялись через Главный склад РОКК, отделение которого было устроено в Софии.

Деятельность Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества в период Первой Балканской войны можно условно разделить на три направления. Первое из них – денежные пожертвования, которые, как мы знаем, начались еще до начала военных действий, второе – вещевые пожертвования и третье – медицинская помощь православным балканским народам.

В 1912 г. в Черногорию было отправлено 8 816 руб., включая уже упомянутые выше 4 000 руб., а также 1 896 руб. (5 000 франков) в распоряжение Комитета при российской миссии в

[1744] Речь. 1912. 10 (23) октября. С. 4.

[1745] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1314. Л. 1.

[1746] Там же. Д. 1392. Л. 67 об., 252.

[1747] Символ русского добровольческого движения на Балканах, ветеран сербо-турецкой войны 1876.

[1748] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 3. Д. 75. Л. 12 об.-13.

[1749] Московские ведомости. 1912. 17 (30) октября. С. 3.

Цетинье по устройству питательных пунктов для помощи жителям Черногории, пострадавшим от голода; 2 500 руб. митрополиту Митрофану (4 декабря 1912 г.) – для помощи пострадавшим от бедствий войны жителям Черногории; 400 руб. от вышедшего на покой епископа Владимира (бывшего Приамурского и Благовещенского), передавшего «на нужды жертв войны» в Болгарии, Сербии и Черногории 1 200 руб.[1750].

Как правило, пожертвованные деньги высылались по назначению, без указания жертвователя, исключение составляли крупные или «знаковые» пожертвования. П.Д. Паренсов посчитал, что жертва «на нужды славян», принесенная воспитанницами Пермского епархиального женского училища, ученицами образцовой при училище школы и корпорацией этой школы относится как раз ко второй категории. Первые 30 руб. были собраны в ноябре 1912 г. Эти средства председатель П.Д. Паренсов разделил на равные части и передал великой княгине Милице Николаевне, княгине Елене Петровне и царице Элеоноре. В декабре пермские девочки собрали такую же сумму и просили передать их «детям-сиротам славянских народов». Эти средства были поделены между женой российского военного агента в Черногории Е. Потаповой, А.П. Гартвиг и царицей Элеонорой[1751].

Беднейшее население Сербии Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество поддерживало через митрополита Димитрия. 11 октября 1912 г. российский посланник Н.Г. Гартвиг передал слова глубокой признательности митрополита за своевременно пожертвованные средства[1752], потраченные на пропитание семей сербских беженцев. Н.Г. Гартвиг также проинформировал, что необходимо продолжить помощь на те же цели[1753]. Эту информацию в Обществе восприняли как руководство к действию. 15 ноября 1912 г. митрополиту Димитрию через посланника было передано 1 516.8 руб. (4 000 франков) для помощи семействам убитых и раненных воинов[1754], собранные на Славянском базаре, устроенном Дамским отделением Общества. Как отмечалось в отчетных документах Общества, эти средства были отправлены после того, как приезжавший в Петербург ректор белградской духовной семинарии св. Савы протоиерей Стефан Веселинович «удостоверил созданное войною бедственное положение некоторых сербских семейств»[1755].

[1750] ЦГИА СПб. Там же. Л. 22 об.

[1751] Там же. Л. 22 об.-23.

[1752] Речь идет о 2 000 руб., уже упомянутых в данном тексте.

[1753] Там же. Оп. 1. Д. 1391. Л. 54-54 об.

[1754] Там же. Д. 1392. Л. 324-324 об. Такие же суммы Совет Общества передал российским посланникам в Болгарии и Греции.

[1755] Там же. Оп. 3. Д. 75. Л. 23 об.

В феврале 1913 г. председательница Дамского отделения В.М. Христианович отправила митрополиту Димитрию 700 руб. «от русских женщин, сочувствующих своим братьям на Балканах»[1756]. Член Совета славянского благотворительного общества А.В. Васильев передал ему «для раздачи самым бедным в Сербии» 5 000 руб. (из них 1 000 руб. была пожертвована вдовой генерала М.Г. Черняева)[1757].

По мере возможности не оставались без внимания и другие запросы. 16 октября 1912 г. в Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество поступило письмо из сербской женской общественной организации «Коло Српских Сестара». В нем сообщалось о крайней нужде в постельном и нательном белье, одежде и, главным образом, в денежных средствах, необходимых «для поддержания существования бедствующих многочисленных семей, из которых отцы, мужья, братья и сыновья были взяты на войну, так равно и для прокормления нескольких тысяч беженцев из Турции, оставшихся без крова и без куска хлеба»[1758]. Кроме прочего, эта организация оборудовала в Белграде госпиталь на 110 человек[1759]. 4 ноября 1912 г. Совет Общества известил «Коло Српских Сестара» о передаче им 1 000 франков (379 руб.)[1760].

Пожертвования, собранные на концерте, устроенном солисткой Его Императорского Величества М.И. Долиной (8 793.3 руб.) в конце декабря 1912 г., Совет Общества округлил до 8 800 руб., и, разделив пополам между Сербским и Болгарским Красным Крестом, отправил по назначению[1761]. Кроме того, необходимо упомянуть 500 руб. для А.П. Гартвиг на созданные ею «Ясли»[1762].

В Болгарию в 1912 г. были отправлены 11 259 руб.: 4 400 – часть выручки от концерта М.И. Горленко-Долиной – Болгарскому обществу Красного Креста, 3 250 руб. (по постановлению от 18 декабря 1912 г. в распоряжение председателя Славянского благотворительного дружества «на нужды войск в Болгарии», 1 000 руб. – товарищу председателя той же организации Костову для Македонско-Одринского комитета, 189, 5 руб. (500 франков) – г-же Милетич для Македонского женского благотворительного дружества и т.д.[1763].

В Грецию на имя королевы Ольги Константиновны было отправлено 2 568, 8 руб. (в том числе, 2 000 в начале войны в пользу Греческого общества Красного Креста, и 568, 8 (1 500 франков)

[1756] Там же. Д. 74. Л. 119-119 об.

[1757] Там же. Л. 119 об.

[1758] Там же. Оп. 1. Д. 1391. Л. 80, 102-102 об. 29 ноября Совет получил подтверждение о получении этих средств.

[1759] Вечернее время. 1912. 15 (28) октября. С. 3.

[1760] ЦГИА СПб. Там же. Л. 80, 102-102 об. 29 ноября Совет получил подтверждение о получении этих средств.

[1761] Московские ведомости. 1912. 29 декабря. С. 3.

[1762] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 3. Д. 75. Л. 23 об.

[1763] Там же. Л. 24.

руб. в ноябре на приобретение медикаментов и перевязочных материалов)[1764]. Последние деньги были взяты из сумм, присланных комитетом по сбору пожертвований при 96-м пехотном Омском полку.

Всего на Балканы в 1912 г. Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество отправило 32 860, 1 руб.

Важнейшим направлением работы в период Первой Балканской войны была врачебная помощь балканским народам, сражавшимся за свою свободу. За это направление отвечала распорядительная комиссия, во главе которой с октября 1912 г. был А.А. Башмаков, а с ноября – Н.Р. Овсяный.

В распоряжение Черногорского общества Красного Креста было отправлено пять врачей[1765]. 2 октября 1912 г. Совет Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества получил сообщение великой княгини Анастасии Николаевны: «Сейчас получила телеграмму от Милицы Николаевны. Громадный недостаток врачей. Просит безотлагательно найти добровольных желающих. Обращаюсь с просьбой помочь в этом и уверена, что Вы это выполните лучше кого-либо. Заранее благодарна, Анастасия»[1766]. Спустя три дня великая княгиня получила ответную телеграмму председателя П.Д. Паренсова, что 5 октября в Черногорию выезжает отряд Красного Креста, а на ближайшем заседании Общества будет решен вопрос о врачах и медицинском персонале[1767].

Врачи М. Рапутов, К.Э. Кербер и Г.К. Константинович прибыли в Цетинье 22 октября 1912 г. Первые два были командированы в лазарет в Подгорицу, куда ежедневно привозили раненых из-под Скутари. Во время боев им приходилось работать на позициях. Г.К. Константинович остался в Цетинье. Прибывший в Черногорию Р.И. Радвиллович сразу же был направлен в Риеку, где на 300 раненых было всего три врача. Вместе с двумя русскими сёстрами милосердия и местным врачом Янковичем он устроил перевязочный пункт. Затем ввиду ожидавшегося большого сражения и штурма Скутари и Тарабоша Р.И. Радвиллович был экстренно вызван

[1764] Там же.

[1765] Ординатор клиники при кафедре частной патологии и терапии внутренних болезней Военно-медицинской академии Гаврила Константинович Константинович, участник русско-японской войны, македонец по происхождению; врач Покровской общины сестёр милосердия Константин Эдуардович фон Кербер; земский врач V участка Муромского уезда Владимирской губернии Роман Иванович Радвиллович; земский врач Харьковской губернии М. Распутов; вольно- практикующий в Могилевской губернии Михаил Иосифович Рачинский, хирург, заведовавший госпиталем при осаде Порт-Артура в русско-японскую войну. Они были отправлены на трехмесячный срок с возможной пролонгацией. // Там же.

[1766] Там же. Оп. 1. Д. 1391. О помощи славянам, пострадавшим от турецких зверств в Македонии и Старой Сербии. 1912-1914. С. 219.

[1767] Там же. Л. 4.

престолонаследником князем Данилой в местечко Груда. Русский врач оказывал помощь раненым в течение пяти дней до приезда других врачей. Затем Милица Николаевна вызвала его в Цетинье, где великая княгиня формировала свой госпиталь и пожелала, чтобы Р.И. Радвиллович и Г.К. Константинович работали там среди других врачей. Это медицинское учреждение расположилось в помещении кадетского корпуса. М.И. Рачинский с 24 ноября 1912 г. заведовал в Цетинье больницей Черногорского Красного Креста на 150 человек. Вместе с ним трудилась его жена – сестра милосердия. Всего на командировку врачей в Черногорию (проезд и жалование) в 1912 г. было израсходовано 7 000 руб. Кроме того, Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество отправило в Черногорию пять сестёр милосердия (Т.Г. Евдокимову, А.И. Кулешову, Н.В. Бунину, О.И. Флоринскую, М.А. Луостаринен), на что за три месяца было истрачено 1 050 руб.[1768].

В Болгарию Славянское благотворительное общество направило семь врачей[1769], хотя изначально речь шла о десяти. Болгарский посланник в Петербурге С.С. Бобчев от имени своего правительства выразил согласие принять половину содержания этих специалистов на счёт болгарской казны. Транспортные расходы и покупку хирургических инструментов Общество взяло на себя. Большинство врачей выехало в Болгарию во второй декаде ноября, а уехало в разное время, проработав от одного до четырех месяцев. Все они заслужили благодарность Болгарского общества Красного Креста[1770].

Во второй половине октября Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество получило сообщение из российской миссии в Софии о необходимости прислать специалиста для оказания амбулаторной помощи населению, оставшемуся в связи с началом военных действий без медицинской помощи. Совет отреагировал оперативно и командировал в Болгарию на три месяца заведующего хирургическим отделением Путиловского завода Павла Александровича Левитского. Вскоре после его отъезда миссия сообщила об отказе от своей просьбы. 2 ноября П.А. Левитский прибыл в болгарскую столицу и в тот же день был назначен заведующим вновь открытой на средства софийских торговцев больницей на 70 кроватей, находившейся в

[1768] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 3. Д. 75. Л. 25-25 об.

[1769] Хирург Алексей Ильич Бакунин, специалист по внутренним болезням; хирург из Шепетовки Василий Александрович Белецкий; хирург Николай Иванович Домперов; Евгения Илиодоровна Карпова; Сусанна Максимовна Маркова; Михаил Аркадьевич Сопоцко-Сырокомля; Герберт Готгартович фон Фегезан; Адальберт Штернберг. Ещё два врача, выразившие желание ехать в Болгарию, в последний момент отказались. А. Штернберг, следовавший через Триест в Болгарию, остался в Греции и поступил в состав греческого врачебного персонала. За два месяца работы он получил благодарность Греческого общества Красного Креста. // ЦГИА СПб. Там же. Л. 26-26 об.

[1770] Там же. Л. 25 об., 26 об.

переоборудованной под эти цели гостинице «Петербург». 3 ноября это лечебное учреждение приняло первую партию раненых. Кроме того, в заведывание П.А. Левитского поступила больница на 10 кроватей в гостинице «Соединение». В помощь русскому врачу Болгарский Красный Крест пригласил его жену, К.И. Левитскую, тоже врача. В последних числах ноября, после заключения перемирия и объявленного карантина из-за холеры, раненые в Софию поступать перестали, и Левитские вернулись в Россию. Всего на командировку врачей в Болгарию Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество истратило 5 100 руб.[1771].

Немало Совет Общества и его распорядительная комиссия сделали и для оказания медицинской помощи Сербии. 7 октября 1912 г. на заседании Совета обсуждалась целесообразность оборудования и отправки на Балканы лазарета на 50 кроватей в составе двух врачей, шести сестёр милосердия и десяти санитаров. В соответствии с этим предложением была составлена предварительная смета. Учитывая, что на отправку и содержание одного лазарета на полгода требовалось 48 000 руб., Совет от этой мысли отказался. Однако, понимая потребность воюющих сторон в специалистах-медиках, на заседании 16 октября 1912 г. было решено отправить в славянские земли несколько врачей. Они, как правило, командировались на два-три месяца с возможным продлением договора. Жалованье врачу составляло 300 руб., оплачивалась дорога в оба конца и выдавалось пособие в 200 руб. на покупку инструментов. 28 октября на заседании Совета обсуждался вопрос о командировании одного врача в Белград в распоряжение российской миссии[1772].

21 ноября 1912 г. ГУ РОКК получило телеграмму из Белграда от председателя общества Красного Креста Драгутина Фронасовича с просьбой командировать в Сербию пять врачей – терапевтов, о чем ГУ уведомило Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество. 13 декабря 1912 г. Совет Общества проинформировал РОКК о командировании в распоряжение Сербского общества Красного Креста пяти врачей[1773], уже выехавших к месту назначения[1774].

И.К. Перримонд с конца ноября 1912 г. в течение четырех месяцев работал по профилю в госпиталях Заечара и Белграда. П.И. Покровский прибыл в Сербию 14 декабря и был назначен в главный военный госпиталь, где заведовал сразу двумя отделениями – терапевтическим и инфекционным. 26 января 1913 г. он вернулся в Россию без разрешения Санкт-Петербургского

[1771] Там же. Л. 27-27 об.

[1772] *Шевцова Г.И.* Русский гуманный поход на Балканы. 1912-1913. – М., 2012. С. 63.

[1773] Ассистент клиники душевных и нервных болезней Военно-медицинской академии Иван Карлович Перримонд; земский врач Тверской губернии Петр Иванович Покровский; хирург Сергей Николаевич Орлов; хирург Александр Арсеньевич Горбунов; Александра Васильевна Буева. // ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 3. Д. 75. Л. 28.

[1774] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1475. Л. 153.

славянского благотворительного общества. Среди причин он назвал отсутствие работы и невнимательное отношение местного санитарного управления. С.Н. Орлов и А.А. Горбунов приступили к работе в XVIII резервном госпитале в Белграде, где находились, в основном, терапевтические больные. Им было доверено четыре палаты, где находилось 100 пациентов. Затем они были переведены в военную больницу, а на их прежнее место прибыл итальянский санитарный отряд (два профессора, врачи, 30 санитаров). В 20-х числах декабря А.А. Горбунов вернулся в Россию, чтобы похоронить сына, а в Сербию он вернулся с женой, сестрой милосердия. Их командировка закончилась перед Пасхой 1913 г. Одной из первых в Сербию приехала врач А.В. Буева. Ее местом работы стал XIV военный госпиталь в белградской крепости. За пять месяцев самоотверженной работы она была награждена орденом св. Савы IV степени. Командировка пяти врачей в Сербию в 1912 г. стоила Славянскому благотворительному обществу 4 450 руб. В Грецию Славянское благотворительное общество врачей не отправляло, а в Болгарию и Сербию – сестёр милосердия. Всего на командировки врачебного персонала в 1912 г. было истрачено 19 100 руб.[1775].

Третьим направлением деятельности в период Первой Балканской войны был сбор вещевых пожертвований. За него отвечал А.И. Соболевский. Как уже говорилось выше, грузы отправлялись через Главный склад Красного Креста в Петербурге. Как правило, это было полотно, постельное и нижнее бельё, перевязочные материалы и прочие предметы, в которых нуждались как медицинские учреждения, так и гражданское население, пострадавшее от военных действий. Часть этих вещей была передана Дамским отделением, изготовившим с октября по декабрь 1912 г. 2 000 предметов (стоимость расходных материалов составила 1 321, 26 руб.)[1776].

Бельё для Черногории шили Гатчинский кружок в пользу раненных славян (изготовил 198 предметов; 200 руб. на расходные материалы дало Славянское благотворительное общество) и Союз русских женщин, находившийся под покровительством императрицы Александры Федоровны (открыл свой склад пожертвований; 300 руб. на расходные материалы дало Славянское благотворительное общество). Когда в ноябре 1912 г. российские газеты, со слов находившегося на Балканах А.И. Гучкова, напечатали сообщение о том, что в Болгарии не хватает хирургических инструментов, Совет Общества постановил ассигновать 1 000 руб. на их приобретение. 9 ноября посылка была отправлена на имя Екатерины Каравеловой, вдовы болгарского политика, одной из основательниц Болгарского женского союза, а в период

[1775] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 3. Д. 75. Л. 29-29 об.

[1776] Там же. Л. 29 об.-31.

Балканских войн – одного из госпиталей, от которой вскоре пришла благодарность за инструменты[1777].

В течение 1912 г. Обществом было сделано 13 отправлений, из них два (1 и 16 ноября) – в Цетинье на имя великой княгини Милицы Николаевны. Потом российские транспортные компании отказались от доставки грузов в Черногорию, и Славянское благотворительное общество стало передавать туда только денежные средства. В Болгарию (1, 16, 22, 29 ноября, 12, 21 декабря) вещевые пожертвования отправлялись на Передовой склад, а в Сербии адресата было четыре – митрополит Димитрий (29 ноября, 12 декабря), княгиня Елена Петровна (1 ноября, 22 ноября), российская миссия (1 ноября), А.П. Гартвиг (21 декабря)[1778].

Славянскому благотворительному обществу не всегда удавалось оказать требуемую помощь, в основном, из-за недостатка финансовых средств. В феврале 1913 г., в связи с ухудшением эпидемиологической обстановки в стране, в ГУ РОКК поступило ходатайство начальника санитарной части сербской армии Р. Зондермайера о командировании в Сербию пяти врачей-эпидемиологов и 40 санитаров для борьбы с эпидемией тифа. РОКК принял решение это прошение отклонить. Однако ГУ незамедлительно проинформировало об этой проблеме Славянское благотворительное общество, но и его Совет не смог удовлетворить эту просьбу.

Именно по этой причине не была в полной мере реализована и инициатива ветеранов сербской войны 1876 г., поддержанная Советом Славянского благотворительного общества. В заседании 25 сентября 1912 г. он одобрил предложение о снаряжении полевого лазарета имени генерал-лейтенанта М.Г. Черняева для сербской армии. Для его воплощения был создан временный «Комитет по снаряжению и отправлению в Сербию санитарного отряда имени М.Г. Черняева», более известный как «Черняевский комитет». Его почетной председательницей стала А.А. Черняева, вдова генерала. От Славянского благотворительного общества в него вошли А.В. Васильев[1779] и участник турецкой кампании 1877-1878 гг., генерал-лейтенант в отставке Н.Р. Овсяный; от черняевцев – генерал-майор Ф.А. Григорьев, генерал-майор Г.Д. Кузьминский, публицист Г.В. Комаров, И.М. Булацель и др.

На очередном заседании Общества 2 октября 1912 г. черняевские добровольцы получили разрешение Совета собирать средства на лазарет имени Черняева на особый счёт, специально открытый для этих целей. Пожертвования принимались также в помещении Славянского благотворительного общества, в доме вдовы М.Г. Черняева и в редакции газеты «Новое время».

[1777] Там же. Л. 31-31 об.

[1778] Там же. Л. 32.

[1779] Общественный деятель по оказанию помощи славянам в 1877-1878 гг., председатель Общества «Соборная Россия».

Отчеты о сборах публиковались в прессе. 30 ноября 1912 г. «Московские ведомости» поместили отчет Черняевского комитета о пожертвованиях, полученных с 7 по 29 октября 1912 г. Среди прочего, в нем было отмечено, что вдова Черняева передала из личных средств 1 000 руб., а его внук Миша – 15 руб.[1780].

По ходатайству Славянского благотворительного общества Санкт-Петербургский митрополит Антоний разрешил вновь созданному комитету целевой церковный сбор в пользу летучего отряда за всенощной 3 ноября и литургией 4 ноября во всех церквах города, а также 8 ноября 1912 г. после литургии в Казанском соборе[1781]. Однако средства собирались слишком медленно. Желая пополнить счёт Черняевского комитета, Совет Славянского благотворительного общества помог с организацией однодневного сбора[1782].

При его подготовке комитет напечатал 450 000 открыток с портретом генерала М.Г. Черняева и подготовил особые жетоны. В разных городах этот сбор проводился в разные дни. 5 декабря 1912 г. была организована продажа жетонов и открыток с портретом генерала на улицах и в казенных учреждениях Варшавы. Особой популярностью, как отмечала российская пресса, этот сбор пользовался у военных и ветеранов сербо-турецкой и русско-турецкой войн[1783].

В Петербурге «черняевский день» состоялся 6 декабря 1912 г. Целью сбора, кроме устройства в Сербии лазарета имени генерала Черняева, была заявлена и продовольственная помощь местному населению. Было привлечено около 2 000 добровольных сборщиков, совместными усилиями было собрано 12 165.93 руб.[1784].

Но для создания и функционирования санитарного отряда этого было недостаточно. Поэтому реально оценивая свои возможности, Черняевский комитет принял решение на собранные деньги «организовать питательные пункты и вещевые склады для оказания помощи пострадавшим от войны, в особенности детям, как в самой Сербии, так и на вновь присоединенных территориях». Для их устройства 24 декабря 1912 г. в Сербию были командированы генерал Н.Р. Овсяный и назначенный ему в помощь бывший доброволец подполковник Н.И. Чехович[1785]. С ними были отправлены вещи, пожертвованные разными лицами и изготовленные Дамским отделением при Славянском благотворительном обществе.

Некоторые данные о пребывании представителей Черняевского комитета на территории Сербии удалось обнаружить в российских газетах. «Голос Москвы» от 15 января 1913 г.

[1780] Московские ведомости. 1912. 30 ноября. С. 3.

[1781] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1384. Л. 2.

[1782] Там же. Д. 1404. Л. 5.

[1783] Московские ведомости. 1912. 9 и 12 декабря. С. 3.

[1784] Там же. 9 декабря. С. 3.

[1785] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1404. Л. 23.

проинформировал, что генерал Н.Р. Овсяный «выехал в Призрен, на Косово поле и в Митровицу для раздачи пособия христианам, пострадавшим от войны»[1786]. По данным «Московских ведомостей», в феврале 1913 г. представителей Черняевского комитета принял сербский король Пётр, после чего Н.Р. Овсяный (который серьезно заболел и, как выяснилось позже, от болезни так и не оправился) вернулся в Россию, а Н.И. Чехович выехал в Ускюб (Скопье)[1787] для оказания помощи семействам, пострадавшим от войны[1788].

Черняевский комитет не оставлял попытки увеличить приток средств. Для устройства «черняевского дня» в Москве туда были командированы члены комитета генерал-лейтенант Ф.А. Григорьев и И.М. Булацель. Генерал Григорьев встретился с московским градоначальником А.А. Андриановым и председателем Славянского комитета Н.И. Гучковым. «Московские ведомости» уведомили, что Григорьев получил единодушную поддержку этого начинания и обещание провести акцию в середине января 1913 г.[1789]. Однако, когда в январе 1913 г. в Москву прибыл И.М. Булацель, переговоры со Славянским комитетом об устройстве 25 января «черняевского дня» не привели к желательным для черняевцев результатам. Булацеля убедили, что это начинание не будет пользоваться успехом, так как московское общество утомлено благотворительными «днями», следующими один за другим по разным поводам. В компенсацию за отказ устройства «дня» Славянский комитет предложил Обществу 10 000 руб. в фонд имени Черняева[1790]. Однако фактически (по неустановленным причинам) было передано только 5 000 руб.[1791]

В феврале 1913 г. генерал Н.Р. Овсяный отчитался перед Черняевским комитетом об итогах поездки. Он сообщил, что переданные ему средства, эквивалентные 54 000 динаров были распределены следующим образом: 20 000 динаров (по 2 000 динаров) – десяти сербским дивизиям, 2 000 динаров - по спискам, составленным генералом Овсяным, 32 000 динаров – по списку полицейского управления Верховной Команды Сербии. Расходы генерала Овсяного были признаны правильными[1792]. Черняевский комитет просуществовал с 10 октября 1912 г. по 13 декабря 1913 г. За это время было собрано 52 827.24 руб. пожертвований[1793].

[1786] Голос Москвы. 1913. 15 января. С. 3.

[1787] Турецкое название города – Ускюб (был занят сербами в 1912 г.), сербское – Скопле, македонское – Скопье. В современном русском языке употребляется македонское название – Скопье.

[1788] Московские ведомости. 1913. 6 (18) февраля. С. 3.

[1789] Там же. 1912. 13 декабря. С. 3.

[1790] Голос Москвы. 1913. 15 января. С. 4.

[1791] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1404. Л. 36-36 об.

[1792] Там же. Д. 1315. Л. 25.

[1793] Там же. Д. 1404. Л. 36-36 об.

Кроме упомянутых кружечных сборов, средства поступили, в основном, от воинских частей, в которых сохранилась память о генерале Черняеве, от средних и низших учебных заведений и организаций, относящихся к Ведомству учреждений императрицы Марии.

Пожертвования были распределены следующим образом: 5 000 руб. были переданы А.В. Васильевым в распоряжение сербского митрополита Димитрия, столько же – черногорской королеве Милене. 1 827.28 руб. было направлено приюту Святой Елены в Белграде, 225 руб. – настоятелю Сербского подворья в Москве архимандриту Михаилу как плата за воспитание кадета-серба[1794]. Остаток средств поступил на счёт Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества на уставные цели.

По окончании военных действий Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество в мае 1913 г. объявило о повсеместном сборе средств в пользу раненых и осиротевших славян и их союзников[1795].

§ 6.2. Московский славянский комитет

Деятельность этой организации является ярким примером альянса общественных сил и городской администрации. Московский славянский комитет тесно взаимодействовал с Московской городской управой, чему немало способствовал тот факт, что во главе обеих организаций стоял Н.И. Гучков.

5 октября 1912 г. министерство внутренних дел зарегистрировало устав Московского славянского комитета, и в тот же день состоялось официальное открытие этой организации. Его учредителями стали настоятель Сербского подворья в Москве архимандрит Михаил, профессор Сельскохозяйственного института и организатор III съезда славянских пчеловодов Н.И. Кулагин, Н.Н. Дурново, помощник присяжного поверенного Е.А. Ефимовский, представители Попечительства над учащимися в Москве славянами и другие, всего около 20 человек. Целью Комиета, согласно уставу, было оказание помощи балканским народам Балканского полуострова. В тот же день состоялись выборы в Совет. В него вошли А.И. и Н.И. Гучковы, архимандрит Михаил, Е.А. Ефимовский, московский губернский предводитель дворянства, член Государственного Совета А.Д. Самарин, директор Московского купеческого банка Н.И. Шелепин и др.[1796]. Славянский комитет находился на Сербском подворье. Во время всех богослужений был организован сбор средств в пользу больных и раненных балканских воинов. Там же с начала военных действий принимали заявления о желании вступить в число добровольцев.

[1794] Там же. Л.37-37 об.

[1795] ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3017. Л. 106.

[1796] Московские ведомости. 1912. 2 (15) октября. С. 2.

В заседании под председательством А.И. Гучкова (родного брата Н.И. Гучкова) участвовало около 20 человек. А.И. Гучков изложил программу деятельности и наметил ближайшие задачи. Особое внимание он уделил необходимости снабжения воюющих армий славян врачами-хирургами, опытными сёстрами милосердия, медицинскими инструментами и перевязочными средствами. Что касается организации санитарных отрядов, то, по мнению А.И. Гучкова, с этим Славянский комитет справиться не сможет.

Была провозглашена идея объединения всех славянских движений под эгидой Московского славянского комитета. Е.А. Ефимовский предложил смотреть на новую организацию как на национальный комитет, который для успешного решения своих задач должен войти в сношение со всеми аналогичными организациями, могущими оказаться полезными в этом деле. В какой-то мере эту идею реализовать удалось. Например, общество «Славия» поддерживало все начинания Славянского комитета, посильно в них участвуя. С остальными организациями оказались возможны только временные альянсы.

Некоторые члены подняли вопрос о раздаче книжек для сбора денег[1797] и подготовке церковного сбора. А.И. Гучков пожертвовал Славянскому комитету из личных средств 300 руб., купец Бардыгин – 1 000 руб.[1798].

Деятельность медицинской комиссии Славянского комитета во многом дублировала аналогичную активность врачебного отделения городской управы. К 20 октября 1912 г. в санитарное отделение городской управы поступило большое количество заявлений о желании вступить в санитарные отряды для оказания помощи славянским народам. От врачей поступило 48 заявлений, от сестёр милосердия – более 80, от санитаров – 84. Учитывая потребность в 20 врачах, 18 сёстрах милосердия и 40 санитарах, прием заявлений был прекращен[1799].

С начала деятельности Славянского комитета в московской прессе была развернута информационная кампания. Однако сведения не всегда подавались корректно. Так, рассказывая о работе медицинской комиссии, созданной при Славянском комитете (в некоторых газетах она называлась «секция»), «Московские ведомости» 6 (19) октября 1912 г. проинформировали, что «в отряд записалось 150 человек, из них половина на днях отправляется на театр военных действий»[1800]. Однако уже через несколько дней, 10 октября 1912 г., та же газета сообщила, что «из Москвы выезжает в Сербию первая партия врачей-добровольцев, состоящая из 12

[1797] Сборщикам выдавались специальные книжки, где фиксировались суммы, полученные от частных лиц; документ строгой отчетности.

[1798] Русские ведомости. 1912. 6 (19) октября. С. 5.

[1799] Московские ведомости. 1912. 20 октября (2 ноября). С. 4.

[1800] Там же. 6 (19) октября. С. 3.

человек»[1801]. «Утро России» добавило при этом, что все они отказались от материальной помощи Славянского комитета и отправились на Балканы за свой счёт[1802].

Медицинская комиссия Славянского комитета заключила соглашение с Пироговским обществом. Для пополнения денежных средств комиссии планировалось провести «день балканской розы»[1803], а также большой концерт с участием известных артистов. Для ознакомления москвичей со славянским вопросом был запланирован ряд публичных лекций[1804], вход на которые, как правило, был платным.

7 октября 1912 г. настоятель Сербского подворья архимандрит Михаил провел молебен о даровании победы славянским армиям на Балканах. Затем состоялось заседание Совета Славянского комитета. Обсуждались вопросы ближайшей деятельности, в том числе сбор пожертвований и отправка санитарных отрядов[1805]. Были распределены функции между членами Совета. Пост председателя был предложен А.И. Гучкову, но он отказался. В результате голосования председателем был избран Н.И. Гучков, его товарищами – А.С. Вишняков и коломенский уездный предводитель дворянства – Ф.Н. Тютчев. Казначеем стал Н.И. Шелепин, его товарищем – Ф.А. Котов. Секретарем был избран Е.А. Ефимовский. Тогда же была зачитана телеграмма супруги российского посланника в Сербии А.П. Гартвиг с просьбой начать сбор пожертвований на содержание сербских детей–сирот[1806]. Перед закрытием заседания Николаю II и монархам балканских стран были отправлены приветственные телеграммы.

Время шло, а средств для оказания действенной помощи было собрано недостаточно. Дело сдвинулось с мертвой точки, когда к решению вопросов по снаряжению и обеспечению деятельности санитарных отрядов подключилась московская городская управа.

9 октября 1912 г. московская городская дума ассигновала 50 000 руб., «на пользу христианских армий, ведущих войну с Турцией». По этому поводу в городской управе возникли предложения о посылке на театр военных действий, кроме врачебно-санитарного отряда, еще отдельных врачей, хорошо себя зарекомендовавших и известных московскому городскому управлению. Врачей предполагали снабдить медикаментами и перевязочными средствами и отправить на

[1801] Московские ведомости. 1912. 10 (23) октября. С. 3.

[1802] Утро России. 1912. 9 октября. С. 2.

[1803] Это была инициатива Пироговского общества.

[1804] Московские ведомости. 1912. 6 (19) октября. С. 3.

[1805] Подготовку медицинского персонала и отправку отрядов на Балканы под эгидой Красного Креста планировало Пироговское общество. Подробнее об этом см. в соответствующем разделе.

[1806] Московские ведомости. 1912. 9 (22) октября. С. 3.

Балканы в распоряжение городского уполномоченного[1807] для размещения по местным госпиталям. Городская дума постановила просить русского посланника Н.Г. Гартвига принять на себя обязанности городского уполномоченного в Сербии[1808]. Тогда же было принято решение об образовании Дамского комитета при московской городской управе.

11 октября 1912 г. в здании Политехнического музея была организована лекция «Война балканских государств с Турцией». Лекторами выступили академик Ф.Е. Корш[1809], В.Т. Михайловский, К.С. Кузьминский, Ч.И. Йоксимович и другие. Весь сбор поступил в распоряжение Московского славянского комитета[1810]. Это мероприятие дало 300 руб. чистого дохода. На собранные средства было куплено 20 000 санитарных пакетов для всех четырех союзных армий[1811].

12 октября 1912 г. состоялось очередное заседание Московского славянского комитета. Присутствующим было доложено, что собрано 10 000 руб. пожертвований, но для формирования и содержания санитарных отрядов их было недостаточно. Тем не менее, от идеи не отказались, решили продолжить сбор пожертвований, используя все возможные способы: обратившись к разным фирмам, учреждениям, развесив по городу плакаты и пр. Одной из идей была организация славянского концерта, на участие в котором дал согласие знаменитый тенор Л.В. Собинов[1812]. В городе были открыты пункты приема пожертвований, в том числе в помещении городской думы.

17 октября 1912 г. прошло заседание славянской комиссии городской управы. Н.И. Гучков сообщил, что городское управление берет на себя сбор пожертвований на санитарные отряды путем продажи общеславянских (они же русские) флажков с гербом Москвы. Славянская комиссия поставила вопрос об организации четырех санитарных отрядов на Балканы в распоряжение местных организаций Красного Креста. Для привлечения средств для реализации этого замысла, 26 октября было решено провести продажу значков «Славянам – от города Москвы» и обратиться к москвичам с особым воззванием. Для сбора пожертвований гласным городской думы были выданы специальные книжки[1813].

[1807] В обязанности городского уполномоченного входило решение финансовых и организационных вопросов на местах.

[1808] Русские ведомости. 1912. 11 (24) октября. С. 4.

[1809] Председатель Общества славянской культуры.

[1810] Московские ведомости. 1912. 10 (23) октября. С. 3.

[1811] Там же. 13 (26) октября. С. 3.

[1812] Московские новости. 1912. 14 (27) октября. С. 3.

[1813] Там же. 19 октября (1 ноября). С. 3.

В тот же день в помещении городской думы прошло заседание Московского славянского комитета. Н.И. Гучков сообщил, что сбор пожертвований на санитарные отряды городское управление берет на себя. С целью экономии организационных ресурсов отказались от проведения «дня балканской розы». Вырученные средства планировалось разделить между Московским Славянским комитетом и городским управлением[1814].

При Московской городской управе был образован Дамский комитет по сбору пожертвований на оказание санитарной помощи балканским славянам и грекам. Председателем стала супруга градоначальника А.А. Адрианова, помощницами – фрейлина их императорских величеств Е.Ф. Джунковская, А.Н. Лебедева, Е.С. Петухова и другие[1815]. Деятельность Дамского комитета выразилась в установлении ежедневных дежурств в здании городской думы для приема пожертвований вещами и деньгами, в сортировке, упаковке и отправке по назначению пожертвований, а также приобретении на полученные средства тех вещей и предметов (одежды, белья, продуктов питания), которые запрашивались с театра военных действий, но их было недостаточно среди пожертвований. Кроме того, Дамский комитет организовал шитье белья для раненых как при дежурствах, так и в различных городских учреждениях[1816]. К 1 февраля 1913 г. Дамский комитет[1817] собрал 62 843. 17 руб. Вес отправленных в славянские страны и Грецию грузов составил 1 648 пудов[1818].

В начале ноября Московский славянский комитет постановил срочно перевести в Грецию, Болгарию и Сербию по 2 000 руб., так как пришла информация о начале голода вследствие неурожая[1819].

Одним из первых крупных совместных мероприятий московской городской управы и Московского славянского комитета стал «Славянский день» 12 ноября 1912 г., организованный по инициативе славянской комиссии московской городской думы. Он прошел под девизом «Москва – славянам». При подготовке мероприятия было выпущено 5 000 кружек для сбора и приблизительно 2 000 000 славянских флажков. Город был поделен на 20 участков[1820]. Сборщики прошли строгий отбор. Большинство из них предпочло перемещаться по вверенной им

[1814] Там же.

[1815] ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3017. Л. 62.

[1816] Русские ведомости. 1912. 11 октября. С. 4.

[1817] В Москве были образованы два территориальных дамских комитета для оказания помощи больным и раненым христианам, участвующим в войне против Турции. Председатель Таганского комитета – О.М. Иванова, Арбатского – Л.М. Мазурина. // Московские ведомости. 1912. 4 ноября. С. 3. Данные об их деятельности не обнаружены.

[1818] ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3017. Л. 46.

[1819] Московские ведомости. 1912. 2 ноября. С. 3.

[1820] Там же. 26 октября (8 ноября). С. 3.

территории со славянскими флагами. Об этом событии «Московские ведомости» писали два дня подряд. Приводились трогательные примеры: среди пожертвований было обнаружено скромное золотое колечко с камнями, завернутое в записку «Последнее колечко братьям–славянам»[1821].

Были и записки другого содержания: «Дождемся ли мы того славного дня, когда Европа будет принадлежать европейцам?», «Долой Австрию!», «Долой Турцию!», «Благослови, Господи, дело славян!», «Долой войну!», «Печально, что наше общество охвачено жестоким шовинизмом!», а также монетки, завернутые в бумажки с надписью: «В пользу турок»[1822].

Итоги «Славянского дня» были впечатляющими: в 3 770 кружках оказалось 103 848.98 руб.[1823] 20% чистого сбора было перечислено Московскому славянскому комитету[1824]. Работа по снаряжению санитарных отрядов началась. После отправки лазаретов на Балканы связь с ними не прерывалась, они поддерживались не только информационно, но и материально.

31 января 1913 г. состоялось совместное совещание городской управы, гласных и Дамского комитета, на котором обсуждалась дальнейшая деятельность городского управления по оказанию помощи раненным и больным воинам балканских армий. Среди прочего было заслушано письмо П.А. Тыртова о том, что помощь городских санитарных отрядов в Сербии и Болгарии будет настоятельно необходима, как минимум, в течение полутора месяцев. В результате обсуждения было принято решение продолжить деятельность городских санитарных отрядов в виду того, что они находятся в центре военных действий[1825], и одобрен дополнительный расход в 27 000 руб.[1826].

В документах совещания было отмечено, что «по единодушным отзывам лиц, посетивших московские лазареты, как из числа местного правительства и русских миссий, так и представителей общества Красного Креста, а равно местной прессы, работа отрядов аттестована с самой лучшей стороны, как по отношению к их организации, так и личного состава. Со своей стороны и врачи, заведующие отрядами, единодушно отмечают весьма доброжелательное отношение к отрядам как со стороны местных властей, так и всего населения, которые особенно ярко проявились при кончине одного из санитаров, которому были оказаны при погребении воинские почести, а также при проводах отрядов с занимаемых ими мест на передовые позиции»[1827].

[1821] Там же. 13 и 14 ноября. С. 3.

[1822] Голос Москвы. 1912. 15 ноября. С. 4.

[1823] Московские ведомости. 1912. 15 ноября. С. 3.

[1824] ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3017. Л. 46.

[1825] Там же. Л. 63 об.-64.

[1826] Там же. Л. 64 об.

[1827] Там же. Л. 64 об.

§ 6.3. Русско-Сербский и Русско-Болгарский комитеты (Санкт-Петербург)

13 ноября 1912 г. в Петербурге состоялось учредительное собрание Русско-Сербского комитета для оказания помощи сербам, пострадавшим от Балканской войны. Целью организации провозглашалось оказание посильной помощи деньгами, медикаментами и вещами.

Министерство внутренних дел 22 ноября 1912 г. отправило запрос в ГУ РОКК с просьбой дать заключение о целесообразности создания подобной организации. К документу был приложен проект Положения[1828]. ГУ одобрило документ, и МВД дало разрешение на его деятельность[1829].

Почетным председателем был избран архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий). Председателем организации стал В.Г. Комаров, товарищем председателя и одновременно председателем Дамской комиссии – О.П. Дмитриева. После вступительного доклада Комарова прямо на заседании было собрано 5 000 руб. пожертвований, из них 3 000 руб. было решено отправить в Сербию. Дамской комиссии поручили установить контакт с Сербским обществом Красного Креста, купить и отправить необходимые медикаменты, перевязочные средства и бельё[1830]. Уже через несколько дней в печать поступили сведения, что комиссия закупила на Главном складе Красного Креста перевязочные материалы и медикаменты на 7 000 руб. для сербских раненых[1831]. К началу декабря 1912 г. в Белград ими был отправлен транспорт вещей для раненых (оборудование лазарета на 50 кроватей) и шесть ящиков продуктов. Тогда же Дамская комиссия ассигновала еще 4 000 руб. на снаряжение нового транспорта на Балканы (бельё, тёплая одежда и пр.)[1832].

Новая партия белья и тёплой одежды для раненных воинов и их семейств в Сербию была отправлена в конце декабря 1912 г. К этому времени было собрано дополнительно около 1 000 руб. Вместе с одеждой были отосланы чай, сахар и консервы, пожертвованные петербургскими торговыми фирмами[1833].

Русско-Сербский комитет регулярно призывал население к пожертвованиям в пользу балканских славян. 20 ноября (3 декабря) 1912 г. «Вечернее время» поместило воззвание Комитета с просьбой о пожертвованиях. Они принимались сербским посланником в Петербурге, в редакциях газет «Вечернее время» и «Новое время». Такие же воззвания были опубликованы 27 и 28 декабря 1912 г.

Сведения о деятельности Комитета во время Второй Балканской войны не обнаружены.

[1828] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1481. Л. 307 б.

[1829] Там же. Л. 307 в, г.

[1830] Московские ведомости. 1912. 14 ноября. С. 3.

[1831] Там же. 15 ноября. С. 3.

[1832] Там же. 4 декабря. С. 3.

[1833] Там же. 29 декабря. С. 3.

О деятельности Русско-Болгарского женского комитета известно немного. Он был образован в октябре 1912 г. по инициативе представительниц болгарской колонии в Петербурге, которые поставили перед собой довольно скромную задачу – шить бельё раненным болгарским воинам и собирать для них небольшие подарки. Когда к этому благому начинанию присоединились русские женщины, то стало возможно расширить сферу деятельности и оказывать содействие санитарным миссиям, находящимся в Болгарии. Этот комитет возглавила жена бывшего болгарского посланника в Петербурге (в 1908-1909 гг.), русская подданная А.Е. Цокова. Эта благотворительная организация сотрудничала с Российским обществом Красного Креста и Петербургским славянским благотворительным обществом. С октября 1912 г. по апрель 1913 г. Русско-Болгарский женский комитет отправил в Болгарию девять транспортов с продуктами и санитарными материалами. Подарки от организации получили воины 2-й и 3-й болгарских армий[1834].

§ 6.4. Пироговское общество (Москва)

Пироговское общество [официальное название – Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова (1883-1925)] не относилось к числу славянских, но в начале Первой Балканской войны, в силу специфики, оно самым энергичным образом взялось за сбор пожертвований «на организацию санитарных отрядов и подготовку медицинского персонала для оказания помощи воюющим славянским братьям и грекам».

Вскоре после начала Первой Балканской войны Пироговским обществом было получено письмо от сербского военного министерства, к которому было приложено воззвание к русским врачам (для печати) от имени сербского правительства. В нем говорилось о тяжелой задаче, которую предстоит решать врачам «накануне выступления сербских войск со святой задачей освободить родных братьев из-под векового рабства и своей кровью добыть свободу порабощенным»[1835]. В ответ на этот призыв в рамках Общества была образована комиссия по снаряжению санитарных отрядов. Ее первое заседание состоялось 10 октября 1912 г. под председательством профессора А.Ф. Рейна. Врачам Горохову и Бешову было поручено устроить курсы для подготовки медицинского персонала санитарных отрядов[1836].

[1834] *Куюмджиев Борис*. Дипломатическа и материална подкрепа от Русия на България по време на Балканската война 1912-1913 г. Руски доброволци и проявлена храброст от тях. – София, 1968. С. 33-34.

[1835] Московские ведомости. 1912. 10 (23) октября. С. 3.

[1836] Новое время. 1912. 11 (27) октября. С. 4.

12 октября 1912 г. в Москве прошло заседание Пироговского общества, где было принято решение о снаряжении санитарных отрядов на Балканы[1837]. Ввиду просьбы сербского правительства несколько врачей планировалось отправить в Сербию в ближайшее время[1838].

20 октября 1912 г. Пироговским обществом в распоряжение сербского правительства было командировано два врача – Н.Н. Акимова и Н.Л. Малашкин, которые поехали в Сербию за свой счёт[1839].

С целью практического воплощения этих идей были организованы ежедневные «Курсы помощи раненым», на которые записалось слушателями около 500 человек. Основы медицины и санитарного дела преподавали студенты и курсистки медицинских институтов. Там же была организована запись добровольцев для работы в госпиталях на Балканах и создан пункт приема пожертвований медикаментами и перевязочными материалами. По данным российской печати, среди записавшихся добровольцев для работы в Красном Кресте на Балканах было много врачей и фельдшеров, а также фельдшериц, служащих московских больниц. 100 человек изъявили желание ехать на театр военных действий за свой счёт. Лиц, не имевших медицинского образования, Пироговское общество предполагало использовать после соответствующего обучения сёстрами милосердия и санитарами.

Бурная деятельность, развернутая Пироговским обществом, наткнулась на те же препятствия, которые встретили другие организации, занимавшиеся помощью сражающимся балканским народам: денежных средств на выполнение поставленных задач было явно недостаточно. Руководство организации объявило о сборе пожертвований и обратилось к градоначальнику с просьбой разрешить «День балканской розы» – однодневный сбор средств на улицах Москвы на снаряжение санитарного отряда. Эта инициатива встретила неожиданное препятствие. Администрация города не сочла нужным сразу ответить на ходатайство[1840]. Ожидание затянулось. В московском обществе появились различные предположения. Так, «Утро России», со ссылкой на настоятеля Сербского подворья архимандрита Михаила, сообщило читателям, что московский градоначальник расположен дать разрешение на организацию «Дня балканской розы» только Славянскому комитету, что ни Пироговское общество, ни националисты (которые собирались устроить в пользу славян «День белого цветка») этого разрешения не получат,

---

[1837] Русские ведомости. 1912. 14 октября. С. 4. Предполагалось, что в первую очередь будет организован отряд Красного Креста в 100 человек, в который войдут только лица со специальным медицинским образованием.

[1838] Русские ведомости. 1912. 12 октября. С. 4.

[1839] Там же. 21 октября. С. 5.

[1840] Там же. 16 октября. С. 4.

«градоначальник заявил, что считает единственно компетентным в славянских делах Славянский комитет»[1841].

Таким образом, что идея консолидации всех славянских сил в Москве не сработала с самого начала. Причину этого можно искать как в идеологических разногласиях, так и в финансовых проблемах. Никто не хотел привлекать средства на «чужие инициативы». Поэтому неудивительно, что энергичная деятельность Пироговского общества в пользу балканских славян была прервана после заседания его Правления 24 октября 1912 г., где было заявлено об отказе от организации санитарных отрядов. Причиной этого решения назвали «несочувствие населения» (а фактически – небольшой приток средств)[1842]. При этом заметим, что к этому моменту список желающих ехать на Балканы в составе санитарных отрядов, который вело Пироговское общество, составил более 600 человек. Сбор пожертвований был прекращен, уже собранные 2 159 руб. постановили перевести в местные организации Красного Креста на Балканах[1843].

Такой поворот событий ударил, в первую очередь, по Московскому Славянскому комитету, планировшему совместные акции с Пироговским обществом и, вероятно, надеявшемуся, что оно будет работать под его руководством. «Голос Москвы» не замедлил дать свои комментарии. Решение было названо «неожиданным» и вызвавшим «недоумение в русском обществе». В статье говорилось, что в первые дни войны Обществом «был энергично выработан план организации и сбора пожертвований». Затем «в некоторых кругах» заговорили о том, что оказание помощи славянам идет вразрез с требованиями «истинной демократии». В Пироговском обществе прошло несколько бурных заседаний – в результате были прекращены пожертвования из-за «несочувствия» общества. В той же статье был дан комментарий Н.И. Гучкова, который высказал предположение, что, «вероятно, Пироговское общество на начальном этапе поддалось общему настроению, а затем, очевидно, получило инструкции от оппозиционных лидеров и отступило». Н.И. Гучков резюмировал, что «есть моменты, когда следует бросить все политические счёты»[1844].

По нашему мнению, «метаморфозы» Пироговского общества объяснялись (помимо вышеперечисленных) несколькими причинами. Во-первых, оно попыталось взять на себя функции РОКК – сформировать отряд, самостоятельно решая кадровые вопросы, основываясь только на степени медицинской подготовки персонала. Во-вторых, российские власти боялись различного рода провокаций и, учитывая довольно сильное левое крыло в самой организации, не

[1841] Утро России. 1912. 13 октября. С. 5.

[1842] Голос Москвы. 1912. 27 октября. С. 4.

[1843] Там же. 26 октября. С. 5.

[1844] Там же. 27 октября. С. 4.

могли допустить, чтобы инициатива в таком деле перешла к Пироговскому обществу. Отсюда и промедление в получении разрешения московских властей на привлечение специальных денежных средств, что фактически сделало дальнейшую деятельность в этом направлении невозможной. Не исключено и давление крайних левых элементов, лидеры которых полагали, что «славянские задачи» отвлекают организацию от решения внутренних проблем[1845].

§ 6.5. Общество славянской взаимности (Санкт-Петербург)

Одной из первых организаций, откликнувшихся на балканские события, было Общество славянской взаимности. В отличие от других подобных организаций, его деятельность была откровенно политизирована. Первые публичные заседания, посвященные освободительной борьбе славянских народов и греков против Турции, собирали общественных деятелей довольно широкого спектра. Однако постепенно остались только те, кто был ориентирован на активную внешнюю политику. Судя по отчетам в газетах, мероприятия Общества славянской взаимности пользовались сочувствием у значительной части членов Государственной Думы и военных.

Совет Общества славянской взаимности проявил инициативу и в письме от 10 октября 1912 г. проинформировал ГУ РОКК, что на последнем своем заседании принял решение командировать члена Совета общества доктора Р.И. Калуджеровича на театр Балканской войны для организации на месте помощи больным и раненным славянским воинам. Выбор кандидатуры был обусловлен опытностью его как специалиста и прекрасным знанием местных условий. Совет Общества славянской взаимности предложил ГУ РОКК использовать возможности своего кандидата, наделив его соответствующими полномочиями, если ГУ сочтет это возможным[1846]. Но у ГУ РОКК были свои планы и этим предложением оно не воспользовалось.

Основной упор в своей деятельности Общество Славянской взаимности делало на публичные мероприятия, проходившие, как правило, в виде лекций и докладов. Они проходили в Клубе общественных деятелей, Дворянском собрании, в помещении Петербургской городской думы.

Председателем организации до 29 сентября 1912 г. был академик В.М. Бехтерев, сложивший с себя полномочия на одном из заседаний. Новым руководителем организации был избран А.А. Столыпин. Причиной отставки Бехтерева, судя по всему, стали постоянные нападки членов Общества на политику Австро-Венгрии на Балканах и призывы к войне славянского мира с германским. Вот как охарактеризовал это заседание корреспондент «Биржевых ведомостей»: доклады «кипели злобой и ненавистью к Австрии, и можно было подумать, что в настоящее время славяне воюют не с Турцией, а с монархией Габсбургов. Особенной воинственностью

[1845] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 22. С. 138.

[1846] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1481. Л. 49.

отличалась речь выходца из Австрии г. Вергуна, который сообщил, что готовится поход Австрии на Россию. Он призвал всех славян объединиться и достойно встретить врага. Г. Карпинский пошел дальше … и призвал всё славянство объединиться и обрушиться на общего врага – Германию и Австрию и таким образом покончить сразу с вековым спором между немцами и славянами»[1847]. Часть членов Общества славянской взаимности ушла вместе с В.М. Бехтеревым в организованное им «Славянское общество научного единения»[1848], что, впрочем, не мешало их дальнейшему участию в совместных публичных мероприятиях.

Одно из первых мероприятий прошло 14 октября 1912 г. в помещении Дворянского собрания, где были организованы доклады известных общественных деятелей «для всестороннего выяснения балканского вопроса» и проведен сбор денежных средств и пожертвований вещами. Состав основных докладчиков на протяжении Первой Балканской войны практически не менялся: профессор Белградского университета Радован Кошутич, А.Н. Брячанинов, А.А. Столыпин, граф В.А. Бобринский, Д.Н. Вергун, М.М. Ковалевский, А.А. Башмаков. Как мы видим, с Обществом славянской взаимности тесно сотрудничали Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество, Русско-Сербский комитет, Общество славянского научного единения.

Заседания Общества славянской взаимности проходили довольно регулярно: 16 октября, 27 октября, 17 ноября и т.д. Трудности с их организацией начались в ноябре 1912 г. Петербургские власти заявили его руководству, что публичные мероприятия будут разрешены при условии, если на них будут избегать антиправительственных речей, нападок на Австро-Венгрию и призывов к войне[1849]. Тем не менее, на заседаниях Общества продолжали критиковать деятельность российского внешнеполитического ведомства, допускались антиавстрийские выпады, выступления за энергичную поддержку славян в их территориальных притязаниях и т.п.[1850].

Неоднократно участники славянских митингов высказывались по поводу Сербии. Например, товарищ председателя В.В. Карпинский в своем выступлении 14 ноября 1912 г. отметил, что реальные интересы России требуют экономической независимости Сербии.

Постепенно собрания Общества стали терять свою публику. Не без ехидства черносотенная «Земщина» написала об одном из декабрьских мероприятий, что «столичное общество охладело к обществу славянской взаимности». В качестве доказательства она указала на пустующие стулья в Александровском зале городской думы, где прошел третий по счёту славянский митинг.

[1847] Биржевые ведомости. 1912. 30 сентября. С. 2.

[1848] Его краткая характеристика будет дана в соответствующем разделе.

[1849] Голос Москвы. 1912. 15 ноября. С. 4.

[1850] Речь. 1912. 28 октября (7 ноября). С. 4.

Тематика выступлений никаких изменений не претерпела: по-прежнему звучали анти-австрийские выпады, критиковалось правительство за недооценку австрийской опасности, осуждались действия российской дипломатии, которая «не учитывала общественное мнение» в славянском вопросе и пр. Возможно, что интерес публики угас и вследствие затишья на балканских фронтах, и всеобщего ожидания скорейшего мира.

На мероприятиях Общества Славянской взаимности обязательно присутствовал представитель полиции, неоднократно пользовавшийся правом их закрытия. В конце–концов публичная деятельность организации была приостановлена. Предпринимались попытки членов этой организации встречаться на частных квартирах[1851], которые, впрочем, тоже не находили поддержки у властей.

Тем не менее, Общество славянской взаимности находило возможность выразить свои взгляды: например, оно выступило одним из инициаторов славянской манифестации в Петербурге 18 марта 1913 г. в честь взятия Адрианополя. В манифестации приняли участие генерал Ратко Димитриев, болгарский посланник С. Бобчев, сербский посланник Д. Попович, некоторые члены Государственной Думы и Государственного Совета. Она началась мирно с молебна в храме Воскресения на Екатерининском канале, а закончилась, по одной версии, дракой с полицией, а по другой – давкой около Невского проспекта. Полиция опасалась, что манифестанты пойдут к австро-венгерскому посольству и спровоцируют там его разгром[1852], поэтому препятствовала движению в этом направлении.

Помимо пропагандистской, у Общества славянской взаимности была и практическая часть деятельности, направленная на реальную помощь балканским славянам и грекам. С началом военных действий Общество решило устраивать каждый четверг собрания, посвященные лекциям по славянскому вопросу и сбору пожертвований для воюющих славянских армий. Использовались и другие способы сбора как денежных, так и материальных пожертвований. Как и другие подобные организации, Общество славянской взаимности открыло Дамское отделение. Оно начало свою деятельность с воззвания к русским женщинам, где, кроме прочего, предлагалось изготавливать перевязочные средства и собирать пожертвования в провинции[1853]. Надо отметить, что работой в провинции интересовались многие славянские организации, но

[1851] Одно из таких мероприятий прошло 14 мая 1913 г. на квартире М.В. Родзянко и по его инициативе.

[1852] См. одну из версий: Голос Москвы. 1913. 19 марта. С. 4. При первых известиях о волнениях на улицах Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество созвало экстренное заседание под председательством генерала Паренсова для выработки протеста против действий полиции. Основной темой для обсуждения стала критика русской дипломатии // Там же.

[1853] Московские ведомости. 1912. 13 (26) октября. С. 3; Речь. 1912. 10 (23) октября. С. 4.

российские власти решительно пресекали эти попытки, предлагая инициаторам на местах действовать исключительно через местные отделения РОКК.

Совет Общества славянской взаимности принял участие в устройстве ряда литературно-музыкальных вечеров в Санкт-Петербурге, сбор от которых был направлен на нужды Красного Креста балканских армий. В этих вечерах принимала участие солистка его императорского величества М.И. Долина. По инициативе Общества в Малом театре Петербурга 1 декабря 1912 г. прошел внеочередной спектакль в пользу семей убитых и раненных воинов на Балканах[1854].

Редакция газеты «Вечернее время» регулярно печатала объявления и принимала денежные пожертвования в помощь больным и раненным славянским воинам, которые передавала в Общество Славянской взаимности. За первые два месяца Балканских войн Обществу удалось собрать 18 222.35 руб., из которых было израсходовало 15 458.82 руб.[1855]. На оставшуюся сумму (2 763.53 руб.) были куплены бельё, тёплая одежда и другие предметы, в которых испытывали нужду лазареты на Балканах.

§ 6.6. «Славия» (Москва)

30 сентября 1912 г. в Москве состоялось экстренное собрание общества «Славия», на котором было принято решение войти на условиях автономии в Московский славянский комитет. Председатель «Славии» С.О. Коничек в своей речи отметил, что русское общество, сочувствуя и помогая южным славянам, не должно забывать о славянах австрийских. Секретарь «Славии» Ф.Ф. Аристов предложил дать Коничеку полномочия быть представителем организации в Славянском комитете, что было единогласно поддержано[1856].

При подготовке «Дня славянских флагов» в Москве члены общества решили взять на себя продажу славянского флага в одном из районов Москвы и устройство вечеров с лекциями о балканских событиях, объединившись с чешским кружком[1857].

Были продуманы и самостоятельные действия. На состоявшемся 9 октября 1912 г. экстренном заседании членов правления общества «Славия» запланировали проведение нескольких лекций и выпуск ряда брошюр по балканскому вопросу. Вырученные средства предполагалось направить на организацию санитарных отрядов Красного Креста. Написание брошюр было поручено Ф.Ф. Аристову[1858]. По инициативе «Славии» были напечатаны открытые письма с нотами и словами славянских гимнов, сбор от продажи которых был направлен в пользу

[1854] Там же. 2 декабря. С. 3.

[1855] Там же. 1 декабря. С. 3.

[1856] Там же. 1912. 2 (15) октября. С. 2.

[1857] Там же. 25 октября (7 ноября). С. 3. Данные о чешском кружке обнаружить не удалось.

[1858] Там же. 10 (23) октября. С. 3.

балканских армий[1859]. В декабре 1912 г. члены «Славии» провели лекции по славянскому вопросу в Егорьевске и Иваново-Вознесенске[1860].

§ 6.7. Славянское студенческое общество (Москва)

О студенческих организациях славянской направленности известно немного. «Московские ведомости» сообщили, что в начале балканских событий Славянское студенческое общество[1861] приняло решение регулярно знакомить русское студенчество со славянским вопросом путем издания ежемесячного журнала «Славянский мир», первые номера которого уже вышли[1862].

Почти в это же время «Новое время» проинформировало об образовании в Москве Балканского комитета, состоящего исключительно из студентов высших учебных заведений. По данным издания, комитет ставил целью организацию санитарной помощи войскам балканских государств, но когда Пироговское общество взяло это на себя, то комитет решил примкнуть к обществу и работать под его руководством[1863].

«Земщина», в свою очередь, также сообщила об образовании Балканского студенческого комитета представителями всех правых студенческих организаций. Своими ближайшими задачами Комитет определил организацию докладов и собеседований, освещающих «истинное положение дел на Балканах», а также материальной поддержки братьям-славянам. «Земщина» поспешила заявить, что «начинание это пользуется сочувствием широких слоев студенчества»[1864].

Из материала, однако, не следует, была ли это петербургская организация с аналогичным названием, или «Земщина» писала об уже упомянутой московской организации. Данные о деятельности этой организации не обнаружены. Можно утверждать, что какого-либо значительного распространения славянские идеи в студенческой среде, традиционно тяготеющей к левым движениям, не получили. В подтверждение этого тезиса можно привести эпизод, происшедший в анатомическом театре Московского университета и описанный «Земщиной», когда один из студентов обратился к товарищам с просьбой обратить внимание на организуемый городом сбор в помощь больным и раненным славянам. В ответ на это лидер левого студенчества произнес речь против Балканской войны. Оратор «призывал жертвовать в

[1859] Там же. 11 ноября. С. 3.

[1860] Там же. 22 декабря. С. 3.

[1861] Время образования, состав участников не выявлены.

[1862] Московские ведомости. 1912. 5 (18) октября. С. 3.

[1863] Новое время. 1912. 11 (27) октября. С. 4.

[1864] Земщина. 1912. 27 ноября. С. 3.

пользу политзаключенных, считая, что они страдают за более правое и святое дело… Часть студентов одобрила эти слова аплодисментами»[1865].

§ 6.8. Славянское вспомогательное общество (Москва)

Как только начались военные действия, Славянское вспомогательное общество (дата образования не установлена), одним из первых пожертвовало 1 000 руб. на отправку студентов-славян на родину[1866], имея в виду, в первую очередь, черногорцев, начавших военные действия. Другим балканским народам планировалось оказать равноценную помощь, в случае если они также вступят в вооруженную борьбу. Для этих целей Обществом был открыт сбор пожертвований. Одним из эффективных способов привлечения средств члены организации посчитали открытие художественных выставок[1867].

Практически в это же время председателя Московского славянского вспомогательного общества генерал-майора А.И. Череп-Спиридовича[1868] без объяснения причин лишили права носить мундир[1869]. В связи с этим на заседании также обсуждался вопрос о возможности сохранения за ним руководящей должности в Обществе. Решили оставить всё как есть до выяснения степени его вины[1870]. Комментируя это событие, «Голос Москвы» с сарказмом отметил, что от Общества «скоро останутся одни мертвые души, благодаря деятельности его председателя Череп-Спиридовича»[1871]. По отзывам современников, он был монархистом, человеком крайне правых взглядов. Что именно в его деятельности в этот период не устраивало правительство, не установлено.

Следует отметить, что на первом заседании Московского славянского комитета 9 октября 1912 г., среди прочих, рассматривался вопрос о слиянии со Славянским вспомогательным обществом (в рамках реализации идеи об объединении всех славянских сил). Но это предложение не встретило сочувствия участников, большинство из которых посчитало целесообразным держаться «подальше от Череп-Спиридовича»[1872].

Деятельность Славянского вспомогательного общества была фактически парализована. А.И. Череп-Спиридович принял решение выйти из организации. В феврале 1913 г. прошли выборы

[1865] Земщина. 1912. 16 ноября. С. 3.

[1866] Московские ведомости. 1912. 5 (18) октября. С. 3.

[1867] Русские ведомости. 1912. 5 октября. С. 4.

[1868] Артемий Иванович Череп-Спиридович, граф, был избран председателем Славянского вспомогательного общества 16 мая 1901 г.

[1869] Речь. 1912. 5 (18) октября. С. 2.

[1870] Русские ведомости. 1912. 5 октября. С. 4.

[1871] Голос Москвы. 1912. 5 октября. С. 4.

[1872] Там же. 9 октября. С. 5.

нового председателя, которым стал доктор Н.С. Спасокукоцкий (почетный сербский консул), а его товарищем – присяжный поверенный Блидин[1873]. Данные о деятельности Общества в новом составе в этот период не обнаружены.

§ 6.9. Общество славянского научного единения (Санкт-Петербург)

Академик В.М. Бехтерев, последовательно развивая идеи славянской взаимности, в 1912 г. создал Общество славянского научного единения, поставившее себе цель «способствовать… распространению в обществе сведений о научно-культурной и художественной жизни славянства»[1874]. Эта организация возникла не на пустом месте. Еще в 1909 г. В.М. Бехтерев учредил «Славянский комитет» при нейрофизиологическом институте на медицинском факультете Санкт-Петербургского университета, вокруг которого собралась социал-демократическая молодежь. Именно эта организация была преобразована в Общество славянского научного единения.

В новое славянское общество вошли известные либеральные деятели и профессора-слависты. Среди учредителей были академики В.М. Бехтерев, А.А. Шахматов, профессора А.В. Васильев, П.А. Лавров, Р.И. Кошутич (профессор белградского университета) и др. К ним примкнула часть членов Общества славянской взаимности. Председателем организации был выбран В.М. Бехтерев, секретарем – журналист Душан Семиз.

На торжественном собрании 4 ноября 1912 г. в честь открытия Общества, В.М. Бехтерев призвал единомышленников совершенно отказаться в своей деятельности от политики и от религиозных вопросов, «которые возбуждали столько распрей среди народов вообще и среди славянских народов в частности». Этот тезис был обоснован тем, что «славянские народы до сих пор разъединяла политика, … <которая> ставит определенные императивы со стороны одних и протесты со стороны других. Это только поддерживало раздоры и губило славянскую культуру… На месте взаимных раздоров мы должны везде и всюду проявлять взаимность»[1875]. Общество славянского научного единения предполагало двигаться вперед «общими силами к общему благу»[1876], что стало девизом организации.

В своей речи В.М. Бехтерев не обошел вниманием и современные события на Балканах, которые, по его мнению, только подтверждали идеи славянской взаимности: «Южное славянство показало…, что значит братство славянских народов. Столь великие дела оказались возможными

[1873] Там же. 1913. 17 февраля. С. 4.

[1874] ЦГИА СПб. Ф. 2265 (Бехтерев В.М.). Оп. 1. Д. 1202. Л. 1.

[1875] Там же. Д. 1150. Л. 5.

[1876] Там же. Л. 10.

при … сплочении в союз народов Балканского полуострова. Мог ли кто-либо еще несколько недель тому назад помышлять о том, что будет окончательно сломлен враг славянства?»[1877].

Будучи принципиальным противником войны, В.М. Бехтерев, тем не менее, пришел к выводу, «что при нынешних условиях жизни война, как и восстание, есть неизбежный акт самообороны», и подчеркивал ее освободительный характер[1878]. Последовательно отстаивая свои демократические идеи, В.М. Бехтерев указал, что пульс современной цивилизации бьется в Париже, где были провозглашены принципы свободы, равенства и братства[1879]. Исходя из этого, он выдвинул тезис, что для членов Общества славянского научного единения «все славяне в равной мере желанные гости и в равной мере могут рассчитывать на общую взаимопомощь»[1880].

Политических вопросов в деятельности Общества избежать не удалось. Д. Семиз позднее, в 1930-е годы, так охарактеризовал цель деятельности этой организации: «доказать представителям прогрессивной общественной мысли, что объединение балканских народов и самостоятельное, своими силами, освобождение от многовекового владычества Турции – в этом есть задача и интерес России; что это этап в борьбе против угнетателей, в том числе против абсолютистской России. Чтобы все это осуществить, требовалось довести прогрессивную русскую мысль до … осознания, что она может взять в свои руки и под свой контроль славянское движение, стать центром славянства и своими силами преодолеть, прежде всего, продвижение Австрии на Балканы»[1881].

Вскоре после начала Первой Балканской войны, Общество развернуло широкую агитацию за моральную и материальную помощь балканским народам. Министерство внутренних дел отреагировало немедленно, предупредив, что дело организации – наука, а не политика. Но остановить членов Общества оказалось нелегко. Они провели собрание на квартире профессора М.М. Ковалевского и от лица ученых, общественных деятелей и политиков обратились с призывом о помощи славянам к русскому обществу[1882]. Члены Общества славянского научного единения планировали читать лекции в столице и провинциях, а также собирать средства в пользу армий, воюющих против Турции[1883]. И уже вскоре – 1 ноября 1912 г. – начался цикл публичных лекций в пользу южных славян выступлениями М.М. Ковалевского и П.А. Лаврова на тему «О сербском вопросе». Они носили, скорее, популистский, чем научный характер.

[1877] Там же. Л. 6.

[1878] Там же. Л. 11.

[1879] Там же. Л. 10-11.

[1880] Там же. Л. 9.

[1881] *Semiz D.* Op. cit. S. 218.

[1882] Ibidem. S. 219.

[1883] Московские ведомости. 1912. 14 (27) октября. С. 3.

Выступления сопровождали продолжительные аплодисменты[1884]. По отзывам современников, это мероприятие собрало до 150 слушателей. Среди них были сербский посланник Д. Попович, академики А.А. Шахматов, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Миллер, член Государственного Совета А.В. Васильев, профессор Р. Кошутич и др.

5 ноября 1912 г. Общество организовало концерт в пользу семей больных и раненных воинов-славян на Балканах силами актеров петербургских императорских театров. На следующий день, в субботу, член Государственной Думы А.И. Шингарев и секретарь общества Д.И. Семиз прочли лекции на славянские темы[1885].

С целью оказания существенной помощи балканским народам Общество славянского научного единения приняло решение провести 12 декабря 1912 г. в Санкт-Петербурге «День славянских флагов». Для продажи в этот день было заказано 600 000 сербских, черногорских, греческих и болгарских флагов. Фактически это было самое крупное мероприятие, подготовленное Обществом в пользу балканских славян. В организационный комитет и ревизионную комиссию, кроме членов Общества славянского научного единения, вошли видные общественные деятели: М.М. Ковалевский, сенатор В.С. Иванов, члены Государственной Думы П.И. Милюков, А.И. Шингарев, Ф.И. Родичев и др. В Царском Селе организацию сбора взяла на себя баронесса Врангель[1886]. Подготовка велась с размахом и широко освещалась в печати. Итоговое заседание организационного комитета состоялось 22 декабря 1912 г. под председательством академика В.М. Бехтерева. Сбор от продажи славянских флагов составил 34 117.12 руб., пожертвование деньгами – 3 000 руб. Концерт, устроенный обществом, дал еще 1 600 руб. По официальным данным, чистый сбор от мероприятия составил 31 000 руб. На заседании комиссии возник спор о том, как разделить эти средства среди членов Балканского союза. Было решено, что деньги будут распределены по числу жертв войны. Таким образом, 12 000 руб. достались Болгарии, 10 000 – Сербии, 5 000 – Черногории, 4 000 – Греции. В кружках сборщиков было найдено несколько записок, текст которых противоречил основной идее мероприятия. Так, в одной из них было сказано: «Лучше позаботьтесь о своих, чем собирать на чужие удовольствия, когда мы сами живем в голоде». В другой записке содержалась рекомендация сначала позаботиться о своих славянах-поляках, а потом уже о зарубежных[1887].

Средства, собранные на «Дне славянских флагов», были направлены славянским национальным обществам Красного Креста через ректоров соответствующих университетов[1888].

[1884] Речь. 1912. 2 (15) ноября. С. 3.

[1885] Semiz D. Op. cit. S. 220-221.

[1886] Речь. 1912. 4 (17) декабря. С. 6.

[1887] Там же. 15 (28) декабря. С. 8.

[1888] Речь. 1912. 23 декабря (5 января 1913). С. 4.

В феврале 1913 г. Общество славянского научного единения передало в Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество 10 000 руб. для распределения их «среди нуждающихся семейств раненых и убитых воинов сербской армии»[1889]. В марте того же года В.М. Бехтерев получил благодарственные телеграммы от сербского короля Петра и черногорского короля Николы, присланные в ответ на пожертвование Обществом сумм в пользу семей убитых и раненых на войне[1890].

§ 6.10. Общество славянской культуры (Москва)

Деятельность Общества славянской культуры выражалась в организации вечеров, где читались лекции и произносились речи по балканским проблемам. Докладчиками были фактически те же люди, что и на мероприятиях Общества славянской взаимности. Соответственно и тональность речей была та же. Внешнеполитическое ведомство критиковалось за недостаточную поддержку славянских народов. Председателем организации (с 1908 г.) был академик-славист Ф.Е. Корш.

27 ноября 1912 г. организация устроила в Большом зале консерватории славянский вечер, который привлек свыше 1 000 человек и превратился в славянскую манифестацию. Ф.Е. Корш произнес вступительную речь о балканских событиях, затем были прочитаны лекции по славянским вопросам. В.И. Брянчанинов в лекции «Восточный вопрос и международное положение Европы» обратил внимание присутствующих на громадное значение общественного мнения в области внешней политики. Докладчик посетовал, что пассивность общественности в формулировании своего мнения отдает инициативу в руки дипломатии. На этих словах присутствующий представитель полиции закрыл заседание. Публика устроила овацию Брянчанинову[1891]. После этого состоялся концерт (с разрешения градоначальника). По окончании мероприятия была принята резолюция, что «Сербия не может быть брошена Россией на произвол судьбы»[1892].

Заседание Общества славянской культуры 3 апреля 1913 г. было посвящено оценке текущего положения на Балканах. Основным докладчиком был кадет С.А. Котляревский, который одобрил позицию российского правительства по вопросу о Скутари, поддержавшего требование европейских союзников и потребовавшего отзыва сербских войск. Причину балканских побед Котляревский видел в балканских демократиях – образце сочетания подлинного демократического чувства с чувством настоящего патриотизма. Успехи славян, по мнению

[1889] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 3. Д. 129. Л. 2.

[1890] Санкт-Петербургские ведомости. 1913. 12 (25) марта. С. 4.

[1891] Русские ведомости. 1912. 28 ноября. С. 5.

[1892] Там же.

докладчика, обеспечат России естественного союзника в вопросе о Проливах[1893]. Затем выступили Ф.Е. Корш и Е.А. Ефимовский. Данные о практической помощи славянам не обнаружены.

§ 6.11. Всероссийское Русско-Черногорское благотворительное общество

Эта организация возникла в конце Первой Балканской войны: ее устав был утвержден 23 февраля 1913 г.[1894]. Председателем стал камергер Высочайшего двора граф М.М. Перовский-Петрово-Соловово, советник министерства иностранных дел[1895]. Товарищем председателя был избран студент Петербургской Духовной академии священносингел (иеромонах) Мардарий (Ускокович)[1896], черногорец, ставший впоследствии епископом Сербской православной церкви.

Так как цели Общества предполагали международную деятельность, то его устав организации был предварительно отправлен на согласование в МИД. 25 января 1913 г. в министерство внутренних дел было отправлено заключение. В нем, прежде всего, указывалось на тождественность намеченных Обществом задач с уже существующими подобными учреждениями, как правительственными, так и частными. Например, намеченные Русско-Черногорским обществом образовательно-воспитательные планы уже успешно воплощались Славянским благотворительным обществом и Комиссией по образованию в России южных славян при Первом департаменте МИД[1897]. Далее было отмечено, что «в области церковно-строительной и в оказании помощи черногорскому народу при стихийных бедствиях Русско-Черногорское общество предполагает принять, по-видимому, деятельное участие», однако «наше правительство именно в этих нуждах Черногории особо широко оказывало материальную поддержку»[1898].

Учитывая тождественность «деятельности правительства и возникающего нового общества», в МИД предложили вменить ему в обязанность «своевременно осведомлять МИД о своих начинаниях как в России**,** так в особенности и в Черногории. При таких условиях не встречались бы случаи двойной и, следовательно, излишней помощи»[1899]. Таким образом, МИД желал контролировать не только направления деятельности, но и ее объемы, что было не удивительно в период роста числа организаций, желавших оказывать помощь балканским славянам.

[1893] Московские ведомости. 1913. 4 апреля. С. 5.

[1894] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9236. Л. 6.

[1895] *Маевский Вл*. Взаимоотношения России и Сербии. Т.1. – Нью-Йорк, 1960. С. 466.

[1896] АВПРИ. Там же. Д. 5564. Л. 14.

[1897] Там же. Д. 9236. Л. 3-3 об.

[1898] Там же. Л. 3 об.

[1899] Там же. Л. 3 об.-4.

Отчет о деятельности этой организации в период Балканских войн не обнаружен, есть только несколько строк в письме председателя графа М.М. Перовского-Петрово-Солововo министру С.Д. Сазонову от 14 апреля 1914 г., где, в частности, говорится, что «Совет Общества прилагал все усилия для оказания … [черногорцам] наиболее существенной денежной помощи и во время Балканских войн собрал и переслал в Черногорию значительные денежные суммы и пожертвования вещами»[1900]. Русско-Черногорское общество заметно активизировалось в годы Первой мировой войны.

Таким образом, большинство славянских и других общественных организаций, упомянутых выше, за небольшим исключением, видели свою цель как в теоретической, пропагандистской деятельности в пользу балканских славян, так и в материальной поддержке больных и раненных воинов и населения, пострадавшего от военных действий. Несмотря на то, что их деятельность в тот период находилась в русле российской внешней политики и объективно ее поддерживала, уровень доверия властей к этим организациям был неравнозначным. Одни получали поддержку практически всех своих начинаний, как, например, Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество, а другие (Пироговское общество) – с трудом собирали средства на реализацию своих инициатив. В этих предпочтениях отразились опасения российской власти относительно целей этих организаций на Балканах и лояльности к российской государственной власти.

Контроль за деятельностью славянских и прочих организаций осуществлялся путем разрешительной системы через МВД, а направления материальной помощи в балканских государствах согласовывались с МИД и российскими посланниками.

§ 7. Гуманитарная и благотворительная помощь православным народам в период и по окончании Второй Балканской войны

17 мая 1913 г. был подписан Лондонский мирный договор, по итогам которого Османская империя отказалась от своих европейских владений на Балканах. Даже Румыния, не принимавшая участия в военных действиях, при посредничестве великих держав добилась территориальных компенсаций в виде города Силистрия и прилегающих к нему земель на правом берегу Дуная[1901]. Территориальные вопросы молодые балканские государства должны были урегулировать самостоятельно. Однако противоречия были столь острыми, что справиться с ними они не смогли.

[1900] Там же. Л. 6.

[1901] *Хотькова Е.С., Ермаков С.М., Каширин В.Б.* и другие. Указ. соч. С. 11.

О нарастающей тревоге за будущее славянского единства в российском обществе говорит тот факт, что в день подписания Лондонского договора на очередном заседании Совета Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества возникло предложение обратиться к председателям советов министров Болгарии и Сербии «по поводу происходивших между ними раздоров за раздел освобожденных от турецкого ига земель»[1902]. Членами общества в тот же день были подготовлены телеграммы Ивану Гешову и Николе Пашичу, опубликованные в «Новом времени»[1903].

Конечно, никакими увещеваниями остановить противоборствующие стороны было невозможно: первые вооруженные столкновения между бывшими союзниками начались еще в период подготовки Лондонского соглашения. В апреле – мае между Грецией и Сербией велись двусторонние переговоры, увенчавшиеся подписанием 1 июня 1913 г. секретного договора, направленного против Болгарии. Его основным содержанием стала ревизия итогов Первой Балканской войны «в части, касающейся распределения бывших османских владений между прежними участниками антитурецкой коалиции»[1904]. В июне Румыния дала понять, что в случае межсоюзнической войны нейтральной не останется[1905].

Предпринимаемые российской дипломатией во главе с С.Д. Сазоновым усилия по предотвращению распада Балканского союза успехом не увенчались. Это было бы возможно только при сохранении баланса сил между его участниками. Что касается Центральных держав, то они с самого начала делали ставку на Болгарию, раздавая ее правительству щедрые посулы в виде территорий, на которые претендовали Сербия и Греция. Петербург по этому пути пойти не мог[1906].

В ночь с 16 на 17 июня 1913 г. болгарские войска начали военные действия в Македонии против сербских и греческих войск. На их стороне выступила Черногория, затем в войну вступили Румыния и Турция. Болгария оказалась в очень тяжелом положении и 7 (20) июля обратилась к великим державам о содействии в прекращении военных действий. 18 (31) июля при посредничестве России было заключено перемирие, а в Бухаресте начались мирные переговоры.

Начало Второй Балканской войны вызвало смятение в российском обществе. Казалось, что идея славянского единства трещит по швам. По разным адресам посыпались обвинения, но, в

[1902] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1391. О помощи славянам, пострадавшим от турецких зверств в Македонии и Старой Сербии. 1912-1914. С. 193.

[1903] Там же.

[1904] *Сергеев Е., Улунян Ар*. Не подлежит оглашению. С. 389.

[1905] *Искендеров П.А*. Указ. соч. С. 494-496.

[1906] *Виноградов В.Н*. Румыния во Второй балканской войне. С. 351.

первую очередь, вина возлагалась на российское внешнеполитическое ведомство. «Утро России» с тревогой писало, что «в Македонии и Старой Сербии греки и сербы сражаются сейчас с болгарами. Братоубийственная сеча перешла уже на сербскую и болгарскую территории. На братской земле льется братская кровь… Русский человек не может примириться с этим кошмарным фактом. Русское сердце не в силах вместить весь ужас кровавой вражды в родной нашей славянской семье … русское общество возмущено, болеет душою, шлет тяжелый укор всем тем, кто в самом начале разгоревшегося конфликта не сумел или не решился настоять на миролюбивой развязке»[1907]. Война называлась «безумной и безнравственной».

Поползли слухи о закрытии Московского славянского комитета. «Санкт-Петербургские ведомости» 26 июня (9 июля) 1913 г. сообщили о частном заседании Комитета, где обсуждался вопрос о его дальнейшем существовании, «ввиду начавшейся братоубийственной войны на Балканах». По сведениям газеты, большинство членов организации высказались за немедленное прекращение деятельности, так как «междуусобная война славян в основе подрывает цели комитета». Меньшинство нашло дальнейшую деятельность возможной при условии оказания помощи обеим враждующим сторонам[1908].

В опровержение этих слухов в «Голосе Москвы» было напечатано интервью с председателем Московского славянского комитета Н.И. Гучковым, заявившим, что «говорить о ликвидации Славянского комитета не приходится. Деятельность комитета пришлось временно приостановить ввиду недостатка средств, но, когда окончится братоубийственная война, я думаю, мы возобновим свою деятельность»[1909]. Однако фактически деятельность организации была приостановлена до начала Первой мировой войны.

Общество «Славия» на своем заседании 23 июня 1913 г. не только осудило братоубийственную войну, но и приняло решение закрыть организацию, так как «после каинова дела на Балканах на долгое время устраняется возможность плодотворной проповеди в России славянской идеи, которая всё-таки восторжествует, несмотря на временную измену ей некоторых “забывших” свое происхождение славянских сынов»[1910].

Как и в Первую Балканскую войну, российскую прессу волновал вопрос о гуманитарной помощи балканским народам. При этом стоит отметить смещение акцентов в понимании того, кто должен ее оказывать. О широкомасштабной помощи балканским народам речь даже не шла, хотя отдельные призывы к помощи противоборствующим сторонам всё же звучали.

[1907] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1516. Л. 14.

[1908] Санкт-Петербургские ведомости. 1913. 26 июня (9 июля). С. 4.

[1909] Голос Москвы. 1913. 25 июня. С. 4.

[1910] Там же.

3 июля 1913 г. под председательством профессора Бехтерева прошло экстренное заседание Общества славянского научного единения. Он зачитал телеграмму, полученную им от группы выдающихся политических и общественных деятелей Болгарии с просьбой о помощи. Собравшиеся приняли резолюцию, в которой отмечалось, что «настоящая война между союзниками причинила уже неисчислимые бедствия в областях как материальной, так и нравственной культуры» и высказали пожелание «найти как можно скорее пути соглашения на почве уважения прав воюющих национальностей и удовлетворения взаимных претензий на началах справедливости», а также посчитали себя обязанными обратиться ко всему русскому обществу с призывом оказать противоборствующим сторонам помощь как в предыдущую войну[1911].

Многие газеты публиковали данные о большом количестве жертв с обеих сторон. Так, «Вечернее время» 19 июня (2 июля) 1913 г. сообщило, что в Скопье «начали привозить раненых в боях у реки Брегалицы и у Овчаго поля. Число жертв у сербов, как и у болгар, весьма значительно»[1912]. К этой же теме газета обратилась спустя несколько дней, 24 июня (7 июля) 1913 г.: «Десять тысяч раненых сербов, болгар и греков погибают без надлежащей медицинской помощи…теперь, как в Болгарии, так и Сербии чувствуется громадная нужда во врачах и вообще в санитарном персонале». Затем издание задавало риторический вопрос: «Неужели потому, что рану нанес не исконный враг, а родной брат, раненые должны изнывать без помощи?»[1913].

27 июня 1913 г. «Утро России» поместило гневную статью, обвиняя врачебный мир и РОКК в равнодушии. Автор статьи обращал внимание читателей на то, что «резко отрицательное отношение к междуусобной балканской войне наш Красный Крест и … русский врачебный мир перенесли и на несчастных жертв этой войны. Десятки тысяч раненых славян и греков страдают сейчас в лазаретах и на перевязочных пунктах и томятся без призора на полях сражений. Тщетно взывают они к врачебной помощи. Наличного врачебного персонала слишком мало для такой массы нуждающихся в ней. Русские врачи не стремятся сейчас, как в прошлом году на Балканы. Они не хотят принимать участие в войне, которая возмущает всё общество». Далее выражалась надежда, что Россия окажет помощь и сербам, и болгарам, и грекам в одинаковой мере[1914].

Еще одной категорией населения, нуждавшейся в помощи, были беженцы. «Правительственный вестник» в начале июля писал об их непрекращающемся потоке. Ко времени написания заметки уже свыше 800 семейств из округов Кочаны, Малгары и других

[1911] Русские ведомости. 1912. С. 2.

[1912] Вечернее время. 1913. 19 июня (2 июля). С. 2.

[1913] Там же. 24 июня (7 июля). С. 1.

[1914] Там же. Л. 14.

пограничных областей, пришли на территорию Болгарии[1915]. Спустя несколько дней это же издание сообщило, что только в Софии нашли приют около 20 000 беженцев[1916].

4 июля 1913 г. «Русские ведомости» разместили материалы об одном из заседаний Общества научного славянского единения, состоявшегося после того, как его председатель профессор В.М. Бехтерев получил телеграмму от группы выдающихся болгарских политических и общественных деятелей, в которой указывалось на бедственное положение страны, «обреченной … испытать вооруженное нападение соседних держав»[1917]. Присутствовавшие члены организации приняли резолюцию, где высказали «свое горячее пожелание найти как можно скорее пути соглашения на почве уважения прав воюющих национальностей и удовлетворения взаимных претензий на началах справедливости», а также посчитали себя обязанными «обратиться ко всему русскому обществу с призывом откликнуться на неисчислимые бедствия воюющих сторон посылкой и организацией помощи»[1918].

Отклики на эти призывы всё же были. В июле 1913 г. Общество славянской взаимности отправило в Софию 10 000 руб., с условием, чтобы эта сумма была употреблена в равных долях на поддержку раненных воинов и беженцев[1919].

Корреспонденты газет «Русские ведомости», «Речь», «Голос Москвы», «Киевская мысль», «Утро России» и других изданий, аккредитованных в Болгарии, обратились с открытым письмом к русской общественности и Красному Кресту. В частности, они писали, что «самое беспощадное осуждение братоубийственной войны не избавляет … от обязанности всеми средствами прийти на помощь ее жертвам без различия между враждующими сторонами. Нужда в санитарно-медицинской помощи вопиюща, больше, чем в первую войну. Необходимо немедленно организовать помощь в самых широких размерах»[1920].

Первым за помощью через Международный комитет Красного Креста в союзные и нейтральные страны обратилось сербское правительство. Сербия очень нуждалась во врачебной помощи. По окончании Первой Балканской войны ей пришлось оказывать помощь большому количеству раненых (по сведениям российского посланника – более 15 000 человек)[1921]. В некоторых госпиталях были зафиксированы вспышки холеры. Начало Второй Балканской войны усугубило ситуацию. «Вечернее время», ссылаясь на доктора Марковича, прибывшего вместе с

[1915] Правительственный вестник. 1913. 11 июля. С. 4.

[1916] Там же. 16 (29) июля. С. 3.

[1917] Русские ведомости. 1913. 4 июля. С. 2.

[1918] Там же. 4 июля. С. 2.

[1919] Правительственный вестник. 1913. 26 июля. С. 4.

[1920] Московские ведомости. 1913. 27 июня. С. 2.

[1921] *Шевцова Г.И.* Русский гуманный поход на Балканы. – М., 2012. С. 156.

Евгенинским госпиталем в июне, сообщало что в Белграде при населении в 70 000 человек в тот момент было сосредоточено 28 000 раненых, устроено 29 военных госпиталей, расположенных в общественных зданиях. Тяжелораненые доставлялись в ближайшие к театру военных действий города, вследствие чего вся страна имела вид «какого-то колоссального госпиталя»[1922].

Более реалистичную картину рисовала в своих письмах в московскую городскую управу А.П. Гартвиг. Она призналась, что была вынуждена распаковать ящики с пожертвованным бельём, присланные не только для сербов, но и для черногорцев: в Белград была доставлена первая партия раненых из 1 400 человек, а запасов перевязочного материала и медикаментов не было. По ее сведениям, в столице Сербии нуждались в медицинской помощи и уходе до 8 000 раненых, среди которых было значительное число болгар, которые «плохо подбирают своих раненых»[1923].

Сообщение о том, что болгары бросали своих раненых, отступая перед сербскими войсками, ссылаясь на белградского корреспондента «Lok-Anz», поместили «Санкт-Петербургкие ведомости». В газете отмечалось, что раненных болгар в Сербии скопилось «неслыханное число» – 18 000. Из-за острой нехватки госпиталей сербы построили для них бараки в Скопье. Сербский главнокомандующий предложил болгарскому коллеге взять своих раненых, но ответа не получил. Автор заметки указывал, что «во врачах чувствуется страшный недостаток по причине столь громадного количества раненых. Болгарские раненые занесли в Белград холеру, почему и изолированы. Болгарские пленные заключены в белградской крепости, где содержатся хорошо. Пленные болгарские офицеры получают ежедневно по три динара, кроме продовольствия. Король Пётр очень интересуется болгарскими пленными и не раз посылал им большое количество папирос»[1924].

Учитывая эти проблемы, сербская королевская миссия в Петербурге обратилась с воззванием к русским врачам: от имени правительства премьер-министр Н. Пашич пригласил их в сербскую армию для помощи раненым. Без отклика оно не осталось. Предложения стали поступать от врачей из столицы и провинции. По данным «Петербургской газеты» от 28 июня 1913 г., «пока предложили услуги около 40 врачей, нужда в 150». Врачам предлагалось выезжать немедленно. В заметке давались инструкции отъезжающим: «в Белграде врачи должны будут обратиться в военное министерство, которое снабдит их соответствующими инструментами и всем необходимым. Деньги на проезд выдаст посольство»[1925].

[1922] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1516. Л. 189.

[1923] Голос Москвы. 1913. 5 июля. С. 4.

[1924] Санкт-Петербургские ведомости. 1913. 29 июня (12 июля). С. 3.

[1925] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1516 Л. 22.

В деле поиска медицинского персонала активное участие приняла семья посланника Н.Г. Гартвига. Он и его жена обратились с письмами к тем, кого знали лично. Среди них был К.Н. Моисеенко, находившийся во время Первой Балканской войны в петербургском отряде Красного Креста в Сербии. Он получил телеграмму следующего содержания: «Можете ли приехать? Будем страшно благодарны. Раненых пока семь тысяч. Докторов нет»[1926].

Вдовствующая императрица Мария Федоровна, когда началась Вторая Балканская война, гостила у своей сестры в Великобритании. Поэтому председатель ГУ, получив информацию от Международного комитета Красного Креста и посланника Н.Г. Гартвига об обращении белградского правительства за помощью, в соответствии с установленным порядком запросил указания Марии Федоровны через российское дипломатическое представительство[1927]. Посол А.К. Бенкендорф доложил ей текущую ситуацию. Согласие было получено, а также разрешение принимать «те меры, которые ГУ найдет необходимыми для оказания помощи раненным и больным воинам в настоящей балканской войне, а также осуществлять то же и по отношению Болгарии и Греции, если с их стороны поступят аналогичные просьбы»[1928].

На очередном заседании, 26 июня 1913 г., ГУ РОКК присутствующие ознакомились с текстом телеграмм МККК и посланника Н.Г. Гартвига с просьбой об оказании помощи больным и раненным сербским воинам, а также были проинформированы о ходатайстве сербского посланника Поповича командировать 10 врачей-терапевтов для борьбы с холерой за счёт сербского правительства[1929]. По итогам заседания было принято решение отправить по одному госпиталю на 200 кроватей в Болгарию и Сербию (с дополнением по пять врачей в каждый из них сверх штата), а в Грецию – лазарет на 50 кроватей с добавлением сверх штата одного врача[1930]. Сформировать медицинские учреждения было поручено общинам сестёр милосердия: в Болгарию – Московской Александринской комитета «Христианская помощь», в Сербию – Санкт-Петербургской Евгенинской, в Грецию – Одесской Касперовской. На выполнение этой задачи было ассигновано 250 000 руб.[1931].

Члены Мобилизационного Совета при ГУ РОКК постановили войти в сношение с МИД и выяснить, какая именно помощь славянам в данный момент представляется наиболее

[1926] Голос Москвы. 1913. 26 июня. С. 2.

[1927] РГВИА. Там же. Д. 1515. Об оказании Красным Крестом помощи Болгарии, Сербии и Греции во время междуусобной войны в 1913 году. 1913. Л. 1-2.

[1928] Там же. Л. 6.

[1929] Предлагались 600-700 франков в месяц и оплата дороги в оба конца. // РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 323. Л. 166.

[1930] РГВИА. Там же. Л. 6 об.

[1931] Там же.

целесообразной[1932]. В тот же день председатель ГУ РОКК А.А. Ильин отправил в Главный склад обществ Красного Креста указание «немедленно приступить к упаковке за счёт ГУ двух госпиталей на 200 кроватей и одного этапного лазарета на 50 кроватей с дополнительным снаряжением на каждый госпиталь и лазарет… кроме того, в снаряжение должно быть добавлено по пять лекарских наборов. Госпитали и лазарет должны быть готовы к отправке ко 2 сего июля»[1933].

27 июня (10 июля) 1913 г. Н.Г. Гартвиг передал в МИД просьбу сербского правительства о срочном командировании в страну отряда Красного Креста, а также докторов-эпидемиологов с запасом противохолерной сыворотки[1934]. В донесении от 30 июня (13 июля) российский посланник заметил, что «хорошо оборудованный госпиталь, несомненно, явится самой существенной помощью». Далее были перечислены основные потребности: хирургические инструменты, бельё, перевязочные материалы и противохолерная сыворотка. В заключение Н.Г. Гартвиг проинформировал, что к приезду санитарного отряда сербские власти обещали подготовить лучшее помещение[1935].

Пока в ГУ решались организационные вопросы, оппозиционная печать обвинила Красный Крест в равнодушии к страданиям балканских славян и бездействии. 27 июня в газете «Утро России» была помещена заметка «Братская помощь»: «В Македонии и Старой Сербии греки и сербы сражаются сейчас с болгарами … Русское общество возмущено, … резко отрицательное отношение к междуусобной балканской войне наш «Красный Крест» и как будто русский врачебный мир перенесли и на несчастных жертв войны. Десятки тысяч раненых славян и греков страдают сейчас в лазаретах и в перевязочных пунктах и томятся без призора на полях сражений. Тщетно взывают они к врачебной помощи. … Русские врачи не стремятся сейчас, как в прошлом году, на Балканы, будто не хотят принимать участие в войне»[1936].

Кадетская «Речь», сообщая читателям о состоявшемся заседании ГУ по вопросу о формировании и отправке санитарных отрядов, заметила, что, «вопреки заключению мобилизационного отдела, [ГУ] постановило пока воздержаться от посылки отрядов в Болгарию, Сербию и Грецию, признав необходимым снестись предварительно по этому вопросу с МИД»[1937]. Это была не вся правда. Запрос в российское внешнеполитическое ведомство действительно был подготовлен и отправлен, но это была обычная практика, не влияющая на

[1932] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 323. Л. 167.

[1933] Там же. Оп. 1. Д. 1515. Л. 4.

[1934] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 8758. Л. 49.

[1935] Там же. Л. 52.

[1936] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1515. Л. 14.

[1937] Речь. 1913. 28 июля. С. 3.

сроки отправки санитарных отрядов, так как к этому времени в ГУ уже шла интенсивная организационная работа, о чем в публикации не было сказано ни слова. К тому же уже 28 июня управляющий делами РОКК А.Д. Чаманский посетил заведующего ближневосточным отделом князя Г.Н. Трубецкого для выяснения позиции министерства по вопросу об оказании Красным Крестом помощи воюющим балканским государствам. В МИД препятствий к оказанию помощи в любой форме выявлено не было[1938].

28 июня «Новое время» опубликовало статью «Помощь умирающим на полях сражений», в которой отразилась позиция части российского общества, разочарованного в братоубийственной войне: «…В Петербурге и, вероятно, в остальной России говорят: а пусть себе гибнут без помощи, сами захотели, не слушались наших советов; не сочувствия, а порицания заслуживают – как одни, так и другие. Болгары и сербы – вчерашние союзники, славяне, православные – в силу роковых обстоятельств, вследствие недостаточной широты взглядов на общее славянское дело, в силу более выпуклого понимания своих личных узких интересов, бросились друг на друга в жестоком бою…. Происшедшим столкновением наносится сильный удар славянской взаимности…»[1939]. И всё же статья заканчивается призывом «подумать о несчастных, оставленных без помощи на полях сражений»[1940].

Интервью управляющего делами Красного Креста А.Д. Чаманского, размещенное в газете «День», в каком-то смысле, выглядело как оправдание. Он заявил, что «до сих пор ни одна из воюющих держав не обращалась в Красный Крест с … просьбой [о помощи]», но они со дня на день ожидают такого обращения. Трудно сказать, зачем А.А. Чаманский сделал такое заявление, ведь он не мог не знать, что просьбы о помощи из Греции и Сербии уже поступили. Возможно, речь идет о редакционной задержке. Далее А.А. Чаманский заметил, что «для Красного Креста … не существует вопросов политического характера… [и] Красный Крест принимает во внимание лишь одно – степень нужды в помощи»[1941].

С интервью А.А. Чаманского перекликается заметка «Война на Балканах и Красный Крест» в «Русской молве», опубликованная в тот же день. Читающая публика была проинформирована, что «на вчерашнем заседании правления Красного Креста … обсуждался вопрос об отношении Красного Креста к воюющим славянам. В Красный Крест поступила просьба от группы сербов о помощи. Мобилизационная комиссия, как известно, обещала прислать на театр военных действий три госпиталя по 200 кроватей в Болгарию и Сербию и до 50 кроватей в Грецию с

[1938] Там же. 29 июня (12 июля). С. 4.

[1939] РГВИА. Там же. Л. 20.

[1940] Там же.

[1941] День. 1913. 28 июня // Там же. Л. 16.

двойным комплектом врачебного персонала. После недолгого обсуждения решено с отсылкой госпиталей повременить. Предварительно решено снестись по этому вопросу с МИД. Решено также дождаться какого бы то ни было обращения от других воюющих сторон»[1942].

«Петербургская газета» в тот же день поместила статью «Русский Красный Крест придет на помощь воюющим». Сообщая о решении ГУ, автор отметил, что «еще две недели назад Красный Крест категорически заявил, что на Балканы не будет послано ни одного отряда. В настоящее время решение Красного Креста изменилось в пользу воюющих сторон… свою деятельность общество … не будет проявлять до тех пор, пока не будут получены заявления воюющих сторон, в особенности от Болгарии. От Сербии имеется такое заявление с просьбой об экстренной и неотложной помощи»[1943].

Болгарское правительство через своего посланника в Петербурге С.С. Бобчева обратилось за российской гуманитарной помощью. В прошении на имя председателя ГУ РОКК А.А. Ильина от 27 июня 1913 г. говорилось, что «фатальные события, приведшие к братоубийственным на Балканах сражениям, успели уже дать массу жертв: раненых и больных. Из Болгарии я получил официальное известие о вопиющей нужде и большом недостатке во врачебной помощи и санитарном материале»[1944].

К этому времени, исполняя решение совета ГУ РОКК, общины сестёр милосердия – Петербургская во имя св. Евгении и Московская Александринская комитета «Христианская помощь» – уже приступили к формированию госпиталей. Из их мобилизационных нарядов следует, что сверх положенного по инструкции штата было приглашено по пять врачей[1945]. Санитарные отряды выехали к месту назначения с разницей в одну неделю (с учетом дальности пути). Снаряжение было идентичным, штатное расписание незначительно различалось. 6 июля из Петербурга в Белград отправился отряд Евгенинской общины (старший врач, восемь младших врачей, завхоз, фармацевт, 18 сестёр милосердия, 34 санитара, две сиделки); снаряжение по каталогу 200 - кроватного госпиталя с дополнительным снаряжением разместилось в пяти вагонах. 13 июля из Москвы в Софию выехал Александринский отряд (старший врач, девять младших врачей, завхоз, фармацевт, 18 сестёр милосердия, 35 санитаров)[1946]. Формирование госпиталя Александринской и Евгенинской общин стоило около 40 430 руб. каждый[1947].

[1942] Там же. Л. 23.

[1943] Там же. Д. 1516 Л. 18.

[1944] Там же. Д. 1515. Л. 98.

[1945] Там же. Л. 34, 37.

[1946] Там же. Л. 179-179 об.

[1947] Там же. Л. 145.

Что касается помощи греческому Красному Кресту, то российский посланник в Афинах сообщил о желании королевы Ольги Константиновны предоставить «помощь русского Красного Креста в виде ассигнований денежных средств»[1948]. По-видимому, это было обосновано тем, что раненных греков было намного меньше, чем сербов и болгар, и греческая военно-санитарная служба справлялась самостоятельно. В то же время, по донесениям старшего врача русской больницы в Пирее в память великой княгини Александры Георгиевны, королевны греческой, коллежского советника Свечникова, с 23 по 28 июля в город морским путем было доставлено 3 845 раненых[1949]. Согласно постановлению ГУ от 11 июля 1913 г., для оказания помощи больным и раненным воинам греческой армии на следующий день было переведено через русскую миссию в Афинах в распоряжение ее королевы Ольги Константиновны 25 000 франков, равных 9 467 руб. 25 коп[1950]. Кроме того, было дано разрешение на просьбу греческой королевы от 26 июня 1913 г. о немедленном командировании в Пирее за её счёт трех сестёр милосердия[1951].

Попечительницей русского медицинского учреждения в Сербии было предложено стать А.П. Гартвиг. Супруга посланника выразила благодарность за оказанное доверие и пообещала сделать всё, что в ее силах, чтобы помочь и облегчить отряду общины его задачу. Старшим врачом, а также уполномоченным, был назначен Аристарх Прокофьевич Гриненко. Он, как и врачи В.И. Ласточкин и С.В. Ильинский, был командирован из больницы св. Марии Магдалины[1952].

Учитывая эпидемиологическую обстановку в стране, 4 июля 1913 г. на Главный склад РОКК поступило распоряжение оборудовать за счёт ГУ и выдать во временное пользование доктору С.А. Новотельному, командируемому в качестве младшего врача Евгенинского госпиталя Красного Креста в Сербию, походную лабораторию с микроскопом и набором необходимых принадлежностей[1953].

Вечером 6 июля 1913 г. после напутственного молебна в общине санитарный отряд отбыл в специальном поезде к месту назначения. 10 июля утром он прибыл в Земун, пограничный пункт с Сербией, а в полдень того же дня был в Белграде. На железнодорожной станции отряду Евгенинской общины была организована торжественная встреча[1954]. В тот же день старший врач, старшая сестра и А.П. Гартвиг поехали осматривать единственное, по мнению супруги

[1948] Там же. Л. 179 об.

[1949] Там же. Л. 193.

[1950] Там же. Л. 169.

[1951] Там же. Л. 5, 12.

[1952] Там же. Л. 209.

[1953] Там же. Д. 1516 Л. 100.

[1954] Там же. Д. 1514. Л. 6.

посланника, подходящее для госпиталя здание – городскую богадельню на окраине города, имевшую подвальное помещение[1955].

12-го июля госпиталь принял первый санитарный поезд – 81 раненого в тяжелом состоянии. К часу ночи все были размещены в палатах, перевязаны, накормлены (ужином из ресторана, так как кухня была готова только 13-го). На следующий день приняли еще 87 раненых[1956]. 14 июля всему персоналу пришлось работать без отдыха целый день: было произведено две экстренные операции.

4 августа состоялось официальное открытие Евгенинского госпиталя в присутствии посланника Н.Г. Гартвига и всего состава миссии, представителя короля гвардии полковника Осиповича, а также всех сербских министров, представителей военно-санитарного управления, Красного Креста и видных общественных деятелей[1957].

5 августа госпиталь посетил черногорский военный министр генерал Вукотич, в тот же вечер последовало приглашение врачей на банкет, устроенный белградским городским управлением в честь иностранных врачей[1958]. При госпитале было открыто амбулаторное отделение, принимавшее и гражданское население. За время работы в нём была оказана помощь свыше 1 200 пациентам[1959].

Клара Штурценегер, делегат Международного Красного Креста, написала в отчете о поездке в Сербию в период Второй Балканской войны, что персонал госпиталя общины Святой Евгении привел ее в восторг: «Они все были необыкновенно спокойные, добросердечные и милые. Мягкие в обхождении с пациентами, деликатные при лечении. Мне они представлялись идеальными, так как и знания у них были на высоком уровне»[1960]. К. Штурценегер хорошо знала, о чем говорила: она провела некоторое время в этом госпитале в качестве пациентки.

23 июля три врача Евгенинского госпиталя были прикомандированы к XXV резервной больнице, где размещался санитарный отряд княгини Елены Петровны. Врачи Петров, Ильинский и Ласточкин, по окончании дежурства на основном месте работы, делали там обход больных, производили операции и перевязки, по очереди оставались для наблюдения за

[1955] Там же. Д. 1520. Л. 5.

[1956] Там же. Л. 9-10.

[1957] Санкт-Петербургские ведомости. 1913. 6 (19) августа. С. 2.

[1958] Там же. Д. 1520. Отчеты о деятельности лечебных учреждений Красного Креста на Балканском полуострове. 1913. Л. 16 об.

[1959] Там же. Л. 37.

[1960] *Sturzenegger C.* Serbisches und Internazionales Rotes Kreuz waehrend der Balkankriege. – Zuerich, Orell Fuessli Inst.,1914. S. 87.

пациентами по вечерам. В течение двух недель (до 8 августа) они смогли принять свыше 300 больных и раненых, сделать 1 050 перевязок и 11 операций[1961].

Прекращение военных действий и заключение 28 июля (10 августа) 1913 г. Бухарестского мира привели к отсутствию новых раненых. Резервные больницы постепенно закрывались[1962]. В Евгенинский госпиталь стали переводить пациентов из других больниц. Живая, интересная работа, по мнению старшего врача госпиталя, «закончилась и перешла в обычную больничную обстановку»[1963].

Чтобы оценить объем помощи, оказанной персоналом Евгенинского госпиталя, приведем такие данные. По донесению старшего старшего врача А.П. Гриненко от 18 августа 1913 г., в Белграде в тот момент находилось 1 900 раненых при возможности вместить до 1 000 раненых в постоянных сербских госпиталях[1964]. Таким образом, на резервные больницы и иностранные госпитали, к которым относился и русский, приходилось 900 раненых. Евгенинский госпиталь с 24 августа по 30 августа обслуживал в среднем по 230 больных и раненых в день, сделал 11 операций, 753 перевязки в стационаре, 91 – в амбулатории. Больных и раненых госпиталь получал из закрывавшихся резервных больниц. К 1 сентября на излечении в нем находилось 110 человек больных с осложнениями, требующих длительного лечения[1965].

На заседании ГУ 5 сентября 1913 г. был поставлен вопрос о ликвидации Евгенинского госпиталя[1966]: прием раненых в госпиталь был прекращен, а 15 сентября больные и раненые были переданы в сербские больницы[1967]. Предварительно было запрошено мнение посланника в Белграде о необходимости и своевременности сворачивания русского медицинского учреждения. 2 сентября первый секретарь миссии В.Н. Штрандман уведомил МИД, что сербское санитарное управление ходатайствует об оставлении госпиталя до 20 или 25 сентября. На основании этой информации было решено предложить старшему врачу ликвидировать медицинское учреждение не позднее 25 сентября 1913 г.[1968].

[1961] Ibidem. P. 20.

[1962] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1514. Л. 21.

[1963] Там же. Л. 22.

[1964] Там же. Д. 1516. Об оказании Красным Крестом помощи Болгарии, Сербии и Греции во время междуусобной войны в 1913 г. 1913-1914. Л. 45 об.

[1965] Там же. Л. 142.

[1966] Там же. Д. 1514. Л. 24-26.

[1967] Там же. Д. 1516. Об оказании Красным Крестом помощи Болгарии, Сербии и Греции во время междуусобной войны в 1913 г. 1913-1914. Л. 142 об.

[1968] Там же. Оп. 3. Д. 323. Л. 217 об.

В результате Евгенинский госпиталь проработал в Сербии с 1 июля по 13 сентября включительно[1969].

16 сентября были отправлены на родину 34 пленных болгарина, находившиеся на излечении в госпитале. Всем им, в виду наступившего холодного времени, выдали тёплое бельё и тёплые халаты. В тот же день комиссия военного министерства при содействии В.Н. Штрандмана начала приемку инвентаря от госпиталя согласно телеграмме из ГУ. По специально составленному акту были переданы медикаменты, бельё, перевязочные материалы, кухня с буфетом, палатная обстановка и предметы по уходу за больными, а также оставшиеся продукты[1970].

19 сентября оставшиеся больные в количестве 47 человек были доверены врачам, находившимся на службе у сербского правительства, причем пациенты Евгенинского госпиталя остались в том же здании при полной госпитальной обстановке. По просьбе начальника военно-санитарного управления Р. Зондермайера уже переданных больных Евгенинский госпиталь продолжал кормить за свой счёт еще два дня. 20 сентября началась упаковка госпитального имущества[1971].

За время пребывания госпиталя в Белграде его посетили многие иностранные врачи, которые отмечали удобство, портативность, и богатое оборудование лечебных учреждений РОКК.

Русский госпиталь работал в тесном взаимодействии с сербскими властями. А.П. Гриненко в отчетах неизменно отмечал хорошее отношение к персоналу госпиталя полковника Р. Зондермайера, «всегда содействовавшего наилучшей работе госпиталя»[1972].

Есть также данные, что в период Второй Балканской войны на территории Сербии действовал санитарный отряд княгини Елены Петровны. Он упоминается в письме из канцелярии Общины сестёр милосердия Святой Евгении в ГУ РОКК от 7 июля 1913 г. Там сообщается, что Контора двора великого князя Константина Константиновича по просьбе княгини Елены Петровны затребовала с Главного склада Красного Креста 200 штук рубах, которые будут отправлены с транспортом госпиталя[1973]. Однако информация о деятельности этого отряда не обнаружена.

Госпиталь московской Александринской общины во главе со старшим врачом (он же уполномоченный РОКК) выехал в Софию из Москвы в ночь с 10 на 11 июля 1913 г. Накануне, по традиции, ему были устроены торжественные проводы, подробности о которых сообщил в письме попечительнице общины Е.Ф. Джунковской старший врач (он же уполномоченный

[1969] Там же. Л. 27.

[1970] Там же. Д. 1514. Л. 26.

[1971] Там же. Д. 1520. Л. 19.

[1972] Там же. Л. 26 об.

[1973] Там же. Д. 1516. Л. 135-135 об.

РОКК) Александр Михайлович Смирнов[1974], командированный из Владикавказа. Среди провожавших были товарищ председательницы комитета «Христианская помощь» Мария Владимировна Каткова, члены мобилизационной комиссии В.М. Шереметьевский, А.П. Гальфер, канцелярия комитета «Христианская помощь» во главе с делопроизводителем С.К. Марьяновичем, настоятельница общины Е.Ф. Кудрявцева, сёстры милосердия и главноуполномоченный РОКК генерал П.А. Тыртов[1975]. В Софии санитарный отряд был торжественно встречен представителями болгарского Красного Креста, членами русского посольства, вице-консулом, посольским священникам. Один из чиновников приветствовал отряд от имени короля Фердинанда.

Для госпиталя Александринской общины комитета «Христианская помощь» было предложено здание мужской гимназии имени Гладстона, занятый Скеченским этапным лазаретом, где уже находилось на излечении около 500 раненых. Ознакомившись с ситуацией, старший врач А.М. Смирнов через посланника А.А. Неклюдова попросил разрешения ГУ развернуть госпиталь на 400 кроватей, которое было дано. 22 июля Скеченский этапный лазарет, оставив 296 раненых, перешел в другое здание. С этого дня госпиталь считался открытым.

«Новое время» посчитало необходимым посвятить этому событию несколько строк: «Сегодня при скромной обстановке состоялось освящение лазарета, открытого новоприбывшим русским санитарным отрядом в новопостроенном огромном училищном здании. Молебствие служил настоятель русской Преображенской церкви. Присутствовали члены русской миссии во главе с посланником Неклюдовым… Уже имеется 300 раненых… В лазарете только болгары-солдаты... К русскому санитарному персоналу раненные солдаты относятся с сердечной признательностью»[1976].

Обязанности попечительницы госпиталя взяла на себя жена посланника Надежда Васильевна Неклюдова (урожденная Безобразова)[1977]. Она почти ежедневно посещала госпиталь, беседовала с персоналом и пациентами, присутствовала при операциях[1978].

Согласно выписке из протокола заседания ГУ от 19 сентября 1913 г., посвященного деятельности врачебных отрядов в Болгарии и Сербии, самой горячей порой для Александринского санитарного отряда стал август. Всего с начала деятельности госпиталя и до конца августа через госпиталь прошли 650 человек, почти все с огнестрельными ранениями. 18

[1974] Там же. Л. 14.

[1975] Там же. Л. 84.

[1976] Там же. Д. 1515. Л. 245.

[1977] Там же. Л. 247.

[1978] Там же. Д. 1516. Л. 87.

августа госпиталь посетила болгарская царица Элеонора со своей сестрой, принцессой Елизаветой Рейсской и поблагодарила персонал за самоотверженную работу[1979].

Так же, как и госпиталь в Сербии, Александринский госпиталь Красного Креста ликвидировал свою деятельность в Софии 15 сентября[1980]. При закрытии медицинского учреждения перевязочный материал, пищевые продукты и больничное бельё были переданы болгарскому Красному Кресту[1981]. 19 сентября часть персонала покинула болгарскую столицу.

Кроме санитарных отрядов, на территории Сербии[1982] и Болгарии находились русские врачи, командированные на средства Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества в распоряжение национальных обществ Красного Креста, а также частные отряды.

В ходе Второй Балканской войны Болгария потерпела сокрушительное поражение и в соответствии с Бухарестским миром, подписанным 28 июля (10 августа) 1913 г., передала значительную часть территории Македонии Греции и Сербии, Южную Добруджу – Румынии, а в соответствии с Константинопольским соглашением от 16 сентября 1913 г. она потеряла Лозенград, Адрианополь и Люле-Бургас (Восточная Фракия), отошедшие к Турции. За нею остались часть Западной Фракии с поселками Дедеагач и Порто-Лагос на берегу Эгейского моря, но ни одного более или менее значимого порта[1983].

Противоречия на Балканах устранены не были: Македония вновь оказалась растерзанной между балканскими государствами: Сербия, несмотря на значительное расширение своей территории, выход к морю так и не получила; а за счёт создания албанского государства в

[1979] Там же. Л. 142.

[1980] Там же. Л. 51.

[1981] Там же. Л. 50.

[1982] Например, в Сербию были командированы М.А. Сопоцько-Сырокомля, В.М. Доброхотов, профессор хирургии М.И. Ростовцев с ассистентами – М.П. Маловым и В.А. Бригером. Врачи ехали без страховки на случай гибели. Все финансовые вопросы с врачами Славянское благотворительное общество улаживало через посланника Н.Г. Гартвига. М.И. Ростовцеву Советом Общества было выдано 1 200 руб., в том числе 500 руб. на приобретение рентгеновского кабинета. С 18 июля 1913 г. вместе с ассистентами Ростовцев приступил к работе в 8-й резервной больнице Белграда (находилась в здании Военной Академии). Их командировка длилась до начала августа. 9 августа они покинули Белград. Рентгеновский кабинет вернулся в Россию. Отчет о деятельности не обнаружен. В.М. Доброхотов прибыл в Белград 16 июля 1913 г. и в тот же день получил назначение в Валево. 18-го числа он уже работал во 2-й резервной больнице. К моменту прибытия русского хирурга там уже было три врача. Они обслуживали 350 раненых, из которых 75 человек находились в тяжелом состоянии. До 7 сентября (срок окончания командировки Доброхотова) в этой больнице находилось на излечении 400 человек, а за всё время Второй Балканской войны, по его сведениям, до 800 раненых. // ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1496. Л. 23, 54-54 об., 73-73 об.

[1983] *Искендеров П.А*. Указ. соч. С. 499.

регионе усилился мусульманский фактор. Болгария чувствовала себя униженной, сербо-болгарские и греко-болгарские территориальные претензии усилились. Всё это служило основанием для постоянных внутренних осложнений и внешнего вмешательства[1984].

Предлог для осторожного оптимизма давала только Румыния: после Второй Балканской войны обозначилась переориентация Румынии в сторону Антанты[1985]. Эта тенденция усилилась с января 1914 г., после прихода к власти либерального правительства И. Брэтиану.

Из Второй Балканской войны Болгария вышла «дотла разоренная …, лишилась всей Македонии и значительного и плодородного пространства земель в Добрудже… [Она] на долгие годы обессилена»[1986]. По мнению посланника А.В. Неклюдова, «действительное равновесие, бесспорно, нарушено, и нам приходится изыскивать теперь для нашей балканской политики новые основания»[1987]. В донесении от 23 июня 1913 г. он анализирует текущую ситуацию и констатирует, что, несмотря на то что «сербское правительство отвыкло за последнее время внимать нашим дружелюбным советам благоразумия», «Сербия, конечно, останется всецело преданною России, так как только в России она может найти опору против австрийских захватов и заручку для достижения своих широких национальных вожделений»[1988]. Что же касается Греции, то, по мнению посланника, «не нужно быть чрезмерно прозорливым, чтобы предвидеть, что в весьма скором времени греки скинут свое нынешнее русофильство как не нужный уже более операционный передник и будут снова искать поддержки исключительно в западных политических центрах в Париже, Лондоне и, может быть, Берлине»[1989].

А.В. Неклюдов пришел к выводу, что «наша балканская политика окажется все-таки по-прежнему в значительной степени связанной с судьбами Болгарии; и нам, волей или неволей, приходится отныне же изыскивать наилучшие средства, дабы сохранить узы, существовавшие доселе между нами и детищем нашей политики и наших кровавых усилий времен императора Александра II. Преемственность и предания никогда не рушатся вполне…»[1990], поэтому «Болгарии, безусловно, нужна в настоящую минуту крепкая и надежная поддержка»[1991].

В августе 1913 г. посланник А.В. Неклюдов доложил в МИД об экономических, финансовых и связанных с ними гуманитарных проблемах. На плечи болгарского правительства легло

[1984] Там же. С. 500-501.

[1985] *Виноградов В.Н.* Румыния во Второй балканской войне. С. 360.

[1986] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2281. Л. 4.

[1987] Там же.

[1988] Там же.

[1989] Там же. Л. 4 об.

[1990] Там же.

[1991] Там же. Л. 6.

обязательство «по обеспечению тысяч семей, лишившихся опоры и поддержки, тысяч солдат вернувшихся домой искалеченными и неработоспособными, целой массы селяков, покинувших родные гнезда и в страхе бежавших от ужасов турецкого нашествия»[1992].

Помощь болгарским беженцам Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество оказало вскоре после заключения перемирия. 23 июля 1913 г. оно отправило на имя российского посланника в Софии 25 469 франков (10 000 руб.). «Новое время» 27 июля сообщило, что эти средства, по желанию Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества, должны быть разделены поровну между больными и раненными воинами и беженцами[1993]. Спустя несколько дней на имя председателя П.Д. Паренсова пришла благодарность от пловдивского митрополита Максима за полученные 5 000 руб.[1994].

Стараниями российского дипломатического представительства в Болгарии на Шипке в русском православном храме-памятнике были открыты ремесленная школа и приют для детей беженцев из Южной Македонии и Фракии[1995]. При этом следует заметить, что проблема беженства после Бухарестского мира касалась не только Болгарии. В движение вновь были приведены большие массы населения. Болгары бежали с македонских территорий, перешедших Греции и Сербии, греки – с территории Болгарии, мусульманское население старалось переселиться в Турцию и Албанию.

Еще одной темой, волновавшей болгарское правительство, было положение болгар на территориях, отошедших по Бухарестскому миру к Греции и Сербии. Эта реальная гуманитарная проблема была тесно связана с политическими притязаниями Болгарии и соперничеством с соседями по Балканскому полуострову.

О том, какое значение болгарское правительство придавало решению проблемы македонских беженцев, говорит такой факт: вскоре после заключения мирного договора Народное собрание Болгарии одобрило кредит в 50 000 франков в пользу раненных солдат и 500 000 – в пользу македонских беженцев»[1996].

Проблемы беженства и безопасности соплеменников на сопредельных территориях использовались для укрепления своего влияния, на что указал в одном из донесений (22 ноября 1913 г. комиссар в Албании А.М. Петряев. Российский дипломат заметил, что «спешный приезд сюда болгарского генерального консула… не может быть объяснен только желанием болгарского

[1992] Там же. Л. 11.

[1993] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1391. О помощи славянам, пострадавшим от турецких зверств в Македонии и Старой Сербии. 1912-1914. С. 201.

[1994] Там же. С. 215-215 об.

[1995] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 3. Д. 74. Л. 80.

[1996] Правительственный вестник. 1913. 17 (30) июля. С. 4.

правительства прийти на помощь нескольким тысячам македонских беженцев из Охриды, Струги и Дибры, укрывшимся в разных городах Албании, хотя сюда и было прислано судно с грузом муки для раздачи голодающим мусульманам и христианам»[1997].

В решение проблем соплеменников были вовлечены не только политики. 5 ноября 1913 г. в Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество было направлено письмо из Софии от Славянского благотворительного дружества с просьбой о присоединении к протесту против распоряжений сербских властей, направленных к полной денационализации и насильственному выселению болгарского элемента из Македонии. В ответном послании председателя Совета П.Д. Паренсова было сказано, что Славянское благотворительное общество не считает себя вправе вмешиваться в распри, разделяющие два братских народа, «но уповает на лучшее будущее»[1998].

Однако донесения дипломатических представителей говорили об обострении ситуации и возможном скором вооруженном столкновении. Посланник А.В. Неклюдов в депеше в МИД от 16 декабря 1913 г. отмечал, что болгарское правительство «непрестанно обращает внимание на положение болгар в областях, отошедших к Греции и особенно к Сербии. Часть болгарского населения этих областей выселилась в Болгарию, но большинство осталось на месте, и македонские комитеты в Сербии находятся с нами в постоянных сношениях и подготавливают якобы с ведома болгарского правительства восстание»[1999].

Под постоянным давлением новых властей болгары чувствовали себя и на греческой территории. По донесению от 23 декабря 1913 г. российского консула в Битоли Н.В. Кохманского, он «имел случай лично убедиться в подлинности рассказов о нравственной подавленности и угнетенности славян в новой Греции». Несколькими днями ранее написания цитируемого письма, он проезжал по железной дороге мимо села Экши-су, в которое весной передал собранное Славянским благотворительным обществом пожертвование, и, «встретив знакомых селян, поздоровался с ними и поговорил; при моем отъезде мои собеседники с тревогой выразили мне опасение, чтобы власти не подвергли их ответственности за то, что они говорили с русским консулом. Несомненно, эти люди после всего перенесенного за время болгарской войны чувствуют себя постоянно в положении обвиняемых в том, что они славяне»[2000].

Если болгары бежали с территории Греции и Сербии, то греки массово покидали территории, отошедшие к Болгарии. Управляющий генеральным консульством в Солуни Г.Е. Ферхмин в

[1997] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2281. Л. 50.

[1998] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 3. Д. 74. Л. 80.

[1999] АВПРИ. Там же. Л. 75.

[2000] Там же. Д. 2706. Судьба Македонии после Балканских войн. Л. 32 об.

донесении от 20 августа 1913 г. сообщал о массовом наплыве эмигрантов из местностей Македонии, не вошедших в зону греческой оккупации по Бухарестскому договору. Консул утверждал, что число выходцев из Македонии «превышает 150 000 человек и что этот исход провоцируется самими греками, в том числе, за счёт поджогов македонских сел»[2001]. В пример он привел окрестности Струмицы, оставшейся в территориальных границах Болгарии после Бухарестского мира, где было сожжено около 40 сел. Такая же участь постигла значительное число селений и в других округах[2002]. По мнению российского дипломата, такая политика греков имела своей целью желание скомпрометировать Болгарию в глазах Европы[2003].

Отношения между недавними союзниками обострились настолько, что затронули даже гуманитарную сферу. Покидая Дедеагач, греки «увезли с собой подаренный московским отделом Красного Креста городскому управлению лазарет со всеми приспособлениями, стоивший 80 000 франков»[2004]. Скорее всего, медицинское учреждение было демонтировано и увезено в период, когда в ходе подготовки Бухарестского мира стало ясно, что Дедеагач останется на болгарской территории.

Об этом факте городской голова Дедеагача сообщил корреспонденту «Русского слова» и выразил надежду, что «императорское правительство побудит греков вернуть городу дар»[2005]. Об этом происшествии сотрудники российской миссии в Софии сообщили в МИД 11 ноября 1913 г.

Греки представили свою версию событий, о чем можно узнать из донесения российского консула в Салониках от 15 ноября того же года: «… санитарный материал, брошенный на произвол судьбы болгарами в Дедеагаче был на транспортах перевезен греками и сложен в салоникском арсенале, о чем греческое правительство в сентябре уведомило миссию с просьбой принять этот материал для возвращения по принадлежности. Я просил составить инвентарь всему материалу ранее принятия его. Ввиду продолжающегося отсутствия сношений между Грецией и Болгарией, ходатайствую об указании, примет ли императорское правительство на себя расходы по доставлению в Дедеагач 73 ящиков со спасенным греками санитарным материалом»[2006]. Предполагаем, что оборудование лазарета было возвращено его владельцам.

Однако проблемы были не только у православных народов. В донесении от 30 ноября 1913 г. российский консул Н.В. Кохманский отметил «некоторые грустные для Битоли статистические данные в итог первого года сербского управления. А именно: за это время выселилось из Битоли

[2001] Там же. Л. 4-4 об.

[2002] Там же. Л. 4 об.

[2003] Там же.

[2004] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4042. Красный Крест. Греция. 1913. Л. 2.

[2005] Там же.

[2006] Там же. Л. 1.

около 20 тысяч жителей, преимущественно мусульман, и эмиграция продолжается в усиленной степени… по признанию городского головы, им подписывается иногда по сто свидетельств в день на получение заграничного паспорта. За это время прекратили торговлю до 400 магазинов и лавок»[2007]. Российский консул полагал, что этому процессу способствовали как политические, так и экономические причины.

И сама межсоюзническая война, и условия Бухарестского мира оценивались частью российского общества как результат неуклонного ослабления влияния России после поражения в русско-японской войне. Понимали это и в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе. Об этом свидетельствует записка, поданная председателю П.Д Паренсову. Движимый желанием увеличить помощь пострадавшим во Вторую Балканскую войну сторонам, он запросил у секретаря возглавляемой им организации Смердынского информацию о наличии средств. Из подготовленной ему справки он узнал, что «свободных чрезвычайных [у Общества] только до 50 000, а еще необходимо отчислить более 20 000 в основной капитал»[2008]. Оставшиеся средства секретарь предполагал распределить между обучавшимися в России славянами – «пришельцами из Черногории и иных». Высказался он, как член Совета, и по поводу субсидий: «Мнение [мое] отрицательное, если нет особых просьб с места, ввиду возмутительной в Сербии и Болгарии русофобии и … при неизбежном охлаждении наших жертвователей»[2009].

Кроме Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества, балканским государствам помогали Красный Крест и Св. Синод, каждый в соответствии со своими основными задачами.

ГУ РОКК собирало целевые пожертвования в помощь раненным и больным воинам, которые передавались национальным обществам Красного Креста. Например, Сербский Красный Крест с января 1913 г. по март 1914 г. получил 37 786,54 руб.[2010].

Хозяйственное управление при Св. Синоде по окончании военных действий продолжало передавать средства Сербскому обществу Красного Креста. Это продолжалось до марта 1914 г., когда из российской миссии в Белграде в МИД пришло письмо с просьбой направлять пожертвования с церковных сборов на содержание и помощь сиротам убитых сербских воинов,

---

[2007] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2706. Судьба Македонии после Балканских войн. Л. 21 об.

[2008] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1391. О помощи славянам, пострадавшим от турецких зверств в Македонии и Старой Сербии. 1912-1914. С. 217.

[2009] Там же. С. 217.

[2010] 26 января 1913 г. – 9 043.63 руб. 63 коп., 2 марта 1913 г. – 4 821 руб. 61 коп., 1 ноября 1913 г. – 17 555 руб. 24 коп., 14 января 1914 г. – 503 руб., 5 марта 1914 г. – 5 863 руб. 06 коп. // АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 2592. Л. 118-119.

а именно в Приют военных сирот св. Елены[2011]. Св. Синод это разрешение дал, о чем уведомил МИД 19 апреля 1914 г.[2012].

Кроме того, хозяйственное управление при Св. Синоде стало передавать часть собираемых в церквах Империи средств на восстановление православных храмов. Так, 1 июня 1913 г. Св. Синодом было ассигновано митрополиту Сербскому 664 фунта 60 с. «в пользу разрушенных в балканскую войну православных церквей», а 1 ноября – 17 555, 24 руб. на те же цели[2013].

Мирная передышка вскоре закончилась. И вновь потребовалась поддержка Российского государства и общественности в решении гуманитарных проблем, которые создала новая война.

[2011] Там же. Д. 2591. Л. 121.

[2012] Там же. Л. 123.

[2013] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 2591. Л. 73, 111.

Глава 3. Гуманитарная помощь балканским народам в период Первой мировой войны

Изменение политического ландшафта после Второй Балканской войны показало, что «безотносительно симпатий русского общества и государственного аппарата ко всем славянским православным народам, именно Сербия … стала самым близким и верным союзником Российской Империи на Балканах[2014]. Основой сближения стала общность российских и сербских стратегических целей[2015]. Что касается другого традиционного союзника России на Балканах, Черногории, то там не без оснований опасались, что быстрое укрепление и расширение Сербии может грозить в ближайшем будущем присоединением Черногории к более могущественному соседу, что в период охлаждения отношений с Болгарией объективно отвечало интересам России, «желавшей положить конец германской экспансии на юго-востоке в целом и на Балканах в частности»[2016]. Это в определенной мере ослабило влияние Петербурга в этом небольшом балканском государстве[2017].

28 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Вступившись за попранные права своего балканского союзника, Россия объявила мобилизацию. 1 августа началась Первая мировая война. 5 августа на стороне Антанты в войну вступила Черногория. Болгария, Греция и Румыния заявили о своём нейтралитете. Дипломатическая игра обеих противоборствующих сторон за привлечение их на свою сторону и побуждение к активным действиям усилилась.

Перспективы участия в Первой мировой войне Болгарии оставались неопределенными вплоть до октября 1915 г. Понимая значимость болгарского фактора в балканской политике, дипломатия Антанты и Центральных держав развернула небывалую активность: Антанта настойчиво добивалась от сербского правительства уступок в македонском вопросе в пользу Болгарии в обмен на территории Боснии и Герцеговины и выход к Адриатическому морю, а представители Центральных держав предлагали Болгарии за вступление в войну всю Македонию и часть сербских территорий[2018].

Хотя статус побежденной страны во Второй Балканской войне объективно толкал Софию в сторону коалиции Центральных держав, в болгарском общественном мнении были сильны симпатии к Антанте, отождествлявшейся в первую очередь с Россией. Об этом свидетельствуют

[2014] *Тимофеев А.Ю., Вишняков Я.В. Милорадович Г.* Битва двуглавых орлов. Очерки по истории русско-сербских отношений в годы Первой мировой войны. – М.: РИСИ, 2016. С. 13.

[2015] Там же. С. 20.

[2016] Там же. С. 13-14.

[2017] Там же. С. 11-12.

[2018] *Задохин А.Г., Низовский А.Ю*. Указ. соч. С. 137.

не только донесения российского посланника в Софии А.А. Савинского[2019], но и многочисленные пожертвования болгар в пользу русских раненных воинов и населения, пострадавшего от военных действий, собиравшиеся в Болгарии вплоть до ее вступления в войну.

Так, 10 августа 1914 г. председатель Славянского благотворительного дружества в Болгарии С.С. Бобчев передал в распоряжение Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества 10 000 франков для помощи пострадавшим русским воинам. Впоследствии эти средства были отправлены старшему врачу сербского санитарного отряда Славянского благотворительного общества Н.И. Сычеву[2020]. В начале октября 1914 г. жители Старой Загоры, «воодушевленные чувством глубокой признательности к освободительнице – России и свято чтя память русских офицеров, павших в Старой Загоре в борьбе за освобождение Болгарии», собрали путём народной подписки 5 300 левов. В том же месяце жители Ореховицы Старозагорского округа собрали 406 левов 66 сантимов и передали их в российскую миссию с искренними пожеланиями «востержествования братского русского оружия над врагами»[2021]. Судя по отчету посланника, в пользу РОКК к 13 ноября 1914 г. было собрано 16 906, 45 руб. Среди жертвователей были Болгарское общество Красного Креста, Болгарский Синод (15 000 левов), жители Старой Загоры, директор Софийского этнографического музея Панчов и др.[2022].

Весьма успешной оказалась инициатива Славянского благотворительного дружества об отправке в Россию санитарного отряда на средства, собранные по всенародной подписке[2023]. Необходимая сумма была получена всего за два месяца. 7 октября 1914 г. посланник А.А. Савинский сообщил в МИД, что «Славянское благотворительное дружество в Болгарии «снарядило на средства болгарских жертвователей санитарную миссию из трех врачей, пяти сестёр, двух медицинских студентов и двух санитаров под начальством опытного хирурга [Мирчо] Морфова. Миссия снабжена хирургическими инструментами, перевязочным материалом и медикаментами и готова отправиться на место служения»[2024]. Далее посланник сообщил, что Дружество выразило пожелание, чтобы «вне зависимости от того, будет ли санитарная миссия действовать самостоятельно или войдет в состав какого-либо большого

[2019] Императорский Дом Романовых и Балканы. Сб. статей. / отв. ред. В.Б. Каширин. – М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 253.

[2020] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8713. Славянское благотворительное дружество в Болгарии. 10 000 франков пострадавшим русским воинам. 1915. Л. 2.

[2021] Там же. Д. 8692. Дело, касательно обращения поступающих в нашу миссию в Софии сумм, жертвуемых болгарами в пользу РОКК. 1914. Л. 28, 34.

[2022] Там же. Л. 9, 13.

[2023] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8749. Л. 34.

[2024] Там же. Д. 8621. Санитарный отряд Славянского благотворительного дружества. 1914. Л. 1.

русского учреждения, она [бы] носила название “Болгарский санитарный отряд имени Славянского благотворительного дружества”»[2025].

Однако РОКК не смогло определиться без предварительной консультации с МИД и в письме 10 октября 1914 г. пожелало выяснить, «насколько желательно по общеполитическим соображениям и насколько допустимо по соображениям принадлежности персонала к числу иностранных подданных является принятие данного предложения»[2026]. 16 октября 1914 г. пришел ответ, что «с политической точки зрения удовлетворение ходатайства Славянского дружества представляется весьма желательным»[2027]. А.А. Савинскому поручили сделать соответствующий запрос болгарскому правительству. 16 октября 1914 г. от него пришла телеграмма: «Болгарское правительство весьма охотно дало требуемое разрешение и нетерпением ожидает извещения о том, что отряд вполне сформирован и может выехать в Россию»[2028]. На заседании 18 октября ГУ РОКК признало возможным принять предложение Славянского благотворительного дружества в Болгарии. 22 октября 1914 г. болгарский санитарный отряд выехал в Россию[2029]. Согласно выписке из журнала заседаний ГУ от 3 ноября 1914 г. он прибыл в Одессу в составе трех врачей, четырех сестёр милосердия, одного санитара-медика, фельдшера и трех санитаров. Его снаряжение весило 51 пуд. По указанию представителя РОКК в Одессе генерала Григорьева, 1 ноября 1914 г. персонал был направлен в Тифлис и размещен на станции Кавказская[2030]. Предполагалось, что до конца войны болгарский отряд будет содержаться за счёт пожертвований из Болгарии.

Стоит также упомянуть, что не все благотворительные инициативы болгарских организаций были реализованы. В связи с этим примечательна судьба пожертвования Болгарского лекарского союза в пользу Петроградского общества попечения о сиротах – детях врачей. 17 июля 1915 г. МИД был уведомлен о полученном в российской миссии в Софии пожертвовании в 3 300 левов (1 245,2 руб.), переданном доктором Бероном, председателем Болгарского лекарского союза. Пока шла переписка по этому поводу, пока уведомили Петроградское общество попечения о сиротах – детях врачей, пока пересылали средства, Болгария вступила в войну на стороне Центральных держав. Правление общества 2 ноября 1915 г. сообщило в МИД, что «не признало для себя возможным при настоящих условиях принять этот дар Болгарского лекарского союза и

[2025] Там же. Л. 2-3.

[2026] Там же. Л. 4.

[2027] Там же. Л. 6-6 об.

[2028] Там же. Л. 8.

[2029] Там же. Л. 13.

[2030] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1542. Л. 10, 12.

постановило возвратить таковой…»[2031]. 10 февраля 1916 г. в МИД было принято решение «довести до сведения болгарского правительства об отказе Общества попечения о сиротах – детях врачей от вышеуказанного дара Болгарского лекарского союза» и сообщить, что деньги будут возвращены по окончании войны[2032].

И все же, если говорить о российской гуманитарной помощи в период Первой мировой войны, то основное внимание российского государства и общественности уделялось Сербии, принявшей на себя основной удар противника на Балканах. Российская государственная власть в лице ее военного ведомства была заинтересована в поддержке боеспособности своего балканского союзника. Поэтому поддерживались практически все инициативы, отвечающие этой задаче. Посильное содействие оказывалось и Черногории.

На направления и объемы российской гуманитарной помощи влияло несколько факторов. Среди них были ситуация на фронтах, внутри Империи и взаимоотношения стран Антанты.

В связи с этим в оказании гуманитарной и благотворительной помощи сербам и черногорцам можно выделить два периода. Первый длился с начала военных действий и до октября 1915 г., отступления сербской армии. Он характеризуется широкомасштабной медицинской, продовольственной и другой помощью, призванной, прежде всего, поддержать боеспособность сербской и черногорской армий за счёт решения их проблем в тылу.

Второй период начался с осени 1915 г. и длился до октябрьских событий 1917 г., когда Императорская Россия перестала существовать. На этом этапе помощь оказывалась, прежде всего, беженцам и военнопленным.

Мощным стимулом к гуманитарной деятельности на Балканах, по-прежнему, оставалось общественное мнение России, желающей деятельно поддержать своих славянских братьев. Однако и оно, как мы увидим, было подтверждено колебаниям в зависимости от побед или поражений на Восточном фронте, а также информированности населения о том, что происходит на Балканах.

Сербия, не имевшая возможности восстановиться после военных действий 1912-1913 гг., нуждалась в серьезной помощи. Бедствий добавили скудный урожай 1914 г., потеря части территории в результате военных неудач первых месяцев войны, а также мобилизация практически всего мужского населения[2033]. Сербское правительство ощущало нужду

[2031] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8112. Берон, доктор, председатель Болгарского лекарского союза. Пожертвование 3 300 левов в пользу Общества детей-сирот врачей в Петербурге. 1915. Л. 1-2, 6.

[2032] Там же. Л. 7.

[2033] *Попович Никола Б.* Русская гуманитарная помощь Сербии в период Первой мировой войны // Последняя война Российской Империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: Материалы международной научной конференции. – М.: Наука, 2006. С. 187-188.

практически во всем – от финансовых средств до продовольствия и фуража, поэтому было вынуждено неоднократно обращаться к союзникам и в нейтральные страны с призывом о помощи. И, конечно, особые надежды сербов были связаны с Россией.

Самые многочисленные просьбы сербского правительства касались поставок вооружения и снарядов. И хотя эти вопросы не входят в тему данного исследования, следует отметить, что, если отсутствовали возможности поставок из России, то сербские власти искали их в других странах, в основном, во Франции. Однако, чтобы получить требуемое, сербскому правительству зачастую требовалась дипломатическая поддержка российских дипломатических представителей, которая ему неизменно оказывалась. 15 сентября 1914 г. министр С.Д. Сазонов получил телеграмму с выражением глубокой благодарности сербского правительства «за все те блага, которая делает Россия Сербии и сербскому народу в эти его трудные дни. В частности, королевское правительство просит меня выразить его благодарность императорскому правительству за военно-материальную поддержку сербской армии и за его содействие во Франции для отпуска военных материалов нашей армии»[2034].

Уже в конце августа 1914 г. военный министр В.А. Сухомлинов подал императору докладную записку о необходимой помощи Сербии. И хотя в ней шла речь, в основном, о вооружении и организации передвижения сербских войск, примечательна резолюция Николая II на этом документе: «По-моему, следует довести нашу помощь Сербии до конца. Царское Село. 25 августа 1914 г.»[2035]. Обстоятельства так сложились, что Россия выполнила ее буквально: пока стояла Империя, сербы могли рассчитывать на всестороннюю поддержку.

Серьезные проблемы были и у Черногории. Её экономические и людские ресурсы были истощены. Практически все взрослое мужское население было мобилизовано. Работать было некому: в деревнях оставались лишь женщины, старики, дети и инвалиды[2036].

§ 1. Деятельность славянских и иных общественных организаций в пользу Сербии и Черногории. 1914-1915 г.

Наибольшую активность в деле помощи пострадавшему от военных действий сербскому и черногорскому населению проявили РОКК, Петроградское (с августа 1914 г.) славянское благотворительное общество и ряд славянских и иных организаций.

[2034] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 425. Д. 4042. Л. 153.

[2035] РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 25. Л. 31.

[2036] За балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 194.

Первые пункты приема пожертвований в Петрограде и Москве уже в 20-х числах июля были открыты Петроградским Славянским благотворительным обществом, Московским славянским комитетом и Славянским вспомогательным обществом[2037].

Так как Россия была участницей военного конфликта, то ее Красный Крест сосредоточился на оказании помощи собственным больным и раненым воинам, однако его вклад в дело помощи Сербии и Черногории переоценить сложно. В первые дни войны ГУ РОКК выделило денежные средства в помощь Сербскому и Черногорскому обществам Красного Креста. 23 августа 1914 г. сербская миссия получила на свой счёт 50 000 руб.[2038]. Черногорское общество Красного Креста получило 25 000 руб. Несколькими днями ранее поверенный в делах Н.А. Обнорский в телеграмме от 22 июля (4 августа) 1914 г. передал ходатайство председателя Черногорского Красного Креста митрополита Митрофана о «возможно незамедлительной присылке сюда нашим обществами Красного Креста и Славянским благотворительным санитарных отрядов»[2039].

За первыми шагами последовали и другие: в Сербию и Черногорию отправлялись санитарные отряды, денежные средства. Была оказана и другая помощь.

Значительная работа была проделана и Петроградским славянским благотворительным обществом, сумевшим отправить на Балканы два санитарных отряда, один из которых проработал на Салоникском фронте до конца 1917 г.

В июле – августе 1914 г. большинстве славянских организаций прошли экстренные совещания, посвященные актуальным вопросам современности, одновременно решался вопрос, как помочь балканским союзникам – Сербии и Черногории.

Эти заседания проходили на фоне антиавстрийских и патриотических манифестаций в северной столице, Москве, Одессе, Павловске, Ярославле, Тихвине, Саратове, Ялте, Киеве и многих других городах и населенных пунктах Империи. В ряде церквей, в частности, на Сербском подворье в Москве, прошли молебны о даровании победы сербскому оружию.

Переживаемые события возродили у части членов славянских организаций надежду на скорое воплощение идеи об объединении славян. Общее настроение можно проиллюстрировать словами телеграммы, отправленной участниками совещания девяти славянских обществ Одессы в правительства Сербии и Болгарии: ««Для славянских народов и их союзников открываются теперь величайшие перспективы могучего национального подъема, свободного государственного развития, богатства, силы и счастья. Было бы величайшим преступлением,

---

[2037] 16 января 1915 г. в газетах было опубликовано письмо сербского митрополита Димитрия председателю Славянского вспомогательного общества Н.С. Спасокукоцкому с благодарностью за 1 000 руб. (2 222 франков золотом) в пользу сирот сербских воинов. // Голос Москвы. 1915. 16 (29) января. С. 4.

[2038] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8626. Л. 3.

[2039] Там же. Д. 8691. Л. 1.

если бы славянские правительства не сумели воспользоваться нынешним единственным в истории неповторимым моментом. Все счёты и споры между славянами должны быть улажены, в виду величайших материальных и моральных приобретений, которые ждут каждого члена славянской семьи в ближайшем будущем. Горячо любимые братья, болгары и сербы, найдите в себе мужество путем взаимных уступок справедливо разрешить наш спор, столь гибельный для славянского дела. Соединяйте свои рати против вековых врагов славянских – немцев и турок»[2040].

Звучали и голоса скептиков. «Московский листок» утверждал, что «ввиду войны России с Германией мысль о помощи сербам невольно отпадает… Н.И. Гучков все время занят Красным Крестом… Пожертвования поступают очень туго. «Мне прямо заявляют, – говорит товарищ председателя [Московского славянского комитета] Ф.Н. Котов, – зачем же жертвовать сербам, когда у нас самих война? Надо на Красный Крест отдавать»[2041].

Однако постоянно присутствующая в информационном пространстве славянская тема способствовала тому, что население России был готово нести свои жертвы на помощь славянам. Многочисленные статьи держали в курсе текущей ситуации в Сербии и Черногории, в том числе, в гуманитарной области. Публиковались и призывы о помощи. Так, 19 сентября 1914 г. «Голос Москвы» разместил заметку «Нужды сербской армии», где сообщалось, что сербская армия терпит лишения: «ощущается недостаток в необходимых вещах перевязочных средствах, в платье и обуви. Солдатам приходится совершать трудные переходы и сражаться босиком»[2042].

Для привлечения средств газеты использовали не только эмоциональные призывы к состраданию, но и рациональные доводы, апеллируя как к прошлому опыту, так и перекидывая «мосты» в будущее. В статье «На помощь сербам и черногорцам», размещенной 2 декабря в нижегородской ежедневной газете «Волгарь», читателям напомнили о борьбе сербов и черногорцев против Турции и о том, что балканские народы ссорит австрийская интрига. Далее автор заметил, что «мы можем со вздохом облегчения и внутреннего удовлетворения сказать, что не даром проливали и проливаем кровь свою за славян. Они были и будут с нами. В лице сербов и черногорцев борются с нами народы будущего славянского объединения»[2043]. В результате сборов, проведенных редакцией газеты 2 и 3 декабря, было собрано 2 350 руб. 65 коп., в том числе, в пользу черногорского Красного Креста – 787 руб. 20 коп.[2044].

Инициаторами многочисленных сборов пожертвований в помощь балканским славянам становились уже имеющиеся и вновь созданные славянские благотворительные комитеты и

[2040] Русский инвалид. 1914. 1 (14) ноября. С. 3.

[2041] Московский листок. 1914. 13 июля. С. 3.

[2042] Голос Москвы. 1914. 19 сентября (2 октября). С. 3.

[2043] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9195. Л. 17.

[2044] Там же. Л. 7, 7 об.

организации, а также образованные в связи с началом военных действий комитеты некоторых членов Императорской фамилии. При этом если организации, возглавляемые княгиней Еленой Петровной, ассоциировались с Сербией, то возглавляемые великими княгинями Милицей Николаевной и Анастасией Николаевной – с Черногорией. Их помощь сербам и черногорцам была самой разнообразной. Комитет великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий (Татьянинский комитет), решая свои уставные задачи, распространял свою деятельность и на сербских беженцев, нашедших убежище на территории России.

Гуманитарную деятельность на Балканах с первых дней войны поддерживала Русская православная церковь. Это выражалось в разрешении тарелочных и кружечных сборов в церквах Империи в пользу славянских организаций, прежде всего, Петроградского (с 1914 г.) славянского благотворительного общества.

Из протоколов Славянского благотворительного общества следует, что 21 июля 1914 г. было принято решение ассигновать «на дело помощи жителям Сербии и Черногории, пострадавшим от бедствий настоящей войны» 3 000 руб. и 2 000 руб. соответственно[2045]. 8 августа на заседании Общества впервые обсуждался вопрос об отправке санитарных отрядов в Сербию и Черногорию. Была образована Комиссия по организации лазаретов для Сербии и Черногории. Она начала свою работу 12 августа 1914 г.[2046]. Полное оборудование отрядов было закончено к 5 сентября. В 1914 г. на содержание санитарных отрядов и другие нужды, вызванные войной, было истрачено 64 805.93 руб.[2047].

Согласно данным из годового отчета Петроградского славянского благотворительного общества за 1915 г., на чрезвычайные расходы поступило от церковных сборов 67 690.75 руб., от кружечных сборов в городах – 77 691.85 руб., от сборов с концертов, лекций, вечеров и подписных листов – 7 078 руб., от частных лиц и учреждений – 14 753.64 руб. На содержание сербского и черногорского отрядов было израсходовано 40 636.76 руб., приобретено медикаментов, перевязочных средств и провизии для сербского отряда на 6 022.77 руб., выдано пособий сербам на 6 976.57 руб.[2048].

Значительный вклад в дело помощи сербам и черногорцам внесли петроградское и московское городское общественные управления. Вопрос, отправлять ли в сербскую армию врачебно-санитарный отряд, в петербургском городском общественном управлении решался 12 июля 1912

[2045] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1594. Л. 64.

[2046] Там же. Л. 77.

[2047] Там же. Оп. 3. Д. 79. Л. 2.

[2048] Там же. Д. 77. Л. 11 об.-12 об.

г.[2049]. Заседание петроградской городской думы открылось речью ее председателя, сенатора С.В. Иванова. Он говорил о доблестной Сербии, остро нуждающейся в самом необходимом: продовольствии, одежде, обуви, медикаментах, врачебной помощи. Было принято решение образовать особый комитет для разработки вопросов о формах помощи Петрограда Сербии[2050].

Тогда же при Петроградском городском общественном управлении был образован Комитет по оказанию помощи Сербии (Сербский комитет). Его почетной председательницей стала княгиня Елена Петровна. Для привлечения средств на деятельность Комитета был организован повсеместный сбор пожертвований путем открытия подписки в редакциях газет и рассылки надлежащим учреждениям и лицам подписных листов во все города Российской империи. Петроградская городская дума ассигновала в его распоряжение 50 000 руб. как первый взнос[2051]. На соединенном совещании московской городской управы и военной комиссии, состоявшемся 16 декабря 1914 г., обсуждалась необходимость нового ассигнования средств на санитарные нужды Сербии. В результате было принято решение выделить 50 000 руб. «на нужды сербской армии»[2052].

Московский славянский комитет возобновил свою деятельность и стал инициатором одного из первых крупных мероприятий по сбору пожертвований. «День славянских флагов», организованный им 20 августа 1914 г. дал свыше 20 000 руб., а также большое количество пожертвований вещами и медикаментами. Биржевой комитет выделил 50 000 руб. Неплохой доход принесли и лекции как в Москве, так и в провинции. Подведя итоги сбора, собрание членов комитета решило отправить в Сербию врачей, а также гигроскопическую вату и медикаменты[2053].

Активизировало свою деятельность и Всероссийское Русско-Черногорское благотворительное общество. В первые дни войны оно подало прошение о разрешении устроить на улицах Петрограда однодневный кружечный сбор с продажей черногорского флажка. Просьба удовлетворена не была. И все же Всероссийское Русско-Черногорское общество смогло на этом этапе внести свой вклад в дело помощи черногорскому народу. 18 сентября 1914 г. оно обратилось к российскому правительству с просьбой поддержать ходатайство Черногорского общества Красного Креста о выделении ему из государственной казны 50 000 руб. вместо отправки санитарного обряда[2054]. Как следует из переписки МИД, при рассмотрении этого вопроса в Совете министров, ходатайство товарища председателя Общества, священносингела

[2049] Голос Москвы. 1914. 13 июля. С. 2.

[2050] Петроградские ведомости. 1914. 14 (27) ноября. С. 2.

[2051] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8668. Л. 1.

[2052] Голос Москвы. 1914. 17 декабря. С. 3.

[2053] Там же. 30 августа. С. 5.

[2054] Там же. Л. 3-4, 7.

Мардария (Ускоковича) было принято во внимание и «постановлено ассигновать на таковое пособие 50 000 руб., что и было … утверждено [императором] в 17 день октября 1914 г.»[2055]. Члены организации и в дальнейшем предпринимали усилия по поддержке Черногорского общества Красного Креста. Так, в декабре на общем собрании Общества было собрано 95 000 франков «в пользу нуждающихся черногорских семейств»[2056]. Они были переданы через российскую миссию в Цетинье в распоряжение Черногорского общества Красного Креста[2057].

В Москве сбором пожертвований в пользу Черногорского Красного Креста занимался его уполномоченный А.И. Дросси. 18 ноября 1914 г. он обратился в российский МИД с просьбой передать собранные им 1 000 руб. митрополиту Митрофану как главе Черногорского общества Красного Креста. Это ходатайство было удовлетворено[2058]. Следующая просьба последовала 12 марта 1915 г. и тоже не встретила препятствий. 10 марта 1915 г. с аналогичной просьбой о переводе средств митрополиту Митрофану обратилось в МИД Славянское вспомогательное общество, также находившееся в Москве. В связи с тем, что ответ не последовал, его председатель Н.С. Спасокукоцкий через неделю написал ходатайство вторично[2059]. Разрешение передать денежные средства через МИД Славянское вспомогательное общество получило 2 апреля 1915 г. 8 апреля оно перевело по почте 2 000 руб., а 7 июля обратилось за разрешением отправить по тому же адресу еще 1 000[2060]. Однако деньги до адресата не дошли. А.И. Дросси был вынужден 22 июля 1915 г. обратиться в МИД с запросом о судьбе пересылаемых средств, с учетом, что с момента последней отправки прошло 3 ½ месяца. Не получив ответа, А.И. Дросси 14 августа 1915 г. направил письмо с изложением проблемы на имя министра С.Д. Сазонова. По-видимому, такие же проблемы были и у Славянского вспомогательного общества, получившего 17 августа 1915 г. уведомление из МИД, что все суммы, предназначенные митрополиту Митрофану «пересылаются по назначению партиями по мере накопления»[2061]. По нашему мнению, эти данные свидетельствуют не только о сложностях доставки денежных средств в Черногорию, но и многочисленности пожертвований небольшими суммами, что заставляло чиновников МИД аккумулировать их на своих счётах.

В Одессе в самом начале войны был образован комитет «Одесса-Сербии», принявший активное участие в сборах пожертвований. Практически сразу он установил связь с Московским

[2055] Там же. Л. 6.

[2056] Вестник Красного Креста. 1915. № 4. С. 1319.

[2057] Московские ведомости. 1915. 18 марта. С. 3.

[2058] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8694. Митрополит черногорский Митрофан. Перевод ему денег. 1914. Л. 1, 2.

[2059] Там же. Л. 7-9.

[2060] Там же. Л. 10-13.

[2061] Там же. Л. 14-16.

славянским и Сербским комитетами. Вскоре благотворительные комитеты были организованы и в других городах России.

Среди множества вновь возникших организаций стоит упомянуть Комитет по оказанию помощи раненым воинам русским, черногорским и сербским, их семействам и семействам убитых воинов. Он был создан в первые дни войны и находился под покровительством великой княгини Милицы Николаевны[2062]. По своей эмблеме в 1916 г. он официально получил второе название – Зелёный Крест. В почетные члены Зелёного Креста были приглашены видные государственные деятели: А.В. Кривошеин, главноуправляющий землеустройством и земледелием, С.И. Тимашев, член Государственного Совета, Н.А. Маклаков, министр внутренних дел, С.Д. Сазонов, министр иностранных дел и др. Председателем «Зелёного Креста» стал профессор археологии Александр Иванович Успенский. В августе 1914 г. открылись региональные отделения Зелёного Креста. Сначала в Смоленске, Ярославле, Симферополе, Казани, а впоследствии (по состоянию на август 1916 г.) – в Одессе, Харькове, Могилевске, Костроме, Нижнем Новгороде, Самаре, Кашире и других городах России[2063]. Таким образом, деятельность Зеленого Креста охватывала, как минимум, её европейскую часть.

Первое прошение Зелёного Креста о кружечном сборе в канцелярию московского градоначальника было подано уже 31 августа 1914 г. Члены организации планировали выставить 50 кружек в правительственных, торговых и общественных учреждениях и заведениях. Согласие московских властей было дано 3 сентября[2064]. Использовались и другие формы сборов. Мы не будем перечислять все мероприятия первой военной осени в пользу Зелёного Креста: их было немало. Отметим при этом активное участие творческой и научной интеллигенции – артистов, певцов, ученых, публицистов[2065].

25 сентября 1914 г. в «Голосе Москвы» появилась информация, что Зелёный Крест отправляет в Черногорию санитарный отряд, старшим врачом которого был назначен врач В.А. Белоголовый[2066]. Однако, никаких конкретных сведений ни о составе, ни о деятельности этого отряда обнаружить не удалось.

[2062] Петроградские ведомости. 1914. 21 августа. С. 7.

[2063] ЦГА Москвы. Ф. 445 (Московский комитет по оказанию помощи раненым воинам: русским, сербским и черногорским, их семьям и семействам убитых воинов). Оп. 1. Д. 6. Л. 2-3, 74.

[2064] Там же. Д. 10. Л. 8, 33.

[2065] Подробнее см.: *Шевцова Г.И.* Деятельность комитета «Зелёный Крест», состоявшего под покровительством великой княгини Милицы Николаевны. 1914-1916. // Историјски записи. Година XCII. 2020. № 3-4. С. 45-53.

[2066] Голос Москвы. 1914. 25 сентября. С. 4.

Более определенно можно говорить о том, что с первых дней существования Зелёного Креста его члены наладили регулярную доставку посылок[2067] в действующую армию. За первые три месяца работы было подготовлено свыше 2 000 посылок, половина которых предназначалась русским воинам на южном фронте, а другая планировалась к передаче сербам и черногорцам[2068]. Первая партия рождественских подарков была отправлена 24 декабря 1914 г., а транспорт медикаментов, перевязочных средств и тёплого белья для черногорцев – 28 декабря[2069]. Кроме того, в помощь Черногорскому Красному Кресту было передано 10 000 руб.[2070].

Сербскому посланнику Мирославу Спалайковичу от имени руководства организации было направлено уведомление об отправке денежных средств в помощь раненым солдатам – сербам и черногорцам[2071]. С большой долей вероятности можно предположить, что денежные средства (по аналогии с периодом Балканских войн) в Черногорию и Сербию передавались и впоследствии. Деятельность Зелёного Креста развивалась довольно успешно. Спустя полгода его председатель А.И. Успенский с гордостью отмечал, что «никакими субсидиями от правительства и других общественных организаций Комитет не пользуется»[2072].

Однако стоит заметить, что отсутствие достаточного количества архивных документов о деятельности этой организации, прежде всего, отчетов, вызывает много вопросов. Так, в декабре 1914 г. в интервью «Голосу Москвы» А.И. Успенский отметил, что «в настоящее время все усилия направлены к тому, чтобы организовать самую широкую помощь Сербии и Черногории…»[2073]. По его словам, Зелёный Крест уже отправил два санитарных отряда в Ниш, один из которых (два врача, две сестры милосердия и несколько добровольцев-санитаров) вернулся в Россию в конце ноября 1914 г. и в настоящее время закупает на средства общества несколько ящиков хирургических инструментов, перевязочные средства, бельё, в чем ощущается острая нужда в Сербии. Второй отряд к тому моменту оставался в Нише вместе с уполномоченным[2074]. А вот данные о деятельности и пребывании отрядов Зелёного Креста на территории Сербии обнаружить пока не удалось, не упоминал о них и посланник Г.Н. Трубецкой.

[2067] Каждая посылка состояла из тёплой фуфайки, шерстяного набрюшника, 100 папирос, 1/8 фунта чая, двух фунтов сахара, спичек, мыла, свечей, перчаток, средств от насекомых, сыра и консервов.

[2068] ЦГА Москвы. Ф. 445. Оп. 1. Д. 10. Л. 115.

[2069] Голос Москвы. 1914. 23 декабря. С. 4.

[2070] Петроградские ведомости. 1914. 29 декабря (10 января 1915). С. 1.

[2071] ЦГА Москвы. Ф. 445. Оп. 1. Д. 6. Л. 69.

[2072] Голос Москвы. 1915. 29 января. С. 5.

[2073] Там же. 1914. 3 декабря. С. 5.

[2074] Там же.

В течение года с начала военных действий до осени 1915 г. большинство пожертвований, согласно воле благотворителей, поступало в распоряжение Комитета помощи сербам и черногорцам при российской императорской миссии в Сербии, образованного в ноябре 1914 г. Целью этой временной организации было «объединение и введение стройной планомерности в деятельность всех русских санитарных и благотворительных учреждений, работавших в тот момент в пределах Сербии, а также оказать посильную помощь черногорцам»[2075].

С образования этого Комитета начал свою деятельность назначенный после внезапной смерти Н.Г. Гартвига посланником при Сербском дворе князь Г.Н. Трубецкой. Свое назначение он получил в июле, но сразу выехать к месту службы не смог, так как российские власти надеялись, в случае согласия Австрии, на организацию международной конференции в Париже для обсуждения ее конфликта с Сербией. Представителем от России должен был стать опытный дипломат князь Трубецкой, в течение нескольких лет возглавлявший Первый (Азиатский) департамент МИД. Фактически в управление императорской миссией в Сербии он вступил 25 ноября (8 декабря) 1914 г.[2076]. До своего отъезда к месту службы князь Г.Н. Трубецкой предпринял некоторые шаги для установления контактов с различными славянскими и другими общественными организациями, средствами массовой информации, чем активно пользовался впоследствии. Представителем Комитета в Москве стала сестра посланника княгиня М.Н. Гагарина, а в Петрограде – графиня М.М. Орлова - Давыдова. 17 декабря «Голос Москвы» опубликовал выдержки из писем князя Г.Н. Трубецкого, переданные московскому городскому голове М.В. Челнокову княгиней М.К. Трубецкой. Они содержали описание основных гуманитарных проблем и просьбы о немедленной помощи[2077].

24 декабря 1914 г. в ресторане московской гостиницы «Метрополь» состоялась очередная славянская трапеза. На ней обсуждались вопросы, связанные с организацией Сербско-Черногорского дня, запланированного на начало января 1915 г. Основными мероприятиями должны были стать торжественная трапеза и концерт с участием Л. Собинова. Все собранные пожертвования было решено передать в Комитет кружечного сбора в пользу Сербии и Черногории под председательством княгини М.Н. Гагариной[2078]. Инициатором и организатором Сербско-Черногорского дня выступил Московский славянский комитет.

[2075] *Трубецкой Г.Н.* Российская дипломатия и война на Балканах. – Монреаль, 1983. С. 121.

[2076] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 425. Д. 1827. Л. 13. В воспоминаниях В.Н. Штрандмана указывается, что Г.Н. Трубецкой прибыл в Ниш 17 декабря, а вручение верительных грамот состоялось на следующий день. // *Штрандман В.Н.* Указ. соч. С. 370.

[2077] Голос Москвы. 1914. 17 декабря. С. 3.

[2078] Там же. 24 декабря (6 января). С. 4.

В деле помощи сербам следует отметить особую активность членов сербской диаспоры в Москве и Петрограде. Среди них выделялся настоятель Сербского подворья в Москве архимандрит Михаил. Он был членом Совета Московского славянского комитета, поддерживал связи с Сербским Красным Крестом, правительственными и общественными организациями Сербии, вел большую общественную работу, постоянно обращался с воззваниями и призывами о пожертвованиях в пользу жертв войны, их семейств, больных и раненых воинов.

Сборы пожертвований были прекрасным поводом для поездок различных эмиссаров из Сербии, независимо от их реальных целей. В конце января 1915 г. в российской прессе появились сообщения, что из Москвы в Киев выехал сербский общественный деятель и писатель Д. Илич, планировавший создание особых комитетов для организации помощи разоренной Сербии в губерниях юго-западной России[2079]. Увеличению сборов средств способствовали и лекции по славянским вопросам, и встречи с активистами различных славянских обществ профессора А. Белича, видного представителя славянского движения. Его деятельность объективно способствовала росту пожертвований, так как будоражила интерес общественности к славянским проблемам. Однако, она явно выходила за рамки благотворительной. Главной задачей профессора Белича было привлечение внимания к политическим вопросам, в частности, решению территориального вопроса на Балканах в пользу Сербии. По поводу поездок именитых сербов в Россию князь Г.Н. Трубецкой высказался вполне однозначно. В донесении в МИД от 11 (24) апреля 1915 г., он сообщил, что предостерег Н. Пашича против того «вреда, который может быть причинен…, если сербские деятели, не разобравшись в местной обстановке, поддадутся заманчивым речам безответственных политиканов или сделаются орудием их интриг»[2080].

МИД пытался пресекать такого рода активность, которая могла затруднить решение его задач. Если было возможно, то дипломаты использовали всё те же благотворительные сборы как благовидный предлог для отказа в поездках в Россию. Так, 25 декабря 1914 г. посланник Трубецкой сообщил о намерении сербских властей отправить в Россию для сбора средств епископа Охридского Варнаву. Трубецкой негативно отнесся к этой идее и счел необходимым её отклонить. Посланник опасался, что выбор для поездки епископа из оспариваемой болгарами территории имел целью политическую агитацию в России. Однако официальным предлогом для отказа стало напоминание, что приток пожертвований из России довольно велик, что делает поездку любого лица бесполезной. Кроме того, в письме в МИД Трубецкой указал, что им было

[2079] Московские ведомости. 1915. 20 января (2 февраля). С. 4.

[2080] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 433. Л. 3.

высказано «весьма существенное соображение о желательности сохранения за оказываемой … помощью характера русского почина»[2081].

У российских властей, кроме возможных политических осложнений, связанных с агитацией в пользу Сербии, были и другие проблемы. Искренний порыв населения Российской империи и нескончаемый поток пожертвований провоцировал массу злоупотреблений в этой области. Обычно такими делами занимался МВД, довольно быстро разоблачая мошенников.

Но были случаи, когда была вынуждена реагировать и сербская миссия. Так, 15 декабря 1914 г. в «Русском инвалиде» было размещено следующее объявление: «В последнее время не раз обращались в сербскую миссию желающие жертвовать на нужды сербской армии с вопросом о некоем Лазаре Стефановиче Нестеровиче, который выдает себя чиновником миссии. Сим сербская миссия доводит до сведения публики, что упомянутое лицо не имеет никакого отношения к миссии и что за справками относительно пожертвований нужно обращаться к комитету ее королевского высочества княгини Елены Петровны, петроградскому городскому комитету по сбору пожертвований … или же непосредственно к сербской миссии»[2082].

Особняком стоит случай с сербским подданным Чедомиром Йоксимовичем, бывшим в период Балканских войн торговым представителем Сербии. Он разъезжал с лекциями по славянской тематике по городам России. 25 ноября 1914 г. С.Д. Сазонов получил от своего коллеги из МВД доверительное письмо с сообщением, что 3 ноября в Казани состоялась лекция по славянскому вопросу Ч. Йоксимовича. Получая разрешение у местных властей, он заявил, что командирован сербским посольством «путем публичных чтений вызвать в русском обществе симпатии к его соотечественникам, а также для сбора пожертвований»[2083]. Известие о лекции на славянскую тему было встречено в казанском обществе с энтузиазмом. Для ее проведения было выделено бесплатно помещение театра. Само мероприятие прошло при большом стечении публики. Сбор от лекции составил 675.76 руб. В соответствии с правилами, губернское начальство потребовало отчет о расходах. И тут выяснилось, что Йоксимович записал в расход 555.7 руб.[2084]. В пользу сербов полагалось всего 122. 06 копеек, то есть менее 18% от сбора. Местные власти посчитали это скандалом. Более того, столь незначительные отчисления в пользу Сербии и Черногории вызвали некоторые сомнения относительно личности лектора, намеревавшегося побывать и в

[2081] Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8668. Л. 2.

[2082] Русский инвалид. 1914. 15 (28) декабря. С. 2.

[2083] АВПРИ. Там же. Д. 8680. Л. 1.

[2084] Расход на билеты – 54.7 руб.; суточные за 19 дней – 190 руб.; вознаграждение за лекцию – 100 руб.; за розданные 100 экземпляров книги «Исторический очерк славянства» и 200 экземпляров «Славяне и европейский вопрос» – 160 руб. и пр.

других городах Империи с той же целью[2085]. По запросу МИД из сербской миссии 21 декабря 1914 г. пришел ответ, что Йоксимович сербским агентом не состоит, и все, что он делает, происходит без ведома и одобрения сербского представительства. В заключение посланник просил «пресечь возможность злоупотреблять симпатиями Русского общества». В соответствии с этой информацией МВД в начале декабря разослал циркуляр начальникам губерний с предложением не допускать подобных собраний или сборов[2086]. Однако этим история не закончилась. По ходатайству туркестанского генерал-губернатора, генерала от инфантерии Ф.В. Мартсона, Ч. Йоксимович свои лекции продолжил. Вопрос, почему он получил поддержку члена Военного Совета, остается открытым.

К началу 1915 г. в российском обществе появились надежды на скорую победу. Численность русской армии к этому моменту сравнялась с германо-австрийской (этот перевес удалось сохранять только до весны). Сбор средств в пользу Сербии и Черногории возобновился с новой силой.

11-12 января 1915 г. Московским славянским комитетом был проведен Сербско-Черногорский день. В период подготовки было заказано 3 000 кружек для сбора и 1 000 000 значков с изображением свв. Кирилла и Мефодия, на обратной стороне которых было напечатано: «Москва объединила Русь, Русь объединит славянство». В день сбора все московские газеты вышли с призывом помочь Сербии и Черногории. Среди них был напечатан призыв князя Г.Н. Трубецкого: «… Несчастная маленькая Сербия с мольбой смотрит на Россию, но наша армия может протянуть ей руку только покончив с общим врагом… Пусть сербы чувствуют, что их не забыла Россия, что их страдания нам близки, что, не дожидаясь часа избавления, мы теперь же идем на помощь их женам и детям в их горе и лишениях. Это вдохнет новую бодрость в мужей – героев. Помогите им, чем можете!»[2087]. В день сбора в Москву прибыл посланник Мирослав Спалайкович. Тогда же Н.И. Гучковым была получена телеграмма от короля Петра: «Я очень тронут тем добрым отношением, который город Москва проявляет в переживаемые минуты к стране моей и моему народу. Прошу передать вашим согражданам те чувства признательности и братства, которые соединяют навсегда русских и сербов»[2088].

В церкви Сербского подворья архимандрит Михаил в сослужении с представителями восточных церквей совершил литургию, а затем молебен. Присутствовали посланник Спалайкович, представители славянских национальностей, многие из которых были в

[2085] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8680. Л. 1-1 об.

[2086] Там же. Л. 2, 6.

[2087] Голос Москвы. 1915. 11 (24) января. С. 1.

[2088] Там же. 12 (25) января. С. 1.

национальных костюмах. По окончании молебствия из церкви было вынесено старое черняевское знамя, под которым сербские добровольцы сражались с турками было устроено торжественное шествие к Успенскому собору[2089]. Многие сборщики были одеты в сербские и черногорские костюмы[2090]. Однако итоги Сербско-Черногорского дня оказались гораздо скромнее, чем ожидалось. В 3 263 кружках оказалось 40 256 руб. 02 коп.[2091]. Тем не менее, этих денег было достаточно, чтобы начать отправку перевязочных средств и медикаментов в Сербию.

Примечательно, что в Русско-Черногорском дне участвовали представители как петроградских, так и московских славянских организаций. В ресторане «Метрополь» состоялась славянская трапеза. Почетным председателем был выбран генерал-майор А.П. Скугаревский, председатель петроградских славянских трапез. Было произнесено много речей, в том числе посланником М. Спалайковичем. Присутствовавшими был заслушан доклад Ф.Ф. Аристова[2092] «Что должна получить Россия после войны». По мысли докладчика, цель России – покончить раз и навсегда с немецким засильем и осуществить свои национальные задачи. Славяне должны объединиться в одно государство при сохранении своих национальных особенностей. В заключение мероприятия была принята резолюция в духе объединения всего славянства[2093]. В ее основе лежали тезисы, сформулированные на одной из славянских трапез 6 января 1915 г.: «Только Россия имеет право решать славянский вопрос во всем ее объеме; освобождаемые славянские народности должны войти в состав русского государства; война должна раздвинуть пределы России на Запад (Польша, Чехия, Словения) и на юг, до Армении, до естественных границ, которые легче защищать; необходимы выходы к морям – Эгейскому через Царьград и Проливы, Средиземному через Армению и Адриатическому через Словению; все занятые русскими войсками земли должны отойти к России»[2094]. Впрочем, на следующий день, на трапезе в ресторане «Прага», от этой резолюции отказались. Причина крылась в недовольстве ряда участников мероприятия в «Метрополе», для которых столь радикальные речи оказались неожиданными, и они предложили впредь все резолюции согласовывать[2095].

[2089] Русский инвалид. 1915. 13 (26) января. С. 3.

[2090] Голос Москвы. 1915. 12 (25) января. С. 1-2.

[2091] Там же. 19 января. С. 2.

[2092] Один из организаторов, председатель общества «Славия», член многочисленных славянских организаций. В годы Первой мировой войны был военным корреспондентом, занимался научной работой.

[2093] Голос Москвы. 1915. 12 (25) января. С. 1-2.

[2094] Московские ведомости. 1915. 8 (21) января. С. 4.

[2095] Голос Москвы. 1915. 13 января. С. 2.

12 января 1915 г. в Москве состоялось совещание устроителей славянских трапез в Москве и Петрограде в целях выработки дальнейшего плана действий славянских организаций[2096]. Это была еще одна попытка объединить все славянские движения. Славянские трапезы, судя по сообщениям прессы, в обеих столицах проходили регулярно. Их участниками были, в основном, члены славянских обществ. Своей целью славянские трапезы считали поддержку идеи общеславянского единения, для чего практиковали обмен мнениями. Однако к апрелю 1915 г. Московский Славянский комитет разочаровался в подобного рода мероприятиях, о чем заявил публично[2097]. Тем не менее, от сотрудничества отказываться не стали. С конца 1914 г. славянские трапезы в Москве взяло под свое покровительство московское отделение Всероссийского попечительства о пленных славянах[2098].

27 января 1915 г. состоялось отчетное заседание Славянского комитета под председательством Н.И. Гучкова. Присутствующим была зачитана телеграмма князя Трубецкого с благодарностью за помощь Сербии. Сербский комитет отчитался за расходы. Королю Петру была передана 1 000 руб., 20 000 руб. – в распоряжение посланника М. Спалайковича, 45 400 руб. были израсходованы на медикаменты и перевязочные средства[2099]. В феврале в Сербию и Черногорию были отправлены денежные пожертвования, 6 000 руб. и 3 000 руб. соответственно. Еще 2 000 руб. были переданы славянским трапезам на издание журнала[2100].

Кроме славянских организаций сочувствие делу помощи Сербии выразил Всероссийский союз городов. 12 февраля 1915 г. главноуполномоченный этой организации сообщил через прессу, что в ответ на письмо княгини М.К. Трубецкой с просьбой оказать посильную помощь сербам, было принято решение закупить и отправить в Сербию бельё и другие вещи на сумму 2 600 руб.[2101]. Забегая вперед, стоит также упомянуть, что именно эта организация помогла княгине М.Н. Гагариной в апреле 1915 г. отправить эпидемиологический отряд в составе четырех врачей-эпидемиологов и фельдшеров-дезинфекторов с необходимым оборудованием в Сербию[2102].

В деле помощи Сербии принял деятельное участие и Всероссийский Земский Союз помощи больным и раненым воинам, состоявший под покровительством великой княгини Елизаветы Федоровны (Всероссийский Земский Союз), оказавший содействие в решении вопроса с зимним обмундированием сербских солдат, что было особенно важно ввиду наступающих холодов. Это

[2096] Московские ведомости. 1915. 20 марта. С. 4.

[2097] Голос Москвы. 1915. 10 (23) апреля. С. 2.

[2098] Там же. 1914. 10 декабря. С. 5.

[2099] Там же. 1915. 27 января (9 февраля). С. 4.

[2100] Там же. 26 февраля (11 марта). С. 4; Московские ведомости. 1915. 27 февраля (12 марта). С. 4.

[2101] Московские ведомости. 1915. 12 (25) февраля. С. 4.

[2102] Голос Москвы. 1915. 10 апреля. С. 4.

была одна из первых гуманитарных проблем, с которыми столкнулся посланник Г.Н. Трубецкой еще перед отъездом к месту службы.

Возможности сербского государства для решения этой задачи были минимальны, поэтому была сделана попытка заказать одежду в Великобритании, Италии и Франции. В Англии сразу же отказались. В Италии, несмотря на заверения, что разрешение на размещение заказа будет дано, два поставщика, от которых ждали 200 000 комплектов солдатского обмундирования, прислали письменные заявления, что такие возможности в Италии отсутствуют, поэтому они прорабатывают вопрос об изготовлении одежды в Америке, но с другими сроками. Французский поставщик подписал договор об обеспечении 100 000 комплектами не позже 2 января 1915 г., но вскоре завел разговор об отсрочке и изменении финансовых условий. Премьер-министр Никола Пашич был вынужден обратиться в сербскую миссию в Петрограде с просьбой о срочном содействии через российское правительство. 3 октября 1914 г. С.Д. Сазонов сообщил В.Н. Штрандману, что военное ведомство лишено возможности удовлетворить просьбу о выдаче обмундирования на 200 000 солдат. Одновременно он уведомил, что свои услуги предложил Всероссийский Земский Союз, гарантировавший отправку 200 000 предметов тёплой одежды (30% коротких полушубков, 30% пиджаков на вате и 40% тёплых фуфаек). Кроме того, Всероссийский Земский Союз, пообещал принять все меры к ускорению поставки из Москвы в Одессу, в случае согласия сербского правительства на заказ. Никола Пашич с благодарностью принял предложение, ходатайствуя при этом об увеличении, по возможности, числа полушубков[2103]. Доставку обмундирования из Одессы взяло на себя Русско-Дунайское пароходство. 8 октября председатель Всероссийского Земского Союза князь Г.Е. Львов сообщил, что начал поставки без оплаты (5 000 одеял, 25 000 полушубков) под гарантии сербского посланника М. Спалайковича. По данным на 10 ноября 1914 г. стоимость отправленной тёплой одежды составила 454 765 руб. Эта сумма (согласно выписке из Особых журналов Совета министров от 18 ноября и 5 декабря 1914 г.) была возмещена из военного кредита Сербии[2104].

В сентябре и октябре 1914 г. шли активные переговоры с румынским правительством о доставке грузов различного назначения в Сербию. 26 июля (3 августа) 1914 г., поверенный в делах в Сербии В.Н. Штрандман сообщил из Ниша, что «в ответ на обращение Сербии за разрешением провоза военных материалов из России, румынское правительство заявило, что нейтралитет лишает его возможности удовлетворить это ходатайство и указало на Дунай как на

[2103] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 425. Д. 4042. Л. 3-4.

[2104] Там же. Л. 19.

удобный и открытый путь»[2105]. Однако к этому времени доставка грузов по Дунаю была сопряжена с огромными рисками и-за активности австрийцев.

Российская дипломатия внесла свою лепту в решение этого вопроса. 9 сентября 1914 г. министр С.Д. Сазонов дал указание посланнику С.А. Поклевскому-Козеллу получить «от бухарестского кабинета разрешения на провоз через румынскую территорию военных припасов и предметов обмундирования в Сербию, в которых она сильно нуждается в настоящее время»[2106]. 13 (26) сентября 1914 г. С.А. Поклевский-Козелл сообщил в МИД, что И. Брэтиану предложил использовать гуманитарный повод для доставки грузов, а именно: «снарядить дополнительный поезд для нашего Красного Креста в Сербии и для начала провести в нем предметы обмундирования. Он даст приказ не вскрывать вагонов на границе и, если этот опыт пройдет благополучно и без огласки, то затем можно будет отправлять в подобных же поездах и военные припасы»[2107]. Об этом предложении румынского премьер-министра С.А. Поклевский-Козелл сообщил в российскую миссию в Нише через А.П. Гартвиг, прибывшую со своим санитарным отрядом. 19 сентября (2 октября) В.Н. Штрандман уведомил МИД, что доложил об этой возможности премьер-министру Н. Пашичу, который, в свою очередь, дал задание М. Спалайковичу «справиться у Гучкова в Москве о сроках отправления санитарных грузов»[2108]. Таким образом, полушубки, о которых речь шла выше, были отправлены в Сербию сухопутным путем. Успешность доставки дала возможность в дальнейшем расширить ассортимент грузов в интересах сербской стороны.

Значительный вклад в дело гуманитарной помощи Сербии внес Петроградский комитет по оказанию помощи Сербии, состоявший покровительством княгини Елены Петровны. За полгода (по состоянию на 14 января 1915 г.) он собрал 105 789. 59 руб. пожертвований, не считая 50 000 руб., ассигнованных ему городской думой. Было израсходовано 149 588.60 руб., в том числе отправлены в Сербию транспорт с тёплым бельём и медикаментами (на 89 193. 19 руб.), передано русскому посланнику в Сербии на оборудование питательных пунктов 16 000 руб., израсходовано на заготовку тёплых вещей для отправки в Сербию 15 605 руб., передано сербскому посланнику 10 000 руб., переведено за границу на нужды сербских беженцев в Бухаресте, Солуни (Салониках) и Риме 16 500 руб.[2109]. Из этих цифр видно, что гуманитарная деятельность комитета была довольно значительной и по объему была сопоставима с

[2105] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 4219. Румынский нейтралитет. 1914. Л. 2.

[2106] Там же. Л. 4.

[2107] Там же. Оп. 482. Д. 4219. Л. 11.

[2108] Там же. Л. 16.

[2109] Новое время. 1916. 28 февраля (12 марта). С. 6.

аналогичной активностью Славянского благотворительного общества и Московского славянского комитета.

Стараниями российской общественности первые гуманитарные грузы в Сербию и Черногорию были отправлены уже в конце сентября 1914 г. Их путь проходил сначала по железной дороге, а затем по Дунаю Экспедицией особого назначения (ЭОН) под командованием капитана первого ранга (с декабря 1915 г.– контр-адмирала) М.М. Веселкина. Задачей ЭОН была доставка и охрана грузов из России. По отчетам ЭОН в Генмор (Морской Генеральный Штаб) с августа 1914 по сентябрь 1915 г. из гуманитарных грузов перевозились, в основном, продовольствие и фураж (ячмень, пшеничная мука, фасоль, кукуруза, овес, отруби, сено, солома и др.). Часть грузов предназначалась для больных и раненых воинов, военнопленных и беженцев: госпитальное снаряжение, медикаменты, перевязочные средства, полушубка для армии, тёплую одежду, постельное и нательное бельё, противодизентирийную сыворотку и многое другое[2110]. Судя по архивным документам, транспорт по Дунаю ходил регулярно, вплоть до сентября 1915 г. и каждый раз перевозил гуманитарные грузы.

В марте 1915 г. в славянских организациях заговорили о некотором затишье в славянских делах, сравнивая текущее состояние с энтузиазмом первых месяцев войны. «Голос Москвы» попросил дать комментарий одного из активистов Московского Славянского комитета, Е.А. Ефимовского. Он сообщил, что это отсутствие активности не случайно. По его мнению, несмотря на кажущуюся остроту постановки славянского вопроса в связи с войной, деятельность славянофильских организаций как политической силы с определенной идеологией находится на исходе. Поэтому деятельность современных славянских организаций имеет боле академический и благотворительный характер. Ефимовский высказал предположение, что, если польский, чешский, сербский и другие славянские вопросы разрешаться в ходе войны, то славянофильским организациям останется только обратиться к истории: не будет предмета для политической деятельности и организации изживут сами себя. В то же время Е.А. Ефимовский указал, что не стоит умалять заслуги славянофильских организаций. Главной из которых он считал «неутомимое стремление русских славянофилов последней формации поставить во всей широте вопрос о необходимости ограждения славянских интересов»[2111].

К концу весны общественная активность в деле помощи сербскому и черногорскому народам еле теплилась. И тому были реальные причины.

1915 г. принес России целую полосу несчастий. В мае, с наступлением австро-германских войск в Польше, окончился десятимесячный период российских побед на австрийском фронте.

[2110] РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3448. Л. 47-68.

[2111] Голос Москвы. 1915. 29 марта (11 апреля). С. 2.

В течение недели русская армия потеряла почти всё, что было завоевано в Карпатах, 30 000 солдат попали в немецкий плен. После овладения городом Стрый в южной Галиции было заявлено о 153 000 русских военнопленных. 19 мая был оставлен Перемышль: вытеснение русских войск из Галиции было завершено. В июне австрийские войска вошли во Львов. Немцы развернули на Восточном фронте грандиозные силы. Летом 1915 г. здесь было вдвое больше германских и австрийских дивизий, чем на Западном фронте. Россия объявила дополнительный призыв и германское наступление захлебнулось кровью русских солдат, которые теряли до 200 000 человек в месяц. Страшный 1915 г. продолжил свое течение. На его протяжении только пленными страна потеряла 1 000 000 солдат и офицеров[2112].

Поражения 1915 г. стоили России 15% ее территории, 10% железнодорожных путей, 30% ее промышленности. Миллионы беженцев запрудили ее дороги. А «вместе с ними двигались болезни, печаль и нищета»[2113]. 6 августа 1915 г. на заседании Совета министров военный министр А.А. Поливанов отметил, что катастрофу армии можно ожидать с минуты на минуту. Армия не отступает, а бежит. По мнению А.И. Уткина этот доклад отражал нижайшую точку поражения России в 1915 г. Именно с этого времени начался процесс падения удельного веса России в коалиции с Западом[2114]. С лета 1915 г. стала вызревать оппозиция войне, в том числе в недрах правящего класса[2115]. Начать восстанавливать силы Россия смогла только во второй половине года.

На этом фоне оказывать помощь Сербии и Черногории было всё сложнее. Линия фронта русских войск находилась в нескольких тысячах километров от сербской и черногорской. Англия и Франция не спешили с поддержкой балканским союзникам, хотя имели для этого большие возможности, чем Россия. В Лондоне и Париже продолжало господствовать мнение о защите, прежде всего, своих границ[2116]. Противник не замедлил этим воспользоваться. 6 сентября 1915 г. Болгария подписала конвенцию с Германией о войне против Сербии. 5 октября австро-венгерские войска начали наступление на Белград. 6 октября болгарское правительство объявило войну России, а 14 октября – Сербии. На следующий день болгарские войска пересекли вторглись в пределы Сербии и Македонии. Через две недели боев сопротивление сербской армии было сломлено на всех участках фронта. Под натиском неприятеля она начала отступать к Черногории и Албании.

[2112] *Уткин А.И.* Первая мировая война. – М.: Алгоритм, 2001. С. 191-192.

[2113] Там же. С. 208-209.

[2114] Там же. С. 206.

[2115] Там же. С. 219.

[2116] Там же. Л. 190.

Известие о трагедии сербской армии всколыхнуло русское общество. 23 октября 1915 г. в ряде московских газет был опубликован призыв к москвичам «Помогите Сербии!». Он, как всегда, был очень эмоциональным: «Сербия опять истекает кровью и на сей раз не только от рук гнусных убийц-немцев, но и от предательских рук родных своих братьев-славян – болгар. В этом хаосе ужаса и преступлений, совершающихся ныне на Балканах, Сербия еще более, чем когда-либо, заслуживает нашей поддержки … Протяните руку помощи раздираемой и обагренной кровью несчастной Сербии и последним ее защитникам ради общего блага!»[2117].

В одном из октябрьских заседаний 1915 г. Московский славянский комитет постановил все имеющиеся в его распоряжении средства отравлять сербскому правительству в помощь сербским беженцам[2118].

3 ноября прошло заседание Московской городской Думы, на котором глава города М.В. Челноков зачитал призыв Московского славянского комитета с призывом помочь Сербии, хотя бы ее больным и раненым, ее населению, оставшемуся без крова. Городская Дума поручила соединенному совещанию городской управы и комиссии гласных по вопросам, связанным с войной, определить размер ассигнований на помощь Сербии и форму этой помощи[2119]. Результатом этого совещания, состоявшегося в начале декабря, стало решение «в виду переживаемого Сербией тяжелого положения» выделить 100 000 руб.[2120].

29-30 ноября 1915 г. Московским славянским комитетом был объявлен «Сербский день». В нем приняли участие все московские славянские организации. Спустя два дня московские газеты написали о том, что мероприятие прошло «с головокружительным успехом». Общая сумма сбора составила 100 000 руб. Из них кружечный сбор дал 35 000 руб., в Московский славянский комитет поступило 40 000 руб., а на Сербское подворье – 25 000 руб.[2121].

В то же время была замечена тенденция к использованию легальной трибуны для сбора пожертвований для пропаганды левых идей[2122]. Конечно, это касалось всех видов благотворительных сборов, а не только в пользу сербов и черногорцев.

Катастрофа сербской армии совпала по времени со значительными переменами в российском общественном мнении: у большинства населения складывалось впечатление, что бремя войны Россия несет на себе в одиночестве[2123]. К такому же выводу, только в свою пользу, пришло и

[2117] Московские ведомости. 1915. 23 октября (6 ноября). С. 1.

[2118] Там же. 21 октября (4 ноября). С. 3.

[2119] Там же. 4 (17) ноября. С. 3.

[2120] Там же. 2 (15) декабря. С. 3.

[2121] Там же.

[2122] Там же. 27 октября (9 ноября). С. 1.

[2123] *Уткин А.И.* Указ. соч. С. 212.

французское общественное мнение. В конце октября 1915 г. А.П. Извольский сообщил министру Сазонову, что во Франции создалось положение «требующее от нас особого внимания»[2124]. В частности, российский императорский посол написал: «Под влиянием последних разочарований в области балканских дел, … сложилось убеждение, что Франция, несущая наравне с Россией тяжесть вражеского нашествия, играла … слишком пассивную дипломатическую роль … Ныне здесь слышатся рассуждения о том, что Франция первая пришла на помощь Сербии в ущерб собственному положению на здешнем фронте и что поэтому ей должна принадлежать руководящая роль в ближайших событиях на Балканах»[2125]. Во всяком случае, как мы увидим позже, Франции удалось перехватить инициативу в гуманитарной помощи Сербии, начиная с 1916 года.

Славянские организации России собирались с силами в последних попытках объединить свои усилия «для победы славянского дела». Еще были слышны голоса, что славяне должны объединиться под эгидой России. 14 ноября 1915 г. в залах Клуба общественных деятелей в Петрограде состоялось открытие Русско-Сербского общества. Его целью провозглашалось изучение языка, культуры и быта русского и сербского народов, а также развитие финансовых и экономических отношений между ними. В члены записалось 150 человек, среди которых были профессор Залесский, князь Мансырев, А.А. Башмаков, А.Н. Брянчанинов и др. Председателем правления стал В.И. Ковалевскй. Была принята и программа: учреждать отделы общества по городам, издавать книги и сборники о Сербии, организовать санитарную и медицинскую помощь Сербии и т.д.[2126].

5 декабря 1915 г. в гостинице «Метрополь» прошла «Славянская беседа», организованная Русско-Хорватским обществом памяти Ю. Крыжанича. Присутствовали представители южнославянских народностей и всех славянских организаций г. Москвы. Председательствовал С.О. Коничек. В основном, обсуждались вопросы, связанные с войной. Приехавший из Петрограда Крунислав Геруц, публицист, политик, видный представитель хорватского движения, в своём выступлении отметил, что в Петрограде почти ничего не делается для укрепления славянского самосознания. Кроме того, он считал, что Москва также не может похвалиться успехами в этом отношении. В заключение оратор указал, что именно Москва, как город исконно русский, должен занимать первое место в славянском мире. Горячую речь по поводу братоубийственной войны на Балканах произнес М.С. Пламенац, предложивший

[2124] АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 196. С. 32.

[2125] Там же. Л. 32-32 об.

[2126] Новое время. 1915. 15 (28) ноября. С. 6.

учредить в Москве особый фонд помощи Сербии и Черногории[2127]. Такой фонд вскоре был создан. Им стало Попечительство во имя св. Саввы.

Таким образом, подводя промежуточные итоги, можно отметить, что отработанная в конце XIX–начале XX в. система благотворительных сборов в полной мере использовалась в период Первой мировой войны для решения проблемы гуманитарной помощи балканским союзникам за счёт населения. Это направление деятельности различных комитетов и организаций всесторонне поддерживалось российской властью и церковью. Объектами российской благотворительности с июля 1914 по декабрь 1915 г. были Сербия и Черногория. Многочисленные славянские организации при помощи российских газет и специальных мероприятий продолжали консолидировать общественность вокруг идеи славянского единства, что способствовало росту пожертвований. Однако, несмотря на многочисленные попытки объединить свои усилия, славянские организации так и не смогли этого сделать. Процессу мешали как интересы внутри славянского движения, так и постепенное изменение баланса сил внутри Антанты.

Вступив в войну полноправным партнером, Россия постепенно теряла свой авторитет в коалиции. Была ли у нее при таком раскладе возможность возглавить славянское движение? Тем более, что бедствия Сербии к концу 1915 г. стали неизмеримо выше, чем к началу военных действий. В сентябре 1915 г. прошла союзническая конференция, в ходе которой «англичане предприняли самую мощную за военное время попытку овладеть контролем за русскими финансами»[2128]. В этом вопросе они вступили в соперничество с французами, которые еще в предвоенное время стали самыми крупными кредиторами России. Свое видение будущего югославянских народов сформулировала и Великобритания. По мнению ее высших кругов, не следовало прибегать к разделу Балкан на сферы влияния, предпочтительнее было бы создать крупную балканскую федерацию, которая могла бы стать противовесом Германии и не была бы зависима от России и Франции[2129].

Причем как во Франции, так и Англии были сделаны кадровые перестановки: с ключевых постов ушли те, кто верил в союзническую мощь России. 17 (30) октября 1915 г. А.П. Извольский

[2127] Московские ведомости. 1915. 8 (25) декабря. С. 4.

[2128] Англия претендовала на роль финансиста Антанты. Лондон потребовал от России предоставить Английскому банку русское золото. 30 сентября было подписано англо-русское финансовое соглашение, по которому Англия предоставила кредит, а Россия обязалась его использовать для закупок вооружения в Англии, США и Канаде. По мнению А.И. Уткина, в ходе выработки этого соглашения англичане предприняли самую мощную за военное время попытку овладеть контролем над русскими финансами. Закупки России должны были производиться назначенной русским правительством группой экспертов, заседающей в Лондоне и в обязательном порядке согласовывающей свои решения с английскими коллегами. // *Уткин А.И.* Указ. соч. С. 216.

[2129] Там же. С. 199.

сообщил С.Д. Сазонову об отставке министра иностранных дел Т. Делькассе[2130], которого русский посол охарактеризовал как «преданного друга России»[2131]. 23 декабря начальником британского генерального штаба стал генерал Робертсон, а лорд Китченер лишился своего всемогущества[2132]. Конечно, эти перестановки не были случайными, они отражали существующее положение дел и подготовку правительств союзников к битве за влияние в послевоенном мироустройстве. 2 декабря 1915 г. в Кале состоялась англо-французская конференция, где, без участия России решался вопрос, сворачивать ли действия на Балканах. К концу первого года войны Антанта уже не была союзом равных. Англия, пользуясь ослаблением России и, частично, Франции, предприняла очередную попытку захватить первенство в Антанте[2133].

После катастрофы сербской армии Черногория осталась без союзников и обратилась к Австро-Венгрии с предложением мира. В ответ ей был предложен ультиматум с требованием полной капитуляции. Король Никола его не принял и покинул страну с частью правительства и военного командования. Армия и население оказались брошены на произвол судьбы. В январе–феврале 1916 г. Черногория была полностью оккупирована австро-венгерскими войсками[2134].

Катастрофа сербской армии и капитуляция Черногории привела к тому, что с января 1916 г; основные усилия по организации российской гуманитарной и благотворительной помощи были сосредоточены на Сербии.

§ 2. Деятельность русских гуманитарных и благотворительных организаций в Сербии (1914-1915 гг.)

§ 2.1. Деятельность Комитета помощи сербам и черногорцам при российской императорской миссии в Нише

По собственному утверждению посланника Г.Н. Трубецкого, со дня прибытия в Ниш он поставил своей главной задачей выяснить, при каких условиях «возможна попытка склонить Сербию к удовлетворению притязаний Болгарии для привлечения последней на сторону Антанты»[2135].

Одним из таких инструментов могла стать широкомасштабная помощь из России, неизменно вызывавшая сердечную благодарность сербского правительства. Как писал В.Н. Штрандман, «в

[2130] Посол Франции в России (1913) министр иностранных дел (август 1914 г.–октябрь 1915 г.).

[2131] АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 196. С. 28.

[2132] *Уткин А.И*. Указ. соч. С. 218.

[2133] Там же. С. 229-230.

[2134] *Задохин А.Ю., Низовский С*. Указ. соч. С. 138.

[2135] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 1894. Л. 13.

своих разговорах посланник стал отмечать благотворительную помощь России в противовес подготовительной дипломатической работе по отторжению Македонии»[2136].

Российская дипломатия с начала войны была нацелена на привлечение на сторону Антанты Болгарии, и не последнюю роль в этом вопросе должен был сыграть Г.Н. Трубецкой. Торг с сербским правительством велся за македонские территории. Это была важная задача, от решения которой мог зависеть будущий исход войны и Петроград «торопился с решением этого вопроса»[2137].

Однако, несмотря на необходимость урегулирования политических вопросов, российскому посланнику пришлось окунуться в целый ряд гуманитарных проблем, прежде всего, санитарных и эпидемиологических. Их масштаб был таким, что отсутствие немедленного решения могло грозить потерей боеспособности сербской армии.

По дороге в Ниш, временную столицу сербского государства, князь Г.Н. Трубецкой познакомился со старшим врачом сербского отряда Петроградского славянского благотворительного общества, работавшим в тот момент в Заечаре. Н.И. Сычев рассказал посланнику о гуманитарных проблемах, с которыми пришлось столкнуться сербам. На встрече обсуждалось не только отсутствие медицинского персонала, но и современного оборудования, медикаментов, постельного белья и пр.

Проанализировав ситуацию, князь Г.Н. Трубецкой пришел к выводу, что его первоочередной задачей должна стать организация систематической борьбы с эпидемиями, первые очаги которых появились в конце 1914 г. и создавали серьезную опасность для сербской армии и населения.

Начало военных действий в Сербии привело в движение огромные массы населения, перемещавшегося подальше от линии фронта на юг, вслед за правительством и дипломатическом корпусом, порождая социальные проблемы: не хватало жилья, продовольствия. Население небольшого провинциального Ниша быстрыми темпами выросло в несколько раз. С конца ноября 1914 г. в нем сосредоточилось большое количество беженцев, военнопленных и раненых.

К моменту прибытия Г.Н. Трубецкого, в Нише находилось девять госпиталей, до 60 000 военнопленных и 80 000 беженцев (всего к февралю 1915 г. в Сербии было около 300 000 беженцев, в том числе, до 20 000 из Боснии и Герцеговины)[2138]. Острая нехватка жилья приводила к тому, что под одной крышей было вынуждено жить несколько семей. Например, в одном из монастырей проживало 75 человек, а в одной из школ – 225 человек. Проживавшие в здании

[2136] *Штрандман В.Н.* Указ. соч. С. 373.

[2137] Там же. С. 374.

[2138] *Хантер Вилијам*. Епидемије пегавог тифуса и повратне грознице у Србији 1915. године / превео и уводну студију написао Милан Грба. – Нови Сад: Прометеј, Београд: Радио-телевизија Србије, 2016. С. 31, 42.

этого учебного заведения люди, в том числе дети, по свидетельству современников, страдали от голода и болезней, там ежедневно умирало трое или четверо[2139].

Нищета, скученность, антисанитарные условия жизни вызывали быстрое развитие эпидемий брюшного, возвратного и сыпного тифа, а также черной оспы, скарлатины и дифтерита, сопровождавшиеся большой смертностью даже в обеспеченных кругах населения. Как писал в МИД Г.Н. Трубецкой, «умерших от тифа бывало такое количество, что не хватало досок для изготовления гробов»[2140]. Решить задачу медицинского обеспечения Сербии было непросто: медицинского персонала не хватало катастрофически. Как писал Г.Н. Трубецкой, «на тысячу с лишком раненых приходился один хирург, работающий, следовательно, до изнеможения, … на две кровати кладут по три, а часто по четыре человека, не говоря о том, что на полу проходов и коридоров, отведенных под госпитали помещений, всюду тоже без коек лежат раненые»[2141].

Но если проблемы раненных и больных воинов хоть как-то решались, то гражданское население и военнопленные остались практически без медицинской помощи[2142]. Г.Н. Трубецкой полагал, что момент, когда сербские власти могли справиться с этой задачей самостоятельно, был упущен.

Усилия российского посланника по привлечению в Сербию санитарных отрядов РОКК, поддержанные МИД и российской общественностью, собравшей необходимые средства, увенчались успехом. Размер пожертвований из России позволили отправить два небольших санитарных отряда в Черногорию.

Деятельность русских медицинских учреждений и некоторые итоги пребывания санитарных миссий ГУ в Сербии и Черногории будут освящены в следующем параграфе.

Организация санитарных отрядов и помощь в борьбе с эпидемиями стала главной, но не единственной заботой организованного в ноябре 1914 г. Комитета помощи сербам и черногорцам при российской миссии в Нише. Его возглавила жена посланника княгиня М.К. Трубецкая. Его членами стали члены миссии и влиятельные представители сербского общества: епископ Нишский Досифей (Васич), супруга премьер-министра Дж. Пашич, сотрудники российской миссии В.Н. Штрандман, Б.П. Пелехин, хозяйственной частью ведал подполковник Л.М. Новиков и другие. Казначеем был назначен консул Н.А. Емельянов.

По мере накопления средств и ознакомления с положением дел на местах, работа Комитета развертывалась всё шире: он брал на себя часть социальных проблем, которыми сербское

[2139] Там же. С. 31.

[2140] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8778. Л. 70.

[2141] Там же. Д. 8685. Л. 3.

[2142] Там же. Ф. 323. Оп. 617. Д. 55. Л. 13-14.

государство, занятое войной, не могло заниматься в полной мере. Работа Комитета велась в тесном сотрудничестве с сербскими властями. Однако, судя по донесениям князя Г.Н. Трубецкого в МИД, ему не сразу удалось достичь взаимопонимания с общественными лицами, стоявшими во главе местных общественных организаций. Они намекали, что им непонятна судьба пожертвований, сделанных разными лицами и учреждениями в России. Например, жена премьер-министра Дж. Пашич заявила князю Трубецкому, что ей неизвестно, на какие цели были истрачены 100 000 руб., выделенные Москвой в самом начале октября 1914 г. В донесении в МИД Трубецкой констатировал, что, вместо того чтобы вызвать в сербах безраздельное чувство благодарности, российская помощь стала поводом для нежелательных недоразумений. Российский посланник пришел к выводу, что необходимо немедленно выяснить, как именно были использованы пожертвованные ранее суммы. Принимая во внимание, что практически все денежные отправления для Сербии делались через сербскую миссию в Петрограде, у российского посланника возникло предположение, не была ли израсходована часть благотворительных средств на покрытие расходов по военным заказам в России. В связи с этим князь Трубецкой просил потребовать отчет у сербского посланника в Петрограде М. Спалайковича обо всех суммах, поступающих во вверенную ему миссию, предназначенных для целей благотворительности для опубликования в русских и сербских газетах. Г.Н. Трубецкой подчеркивал важность скорейшего разрешения этого вопроса, так как, с его точки зрения, было недопустимо, чтобы в Сербии создавалось впечатление, будто Россия помогает бедствующим сербам только на бумаге. Ситуация вскоре была улажена. Повышению доверия между сторонами, не последнюю очередь, способствовали информация и финансовые отчеты о деятельности русских благотворительных учреждений в Сербии и итоги общественных акций в России, регулярно публиковавшиеся в российской прессе в течение 1914-1917 гг.[2143].

Здесь же следует заметить, что критики гуманитарной деятельности Г.Н. Трубецкого находились и в российском обществе. Так что решение сделать достоянием общественности все действия Комитета и его расходы оказалось верным.

Уже упоминавшийся нами секретарь Общества славянского научного единения Душан Семиз, автор тезиса, что помощь сербам оказывала только «прогрессивная общественность» при противодействии правящего класса, сделал попытку обвинить российского посланника в Сербии в растрате. Документ на эту тему был обнаружен в АВПРИ. 22 декабря (4 января 1916) 1915 г. из Лондона в МИД поступила телеграмма одного из российских консулов. В ней рассказывалось о визите Д. Семиза к известной писательнице славянофильского толка О.А. Новиковой

[2143] *Шевцова Г.И.* Россия и Сербия. Из истории российско-сербских отношений в годы Первой мировой войны (гуманитарный аспект). – М., 2010. С. 81-82.

(урожденной Киреевой). Семиз был представлен как сотрудник журнала «Русское звено» и корреспондент газеты «Биржевые новости». Предоставим далее слово русскому генеральному консулу: «За чайным столом он начал злословить против русского дела в Сербии, сказав, что русский отряд Красного Креста очень мало сделал, тогда как французский и английский отряды принесли большую пользу. Деньги на русский отряд Красного Креста исчезли и виноват в этом, как говорит Семиз, наш посланник в Сербии. Когда Ольга Алексеевна и я были возмущены этим огульным обвинением, он пригрозил нам тем, что … поднимет об этом вопрос в славянском обществе»[2144]. Вероятнее всего, у Душана Семиза не было никаких доказательств. Он не привел их за чаем в Лондоне, не появились и публикации на эту тему в российской прессе.

Здесь можно заметить, что фактически еще в годы Первой мировой войны стала формироваться основа для будущих историографических выводов о недостаточном вкладе Российской империи в дело помощи Сербии. Как мы видим, одним из ее авторов был представитель левого крыла российской общественности.

Тем важнее оценить, что же именно было сделано Комитетом при императорской миссии в Нише для сербов и черногорцев в 1914-1915 гг., тем более что архивных документов на эту тему было обнаружено достаточно.

Комитетом была организована регулярная доставка из России различных гуманитарных грузов, прежде всего, медикаментов и перевязочного материала. Пожертвования шли непрерывным потоком: последняя поставка была получена на склад, организованный Комитетом при миссии при 1-м резервном госпитале Ниша, непосредственно перед началом вторжения в Сербию неприятельских войск в октябре 1915 г. По свидетельству С.К. Софотерова там хранились медикаменты, постельное бельё, одежда, обувь, детские игрушки и пр. К моменту отступления сербских войск на этом складе содержалось более 50 вагонов различного имущества[2145].

Наряду с прямыми методами борьбы с инфекционными заболеваниями Комитет придавал огромное значение усилению питания беднейшего населения для повышения его иммунитета. ГУ РОКК 7 марта 1915 г. по повелению императрицы Марии Федоровны ассигновало российскому посланнику в Сербии 50 000 руб. на устройство питательной помощи беднейшим классам населения. Из них 50 000 динаров (17 500 руб.) было передано Сербскому Красному Кресту, остальное пошло по прямому назначению[2146].

[2144] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 10649. Л. 1.

[2145] *Софотеров С.К.* Письмо неизвестному адресату. 1925, 26 декабря. С. 2. // Архив Музеја Српског Лекарског Друштва (Београд). МНТ.Т.180.134.221.

[2146] Вестник Красного Креста. 1915. № 4. С. 1317-1318.

Нишское городское управление приняло активное участие в деле организации питания беднейшего населения: составило списки наиболее нуждающихся и стало выдавать особые карточки на право получения обедов. В четырех районах города были открыты бесплатные столовые, где, в общей сложности, было выдано 283 000 обедов. Около вокзала было оборудовано специальное помещение, где всякий проходящий мог получить горячий чай. Позже Г.Н. Трубецкой писал, что «кормление населения сослужило немалую службу в деле прекращения эпидемии, так как среди беженцев было большое количество людей, которые несколько месяцев не имели горячей пищи»[2147].

Значительные пожертвования из России позволили Комитету открыть столовые не только в Нише, но и в Белграде. При этом стоит заметить, что в связи с гуманитарной деятельностью иностранных миссий, МИД и Г.Н. Трубецкой принимали решение о конкретной помощи населению Сербии с учетом того, что уже делалось союзниками и нейтралами. Сообщая о пожертвовании Петроградским городским общественным управлением 16 500 руб. на устройство питательных пунктов в Белграде, МИД запросил информацию, насколько целесообразна такая трата. В случае, если это дело было взято другими иностранцами, то следовало подсказать, на какие цели следует направить эти пожертвования»[2148].

Судя по всему, потребность в такого рода помощи не была удовлетворена, так как в июне 1915 г. В.Н. Штрандман сообщил в МИД, что в Белграде начали функционировать четыре народные кухни, открытые Комитетом при императорской миссии, способные прокормить 1 000 человек каждая. В итоге их деятельности в Белграде было выдано свыше 230 000 обедов. Эти народные кухни просуществовали до вторжения австро-венгерских войск в сербскую столицу[2149].

Для выздоравливающих больных, нуждающихся только в отдыхе и усиленном питании, в монастыре Св. Лазара около Ниша был устроен патронат на двадцать кроватей, стоимость содержания которых на полугодие составляла, по данным Г.Н. Трубецкого, 5 500 руб.[2150]. Особое внимание Комитет оказывал детям беженцев, нуждающимся не только в регулярном питании, но и уходе и присмотре. По инициативе епископа Досифея и при активном участии княгини М.К. Трубецкой 25 марта 1915 г. Комитет открыл на окраине города при церкви св. Николая приют. Информация об этом событии была опубликована в российской печати[2151].

Первоначально это детское учреждение было рассчитано на 150 человек и работало только днем. Дети ежедневно получали чай, горячую пищу, молоко, а слабые – какао. Беднейшим из них

[2147] *Трубецкой Г.Н.* Указ. соч. С. 119.

[2148] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8738. Л. 2.

[2149] Вестник Красного Креста. 1916. № 6. С. 2004.

[2150] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8778. Л. 64-64 об.

[2151] Новое время. 1915. 29 марта (11 апреля). С. 5.

выдавались бельё и платье. Около 40 круглых сирот разместили в наспех отремонтированном небольшом домике. Надзор за детьми осуществляли две сербские учительницы. Однако епископ Досифей полагал, что в дело воспитания следует внести и русский элемент. В Александринском госпитале нашлась сестра милосердия Лидия Лебедева, пожелавшая работать с детьми. Под ее руководством они выучили несколько русских слов, пели русские песни, а некоторые дети могли вести разговор по-русски. Стоимость содержания этого приюта на полгода составила 12 000 руб. Также был устроен санаторий для туберкулезных детей в монастыре Святой Петки.

В одном из отчетов в МИД Г.Н. Трубецкой отметил, что на ежедневном опыте он убеждался, «как совместная с сербами работа содействует укреплению братской связи России и Сербии, благодаря, в особенности, самоотверженной деятельности всех лиц, работающих как в госпиталях, так и в области общей организации и помощи населению»[2152].

Кроме поддержания собственных учреждений, Комитет решил взять на себя помощь так называемому Русскому госпитальному павильону (1-ая резервная больница Ниша), оборудованному на отпущенные в начале войны ГУ РОКК средства Сербскому обществу Красного Креста. Комитет взял на себя содержание двух из пяти работавших там сестёр и одной прислуги. На эти цели было затрачено около 1 000 руб.[2153].

По согласованию с МИД в феврале 1915 г. из средств Комитета была предоставлена ежегодная субсидия Дечанскому монастырю[2154]. Кроме того, ему удалось отправить вагон вещей и денежные средства (около 6 000 руб.) российским консулам в Скопье и Битоли. Эти пожертвования позволили оказать серьезную помощь различным сербским организациям, прежде всего, госпиталям[2155].

Для Черногории было оборудовано два лазарета: хирургический для фронта и эпидемиологический в Дечанском монастыре. Они были не только созданы на средства Комитета, но и регулярно поддерживались материалами и продовольствием до января 1916 г.[2156].

Предметом заботы Комитета при российской миссии было и население разоренных австрийцами областей. В марте по просьбе сербского правительства Комитет экстренно закупил на 3 000 руб. продукты (бобы, рис, фасоль, сало) для доставки в наиболее пострадавшие западные районы Сербии. Князь Г.Н. Трубецкой неоднократно писал в МИД тяжелом положении населения разоренных австрийцами областей, а в донесении А.А. Нератову от 31 марта 1915 г. просил усилить помощь. Обратился посланник и во Всероссийский Союз городов с ходатайством

[2152] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8778. Л. 62-62 об.

[2153] Там же. Д. 8710. Л. 1.

[2154] Там же. Д.1894. Л. 8.

[2155] *Трубецкой Г.Н.* Указ. соч. С. 121.

[2156] Вестник Красного Креста. 1916. № 6. С. 1998.

об оказании возможно широкой материальной поддержки на продовольствие населению в разоренных областях[2157]. Из отчета Комитета за 1915 г. видно, что жителям Подринья было отправлено несколько вагонов с продовольствием[2158]. Продукты распределялись на местах при содействии местных одборов (комитетов)[2159].

К маю 1915 г. расходы Комитета достигли 10 000 руб. ежемесячно[2160]. Чтобы сделать работу непрерывной и систематической, посланник Трубецкой в течение всего года в газетах «Новое время», «Биржевые ведомости», «Московские ведомости» и других помещал обращения Комитета с просьбами о пожертвованиях. В большинстве случаев они вызвали самый живой отклик.

В своих воспоминаниях, оценивая деятельность Комитета при императорской миссии, Г.Н. Трубецкой писал, что «вся эта громадная работа … могла быть осуществлена только благодаря необыкновенной отзывчивости нашего Красного Креста и различных общественных учреждений, городов, земств, союзов, от которых мы получали обильные пожертвования»[2161]. Кроме того, по мнению российского посланника, «сосредоточение средств, идущих из России, в руках комитета и организация помощи здесь на месте непосредственно русскими людьми, дает сербам и черногорцам более отчетливое представление о деятельной поддержке оказываемой им Россией, умножает личные связи их с нами и укрепляет обаяние России среди тех южных славян, которые служат передовым оплотом славянства на юге Европы и являются в нынешней великой борьбе нашими верными союзниками»[2162].

§ 2.2. Санитарная помощь Сербии и Черногории

В первые же дни войны Сербский Красный Крест столкнулся с серьезными трудностями. В ответ на просьбу о содействии в Международный комитет Красного Креста, 7 августа 1914 г. он получил из Женевы сообщение, что МККК не считает себя вправе апеллировать к национальным организациям с призывом о помощи противоборствующим сторонам, так как многие европейские страны находятся в состоянии войны[2163]. Сербское общество Красного Креста было вынуждено обращаться в национальные Красные Кресты напрямую.

[2157] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8738. Л. 62-62 об.

[2158] Вестник Красного Креста. 1916. № 6. С. 2004.

[2159] Новое время. 1915. 26 мая (6 июня). С. 6.

[2160] Там же.

[2161] *Трубецкой Г.Н.* Указ. соч. С. 121.

[2162] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д.7887. Л. 70-70 об.

[2163] *Озимић Небојша*. Улога Црвеног Крста и хуманитарних медицинских мисија на почетку Првог светског рата // Ниш ратна престоница Србије. 1914-1915. – Ниш: Народни музеј Ниша, 2014. С. 157.

По приглашению сербского правительства и Сербского общества Красного Креста из союзных и нейтральных стран приехало несколько иностранных санитарных отрядов. Их снаряжали те организации и люди, которые имели опыт подобной работы в годы Балканских войн и были хорошо осведомлены о насущных проблемах. Из русских первыми в сентябре 1914 г. прибыли санитарный отряд Петроградского славянского благотворительного общества и отряд А.П. Гартвиг[2164].

В октябре 1914 г. по просьбе сербского короля Петра Американский Красный Крест направил в Сербию миссию под руководством доктора Эдварда Райена[2165], развернувшую госпиталь в Белграде. Санитарный отряд леди Пэджет (госпиталь Serbian Relief Fond (SRF) прибыл в Сербию в середине ноября 1914 г. Его штат состоял из 16 сестёр и докторов[2166]. По данным Моники Крипнер госпиталь SRF был рассчитан на 600 кроватей[2167], а леди Пэджет отразила в отчете, что он был развернут на 330[2168]. Британцы проследовали в Скопье, ставший с первых дней войны одним из крупнейших эвакуационных пунктов. Так что леди Пэджет вполне оправданно гордилась ранним и своевременным появлением ее санитарного отряда в Сербии, когда королевство действительно нуждалось в помощи[2169]. Иностранные миссии прибывали на его территорию до октября 1915 г. и везли с собой всё необходимое для того, чтобы помочь союзной Сербии выполнить свою задачу.

И русские, и британцы немедленно включились в работу. По согласованию с сербским военно-санитарным командованием, в их госпитали доставлялись только тяжелораненые. И те, и другие успешно справлялись со своей работой.

Позже в Сербию прибыли другие иностранные санитарные отряды. Если говорить о русских и британских, то по данным Сербского Красного Креста в Скопье находилось три английских отряда: леди Пэджет (48 человек), доктора Бэрри (18 чел.) и леди Вимборн (46 чел.), а в Нише

[2164] Часть средств из пожертвованных ГУ РОКК Сербскому обществу Красного Креста в начале войны сербский посланник М. Спалайкович передал А.П. Гартвиг для формирования отряда сестёр милосердия для работы в 1-й и 5-й резервных больницах Ниша, а также покупку необходимых медикаментов и перевязочных средств. Персонал был командирован общиной св. Георгия. Отряд А.П. Гартвиг прибыл Сербию 24 сентября 1914 г. одновременно с отрядом Петроградского славянского благотворительного общества. Сколько оставалась в Нише А.П. Гартвиг не установлено, но к моменту приезда нового посланника в ноябре ее в стране уже не было.

[2165] *Остојић-Фејић У*. Америчка хуманитарна деланост у Србији током Првог Светског Рата. // Историјски часопис. Књ. XXXIX. 1992. С. 200.

[2166] *Krippner Monika*. The Quality of Mercy. Women at War. Serbia 1915-1918. – London, 1980. P. 33, 45.

[2167] Ibidem. P. 33.

[2168] *Paget, Lady*. With Our Serbian Allies. – London, 1915. P. 5.

[2169] Ibidem. P. 33.

работали отряды княгини Трубецкой (40 чел.) и А.П. Гартвиг (12 чел.)[2170]. В этом перечне отсутствует отряд Петроградского Славянского благотворительного общества, штат которого составлял 16 человек[2171].

Эти отряды приехали помогать армии, а не гражданскому населению. Не стал исключением и небольшой отряд из 18 насельников, отправленных в Сербию 9 октября 1914 г. Братством русских обителей Святой горы Афон, в качестве санитаров. По договоренности с сербскими военно-санитарными властями они работали в тыловых госпиталях[2172].

Из-за недостаточного количества источников мы не приводим данные о врачах-добровольцах, отправившихся в Сербию и Черногорию по договоренности с сербскими и черногорскими властями соответственно. Сведений о них очень мало и пока невозможно оценить даже примерно количество этих людей. Однако они были. Например, после того как 19 октября 1914 г. сербские власти разрешили военному министерству приглашать на работу иностранных бактериологов и эпидемиологов, посланник Мирослав Спалайкович довольно быстро нашел в Петербурге четырех бактериологов, отправившихся к месту назначения[2173].

Санитарный отряд Петроградского славянского благотворительного общества одним из первых прибыл в Сербию 24 сентября и сразу же разделился на «сербскую» (во главе с Н.И. Сычевым) и «черногорскую» (во главе с Е.Ф. Логиновой - Радецкой) части. Оба отряда начали свою деятельность в разгар боевых действий. Других иностранных отрядов, судя по донесениям Трубецкого в МИД, в тот момент еще не было[2174].

Сербское военно-санитарное управление командировало отряд Петроградского славянского благотворительного общества в Вальево, служившее первым тыловым пунктом для раненых, отправляемых после оказания первой помощи вглубь страны. По воспоминаниям Н.И. Сычева, в те дни потери с обеих сторон доходили до нескольких десятков тысяч человек. Только в этом населенном пункте за сентябрь и октябрь перебывало свыше десяти тысяч раненных сербов[2175].

Такое количество раненых и острая нехватка медицинского персонала заставили членов отряда немедленно включиться в работу. При помощи сербской стороны был развернут госпиталь не на 50 (как было запланировано), а на 100 кроватей[2176]. Отряд оставался в Вальево

[2170] *Поповић Никола*. Сербија и царска Русија.– Београд. 1994. С. 143.

[2171] *Шевцова Г.И*. Россия и Сербия. Из истории российско-сербских отношений в годы Первой мировой войны (гуманитарный аспект). – М., 2010. С. 173-174.

[2172] Там же. С. 144-146.

[2173] *Хантер Вилијам*. Указ. соч. С. 19.

[2174] Голос Москвы, 7 ноября 1914. С. 3; *Krippner Monica*. Op. cit. P. 58.

[2175] *Сычев Н.И*. Сербская армия в Европейской войне. С. 7.

[2176] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8738. Л. 12, 12 об.

до 28 октября и всё это время был переполнен ранеными. К Н.И. Сычеву, как опытному хирургу, направляли только самых тяжелых.

Под натиском австрийцев госпиталь пришлось спешно эвакуировать в Крагуевац. Старший врач Н.И. Сычев не только вывез всех больных (75 человек), но и сумел сохранить всё имущество отряда. В Крагуеваце отряд находился недолго, вынужденный по распоряжению Верховной Команды 20 ноября 1914 г. выехать в Заечар. Из еженедельного отчета Н.И. Сычева в Совет следует, что отряд был размещен в прекрасно оборудованном помещении окружной больницы на 200 кроватей, из которых 100 содержалось за счёт Петроградского славянского благотворительного общества[2177]. Госпиталь продолжал работать в большом напряжении, принимая вместо 100 до 150 человек. Начальник санитарного управления Заечар издал приказ, предписывавший тяжелораненных направлять в русскую санитарную миссию.

За три месяца пребывания в Крагуеваце и Заечаре через лазарет прошло 488 больных и раненых, было сделано 7 720 перевязок[2178]. Возрастающий объем работы заставил Сычева обратиться в Совет Славянского благотворительного общества с просьбой прислать еще одного врача. Им стал один из ординаторов хирургической клиники Московского университета, командированный в ноябре 1914 г. на средства Московского славянского комитета[2179]. В ноябре из-за острой нехватки врачей Н.И. Сычев был вынужден работать не только в своём, но и сербском госпитале. В последнем был только один сербский врач на несколько сотен больных и раненых, не имевший помощников и нуждавшийся в срочном отпуске[2180].

Черногорский отряд начал свою работу в Рогатице в 20-х числах сентября, как и сербский отряд, вблизи от линии фронта. По свидетельству участницы событий Пелагеи Савримович, это был первый этап для перевязок и эвакуации раненых, не считая перевязочного пункта в трех километрах от передовой. До приезда отряда Петроградского славянского благотворительного общества, нуждавшихся в срочном оперативном лечении были вынуждены отправлять в тыл, так как единственный имеющийся хирург на этом участке фронта работал на передовых позициях[2181]. При отступлении черногорцев из Рогатицы санитарный отряд потерял всё свое имущество. Совет Славянского благотворительного общества не только восстановил всё оборудование, но и, учитывая обстоятельства, увеличил госпиталь на 12 коек. В октябре и начале ноября 1914 г. отряд находился в Чайниче[2182]. В этот период в полевых условиях было сделано 2

[2177] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1594. Л. 118 об.

[2178] Славянские известия. 1916. № 2. С. 11.

[2179] ЦГИА СПб. Там же. Л. 108 об.

[2180] *Трубецкой Г.Н.* Русская дипломатия и война на Балканах. С. 109.

[2181] *Шевцова Г.И.* Указ. соч. С. 128.

[2182] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1594. Л. 95.

548 перевязок. В октябре была оказана помощь 880 больным и раненым (из них 119 амбулаторно), в ноябре – 1 961 (из них 172 амбулаторно)[2183].

Несмотря на самоотверженную работу, и в сербском, и в черногорском отряде были проблемы с персоналом[2184], сильно затруднявшие работу. Они, как правило, были связаны с личными качествами и (или) недостаточным профессионализмом. Во-первых, следует упомянуть часть молодежи, которая, поддавшись романтическим устремлениям и искреннему желанию принести как можно больше пользы, пожелала служить не там, куда их определили старшие по званию, а на передовой линии (Татьяна Энгельгардт, Пелагея Савримович, Павел Жуков из черногорского отряда). Они самовольно покинули отряд, оставшись в районе боевых действий. Уладить эту проблему обычным способом было невозможно из-за высокого статуса Татьяны Энгельгардт, чей отец был членом Государственного совета. Несмотря на самоотверженный труд, эти сотрудники доставили немало хлопот руководству отряда. Во-вторых, серьезной проблемой стали личные качества и недостаточный профессионализм старшей сестры сербского отряда Ксении Смирновой (Община сестёр милосердия Святого Георгия), не только не сумевшей организовать средний медицинский персонал, но и спровоцировавшей некоторых сестёр милосердия на демонстративный уход из отряда. Увольнение Смирновой и отправка ее в Россию позволила восстановить отряд в полной мере. В-третьих, низкие моральные качества части санитаров и обслуживающего персонала[2185]. В-четвертых, проблемы в руководстве отрядов. Совет общества заподозрил Логинову-Радецкую в недостоверности предоставляемой финансовой отчетности и уволил ее с должности, назначив на ее место в декабре 1914 г. младшего врача того же отряда Николая Константиновича Киселева. Она отказалась сдать дела, и отряд находился в ситуации «двоевластия» еще около месяца, пока не вмешалось российское дипломатическое представительство.

Внутренние проблемы были столь серьезными, что князю Трубецкому пришлось 17 декабря 1914 г. поставить о них в известность товарища министра иностранных дел А.А. Нератова (копия отношения была передана в Совет названного общества). Причины, по мнению посланника, «только отчасти крылись в особенностях местной ситуации». Судя по донесению, значительная доля неурядиц была обусловлена отсутствием должной организации и недостаточно осмотрительным подбором личного состава. Впоследствии Трубецкой не раз обращался к этой теме, неизменно требуя, чтобы прибывающий персонал проходил тщательный отбор.

[2183] Там же. Д. 1603. Л. 285-288.

[2184] Подробнее см.: *Шевцова Г.И.* Указ. соч. С. 95-97, 129-130, 133-135.

[2185] Например, 9 декабря Н.И. Сычев сообщил в Славянское благотворительное общество, что 7 октября уволил санитаров Евдокима Антипчука и Николая Петрова за постоянное пьянство и безобразное поведение. // ЦГИА СПб. Там же. Л. 116 об.

Совместными усилиями Совета общества и российских дипломатов отряд удалось вывести из всех затруднений и обеспечить его функционирование в соответствии с требованиями, предъявляемыми временем[2186].

Командировка персонала Петроградского славянского благотворительного общества истекала в середине января 1915 г., поэтому князь Г.Н. Трубецкой поставил вопрос о необходимости продления срока пребывания отряда в Сербии. По мнению посланника, работа лазарета Общества, имевшего во главе опытного хирурга Сычева, оказывала «неизмеримые услуги союзной Сербии».

В черногорском отряде произошла частичная смена персонала и некоторые его члены в середине января 1915 г. вернулись в Россию. Среди них были П. Савримович, Т. Энгельгардт и П. Жуков. Уже в конце января они дали интервью некоторым петроградским газетам, где признались, что им было «тяжело и стыдно уезжать»[2187]. Их рассказ о буднях медицинского персонала на передовых позициях и тяжелом положении черногорцев сопровождался призывом жертвовать в их пользу.

В феврале 1915 г. П. Савримович и Т. Энгельгардт были приглашены в Петроградское славянское благотворительное общество для подготовки командировки в Черногорию. На 3 апреля был назначен отъезд группы сестёр милосердия и фельдшеров для пополнения сербского и черногорского санитарных отрядов. Сестре П.П. Савримович было поручено сопровождать большой транспорт медикаментов, перевязочного материала, белья и провианта (116 мест)[2188].

Полномочия своего сербского отряда Петроградское славянское благотворительное общество продлило до окончания войны, о чем 7 января 1915 г. было сообщено Н.И. Сычеву[2189], а Г.Н. Трубецкой добился его вторичного перевода в Крагуевац в феврале того же года. Госпиталь Славянского благотворительного общества, хотя и был оборудован на 200 кроватей, в отдельные периоды был вынужден принимать до 300 тяжелораненых. При непрекращающемся притоке раненых под лазарет были приспособлены две конюшни гвардейской кавалерии, что позволило разместить еще 300 кроватей. Таким образом, на попечении отряда оказалось 600 больных, которых обслуживали только три врача. Персонал работал по 18 - 20 часов в сутки, выполняя свой долг[2190]. О «большом русском госпитале в Крагуеваце» в этот период упоминает Моника Крипнер в своём исследовании деятельности британских медицинских миссий[2191].

[2186] Проблемы с персоналом были и позже, но они уже не выходили за рамки отряда и не влияли на его деятельность.

[2187] Вечернее время. 1915. 29 января (11 февраля). С. 3.

[2188] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1604. Л. 86, 212, 179-180.

[2189] Там же. Д. 1603. Л. 253.

[2190] Славянские известия. 1916. № 2. С. 11.

[2191] *Krippner Monica*. Op. cit. P. 91.

Как и большинство иностранных миссий, отряд Славянского благотворительного общества, по мере возможности, занимался благотворительной деятельностью. Одной из обязанностей уполномоченного отряда было информирование Совета Общества о насущных потребностях на местах.

В январе 1915 г. Совет Общества отправил сербскому митрополиту Димитрию (по его просьбе) солдатское сукно на сумму 316,16 руб.[2192]. Общей проблемой всех госпиталей было отсутствие смены нательного белья у больных и раненых. В отряде Сычева смена выдавалась всем выписывающимся. Более того, Совет счел возможным отправить бельё для сербских раненых в госпитали Скопье, о получении которого 13 марта 1915 г. проинформировал российский генеральный консул в Скопье Н.И. Стребулаев. Через Стребулаева были направлены и 400 руб. на устройство приюта для бедных сирот павших в боях сербских воинов[2193]. В планах жены российского консула М.Н. Стребулаевой было открытие столовых для беднейших слоев населения. В июне 1915 г. председатель Киевского Славянского благотворительного общества профессор Т.Л. Флоринский препроводил в Петроградского Славянское благотворительное общество 1 640 руб. на помощь жертвам войны в Черногории, которые были направлены Советом в распоряжение российской императорской миссии в Черногории[2194].

В апреле и мае 1915 г. отряды Петроградского славянского благотворительного общества были пополнены персоналом. Тогда же из России были отправлены медикаменты, перевязочный материал, инструменты, одеяла, постельное и нательное бельё, провиант и пр., в объеме 116 мест груза, доставленного в трех товарных вагонах. Значительная часть этих вещей была куплена на пожертвования с кружечных сборов в Петрограде, Твери, Нижнем Новгороде, Туле, Владимире, Тамбове, Уфе, Могилеве и Новгороде. В формировании этого груза принимали участие склады императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны, княгини Елены Петровны и склад при МИД[2195]. Посильную лепту также внесли склады Е.В. Сухомлиновой, А.А. Оболенской-Нелединской-Малецкой, А.Н. Родзянко[2196].

В апреле 1915 г. черногорский отряд Петроградского славянского благотворительного общества выполнял свои обязанности в Плевлье, затем переместился в Чайнич. В июле 1915 г. секретарь российской миссии Н.А. Обнорский сообщил в МИД, что, по сведениям Черногорского правительства, отряд Славянского благотворительного общества получил приказ переехать в Крагуевац. Основанием для такого решения послужило сокращение притока

[2192] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1607. Л. 22.

[2193] *Шевцова Г.И.* Указ. соч. С. 99.

[2194] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1661. Л. 318.

[2195] Вестник Красного Креста. № 5. С. 1784.

[2196] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1604. Л. 128-140; Д. 1314. Л. 96 об.

раненых. Черногорское правительство, тем не менее, ходатайствовало об оставлении отряда в Чайниче, о чем и было сообщено в Общество. Практически в это же время «Русский инвалид», ссылаясь на черногорскую печать, поместил информацию о том, что общество Черногории восторженно приветствовало деятельность русских санитарных миссий и их членов, приводил слова благодарности России, которая, испытывая огромные потери и несмотря на нужды, всё же пришла на помощь братскому народу. В середине августа было принято решение оставить отряд на месте, более того, он был пополнен двумя сёстрами милосердия. В этот период его персоналу приходилось заниматься, в основном, простудными и инфекционными заболеваниями.

В сербском отряде Петроградского славянского благотворительного общества с мая 1915 г. практически не было работы. Военные действия не велись с конца 1914 г., эпидемия стихала, больные и раненые не поступали. Деятельный Н.И. Сычев не находил возможности для применения своих сил и стал просить об освобождении от должности. Персонал отряда стал постепенно разъезжаться: кто в отпуск, кто увольнялся[2197]. Н.И. Сычев вторично обратился в Совет с просьбой о ликвидации отряда[2198].

С июня 1915 г. резко сократилось количество больных и раненых и в черногорском отряде. Это дало основание руководству Общества с целью экономии материальных и людских средств направить старшему врачу Н.К. Киселеву распоряжение присоединиться к сербскому отряду. Всё имущество и медикаменты следовало также отравить в Сербию и сдать Н.И. Сычеву. Решение, принятое Советом Общества, обеспокоило черногорские власти, о чем в МИД в июле 1915 г. сообщил Н.А. Обнорский, передавший ходатайство черногорского правительства о продолжении работы отряда. Тем не менее, 6 августа черногорский отряд выехал в Крагуевац.

В Черногории были оставлены зауряд-врач[2199] И.К. Васильев, его жена, сестра милосердия К.В. Васильева, медбрат Е.Т. Муштаев и санитар Колпачев[2200]. Чтобы выяснить обстановку на месте, к ним выехал Н.И. Сычев. 22 августа он сообщил телеграммой Совету, что больных очень много и следует увеличить отряд Васильева двумя сёстрами[2201]. Этому отряду пришлось бороться с эпидемиями тифа и холеры. Н.К. Киселев писал о И.К. Васильеве, что он «своим примерным поведением, знанием своего дела и добросовестным его исполнением, внимательным и предупредительным отношением к больным и жителям сумел заслужить их

[2197] Там же. Д. 1314. Л. 150 об.

[2198] Надо отметить, что и другие иностранные миссии стали покидать страну. Основной причиной, конечно, было вынужденное безделье.

[2199] фельдшер

[2200] ЦГИА СПб. Там же. Д. 1662. Л. 51.

[2201] Там же. Д. 1314. Л. 169.

любовь и расположение, поддержать честь русского имени, обаяние которого еще сильно в черногорском народе»[2202].

16 сентября на заседании Совета Славянского благотворительного общества по ходатайству Н.И. Сычева был заслушан вопрос о необходимости увеличения медицинской помощи Черногории. Было принято решение подчинить Н.И. Сычову весь личный состав[2203] и предоставить ему право усиливать и перегруппировывать его в зависимости от ситуации[2204]. В конце сентября, в связи с изменением обстановки, черногорский госпиталь был расширен, дополнительно укомплектован медикаментами и перевязочными средствами. Это значительно облегчило деятельность отряда на следующем этапе.

Вскоре началось вторжение австрийцев в Черногорию. Поток раненых стал стремительно расширяться. Несмотря на малочисленный состав, отряду приходилось обслуживать до 200 раненых одномоментно. Многие операции делали сами, тяжелых отправляли в английский госпиталь. 7 ноября было получено предписание срочно эвакуировать госпиталь в Шавник. Из-за спешного отступления вывезли только медикаменты и инструменты. Остальные материалы и оборудование были розданы местному населению[2205]. Часть персонала и больных была отправлена по назначению. Однако из-за бездорожья и отсутствия достаточного количества транспорта, тяжелораненых пришлось отправить в ближайший населенный пункт Шаховичи. Та часть персонала, что прибыла в Шавник, немедленно открыла перевязочный пункт и амбулаторию. Однако пробыли там недолго. Уже 16 ноября пришлось переехать в Никшич, где было оборудовано четыре больницы.

25 октября из Петрограда к месту назначения выехал новый старший врач черногорского отряда Славянского благотворительного общества Яков Иванович Чабров с сестрой милосердия Ниной Александровной Орловой. Отряд Чаброва выполнял свой долг на территории Черногории до конца декабря 1915 г.

Русские врачи и сестры милосердия проявили настоящий героизм в борьбе с эпидемиями в Сербии. Отдельные очаги заболеваний стали вспыхивать с осени 1914 г., а затем развиваться эпидемии брюшного, сыпного и возвратного тифа, оспы, холеры, скарлатины, дифтерита[2206]. Эта ситуация побуждала князя Г.Н. Трубецкого неоднократно обращаться в МИД с записками о медико-санитарном состоянии Сербии, о недостатке врачей и с многочисленными просьбами о

[2202] Там же. Л. 178.

[2203] Н.К. Киселев летом 1915 г. вернулся в Россию в связи с болезнью жены.

[2204] ЦГИА СПб. Там же. Л. 165.

[2205] Славянские известия. 1916. № 2. С. 12-13.

[2206] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8685. Л. 47.

помощи. Аналогичные письма были направлены и в различные общественные организации, проявлявшие интерес к сербской теме.

В одном из первых писем с нового места службы, адресованных товарищу министра иностранных дел А.А. Нератову от 29 ноября 1914 г., российский посланник отметил, что выход из создавшегося положения он видит в срочном снаряжении санитарных отрядов, которые могли бы жить самостоятельно, в своём внутреннем распорядке и, по возможности, независимо от местного санитарного управления[2207].

К концу декабря 1914 г. военные действия на сербском фронте прекратились[2208], поток раненых постепенно иссяк. Однако стремительное развитие эпидемий поставило под удар не только боеспособность сербской армии, но и само существование сербского государства. Разрозненные очаги инфекционных заболеваний разрастались, стремительно двигаясь с севера на юг вместе с беженцами и военнопленными.

Сербские врачи-хирурги первыми приняли на себя удар эпидемий. Не остался в стороне и отряд Славянского благотворительного общества. Н.И. Сычев, как большинство русских врачей, имел опыт борьбы с холерой и тифом. Поэтому, когда поток раненых иссяк, отряд Славянского благотворительного общества вступил в борьбу с эпидемиями сначала в Заечаре, а затем в Крагуеваце (с февраля 1915 г.), где обслуживал один из сербских госпиталей (от 300 до 600 кроватей)[2209].

В донесении от 24 января (6 февраля) 1915 г. князь Г.Н. Трубецкой просил МИД как можно быстрее помочь с врачами, из-за недостатка которых в сербских госпиталях на триста больных приходился один врач[2210]. Ситуация усложнялась отсутствием специалистов-эпидемиологов и необходимого оборудования.

К январю 1915 г., когда санитарная обстановка стала угрожающей, Г.Н. Трубецкой практически ежедневно писал письма в МИД о распространении эпидемии тифа и неудовлетворительном медицинском обслуживании в Сербии, прежде всего гражданского населения и военнопленных.

В армии дела были не лучше: жертвами эпидемии становились не только военнослужащие, но и врачи. По данным князя Трубецкого, к началу года из 450 врачей умерло более ста[2211]. Тысячи раненных и больных воинов остались без медицинской помощи. О том, что санитарное состояние

[2207] Там же. Л. 3-3 об.

[2208] За балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 105-106.

[2209] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1662. Л. 207-208.

[2210] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 63. Л. 43.

[2211] Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8778. Л. 70.

в Сербии не улучшается (в тыловых госпиталях находилось более 20% сербской армии), доносил в отдел генерала-квартирмейстера и русский военный агент В.А. Артамонов[2212].

27 января 1915 г. Г.Н. Трубецкой, учитывая недостаток врачей в России, ходатайствовал перед министром иностранных дел о скорейшем командировании пятидесяти врачей из числа военнопленных славянского происхождения[2213]. Это письмо было представлено С.Д. Сазоновым императору Николаю II, сделавшем на документе пометку: «следует чем-нибудь помочь» [2214].

Княгиня М.К. Трубецкая по поручению своего мужа в ноябре – декабре 1914 г. принимала деятельное участие в формировании санитарного отряда Иверской общины сестёр милосердия. По традиции, сложившейся в годы балканских войн, этот отряд был назван «отрядом Русского общества и города Москвы», но чаще в документах он называется Московским или отрядом княгини Трубецкой. Старшим врачом был назначен хирург С.И. Сиротин.

Отряд княгини М.К. Трубецкой (сербское название – X резервная больница) прибыл в Ниш 25 января 1915 г. Он состоял из 23 врачей, фельдшеров, сестёр и братьев милосердия и был способен в короткие сроки развернуть госпиталь на 200 – 400 кроватей. Все сёстры милосердия были из московской Иверской общины, одной из лучших в России по уровню медицинской подготовки. В 1910 г. персоналу Иверской общины довелось сражаться с эпидемией холеры в Симбирской губернии[2215].

Среди врачей отряда княгини Трубецкой была молодой врач-эпидемиолог Надежда Марцинкевич, земский врач, имевшая опыт профилактики и локализации эпидемий[2216]. Наличие этого специалиста позволило, в соответствии с текущей ситуацией, обустроить, прежде всего, «заразное» отделение. В его состав, кроме Марцинкевич вошло четыре опытных сестры милосердия Иверской общины (М.В. Горяйнова, Е.Д. Сундетич, Е.Н. Лебедуха, Л.Е. Гальцева), фельдшер Е.И. Бутурлова и два санитара (А.Е. Иевлев и Л.В. Жихарев).

Сербские власти предоставили в распоряжение Н.В. Марцинкевич пять бараков за городом. 11 февраля был открыт амбулаторный прием. Судя по отчету, предоставленному в Российское общество Красного Креста, за 6,5 месяцев в амбулатории была оказана помощь 15 000 человек, в основном, гражданскому населению. 23 февраля в «заразном отделении» был начат

[2212] Там же. Ф. 133. Оп. 470. Д. 63. Л. 73.

[2213] Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8685. Л. 44-46.

[2214] Там же. Л. 47-48.

[2215] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 678. Л. 30.

[2216] С конца XIX в. основная тяжесть борьбы с эпидемиями в России ложилась на плечи земских врачей.

стационарный прием[2217]. По свидетельству посланника Трубецкого, процент смертности в этой больнице был ничтожным благодаря квалифицированному уходу[2218].

К этому времени первые тифозные больные появились и среди российского персонала[2219]. Один из членов Совета Общества славянской взаимности Б.В. Кириченко, работавший братом милосердия во 2-м резервном госпитале Ниша сообщил в РОКК: «… работа трудная, требующая чрезвычайного напряжения нервов и нередко самоотверженности. Вот вам и примеры. В начале ноября скончалась женщина-врач Татьяна Митницкая. Скончалась она от сыпного тифа, подхваченного ею при уходе за сербскими солдатами. Ныне же вот уже две недели как борется со смертью сестра петроградского Боткинского барака Мария Сергиевская, заболевшая пятнистым тифом. Случаи эти не единичные»[2220].

Сознавая необходимость планомерной, систематической борьбы с эпидемиями в исключительных обстоятельствах, князь Г.Н. Трубецкой в январе 1915 г. поручил С.К. Софотерову подготовить план санитарного оздоровления Ниша[2221]. Свои предложения русский врач изложил в записке «К вопросу о борьбе с эпидемическими заболеваниями в г. Нише», датированной 8 февраля 1915 г.[2222]. В небольшой преамбуле был сделан анализ санитарной ситуации в Сербии, в том числе, причин, приведших к ее критическому состоянию.

С.К. Софотеров пришел к выводу, что было нарушено первое и основное правило военной санитарии, установленное хирургом Н.И. Пироговым еще во время Крымской войны (1853-1856 гг.), что «нельзя концентрировать во время войны в одном месте раненых и больных»[2223]. При этом автор записки отметил, что сербские врачи прилагали определенные усилия к локализации эпидемии, но достигли «скромных результатов»[2224]. Упомянув совещание сербских врачей от 3 февраля 1915 г., где было принято решение о создании Особого комитета для борьбы с эпидемией, Софотеров подчеркивал, что «в настоящее время нужен не комитет, а вполне радикальное изменение существующих условий»[2225].

Далее в документе содержится конкретный план действий по разделению больных и раненных воинов, созданию изоляционных пунктов и «заразных» больниц по пути следования основных

[2217] Вестник Красного Креста. – 1915. – № 6. – С. 1990.

[2218] *Трубецкой Г.Н.* Указ. соч. С. 118.

[2219] Подробнее о работе отряда см. *Шевцова Г.И.* Россия и Сербия. С. 107-116.

[2220] Вестник Красного Креста. 1915. № 3. С. 1093.

[2221] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8685. Л. 58 об.

[2222] Там же. Л. 62.

[2223] Там же. Л. 61.

[2224] Там же. Л. 62.

[2225] Там же.

людских потоков, по изоляции заболевших военнопленных, организации дезинфекции в госпиталях и для гражданского населения и т.д.

Опираясь на опыт Н.И. Пирогова, убежденного, что главную роль в деле помощи больным и раненым воинам на театре войны играет не медицина, а администрация[2226], С.К. Софотеров предложил, в первую очередь, учредить административный пост с широкими полномочиями для проведения экстренных санитарных мер. Последующими шагами, по мнению Софотерова, должно было стать разделение города на участки, проведение санитарно-полицейского осмотра всех общественных мест и частных домов, введение регистрации всех форм эпидемиологических заболеваний, организация пунктов дезинфекции для горожан и госпиталей и т.д. Серьезное внимание в этом плане уделялось мерам по оздоровлению и улучшению жизненных условий беженцев за счёт введения бесплатной врачебной помощи и бесплатного питания[2227].

Эта часть документа наводит на мысль, что С.К. Софотеров использовал прекрасно зарекомендовавший себя во время эпидемий в России земско-участковый принцип оказания медицинской помощи. В 70 - 80-х гг. XIX в. российские уезды были разделены на участки, в центре которых были обустроены больница с амбулаторией. Кроме того, на территории участка обычно имелись один-два фельдшерских пункта и аптека. Бесплатное лечение в амбулаториях и стационарах сочеталось с бесплатной выдачей лекарств и лечебных пособий беднейшему населению, как правило, крестьянам. Во время эпидемий для изоляции и лечения больных открывались временные инфекционные бараки, специально приспособленные для этих целей[2228].

С содержанием записки С.К. Софотерова князь Г.Н. Трубецкой ознакомил премьер-министра Николу Пашича, который, «вполне сознавая грозящую Сербии опасность от различных эпидемий, обещал употребить всё свое влияние, чтобы соответствующими мерами предотвратить дальнейшее их развитие»[2229].

План одобрен сербским правительством и взят за основу в борьбе с эпидемиями. К его реализации приступили немедленно. По смете, представленной Г.Н. Трубецким в ГУ РОКК, на реализацию этого плана предполагалось затратить не менее 20 000 руб.[2230].

В деле борьбы с эпидемиями русские санитарные отряды работали в сотрудничестве не только с сербскими военными и гражданскими санитарными ведомствами, но и с другими

[2226] Вестник Общества попечения о раненых и больных воинах, состоящего под покровительством ее императорского величества государыни императрицы. 1871. № 3. С. 4.

[2227] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8685. Л. 67-68.

[2228] Сабанов В.И., Грибина Л.Н. Муниципальное здравоохранение Волгоградской области сквозь призму истории. // Бюллетень Волгоградского научного центра РАМН. 2008. № 2. С. 15-16.

[2229] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8685. Л. 58.

[2230] Там же. Д. 8778. Л. 70-70 об.

иностранными санитарными отрядами. Сербия была поделена на 14 секторов, каждый из которых был поручен отдельной организации из приехавших иностранных санитарных отрядов, общее число персонала которых превышало 500 человек. Север Сербии обслуживали французские и английские отряды, юг – американские. Все большие центры передовой линии и тыла были поручены специальным отрядам: в Белграде работали американцы и французы, в Кралево, Крагуеваце и Скопье – англичане, в Нише – русские. Работа этих отрядов руководилась Международным санитарным отделом, который получил право издавать обязательные для всех правила и санитарные постановления. Во главе отдела стал престолонаследник Александр. Вице-председателем был назначен сэр Ральф Пэджет (Англия), членами отдела стали полковник Хантер (Англия), доктор медицины Стронг (Америка), доктор медицины полковник Юбер (Франция), доктор медицины Софотеров (Россия), а также представители сербского военного министерства и военно-санитарного управления.

На заседания Международного санитарного отдела приглашались многие члены Скупщины, чтобы координировать работы медико-санитарного характера с законодательными[2231].

По предложению российского посланника начальником санитарной организации Ниша и консультантом всех русских отрядов в Сербии был назначен С.К. Софотеров[2232]. Князь Трубецкой характеризовал его как «работавшего с самоотверженным рвением» и считал, что такое назначение «означало бы признание его деятельности, заслужившей всеобщее уважение»[2233]. Был учтен, конечно, и опыт работы С.К. Софотерова старшим врачом в период Балканских войн в Сербии, его знание местных условий и знакомство с руководством сербского военно-санитарного управления.

Совместные усилия принесли желаемый результат: эпидемия начала спадать и практически исчезла к лету 1915 г. Однако до октября 1915 г. отряды из союзных и нейтральных стран продолжали пополняться новыми членами, прибывали новые миссии, тем более что об этом регулярно просили сербские власти.

Иностранные санитарные миссии на территории Сербии действовали автономно, координируя свою деятельность с сербскими гражданскими и военными властями и друг с другом. Размах их деятельности ограничивался только целями пребывания и средствами, направляемыми союзными и нейтральными государствами на гуманитарную деятельность.

[2231] Письмо Софотерова С.К. // *Тимофеев А., Вишняков Я., Милорадович Г.* Битва двуглавых орлов. С. 328.

[2232] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 63. Л. 96; АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8710. Л. 1.

[2233] Там же. Л. 32.

Вспоминая этот период, князь Трубецкой писал в мемуарах, что в Сербию приезжали англичане, французы, американцы с огромными средствами и желанием помочь[2234]. На этом факте хотелось бы остановиться особо и расставить некоторые акценты.

Не будем оспаривать, несомненно, значительный вклад английских сестёр милосердия, о которых с такой любовью пишут в Сербии. Однако, по нашему мнению, здесь стоит разобраться. Академик Никола Б. Попович свел воедино имеющиеся у него данные об иностранных миссиях, находившихся в Сербии к началу 1915 г.[2235] Что касается русских санитарных отрядов, то сведения о количестве их членов не совпадают с данными отечественных архивов, что, вероятно, объясняется тем, что сербы могли учитывать только собственно медицинский персонал, тогда как состав миссий мог включать и вспомогательные службы.

Из 15 иностранных миссий, о которых пишет Никола Б. Попович, русскими были три, но они составляли около 20% всего иностранного врачебного персонала. К тому же в зону их ответственности попадали места наибольшего скопления беженцев и военнопленных – в Нише и окрестностях. Английские миссии были сосредоточены, в основном, в Новой Сербии, в Скопье.

По данным Моники Крипнер между декабрем 1914 и февралем 1915 г. в госпитале леди Пэджет было сделано около 400 операций. А в марте месяце, в разгар эпидемии тифа, когда 60% штата заболело, сестра Флора Скотт одна обслуживала 300 пациентов[2236]. Эти данные сопоставимы с теми, что были представлены в отчетах старших врачей отряда княгини Трубецкой или отряда Славянского благотворительного общества.

К тому же, по данным леди Пэджет, большинство иностранных миссий уехало из Сербии в конце весны – начале лета, когда положение на этом участке фронта стабилизировалось и создавалось впечатление, что в ближайшее время военные действия не возобновятся.

Кроме врачей из частных миссий и миссий Красного Креста в Сербию союзниками были направлены и военные врачи. В первую очередь, они должны были обеспечить медицинское обслуживание союзных войск, которые намечалось отправить на Балканы. Но в их задачу входила и санитарная помощь Сербии.

Впервые о командировании в Сербию организованных отрядов военных врачей из Англии и Франции Г.Н. Трубецкой сообщил в МИД 4 марта 1915 г., когда ожидалась первая партия в 25 из 100 французских врачей. Французские власти планировали распределить их в отряды от десяти до пятнадцати человек и взять на себя медицинскую и санитарную помощь в отдельных местностях в соответствии с предоставленными им полномочиями. В Сербии уже находился

[2234] *Трубецкой Г.Н.* Указ. соч. С. 121.

[2235] *Поповић Никола*. Србија и царска Русија. С. 143.

[2236] *Krippner Monica*. Op.cit. P. 59, 61.

главный врач французского отряда, изучавший местные условия для разработки конкретных рекомендаций по организации медицинской помощи Сербии. По мнению российского посланника, тот факт, что военные власти союзных стран начали проявлять подобную инициативу, указывал на намерение союзников отправить в Сербию военные части[2237].

Другими словами, активные действия в регионе союзники предваряли гуманитарной деятельностью. Стоит отметить, что такая стратегия была общепринятой практикой.

Судя по одному из донесений российского консула Г.Е. Ферхмина от 20 октября 1914 г. из соседней Албании, где соперничали за власть Австро-Венгрия и Италия, наличие «многочисленных и образцово - показательных благотворительных учреждений и торгово-экономических предприятий, которые ныне … значительно расширены и служат неоспоримым основанием для Италии бороться и впредь всеми силами за культурно-экономическое преобладание в крае»[2238]. На основании того, что итальянский консул дважды телеграфировал в Рим с просьбой прислать помощь для охраны находящихся в Скутари подданных Савойской династии и благотворительных учреждений, Г.Е. Ферхмин делал вывод, что готовится занятие Скутари итальянцами[2239].

Итак, вернемся в Сербию. Как только Ниш с его окрестностями (приблизительно 60 км радиуса) поступил в ведение Комитета при императорской миссии, то для лучшей организации санитарной работы к участию в ней были привлечены не только представители правительства, но и городские власти и отдельные граждане. С целью объединения и координации усилий на совещания приглашались главные врачи всех медицинских учреждений, представители сербских властей.

С согласия сербского правительства в Нише был создан особый городской совет из пяти лиц (в одном из донесений князя Г.Н. Трубецкого он назван Русско-Сербским комитетом по оздоровлению Ниша) [2240], куда вошли представители военных и гражданских властей, епископ Нишский Досифей, председатель городской общины и приват-доцент С.К. Софотеров. В функции Совета входил надзор за проведением санитарных мероприятий в рамках намеченного плана. Он действовал в тесной связи с Комитетом помощи сербам и черногорцам при российской императорской миссии, координировавшим поступающую из России помощь.

Как уже упоминалось, русским достался очень сложный район – Ниш и его окрестности, в радиусе приблизительно 60 километров. В военной столице Сербии в тот момент было

[2237] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8685. Л. 81-81 об.

[2238] Там же. Ф. 151. Оп. 482. Д. 1247. Л. 112.

[2239] Там же. Л. 112 об.

[2240] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8685. Л. 90.

сосредоточено девять госпиталей, переполненных ранеными, более 30 000 человек военнопленных и около 100 000 беженцев[2241].

С учетом этих обстоятельств, на реализацию плана оздоровления города Г.Н. Трубецкой запросил в Главном Управлении РОКК 200 000 руб.[2242], а также обратился за помощью и в различные благотворительные и общественные организации. Отклик был самым сочувственным, пожертвования потекли в Сербию рекой[2243].

Город был разделен на четыре участка, каждый из которых был поручен надзору особого врача с помощником. Каждый из них обладал соответствующими полномочиями и был усилен бригадой дезинфекторов с соответствующим оборудованием. В обязанности каждого из четырех санитарных врачей, кроме амбулаторного приема, входил санитарный осмотр города, изоляция инфекционных больных и дезинфекция помещений. На каждом участке находилась специальная аптека и амбулатория.

Посланник Трубецкой понимал, что для реализации столь масштабных планов необходим еще один санитарный отряд. В течение февраля и марта Трубецкой просил МИД поторопить ГУ РОКК с его формированием. С этой же просьбой Трубецкой обращался и в общественные организации. Посланник подчеркивал важность роли этого будущего отряда в выполнении санитарного плана для Ниша, так как, в первую очередь, были необходимы санитарные врачи. Однако, формирование нового санитарного отряда затягивалось, так как Россия с весны 1915 г. испытывала серьезные проблемы с медицинским персоналом[2244].

[2241] *Трубецкой Г.Н.* Указ. соч. Л. 109.

[2242] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8778. Л. 63-67.

[2243] Подробнее см.: *Шевцова Г.И.* Деятельность комитета помощи Сербии и Черногории при российской императорской миссии в Нише (июль 1914-октябрь 1915). // Србија у књижевности о Првом светском рату. Зборник реферата са научног скупа Књижевност и историја X одржаног у Нишу 29. и 30. маја 2009. године. – Ниш, 2014. С. 205-213.

[2244] Учитывая постоянные просьбы сербского правительства и ходатайства посланника Г.Н. Трубецкого, МИД опросил все организации, которые могли бы оказать содействие в отправке медицинского персонала. По итогам опроса в марте 1915 г. была составлена записка. По данным Красного Креста работавших по специальности врачей в России были 27 000. Из них 15 000 – на военной службе. Из этого числа с наступлением военных действий Красному Кресту было передано 450 человек. Красный Крест собрал ещё врачей и ко времени опроса имел их в своем распоряжении около 1 000. Однако и это количество считал недостаточным. Только на Кавказском фронте не хватало 140 врачей. По данным Гражданского Главного военного инспектора, в России к началу войны была 31 000 врачей. Для сравнения: в Германии, где количество жителей значительно меньше, их было 36 000, во Франции – 38 000, в Японии – приблизительно столько же. Главный военно-санитарный инспектор подытожил, что возможность формировать санитарные отряды для помощи Сербии отсутствует из-за недостатков специалистов. // *Шевцова Г.И.* Указ. соч. С. 51.

В марте 1915 г. посланник направил письмо княгине М.Н. Гагариной с рассказом о плане санитарного оздоровления Ниша и просьбой обеспечить необходимый медицинский персонал – четырех эпидемиологов, четырех фельдшеров, восемь санитаров-дезинфекторов. Пожелание князя было выполнено: эпидемиологический отряд, оснащенный всем необходимым для работы (в составе четырех фельдшеров-дезинфекторов и нескольких сестёр милосердия) выехал из Москвы в апреле[2245]. В том же месяце в Сербию было доставлено из России 40 дезинфекционных аппаратов[2246].

Ниш постепенно чистился, дезинфицировался. Когда работы стало меньше, взялись за близлежащие деревни. Специальные бригады делали прививки.

Когда эпидемии практически прекратились, прибыл эпидемиологический Александринский госпиталь комитета «Христианская помощь» на 400 мест. Его выезд из Москвы состоялся 28 апреля 1915 г.[2247]. Было снаряжено четырнадцать товарных (с оборудованием и медикаментами) и три классных (для персонала) вагонов[2248]. И всё же он сыграл свою роль, забрав на долечивание больных из других госпиталей, чем обеспечил отдых медицинскому персоналу, в них работавшему. После напряженной работы зимы-весны 1915 г. он очень в этом нуждался. Более того, Александринский госпиталь оказался единственным лечебным учреждением, куда можно было направлять на специализированное лечение гражданское население, так как остальные обслуживали только военных.

В Скопье эпидемия тифа пришла в начале февраля, когда было зарегистрировано сразу 400 случаев. До этого фиксировались отдельные вспышки заболеваний[2249]. В Скопье умерло от эпидемий несколько сербских докторов, оставшиеся были заняты в сербских госпиталях, присматривая за ранеными[2250].

Леди Пэджет, также как и князь Трубецкой в Нише, пришла к выводу, что эпидемии приняли такой размах, что самостоятельно с ними сербы справиться не смогут[2251]. Она решила взять дело борьбы с заразными болезнями в свои руки. Леди Пэджет провела совещание представителей английских госпиталей, где обсуждались вопросы контроля над эпидемией[2252]. Для борьбы с эпидемиями было необходимо получить полномочия от сербского правительства, поэтому 12

[2245] Новое время. 1915. 10 (23) апреля. С. 4.

[2246] Вестник Красного Креста. 1915. № 4. С. 1318.

[2247] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 1896. Л. 38.

[2248] Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8685. Л. 100-104.

[2249] *Krippner Monika*. Op. cit. P. 59.

[2250] *Paget, Lady*. Op. cit. P. 10.

[2251] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 63. Л. 46.

[2252] *Paget, Lady*. Op. cit. P. 13.

марта 1915 г. в Ниш был командирован доктор Берри (Barrie). После беседы с премьер-министром Николой Пашичем был создан Англо-Сербский комитет для санитарного контроля в Скопье[2253].

Британский план действий, описанный леди Пэджет, был аналогичен разработанному С.К. Софотеровым для Ниша. Это может свидетельствовать о двух вещах – как о соблюдении общих принципов борьбы с эпидемиями, так и о том, что англичане приняли уже утвержденный сербским правительством план.

Скопье было поделено на три части[2254]. При помощи сербских властей была открыта тифозная больница Typhus Colony (была передана англичанам 23 февраля), где стало возможным изолировать больных[2255]. Необходимое оборудование для дезинфекции обеспечил Serbian Relief Fund.

По мнению леди Пэджет, самым трудным месяцем оказался март, когда заболел практически весь персонал британского госпиталя. На триста пациентов осталась одна сестра милосердия[2256]. Подобную ситуацию в «заразном отделении» описал в своих воспоминаниях и князь Трубецкой: «Н.В. Марцинкевич подавала всем пример своей самоотверженной неутомимой деятельностью. Вскоре заболела одна сестра, за нею другая. Наконец, свалилась сама Н.В. – лежа в постели, в сильнейшем жару, она не переставала заботиться обо всём, что касалось её бараков, отдавала распоряжения, во всё входила. Оставшиеся здоровыми сёстры работали иногда бессменно в продолжение 36 часов подряд»[2257].

Чтобы оценить драматизм ситуации, стоит упомянуть, что в записке С.К. Софотерова, поданной 16 февраля 1915 г. в сербское правительство, указывалось, что максимум больных, который способен обслужить врач при условии наличия помощника и санитара – 200 человек[2258].

В плане Софотерова указывалось, что прямых методов борьбы с инфекционными заболеваниями будет недостаточно. И князю Трубецкому, и леди Пэджет пришлось решать сходные задачи – снабжать самым необходимым (одеждой, обувью, бельём, питанием) беднейшие слои населения, в том числе, беженцев и военнопленных. Разница была только в деталях.

Совместными усилиями сербских и иностранных врачей эпидемия потеряла острый характер к маю 1915 г. К лету того же года уехало большинство иностранных миссий: фронт

[2253] Ibidem. P. 12-13.

[2254] Ibidem. P. 13.

[2255] Ibid. P. 15-16.

[2256] Ibid. P. 22-23.

[2257] *Трубецкой Г.Н.* Русская дипломатия 1914-1917 гг. и война на Балканах. – Монреаль: «Русь», 1983. С. 118.

[2258] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8685. Л. 60.

стабилизировался и создавалась впечатление, что в ближайшее время боевые действия вестись не будут.

Русские санитарные миссии работу продолжили, сосредоточившись на помощи гражданскому населению. При русских санитарных учреждениях в Сербии с момента их открытия работали амбулатории и аптеки, лекарства из которых выдавались бесплатно. При этом обслуживались не только жители Ниша, но и окрестностей.

Пожертвований из России в конце 1914 – начале 1915 г. было столько, что комитет при императорской миссии смог открыть два лазарета в Черногории – хирургический для фронта и эпидемиологический при Дечанском монастыре.

В марте 1915 г. посланник Г.Н. Трубецкой обратился к Т.В. Энгельгардт с предложением снарядить небольшой санитарный отряд комитета при миссии в Нише для Черногории. В тот момент она отказалась, но в апреле, получив вторичное предложение, согласие дала. Т.В. Энгельгард получила от комитета при миссии 15 000 руб. Смета была составлена на три – четыре месяца. Дрова и питание для раненых по предварительной договоренности предоставлялись черногорскими властями. Санитарный отряд был командирован в Чайнич, небольшой боснийский городок на берегу реки Дрины, расположенный в тот момент в центре черногорских войск. Старшим врачом был приглашен Спиро Сергентич, бежавший в юности из Австрии в Черногорию. Кроме Энгельгард и Савримович, в состав отряда вошли четыре сестры милосердия из Киева. Студент-медик П.Д. Жуков стал заведующим хозяйством. 9 мая 1915 г. санитарный отряд выехал из Ниша с четырьмя вагонами оборудования и перевязочных материалов для лазарета, предоставленных комитетом при миссии. 26 мая, когда оборудование медицинского учреждения было еще в процессе, приняли первых раненых[2259]. Лазарет был развернут на 113 кроватей (шесть палат). С 1 июня по 1 июля 1915 г. было сделано 33 хирургических операции. Т.В. Энгельгардт, кроме исполнения своих обязанностей по лазарету, занималась раздачей пожертвований бедному населению Черногории, полученных в Нише и привезенных из Петрограда[2260].

В середине июля, вместо доктора Сергентича, назначенного старшим врачом в X резервную больницу Ниша, приехал доктор Вильямс, терапевт, проработавший в этой должности до конца октября. Вместе с одной из сестёр милосердия он регулярно ездил в войска делать прививки от холеры. С середины августа операции в лазарете делал врач черногорской медицинской службы Стаис.

[2259] Вестник Красного Креста. 1916. № 6. С. 1993-1995.

[2260] Там же. С. 1998.

Комитет при миссии в Нише поддерживал отряд и регулярно присылал чай, сахар, муку, санитарные материалы, медикаменты и пр., что дало возможность обеспечить бесперебойную работу медицинского учреждения до 1 января 1916 г.[2261]. В отчете, представленном П. Савримович отмечалось, что с конца мая по октябрь 1915 г. через госпиталь прошло 700 больных и раненных черногорских воинов. В амбулатории при лазарете ежедневно принимали около 80 человек.

Английский санитарный отряд, проходивший через Чайнич во время отступления сербских войск, оставил в лазарете часть своих санитарных материалов, другую часть предоставило Черногорское общество Красного Креста[2262].

С 18 ноября под руководством доктора Стаиса работа отряда была возобновлена в больнице Колашина. Помещений не хватало, тогда было открыто отделение на 70 человек в ближайшей школе, еще 80 кроватей поставили в ближайших кофейнях. Еще 800 человек лежали в казармах. Ситуация осложнялась отсутствием продовольствия. Тем не менее, отряд продолжал помогать беженцам деньгами и вещами. Из аптеки выдавались лекарства сербским врачам, отступавшим с войском через Черногорию. Кроме того, они могли рассчитывать на чай, сахар, свечи[2263].

Т.В. Энгельгардт и П.П. Савримович покинули Черногорию 31 декабря 1915 г. по приказу Г.Н. Трубецкого.

О госпитале на 100 кроватей в Дечанах известно, что он был подготовлен в апреле 1915 г.[2264] Для обеспечения монастыря санитарами наместник Дечанского монастыря иеросхимонах Варсонофий обратился с просьбой к Н.А. Обнорскому с просьбой выдать «десять или больше паспортов для проезда наших иеромонахов и послушников из России в Дечаны, которые во время войны, по случаю недостатка на Афоне продовольствия, выехали в Россию, исключая подлежащих воинской повинности»[2265]. Они находились на подворье монастыря в Одессе. Обнорский считал ходатайство о. Варсонофия «несомненно заслуживающим удовлетворения». На документе от 22 апреля 1915 г. есть пометка: «исполнено»[2266].

В сентябре того же года туда был отправлен второй отряд в составе старшего врача Невского, фельдшера и шести сестёр милосердия. Отряд развернулся на 50 кроватей в монастыре, находившемся в ведении русских монахов[2267]. Они предоставили помещение для лазарета и свои

[2261] Там же. С. 1993-1995.

[2262] Там же. С. 1999.

[2263] Там же. С. 1999.

[2264] Голос Москвы. 1915. 24 апреля. С. 4.

[2265] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 4999. Л. 2.

[2266] Там же.

[2267] Вестник Красного Креста. 1915. № 7. С. 3042-3043.

услуги в качестве санитаров. Окружающая монастырь область на границе с Албанией была присоединена к Сербии лишь в 1912 г. и была практически лишена медицинской помощи[2268]. Когда эпидемия в том районе утихла, стало очевидным, что содержать госпиталь в Дечанах нецелесообразно. Поэтому его преобразовали в фельдшерский пункт: оставили одного фельдшера и двух сестёр милосердия, работавших до завоевания монастыря австрийцами[2269]. Лекарства местному населению предоставлялись бесплатно.

В период отступления сербской армии этот санитарный отряд помогал сербским беженцам. После взятия Высоких Дечан неприятелем, для членов отряда начался долгий путь возвращения в Россию через Скопье и Болгарию[2270].

Монахи Дечанского монастыря были интернированы, однако Россия продолжала оказывать им посильную помощь. В документах АВПРИ есть сведения о том, что те из них (19 человек), кто находился в плену в Австрии, подали прошение о передаче им 1 000 руб. из ежегодной субсидии в 10 000 руб. Дечанскому монастырю. Об этом А.М. Петряеву 26 августа 1916 г. сообщил иеромонах Нил, доверенный русской обители св. Иоанна Златоуста на Афоне и заведующий его подворьем в Одессе. Монахи нуждались в деньгах, обуви и бельё. Эти деньги были переданы через испанское посольство[2271].

По неполным данным, в составе отрядов РОКК в сентябре 1914 – мае 1915 гг. в Сербию прибыло 13 врачей, 73 сестры и брата милосердия, шесть фельдшеров, 52 санитара, 6 сиделок, два провизора, три завхоза и инженер-электрик[2272].

О результатах деятельности русских санитарных миссий с сентября 1914 по октябрь 1915 г. мы можем говорить только приблизительно: был обнаружен итоговый отчет только санитарного отряда княгини Трубецкой. Первую партию раненых приняли 14 февраля, не дожидаясь полной готовности госпиталя. За шесть с половиной месяцев работы русская больница приняла 15 000 больных. Кроме того, работала амбулатория, где к концу первого месяца работы принимали до 80, в последующие месяцы, в среднем, по 100, а в отдельные дни до 180 человек. Всего было сделано 42 000 стационарных и 8 000 амбулаторных перевязок; 491 стационарная и 200 амбулаторных операций[2273].

[2268] Там же. № 6. С. 2424.

[2269] *Трубецкой Г.Н.* Указ. соч. С. 121.

[2270] Вестник Красного Креста. 1916. № 6. С. 2015-2016.

[2271] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 3-3 об., 12.

[2272] *Шевцова Г.И.* Россия и Сербия. С. 167-169.

[2273] Вестник Красного Креста. 1916. № 6. С. 1990-1991.

§ 2.3. Продовольственная помощь Сербии и Черногории

В период военных действий обеспечение населения продовольствием становится не только гуманитарным, но и политическим вопросом, так как от его решения зависит не только выживаемость населения, но и сохранение государством боеспособности и суверенитета. И Сербия, и Черногория вследствие экономических причин очень нуждались в продовольственной помощи союзников. Антанта также была заинтересована в поддержке своих балканских партнеров по оружию. Однако, на объемы и периодичность фактической помощи влияли не только обоюдная заинтересованность, но и текущая военно-политическая ситуация, и надежность коммуникаций.

Неудачи первых месяцев войны были отягощены потерей самых богатых и плодородных северо-западных областей Сербии, которые были разорены дотла: поля были вытоптаны, скот перебит или уведен австрийцами. В этих условиях сельское хозяйство Сербии не могло прокормить население и армию. Воинские мобилизации, начиная с 1912 г. практически лишили деревню рабочих рук[2274].

Недостаток продовольствия для армии и гражданского населения особенно остро стал ощущаться в Сербии с начала 1915 г. Ситуация была настолько тяжелой, что ставила под удар боеспособность сербской армии. Отсутствие питания для населения грозило дестабилизацией и расширением эпидемий.

23 февраля (13 марта) 1915 г. Г.Н. Трубецкой передал в МИД просьбу премьер-министра Николы Пашича об ускоренном отпуске с военных складов России (за счёт сербского займа) 5 000 вагонов муки, 4 800 ячменя, если нет овса, 4 000 мякины, 9 000 сена и 4 000 соломы[2275].

К этой же теме российский посланник обратился 19 марта (1 апреля) 1915 г., подчеркнув, что «с русской точки зрения представлялось бы крайне желательным приступить к безотлагательной высылке этих припасов, без коих невозможно выступление сербской армии. Между тем последнее может представляться весьма желательным в ближайшее время»[2276].

9 апреля 1915 г. сербский посланник Мирослав Спалайкович направил министру С.Д. Сазонову письмо, где, в частности, писал, что «одна из самых больших забот сербского королевства в настоящее время – это вопрос об обеспечении сербской армии продовольствием, который еще больше осложняется тем, что четыре округа совершенно уничтожены вторжением австро-венгерских войск в Сербию и что в соседних государствах уже невозможно больше ничего получить. Вследствие этого королевское сербское правительство с конца прошлого года

[2274] АВПРИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 38. Л. 30-31.

[2275] Там же. Ф. 151. Оп. 425. Д. 4042. Л. 42.

[2276] Там же. Л. 27.

отправило в Россию своих поставщиков, которые закупили некоторое количество муки и прочего продовольствия для сербской армии. Этот способ снабжения частными поставщиками оказался весьма трудным, вследствие чего и обратились в начале февраля сего года к императорскому правительству с просьбой уступить из своих запасов количество продовольствия, необходимое для пропитания сербских войск до конца августа 1915 г. Императорское правительство великодушно отозвалось на эту просьбу сербского правительства»[2277]. В этом письме речь идет о постановлениях Совета министров от 29 декабря 1914 г. и 27 марта 1915 г., в которых на Главное управление закупок и заготовок была возложена обязанность заготовить для Сербии и Черногории продовольственные продукты на 9 000 000 руб. (3 000 000 для Черногории и 6 000 000 для Сербии)[2278]. На эту сумму для Сербии было закуплено 4 000 вагонов пшеничной муки, 4 000 вагонов ячменя, 3 500 вагонов отрубей, 8 000 – сена и 3 000 – соломы[2279]. Между тем этих объемов едва хватало для обеспечения насущных потребностей армии.

Далее посланник Мирослав Спалайкович ставил вопрос, «каким образом это закупленное сербскими поставщиками продовольствие, а также продовольствие, уступаемое Россией Сербии, возможно доставить … в самом непродолжительном времени, так как от разрешения этого вопроса будет зависеть возможность успешного выполнения возложенной на сербскую армию задачи»[2280].

Требование срочной доставки делало задачу почти неразрешимой. Основным препятствием получения помощи от союзников в тот период была слабая пропускная способность сербских железных дорог. Грузы из России доставлялись по железной дороге до Рени, затем на баржах водным путем до дунайского порта Прахово, где перегружались в сербские вагоны. Однако сербское правительство просило намного больше, чем этот дунайский порт мог принять, а в Прахово не хватало складских помещений. Более того, пропускная способность сербских железных дорог была еще меньше, чем пропускная способность Прахово[2281]. И это стало огромной проблемой, так как для организации ожидаемого от сербской армии наступления требовались значительные запасы. Нельзя было оставлять без продовольствия и население Сербии, а также многотысячную армию военнопленных, о которых сербскому правительству также приходилось заботиться.

Проанализировав ситуацию, Г.Н. Трубецкой 6 (19) апреля 1915 г. сообщил в МИД, что «провоз удовлетворяет, в сущности, только ежедневные потребности армии, вследствие чего является

[2277] Там же. Л. 31-32.

[2278] РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3448. Л. 22.

[2279] Там же. Л. 37-38.

[2280] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 425. Д. 4042. Л. 31-32.

[2281] РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3448. Л. 14.

затруднение в пополнении запасов до минимума, необходимого для перехода в наступление». По оценкам российского посланника, это представлялось «самым серьезным вопросом данной минуты». Г.Н. Трубецкой писал, что мощность линии от Прахова уже использовалась максимально, чтобы спасти погибающий из-за недостатка фуража скот[2282].

15 апреля 1915 г. начальник Генмора адмирал А.И. Русин написал министру С.Д. Сазонову, что Верховный главнокомандующий потребовал срочного исполнения просьбы сербского правительства об увеличении числа вагонов для подвоза хлеба в Рени и перевозочных средств по Дунаю с целью обеспечения бесперебойных поставок продовольствия для сербской армии[2283].

Учитывая стратегическое значение Сербии как союзника, российскому военному командованию единственный выход в решении этой проблемы виделся в ограничении транзита черногорских грузов. Адмирал А.И. Русин в телеграмме каперангу М.М. Веселкину указал, что приоритетной задачей является снабжение Сербии, в связи с чем предложил «принимать черногорские грузы не в ущерб сербским»[2284].

Исполняя постановления Совета министров от 29 декабря 1914 г. и 27 марта 1915 г., к середине апреля 1915 г. «на пристанях Прута и Дуная сосредоточено до 1 000 000 пудов ячменя в мешках для отправки в Сербию»[2285]. 19 апреля 1915 г. товарищ министра иностранных дел А.А. Нератов сообщил Г.Н. Трубецкому, что «императорским правительством принимаются все меры к спешному вывозу продовольствия в Сербию»[2286]. 20 апреля пришла информация, что груз уже в Рени[2287]. Среди них были 350 000 пудов кукурузы для Черногории[2288].

По подсчётам российских военных специалистов до конца августа через Прахово должны были пройти свыше 9 000 000 пудов военных грузов для Сербии. Они же сделали вывод, что при максимальной загрузке железных дорог сербам пришлось бы вывозить гужевым транспортом свыше 750 000 пудов в месяц, что было невозможно. При этом было очевидно, что при таких объемах поставок места для черногорских грузов не будет[2289].

[2282] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 425. Д. 4042. Л. 29.

[2283] Там же.

[2284] РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3448. Л. 11.

[2285] Там же. Л.16.

[2286] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 425. Д. 4042. Л. 37.

[2287] Там же. Ф. 323. Оп. 617. Д. 55. Л. 35.

[2288] РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3448. С. 30.

[2289] Там же. Л. 31.

Понимая это, князь Трубецкой добился от сербского правительства обязательства пропускать ежедневно не менее трех вагонов с хлебом для Черногории[2290]. Однако это был, скорее, символический жест, чем реальная помощь.

Выход из транспортного тупика искали и русские, и сербы. Сербское правительство рассчитывало быстро построить железнодорожную ветку Ниш – Княжевац, для чего взяло кредит у российского правительства в 20 000 000 франков. В ответ на запрос из МИДа о расходовании целевых средств, 25 марта 1915 г. Г.Н. Трубецкой сообщил, что к работам «еще не приступили. Главным затруднением является недостаток рабочих рук. Сербское правительство предполагало применять труд военнопленных, но это оказалось невозможным ввиду распространения среди последних [инфекционных] болезней … всё пригодное население призвано под ружье. Сербское правительство имеет в виду обратиться к Италии и Румынии, хотя едва ли этим странам, которые сами готовятся к войне, окажется возможным дать необходимых рабочих рук и поэтому г. Пашич возлагает большие надежды на Россию»[2291]. Сербское правительство рассчитывало начать движение Ниш – Княжевац 15 октября[2292].

Учитывая существующие ограничения, сербские власти стали рассматривать альтернативные варианты доставки грузов. По просьбе сербского правительства Г.Н. Трубецкой обратился к послу А.П. Извольскому, чтобы он исходатайствовал у французского правительства разрешение купить во Франции 100 грузовых автомобилей для организации регулярных сношений между Дунаем и Нишем, что значительно увеличило бы пропускную способность. Однако французское правительство ответило отказом, мотивируя его тем, что «производство французских автомобильных заводов далеко не удовлетворяет собственной потребности французской армии» и предложило разместить этот заказ в Америке[2293]. Но до реализации этого плана дело не дошло.

Сербское правительство, кроме формирования запасов для будущего наступления армии, волновали и вопросы обеспечения продовольствием населения. Несмотря на сложности с логистикой, оно просило российское командование помочь с решением и этой проблемы. Аналогичные просьбы оно адресовало итальянскому правительству.

Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Янушкевич телеграммой от 3 мая 1915 г. уведомил, что, «вследствие истощения продовольственных средств на российском театре военных действий, военное командование вынуждено отказать сербской миссии в ее ходатайстве о дополнительном ввозе в Сербию 4 575 вагонов муки, зерна и фуража»[2294]. Прежде

[2290] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 425. Д. 1894. Л. 23.

[2291] Там же. Д. 4044. Л. 128-128 об.

[2292] Там же. Л.133.

[2293] Там же. Д. 4042. Л. 37, 49.

[2294] Там же. Ф. 323. Оп. 617. Д. 55. Л. 41.

чем донести отказ до посланника Спалайковича, МИД сделал попытку выяснить в военном ведомстве, не может ли отказ в продовольствии и фураже в связи с аналогичным отказом итальянского правительства, затормозить одновременное выступление сербских и итальянских войск, представлявшееся Ставке в тот момент весьма желательным. На этом документе была сделана карандашная приписка чиновника военного ведомства: «снабжение сербской армии было обеспечено разрешением провезти муку и ячмень для Сербии и кукурузу для Черногории. Это вполне устроило сербскую армию. Что же касается населения Сербии, то это выходит за пределы моей компетенции и нарушать интересы русской армии в пользу сербского населения (подчеркнуто автором записки – Г.Ш.) не считаю возможным»[2295].

Вопрос с обеспечением продовольствием гражданского населения частично взял на себя Комитет при императорской миссии в Нише, организовав закупки на пожертвованные средства. Однако вопрос доставки был по-прежнему актуален.

26 апреля 1915 г. в Лондоне был подписан союзнический договор Антанты с Италией. В ходе этой встречи был поднят вопрос о подвозе продовольствия сербской армии морем. 18 мая 1915 г. начальнику дипломатической канцелярии при Ставке из МИДа была переадресована просьба сербского посланника от имени своего правительства «передать живейшую признательность Сербии Верховному главнокомандующему за милостивое отношение Его Императорского Величества к сербским интересам в вопросе о продовольствии при подписании военной конвенции с Италией»[2296]. Однако регулярные поставки морем как для Сербии, так и Черногории ожидались только летом 1915 г.[2297]

Как известно, вследствие неудач на Западном и Восточном фронтах и неспособности союзников в тот момент оказать военную помощь, к осени 1915 г. Сербия оказалась в одиночестве перед мощной коалицией противника. 11 сентября 1915 г. М.М. Веселкин получил приказ из Генмора о приостановлении доставки грузов. Суда, находившиеся в Сербии, следовало оставить там, остальные вернуть в Рени. Начальнику ЭОН предписывалось принять «энергичны меры к доставке грузов в Сербию румынскими пароходами»[2298].

15 сентября в процесс вмешался Г.Н. Трубецкой с настоятельной просьбой «пока не наступила опасность продолжать высылать в Прахово транспорт с мукой и всем, что имеется для Сербии»[2299]. На следующий день, 16 сентября, М.М. Веселкин получает новый приказ:

[2295] Там же. Л. 41-41 об.

[2296] Там же. Л. 42.

[2297] Вестник Красного Креста. 1915. № 6. С. 2424.

[2298] РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3448. Л. 93.

[2299] Там же. Л. 95.

продолжать работу в соответствии с обстановкой. Уже 19 сентября вышел новый транспорт под румынским флагом. Однако теперь о регулярных поставках речь не шла.

23 сентября военный агент В.А. Артамонов обратился в Генмор с ходатайством о возобновлении перевозок в ЭОН в Сербию «исключительно провианта». Для уменьшения людских и материальных потерь Артамонов предлагал «посылать караваны малого состава»[2300].

Поиск запасных путей доставки грузов не прекращался: 24 сентября посланник Трубецкой сообщил из Ниша, что «румынское правительство согласно, чтобы наши баржи с продовольствием для Сербии могли направляться в Галац, далее Прахово под румынским флагом и с румынскими пароходами в Турн-Северин»[2301]. 26 сентября через адмирала Русина эта просьба была переадресована М.М. Веселкину. Доставка грузов, в том числе провианта, была прекращена только после вступления Болгарии в войну.

Черногория, как и Сербия, с первых дней Первой мировой войны испытывала значительную потребность в продовольствии как для армии, так и гражданского населения. Помощь извне затруднялась отсутствием безопасных путей сообщения и транспортных средств. Черногорская узкоколейная железная дорога имела протяженность всего 40 км, а что касается флота, то он состоял из нескольких мелких судов, не приспособленных для перевозки грузов[2302]. Ситуация усугублялась практически полным контролем австрийских военных судов и подводных лодок береговой линии Черногории и ее единственного пригодного для приема больших партий грузов порта – Бара. Снабжение Черногории из ближайшего албанского порта Сан-Джованни-ди-Медуа таже было сопряжено с большими трудностями. Помимо небольшой емкости порта, грузы приходилось доставлять через албанскую территорию, население которой было настроено враждебно и не желало их пропускать[2303].

Черногорское правительство рассчитывало на помощь союзников, делая закупки и надеясь на кредиты и пожертвования. В начале сентября 1914 г. поверенный в делах в Цетинье Н.А. Обнорский сообщил «о произведенной черногорским правительством покупки во Франции на нужды армии 20 000 квинталов[2304] марокканского пшеничного зерна, которые будут доставлены в ближайшее время»[2305].

[2300] Там же. Л. 101.

[2301] Там же. Л. 99.

[2302] *Писарев Ю.А*. Сербия и Черногория в Первой мировой войне. - М.: Наука, 1968. С. 55.

[2303] Там же. С. 114-115.

[2304] Квинтал – 45,36 кг.

[2305] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9172. Мука и кукуруза для Черногории (передача части черногорского хлеба французскому интендантству в Салониках). 1914-1917. Л. 2.

Кроме того, российский дипломат передал просьбу черногорского министра иностранных дел П. Пламенаца «ввиду голода, угрожающего черногорскому населению, оторванного войной от полевых работ, голода, предотвратить которого правительство не в силах вследствие полного истощения казны, … о великодушной помощи России присылкою, по прежним примерам, пшеничной муки и кукурузы, из расчёта на полугодовое продовольствование 450 000 жителей, что составляет в общем около 3 000 000 пудов»[2306]. Н.А. Обнорский посчитал необходимым это ходатайство поддержать. На этой депеше из Цетинье, поданной на рассмотрение императору Николаю II, стоит отметка, сделанная 12 сентября 1914 г. в Петергофе: «следует [помочь]»[2307].

Желая оказать содействие в доставке дарованного черногорцам хлеба, российские дипломаты на Балканах рассматривали все возможные пути доставки, как сухопутные, так и морские. О важности этого вопроса свидетельствует то, что в переписку по этому поводу были включены посланники в Черногории, Сербии, Румынии, Болгарии, Италии, Великобритании, Франции, а также консулы в Албании.

Из Одессы грузы доставлялись до сербского речного порта Прахово, а далее шли до Ниша водным путем. Затем было два относительно безопасных маршрута. Первый – через Митровицу в Цетинье, «частью по труднопроходимой гористой местности Сербии и Черногории»[2308]. Второй пролегал по железной дороге Ниш-Гевгели (Северная Македония) с перегрузкой в Заечаре и Парачине, между которыми была узкоколейная железная дорога[2309]. В этом случае продовольствие доставлялось в Салоники, где складировалось и ожидало отправки морским или сухопутным путем в Черногорию.

Описывая второй из перечисленных путей, поверенный в делах в Сербии В.Н. Штрандман сомневался, что при такой сложной логистике и дефиците вагонов, возможно быстрое решение проблемы: «… если число три млн обозначает количество пудов, то на их доставку потребуется свыше 450 вагонов, перевозка коих, вследствие военного времени, потребует значительного срока»[2310].

Недостаток в вагонах и подчинение внутренних грузовых перевозок военному ведомству были и в Румынии, о чем в телеграмме от 18 ноября (1 декабря) 1914 г. сообщил посланник в Бухаресте С.А. Поклевский-Козелл. Он даже не брался определить сроки провоза хлеба через румынскую территорию[2311].

[2306] Там же.

[2307] Там же.

[2308] *Писарев Ю.А*. Указ. соч. С. 55.

[2309] АВПРИ. Там же. Л. 10.

[2310] Там же.

[2311] Там же. Л. 15-16.

В связи с перегруженностью железнодорожного сообщения по территории Сербии и Румынии, одним из выходов виделась доставка продовольствия морским путем под конвоем итальянских или английских военных судов. Черногорское правительство при поддержке российской дипломатии достигло предварительной договоренности о конвоировании продовольственных грузов с итальянским.

Не менее важной представлялась проблема, на чем доставлять столь необходимый груз. Телеграмма Н.А. Обнорского от 2 (15) сентября 1914 г. известила МИД, что «черногорское правительство, приняв предложенную … [итальянским премьер-министром Сиднеем] Соннино организацию доставки дарованного нами хлеба из итальянского Галлиполи в Валону и далее, без конвоя, в Медую, ходатайствует, с целью ускорения дела, о финансовом содействии союзных держав приобретению Черногорией трех каботажных пароходов, которые оказались бы достаточно быстрыми ходом и небольшой осадкой, в видах возможного обеспечения от преследования австрийских подводных лодок. Считаю долгом поддержать это ходатайство, посредством коего [мы] могли бы серьезно подвинуть вперед создавшее столько трудностей разрешение вопроса о подвозе провианта в Черногорию, фактически с начала войны лишенную возможности получать сколько-нибудь значительные грузы как с моря, так и сухим путем»[2312].

27 сентября (10 октября) 1914 г. посланник А.К. Бенкендорф сообщил из Лондона, что «Адмиралтейство старается подыскать подход пароход для доставления хлебного груза из Салоник в Антивари (итальянское название черногорского порта Бар – Г.Ш.). Во избежание обвинения в нарушении нейтралитета Греции, английское правительство не желает пользоваться для этих целей военным судном»[2313]. Об этом же, со ссылкой на своего английского коллегу, сообщил 4 (17) октября посланник Н.А. Обнорский из Цетинье[2314]. Получив это известие, черногорское правительство попросило об отсрочке платежа за фрахт. Судя по телеграмме А.К. Бенкендорфа от 6 октября, вопрос был решен довольно быстро и в благоприятном для черногорцев смысле[2315]. Оплату доставки грузов английское правительство взяло на себя[2316].

31 октября 1914 г. посланник Н.А. Обнорский передал в МИД просьбу черногорского правительства сообщить, «когда можно ожидать первой партии хлеба, дарованного императорским правительством. Предоставленный Англией пароход вместимостью в 1 100 т может прибыть в Салоники недели через две»[2317]. Затем российский дипломат добавил, что

[2312] Там же. Л. 1.

[2313] Там же. Л. 6.

[2314] Там же. Л. 7.

[2315] Там же. Л. 8.

[2316] Там же. Л. 14.

[2317] Там же. Л. 12.

«ввиду крайней скудости здесь съестных припасов, желательно, по возможности, ускорить перевозку этим способом хотя бы части нашего груза»[2318]. При этом стоит учесть, что если использовать пароходы, подобные английскому, то для перевозки 3 млн пудов, равных приблизительно 50 000 т, понадобилось бы более сорока рейсов.

Наступил декабрь, а английский пароход всё еще был в пути. 18 (25) декабря 1914 г. Н.А. Обнорский передал в Петербург (копии в Париж и Лондон) очередную просьбу черногорского правительства: «Министр иностранных дел усердно просит о возможной поддержке императорским правительством его ходатайства перед английским и французским правительствами о принятии французско-английской эскадрою необходимых мер для конвоирования до Антивари идущего из Марселя английского парохода «White Head» с грузом зерна, тщетно здесь ожидаемого уже более месяца. Через неделю мы окажемся совсем без хлеба, что… может… повлечь за собою голодный бунт»[2319].

К началу января 1915 г. «White Head» прибыл на Мальту и ожидал французского конвоя для прибытия в Антивари[2320].

Черногорское правительство при поддержке российской дипломатии продолжали искать возможности «ускорения отправки хотя бы части груза»[2321]. Немаловажным фактором была и минимизация расходов. Из телеграммы генерального консула в Салониках (Солуни) В. Каля от 20 января (2 февраля) 1915 г. известно об итогах переговоров российского дипломата с греческим комиссаром железных дорог: «провоз зерна или муки от Гевгели до Салоник обойдется в 6 франков. Греческие железные дороги согласны пропускать ежедневно все идущие из Сербии нагруженные зерном вагоны в неограниченном количестве»[2322].

Тем временем посланник в Афинах Э.П. Демидов, ссылаясь на французского адмирала Огюстена Буэ де Лапейрера, сообщил, что путь до Антивари (Бара) «крайне опасен и ненадежен для снабжения Черногории хлебом»[2323].

Учитывая мнение союзников, российские дипломаты стали прорабатывать вопрос о доставке продовольствия через Сербию и Болгарию. Вариант доставки груза через албанскую территорию, как уже отмечалось, был сопряжен с большим риском – вооруженные отряды местных жителей,

---

[2318] Там же. Л. 14.

[2319] Там же. Л. 17.

[2320] Там же. Л. 20.

[2321] Там же. Л. 21.

[2322] Там же. Л. 24,

[2323] Там же. Л. 28.

также страдавших от голода, грабили обозы с продовольствием. В конце января 1915 г. черногорцы вновь обратились с просьбой ускорить доставку хлеба[2324].

6 (19) февраля 1915 г Н.А. Обнорский сообщил, что «сербское правительство отрицает какую-либо возможность доставки продуктов через Сербию ввиду отсутствия удобных путей сообщения»[2325]. Посланник Г.Н. Трубецкой, участвовавший в переговорах на эту тему со своей стороны, передал 18 февраля (3 марта) 1915 г., что «просил Пашича принять меры, чтобы провоз румынских грузов не замедлил наши и чтобы мы могли рассчитывать на 30 вагонов в сутки. Пашич обещал сделать всё возможное»[2326]. Румыны имели возможность транзита через сербскую территорию порядка семи вагонов в день и, вероятно, могли бы отказаться от него в пользу черногорцев. Однако, учитывая стратегию привлечения Бухареста на сторону Антанты, это было невозможно даже предложить. Г.Н. Трубецкой полагал, что «с политической точки зрения представляется желательным возможно более заинтересовать Румынию в этом пути сообщения»[2327].

4 (17) марта Г.Н. Трубецкой проинформировал, что «сербское правительство не может предоставить больше трех вагонов в сутки»[2328], при этом от оплаты за провоз муки по территории королевства оно отказалось. Все участники переговоров понимали, что такими темпами они будут доставлять груз больше года. Но ситуация с продовольствием в Черногории была такова, что посланник черногорского короля в Белграде Лазар Миушкович даже при этих условиях просил начать отправку как можно скорее[2329].

По-видимому, попытки доставить продовольствие как морским путем, так и сухопутным всё же были. Согласно телеграмме начальника дипломатической канцелярии при Верховном главнокомандующем от 30 марта (12 апреля) 1915 г., великий князь Николай Николаевич получил из Черногории известие о крайнем недостатке хлеба, причиной которого виделось «недостаточное наблюдение союзной эскадры за побережьем, вследствие чего австрийцам удалось потопить три парохода с зерном …, а также набеги и грабежи албанцев, грабящих грузы, идущие по Бояне»[2330].

К этому моменту запас хлеба в Черногории был лишь на 14 дней. Были проблемы с доставкой продовольствия и в Сербии: развития весеннего наступления сербской армии было под угрозой.

[2324] Там же. Л. 29.

[2325] Там же. Л. 31.

[2326] Там же. Л. 34.

[2327] Там же.

[2328] Там же. Л. 37.

[2329] Там же. Л. 33, 35.

[2330] Там же. Л. 39.

Учитывая приоритетность задачи, 6 (19) апреля 1915 г. посланник Г.Н. Трубецкой был вынужден просить о временном прекращении доставки продовольствия в Черногорию[2331]. Спустя три дня, 9 (22) апреля 1915 г. Н.А. Обнорский сообщил, что Черногории «угрожает голод и уже начались голодные беспорядки, пока в виде бабьих бунтов»[2332]. С мертвой точки дело сдвинулось только к середине апреля. 13 (26) апреля А.П. Извольской, со ссылкой на французского премьер-министра Т. Делькассе, сообщил о доставке в Антивари (Бар) 200 т хлеба[2333].

В ожидании поставок продовольствия из России, князь Трубецкой в апреле 1915 г. командировал в Черногорию одного из сотрудников комитета помощи сербам и черногорцам при императорской миссии для изучения вопросов, связанных с медицинской и продовольственной помощью. По итогам этой поездки 19 апреля (2 мая) 1915 г. Г.Н. Трубецкой телеграфировал российскому послу А.П. Извольскому, что «Черногории грозит голод, пшеничная мука – 30 коп. фунт, кукурузная – 20. Через горы провоз немыслим. Дороги ужасны. Лошадей нет. Единственное спасение – подвоз морем»[2334]. Далее посланник осведомлялся, «нельзя ли воздействовать на французское правительство, дабы оно согласилось провезти продовольствие морем в Черногорию, положение которой похоже на осажденную крепость»[2335].

В середине апреля посланник Г.Н. Трубецкой уведомил МИД, что Сербия нашла возможность предоставлять Черногории ежедневно по пять товарных вагонов от Салоник до Митровицы, однако, ввиду недостатка у черногорцев перевозочных средств, выразил сомнение в их возможностях справиться с этим грузом[2336].

Помощь продовольствием явно опаздывала и приходила крайне нерегулярно, небольшими партиями. Часть груза (около 1 500 т) в середине мая застряла в Албании[2337]. Доставленная часть уже не могла существенно повлиять на ситуацию: в мае начался голод, что в перспективе грозило дестабилизацией и потерей военного союзника.

17 (30) мая 1915 г. В.Н. Штрандман телеграфировал в Цетинье, что сербским правительством было отдано распоряжение об отправке 33 вагонов кукурузы из Митровицы в Салоники, еще 62 вагона будут заготовлены и отправлены в ближайшее время[2338].

[2331] Там же. Л. 40, 43-44.

[2332] Там же. Л. 46.

[2333] Там же. Л. 50.

[2334] АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3255. Л. 19.

[2335] Там же.

[2336] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9172. Мука и кукуруза для Черногории (передача части черногорского хлеба французскому интендантству в Салониках). 1914-1917. Л. 57.

[2337] Там же. Л. 70.

[2338] Там же. Л. 76.

Российский МИД адресовал в свое представительство в Египте запрос, «возможно ли, … в каком количестве и по какой цене приобрести в Александрии хлеб в зерне или муку, указав одновременно как Черногорию, так и в Салоники»[2339]. 20 мая от российского консула пришел ответ, что хлеб в город подвозится неравномерно, цены подвержены колебаниям, наиболее удобная доставка – морем, а для для загрузки одного парохода требуется около трех недель. Эти сведения были переданы Н.А. Обнорскому в Цетинье, «на случай нужды в хлебе до получения такового из России, к чему прилагаются все усилия»[2340].

Дипломаты Антанты также предпринимали попытки выручить хлеб, застрявший в Албании. Российский вице-консул Ферхмин и его французский коллега 15 (28) мая 1915 г. передали в Цетинье тождественные запросы, не будет ли черногорское правительство расположено «уполномочить своего представителя в Скутари уступить здешнему городскому управлению некоторую умеренную часть муки и маиса, находящихся в Медуа и долженствующим быть направленными сюда. Эта комбинация могла бы значительно ускорить и облегчить свободное прохождение в Черногорию ожидаемого там хлебного груза»[2341]. Спустя два дня Г.Е. Ферхмин телеграфировал: «Я и мои товарищи считаем желательным уступить албанцам за соответствующую, по возможности, плату около 2 000 квинталов маиса, причем по отношению остальной части долженствующего быть пропущенным в Черногорию товара, пришлось бы допустить обложение 5% таможенной пошлиной в качестве иррегулярного транзита. Присовокупляю, что, по имеющимся у нас сведениям, находящийся в Медуе груз достигает свыше 20 000 квинталов из коих 10 000 маиса и 3 500 муки»[2342]. Согласно сведениям посла в Риме М.Н. Гирса, «итальянское правительство предписало своему консулу в Скутари настоять на том, чтобы за албанцами было оставлено не более 200, а если можно, то и 100 т из количества зерна предназначенного для Черногории»[2343] .

23 мая (5 июня) 1915 г. из Скутари было получено сообщение, что соглашение состоялось, консульским и административными советами были приняты «меры против захвата малисорами … груза … Сегодня вечером отправляется отсюда подкрепление в 60 жандармов. Надеемся начать завтра же отправку груза»[2344].

Утром 27 мая 1915 г. в Медуа прибыли четыре итальянских миноносца и вечером того же дня начали сопровождение около двадцати барж с оставшимся после разграбления хлебом из Медуа

[2339] Там же. Л. 78.

[2340] Там же. Л. 81.

[2341] Там же. Л. 71.

[2342] Там же. Л. 77.

[2343] Там же. Л. 94.

[2344] Там же. Л. 85.

в черногорский порт св. Николая в устье Бояны. Командиры военных судов потребовали от горцев выдачи расхищенной части в течение суток. Желая обеспечить безопасный канал доставки продовольствия, черногорское правительство посчитало необходимым занять бассейн реки Бояны от Сан-Джованни-ди-Медуа вплоть до Скутари, при этом сам город в их планы не входил. Н.А. Обнорский сообщил об этом в МИД 29 мая (11 июня) 1915 г.[2345].

В июне 1915 г. черногорцы вошли в пограничные районы Северной Албании и оккупировали окрестности Скутари (Шкодер). Несомненно, гуманитарные проблемы были использованы как предлог для решения своих внешнеполитических задач. Эти действия черногорского правительства спровоцировали кризис внутри Антанты, вызвав негативную реакцию у всех ее членов и союзников. Активнее всех против захвата Скутари выступила Италия, сама претендовавшая на эти территории[2346]. Российское правительство не только не одобрило территориальные захваты Черногории, но и предположило, что они могут отвлечь «от совместного с сербами выступления»[2347].

Нежелание черногорцев вывести свои войска с албанских территорий ожидаемо привело к конфликту с Италией. В.Н. Штрандман 30 июня (13 июля) 1915 г. передал в МИД, что итальянский посланник при сербском королевском дворе получил из Рима уведомление, что при настоящих условиях на Адриатике итальянским морским силам крайне затруднительно содействовать продовольствованию Черногории. Однако по мнению русского военного агента генерал-майора Н.М. Потапова это означало, что «в целях давления на Черногорию для очищения ею Скутари, считается возможною блокада албанских и черногорских берегов»[2348]. Эта ситуация беспокоила В.Н. Штрандмана, так как ожидалось, что в ближайшее время в Салоники придет мука для Черногории, а «в случае окончательного отказа Италии содействовать доставке в Медую и невозможности пароходу с мукой идти без конвоя, дело может снова остановиться»[2349].

Кроме того, В.Н. Штрандман понимал, что полуголодное состояние черногорского населения грозило сложностями не только в гуманитарной, но и политической сфере. Именно об этом он сообщил С.Д. Сазонову в доверительном письме от 22 июня 1915 г.: «[Русский] врач … мне …горько жаловался на замеченное им в Черногории недружелюбие к России и Сербии, козням коих приписывается ощущаемый там недостаток продовольствия. Россия и Сербия будто бы умышленно препятствуют доставке муки в голодающую страну. По словам русского врача

[2345] Там же. Л. 90-91, 95.

[2346] За балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 193.

[2347] АВПРИ. Там же. Л. 107.

[2348] Там же. Л. 106.

[2349] Там же.

австрийские агенты разъезжают по Черногории и распространяют приведенные возмутительные клеветы, находящие, к сожалению, достаточно слушателей»[2350]. Таким образом, невозможность существенно повлиять на решение одной из базовых гуманитарных проблем, пусть и по независящим от России причинам, грозила подорвать ее авторитет в глазах черногорцев.

В июле итальянцы отказались брать на себя ответственность за безопасность грузов для Черногории[2351].

В этой ситуации возрастала роль сухопутного пути. Поэтому еще одной потенциальной возможностью получения продовольствия был его транзит через Болгарию. 18 (31) мая 1915 г. посланник А.А. Савинский уведомил, что «провоз [грузов] в размере от 10 до 15 вагонов ежедневно может быть начат немедленно»[2352]. Спустя неделю российский дипломат указал на необходимость контроля за движением грузов, который «мог бы иметь практические последствия, если бы болгарское правительство, наподобие румынского, согласилось допустить наших контролеров осматривать поезда и обязалось не допускать контрабанды … добиться на это согласия болгарского правительства, полагаю, … будет более чем трудно»[2353].

А.А. Савинский предположил, что это было бы возможно, если бы к болгарскому правительству, постоянно говорящему о своей дружбе и заверяющему в искренности и лояльности своего нейтралитета, обратились бы сразу все правительства Согласия. По сведениям российского посланника, его французский коллега разделял его мнение, а английский военный агент открыто говорил, что «боится раздражить чем-нибудь болгарское правительство, активная помощь которого особенно нужна Англии»[2354]. Сообщив об этих фактах, А.А. Савинский подчеркнул, что «делать этот шаг и вообще представления нам одним считаю несправедливым и нецелесообразным, так как мы навлекаем таким образом на себя весь одиум[2355], а наиболее заинтересованными являются французы и особенно англичане»[2356].

Российский посланник продолжал переговоры с болгарским правительством относительно транзита продовольствия. 23 мая (10 июня) 1915 г. он затронул вопрос перевозки хлеба с премьер-министром В. Радославовым, «который очень охотно предложил дать приказание начальнику железных дорог королевства о беспрепятственном пропуске хлеба в Сербию при

[2350] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 534. Л. 100.

[2351] Там же Д. 9172. Л. 114.

[2352] Там же. Л. 79.

[2353] Там же. Л. 86.

[2354] Там же.

[2355] Ненависть, отвращение.

[2356] АВПРИ. Там же. Л. 86.

условии, чтобы часть его оставалась в Болгарии»[2357]. А.А. Савинский пояснил, что эта мера нужна «не потому, что Болгария нуждается в хлебе, а для отвода глаз от меры, непопулярной в народе. … [Радославов] согласен, чтобы на сто вагонов оставался в Болгарии всего один»[2358]. В случае соблюдения этого условия открывалась возможность доставлять хлеб в болгарские порты, а далее по назначению[2359]. В июне 1915 г. был подписан контракт на провоз хлебных грузов через Болгарию в Сербию и Черногорию, о чем в МИД А.А. Савинский сообщил 13 (26) июня 1915 г.[2360].

4 июля 1915 г. российский посланник проинформировал, что первый транспорт хлеба для Черногории в 30 000 пудов прибывает в ночь с 5 на 6 июля в Лом-Паланку и будет направлен в Кириброд[2361].

Как уже упоминалось, прибывающий в Салоники хлеб черногорское правительство складировало[2362]. К июлю склады они были переполнены. 16 (29) июля 1915 г. генеральный консул В.Ф. Каль был вынужден просить о приостановке доставки хлеба в Салоники, пока не появится возможность отправить по назначению уже имеющийся[2363]. Эту просьбу поддержал посланник Г.Н. Трубецкой, хотя у него были свои причины. В телеграмме М.М. Веселкину от 31 июля (13 августа) 1915 г. он указал не только на «загромождение Салоникского порта и недостаточную провозоспособность сербских дорог», но и настоятельную необходимость «обеспечения усиленной перевозки наших военных грузов»[2364]. При этом он сообщил, что «находящиеся в Болгарии 400 вагонов с хлебом возможно безотлагательно будут отвезены в Сербию»[2365].

Черногории удалось зафрахтовать два парохода[2366]: один с боеприпасами, другой с провиантом[2367]. Английский пароход «Аврора» с провиантом покинул порт Мальты под итальянским флагом 2 (15) августа 1915 г.[2368].

[2357] Там же. Л. 93.

[2358] Там же.

[2359] Там же.

[2360] Там же. Л. 96.

[2361] Там же. Л. 108.

[2362] Там же. Л. 115.

[2363] Там же. Л. 119.

[2364] Там же. Л. 131.

[2365] Там же.

[2366] Там же. Л. 127, 129.

[2367] Там же. Л. 130.

[2368] Там же. Л. 133.

К августу 1915 г. из-за блокады берегов и нарушения возможности подвоза продовольствия, в Черногории по-прежнему ощущалась крайняя нужда в продуктах[2369]. Эта ситуация сохранялась вплоть до вступления Болгарии в войну.

11 сентября 1915 г. в Болгарии прошла всеобщая мобилизация. В российском МИД понимали, что нападение на Сербию становится весьма вероятным и в телеграмме князю Г.Н. Трубецкому А.А. Нератов отметил опасность транзита грузов через болгарскую территорию[2370].

Вступление Болгарии в войну не только прервало сообщение, но и привело к потере чести гуманитарных грузов, предназначенных для Сербии и Черногории: что-то успели уничтожить, что-то захватил неприятель. А сербскую армию, пережившую многодневное сложнейшее отступление, в Черногории и Албании ждал голод, от которого местные жители страдали с начала войны.

Что касается хлеба, пожертвованного царским правительством и оставшегося на складах в Салониках, то он начал портиться и после нескольких безуспешных попыток черногорцев его продать, при помощи российского генерального консула В.Ф. Каля эта операция удалась. Его телеграмма от 15 декабря 1916 г. свидетельствовала, что «несмотря на определение экспертов, правда по внешнему виду, что черногорский хлеб еще пригоден к пище, анализ, произведенный греческими полицейскими властями по предложению торговой палаты, признал муку совершенно испорченной и даже опасной для употребления, что равняется полному запрещению продавать ее. Имея основание предполагать, что такой анализ произведен лицами заинтересованными, я просил французское интендантство произвести новый анализ и высказать свое мнение»[2371].

Однако до реализации муки и зерна было еще далеко. Возможность продажи появилась только после того, как международная продовольственная комиссия, в которой состоял генеральный консул В.Ф. Каль, обратилась к нему с просьбой продать черногорский «хлеб для местного потребления при посредстве торговой палаты при недостаточности муки в Солуни»[2372].

Только 18 мая 1917 г. генеральный консул Каль сообщил в МИД, что «дело о продаже хлеба можно считать законченным», в том же документе были и подробности: «сумма в 294 670 драхм внесена в ионический банк, хлеб признали негодным и греческие, и французские эксперты. С большим трудом удалось продать, смешав негодную муку с хорошей. Как подарок императора

[2369] Там же. Л. 150.

[2370] Там же. Л. 160.

[2371] Там же. Л. 227.

[2372] Там же. Л. 224.

эта продажа была освобождена от налогов»[2373]. Выручка от продажи была взята В.Ф. Калем с обязательством отчитаться по ней по окончании войны[2374].

Таким образом, изменение соотношения сил на балканском фронте осенью 1915 г. не позволило реализовать гуманитарные планы в полной мере: октябрьское наступление германских и австрийских сил на Белград и вторжение болгар заставили свернуть все русские начинания.

15 октября 1915 г. Г.Н. Трубецкой сообщил в МИД, что сербское руководство рекомендовало всем иностранцам покинуть Ниш[2375]. Затем от него поступило известие, что из-за большого наплыва раненых и невозможности их полной эвакуации, часть персонала русских больниц изъявила желание остаться при них. В ожидании войск неприятеля и защиты союзных войск остались Александринский госпиталь в полном составе (восемь врачей, двадцать семь сестёр милосердия) и две сестры в X резервном госпитале – Мария Родионова и Любовь Гальцева.

При отъезде из Ниша Г.Н. Трубецкой оставил старшему врачу Александринского госпиталя Н.С. Спасскому средства, необходимые для обеспечения работы учреждения до конца 1915 г.

Сербский отряд Славянского благотворительного общества к моменту отступления сербских войск нес службу в Крагуеваце. В период возобновившихся боев госпиталь работал на пределе возможностей. В отдельные дни поступало до 120 раненых[2376]. Когда выяснилось, что раненые не могут быть эвакуированы, Н.И. Сычев принял решение остаться в городе, но начальник санитарного управления сербской армии отклонил это предложение, полагая, что отряд принесет больше пользы действующей армии. 12 октября 1915 г. санитарный отряд Славянского благотворительного общества покинул Крагуевац.

О деятельности русских санитарных отрядов в период отступления сербской армии известно немного. Они старались, как могли, облегчить страдания раненых и беженцев. Однако их возможности были очень ограничены. Из-за отсутствия транспорта большую часть санитарных материалов и медикаментов пришлось оставить.

Из документов Петроградского Славянского благотворительного общества нам известны некоторые факты о деятельности Н.И. Сычева и его подчиненных в период отступления. По прибытии в Новый Пазар отряд немедленно развернул перевязочный пункт в походной палатке, принимая до 300 раненых в сутки. Вскоре стала ощущаться острая нехватка перевязочных средств, через два дня работа была остановлена. Спустя еще пять дней пришлось оставить и

[2373] Там же. Л. 228.

[2374] Там же. Л. 231.

[2375] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8738. Л. 26.

[2376] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1314. Л. 192 об.

Новый Пазар. Отряд продолжил отступление вместе с сербской армией и беженцами. Далее путь лежал в Черногорию, а затем в Скутари. От Нового Пазара до Скутари члены отряда шли более 600 верст пешком вместе с тысячами сербских беженцев, разделив с ними все тяготы этого горького путешествия.

По предложению Н.И. Сычева, с одобрения и на средства сербского престолонаследника Александра, в местечке Сува-Река был устроен питательный пункт для беженцев, где за несколько дней получили пищу сотни сербов[2377]. По возвращении в Россию, в январе 1916 г., Н.И. Сычев обратился в Совет Славянского благотворительного общества с просьбой возместить эти расходы сербскому правительству, что и было сделано впоследствии[2378].

Санитарный отряд Н.И. Сычева прибыл в Подгорицу в конце ноября 1915 г., сохранив весь личный состав[2379]. В донесении в МИД князь Г.Н. Трубецкой написал о работе Николая Ивановича следующее: «Всё, что делалось им – делалось добровольно и благожелательно, исключительно по сознанию необходимости оказать возможную помощь нашим союзникам в исключительно трудную для них минуту»[2380].

Оценивая деятельность русских санитарных отрядов и комитета при императорской миссии в Нише в 1914-1915 гг. можно отметить следующее: русские отряды прибыли на территорию Сербии одними из первых, в разгар боевых действий, когда помощь была остро необходима. Их снаряжение позволило включиться в работу немедленно и на всем протяжении деятельности не зависеть от местных поставок медикаментов и перевязочных средств. Несмотря на то, что большинство персонала прошло подготовку для хирургических лазаретов и госпиталей, они не покинули свой пост в период развития эпидемий и продолжали выполнять свой долг. План санитарного оздоровления Ниша был разработан русским врачом С.К. Софотеровым и был исполнен при поддержке местных властей на средства, предоставленные российской общественностью и Красным Крестом.

Русские санитарные отряды покинули Сербию по приказу сербского военно-санитарного управления, отступая вместе с сербской армией. При этом на территории Сербии остался санитарный отряд Александринской общины Красного Креста и добровольцы из других отрядов.

Комитет при императорской миссии в Нише оказывал помощь наименее защищенным слоям населения: сиротам, инвалидам, беженцам, больным и раненым воинам. Несмотря на то, что князь Трубецкой с самого начала своей деятельности был настроен найти аргументы в пользу

[2377] Там же. Л. 4 об.-5.

[2378] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1669. Л. 17 об.

[2379] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 425. Д. 1898. Л. 131.

[2380] Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8738. Л. 13.

передачи ряда территорий, на которые претендовала Сербия, Болгарии, чтобы не потерять ее как союзника, он не использовал тяжелую гуманитарную ситуацию в Сербии как средство давления на ее правительство.

§ 3. Гуманитарная и благотворительная помощь балканским народам в 1916-1917 гг.

Подробности отступления сербской армии в России узнали только в начале 1916 г.: остатки сербского войска и беженцы из гражданского населения отступали через труднопроходимые горные перевалы Албании, заваленные снегом. Они шли пешком, в летней одежде и почти без провизии из-за поспешности сборов. Этот путь не зря назвали «крестным»: до Адриатического моря добралось меньше половины из тех, кто надеялся на спасение.

Морис Палеолог, французский посланник в Петрограде, записал в своём дневнике: «По всем сведениям, доходившим до меня из Москвы и из провинции, разгром Сербии мучительно волнует душу русского народа, всегда столь открытую чувствам сострадания и братства. По этому поводу Сазонов рассказывал мне, что … вчера беседовал с духовником Государя, отцом Александром Васильевым…, [который сказал министру]: «я без всякого колебания могу Вам сообщить, что бедствия Сербии доставляют жестокую горечь, почти угрызения совести, нашему возлюбленному царю»[2381].

Многочисленные выступления в общественных организациях, на заседаниях, банкетах врачей, сестёр милосердия, журналистов, дипломатов будоражили общественное мнение. Сочувствие было искренним, так как и переживание было общим: к этому времени часть российской территории также была захвачена неприятелем. Пока российская дипломатия пыталась решить проблемы сербской армии, началась массовая кампания в пользу сербских беженцев.

30 ноября 1915 г. был объявлен в Петрограде «Сербским днем». Пожертвования предназначались «в пользу разоренной Сербии»[2382]. В том же месяце известная оперная певица М.И. Горленко-Долина дала концерт «в пользу страдающего сербского населения»[2383].

Активную пропагандистскую деятельность в пользу сербов вели как представители славянских обществ, так и те, кто вместе с сербами пережил ужасы отступления через горы Албании. Среди них был старший врач отряда Петроградского Славянского благотворительного общества Н.И. Сычев. В январе 1916 г. он сделал доклад в Русско-Сербском обществе о бедствиях населения Сербии во время отступления сербских войск, вызвавший колоссальный

[2381] *Палеолог Морис*. Дневник посла. – М.: Захаров, 2003. С. 385.

[2382] Вечернее время. 1915. 17 (30) ноября. С. 3.

[2383] Новое время. 1915. 13 (26) ноября. С. 3.

успех и сочувствие у публики[2384]. В феврале Н.И. Сычев выступал уже на славянской трапезе с сообщением о современном положении Сербии[2385]. Все его речи заканчивались призывом не оставлять в беде сербский народ, оказать немедленную помощь героической Сербии. Сообщения о выступлениях Н.И. Сычева неизменно печатались в газетах.

Как писал Вл. Маевский, «русское равнодушие всего 1915 г., которое сменило энтузиазм 1914 г. в [славянском] вопросе, он считал позором и говорил о том доверии, с которым сербский народ относится к России в эти страшные дни»[2386].

24 января в большой аудитории городского народного университета им. Шанявского состоялась лекция «Трагедия Сербии и Черной Горы», сбор от которой поступил в пользу фонда для воспитания в России южнославянских и галицких сирот. Лекторами выступили архимандрит Михаил, член Государственной Думы В.А. Маклаков и другие[2387].

Комитет «Петроград – Сербии» 28, 29 февраля и 1 марта 1916 г. организовал и успешно провел кружечный сбор в пользу населения Сербии. В рамках этого мероприятия, во время вечернего спектакля в Малом театре 1 марта к публике обращалась с призывом о помощи сербская сестра милосердия Киклич, прошедшая с сербской армией тяжелый путь через Албанию[2388]. Следующий сбор, организованный петроградским городским комитетом по оказанию помощи Сербии, прошел в апреле. Его взяла под свое покровительство фрейлина обеих императриц княгиня Е.Г. Кантакузен. С четверга на Страстной неделе по вторник на Пасхальной включительно по разрешению епархиального начальства в храмах Петрограда и окрестностей состоялся сбор в пользу сербов[2389].

Горячее сочувствие населению союзной страны демонстрировалось не только в обеих столицах, но и в провинции. В пример можно привести заседание Комитета «Одесса – Сербии», состоявшееся 26 февраля 1916 г. с участием прибывшего в Одессу бывшего императорского консула в Скопье Н.И. Стребулаева, жена которого «сделала доклад о бедственном положении населения Сербии и царящей там нужде»[2390]. Комитет «Одесса-Сербии» постановил «принять энергичные меры к оказанию помощи сербам» и решил оказывать помощь предметами первой необходимости, а не деньгами[2391]. В той же Одессе в октябре известный шахматист А.А. Алехин

[2384] Вечернее время. 1915. 5 (18) января. С. 3.

[2385] Новое время. 1915. 17 февраля (1 марта). С. 6.

[2386] *Маевский Вл.* Указ. соч. С. 449-450.

[2387] Московские ведомости. 1916. 24 января. С. 4.

[2388] Новое время. 1916. 1 (14) марта. С. 6.

[2389] Русский инвалид. 1916. 5 апреля. С. 5.

[2390] М.Н. Стребулаева возглавляла Дамский комитет при российском консульстве в Скопье в 1915 г.

[2391] Новое время. 1916. 27 февраля (11 марта). С. 5.

провел сеанс вслепую на девяти досках, сбор от которых пошел на пополнение средств одесского Комитета. Подобных примеров в российской прессе того времени можно найти множество.

С января по май 1916 г. прошла целая волна мероприятий по сбору средств в пользу сербского и черногорского населения, пострадавшего от войны как в столицах, так и в провинции. Рефреном большинства публичных выступлений стал тезис, что «настоящая война объединит всех славян под крылом России»[2392].

Следует заметить, что принципы славянского единства выдержали проверку в отношении болгарской молодежи, обучающейся в России. Вступление Болгарии в войну на стороне противников России изменило ее юридический статус. Согласно постановлению Совета министров от 7 апреля 1916 г. всех болгарских подданных следовало передать местным гражданским властям, «которые примут относительно их надлежащие меры, предусмотренные законом по отношению к подданным воюющих против России государств»[2393].

Комиссия по образованию южных славян при МИД 23 мая 1916 г. постановила в кадетских корпусах болгарских подданных оставить. Оканчивающим курс было дано право на поступление в военные училища при условии принятия или российского гражданства, а в случае отказа им грозило увольнение. Было также заявлено, что болгарские юноши, окончившие весной 1916 г. южнославянский пансион в Орле, в кадетские корпуса приняты не будут. Однако им было предоставлено право задержаться в нем на два года.

Из учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии всех болгар надлежало удалить. Исключение делалось только для круглых сирот при возбуждении соответствующих ходатайств и должного рассмотрения каждого случая. В высших и средних гражданских и духовных учебных заведениях выдача стипендий болгарским студентам прекращалась. Кроме того, комиссия постановила прекратить выдачу каких бы то ни было сумм на содержание Питомника славянских девиц в Одессе «ввиду нахождения в нем в данное время исключительно болгарок». Пансиону графини Левашовой в Киеве был отказано в ежегодном пособии на преподавание болгарского языка[2394].

Несмотря на довольно жесткие решения, по факту выплаты Одесскому питомнику и некоторым другим учебным заведениям продолжались, о чем говорят протоколы заседаний комиссии от 8 октября 1916 и 4 января 1917 г., так как обсуждался вопрос о прекращении выплат с мая 1917 г.[2395].

[2392] Московские ведомости. 1916. 26 января. С. 3; 31 января. С. 3; Новое время. 1916. 1 марта. С. 4 и др.

[2393] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 12473. Л. 46-46 об.

[2394] Там же. Д. 12511. Л. 47-47 об.

[2395] Там же. Д. 11159. Л. 3 об.

Отдел о военнопленных МИД 14 марта 1917 г. уведомил комиссию по образованию южных славян, что «Одесское славянское благотворительное общество им. Свв. Кирилла и Мефодия, согласно отзыву Канцелярии Одесского общественного градоначальника, надеется изыскать средства на содержание воспитанниц питомника девиц – болгарок впредь до наступления возможности отправить их на Родину»[2396].

А в мае 1917 г. министру иностранных дел пришло письмо попечителя Фундуклеевской и Киево-Подольской женских гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии из Киева. Там указывалось, что в гимназии графини Левашовой на средства комиссии содержалось три болгарки, но «ныне названная комиссия отказывается от содержания названных девиц и предложила начальнику гимназии и пансиона передать их местной власти для выселения. Обращаюсь по этому поводу к Вам, господин министр, с покорнейшею просьбой изменить это решение, полагая, что подражать немецким жестокостям и выбрасывать на улицу детей, неповинных в беззаконных действиях и изменен правительства болгар, не следует великому и великодушному русскому народу, озаренному ныне зарею новой, радостной жизнью свободы и стремящемуся к братской любви всех народов. В надежде на Вашу гуманность я уверен, что Вы вскоре уведомите меня о благоприятном решении для невинных детей этого вопроса»[2397].

Не отказались от своих воспитанников и Петроградское славянское благотворительное общество и Попечительство об учащихся в Москве славянах. Все они надеялись привлечь частные средства к решению этой проблемы.

Настоящий всплеск интереса к славянской теме и отчаянному положению оккупированного сербского населения был зафиксирован во время визита в Россию в апреле-мае 1916 г. премьер-министра Сербии Николы Пашича. Он побывал в нескольких городах России, в том числе Петрограде, Москве, Киеве и Одессе, где получил внушительные пожертвования от общественных организаций.

Комитет «Петроград – Сербии» вручил 70 000 руб. для передачи разоренным сербам[2398]. Одесские городские власти ассигновали 30 000 руб. «на помощь сербскому населению, пострадавшему от войны»[2399]. Московская городская дума пожертвовала «на нужды сербского народа, разоренного войной», 100 000 руб.[2400]. Эти средства были выделены соединенным совещанием городской управы и комиссии гласных по мероприятиям, вызванным войной «в виду переживаемого сербским народом тяжелого положения» 2 декабря 1915 г. Согласно

[2396] Там же. Л. 49.

[2397] Там же. Д. 11160. Л. 15.

[2398] Петроградские ведомости. 1916. 3 (16) мая. С. 3.

[2399] Там же. 5 (18) мая. С. 4.

[2400] ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3453. Л. 18.

постановлению городской Думы, Сербии было выделено 100 000, а Черногории 25 000 руб.[2401]. Московский Славянский комитет передал Н. Пашичу «посильную жертву многострадальному сербскому народу» в 40 000 руб.[2402].

Московские газеты сообщили, что Никола Пашич в сердечных выражениях поблагодарил представителей комитета и подчеркнул, что «помощь нужна не тем сербам, которые вышли из пределов своей страны, а тем, которые там остались и страдают среди насилий врагов». Премьер-министр проинформировал российскую общественность, что на полученные в Москве деньги он намеревается отправить в Сербию продукты и различные припасы через американское посольство[2403]. По некоторым данным, в России было собрано более 500 000 руб.[2404].

С таким же энтузиазмом была воспринята майская поездка в Россию епископа Охридского Варнавы. Она была высоко оценена как с сербских, так и российских общественных кругах. Епископ Варнава активно работал с российской прессой: составлял статьи, давал информацию и многочисленные интервью, описывая тяжелое положение сербской армии и народа. В синодальных и духовных кругах ему оказывали содействие высшие иерархи и обер-прокурор. Кроме того, епископ Варнава выступал с публичными лекциями и докладами о положении дел на Балканах. Открывавшиеся в результате его деятельности сборы давали неизменно высокий результат[2405].

Уверенность «в успехе общеславянского дела» российской общественности придавали военные победы русской армии в течение первых девяти месяцев года в ходе «прорыва Брусилова» и в Закавказье, которые на время возвратили Россию в ранг великих держав. Как писал А.И. Уткин, «Россия пыталась капитализировать вновь приобретенный престиж и влияние»[2406].

Одной из главных задач, которую следовало решить, было восстановление российского влияния на Балканах. О том, что инициатива в этом вопросе была перехвачена французами, говорили донесения российских дипломатов. Постепенно создалась парадоксальная ситуация.

[2401] Московские ведомости. 1915. 2 декабря. С. 3.

[2402] Отчет Московского славянского комитета за 1916 г. – М., 1917. С. 19.

[2403] ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3453. Л. 14 об. Данные о помощи Американского Красного Креста и Рокфеллеровского фонда гражданскому населению оккупированной Сербии приводятся в статье У. Остоич-Фелич: только в первые месяцы этого года она была оказана 15 000 человек, а к концу года достигала уже 35 000. // *Остојић-Фејић Убавка.* Америчка хуманитарна деланост у Србији током Првог Светског рата. Историјски часопис. Кн.XXXIX. 1992. С. 201.

[2404] *Писарев Ю.А*. Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916. С. 56.

[2405] *Маевский Вл*. Указ. соч. С. 441.

[2406] *Уткин А.И*. Первая мировая война. С. 285.

Несмотря на все усилия французского правительства, полностью устранить Россию от решения сербских проблем не удавалось. Об этом недвусмысленно свидетельствует телеграмма Г.Н. Трубецкого А.П. Извольскому с Корфу от 22 февраля (6 марта) 1916 г.: «Мне не известны в точности просьбы Пашича, и потому не могу проверить их основательность, но раздражение французов объясняется отчасти самым фактом постоянного обращения Сербии к России, в то время как фактическая помощь оказывается Францией»[2407].

С весны 1916 г. в союзные посольства впервые с начала войны начинают проникать реальные опасения в отношении возможности заключения сепаратного мира между Россией и Германией[2408]. Между союзниками стало нарастать недоверие, усиленное соперничеством за лидерство внутри Антанты практически во всех областях[2409]. России это грозило полным устранением от балканских дел. Эту тенденцию отметил в донесении от 15 (28) ноября 1916 г. российский посланник Е.П. Демидов: «…при бесспорно обрисовывающемся соревновании в Греции наших союзников на политической и экономической почве, у меня имеются опасения, как бы с утверждением их влияния нелегко оказалось впоследствии восстановить утерянное Россией участие в балканских делах. Под прикрытием солидарности с союзниками нам надлежало бы утвердить причастность нашу к проявлениям деятельности в здешних мероприятиях, ныне же закрепить за нами известные права и стать на более равную с ними ногу… По упразднении условий, временно препятствующих нам в проведении активной политики, следовало бы … подготовить почву для возвращения России на Балканы и охранения ее заветных там прав»[2410]. С этой точкой зрения и предложенной стратегией был согласен и Государь. На подлиннике документа его величество написал: «в общем, взгляд правильный. Ставка. 21 ноября 1916 г.»[2411]. Конечно, императорское правительство не знало, что времени, чтобы что-то изменить, у него уже не осталось.

Что касается славянских организаций, то к лету 1916 г. они обнаружили, что Россия уже не является одним из лидеров в славянских вопросах, проигрывая Англии, Франции и Италии. К такому выводу пришло «Новое время», опубликовав в июле 1916 г. статью «Очередные вопросы славянского строительства». Напомнив читателям, что война началась за славянские интересы, ее автор указал, что «в России повсюду замечается несоответствие между запросами славянства

[2407] АВПРИ. Ф. 187. Оп. 425. Д. 3369. Л. 87.

[2408] *Уткин А.И.* Указ. соч. С. 285.

[2409] *Павлов А.Ю.* Русско-французское стратегическое взаимодействия в период Первой мировой войны. Автореф. … доктора ист. наук. СПб., 2012. С. 40.

[2410] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 19/2. Л. 311.

[2411] Там же. Д. 23. Л. 71.

и знакомством с этими вопросами»[2412]. В пример были приведены «недавние “сербские дни”, юбилей битвы на Косовом поле и тезоименитство короля Петра»[2413], которые были встречены нашими западными союзниками с энтузиазмом и нашли живой отклик. В Англии и Франции профессора устроили ряд лекций как в столицах, так и провинции о Сербии, ее народе. Особые комитеты «устраивали сборы в пользу сербских беженцев, дети которых теперь воспитываются во всех учебных заведениях». Автор посчитал, что несмотря на наличие в каждом российском университете кафедры славяноведения, «сербские дни» прошли незамеченными[2414].

В целом, с этим выводом можно согласиться. Объем пожертвований падал, хотя, как уже упоминалось, в начале 1916 г. прошло значительное количество мероприятий в пользу сербов. Финансовый отчет МИД о поступлениях средств в помощь сербам за январь – май 1916 г. свидетельствует, что за этот период поступило 47 654. 15 руб.[2415]. Из них самая большая сумма (25 000 руб.) пришла от земского банка Херсонской губернии через комитет «Одесса – Сербии» в пользу жертв войны в Сербии[2416]. Еще одна ведомость говорит, что только в мае 1916 г. было собрано 25 327. 42 руб. Из них 2 600 руб. от Св. Синода, 1 500 – «жертва крестьянина Сибири крестьянину Сербии»[2417].

Поступали средства и в пользу черногорцев. Но тут возникла проблема, куда их отправлять. До переезда черногорского правительства во Францию они пересылались в российскую императорскую миссию в Цетинье. Однако, уже в сентябре 1915 г., в преддверии австрийского наступления, наметились первые сложности. В пример можно привести пожертвование в 500 руб. епископа Уральского Тихона, предназначенные им в равных долях Сербии и Черногории[2418].

28 сентября 1915 г. МИД отправил в российскую императорскую миссию при черногорском правительстве письмо обер-прокурора Св. Синода и 665, 78 франков (250 руб.) на имя митрополита Митрофана с просьбой их доставить по назначению. Посланник Л.В. Ислявин смог ответить только 22 января 1916 г. из Лиона, что, в связи с прекращением сообщений с Цетинье, где остался митрополит Митрофан, письмо и деньги были возвращены в МИД[2419]. По обстоятельствам военного времени не смогли доставить и средства, причитающиеся сербам[2420].

[2412] Новое время. 1916. 4 (17) июля. С. 3.

[2413] Там же.

[2414] Там же.

[2415] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8779. Л. 46-46 об.

[2416] Там же.

[2417] Там же. Л. 47-47 об.

[2418] АВПРИ. Ф.146. Оп. 495. Д. 8694. Митрополит черногорский Митрофан. Перевод ему денег. 1914. Л. 22.

[2419] Там же. Л. 18-19.

[2420] Там же. Л. 29.

Проблема отправки пожертвованных сумм сербам и черногорцам, по-видимому, существовала и позже. Запрос на эту тему Первый департамент МИД адресовал Второму политическому отделу 3 марта 1916 г.[2421], однако ответ нами обнаружен не был.

Кроме того, по сравнению с 1915 г., в 1916 г. количество жертвователей стало меньше, уменьшились и суммы пожертвований.

Либеральное «Новое время» подвергло серьезной критике славянские общества, деятельность которых во время войны «свелась почти исключительно к посылке лазаретов на Балканы и вынесению разных резолюций на собраниях». Автор упрекал их в том, что они не сумели придать славянскому делу широкого общественного звучания. Еще одну проблему автор статьи видел в отсутствии четкого понимания перспектив славянского движения: «У нас только теперь Славянское благотворительное общество постановило объявить конкурс на лучшее сочинение о будущем общеславянском союзе[2422], его строении и задачах, а в Лондоне за прошлый год вышло около десяти крупных исследований по разным славянским вопросам и, между прочим, несколько сочинений, посвященных именно устроению и задачам будущего славянского союза. Французских и итальянских книг, посвященных славянству, не меньше. Спрос на эти сочинения растет. Подготовка будущих деятелей посредством распределения сербской учащейся молодежи во французских учебных заведениях, устройство “славянских институтов” в Париже при Сорбонне и в Лондоне при университете – всё это факты, свидетельствующие о планомерном ведении работы, о продуманном культурном творчестве»[2423].

В заключение автор напомнил, что «когда два года назад в европейской печати обсуждался вопрос о войне и мире, в германской газете “Berliner-Tageblatt” известный Теодор Вольф[2424] писал: “Война должна быть объявлена России, ибо только мечом может быть разрешен вопрос о том, имеет ли Россия основание выступать всегда в качестве покровительницы южных и западных славян или они могут быть устроены и помимо, а, может быть, даже против России». В этих словах объясняются причины и задачи современной войны. Вопрос стоит так: панславизм или пангерманизм”»[2425]. Автор статьи полагал, что славянский вопрос может быть разрешен в союзе с Англией и Францией, которые «поняли, что панславизм им не враг, а союзник против

[2421] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9195. Л. 29.

[2422] В мае 1916 г. общее годовое собрание Петроградского славянского благотворительного общества постановило объявить премию в 1 000 руб. за сочинение «Будущий славянский союз». Работы следовало предоставить до 1 января 1917 г. // Петроградские ведомости. 1916. 17 (30) мая. С. 3.

[2423] Новое время. 1916. 4 (17) июля. С. 3.

[2424] Немецкий журналист, писатель и политический деятель. Главный редактор (1906-1933) «Berliner-Tageblatt», ведущего немецкого либерально-демократического издания.

[2425] Новое время. 1916. 4 (17) июля. С. 3.

притязаний Германии на всемирное господство», следовательно, «у нас должно быть уделено достаточное внимание славянским вопросам. Из области теорий они переходят в область практики»[2426]. Судя по всему, ряд деятелей славянского движения был согласен с автором статьи.

С конца 1915 г. произошла некоторая перегруппировка сил. Основная ставка по-прежнему делалась на Сербию. Возникли новые славянские общества. Одни были призваны консолидировать организационные, финансовые и прочие ресурсы в деле помощи населению Сербии, пострадавшему от войны, а другие – расширять общеславянское поле и способствовать не только культурному, но и экономическому сотрудничеству между Россией и Сербией. Их создание было одобрено российским МИД.

Среди них следует отметить созданное в ноябре 1915 г. в Петрограде Русско-Сербское общество (среди учредителей были гофмейстер высочайшего двора граф И.И. Толстой, профессор С.И. Залесский, член Государственной Думы князь С.П. Мансыров и другие)[2427]. Некоторые из участников новой организации были членами Петроградского комитета по оказанию помощи Сербии. Однако задачи Русско-Сербского общества были шире, а устав позволял работать и по окончании военных действий. Кроме просветительских и культурных целей были заявлены «развитие взаимных экономических и финансовых отношений между Россией и Сербией» и «оказание материальной помощи сербскому населению, пострадавшему как от военных действий, так и от стихийных бедствий»[2428].

Кроме издания различных произведений на славянские темы и устройства библиотек и читален, предполагалось «командирование отдельных лиц с целью изучения финансовых, экономических, бытовых, политических, административных и иных отношений, содействие открытию в Сербии русских банков и сербских в России; содействие торговле, бизнесу, организация выставок и прочее»[2429]. Фактически это была попытка реализации планов по созданию единого культурного и экономического славянского пространства.

Изменения коснулись и Московского славянского комитета. 30 января 1916 г. прошло отчетное собрание Московского славянского комитета. В 1915 г. на счёт организации от взносов, пожертвований, отчислений поступило 170 462. 92 руб. На заседании был заслушан доклад о реорганизации устава и принято решение преобразовать комитет из благотворительной в политическую организацию.

[2426] Там же.

[2427] АВПРИ. Ф.151. Оп. 482, Д. 4352. Л. 9.

[2428] Там же. Л. 3.

[2429] Там же. Л. 3, 3 об.

Своей ближайшей задачей Московский славянский комитет видел объединение всех славянских народностей, освобождение их от иноземного ига, экономическую и культурно-просветительскую деятельность помощь всем славянским народам, особенно пострадавшим от военных действий. В перспективе надеялись открыть славянский банк. В очередной раз был поставлен вопрос об объединении всех славянских обществ в Москве. Осенью 1916 г. организацию сотрясали различные недоразумения: ее то покидали, то возвращались отдельные члены[2430]. Введение нового устава было намечено на 1917 г.[2431]

20 декабря 1916 г. состоялось учредительное собрания Попечительства св. Саввы, организованное при Сербском подворье в Москве. Его взяла под свое покровительство княгиня Елена Петровна. Эта организация ставила своей целью оказание благотворительной помощи сербским семьям, пострадавшим от войны[2432]. Предполагалось, что Попечительство соединит все сербские благотворительные и просветительские общества Москвы, «чтобы общими силами прийти на помощь сербским беженцам и особенно детям»[2433].

Возникновение Попечительства, скорее всего, отражало стремление части Московского славянского комитета сохранить благотворительный характер своей деятельности. Кроме того, предполагаем, что название общества было выбрано не случайно. И дело тут не только в том, что оно носило имя весьма почитаемого в Сербии святого, но и весьма успешном опыте культурно-просветительской деятельности сербского Общества св. Савы[2434]. Таким образом могла быть продолжена линия на распространение сербских идей и традиций в несербской среде.

Все описанные выше действия по реорганизации старых и возникновению новых организаций были призваны подтянуть активную часть населения к решению актуальных задач славянского движения, в том числе, по окончанию войны.

Диссонансом к этой картине выглядит приостановка деятельности Комитета по оказанию помощи раненым воинам русским, черногорским и сербским, их семействам и семействам убитых воинов в декабре 1916 г. после рассмотрения Советом министров вопроса «о неправильном утверждении устава общества Зелёного Креста, практически тождественного уставу РОКК»[2435]. Буквально несколько месяцев назад, в августе того же года МВД утвердил его

[2430] Московский листок. 1916. 6 февраля. С. 3; Новое время. 1916. 1 (24) октября. С. 4.

[2431] Отчет о деятельности Московского славянского комитета за 1916 г. – М., 1917. С. 14.

[2432] Московские ведомости. 1916. 17 декабря. С. 3.

[2433] Одесский листок. 1917. 23 января. С. 4.

[2434] *Тимофеев А.Ю.* Крест, кинжал и книга: Старая Сербия в политике Белграда (1878 – 1912). – СПб., 2007. С. 108-114.

[2435] Петроградские ведомости. 1916. 11 (24) декабря. С. 3.

новый устав, сделав неофициальное название «Зелёный крест» фактическим[2436], а в конце сентября организация получила благодарность императора «за полезную деятельность в пользу наших раненных воинов»[2437].

Закрытие «Зелёного креста» стало беспрецедентным решением в отношении комитета члена Дома Романовых. О причинах мы можем только догадываться: ни в архивных документах, ни в прессе никакие подробности обнаружены не были. В основе этого решения могли быть как объективные, так и субъективные причины. Средств на решение социальных вопросов требовалось всё больше, а собирать их у населения становилось все сложнее. Все финансовые средства постепенно консолидировались в руках государства. Касалось это и средств благотворительных организаций членов Императорской фамилии. Могли сыграть свою роль и личные взаимоотношения внутри императорской семьи. Императрица Александра Федоровна считала, что энергичная деятельность великих княгинь Милицы Николаевны и Анастасии Николаевны способствуют росту авторитета в российской армии и обществе великого князя Николая Николаевича в ущерб императору.

Стоит заметить также и то, что с начала 1916 г. в российской практически перестало упоминаться Всероссийское Русско-Черногорское благотворительное общество. Хотя его руководители – граф М.М. Перовский-Петрово-Соловово и священносингел Мардарий (Ускоковић) продолжали оставаться медийными личностями. Первый в связи с деятельностью Русско-Сербского общества, а второй – в связи военнопленными-славянами, которых активно посещал в лагерях на территории России. Можно с большой долей вероятности утверждать, что оккупация Черногории на какое-то время отодвинула тему помощи ей на второй план.

Бурный рост обществ, призванных расширять контакты с балканскими народами, было заметно и в других европейских государствах, например, в Германии. По инициативе ее политического руководства были созданы германо-болгарские общества в Берлине, Мюнхене, Дрездене, Гамбурге и других городах. В них вошли видные представители интеллигенции (лингвисты, этнографы, балканисты и другие). Кроме того, был учрежден институт экономических связей с Болгарией[2438]. Германия намеревалась там укрепиться, а затем продолжить движение и в другие балканские государства.

К осени 1916 г. отсутствие России на Балканах стало заметным. Прежде всего, это встревожило сербов, которые понимали, что лишаются серьезного геополитического союзника. Г.Н. Трубецкой в конце 1915 г. информировал МИД, что «сербы чувствуют, что их положение с

[2436] Правительственный вестник. 1916. 4 (17) августа. С. 2.

[2437] Правительственный вестник. 1916. 1 октября. С. 2.

[2438] За балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 244.

каждым днем ухудшается. На все жалобы до сих пор они получали самые общие ответы о помощи союзников, между тем от последних поддержки никакой не пришло. У сербов сознание слабости союзников и малоспособности их быстро принимать и осуществлять решения, как это делают немцы»[2439].

7 (20) ноября, сообщая в МИД о встрече с престолонаследником Александром, российский посланник в Афинах Э.П. Демидов передал слова его королевского высочества, что его беспокоит «временное отсутствие на Балканах России, как великой покровительницы сербов, что вызывает [у сербов] известную нравственную растерянность. Одушевленные высшим подъемом и твердою решимостью положить все силы к освобождению своей Родины, они … огорчены, что забота и близость России недостаточно чувствуются на этом театре войны. Естественная связь судьбы сербов с Россией, на которую возлагаются все надежды, вызывает уже сейчас у них желание более осязательно ощутить намерения России на Балканах, постепенно намечая главные черты балканского равновесия и выдвигая, по мере развития событий, программу России в этих вопросах»[2440].

Фактически сербский престолонаследник сказал то же, в чем упрекали российское внешнеполитическое ведомство оппозиционные партии: цели и задачи официальной России в славянском вопросе не были сформулированы. Этим обстоятельством были обеспокоены и славянские организации, полагавшие, что настало время определиться. Например, телеграмма Общества славянской взаимности на имя председателя совета министров от 25 ноября 1916 г. содержала просьбу «в ближайшее время в Государственной Думе высказать соображения правительства по славянским вопросам», каковые «правильно поставленные, являются исполнением исторических задач России»[2441].

5 января 1917 г. в «Биржевых ведомостях» была опубликована статья профессора Н.В. Ястребова «Новые думы о славянстве», который посчитал положительным итогом истекшего года «заметный интерес в обществе интереса к славянским вопросам, в 1915 г. почти совсем заглохшим», а одним из отрицательных то, что «в Государственной думе до сих пор не выработали своего отношения к славянству»[2442].

В этой цитате кажется интересным то, что автор статьи, впрочем, как и большинство представителей славянских организаций, выше оценивал итоги 1916 г., чем предыдущего. И это несмотря на то, что объемы гуманитарной помощи Сербии падали. Приведем несколько цифр.

[2439] АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3254. Л. 313.

[2440] Там же. Ф. 133. Оп. 470. Д. 19/1. Л. 284.

[2441] Там же. Ф. 135. Оп. 474. Д. 404. Л. 2.

[2442] Там же. Д. 390. Л. 22.

Из данных хозяйственного управления МИД видно, за 1915 г. в России было собрано 190 191. 24 руб. пожертвований, за 1916 – 91 054. 1 руб.[2443].

Та же тенденция наблюдается в отчете Московского славянского комитета. В 1914 г. было привлечено на уставную деятельность (учитываются все источники доходов) 93 552. 64 руб., в 1915 г. – 170 467. 92 руб., в 1916 г. – 73 213.58 руб.[2444]. В последнем отчетном докладе Московского славянского комитета отмечалось, что кроме своей основной задачи – развития идей славянства – им приходилось «возбуждать общественный интерес к участи многострадальной Сербии»[2445]. Другими словами, гуманитарная помощь декларировалась среди приоритетов организации. Однако цифры говорят сами за себя.

Исключение из этого ряда составляют поступления Петроградского славянского благотворительного общества. В 1915 г. «на нужды жертв войны» было пожертвовано 15 695. 89 руб.[2446], в 1916 г. – 105 120. 37 руб.[2447]. Эти средства расходовались, в основном, на содержание санитарного отряда на Салоникском фронте, в том числе, оплату медикаментов и перевязочных средств.

Чем больше ощущалось приближение конца войны, тем острее была борьба за ее итоги. В предреволюционные годы обострилась конкуренция между двумя панславистскими проектами. Идея объединения славян под эгидой России постепенно уступила место идее «союза равных». На одном полюсе оказались Славянское благотворительное и Русско-Сербское общества, а на другом – Общество славянской взаимности.

Вплоть до февральских событий 1917 г. Петроградское славянское благотворительное общество защищало идею объединения всех славянских народов в союз под главенством русского царя[2448]. Русско-Сербское общество в течение 1916 г. подготовило ряд записок председателю Совета министров и министру иностранных дел, где доказывался тезис, что «только Великая Сербия устранит немецкое влияние на Балканах»[2449].

В МИД были сторонники обеих идей. Например. А.М. Петряев с 1914 г. в ряде записок доказывал тезис о невозможности создания славянской Империи или федерации. По его мнению, максимально, на что можно было надеяться – это создание экономической связи в виде

[2443] Там же. Д. 9177-9179.

[2444] Отчет о деятельности Московского славянского комитета за 1914 г. С. 22; Отчет … за 1915 г. С. 24; Отчет … за 1916 г. С. 18.

[2445] Там же. С. 10.

[2446] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 3. Д. 79. Л. 4 об.

[2447] Там же. Д. 80. Л. 11 об.

[2448] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 390. Л. 27.

[2449] Там же. Д. 404. Л. 49; *Писарев Ю.А*. Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916. – М., 1993. С. 147.

таможенного или железнодорожного союза[2450]. По своим взглядам А.М. Петряев был близок к Обществу славянской взаимности.

15 февраля 1917 г. председатель Совета этой организации А.Н. Брянчанинов внес резолюцию против проекта объединения всех славянских народов в союз под главенством русского царя, публично защищаемого председателем Славянского благотворительного общества академиком Соболевским. А.Н. Брянчанинов отстаивал свободное, на началах равноправия единение славян.

В резолюции было отмечено, что «Совет Общества славянской взаимности твердо убежден, что только в полной свободе национального, экономического и политического самоопределения славянских народов через народное представительство надлежит искать путей объединения их с Россией в целях самозащиты и культуры»[2451]. В российской прессе было опубликовано множество статей, поддерживающих эту точку зрения.

То, что дела благотворительности у ряда славянских организаций отходили на второй план, можно проиллюстрировать следующим эпизодом: в начале 1916 г. контр-адмирал М.М. Веселкин обратился в различные общественные организации, предлагая им взять на себя заботу о сербских беженцах, особенно о детях-сиротах. В письмах начальник ЭОН подчеркивал, что этим делом приходится заниматься его офицерам, что «весьма обременительно для личного состава экспедиции». Совету Общества славянской взаимности, почетным членом которой он являлся, М.М. Веселкин предлагал командировать в Рени «энергичного человека, способного взять организацию этого дела в свои руки». Командировку представителю Общества контр-адмирал Веселкин был готов оплатить[2452].

Из архивных материалов мы знаем об отклике Совета общества славянской взаимности. В апреле того же года он направил письмо графу А.П. Капнисту, помощнику начальника Морского генерального штаба, что «никто из членов Общества не готов взять на себя дело организации помощи сербским беженцам» и советовал обратиться с этим вопросом в Русско-Сербское общество, среди членов которого «может быть найдется лицо, располагающее временем и возможностями для командировки в Рени»[2453]. Переписка продолжалась, решение вопроса затягивалось и М.М. Веселкин стал обвинять руководство славянских организаций в медлительности.

Только в конце июня в Морской генеральный штаб пришло сообщение, что Совет Общества славянской взаимности, по представлению контр-адмирала М.М. Веселкина, командирует в

[2450] АВПРИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 38. Л. 7.

[2451] Там же. Ф. 135. Оп. 474. Д. 404. Л. 4.

[2452] РГА ВМФ. Оп. 418. Оп. 1. Д. 3458. Л. 11.

[2453] Там же. Д. 3468. Л. 192-192 об.

Румынию товарища председателя Русско-Сербского общества, члена Совета Общества славянской взаимности С.И. Залесского с целью устройства детей сербских беженцев в Турн-Северине[2454]. Впрочем, кроме ознакомления с положением сербских беженцев на территории Румынии и написания отчета по итогам, Залесский ничего не сделал.

Таким образом, мы можем утверждать, что у большинства славянских организаций к 1916 г. политические вопросы постепенно вытеснили вопросы благотворительности. Реальную гуманитарную помощь оказывали, в основном, проправительственные организации: Славянское благотворительное общество, Петроградский комитет по оказанию помощи Сербии, Русско-Сербское общество.

Несмотря на собственные военные, экономические, политические и финансовые проблемы, Россия продолжала в 1916-1917 гг. оказывать гуманитарную помощь Сербии и, в гораздо меньшей степени, Черногории. Последний сбор, поступивший в хозяйственное управление МИД на эти цели, был зафиксирован в мае 1917 г. Это были поступления из Св. Синода от тарелочных сборов в церквах Империи «на нужды Сербии» и «в пользу пострадавшего от войны православного сербского духовенства Сербии и Черногории»[2455].

Основными направлениями гуманитарной помощи в 1916-1917 гг. были забота о сербских и черногорских беженцах, населении оккупированных областей и военнопленных. От медицинской помощи Сербии тоже не отказались, но ее объемы теперь приходилось согласовывать не только с сербскими, но и французскими военными властями.

§ 3.1. Деятельность русских медицинских учреждений в помощь сербам на юге Франции, в Греции и на Салоникском фронте

При эвакуации санитарных отрядов из Сербии в октябре – ноябре 1915 г. российские посланники в Греции, Италии и Сербии практически сразу приняли необходимые меры по организации медицинской помощи сербской армии и беженцам. Так как основные потоки раненых и беженцев эвакуировалась через Францию и Грецию, то на этих направлениях и были сосредоточены основные усилия. При этом использовались возможности не только РОКК, но и частных лиц.

Примером частной инициативы может служить русское медицинское учреждение в Марселе, ставшее одним из первых эвакуационных пунктов на пути следования беженцев по территории Франции. Лазарет Русского Дамского комитета на 40 кроватей, состоявший из трех палат, являлся частью госпиталя Французского Общества Красного Креста и предназначался для призрения французских солдат. Он открылся в августе 1914 г. Русским Дамским комитетом,

---

[2454] Там же. Д. 3458. Л. 10.

[2455] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8779. Л. 33, 46.

председательницей которого была супруга агента министерства торговли и промышленности А.Э. Батшева. Мысль об его учреждении возникла в самом начале войны и была поддержана императрицей Александрой Федоровной. Она взяла комитет и лазарет под свое личное покровительство. Русская колония в Марселе была малочисленной, поэтому от устройства отдельного госпиталя отказались, ограничившись русским отделением при госпитале Французской Женской Ассоциации (Association des Dames Françaises). Первоначально оно было рассчитано на 12 кроватей, затем было расширено до 40. Они содержались на средства, уплачиваемые Association des Dames Françaises за каждого больного в размере двух франков в сутки. За эту плату раненым предоставлялась пища, медицинская помощь и лекарства. Кроме того, комитету приходилось нести расходы по поддержанию и возобновлению оборудования, стирке белья, снабжению выздоравливающих тёплым бельём, погребению скончавшихся и т.д. Устройство русского отделения встретило самое сочувственное отношение со стороны местных властей. Префект Департамента устьев Роны пожаловал на это дело пятьсот франков. Лазарет содержался на пожертвования русской колонии в Марселе (так, князь Н.С. Голицын передал в феврале 1915 г. 3 000 франков), французских граждан и личные средства императрицы Александры Федоровны. Через агентство министерства финансов во Франции императрица передавала по 10 000 франков лазарету каждые три месяца, начиная с января 1915 г. Последние средства поступили в феврале 1917 г.[2456]. Почетным председателем этого российского благотворительного учреждения стала супруга посланника М.К. Извольская. По данным РОКК этот лазарет, к маю 1916 г. принял свыше двухсот раненых, в основном, сербских беженцев[2457].

В 1916 г. в Салониках под эгидой Французского Красного Креста на частные средства княгини В.С. Нарышкиной, приемной дочери графа С.Ю. Витте, был организован госпиталь для лечения сербских солдат. В 1918 г. госпиталь стал прифронтовым, обслуживал Первую сербскую армию. Во время сентябрьского наступления В.С. Нарышкина дошла с одним из французских полков до Скопье, где организовала союзнический госпиталь для сербских солдат, способный принимать до 400 человек одновременно.

Для помощи сербской армии и беженцам использовались также русские госпитали в Греции, образованные в разные годы и находившиеся под патронажем РОКК. Речь идет, прежде всего, о лазарете в Пирее, открытом в 1902 г. королевой Ольгой Константиновной, и госпитале св. Димитрия Солунского в Салониках. К концу 1916 г. больница в Пирее вмещала до 60 больных и раненых. Персонал состоял из трех врачей (два из них были хирургами), провизора, пяти санитаров и пяти сестёр милосердия. В течение 15 лет своего существования это медицинское

[2456] АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3229. Л. 1-4.

[2457] Вестник Красного Креста. 1916. № 5. С. 1599-1600.

учреждение обслуживалось исключительно сёстрами Санкт-Петербургской Крастовоздвиженской общины[2458]. Данные о деятельности лазарета в период Первой мировой войны не обнаружены.

Русский госпиталь в Салониках начал функционировать в годы Балканских войн, а к началу Первой мировой практически прекратил свою деятельность. Осенью 1915 г. из России поступил приказ расконсервировать Солунский госпиталь для приема раненных и больных сербов на средства, отпущенные на эти цели из личных средств императора Николая II. На его деньги была открыта и «специальная кровать» для малоимущих сербов[2459].

Сохранились свидетельства, что союзники пользовались этой больницей до того, как сформировали свою сеть медицинских учреждений. В октябре 1915 г. генеральный консул в Салониках В.Ф. Каль отправил донесение в МИД, что генерал Гамильтон, прибывший первым для подготовки высадки союзных войск, в тот же день обратился к российскому представителю с просьбой предоставить для больных английских солдат несколько кроватей в русской лечебнице. В.Ф. Каль приказал подготовить 15 коек (три палаты) для этих целей[2460].

Еще одно свидетельство о деятельности больницы было обнаружено в записке консула В.Ф. Каля в середине декабря 1915 г. Он проинформировал МИД о целесообразности организации помощи сербским беженцам в русском госпитале в Салониках. С.К. Софотерову было предложено выехать туда с двумя или тремя сёстрами милосердия, имевшими опыт работы в Сербии. Предполагалось, что необходимые для работы медицинского учреждения средства будут ассигнованы РОКК. Посланник Г.Н. Трубецкой поддержал кандидатуру старшего врача, подчеркнув, что работа С.К. Софотерова «была бы там полезна до наступления обстоятельств, которые позволили бы ему возобновить свою деятельность на сербской территории»[2461]. Обеспечение госпиталя в Салониках персоналом и оборудованием взяло на себя ГУ РОКК[2462]. 12 февраля 1916 г. Главное управление постановило ассигновать из средств Красного Креста 12 000 руб. на содержание госпиталя в течение шести месяцев (по 2 000 руб. в месяц)[2463]. Однако с самого начала финансирование задерживалось, понадобились дополнительные ходатайства посланника в Греции Э.П. Демидова и консула В.Ф. Каля[2464].

[2458] Там же. 1917. № 1. С. 317-318.

[2459] *Софотеров С.К.* Указ. соч. С. 4.

[2460] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 425. Д. 1158. Л. 17.

[2461] Там же. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2406. С. 28 об.

[2462] Московские ведомости. 1915. 28 декабря. С. 3.

[2463] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 4. Д. 913. Л. 11.

[2464] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 19/1. Л. 213.

В конце сентября 1916 г. в МИД поступило донесение, что с прибытием русских войск, развитием военных действий и наплывом раненых, русская больница была вынуждена значительно расширить свою деятельность увеличением кроватей и постройкой двух бараков[2465]. Учитывая возрастающий объем работы российского медицинского учреждения, постановлением ГУ от 12 октября того же года сумма на содержание госпиталя на II полугодие была увеличена до 18 000 руб.[2466] К апрелю 1917 г. ассигнования на Салоникский лазарет были увеличены до 48 000 руб. (по 12 000 руб. ежемесячно). Но получить эти средства оказалось довольно сложно.

В связи с перебоями в финансировании С.К. Софотеров обратился за помощью к союзникам. В донесении в МИД от 16 ноября 1916 г. генеральный консул Каль писал, что старший врач Салоникского лазарета выхлопотал у сербов термометры, проволоку для электрических проводов и пр. Пользуясь хорошими отношениями с англичанами и французами и обратившись в соответствующие медицинские управления, в интендантства, адмиралтейства, отдельные благотворительные обществах союзников, В.Ф. Каль обеспечил, бесплатное предоставление бараков, постелей, матрасов, белья, медикаментов, молока, угля для отопления и др. необходимое оборудование.

С помощью этих пожертвований союзников русский госпиталь был расширен при минимальных дополнительных вложениях. При этом генеральный консул с гордостью отмечал, что «больница наша является одной из лучших не только в Салониках, но и на всем Македонском фронте. Кроме русских офицеров, мы принимаем также и сербов по рекомендации. В ней перебывало за последние месяцы два сербских начальника дивизий и много сербских высших офицеров»[2467]. Эти слова частично подтверждаются дневниковой записью В.А. Артамонова, где 14 сентября 1916 г. отмечено, что начальник Шумадийской дивизии был переведен из французской больницы в русскую, которая считалась лучшей[2468]. С января 1917 г. больница была приспособлена для обслуживания русских войск на Македонском фронте и превратилась в военный госпиталь для офицеров.

В конце 1916 г. главноуполномоченным РОКК во Франции и Салониках был назначен камергер А.А. Березников. Его основной задачей, в первую очередь, была организация помощи русским войскам. Из его отчета ГУ РОКК от 2 марта 1917 г. мы можем определенно сказать, сколько русских лечебных учреждений под флагом РОКК было на Салоникском фронте.

[2465] Там же. Д. 19/2. Л. 137.

[2466] Там же. Д. 19/1. Л. 137.

[2467] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 4. Д. 913. Л. 86 об.

[2468] Там же. Оп. 1. Д. 5. Л. 64.

Березников просил годовое содержание Крестовоздвиженского лазарета в 15 000 руб., госпиталя св. Димитрия Солунского – 30 000 руб.[2469].

Отсутствие регулярного поступления средств заставляло А.А. Березников постоянно занимать деньги то у российского военного агента во Франции Игнатьева, то у российской миссии. К июню 1917 г. особоуполномоченный РОКК оценивал ситуацию как безвыходную.

Несмотря на трудности с организацией медицинского обслуживания собственной армии, российские представители, тем не менее, искали возможности хоть чем-то помочь сербской армии. Есть данные, что часть сербских раненых с Салоникского фронта доставляли в российские госпитали, в основном, на юге России (Киев, Одессу, Елисаветград и другие). Известны случаи, когда сербских солдат и офицеров отправляли на долечивание вглубь страны, в том числе, в Москву и Петроград.

В сентябре 1917 г. особоуполномоченным Красного Креста во Франции В.В. Голубевым перед ГУ РОКК было возбуждено ходатайство о разрешении расходовать ежемесячно по 2 000 франков как субсидию Сербскому Красному Кресту на оказание помощи больным и раненым сербским воинам. Признавая «крайне желательным с точки зрения патриотической, оказать посильную помощь раненым и больным сербам во Франции», ГУ разрешило Голубеву передать единовременное пособие в 2 000 франков, оставив вопрос о дальнейших регулярных выплатах временно открытым до решения Временного правительства. Одновременно ГУ возбудило ходатайство перед МИД о содействии в получении положительного решения по данному вопросу перед Временным правительством[2470]. Этот документ свидетельствует, что к этому времени возможностей свободно распоряжаться средствами у ГУ РОКК уже не было. Денежных средств катастрофически не хватало, и даже для небольших сумм теперь требовалось одобрение правительства на получение дополнительных целевых кредитов.

§ 3.2. Отряд Петроградского славянского благотворительного общества на Салоникском фронте (отряд Я.И. Чаброва)

В конце 1915 г., ввиду занятия Сербии и Черногории неприятелем, российские санитарные отряды, были вынуждены эвакуироваться в Россию. Из Сербии отряды отступали вместе с сербской армией и беженцами. В начале января 1916 г. покинул пределы Черногории черногорский отряд Петроградского Славянского благотворительного общества. Старшим врачом черногорского отряда в тот момент был Яков Иванович Чабров, приглашенный на эту

[2469] Там же. Оп. 4. Д. 913. Л. 29.

[2470] Там же. Л. 106.

должность по рекомендации Н.И. Сычева в сентябре 1915 г. Все, кто знал Я.И. Чаброва, отзывались о нем как об «опытном враче, отзывчивом человеке»[2471].

Как уже упоминалось, к месту назначения он выехал 25 октября с сестрой милосердия Ниной Александровной Орловой. Во главе отряда он пробыл около трех недель, а затем был вынужден эвакуировать его в Россию.

Тяжелые условия отступления и эвакуации сербской армии вновь выдвинули на первый план медицинскую помощь. Российские госпитали только начали эвакуацию, а князь Г.Н. Трубецкой 24 октября (7 ноября) 1915 г. в донесении в МИД уже просил срочно поставить перед Красным Крестом вопрос о предоставлении полного снаряжения хирургического госпиталя и отправке его в Салоники со всем необходимым провиантом в помощь сербской армии. В это же время княгиня М.К. Трубецкая обратилась в МИД с просьбой поручить дело закупок снаряжения для госпиталя В.Н. Штрандману, находившемуся в то время на дипломатической службе в Риме.

Г.Н. Трубецкой, находившийся вместе с Сербским королевским Двором на Корфу с начала 1916 г., неоднократно сообщал в МИД, что среди прибывающих на остров сербских солдат наблюдалась сильная смертность от диареи и полного истощения. По мнению Трубецкого, ситуация требовала немедленных действий, поэтому он торопил с решением вопроса. В этом российский посланник рассчитывал, в первую очередь, на Славянское благотворительное общество, санитарные отряды которого прекрасно зарекомендовали себя в предыдущий период. 24 января (6 февраля) 1916 г. князь отправил в МИД телеграмму, что нашел подходящее помещение для госпиталя. Посланник просил как можно скорее сообщить о решении Славянского благотворительного общества, чтобы предупредить возможность найма этого здания под другие цели[2472].

27 января Второй Политический отдел МИД препроводил в Совет Славянского благотворительного общества копии двух телеграмм Г.Н. Трубецкого. Незадолго до этого, 22 января 1916 г., в МИД была получена телеграмма российского генерального консула Сальвиате. В ней дублировалась настоятельная просьба князя Трубецкого командировать санитарный отряд Славянского благотворительного общества на Корфу с оборудованием для госпиталя на 100 кроватей для работы в сербских войсках. В документе подчеркивалось, что русских санитарных отрядов там нет. Российский консул проинформировал, что обладает опытом оборудования лазаретов, стоимость такового в Риме обойдется в 50 000 лир. Сальвиате запросил решение Общества[2473].

[2471] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1668. Л. 227-227 об.

[2472] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 56. Л. 10.

[2473] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1668. Л. 1-1 об.

Совет Славянского благотворительного общества, затрудняясь сразу решиться на формирование большого госпиталя, содержание которого могло потребовать значительных средств, решил предварительно выяснить, какого рода помощь сербам, и где именно, была бы наиболее целесообразна. С этой целью была отправлена телеграмма сербскому королевичу Александру. 31 января был получен ответ. Выражая благодарность Обществу за готовность прийти на помощь сербским воинам, престолонаследник обратил внимание Совета, что сербские войска собраны на о. Корфу, следовательно, и всякого рода содействие необходимо именно там.

Мнение королевича Александра помогло Петроградскому Славянскому благотворительному обществу окончательно определиться с тем, в какой форме будет оказана помощь. В тот же день российскому генеральному консулу в Марселе была отправлена телеграмма председателя Общества А.И. Соболевского с просьбой об оказании содействия старшему врачу Я.И. Чаброву и сестре милосердия Л.В. Афанасьевой. Им предписывалось как можно скорее приобрести необходимые для работы медикаменты и выехать на о. Корфу[2474]. Остальные члены санитарного отряда должны были возвратиться в Петроград[2475].

Я.И. Чабров, одолжив от имени Общества у российского консула 300 франков, с сестрой Афанасьевой отправился в Рим, в надежде получить там подробные инструкции. Но этого не произошло, так как Совет не знал, какого рода помощь нужна – образование госпиталя или амбулатории. Члены Общества ожидали, что Чабров, прибыв в Рим и собрав при помощи российской миссии необходимые сведения о положении сербов на Корфу, даст знать, какого рода помощь безотлагательна, а Чабров, в свою очередь, ожидал, что прикажет Общество и какую сумму ассигнует. 9 февраля российский посланник телеграфировал в МИД о сложившейся ситуации. На заседании 23 февраля Совет признал необходимым поручить Я.И. Чаброву отправиться в Бари, где было Русское подворье и ожидался наплыв сербских беженцев. Чтобы ускорить процесс принятия решений, Совет Общества в письме Я.И. Чаброву отметил, что считает своим долгом «помочь сербам в настоящую минуту», поэтому не связывает его точным определением его деятельности.

Тем временем посланник Г.Н. Трубецкой в записке от 9 (22) февраля 1916 г. обратил внимание А.А. Нератова, что прибытие Чаброва и Афанасьевой на Корфу будет целесообразным только в случае, если в их распоряжении будет оборудованный госпиталь на 100 кроватей, с соответствующим персоналом и содержанием[2476]. Проблемы с персоналом Г.Н. Трубецкой

[2474] Эвакуированный из Черногории отряд Славянского благотворительного общества с середины января находился в Марселе, ожидая решения о своем дальнейшем назначении.

[2475] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8696. Л. 4.

[2476] Там же. Л. 7.

предлагал урегулировать на месте. 23 марта Общество сообщило в МИД, что согласно сформировать полевой лазарет на 100 кроватей с условием, что оборудование будет приобретено на средства РОКК, а содержание, с учетом ежемесячного жалованья персоналу лазарета, не превышало бы 4 000 руб. в месяц. Совет рассчитывал, что данное учреждение будет функционировать в течение пяти месяцев, начиная от апреля или мая 1916 г.[2477].

В целях организации бесперебойной работы медицинского учреждения была достигнута договоренность с Первым департаментом МИД о денежных расчётах. Для этого Совет (при поддержке РОКК) обратился в Комиссию по распределению иностранной валюты при особой канцелярии по кредитной части с просьбой ежемесячно предоставлять в Первый департамент МИД талон на 4 000 руб. на содержание госпиталя[2478]. Эту же сумму Петроградское Славянское общество обязалось переводить в МИД ежемесячно. Всего содержание госпиталя на Салоникском фронте обошлось Петроградскому Славянскому благотворительному обществу в 29 568.6 руб.[2479]

7 апреля 1916 г. ГУ РОКК постановило просить посла в Риме приобрести за его счёт оборудование для госпиталя на 100 кроватей и отправить на Корфу в распоряжение Сербского Общества Красного Креста с отрядом доктора Чаброва[2480]. Однако 10 мая посольство проинформировало, что оно не располагает необходимыми средствами и ожидает спешного перевода на 50 000 лир, так как заказы на снаряжение для госпиталя уже сделаны[2481]. В том же месяце ГУ РОКК известило о переводе 49 967 лир для возмещения расходов, тем не менее, в течение июня деньги в посольстве получены не были, снаряжение госпиталя было приостановлено[2482]. Средства появились только в конце июля.

Тем временем Сербия отчаянно нуждалась в медицинской помощи для армии и беженцев. Сербское правительство обратилось к союзникам с призывами о помощи. В России 8 (21) июня 1916 г. в ряде российских газет и «Вестнике Красного Креста» было опубликовано воззвание, где говорилось, что Сербский Красный Крест нуждается в госпиталях, снабженных медицинским персоналом, перевязочных средствах, хирургических инструментах, медикаментах и пр. Там же содержалась просьба жертвовать всё, что может служить для ухода за ранеными и больными, в особенности, для оказания помощи беженцам[2483]. Возможно, что этот призыв стал одним из

[2477] Там же. Л. 24.

[2478] Там же. Л. 69-69 об.

[2479] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 3. Д. 80. Л. 12.

[2480] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8696. Л. 39-39 об.

[2481] Там же. Л. 34.

[2482] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8696. Л. 44-45.

[2483] Новое время. 1916. 8 (21) июня. С. 3.

факторов, ускоривших прибытие отряда Я.И. Чаброва на Корфу. Это случилось 22 июля 1916 г. На месте выяснилось, что работы для него нет, пришлось спешно следовать за сербской армией на Салоникский фронт. Российский военный атташе В.А. Артамонов 30 июля отметил в дневнике прибытие в Салоники отряда Я.И. Чаброва в составе одного врача, завхоза, трех сестёр милосердия и санитара[2484]. Следующая запись от 2 августа сообщает, что отряд Чаброва получил назначение в Острово[2485]. Однако туда он не прибыл. Что произошло, Я.И. Чабров подробно описал в донесении в Совет от 7 сентября 1916 г. со станции Верия[2486]. Чабров проинформировал, что отряд покинул Салоники[2487] только 15 (28) августа. Вот как он это объяснил: «сербы здесь, кроме своих «дивизийских» больниц не имеют никаких госпиталей. Эти больницы совсем не оборудованы, больные в них помещаются на матрасах в своей одежде прямо на земле. Мой лазарет, хотя и маленький, но оборудованный, оказался для них находкой. Они просто не знали, как его лучше использовать. Со дня на день просили меня обождать. Приходил я к начальнику санитета[2488] каждый день, слышал от него новое назначение и новое решение, которое на следующий день менялось. Я себе не выбирал ни места, ни характер работы, я лишь сказал, что Общество послало мой отряд с лазаретом для того, чтобы он был полезен сербам, и просил начальника санитета, как хорошо осведомленного в нуждах сербской армии, распорядиться лазаретом как он сочтет наиболее полезным. То предлагали мне назначение в качестве чисто хирургической больницы, то эвакуационного и питательного пункта, то хотели расширить его до 200 - 300 мест, снабдив шатрами, кроватями, бельём, чуть ли не автомобилем… К сожалению, как я потом узнал, это были благие пожелания, так как сербы не имеют здесь каких-либо своих запасов, и в организации они должны делать лишь то, что им укажут или позволят французы… Наконец, остановились на полевом лазарете и направили на станцию Вертекоп для обслуживания 2-й сербской армии. Приехав 16 (23) августа в Вертекоп я немедленно снесся с начальником штаба армии – начальником санитета 2-й армии»[2489].

Эта цитата нуждается в пояснении. Дело в том, что по договору сербского и французского правительства от 6 апреля 1916 г. сербское военно-санитарное ведомство фактически оказалось в подчиненном положении от французского. Сербы получили право иметь медицинские формирования на уровне оперативных войск (то есть дивизий), а все армейские госпитали

[2484] РГВИА. Ф. 16351. Оп. 1. Д. 5. Л. 32 об.

[2485] Там же.

[2486] Турецкое название – Караферия. В документах того времени встречаются оба названия.

[2487] В оригинальном тексте стоит сербское название «Солунь». Здесь и далее будет употребляться современное название города, независимо от того, как он обозначался в корреспонденции того времени.

[2488] Военно-санитарное управление.

[2489] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1668. Л. 292-292 об.

перешли в ведении французов. Следуя принципу этапного лечения, сербские раненые из дивизионных лазаретов (о которых и писал Чабров в этом донесении) направлялись на долечивание во французские и английские госпитали. Участие в этой цепочке британцев объяснялось тем, что французское командование не смогло обеспечить достаточное количество мест в своих госпиталях. Сербское военно-санитарное управление было озабочено восстановлением своей самостоятельности в этом вопросе. По-видимому, большая часть проблем отряда Я.И. Чаброва объяснялась именно этим фактом. Сербское военно-санитарное управление предпринимало неоднократные попытки подчинить себе русский лазарет, на что его старший врач пойти не мог без разрешения Славянского благотворительного общества. Это создавало определенную напряженность в отношениях как с сербскими, так и французскими властями.

Место для лазарета было найдено в 12 км от Вертекопа и в 8 км от передовой линии. Еще не были окончены работы, как пришла срочная телеграмма от начальника военно-санитарного управления из Салоник с предписанием вернуться в Вертекоп и ждать другого назначения. Я.И. Чабров написал, что «был изумлен такой спешной переменой, тем не менее, вернулся в Вертекоп»[2490]. Однако другого назначения отряд так и не дождался. О поступившем предписании отправиться на станцию Верия Чабров узнал из случайно услышанного им разговора на телефонной станции. Желая срочно приступить к работе, Чабров, не теряя времени, получил вагоны для транспортировки оборудования и персонала и 20 августа выехал к месту назначения. По прибытии на место выяснилось, что для обслуживания сербов 100 кроватей было много, поэтому Чабров принял решение обслуживать и русских больных. Командующий русской бригадой генерал М.К. Дитерихс[2491] был такому предложению рад, но попросил, во-первых, получить на это согласие сербского военно-санитарного управления, а во-вторых, расширить больницу, набрав дополнительный русский персонал. На следующий же день Чабров поехал в Салоники, чтобы решить ряд организационных вопросов. На просьбу генерала Дитерихса усилить больницу, руководство сербского военно-санитарного управления не согласилось.

Как написал Чабров в отчете Совету, «их даже несколько обидело, что я хочу взять персонал и шатры для русских, а не пользуюсь их предложениями»[2492]. В итоге длительных переговоров пришли к компромиссному решению, что отряд Чаброва[2493] на станции Верия будет обслуживать

[2490] Там же. Л. 293.

[2491] Командир 2-ой Особой пехотной бригады, сформированной к концу июня 1916 г. и прибывшей на Салоникский фронт 5 августа 1916 г.

[2492] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1668. Л. 293 об.

[2493] В тот момент отряд состоят из старшего врача Я.И. Чаброва, завхоза Матвея Айзенберга и сестёр милосердия Афанасьевой, Саблиной, Кобжевой и Столпянской. И.В. Столпянская была дочерью генерального консула в

сербское войско, в частности, сербскую конную дивизию, но будет иметь право принимать и русских. Продукты для больных и персонала предписывалось получать из магазина сербской конной дивизии. Лазарет должен был быть развернут на 100 кроватей и называться «Руска пољска болница» (Русский полевой лазарет).

В конце августа 1916 г. русский лазарет был переполнен больными и ранеными: началось движение на фронте[2494]. Больные лежали на кроватях на постельном белье, предоставленном Славянским благотворительным обществом. Медикаментов, привезенных с собой, Чаброву пока хватало. Позднее он планировал воспользоваться сербской аптекой. В конце августа – начале сентября в лазарет поступали исключительно русские больные, о чем сербское военно-санитарное управление было уведомлено[2495].

10 октября генеральный консул В.Ф. Каль проинформировал Славянское благотворительное общество о переводе их отряда в Соровичи[2496]. В конце 1916 г. сербское военно-санитарное ведомство поручило Я.И. Чаброву организовать при его хирургическом госпитале эвакуационный пункт. В донесении Совету от 3 января 1917 г. Чабров писал, что в декабре было очень много работы. В больнице на излечении постоянно находилось 80-90 раненых, а прибывающих для эвакуации редко было менее 150. Русский врач констатировал, что «в последнее время прибывает всё меньше раненых, так как на фронте нет боев»[2497].

В одном из донесений старшего врача русского госпиталя сообщалось, что эвакуация раненых и больных с фронта проходила в очень тяжелых условиях, в товарных вагонах, на соломе, что, по его мнению, грозило больным смертельной опасностью. Чабров подчеркивал, что эвакуация и содержание лазарета производились на средства, отпущенные Славянским благотворительным обществом. Таким образом, лазарет Славянского благотворительного общества, помимо своей обычной работы, совершал эвакуацию больных и раненых сербской армии и двух русских бригад в течение 85 дней, пропустив через эвакуационный пункт 7 498 человек.

В начале января 1917 г. Чабров получил телеграмму от начальника военно-санитарное управления, что лазарет освобождается от эвакуации, которая передавалась сербскому лазарету,

---

Салониках, состояла сестрой милосердия в общине Св. Георгия. Санитарами были Андрей Пахомов, монах келии Святого Иоанна Златоустого Хилендарского монастыря Святой Афонской горы, и три добровольца из русских полков (без жалования). Кроме того, в лазарете работали и сербы – кассир, заведующий довольствием больных и персонала, аптекарь, два писаря и старший санитар. Все сербы были на содержании Сербской Верховной Команды. Довольствие больных и команды также были сербскими.

[2494] В августе в лазарете находилось от 28 до 110 больных.

[2495] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1668. Л. 295.

[2496] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8696. Л. 57.

[2497] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1668. Л. 304-304 об.

уже два месяца бездействовавшему в Соровичах. Из донесения в Совет 31 января 1917 г. известно, что в лазарете находится 71 человек. Боев не было, поэтому он счел возможным разрешить персоналу отдых. Помещения дезинфицировались.

Часть освободившегося времени Я.И. Чабров посвятил обстоятельному рассказу о постановке медицинской помощи на этом участке фронта. Он писал, что на Салоникском фронте всего два русских лазарета (один из них для сербов). Русский врач констатировал, что они отличались оборудованием от французских и английских, а также учреждений иностранной частной благотворительности, не в лучшую сторону. Чтобы подчеркнуть внешнее впечатление, которое производил лазарет Славянского благотворительного общества, Чабров сообщил о посещении руководимого им учреждения старшей сестры милосердия А.В. Романовой, привезшей восемь сестёр милосердия на Салоникский фронт. Она осмотрела все помещения и смогла сказать только, что «больница бедна». Чабров же придерживался иного мнения и полагал, что в лазарете есть всё необходимое, в особенности, если не забывать, что лазарет полевой. Он отметил, «что если чем и беден лазарет, так это персоналом, который неоткуда пополнить. Белья, посуды, предметов ухода было предостаточно. И, несмотря на то что на кроватях у раненых лежат соломенные тюфяки, на них всегда чистые простыни и пододеяльники. Английский госпиталь на 600 кроватей с 18 врачами и 40 сёстрами имеет матрасы, но почему-то без простыней и пододеяльников»[2498]. Кроме того, Я.И. Чабров описывал трогательную атмосферу в лазарете, связанную с особыми отношениями между русскими и сербами. Тяжелораненые сербы старались ухаживать за русскими ранеными, считая это своим долгом[2499].

В этом донесении Я.И. Чабров впервые заговорил о сложностях во взаимоотношениях с сербскими властями. Он сообщил, что «сербская администрация не находит лазарет Славянского благотворительного общества необходимым», что ему дали понять, что сербскому руководству «было бы приятнее, если бы наш лазарет просто был у них на службе». В частности, старший врач писал: «характер “благотворительности” нашего лазарета совершенно не оценивается. Еще до начала нашей работы здесь, начальник военно-санитарного управления едва согласился, чтобы мы содержали лазарет за свой счёт, не беря от сербов 1, 25 драхм, положенных в день на одного больного»[2500]. Свое мнение Чабров основывал и на факте переименования лазарета. Как уже упоминалось, в момент открытия лазарет назывался «Русский полевой лазарет» (Руска пољска болница), затем он был переименован и стал называться «Сербско-Русский полевой лазарет» (Српско-Руска пољска болница). Эта перемена, как отметил Чабров, была произведена

[2498] Там же. Л. 328-328 об.

[2499] Там же. Л. 327 об.

[2500] Там же.

довольно бесцеремонно: корреспонденцию в его адрес стали адресовать под таким названием. На заявление старшего врача Славянского благотворительного общества, что больнице необходимо иметь одно зафиксированное название, ему официально ответили, что «если наше “честолюбие” не сильно страдает, то сербским властям удобнее заменить первое название на второе»[2501]. Кроме того, начальник военно-санитарного управления сообщил Чаброву, что весь персонал больницы будет получать определенную плату от сербского правительства. Чабров отказался[2502]. И этим осложнил свое и без того непростое положение.

Как мы видим, к началу 1917 г. сербское военно-санитарное управление уже не нуждалось в русской медицинской помощи.

Рассуждая о сложившейся ситуации и наметившемся конфликте с сербскими властями, Я.И. Чабров высказал свое мнение о сербах. Следует отметить, что, указывая на отрицательное отношение руководства сербского военно-санитарного управления к госпиталю Славянского благотворительного общества, он даже и не думал осуждать сербов вообще. Чабров писал: «Сербы горды. Теперь они очень ослаблены, поэтому лишь сильнее страдает их гордость. Отношение французов к сербам надменное, покровительственное и пренебрежительное. Это оскорбляет сербов»[2503].

Донесение Чаброва от 31 января 1917 г. было рассмотрено на заседании Совета Общества от 4 мая. Заметим, что донесения Чаброва приходили с большим опозданием. Так, на заседании Совета в апреле 1917 г. рассматривались его отчеты за ноябрь и декабрь 1916 г. Хотя, судя по числам, они отправлялись регулярно. Это очень затрудняло руководство отрядом и не давало возможность Обществу своевременно реагировать на постоянно изменяющуюся обстановку. Приняв к сведению основные положения документа, члены Совета приняли решение, что вопрос о выдаваемых сербским правительством врачу и персоналу средствах следует оставить на усмотрение старшего врача отряда[2504].

Фактически, по объективным и субъективным причинам русская медицинская помощь сербам на этом участке Салоникского фронта была приостановлена. В сербской историографии сложилось ошибочное мнение, что в январе 1917 г. к Русской больнице в Салониках был прикомандирован отряд из 15 сестёр милосердия Крестовоздвиженской общины[2505]. Средства на его содержание в сумме 53 000 руб. предложила в декабре 1916 г. графиня Н.А. Бобринская. ГУ РОКК в январе 1917 г. в «Вестнике Красного Креста» официально сообщило об отправке отряда

[2501] Там же. Л. 328 об.-329.

[2502] Там же.

[2503] Там же. Л. 329.

[2504] Там же. Оп. 2. Д. 144. Л. 24.

[2505] *Попович Никола Б.* Русская гуманитарная помощь Сербии. С. 189.

графини Бобринской[2506]. Однако, судя по архивным документам, отряд был сформирован, но границу так и не пересек. В мае 1917 г. был заслушан доклад одного из уполномоченных РОКК на Салоникском фронте, который считал отправку данного лазарета нецелесообразной. Графиня Н.А. Бобринская передала упомянутые средства в распоряжение супруги посланника в Афинах С.И. Демидовой на нужды русских воинов[2507]. Таким образом мы видим, что включать отряд графини Бобринской в перечень тех лиц, кто принял участие в санитарной помощи Сербии, неправомерно.

Тем временем отношения с сербами у Чаброва обострялись. 5 февраля он сообщил в Совет о получении письма от начальника санитарной части при Верховной Команде Р. Зондермайера, в котором старшего врача санитарного отряда Славянского благотворительного общества просили сообщить, каким образом он распорядился выданными ему сербским правительством 5 000 динаров. Чабров ответил Зондермайеру, что за все суммы он отчитывается перед Славянским благотворительным обществом[2508].

С учетом того, что сербские раненные в лазарет больше не поступали, Я.И. Чабров был вынужден искать применения своим силам. 17 февраля 1917 г. Славянское благотворительное общество получило его очередное донесение о санитарном состоянии русских войск, сражающихся на Салоникском фронте, а также об их затруднениях в связи с недостатком медицинского персонала. В частности, Яков Иванович указал, что у русских войск не было практически никакой санитарной организации. Русская больница в Соровичах могла принимать только хирургических больных. Другая русская больница – «Святого Димитрия Солунского» в Салониках была небольшой: имела 20 - 25 офицерских мест и 100 солдатских (она принимала также и сербов). Русских были вынуждены доставлять в иностранные больницы. Если во французских госпиталях в Салониках были немногочисленные русские сёстры милосердия, то в английских в Соровичах не было ни русских сестёр, ни переводчиков. В связи с этим одна из больниц отказалась принимать русских[2509].

Предполагая, что его персонал может быть полезен русским войскам, Я.И. Чабров поставил вопрос о необходимости увеличения лазарета и кадрового пополнения отряда[2510]. Совет уведомил об этих предложениях РОКК и разрешил увеличить госпиталь до 300 кроватей с

[2506] Вестник Красного Креста. 1917. № 1. С. 249.

[2507] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1534. Л. 145.

[2508] Чабров напомнил Обществу, что передал ему расписку на истраченные 1 600 - 1 800 динаров из этой суммы на продукты. // ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1668. Л. 354.

[2509] Там же. Л. 232-232 об.

[2510] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 2. Д. 144. Л. 30-30 об.

приглашением на месте необходимого медицинского персонала[2511]. В конце февраля в Совет пришла телеграмма представителя Красного Креста в Париже А.А. Березникова с сообщением, что госпиталь Славянского благотворительного общества сильно нуждается в деньгах. Было принято решение передать Чаброву деньги на март текущего года в размере 3 800 руб.[2512].

15 марта Совет получил очередное донесение Чаброва о принятых мерах по пополнению инвентаря отряда, отчет о деятельности по лечению сербов и русских. Тогда же Чабров впервые заговорил о необходимости отзыва отряда в Россию. 18 мая 1917 г. Совет Славянского благотворительного общества выразил благодарность Я.И. Чаброву «за полезные труды». В письме указывалось, что Совет «весьма удовлетворен как лично Вашей деятельностью, так и работой всего отряда»[2513]. В документе также отмечалось, что обществу «приятно знать, что ассигнуемые обществом средства не пропадают даром, а действительно приносят пользу обездоленному братскому народу»[2514]. Совет подтвердил полномочия Я.И. Чаброва действовать так, как он сочтет нужным, «лишь бы отряд приносил пользу сербам и русским и тем оправдывал затраченные на него средства»[2515].

Тем не менее, вопрос о сроках пребывания отряда еще не был закрыт.

Основываясь на обстоятельном донесении Я.И. Чаброва от 17 февраля о санитарном состоянии русских воинов на Салоникском фронте, 9 июня 1917 г. Совет Славянского благотворительного общества принял решение продлить пребывание отряда до конца войны.

10 июля 1917 г. и.о. председателя Славянского благотворительного общества К.Э. Агрипуло отправил Я.И. Чаброву письмо, где содержалось разрешение расширить госпиталь до 300 кроватей, соответственно увеличив для этого медицинский персонал. Совет предоставил Чаброву полную свободу в отношении приема в госпиталь русских солдат и офицеров, посчитав, что если они будут лежать в медицинском учреждении Славянского благотворительного общества, то тем самым освободят места для сербов в английских и французских лечебницах. Совет выразил полное одобрение деятельности Чаброва и поблагодарил его и его сотрудников за их полезный труд[2516].

Однако вскоре, 31 июля 1917 г., была получена телеграмма Чаброва: «Условия невозможные. Советую отозвать отряд. Прошу освободить меня от должности и вернуть в Россию.

[2511] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8696. Л. 70.

[2512] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 2. Д. 144. Л. 11 об.-12.

[2513] Там же. Оп. 1. Д. 1668. Л. 356.

[2514] Там же. Л. 356 об.

[2515] Там же.

[2516] Там же. Оп. 3. Д. 137. Л. 6-6 об.

Солидарность Айзенберга и Афанасьевой. Отношение ко мне, отряду Софотерова очень враждебное. Советую отдать инвентарь Сербии»[2517].

В этой телеграмме Я.И. Чаброва впервые им упоминается фамилия С.К. Софотерова, назначенного в апреле 1917 г. уполномоченным РОКК при Штабе союзных армий. Что послужило причиной столь неприязненных отношений между двумя русскими врачами, можно только догадываться. По данным генерального консула в Салониках В.Ф. Каля, доктор Софотеров пользовался «громадной репутацией среди сербов, как один из лучших хирургов»[2518].

Некоторые подробности происходящего становятся понятными из письма Чаброва от 8 августа 1917 г. в Совет. Яков Иванович сообщил, что в июне и июле русские войска были на отдыхе... Все лазареты в Соровичах, как два английских, так и русский были ими заполнены. Фронт находился в стороне, раненые в больницу не доставлялись. Лазарет Славянского благотворительного общества, считая своим долгом приютить больных, был вынужден превратиться из хирургической больницы в больницу внутренних болезней. Работы по специальности не прибавилось, даже когда русские войска ушли на позиции. Далее Чабров написал: «Свое мнение о значении здесь нашего лазарета я не буду повторять. Об отношении ко мне и к отряду уполномоченного Красного Креста Софотерова, русских властей и сербского санитета писать я не нахожу удобным. Эти отношения, выражаясь скромно, недоброжелательны. Если Совет общества мне доверяет, то еще раз рекомендую отозвать отряд… На мои телеграммы я не получаю никакого ответа. Это ставит меня в невозможно затруднительное положение»[2519].

О том, что Чабров не сгущал краски, свидетельствует телеграмма в Совет от 17 сентября генерала В.А. Артамонова о планируемой ревизии деятельности отряда. Чабров делал всё возможное, чтобы оградить себя и отряд от всевозможных нападок. В конце августа 1917 г. он отправил в Совет письмо и телеграмму, где категорически настаивал на закрытии отряда и передаче его инвентаря сербам. В пользу своего решения Я.И. Чабров привел следующие аргументы: малочисленность отряда (врач, сестра, завхоз) не позволяла правильно организовать его деятельность; расширение госпиталя на месте было невозможно из-за отсутствия русских специалистов; иностранные специалисты в русский госпиталь не шли, так как было много английских и французских госпиталей. Таким образом, по мнению Я.И. Чаброва, содержание отряда не оправдывало затрачиваемых на него средств. Далее он отмечал, что отряд имел значение в прежнее время, когда сербы действительно нуждались в санитарной помощи. Однако в момент написания письма эта нужда не уже ощущалась, потому что сербы создали свою сеть

[2517] Там же. Оп. 1. Д. 1668. Л. 358.

[2518] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 4. Д. 913. Л. 86 об.

[2519] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 3. Д. 137. Л. 12-12 об.

медицинских санитарных учреждений, в которые и направляли своих больных и раненых. К тому же у них появилась возможность пользоваться прекрасно оборудованными и полностью укомплектованными персоналом английскими и французскими госпиталями на 800 и более кроватей. Чабров полагал, что русский госпиталь по оборудованию с этими госпиталями даже сравнивать невозможно. Еще одной причиной нецелесообразности дальнейшего пребывания отряда в Сербии, по его мнению, было отсутствие работы для медицинского персонала. В пример он приводил английскую больницу на 800 мест, обслуживающую в тот момент только 100 больных и раненых. Чабров подчеркнул, что был период, когда за недостатком больных и раненных сербских воинов отряд оказывал помощь русским войскам. Затем и эта задача была снята, так как медицинское обслуживание русских войск улучшилось[2520].

Решение вопроса о прекращении деятельности отряда Славянского благотворительного общества заняло некоторое время. На заседании 22 августа 1917 г. ГУ РОКК постановило отряд расформировать, а оборудование лазарета передать сербскому войску[2521]. Требовалось только согласие командования русскими войсками на Салоникском фронте. Пока шли согласования, средства на содержание отряда закончились[2522]. Совет Славянского благотворительного общества постановил прекратить деятельность отряда с 1 января 1918 г.[2523].

О том, что санитарный отряд Я.И. Чаброва был расформирован, свидетельствует донесение уполномоченного РОКК при армии союзников С.К. Софотерова начальнику санитарного управления Сербской Верховной Команды от 28 декабря 1917 г. с просьбой принять инвентарь названного лазарета по описи и оставить у себя для нужд сербской армии. Из персонала лазарета на службе РОКК осталась только сестра Афанасьева. Русские санитары подлежали отчислению в распоряжение начальника команды выздоравливающих в Верие. Деятельность лазарета, по мнению Софотерова, должна быть организована по усмотрению сербского военно-мсанитарного управления. Со своей стороны он обещал приложить «все усилия, чтобы обеспечить лазарет … как врачебной практикой, инвентарем, так и средствами на его дальнейшее существование на новых началах, согласно Вашим пожеланиям». Начальнику эвакуационного отряда в Соровичах доктору Петру Давидовичу было поручено провести инвентаризацию, весь персонал отправить в Верию и с 1 января 1918 г. возглавить Сербско-Русскую больницу[2524].

[2520] РГВИА. Ф. 16351. Оп. 1. Д. 1530. Л. 177-178.

[2521] Там же. Л. 180.

[2522] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 3. Д. 137. Л. 18.

[2523] Там же. Л. 15.

[2524] *Nedok Aleksandar.* Ruska sanitetska pomoć Srbiji u njenim oslobodilačkim I odbrambenim ratovima XIX I ranog XX veka (1804–1917 godine). // Vojnosanitetski pregled. 2008. № 65. C. 23.

Таким образом, очевидно, что Славянскому благотворительному обществу с 1916 г. было сложно соперничать, прежде всего, в материальном плане, с английскими и французскими госпиталями на Салоникском фронте. По договору между французским командованием и сербским королевичем Александром сербская военно-санитарная служба была подчинена французской. Сербы старались создать свою сеть медицинских учреждений, поэтому были заинтересованы в передаче лазарета Славянского благотворительного общества в их ведение. Вероятно, именно это и стало причиной многочисленных недоразумений.

Судьба санитарного отряда Петроградского славянского благотворительного общества в полной мере отразила изменившийся расклад сил. И дело здесь было не только в изменившихся финансовых возможностях России. Ни сербское, ни французское руководство теперь не устраивали самостоятельные санитарные отряды, подчинявшиеся только Петрограду. Они хотели иметь полный контроль за ситуацией.

Что касается оценки деятельности лазарета Славянского благотворительного общества, то она содержится в телеграмме генерального консула в Салониках от 2 мая 1917 г., где от имени сербского престолонаследника, сербского санитарного управления содержалась просьба «просить Славянское благотворительное общество ни в коем случае не отзывать до конца войны санитарный отряд, который «своей полезной деятельностью и неутомимой работой оказал и продолжает оказывать сербским и русским больным и раненым неоценимые услуги»[2525].

Прежде чем закончить тему российской медицинской помощи балканским народам в 1916-1917 гг., стоит упомянуть о русском персонале, оставшимся в Сербии осенью 1915 г. В декабре 1915 г. посланник Г.Н. Трубецкой обратился в МИД с просьбой сделать запрос через международные организации о судьбе отряда доктора Спасского. В результате выяснилось, что большая часть санитарного отряда смогла вернуться в Россию, а меньшая (во главе с Н.С. Спасским) – была арестована в январе 1916 г. и отправлена в Болгарию. Несмотря на уверения болгарского МИД, что отряд сможет скоро вернуться в Россию, ничего в этом направлении не предпринималось. Свое бездействие в этом вопросе болгарские власти объясняли отсутствием у них в течение нескольких месяцев информации об отряде Болгарского славянского благотворительного дружества Красного Креста (два врача, три фельдшера, четыре сестры милосердия), находившегося на Кавказе. По мнению болгарских официальных лиц, болгарский медицинский персонал было бы целесообразнее использовать в Болгарии. Из переписки МИД с главноуполномоченным ГУ РОКК по Кавказской армии выяснилось, что в марте 1916 г. этот болгарский отряд находился на хуторе Романовский Кубанской области и примерно исполнял свои обязанности. Российские власти деятельностью болгарского госпиталя были довольны: с 15

[2525] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 2. Д. 144. Л. 72.

января по февраль 1916 г. в нем прошли лечение раненных нижних чинов – 421, офицеров – 6, больных – 205. Пока шла бумажная работа, положение отряда Н.С. Спасского в Болгарии осложнилось. Русских врачей и сестёр милосердия заставляли работать с инфекционными больными, но не платили никакого содержания. 23 марта пришла информация из Софии, что ни один русский врач не будет отпущен до тех пор, пока не вернется болгарский отряд. 17 (30) апреля 1916 г. Болгарский Красный Крест получил телеграмму из Женевы, что болгарский санитарный отряд желал бы остаться на Кавказе и продолжить свою работу. На что из Софии ответили, что если болгарский отряд немедленно не отправится к месту службы в болгарскую армию, то его члены будут считаться дезертирами. 23 мая 1916 г. отряд болгарского Славянского благотворительного дружества подал прошение о возвращении на родину. 30 августа он пересек границу Российской Империи. «Вестник Красного Креста» в сентябрьском номере сообщил, что «ГУ РОКК не встретило препятствий к [его] возвращению в Болгарию … через Швейцарию. Начальнику отряда доктору Морфову по просьбе Болгарского Красного Креста было решено выдать аванс 10 000 руб.»[2526]. Отряд Н.И. Спасского вернулся в ноябре 1916 г.[2527]

§ 3.3. Организация помощи сербским военнопленным

Первая мировая война принесла человечеству неисчислимые бедствия – нищету, голод, болезни. Огромные по протяженности фронты поглощали трудоспособное население воюющих стран, вовлекая в кровавую мясорубку сотни тысяч мобилизованных. Одновременно с этим миллионы беженцев, военнопленных и раненых двигались от передовой к далеким тылам. Особенно тяжелым было положение военнопленных – солдат и офицеров – многие из которых были ранены, искалечены или страдали от болезней. Содержание и охрана этой категории населения отвлекали немалые финансовые, людские и продовольственные ресурсы[2528].

Военное командование и правительства воюющих стран оказались не готовы к масштабам плена в Европе, который превзошел все ожидания. Положения Гаагской конвенции «О законах

[2526] Вестник Красного Креста. 1916. № 7. С. 2353.

[2527] Подробнее см.: *Шевцова Г.И.* Деятельность на территории Сербии и возвращение из плена эпидемиологического отряда Александровской общины РОКК (отряда Н.С. Спасского) в годы Первой мировой войны // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 4 (12). С. 37-44.

[2528] *Сергеев Е.Ю.* Русские военные в Германии и Австро-Венгрии // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 65-78; Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: материалы Международной научной конференции. М., 7-8 сентября 2005. – М, 2006; *Карелин В.А.* Проблема интернирования русских военнопленных первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 93-105 и др.

и обычаях войны» 1907 г.[2529] воюющими сторонами не соблюдались. Чем дольше длилась война, тем больше требовалась мобилизация и экономия всех ресурсов, что, в немалой степени, отражалось на военнопленных.

Особенно тяжелым оказалось положение сербских и русских солдат и офицеров, хотя и по разным причинам. Проблема сербов заключалась в отсутствии военнопленных, захваченных в боях. Их было достаточно до октября 1915 г., когда сербское командование было вынуждено, не имея возможности содержать и охранять австрийских и болгарских подданных, передать их итальянским властям. По сложившейся практике, сербские военнопленные могли бы на что-то рассчитывать, если на их родине было бы достаточно пленных из государства, их содержавшего. В таком случае действовал так называемый «принцип взаимности» (термин взят из дипломатической переписки): ухудшение положения военнопленных какой-либо национальности немедленно влекло за собой зеркальные меры в их стране. Этот принцип часто использовали общественные и частные организации – оказывая помощь на определенной территории, они добивались ответных мер для военнопленных, содержащихся на противоборствующей стороне через аналогичные структуры.

У русских в этой области были свои проблемы, главной из которых было отсутствие продуманной политики поддержки собственных военнопленных. По данным российских исследователей, к началу войны в России не было ни одной военной или государственной структуры, в ведении которой находились бы вопросы, связанные с военным пленом. Часть проблем взяло на себя Центральное справочное бюро при РОКК, где, впрочем, до конца 1915 г. регистрация нижних чинов не велась. Его деятельность постепенно расширялась. В январе 1915 г. в Петрограде был создан Особый комитет при Центральном справочном бюро под руководством сенатора А.Д. Арбузова, практическая деятельность началась только в марте того же года.

Более того, до генерального наступления Германии на Восточном фронте в 1915 г. российские власти даже не считали нужным организовать помощь исходя из прагматичного принципа, сформулированного в недрах Генерального Штаба, что содержание военнопленных ухудшает положение противника[2530]. У МИД и военного ведомства были серьезные разногласия по этому вопросу практически с самого начала, но победила линия военных.

[2529] Регулировала вопрос о правовом и материальном положении военнопленных. Именно Гаагская конвенция обеспечила правовую основу для привлечения военнопленных к работам, не связанным с военными действиями, а также подчинила их законам, уставам и распоряжениям, действующим в армии страны размещения военнопленных. Подробнее см.: *Симонова Т.М.* Российские военнопленные и интернирование в лагерях Германии и Австрии в 1914 - 1922 г. // Последняя война Российской империи. С. 332.

[2530] Подробнее см. *Карелин В.А*. Указ. соч. С. 105.

В конце 1914 г. папа Бенедикт XV обратился ко всем воюющим государствам с предложением обменяться пленными, неспособными к возвращению в строй. Поверенный в делах в Цетинье Н.А. Обнорский в телеграмме в МИД от 29 декабря 1914 (11 января 1915 г.) г. от имени черногорского правительства, предполагавшим «сообразовать свое решение с нашим», поинтересовался, «какой ответ был дан папе Россией»[2531]. В ответ в Цетинье была направлена копия телеграммы министра иностранных дел посланнику при св. Престоле от 20 декабря 1914 г.: «Его императорскому величеству благоугодно было во внимание к великодушному почину папы Бенедикта XV всемилостивейше соизволить на обмен военнопленных, которые, по суждению государства их захватившего, будут признаны окончательно неспособными к возвращению в строй»[2532]. Благодаря реализации этой инициативы, десятки тысяч человек со всей Европы смогли вернуться на родину. Используя эту и другие инициативы, министр иностранных дел С.Д. Сазонов предложил российскому правительству заключить соглашение об обмене инвалидами-военнопленными, что облегчило бы положение и спасло жизни многих людей. Однако в ходе междуведомственных согласований представители военного министерства решительно воспротивились этой инициативе[2533].

С первых дней войны тема плена в русской печати была подцензурной: любые сведения о взятых в плен русских солдатах и офицерах неизменно удалялись. Тем не менее, информация о реальном положении российских военнопленных стала постепенно просачиваться в Россию, вызвав рост недовольства позицией правительства среди широких слоев общества. Рост общественного давления заставил российские власти предпринять некоторые шаги в этом направлении и попытаться взять контроль над ситуацией в свои руки. Однако растущая шпиономания и вполне оправданная боязнь революционной агитации среди военнопленных наложили определенный отпечаток на политику в этом вопросе.

Поэтому не удивительно, что вопросы, связанные с сербскими военнопленными в России, до определенного времени открыто не обсуждались. Катализатором стали военные неудачи осени 1915 г. и оккупация Сербии, вызвавшие сочувствие и интерес к судьбам сербских военнопленных. Определенную роль в формировании общественного мнения сыграли публикации в российских газетах.

Многие российские дипломаты, понимая, насколько губительна российская политика в отношении военнопленных, были вынуждены действовать на свой страх и риск. МИД негласно поощрял инициативы своих заграничных представителей по организации частных структур

[2531] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 4343. Обмен военнопленных. Черногорцы. Л. 2.

[2532] Там же. Л. 1.

[2533] *Карелин В.А*. Указ. соч. С. 93.

помощи военнопленным, причем как русским, так и сербам. Различия не делались. С одной стороны, это, несомненно, говорит об искреннем отношении к братскому народу, а с другой – не дает в полной мере оценить объемы помощи, что и для кого делалось. Оценку деятельности в этом направлении затрудняет малочисленность обнаруженных документов.

28 февраля (9 марта) 1915 г. под председательством супруги российского посланника Александры Адамовны Бахерахт был образован Русский в Берне Комитет помощи военнопленным. Основной целью организации было «снабжение русских и сербских военнопленных, содержащихся в Австро-Венгрии и Германии бельём, одеждой, обувью и пищевыми продуктами»[2534]. Этому шагу предшествовало одобрение С.Д. Сазонова. В телеграмме в миссию от 25 февраля (8 марта) 1915 г. министр посчитал нужным отметить, что деятельность комитета «должна носить совершенно частный характер, так как по разного рода соображениям, оказание официальной помощи, равно как и кормление наших военнопленных в неприятельских странах не желательно»[2535].

Эта организация имела два основных источника финансирования: пожертвования русских подданных, проживающих в Швейцарии, и ежемесячную субсидию в 100 000 франков Комитета по организации помощи русским военнопленным во вражеских странах, находившегося под покровительством императрицы Александры Федоровны (по представлению начальника санитарной и эвакуационной части Генерального штаба герцога А.П. Ольденбургского)[2536]. Кроме того, Русскому в Берне Комитету помощи военнопленным на ведение уставной деятельности было выделено единовременное пособие в 180 000 франков. Средства поступали на имя посланника в Берне на специальный счёт в банке, затем выдавались (по мере надобности) управляющему организацией камергеру А.А. Березникову[2537]. В 1915 г., кроме обычной субсидии, Русский в Берне комитет получил пожертвования, собранные на различных благотворительных мероприятиях жёнами российских послов в Париже (20 450 франков) и Лондоне (20 617 франков)[2538].

Не имея юридической возможности действовать самостоятельно, организация установила контакты с другими аналогичными частными структурами. Исполнительным органом Русского

[2534] АВПРИ. Ф. 168. Оп. 843/2. Д. 355. Л. 171.

[2535] Там же. Л. 101.

[2536] В июле 1915 г. по Высочайшему разрешению приступил к деятельности находившийся под покровительством императрицы Александры Федоровны Комитет помощи русским военнопленным во вражеских странах под председательством Н.Д. Голицына.

[2537] АВПРИ. Ф. 168. Оп. 843/2. Д. 355. Л. 123.

[2538] АВПРИ. Ф. 168. Оп. 843/2. Д. 355. Л. 109.

в Берне комитета помощи военнопленным стал русский отдел Бернского бюро помощи военнопленным.

Частная организация «Бернское бюро помощи военнопленным» (первоначально только французским и бельгийским) была создана профессором права Леоном Пуанкаре и супругой французского военного агента в Швейцарии в ноябре 1914 г. Затем были созданы русский, английский, сербский отделы, пользовавшиеся полной самостоятельностью. В случае необходимости они координировали свои действия по взаимному соглашению между собой. Русский отдел взял на себя помощь 800 000 пленных, франко-бельгийский – 50 000, английский – 30 000, сербский – 40 000. Особенностью этой организации было установление прямых контактов с германскими военными властями и общение с военнопленными через специальных нейтральных делегатов (как правило, швейцарцев, проживающих в Германии). Бюро также добивалось определенных услуг для германских военнопленных на началах взаимности. Русский отдел занимался по директивам и под контролем Комитета приобретением и пересылкой предметов питания и одежды в лагеря, где сами пленные (через особых выборных) распределяли полученное среди нуждающихся[2539]. За первый год своего существования Русский в Берне Комитет помощи военнопленным оказал помощь в 160 лагерях, где содержалось 400 000 пленных[2540]. Большинство из них так и не узнало, от кого получило помощь.

В ноябре 1915 г. Н.К. Козаковской, женой адъютанта роты дворцовых гренадер полковника Козаковского, постоянно проживавшей в Швейцарии, был образован Лозаннский комитет помощи русским и сербским военнопленным в Австро-Венгрии. Среди жертвователей в кассу Комитета были американцы русского происхождения М. Оберутчев, М. Степанов (редактор американской газеты «Русская земля»), Общество друзей русских военнопленных в Нью-Йорке и другие. Однако финансовую стабильность и, следовательно, систематическую деятельность русской благотворительной организации могло обеспечить только высокое покровительство. Поэтому в начале декабря было подано прошение Комитет по оказанию помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах о принятии организации под покровительство императрицы Александры Федоровны в.

17 декабря 1915 г. на заседании ГУ РОКК было заслушано это ходатайство, но имеющихся данных посчитали недостаточными для принятия решения. Поэтому обратились к В.Р. Бахерахту за дополнительной информацией[2541]. Ответ из миссии гласил, что это маленькая организация, имеющая оборот не больше 1 000 франков в месяц. Поэтому посланник посчитал, что

[2539] АВПРИ. Ф. 168. Оп. 843/2. Д. 355. Л. 129-130.

[2540] Там же. Л. 110 об.

[2541] Там же. Л. 32-33.

достаточных оснований для присвоения августейшего имени нет. Относительно денежной помощи Лозаннскому комитету Бахерахт написал, что таковая, «в малом размере, например, 1 000 – 1 500 франков, была бы целесообразной по следующим соображениям: состав комитета вполне надежный, и он мог бы вокруг себя группировать многих русских»[2542].

Сохранился отчет Лозаннского комитета с ноября по 31 декабря 1915 г., из которого видно, что основных статей расходов было три: на русских и сербских военнопленных и сербских беженцев. Деньги тратились, в основном, на продукты, табак, упаковку и отправку вещей. За месяц было израсходовано 1 518.98 франков. Бюджет формировался за счёт пожертвований, членских взносов, доходов от лотереи и любительского спектакля[2543]. Аналогичная организация была образована и в Цюрихе.

Благодаря деятельности русских организаций в лагерях военнопленных в российской прессе стало больше информации. Об ужасном, плачевном положении сербских военнопленных в лагере Ламсдорф впервые стало известно в феврале 1916 г. из газеты «Новое время», где, со ссылкой на Русский комитет помощи военнопленным в Стокгольме[2544], было написано следующее: «… несчастные совершенно разорены. Родина разгромлена, с нею порвана всякая связь и люди умирают от лишений, в том числе в моральном одиночестве». Призывая жертвовать в пользу сербских беженцев, газета писала, что «… великая Россия, несомненно, окажется великодушной: выше головы залитая своим горем, она, несомненно, сумеет обласкать осиротевших птенцов из разоренного гнезда»[2545]. Автор заметки проинформировал, что сбор средств для пленных сербов взяло на себя Всероссийское общество помощи военнопленным, находившееся под председательством княгини О.В. Палей, морганатической супруги великого князя Павла Александровича. Данные о результатах этого сбора обнаружить не удалось.

Кроме сборов пожертвований, российские власти давали разрешение на транзит гуманитарных грузов по своей территории. Так, 17 мая 1916 г. от сербской миссии в Лондоне в МИД пришло сообщение, что сербский Релиф-фонд планирует отправку в Болгарию через Россию и Румынию одежду для военнопленных сербов, в количестве около 30 000 пакетов, которые будут поставлены партиями. Первая половина должна была отправиться во второй половине июня. В связи с этим сербское правительство ходатайствовало о бесплатном провозе

[2542] Там же. Л. 32.

[2543] Там же. Л. 39.

[2544] Русский комитет помощи военнопленным в Стокгольме был образован в августе 1914 г. по инициативе российского посланника с целью помощи русским, застигнутым войной заграницей. Председателем организации стала супруга посланника Н.В. Неклюдова.

[2545] Новое время. 1916. 9 (22) февраля. С. 5.

этого груза через Россию[2546]. Судя по всему, по нему было принято положительное решение, так как 24 мая 1916 г. Второй политический отдел просил сербскую миссию уведомить, через какую таможню планируется ввоз пакетов с одеждой для военнопленных сербов в Болгарии[2547].

В мае 1916 г. княгиня Елена Петровна, приняла решение подготовить и отправить в Австрию 750 продовольственных подарков пленным сербам, но вскоре это количество было увеличено до 900. Каждый пакет включал в себя 3 фунта сахара, полфунта кофе, колбасу и сухари. Собрать эти подарки было нелегким и довольно долгим делом из-за нарастающих проблем с продовольствием для фронта. Значительную финансовую поддержку этому проекту оказало казанское отделение «Зелёного Креста»[2548].

В июле 1916 г. редакция газеты «Новое время» опубликовала информацию уполномоченного Всероссийского Земского Союза П.М. Новоселова об ужасном положении сербских военнопленных и насильно выселенного гражданского населения в Австро-Венгрии. Новоселов указал на крайнюю желательность посещения русскими сёстрами милосердия лагеря Нейзидлер, где содержались сербские военнопленные. По его данным, там ежедневно умирало от голода и болезней до 60 человек. Уполномоченный Земского Союза высказал мнение, что «долг союзников, нравственный долг – позаботиться о сербских пленных»[2549].

Одним из первых на этот призыв откликнулся Петроградский городской комитет по оказанию помощи Сербии, заготовивший и передавший тёплые вещи на сумму 15 605 руб. сербским пленным через Шведский Красный Крест[2550].

Организуя в августе 1916 г. поездку сестры милосердия Кауфманской общины В.Е. Масленниковой в лагеря военнопленных в Австро-Венгрии, ГУ РОКК снабдило ее 5 000 руб. для русских и 500 руб. для сербских военнопленных[2551].

К концу года публикации о бедственном положении сербских военнопленных стали регулярными. Заинтересованных читателей информировали и о предпринятых шагах с целью облегчения их участи.

В сентябре 1916 г. Особый комитет помощи военнопленным РОКК получил уведомление от Сербского общества Красного Креста, что им открыто в Женеве Справочное бюро о военнопленных сербах, водворенных во вражеских странах. Это бюро принимало на себя все

[2546] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8747. Бесплатный провоз 30 000 пакетов с одеждой для военнопленных сербов в Болгарии через Россию и Румынию (пожертвованы Релиф-фондом). 1916. Л. 1.

[2547] Там же. Л. 3.

[2548] РГИА. Ф. 434. Оп. 1. Д. 89. Л. 7-8, 11.

[2549] Новое время. 1916. 19 июля (1 августа). С. 5.

[2550] Там же. 28 февраля (12 марта). С. 6.

[2551] Правительственный вестник. 1916. 6 (19) августа. С. 3.

функции, связанные с положением военнопленных сербов[2552]. Тем не менее, российское общество продолжали волновать гуманитарные проблемы балканских союзников, что видно как по газетным публикациям того времени, так и конкретным шагам, предпринимаемым для их облегчения положения этой категории пострадавших от военных действий.

«Русский инвалид», со ссылкой на сербского консула М. Цемовича, в ноябре 1916 г. сообщил о невыносимом положении сербов и черногорцев, находившихся в лагерях военнопленных в Венгрии. Интернированные обратились с протестом к швейцарскому правительству и «умоляют о высылке денег, одежды, обуви, хлеба. Многие умирают от голода»[2553].

В том же месяце «Петроградские ведомости» передали данные полевой канцелярии протопресвитера военного и морского духовенства при Штабе Верховного главнокомандующего (со ссылкой на возвратившегося из плена священника Александра Горбацевича) о тяжелом положении сербов в Чехии. Газета сообщила, что ГУ РОКК постановило возбудить перед Обществами Красного Креста Франции и Великобритании ходатайства об оказании помощи сербским военнопленным[2554].

Различные общественные организации в России также стремились внести свою лепту в дело помощи военнопленным. Но чем дольше длилась война, тем меньше у них было возможностей для сбора средств на благотворительные программы. Соответственно сокращались и объемы деятельности. Однако попыток они не оставляли, хотя и с разной степенью успешности. Вот только несколько фактов.

В конце 1916 г. Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество ассигновало 1 000 крон в Русский комитет в Стокгольме «на покупку белья и съестных припасов пленным сербам в лагере Галле»[2555].

5 февраля 1917 г. Русско-Сербское общество (председатель Правления В.И. Ковалевский, председатель Совета граф М.М. Перовский-Петрово-Солововo) направило письмо московскому городскому голове М.В. Челнокову с просьбой ассигновать средства на помощь сербским военнопленным. Письмо было разослано членам соединенного совещания Московской городской думы 24 апреля 1917 г.[2556]. Какова была реакция на это письмо, не установлено.

В сентябре 1917 г. предводитель дворянства Елисаветградского уезда барон М.П. Медем доложил княгине Елене Петровне об итогах кружечного сбора, произведенного 16 мая того же

[2552] Вестник Красного Креста. 1916. № 7. С. 2389.

[2553] Русский инвалид. 1916. 12 ноября. С. 4.

[2554] Петроградские ведомости. 1916. 6 (19) ноября. С. 3.

[2555] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 2. Д. 144. Л. 2 об.

[2556] ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 3. Д. 251. Л. 2.

года в пользу сербских и черногорских военнопленных. За вычетом расходов, было собрано 2 434 руб. 48 коп.[2557].

Такие объемы помощи, конечно, не могли существенно поправить положение сербских военнопленных. Поэтому сербские власти постоянно обращались по этому вопросу к российским государственным и общественным организациям и, прежде всего, в МИД и РОКК.

9 июня 1916 г. С.Д. Боткин, начальник Отдела о военнопленных МИД, в письме председателю РОКК А.А. Ильину сообщил, что «германское правительство, принимая к сведению соглашение наше на командирование сестёр милосердия в сопровождении делегатов датского Красного Креста для осмотра лагерей военнопленных, возбудило вопрос о предоставлении этим сёстрам права осматривать все лагеря в пришедшемся на долю каждой сестры округа без различия национальности водворенных там военнопленных»[2558]. С. Д. Боткин заметил, что среди них больше всего в помощи нуждались сербы[2559]. Таким образом, русским сёстрам милосердия было предоставлено право при осмотре оказывать посильную помощь находящимся в плену в Германии и Австро-Венгрии воинам наших союзников. В сообщении об этом соглашении, опубликованном в «Русском инвалиде», подчеркивалось, что отказать сербам «в посильной помощи было бы совершенно невозможно»[2560].

11 октября 1916 г. сербская миссия в Петрограде передала в МИД сообщение сербского правительства, что оно регулярно получает сведения о постоянном ухудшении положения сербских пленных в Германии, Австро-Венгрии и Болгарии. Власти Сербии неоднократно пытались через представителей держав, которым вверена защита интересов Сербии[2561], изменить это положение, но серьезных результатов достичь не удалось.

Сербское правительство обратилось к России с просьбой «смотреть на сербских пленных как на своих и принять меры к улучшению положения военнопленных сербов наравне с русскими»[2562]. На этом прошении чиновником МИД была сделана карандашная пометка, что необходимо сообщить сербской миссии, что «нашим сёстрам, командированным в Германию и Австро-Венгрию поручено также посетить сербских пленных и оказать им посильную помощь»[2563].

[2557] ГА РФ. Ф. 659. Оп. 1. Д. 77. Л. 4.

[2558] АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 1604. Л. 44.

[2559] Там же. Л. 44 об.

[2560] Русский инвалид. 1916. 13 июня. С. 4.

[2561] США представляли интересы Сербии в Германии и Турции, Испания – в Австро-Венгрии, Голландия – в Болгарии. // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 1950. С. 117.

[2562] Там же. Ф. 160. Оп. 708. Д. 1602. Л. 47.

[2563] Там же. Д. 1604. Л. 47.

Используя полученную информацию, 12 декабря 1916 г. товарищ министра иностранных дел А.А. Половцев обратился к исполняющему обязанности начальника Генерального штаба по отделу эвакуационному и заведованию военнопленными Аверьянову с пожеланием о командировании сестёр милосердия РОКК в Германию и Австрию для посещения военнопленных сербов. 19 декабря МИД был проинформирован, что соглашение между Россией и Германией на этот счёт уже есть[2564].

В тот же день А.А. Половцев обратился к Председателю РОКК Ильину с просьбой сообщить, состоялись ли посещения нашими сёстрами военнопленных сербов в Германии и Австро-Венгрии, а также доставить сведения об их положении[2565]. Из ГУ РОКК ответили, что посещение сербов было решено «отложить до следующей поездки русских сестёр милосердия в Германию и Австро-Венгрию»[2566]. (Последующие события не позволили ГУ реализовать эти намерения).

«Новое время» в конце декабря 1916 г. опубликовало статью, в которой призывало Российское общество Красного Креста распространить свою деятельность на военнопленных сербов Австро-Венгрии[2567]. За несколько дней до этого, 15 декабря 1916 г. сербское правительство обратилось в РОКК с просьбой при посредстве нейтральных государств оказать помощь голодающему населению Сербии и Черногории и военнопленным в концентрационных лагерях Австро-Венгрии и Германии. Расходы просили отнести на свой счёт[2568]. РОКК признал возможным распространить свою деятельность на сербских военнопленных.

Учитывая неотложность ситуации, Первый департамент МИД подготовил и 30 ноября 1916 г. передал в Департамент гражданской отчетности пакет документов и проект записки в Совет министров об отпуске министерству иностранных дел 940 000 руб. «на оказание помощи находящимся во вражеском плену чинам сербской армии и интернированным в неприятельских странах сербским подданным»[2569]. Это ходатайство было рассмотрено 14 декабря 1916 г. на Междуведомственном совещании для предварительного рассмотрения представлений гражданских ведомств об ассигновании чрезвычайных сверхлимитных кредитов на расходы военного времени[2570]. 5 января 1917 г. товарищ министра финансов Кузьминский сообщил А.А. Половцеву о положительном решении вопроса. 4 февраля 1917 г. Совет министров утвердил это

[2564] Там же. Д. 1602. Л. 46.

[2565] Там же. Л. 48-48 об.

[2566] АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 1604. Л. 46 об.

[2567] Новое время. 1916. 24 декабря (6 января 1917). С. 4.

[2568] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 41-45.

[2569] АВПРИ. Ф. 159 (ДЛС и ХД). Оп. 750. Д. 205. Л. 1.

[2570] Там же. Л. 2.

решение. Деньги, перечисленные в МИД, были отправлены в распоряжение российского посольства в Париже[2571]. Отчет о расходовании средств не обнаружен.

Таким образом, основная тяжесть организации помощи сербским военнопленным: создание соответствующих структур, установление контактов между ними и с международными благотворительными организациями, пересылка военнопленным через третьи страны писем родных, сбор пожертвований и пр. легла на общественные и частные организации, как в России, так и за рубежом. Особенности русской политики в отношении военнопленных не позволяла общественным и частным организациям действовать напрямую, приходилось искать союзников в уже существующих европейских структурах, в основном, в нейтральных странах. Государственные структуры подключились к этому процессу только в конце 1916 г., но из-за последовавших революционных событий им не удалось в полной мере реализовать принятые решения.

§ 3.4. Содействие в оказании помощи населению оккупированных Сербии и Черногории

Масштабное отступление сербской армии осенью 1915 г. породило проблему помощи оккупированному населению Сербии.

Одна из первых инициатив исходила от нидерландского МИД. В связи с тем, что французское правительство предоставило в распоряжение нидерландской миссии в Софии возобновляемый кредит в 20 000 франков на оказание помощи французам, оказавшимся на территории Болгарии в момент начала военных действий, то возникла мысль об аналогичном кредите «в пользу бедствующих сербов, высылаемых болгарским правительством из оного места жительства на другое»[2572]. Нидерландский поверенный в делах Шмольк обратился к представителям России, Франции и Великобритании выделить на эти цели по 6 000 франков. Об этом предложении в пользу сербов российский посланник в Гааге А.Н. Свечин сообщил в МИД 17 (30) ноября 1915 г., прибавив при этом, что итальянский посланник сообщил об этой инициативе в Рим «по собственному почину на случай, если его правительство пожелает присоединиться»[2573].

Первыми откликнулись в Лондоне. Телеграмма А.Н. Свечина от 28 ноября (11 декабря) 1915 г. гласила, что «английский посланник уполномочен выплатить сегодня здешнему МИД 6 000 франков как долю Англии в просимом коллективном кредите на помощь сербам в Болгарии»[2574].

[2571] Там же. Л. 20, 20 об.

[2572] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8706. 6 00 франков для оказания помощи бедствующим сербам, высылаемым болгарским правительством. 1915. Л. 1.

[2573] Там же.

[2574] Там же. Л. 3.

Российскому МИДу понадобилось почти полтора месяца, чтобы согласовать эту инициативу. Прежде всего, 1 декабря 1915 г. было отправлено соответствующее письмо министру финансов, ответ от которого пришел через неделю и гласил, что «со стороны министерства финансов препятствий не встречается»[2575]. 17 декабря был уведомлен председатель Совета министров И.Л. Горемыкин. Ответ от него был получен 26 декабря: «Совет министров, обсудив в заседании 22 декабря 1915 г. … вопрос об открытии нидерландскому поверенному в делах в Болгарии причитающегося на долю России кредита в 6 000 франков для оказания помощи бедствующим сербам, высылаемым болгарским правительством, не встретил принципиальных возражений… с тем, чтобы соответствующие суммы испрашивались… по соглашению вверенного Вам ведомства с министерством финансов»[2576]. По итогам этих согласований товарищ министра иностранных дел А.А. Нератов отправил 30 декабря 1915 г. телеграмму послу А.П. Извольскому в Париж: «Совет министров не встретил возражений к осуществлению означенной меры по основаниям, установленным Парижским соглашением министров финансов. Вследствие сего благоволите сделать зависящие распоряжения и о последующем уведомите»[2577]. Таким образом, Россия присоединилась к инициативе нидерландской миссии в Софии и внесла свою лепту в помощь сербам, выдворяемым из столицы болгарскими властями в связи с началом военных действий.

Чем дольше длилась оккупация, тем больше социальных проблем она порождала. Большинство из них решить было непросто, так как предпринимаемые сербским правительством усилия натыкались на противодействие со стороны союзников. Разделяя их вполне оправданные опасения о возможности использования противником гуманитарной помощи для решения своих проблем, российское правительство всё же считало необходимым прийти на помощь сербскому населению, постоянно ориентируя своих дипломатических представителей на поиск взаимоприемлемых решений.

7 января 1916 г. австро-венгерская оккупационная зона была объявлена военным генерал-губернаторством. К Австро-Венгрии отошла часть территории к западу от реки Моравы, а к Болгарии – к востоку. Белград был выделен в особый район, подчинявшийся военному генерал-губернатору. С первых же дней оккупанты приступили к экономическому разграблению страны, расхищению ее природных богатств. Оккупированная Сербия была отрезана от сопредельных государств, что крайне затрудняло организацию помощи.

[2575] Там же. Л. 7-8.

[2576] Там же. Л. 10.

[2577] Там же. Л. 6.

Тяжелому положению населения оккупированной Сербии посвящали свои статьи многие зарубежные и российские издания в течение всего 1916 г., формируя общественное мнение и стимулируя союзников к действиям. Большинство публикаций оценивали ситуацию как гуманитарную катастрофу.

В начале января 1916 г. «Московские ведомости» отметили, что болгары «систематически уничтожают все следы сербской истории», сжигают архивы. Картину дополняли тиф и оспа, большая смертность среди детей, переполненные ранеными и больными госпитали, острая нехватка медицинского персонала[2578].

«Daily Telegrath» в это же время писала, что «германские власти не разрешают выезжать из пределов Сербии решительно никому, даже подданным нейтральных стран»[2579]. «Journal de Geneve» обратил внимание читателей, что «положение местного населения Сербии ужасно», «смертность … ужасающая», «нужда царит неслыханная». Автор статьи подчеркивал, что австро-германские власти не ограничивались конфискацией всех съестных припасов, меди и золота: они сгоняли всё трудоспособное население страны до 55-летнего возраста на принудительные работы. 30 января 1916 г. «Petit Parisien» оценила санитарное состояние Сербии «ниже всякой критики», заметив, что «народная нищета не поддается описанию»[2580].

Как только сербская армия достигла берегов Греции, сербское правительство поручило своему посланнику М. Спалайковичу обратиться к императорскому правительству с призывом помочь населению Сербии, оккупированному неприятелем.

4 января 1916 г. российский министр иностранных дел направил секретную телеграмму послам в Париж и Лондон, в которой сообщил о просьбе сербского посланника о безотлагательной отправке продовольствия оставшемуся в Сербии населению, которому грозил голод из-за австро-германских реквизиций. В том числе прощупывалась почва относительно возможности допуска нейтральных комитетов «к оказанию помощи жителям Сербии, если будут предоставлены все обеспечения, что продовольствие поступит исключительно в руки сербов, и что местные продукты не будут вывозиться»[2581]. Российский министр подчеркнул важность задачи: «Полагая невозможным, чтобы союзники покинули на произвол судьбы сербов, я считаю, что нашей неотложной заботой должна быть доставка им продовольствия. Необходимое количество хлеба могло быть заимствовано из купленного союзниками зерна в Румынии и доставлено в Прахово при выполнении вышеупомянутых условий»[2582].

[2578] Московские ведомости. 1916. 2 января. С. 3.

[2579] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 355. Л. 42.

[2580] Там же. Л. 47-48.

[2581] Там же. Ф. 151. Оп. 482. Д. 8730. Л. 3.

[2582] Там же.

В ответной телеграмме от 16 (29) января 1916 г. российский посол в Лондоне А.К. Бенкендорф сформулировал позицию союзников по этому вопросу. В частности, он писал: «Вполне разделяя Ваше мнение о желательности прийти на помощь бедствующему населению Сербии, английское, французское и итальянское правительства считают, что с допущением и поощрением ввоза продовольствия из нейтральных стран следует повременить, впредь до получения от неприятеля, на обязанности которого лежит забота о прокормлении населения занятых им областей, определенных гарантий, что он прекратит временно отправление провианта из Сербии и не присвоит себе поступающих извне запасов. Нужно также сначала заручиться организацией в Сербии, стоящего вне контроля неприятеля учреждения для распределения провианта»[2583].

Понимая и разделяя опасения союзников, российский МИД не собирался сдаваться и продолжал искать выход из создавшегося положения. В этой ситуации особые надежды российское внешнеполитическое ведомство возлагало на нейтральные государства.

Это убеждение поддерживалось российским обществом. «Новое время» писало, что державы Согласия вынуждены молча смотреть, как «немцы вывозят остатки хлеба [из Сербии], обрекая население на смерть. Державы Согласия не могут помешать этому злодейству – всякий фунт хлеба, отправленный на помощь населению, будет захвачен немецкими властями. Единственный путь – нейтральные державы, которые должны сказать свое слово»[2584].

28 января (10 февраля) 1916 г. МИД получил телеграмму российского посланника в Швейцарии В.Р. Бахерахта с информацией о создании в Женеве Комитета помощи сербскому гражданскому населению. В частности, он сообщил, что «предоставленные сербским генеральным консулом в Швейцарии сведения из Сербии, что население там буквально умирает с голоду, всё съедобное взято австро-германскими войсками, а за деньги ничего достать нельзя, побудили известного швейцарского деятеля Навиля организовать под своим председательством Швейцарский Комитет помощи сербам. Комитет получил содействие швейцарского правительства. Организация предполагает отправлять в Сербию продовольствие. Поезда предполагалось сопровождать до Белграда швейцарским унтер-офицером, а затем особая комиссия из нейтральных представителей займется распределением помощи»[2585]. Посланник подчеркнул, что Швейцарский комитет обладает скромными средствами, поэтому руководство организации предложило союзникам направлять на эти цели пожертвования из Лондона и

[2583] Там же. Л. 6.

[2584] Новое время. 1916. 31 июля (13 августа). С. 3.

[2585] Там же. Л. 7.

Парижа. В.Р. Бахерахт посчитал, что предложенный швейцарцами путь «представляет гарантию, что припасы не будут захвачены австро-германцами»[2586].

Отделения Швейцарского комитета были открыты в Берне, Базеле, Фрибурге, Лозанне, Цюрихе и т.д. Целью организации стало снабжение продовольствием голодающего населения Сербии. Средства Комитета состояли из собранных по подписке денежных и вещевых пожертвований в Швейцарии и других странах. С.Д. Сазонов 31 января 1916 г. отправил запрос в Лондон, считает ли английское правительство образование данного комитета достаточным обеспечением для принятия мер по существу его телеграммы от 4 января 1916 г.[2587] По-видимому, российскому послу понадобилось провести не одну консультацию, так как ответил он только через две недели.

13 (26) февраля 1916 г. А.К. Бенкендорф сообщил в МИД позицию английского правительства. Оно считало возможным осуществить предложенные меры только при условии создания в Сербии соответствующей независимой от неприятеля организации, которая могла бы обеспечить прекращение вывоза немцами продуктов из Сербии и реквизицию ввозимых. Кроме того, российский посланник передал мнение министра иностранных дел сэра Эдварда Грея, что Швейцарский Комитет этим условиям не удовлетворяет и «не обнаруживает склонности им удовлетворять». Подводя итоги, А.К. Бенкендорф заметил, что «английское правительство не может пока согласиться на доставление продуктов в Сербию, которые бы только заменили вывезенные немцами»[2588].

В этой ситуации свою помощь предложили американцы. Более того, они предварительно предприняли некоторые шаги, чтобы эта помощь была принята. Дело в том, что Американский Красный Крест уже имел опыт подобных миссий, несмотря на некоторые проблемы с германскими властями[2589].

11 (24) февраля 1916 г. С.А. Поклевский-Козелл, российский посланник в Бухаресте, проинформировал МИД (со ссылкой на американского коллегу), что «американское правительство получило от австрийского и германского правительств полные гарантии, обеспечивающие невозможность использования австро-германцами купленного в Румынии американским Красным Крестом хлеба для раздачи населению Сербии. Посланник одновременно сообщил мне, что помянутый хлеб пока еще находится в Турн-Северне»[2590].

[2586] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 8730. Л.7.

[2587] Там же. Л. 8.

[2588] Там же. Л. 13.

[2589] Там же. Л. 11.

[2590] Там же.

Основываясь на этой информации, 5 февраля 1916 г. А.А. Нератов отправил посланнику С.А. Поклевскому-Козелл в Бухарест телеграмму, что сербское правительство получило в Румынии хлеб для нужд населения. Товарища министра интересовало, на каких условиях была совершена эта сделка и имеет ли предполагавшийся контроль американского посланника в Бухаресте характер, обеспечивающий невозможность использования этого хлеба немцами. Одновременно была отправлена телеграмма в Лондон с запросом, как британское правительство относится к ходатайству сербского премьер-министра о пропуске в Сербию ста вагонов хлеба на прежних условиях[2591].

Сербское правительство обратилось в американскую миссию в Греции с просьбой командировать доктора Эдварда Райана (в феврале 1916 г. он находился в Афинах) в качестве уполномоченного Американского Красного Креста и Комитета помощи сербскому гражданскому населению[2592]. Эта кандидатура не была случайной. В конце 1914 – октябре 1915 гг. он возглавлял санитарную миссию Американского Красного Креста, размещавшуюся в здании Главного Военного госпиталя в Белграде. Американская, а затем и сербская печать, прославляли Райана как «спасителя Белграда», прежде всего за то, что во время бомбардировок он на больничном автомобиле объезжал разрушенный город, подбирал раненых и доставлял их в лечебные учреждения города. Доктор Райан был известен также своей дипломатической деятельностью. Во время оккупации Белграда в конце 1914 г., а также после отступления сербского войска в октябре 1915 г., когда в городе не было ни местной власти, ни дипломатических представителей, он выступал в качестве американского консула, взяв под защиту гражданское население. Своей самоотверженной деятельностью заслужил личную благодарность сербского престолонаследника Александра.

17 февраля (1 марта) 1916 г. российский посланник в Греции сообщил, что «правительство США не усматривает препятствий к упомянутой командировке, но желало бы заручиться общим одобрением союзников»[2593].

Г.Н. Трубецкой, находившийся в тот момент на Корфу, просил поддержать перед американским правительством просьбу о посылке в Сербию доктора Райана. Кроме того, он считал существенным, «если бы американцам удалось добиться от неприятеля некоторых гарантий, что посылаемое продовольствие попадет к населению и что этой посылкой неприятель

[2591] Там же. Ф. 151. Оп. 482. Д. 4053. Л. 2,3.

[2592] Там же. Л.1, 4.

[2593] Там же. Л. 4.

не воспользуется для реквизиции последних средств, еще оставшихся может быть кое-где у населения»[2594].

По инициативе доктора Эдварда Райана Швейцарский Комитет помощи сербскому гражданскому населению обратился к американскому правительству с просьбой оказать содействие в организации нейтральной комиссии (по образцу существующей в Бельгии) для раздачи помощи сербскому населению в занятых австро-германскими войсками областях[2595].

Сербское правительство, со своей стороны, было готово использовать любую возможность. В телеграмме, отправленной с Корфу 11 февраля 1916 г., Н. Пашич сообщил посланнику Спалайковичу, что «господин Хувер[2596], занимающийся распределением продовольствия жителям Бельгии, согласился бы заняться распределением продовольствия населению Сербии»[2597].

Необходимыми условиями для такой помощи были: официальная просьба держав Согласия об организации этой деятельности, ее гарантированное ежемесячное обеспечение и разрешение Австрии, Болгарии и, может быть, Германии, на право посещения Гувером Сербии для занятия этим делом, которое могло быть получено через какое-нибудь нейтральное государство, например, США.

В решении этой непростой задачи Сербия рассчитывала на дипломатическую поддержку России. Сербское правительство потребовало от своего представителя в Петербурге ходатайствовать перед императорским правительством, чтобы Сербии была оказана помощь, так же, как и Бельгии. Никола Пашич предполагал, что гарантиями того, что продовольствие будет выдано только нуждающемуся населению, могут послужить те, «которые служили для Бельгии и Польши»[2598].

В марте 1916 г. в Берн прибыл статс-секретарь сербского МИД Славко Груич для решения вопроса об организации продовольствия для населения Сербии со швейцарским

[2594] Там же. Л. 5.

[2595] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8730. Л. 2.

[2596] В русской транскрипции Гувер. Герберт Кларк Гувер (1874-1964; в 1929-1933 - Президент США) был преуспевающим горным инженером. Вскоре после начала Первой мировой Гувер возглавил нейтральную комиссию помощи Бельгии (КПБ), в задачу которой входило оказание продовольственной помощи жителям оккупированной страны. Деятельность КПБ, получавшей финансирование от США, Великобритании и Франции, стала новым этапом в истории благотворительности, выведя ее на иной и количественный и качественный уровень. Именно участие в международной гуманитарной деятельности позволило Гуверу сделать успешную политическую карьеру. / *Аншакова Ю.Ю.* Гуманитарная миссия АРА в Советской России: начало взаимодействия. // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. № 2. Т.11. С.112-117.

[2597] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 8730. Л. 14.

[2598] Там же.

правительством[2599]. В телеграмме от 5 (18) марта 1916 г. посланник В.Р. Бахерахт проинформировал о проведенных С. Груичем консультациях со швейцарским МИД и английским посланником, а также о готовности Швейцарии помочь продовольствием.

Российский посланник обратил внимание МИД, что гарантию, которую требует Англия, получить невозможно. И, со ссылкой на статс-секретаря Груича, еще раз напомнил, что «положение сербского населения трагическое, нужна немедленная помощь, так как австрийцы и болгары пользуются нынешним положением для систематического истребления населения Сербии, спасти которое могут лишь союзники»[2600].

Славко Груич попросил у российского посланника содействия императорского правительства в получении разрешения Англии «в виде опыта» на предложенную швейцарским правительством отправку нескольких вагонов под охраной швейцарских офицеров и распределение продовольствия в Белграде под контролем и ответственностью швейцарского консула. Статс-секретарь Груич проинформировал, что на такой эксперимент есть согласие австро-германских властей[2601]. Российский МИД сделал всё возможное и невозможное, чтобы эта отправка состоялась.

Как только сведения об образовании Швейцарского Комитета стали известны в России, Русско-Сербское общество обратилось с ходатайством к швейцарскому правительству, чтобы оно добилось разрешения австро-германских властей на доставку в Сербию и раздачи «несчастным сербским детям, женщинам и старикам» продовольствия, одежды, белья и прочего, сбор которых был к тому времени был начат в России. По информации «Вечернего времени» от 26 января (8 февраля) 1916 г. в Правление и Совет названного общества поступило официальное сообщение швейцарского посланника в России господина Одье, что данное ходатайство было передано по назначению. Швейцарский посланник выразил «надежду на успех этой попытки прийти на помощь мирному населению Сербии»[2602].

По данным российских дипломатов (на конец 1916 г.) Швейцарский комитет помощи гражданскому населению Сербии отправил в Белград в два приема 271 посылку общим весом в 17 000 килограмм и стоимостью в 25 000 франков. Первый транспорт прибыл в Белград в марте 1916 г., а второй - 7 июля. Было доставлено 35 600 кг продовольствия, белья, обуви и пр., во второй раз – 48 500 кг[2603].

[2599] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 4054. Л. 3.

[2600] Там же. Л. 5.

[2601] Там же.

[2602] Вечернее время. 1916. 26 января (8 февраля). С. 3.

[2603] АВПРИ. Ф. 168. Оп. 843/2. Д.356. Л.127 об.

Большая часть помощи распределялась в Белграде особой благотворительной комиссией, в состав которой вошли сербские граждане и представители австрийского генерал-губернаторства. Комиссия пришла на помощь 2 225 сербским семьям. Кроме того, комитетом в Румынии было закуплено мясо и кукуруза, которые были розданы населению провинции[2604].

Для организации помощи сербским подданным, Сербский Красный Крест сделал попытку использовать авторитет МККК, отправив через него в марте 1916 г. письмо в Болгарский Красный Крест. Ответ от адресата был получен спустя несколько месяцев и опубликован в российской прессе: «Мы получили из Женевы письмо Сербского Красного Креста от 31 марта, в котором нас просят переслать им полные списки военнопленных и штатских сербских подданных, задержанных в Болгарии, и уведомить их о судьбе корреспонденции и денег, пересылаемых жителям бывшей Сербии. Мы были бы вам очень благодарны, если бы вы соблаговолили уведомить лиц, подписавшихся от имени Сербского Красного Креста, что мы не в состоянии корреспондировать с ними или давать им какие-либо сведения о жителях бывшей Сербии, которые теперь являются болгарскими подданными и подчиняются болгарским законам»[2605].

Российская общественность, конечно, и не догадывалась о тех усилиях, которые прилагала дипломатия, чтобы решить вопрос помощи оккупированному населению.

К середине года ситуация в оккупированной Сербии только ухудшилась. 13 мая 1916 г. румынский «Journal des Balkans» рисовал страшные картины: «Голод среди обывателей Белграда возрастает. Из Землина ежедневно доставляется на баржах хлеб. Хлебцы весом приблизительно в два фунта стоят пять руб.[2606] австрийскою валютою и по 20 франков сербскою. Прибытия этих барж уже с самого рассвета ожидают на берегу Дуная тысячи сербских женщин и детей. Мясо самого низкого сорта стоит пять руб. за фунт, куриное яйцо – 30 копеек, сажень дров около 100 руб. Керосина совершенно нет, масло можно достать лишь в исключительных случаях. Холера и другие эпидемии распространяются с ужасающей быстротой»[2607].

«Temps» со ссылкой на донесения корреспондентов «Journal de Geneve» из Белграда, 18 мая того же года сообщила читателям, что «население Сербии погибает от голода. Весь подвижной состав сербских железных дорог, исключая весьма немногих локомотивов и вагонов, реквизирован и отправлен в Германию»[2608].

[2604] Там же. Л.129-129 об.

[2605] Правительственный вестник. 1916. 9 (22) августа 1916. С. 2.

[2606] Переводчик статей перевел цены для сравнения с российскими.

[2607] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 393. Л. 98.

[2608] Там же.

В июле 1916 г. российское «Новое время» в статье «Австрийские издевательства в Сербии и Черногории» рассказало читателям о гонениях на православных священников и журналистов, о запрете кириллицы в официальном документообороте, которую оккупанты считали церковным письмом[2609]. О гонениях на православие российские газеты писали и в августе[2610].

В конце августа 1916 г. Сербское подворье в Москве получило очередное известие о тяжелом положении оставшегося в Сербии населения, буквально умирающего с голода, так как австрийские власти регулярно отбирали скот и продукты. Сербское правительство обратилось к Московскому Славянскому комитету, всем славянским организациям с воззванием спасти сербский народ от голода путем сбора пожертвований на снабжение сербов пищевыми продуктами. Заметка в «Московских ведомостях» проинформировала о хлопотах сербского правительства перед нейтральными странами о пропуске в Сербию муки, запасы которой находились под контролем представителей нейтральных стран[2611].

В согласовании вопросов, связанных с оказанием помощи населению оккупированной Черногории, черногорская дипломатия шла по стопам сербской. Едва достигнув берегов Франции, черногорское правительство стало хлопотать о доставке продовольствия в оккупированную Черногорию, где население страдало от голода. Посол при черногорском королевском дворе Л.В. Ислави́н в письме послу А.П. Извольскому от 22 января (4 февраля) 1916 г. сообщал об упреках короля Николы, что Италия и союзники довели его страну до голода, не озаботившись доставкой продовольствия, до сих пор остающегося в Бриндизи (ближайший к Черногории итальянский порт). Не помогали даже возражения, что черногорский порт Медуа не готов к приему больших грузов[2612].

Черногорское правительство неоднократно обращалось за содействием в этом вопросе к России и представителям Антанты. С целью сдвинуть этот вопрос с мертвой точки его представители побывали в некоторых европейских столицах.

Посол М.Н. Гирс 1 (14) июля 1916 г. сообщил в МИД, что в Рим прибыл бывший министр иностранных дел Петр Пламенац «для переговоров касательно снабжения Черногории хлебом. [Итальянский министр иностранных дел Сидней] Соннино заявил, что принципиально он не сочувствует кормлению союзных стран, оккупированных неприятелем, т.к. последний, несомненно, извлекает из этого пользу. Пламенац возразил, что, разделяя лично мнение

[2609] Новое время. 1916. 1(14) июля. С. 3.

[2610] Там же. 29 августа (11 сентября). С. 3.

[2611] Московские ведомости. 1916. 21 августа. С. 3.

[2612] АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3338. Л. 38.

Соннино, он всё же настаивает, чтобы союзники отнеслись к Черногории также милостиво, как к Бельгии и Польше»[2613].

Практически в это же время черногорский министр иностранных дел и финансов Андрия Радович вел переговоры на эту же тему в Лондоне. 6 июля 1916 г. А.А. Нератов получил из Парижа сообщение Л.В. Ислявина, что вернувшийся из британской столицы А. Радович «снова убедительно просит оказать содействие в продовольствовании голодающего черногорского населения»[2614]. Чтобы исключить возможность использования ресурсов оккупантами, также как и сербы, черногорцы полагали, «что контроль может быть вполне обеспечен особым комитетом из нейтральных подданных. Средства [на эти цели] обещаны комитетом Релиф-фонда и Рокфеллером»[2615]. По-видимому, в Лондоне А. Радовичу указали, что «главное противодействие встречается со стороны Соннино, не желающего допустить провоз провианта по Адриатическому морю в Антивари»[2616].

Информация о ситуации в Черногории попала в российскую прессу. В рубрике «из иностранных газет» «Русские ведомости» 12 июля 1916 г. опубликовали заметку «Голод в Черногории». В ней говорилось о том, что «число погибающих насчитывается сотнями»: поля не обрабатывались с начала войны, импорт продуктов был затруднен австрийским флотом и минированием побережья. С оккупацией добавились реквизиции австрийцев. Голод свирепствовал такой, что коснулся даже австрийских солдат[2617].

Вопрос помощи страдающему населению Черногории беспокоил российский МИД. 23 июля 1916 г. император отправил телеграмму королю Николе, в которой выразил «свое благосклонное внимание к вопросу о продовольствовании черногорского населения»[2618]. Посол А.П. Извольский 8 августа 1916 г. сообщил министру иностранных дел, что, по сообщению А. Радовича, телеграмма Николая II глубоко тронула короля. Затем они обсудили условия, при которых была бы возможна скорейшая доставка продовольствия. А. Радович заметил, что «союзники готовы допустить продовольствование Черногории, если Австро-Венгрия обязуется предоставить нынешний урожай в Черногории ее гражданскому населению, не препятствуя при этом обычному незначительному обмену продуктами урожая между сим населением и пограничными жителями, а также незначительным покупкам на местном рынке»[2619].

[2613] Там же. Ф. 151. Оп. 482. Д. 1609. Л. 134.

[2614] Там же. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3338. Л. 73.

[2615] Там же.

[2616] Там же.

[2617] Там же. Ф. 151. Оп. 482. Д. 1609. Л. 136.

[2618] АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3338. Л. 80.

[2619] Там же. Л. 80.

Посредничество в этом вопросе предлагалось США. Ему «было предоставлено право избрания членов комиссии среди нейтральных подданных. На эту комиссию было возложено осуществление этого соглашения, в особенности же точное распространение среди гражданского населения подлежащих ввозу продуктов продовольствия. Черногорское правительство располагает уже теперь готовым для отправления в Черногорию пароходом с … продовольствием»[2620]. Однако уже 20 августа 1916 г. А.А. Нератов сообщил Л.В. Ислявину, что «по имеющимся [у него] сведениям, австро-венгерское правительство … ныне отказывается от предлагаемой оккупированным ею балканскими государствам продовольственной помощи и поэтому какие-либо дальнейшие шаги по вопросам продовольствования Черногории затруднительны»[2621]. Вопрос был закрыт.

Сдвинуть с мертвой точки вопрос о помощи оккупированному славянскому населению удалось только в результате военных действий осени 1916 г. И касался он только населения освобожденных сербских территорий. Первые сведения о вступлении Дринской сербской дивизии на сербскую территорию появились во второй декаде сентября и вызвали большой энтузиазм и надежды на скорое освобождение Сербии[2622]. В ноябре 1916 г. союзные войска сумели отвоевать часть сербской территории[2623], однако ее большая часть продолжала оставаться под оккупантами.

Эти радостные события породили проблему восстановления разрушенного хозяйства. Но первоочередной задачей было обеспечение населения освобожденных территорий продовольствием. Россия и в этом вопросе пришла на помощь. На основании запроса сербской королевской миссии в Петрограде для оказания по мере отвоевания у неприятеля сербских территорий первоначальной помощи разоренному населению страны, а также для закупки и доставки с той же целью в Салоники около пятисот вагонов муки, российским правительством был отпущен сверхлимитный кредит в два миллиона франков «на оказание помощи разоренному населению отвоеванной части Сербии» (Особый журнал Совета министров от 26 октября 1916 г.) [2624]

Однако пока решались организационные вопросы с закупкой и доставкой продовольствия, следовало оказать и срочную помощь жителям сербских населенных пунктов. Сербское правительство искало пути решения.

[2620] Там же.

[2621] Там же. Л. 88.

[2622] Русский инвалид. 1916. 12 сентября. С. 4.

[2623] АВПРИ. Ф. 134. Оп. 467. Д. 639/660. Л. 31.

[2624] Там же. Ф. 323. Оп. 617. Д. 55. Л. 97-97 об.

17 (30) октября 1916 г. сербский министр внутренних дел обратился российскому генеральному консулу в Салониках с просьбой оказать содействие в получении безвозмездно переданного Россией для Черногории хлеб для раздачи голодающему населению перешедших в руки союзных войск разоренных сербских сел, число которых с каждым днем увеличивается[2625]. Это ходатайство было поддержано российским генеральным консулом в Салониках В.Ф. Калем. Однако переговоры с черногорским правительством по этому вопросу зашли в тупик[2626]. В телеграмме генерального консула в Салониках от 19 ноября (2 декабря) 1916 г. сообщалось, что сербский министр внутренних дел, поблагодарив императорское правительство за готовность прийти на помощь сербскому населению, проинформировал, что с 18 ноября французы доставляют сербам максимальное количество муки, которое могут провезти при условиях военного времени[2627].

Не менее остро стояли проблемы пищи духовной. Восстановление сербских территорий требовало и восстановления Сербской православной церкви. 12 ноября 1916 г. настоятелем Сербского подворья в Москве было получено письмо с острова Корфу от митрополита Димитрия, в котором он сообщил об ужасах, переживаемых сербским народом, в особенности церковью и священниками. По его сведениям, большинство сербских священников, интернированных в Болгарию, погибло. Те же из них, что остались в Сербии, были лишены приходов. Их места заняли болгарские священники. Митрополит Димитрий отметил, что такой же террор, но в несколько смягченной форме, царит на территории, занятой австрийцами: не уцелело ни одного колокола, похищена церковная утварь и уничтожены церковные книги. По подсчётам сербского иерарха, около 60 сербских церквей должны быть восстановлены. Письмо содержало просьбу к русскому народу пожертвовать на восстановление церквей, чтобы иметь возможность в час возвращения на родину приступить к удовлетворению духовной потребности сербского народа[2628]. Циркулярное письмо Св. Синода по епархиям положило начало сбору предметов церковной утвари, богослужебных книг и облачений для сербских церквей. Также было принято решение об обучении сербских студентов в семинариях и Духовных академиях Империи за счёт российской казны.

Что же касается проблем населения на оккупированной сербской территории, то они решались крайне медленно. В конце 1916 г. они стояли не менее остро, чем в начале, о чем свидетельствует

[2625] Там же. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3338. Л. 121.

[2626] Этот груз, состоявший из 5 029 мешков муки, 4 415 мешков кукурузы и санитарных материалов, был отправлен из России от имени Николая II для Черногории. Захват Черногории не позволил вывезти хлеб, и он хранился в Салониках.

[2627] Там же. Ф. 151. Оп. 482. Д. 4024. Л. 197.

[2628] Русский инвалид. 1916. 14 ноября. С. 3.

целый ряд статей в российских газетах. Например, «Русская воля», со ссылкой на сербского консула М. Цемовича, сообщала о разгроме немцами женских благотворительных организаций в Сербии: Коло Српских Сестара, Дамского комитета княгини Любицы и других[2629].

Проблемы населения оккупированных славянских территорий привлекли внимание российской прессы. Главной темой статьи в «Новом времени» был поиск союзников в этом деле. Описывая бедственное положение населения в австрийской и болгарской зоне оккупации, автор пришел к выводу, что «молить о заступничестве нейтральные государства бесполезно». По его мнению, действенную помощь могли бы оказать Соединенные Штаты, еще не вовлеченные в войну. Но, отмечая великодушие рядовых американцев, не жалеющих огромные средства на пожертвования сербскому населению, в статье подчеркивалось равнодушие правительства этой страны «к страданиям народов». Некоторые надежды автор статьи возлагал на Красные Кресты воюющих и нейтральных держав, которые «смогут позаботиться об облегчении участи сербского населения». В основе статьи лежало утверждение, что именно на России «лежит обязанность принять меры, чтобы помочь восстановлению Сербии»[2630]. Содержала статья и некоторое подобие плана действий. РОКК предлагалось распространять свою деятельность на военнопленных сербов в Австро-Венгрии, Красному Кресту нейтральных государств организовать широкую помощь голодающему и умирающему населению Сербии и Черногории[2631]. Практически слово в слово автор статьи повторил обращение сербского правительства в ГУ РОКК от 15 декабря 1916 г.[2632].

Еще одна статья «Нового времени», анализируя итоги визита премьер-министра Николы Пашича в Россию, обратила внимание читателей на то, что Россия утратила руководящую роль в сербских вопросах, а главной задачей настоящего момента является ее вернуть[2633]. Постепенная утрата Россией своего международного авторитета распространялась и на гуманитарную область. Теперь было мало одного желания помочь сербам. Приходилось согласовывать свои действия как с союзниками, так и с нейтральными странами, среди которых активнее всего были американцы. России, всё больше погружавшейся в пучину собственных проблем, становилось всё сложнее решать гуманитарные проблемы сербов и черногорцев. Однако, как будет видно на примере помощи сербским беженцам, российское правительство и общественные организации не снимали с себя ответственности вплоть до октября 1917 г.

[2629] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д.4651. Л. 13.

[2630] Новое время. 1916. 24 декабря (6 января 1917). С. 4.

[2631] Там же.

[2632] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 41-45.

[2633] Новое время. 1916. 16 (28) апреля. С. 4.

§ 3.5. Организация помощи сербским беженцам

Массовый поток вынужденных переселенцев из Сербии появился осенью 1915 г. с началом военных операций Австро-Венгрии, Германии и Болгарии. 30 января 1916 г. французская газета «Petit Parisien» сообщила, что в пределах бывшего сербского королевства осталось около двух миллионов коренного сербского населения. Почти всё боеспособное мужское население и большинство интеллигенции покинуло страну и скитается[2634].

Основной поток беженцев пришелся на Грецию и Румынию. Затем начался процесс постепенного расселения в другие союзные и нейтральные страны.

Лишенные, в силу обстоятельств, средств к существованию, поддержки родных и близких, а также перспективы возврата на родину в обозримом будущем, сербские беженцы находились в отчаянном положении и нуждались в срочной поддержке. Число их было огромно. В одних только Салониках временное пристанище нашли около 20 000 человек.

Проблема разрасталась как снежный ком. Требовались серьезные ресурсы для организации помощи. Повсеместно в союзных и нейтральных странах были созданы Комитеты помощи сербам, большинство из которых опиралось не только на общественную инициативу, но и на поддержку местных и национальных властей.

Первоочередной задачей стало расселение беженцев. Никола Пашич лично обратился к российскому посланнику в Афинах Е.П. Демидову с просьбой о неотложной помощи. В письме от 2 (15) декабря 1915 г. Е.П. Демидов поставил в известность своего коллегу во Франции А.П. Извольского об этой встрече и отметил, что вынужден был сказать сербскому премьер-министру, что Россия не в состоянии приютить сербских беженцев вследствие дальности расстояния. Кроме того, Е.П. Демидов проинформировал о ситуации своих европейских коллег и попросил обратиться к своим правительствам с целью получения разрешения, хотя бы часть беженцев отправить в Алжир и Египет. Итальянский посланник, по сообщению Демидова, уже отправил в Рим запрос, нельзя ли направить 10 000 человек на Сицилию[2635].

22 декабря 1915 г. сербская миссия сообщила в российский МИД позицию ряда европейских стран по вопросу приема беженцев. Французское правительство согласилось принять 8 – 10 000 беженцев на Корсике. Около 3 000 беженцев было размещено в Греции, а около Салоник было решено оставить 4 000. Греческое правительство ограничивало количество сербских беженцев из опасения, что часть греческого населения может ждать такая же участь[2636]. Итальянское

[2634] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 355. Л. 72.

[2635] Там же. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3262. Л. 300.

[2636] Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8736. Л. 67

правительство отказало в приеме сербских беженцев на Сицилии, а также не разрешало сербским беженцам переезд в материковую часть страны из-за угрозы эпидемии[2637].

Россия считала своим долгом оказывать покровительство сербским беженцам, где было возможно. И не только дипломатическими методами.

Посланник Е.П. Демидов 11 (24) октября 1915 г. поставил в известность МИД (копии донесения были переданы в Ниш и Монастир), что от сербского правительства была получена просьба пропустить, в случае необходимости, в пределы Греции и разместить по греческим городам беженцев из Сербии, которых в только в Битоли скопилось к тому моменту около 4 000. Греческое правительство выставило условием принятия сербских беженцев предоставление съестных припасов, денежных и санитарных средств, о которых запросило Париж и Лондон. Серьезное опасение руководства Греции, по донесению Демидова, вызывала возможность возникновения и распространения инфекционных заболеваний[2638].

14 октября Демидов передал ходатайство греческого правительства о разрешении вывоза через Архангельск и Владивосток в Грецию 20 000 тонн пшеницы для обеспечения продовольствием союзных войск и сербских беженцев[2639]. 2 (15) ноября МИД проинформировал посланника в Афинах о разрешении отправить 13 – 14 т зерна через Архангельск, остальное – через Владивосток[2640].

В отчете российского консульства в Салониках за 1915 г. подчеркивается, что когда в Салоники нахлынули десятки тысяч сербских беженцев, то первыми, кто пришел на помощь, были не союзники, не греки, ни даже сами сербы, а русские.

В Салониках был образован Комитет помощи сербским беженцам, который возглавила жена российского посланника С.И. Демидова. По ее инициативе в Афинах начался сбор средств: устраивались подписки, благотворительные вечера, лотереи и другие мероприятия. С.И. Демидова обратилась по телеграфу к различным российским организациям с призывом о помощи. Одним из первых откликнулся Петроградский городской комитет по оказанию помощи Сербии, который перевел 10 000 руб. в пользу сербских беженцев в Салониках[2641]. В результате деятельности комитета удалось приютить, прокормить и эвакуировать тысячи несчастных беженцев, потерявших всё свое имущество.

Наплыв сербских беженцев совпал с прибытием двух русских морских отрядов, сестёр милосердия и санитаров Красного Креста, секретарей российской миссии в Белграде и массы

[2637] Там же. Л. 69.

[2638] Там же. Л. 90.

[2639] Там же. Д. 8737. Л. 17.

[2640] Там же. Л. 16.

[2641] Новое время. 1915. 17 (30) ноября. С. 5.

частных лиц, работавших в Сербии. Всем им была оказана своевременная помощь и покровительство[2642].

Тем временем С.И. Демидова, прибывшая в конце года в Петроград, обратила внимание общественности на жалкое состояние сербских беженцев. «Московские ведомости», со ссылкой на жену посланника, сообщили, что беженцы питались и одевались на средства русского благотворительного комитета, а англо-французские власти «самоотверженно помогают русской организации»[2643].

Российская общественность не осталась равнодушной к призывам. 28 февраля и 1 марта 1916 г. в Петрограде был устроен кружечный сбор в пользу пострадавшего сербского населения. Из собранных сумм 10 000 руб. были переведены в распоряжение С.И. Демидовой как председателя Комитета по оказанию помощи сербским беженцам[2644]. Жена российского посланника в Афинах сочла нужным истратить эти деньги на изготовление белья для нужд сербской армии. В итоге получилось 7 184 комплектов. 16 июля 1916 г. это бельё было отправлено в сербское интендантство[2645]. По данным Н. Поповича, поблизости от Русской больницы жена посланника разбила лагерь из больших удобных палаток для сербских беженцев[2646].

Кроме того, Петроградское Славянское благотворительное общество отправило в распоряжение жены русского посланника в Афинах 2 000 руб. на нужды беженцев[2647]. Позже эта сумма была увеличена до 5 000 руб. Сначала эти средства Совет общества хотел разделить поровну между российским представительством в Греции и представителем Общества в Италии. В ответ на запрос в сербскую миссию в Петрограде, куда целесообразнее направить средства для помощи сербским беженцам, 12 декабря 1915 г. М. Спалайкович уведомил Общество, что они «с наибольшей пользой могли быть употреблены … в Афинской русской миссии, которой в настоящее время известны места нахождения сербских беженцев и их острые нужды»[2648].

Отделения Комитета помощи сербским беженцам при миссии в Афинах были организованы по пути следования беженцев из Сербии в Салоники. Нам известны, как минимум, два: одно в Битоли, другое в Водене. Отделение Комитета в Битоли стало одним из первых пунктов по

[2642] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 1159. Л. 6 об. – 7.

[2643] Московские ведомости. 1915. 7 декабря. С. 1.

[2644] Петроградские ведомости. 1916. 3 (16) мая. С. 3.

[2645] АВПРИ. Ф. 279. Оп. 565. Д. 1357. Л. 271.

[2646] Последняя война Российской империи… С.189.

[2647] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д.1668. Л. 23-24.

[2648] Там же. Д. 1314. Л. 222.

приему беженцев[2649]. Его задачей было обеспечение проезда беженцев до Салоник. Всем нуждающимся выдавались денежные средства на еду (4 драхмы) и проезд до Салоник (6 драхм) на человека. В отдельных случаях пособие доходило до 100 драхм. В российских архивах сохранились ведомости, на основании которых можно определить, что в октябре 1915 г. была оказана помощь 1 563 семьям, в ноябре – 3 604 семьям[2650].

Например, Светозар Ацич с женой из Белграда получил 20 драхм, Драга Ковачевич с детьми из Обреновца – 20 драхм и т.д.[2651]. На списке получателей помощи есть пометка, что все средства выдавались в присутствии дежурного члена Комитета.

В декабре 1915 г. Комитет помощи сербским беженцам в Салониках выделил своему отделению в Битоли 2 249.85 драхм на организацию целевой помощи[2652]. Аналогичное отделение в Водене (один из пунктов остановки на пути следования в Салоники) в декабре 1915 г. выдал 3 180 драхм (на 243 семьи)[2653].

В декабре 1915 г. в Салоники прибыл английский отряд во главе с сэром Эдуардом Бояль, английским комиссаром в Сербии, для оказания помощи сербским беженцам за счёт учрежденного в Лондоне Комитета помощи сербам. Представители союзников разделили обязанности: русский комитет в Салониках взял на себя организацию питания беженцев, английский комитет - обеспечение одеждой. Французское правительство отвечало за транспортировку беженцев в Марсель и на Корсику[2654].

Комитет С.И. Демидовой продолжал оказывать посильную помощь сербским беженцам, которые, по возможности, не задерживались в Салониках, а продвигались дальше. Публикация в «Голосе Москвы» от 22 декабря сообщила, что в Старую Грецию выехало 3 000 беженцев, а 5 000 в Марсель[2655].

С января – начала февраля 1916 г. в Афины стали прибывать и черногорские беженцы[2656]. 29 января (11 февраля) 1916 г. посланник Э.П. Демидов сообщил в А.А. Нератову в МИД, что они обращаются в российскую миссию «за материальной поддержкой, так как греческие банки

[2649] Пожертвования на его деятельность 9 декабря 1915 г. дали страховое общество «Родина» (1 000 франков), морской госпиталь «Канада» (350 франков), французский корабль (549 франков), 1 900 франков составили пожертвования частных лиц, в основном, французских и бельгийских военных и гражданских лиц. Чек на 2 500 франков был получен от барона Ротшильда. // АВПРИ. Ф. 231. Оп. 536. Д. 38. Л. 26, 119.

[2650] Там же. Л. 87-100.

[2651] Там же. Ф. 279. Оп. 565. Д. 1383. Л. 18-19, 24-24 об.

[2652] Там же. Ф. 231. Оп. 536. Д. 38. Л. 112.

[2653] Там же. Л. 216.

[2654] Русский инвалид. 1915. 12 декабря. С. 3.

[2655] Голос Москвы. 1915. 22 декабря. С. 5.

[2656] АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3338. Л. 41.

отказываются менять черногорские кредитные билеты» и предложил «способных носить оружие [отправлять] для реорганизации и зачисления в сербские войска на Корфу»[2657]. Мнение посланника было поддержано министром С.Д. Сазоновым[2658].

Часть беженцев продвигалась из Греции вглубь европейского континента. И там они могли рассчитывать на помощь российских миссий и благотворительных комитетов.

Одним из первых эвакуационных пунктов на пути следования беженцев по территории Франции был Марсель. 7 декабря 1915 г. русский пароход «Одесса» принял на борт сербских беженцев для следования во Францию, в Марсель. С борта была отправлена благодарственная телеграмма императору Николаю II и отслужен молебен за его здравие[2659].

Как уже упоминалось выше, медицинскую помощь сербским беженцам оказывал лазарет Русского Дамского комитета в Марселе[2660]. Кроме того, МИД организовал помощь тем сербским семьям, которые оказались на Корсике. (По данным, приведенным в «Daily News» от 31 января 1916 г. на Корсике находилось не менее 15 000 сербских беженцев). Французские власти были озабочены устройством этой массы нуждающихся союзников и пытались применить их силы на различных заводах[2661].

Посланник в Риме М.Н. Гирс проинформировал МИД телеграммой от 19 января (1 февраля) 1916 г., что наплыв в Италию сербских беженцев поставил вопрос об оказании им помощи, которую они, в первую очередь, ждали от представителей России. М.Н. Гирс считал, что Италия является первым этапом сербской эмиграции и первым местом встречи сербов с представителями России. Организация помощи требовала соответствующих средств, которыми, по данным посла, посольство не располагало, «в противоположность другим союзникам, активно спасающим сербов».

Итальянцами в Риме был организован Комитет помощи сербским беженцам[2662]. При этом российский посол посчитал необходимым разрешить первому секретарю посольства вступить в него. От итальянского правительства Комитет получил поддержку в 30 000 франков. Кроме того, итальянскими властями был предоставлен сербам бесплатный проезд по итальянским железным дорогам. Комитет обеспечивал сербских беженцев квартирой и питанием, снабжал бельём,

---

[2657] Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8737. Сербские и черногорские беженцы. Вывоз пшеницы в Грецию для беженцев. 1915. Л. 21.

[2658] Там же. Л. 22, 27.

[2659] Там же. Д. 8736. Л. 71.

[2660] Вестник Красного Креста.1916. № 5. С. 1599-1600.

[2661] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 355. Л. 61.

[2662] Московские ведомости. 1916. 1 января. С. 9.

платьем и другими предметами первой необходимости[2663]. Вскоре были открыты аналогичные английские, французские и швейцарские комитеты.

22 декабря 1915 г. М.Н. Гирс сообщил в МИД и посланнику Г.Н. Трубецкому, что по мере возможности, сербские беженцы будут допущены в Италию и направлены на Липарские острова. Там уже, по его данным, находилось около 600 человек[2664]. Эта информация частично подтверждается в донесении А.Ф. Шебунина[2665] М.Н. Гирсу от 26 января 1916 г. Ссылаясь на информацию консульского агента в Мессине, А.Ф. Шебунин сообщил, что некоторое количество судов, вывозящих беженцев, иногда останавливаются в Мессине. Первая партия из 300 человек была направлена на Липарские острова, где они прожили неделю и оттуда уже были вывезены в Марсель[2666]. В тот же день поступило сообщение сербского правительства, что итальянское посольство не разрешает переезд сербским беженцам в Италию из-за угрозы эпидемии[2667].

Российское дипломатическое ведомство посчитало своим долгом вмешаться в ситуацию. 24 декабря М.Н. Гирс сообщил в МИД о своём разговоре с итальянским министром иностранных дел Д. Соннино по поводу отношения Италии к Сербии. Российский посланник подчеркнул в беседе, что «Россия не может не быть крайне чувствительной ко всему, что касается этого родственного нам геройского славянского народа, что всякая нанесенная ему обида и несправедливость больно отзывается в русских сердцах и вызывает в них негодование»[2668]. Сонино защищался, утверждая, что он сделал всё возможное для удовлетворения нужд сербов и спасения сербской армии «в пределах допустимого жизненными интересами Италии»[2669]. Итальянский министр отметил, что сербские беженцы, насчитывающиеся уже тысячами в Италии и, насколько возможно, будут допущены в еще большем числе. Разговор закончился обещанием насколько возможно облегчить участь сербских беженцев[2670].

[2663] Петроградские ведомости. 1916. 7 (20) января. С. 4.

[2664] АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2406. Л. 51 об.

[2665] А.Ф. Шебунин, бывший генеральный консул в Константинополе, в феврале 1915 г. был командирован в Салоники для наблюдения за транспортировкой грузов от Салоник до Прахова. Осенью того же года он был командирован на юг Италии с целью наблюдения за работой организаций союзных держав по вопросам оказания военной и продовольственной помощи Сербии и Черногории. // Вишняков Я.В. Дунайский транзит в годы Первой мировой войны. // Новая и новейшая история. 2020. № 3. С. 73.

[2666]АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 574. Л. 11 об-12.

[2667] Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8736. Л. 69. К январю 1916 г. в Медуе скопилось от 4 до 5 000 сербских беженцев, которые ожидали отправки в Италию, затем на Корсику. // Там же. Л. 54.

[2668] Там же. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2406. Л. 56 об.

[2669] Там же.

[2670] Там же.

6 января 1916 г. в Рим прибыл князь Г.Н. Трубецкой. Познакомившись с обстановкой, он посчитал нужным перевести остаток средств Комитета помощи сербам и черногорцам при российской императорской миссии в Нише (2 500 франков) российскому посольству в Италии на нужды сербских беженцев, о чем 8 (21) января 1916 г. уведомил МИД[2671]. Просьба была выполнена и 27 февраля 1916 г. были зачислены 2 833 лиры 75 сантимов (сумма, приблизительно соответствующая 2 500 франкам) на счёт Комитета помощи сербским беженцам[2672]. Сотрудникам посольства и русской колонии удалось собрать небольшие суммы, часть из которых была передана в тот же Комитет[2673]. Оценивая возможности посольства, в том числе организационные, М.Н. Гирс пришел к мнению, что наилучшей помощью сербским беженцам могли бы быть ежемесячные субсидии[2674]. С этим предложением он и обратился в МИД.

Свою лепту в дело помощи сербским беженцам на территории Италии внесло Петроградское Славянское благотворительное общество. В декабре 1915 г. оно перечислило 3 000 руб. (приблизительно 5 555 лир) в российское посольство на эти цели. Эти средства, в основном, были распределены среди сербов, обратившихся за помощью в посольство. Небольшая часть была передана А.Ф. Шебунину, чтобы он сделал всё возможное для сербских беженцев на юге Италии[2675].

Как уже упоминалось, 23 февраля 1916 г. Совет Петроградского Славянского благотворительного общества посчитал необходимым направить находившегося в Италии хирурга Я.И. Чаброва в Бари[2676]. Выбор места определялся первоначальными планами союзников доставлять беженцев морем в Бриндизи и Бари. Однако большинство сербов было доставлено на Корсику и в Марсель. На юг Италии попадали единицы, которым вполне могли помочь особоуполномоченные сербского правительства. Когда с вопросом организации помощи беженцам А.Ф. Шебунин обратился в Итало-сербский комитет в Бари, то получил ответ, что для удовлетворения мелких просьб немногочисленных сербских беженцев они вполне обеспечены. Поэтому А.Ф. Шебунин пришел к выводу, что оставшиеся деньги необходимо вернуть в российское посольство в Рим, где сосредоточена основная масса нуждающихся[2677].

В мае 1916 г. императорский посол в Риме сообщил об очередной волне сербских беженцев в Италию и обращении их за помощью в русское представительство. Посетовав на отсутствие

[2671] Там же. Д. 2402. Л. 369.

[2672] Там же. Л. 370.

[2673] Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8736. Л. 41.

[2674] Там же.

[2675] ЦГИА Спб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1668. Л. 67.

[2676] Там же. Л. 35-35 об.

[2677] Там же. Л. 68-68 об.

достаточных средств для оказания помощи, М.Н. Гирс сообщил, что на фоне союзников, призревающих сербских беженцев, выглядит так, будто наше государство почти не проявляет к ним сочувственного отношения. И что со стороны сербов уже слышатся сетования «на безучастное к ним отношение России». Гирс предложил открыть приют для детей сербских беженцев и попросил ассигновать на эти цели по 3 755 руб. ежемесячно[2678].

В июне 1916 г. МИД сделал представление в Междуведомственное совещание по предварительному рассмотрению проектов представлений гражданских ведомств об ассигновании чрезвычайных сверхлимитных кредитов на расходы военного времени. Заседание состоялось 23 июня и обратило внимание заинтересованного ведомства, что заявленная сумма не обоснована какими бы то ни было расчётами. Совещанием был поставлен вопрос и о том, в каком виде и в каких пределах осуществляется призрение сербских беженцев действующими организациями дружественных России держав. Было принято решение отложить рассмотрение до получения необходимых сведений[2679].

В июле посол Гирс направил донесение в МИД, что ввиду сосредоточения основной массы сербских беженцев на Корсике, посольство отказалось от мысли устройства приюта в Италии и ограничилось выдачей субсидий и ежемесячных пособий отдельным нуждающимся лицам и семьям, известным лично послу или рекомендованным сербским и черногорским представителями в Риме. С декабря 1915 г. по июнь 1916 г. было выдано 12 300 лир. Эти деньги складывались из полученного посольством кредита[2680] и присланных княгиней Еленой Петровной и Комитетом по оказанию помощи Сербии в Петрограде в распоряжение посольства сумм[2681].

Комитет по оказанию помощи Сербии, состоящий под покровительством княгини Елены Петровны выдавал через российское посольство в Риме пособия сербам и черногорцам (от 50 до 100 лир в месяц)[2682]. Пособия были как ежемесячными, так и разовыми, по отдельным прошениям[2683]. Причем размер выдачи и их основания определялись в соответствии со сведениями, которые предоставлялись сербской миссией в Риме, сербским правительственным

[2678] АВПРИ. Ф. 159. Оп. 726. Д. 129. Л. 5, 5об.

[2679] Там же.

[2680] Разрешение на получение кредита было дано МИД телеграммой от 15 февраля 1916 г.

[2681] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8736. Л. 4.

[2682] Там же. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2402. Л. 371.

[2683] В документах посольства в Риме за 1916 г. есть расписка о получении в январе 5 965.8 лир от княгини Елены Петровны на пособия сербам и черногорцам. 14 февраля 1916 г. комитет Елены Петровны перечислил 8 399.83 франков (9500 лир). В мае 1916 г. было перечислено 14 678,71 лир. В августе – 10 478 лир. Эти средства были выданы 71 лицу и Комитету помощи сербским беженцам в Риме под 267 расписок. // Там же. Л. 380-385, 410.

делегатом Живановичем, черногорским генеральным консульством и лично известных послу сербов и черногорцев[2684].

В 1916 г. было выдано пособий на 18 735 лир, в 1917 г. – на 9 700 лир. С января 1916 по 1 ноября 1917 г. Комитет Елены Петровны перевел в Рим 40 637.71 лир. В середине 1917 г. пособия были значительно сокращены, так как российский посланник не был уверен в своевременном получении новых сумм от Комитета. После получения денег в августе М.Н. Гирс счел возможным увеличить пособия[2685]. Из отчета в Комитет княгини Елены Петровны следует, что помощь оказывалась до октября 1917 г.

Таким образом, основная тяжесть заботы о сербских беженцах на территориях Франции и Италии легла на национальные правительства и европейскую общественность. Тем не менее, российские представительства при помощи российской общественности приняли посильное участие в этом деле, облегчив участь тысячам семей сербских беженцев.

На территории Румынии задачу помощи сербским беженцам решала Экспедиция особого назначения (ЭОН) под командованием флигель-адъютанта М.М. Веселкина.

10 октября 1915 г. под огнем неприятеля сербы, населявшие прибрежные районы р. Дуная от Таки до Радуевца, массами устремились в Румынию, заботясь лишь о спасении своей жизни, оставив имущество и дома на произвол судьбы. Их переправа через Дунай была организована капитаном 2-го ранга, старшим лейтенантом Н.Е. Драшусовым на предоставленных в его распоряжение румынскими властями пароходах, а также на тех судах ЭОН, которые в тот момент находились в Кладово и Груе. Несколько тысяч беженцев самостоятельно переправились на лодках. Общее число беженцев достигало десять тысяч человек, из которых шесть тысяч обосновались в Турн - Северине, ближайшем к Сербии порту на Дунае. Остальные нашли себе пристанище по деревням между городом и Груей. В основном это были беднейшие слои населения[2686]. Часть беженцев осела в Турн - Северине, часть постепенно стала продвигаться дальше.

В рапорте начальнику ЭОН Н.Е. Драшусов описывал удручающую картину состояния сербских беженцев. Из документа следовало, что конце октября и ноябре стояла ненастная погода, и сербы, размещенные в венгерских хлебных амбарах, а также сырых помещениях и в устроенных румынским Красным Крестом землянках, начали болеть, смертность среди них стала принимать угрожающие размеры. Австрийский консул, к которому румынские власти обратились за помощью, предложил местным властям свои услуги по содержанию сербских

[2684] Там же. Л. 402.

[2685] Там же. Л. 386, 403.

[2686] Новое время. 1916. 4 (17) августа. С. 3.

беженцев. Из рапорта Драшусова следует, что, получив эту информацию, он немедленно заявил румынским властям, что всё необходимое для сербских беженцев будет сделано российскими представителями. Это решение было основано на убеждении старшего лейтенанта, «что всё заботы о сербах должны, по справедливости, лечь на Россию». Для него была недопустима даже мысль, что беженцы могут быть переданы «в руки немцев»[2687]. О принятом на себя обязательстве Драшусов телеграфировал М.М. Веселкину, который поддержал своего подчиненного и фактически принял на содержание 3 000 человек[2688]. Эти действия начальника ЭОН были одобрены императором Николаем II[2689].

Н.Е. Драшусов отдал распоряжение о покупке необходимой провизии, чтобы немедленно накормить голодных и измученных беженцев, большинство из которых составляли женщины и дети[2690]. Уже 10 октября 1915 г. начал работать первый питательный пункт при экспедиции, который к концу декабря кормил уже 5 000 человек в сутки[2691]. Кроме организации горячего питания, были арендованы семь домов, устроена больница, приглашен постоянный врач.

13 октября 1915 г. Н.Е. Драшусов телеграфировал М.М. Веселкину, что в Турн-Северине находится около 6 000 беженцев, количество которых постоянно увеличивается. Докладывая о своих действиях, Н.Е. Драшусов отмечал, что «заботился о беженцах так, чтобы сербы не вымерли, а смогли бы вернуться на родину здоровыми и работоспособными»[2692].

В ноябре 1915 г. в Турн-Северин из Бухареста прибыл сербский посланник в Румынии П. Маринкович. Ему в помощь М.М. Веселкин прислал старшего лейтенанта Ратманова. Они объехали все местности, где находились беженцы, и создали в Груе и Турн - Северине особые сербские комитеты для сотрудничества с Драшусовым. Старший лейтенант с сожалением отметил, что этот комитет к работе так и не приступил, распавшись на следующий день, вследствие возникших между его членами раздоров[2693].

Надо отметить, что были и довольно успешные примеры сотрудничества с сербскими официальными представителями. В конце января 1916 г. через депутата Сербской Скупщины Уроша Выркича к Н.Е. Драшусову стали поступать жалобы беженцев на качество пищи из общего котла. Затем появилась делегация, которая попросила заменить кормление денежной выдачей по спискам. Н.Е. Драшусов не считал это целесообразным, но отказывать не стал. Более

[2687] РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3468. Л. 133-133 об.

[2688] АВПРИ. Ф. 146. Д. 8704. Л. 30.

[2689] Там же. Ф. 323. Оп. 617. Д. 55. Л. 58.

[2690] РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3468. Л. 133.

[2691] АВПРИ. Ф. 146. Д. 8704. Л. 4, 4об.

[2692] РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3468. Л. 133 об.

[2693] Там же.

чем 50 выборных из сел и деревень, где компактно проживали сербские беженцы, сформировали специальную комиссию под руководством Выркича, составили списки и назначили размер денежной помощи. После первой же выдачи средств появились бесчисленные жалобы, что Выркич несправедливо распределяет деньги, что он внес в списки лица, не покидавшие пределы Сербии или живущие в Румынии уже несколько лет, и что он, «в изыскании популярности среди своих избирателей, обделил многих, действительно нуждающихся»[2694].

В разгар этих недоразумений в Турн-Северин прибыл сербский генеральный консул и военный атташе, которые в три дня, в присутствии приглашенного ими врача, произвели медицинский осмотр сербам и назначили новую комиссию по распределению денег. Эта последняя действовала довольно успешно под руководством Н.Е. Драшусова. Выркич попытался оказать противодействие, но после вмешательства сербского посланника в Бухаресте Павла Маринковича довольно быстро успокоился[2695].

В декабре 1915 г. болгарские и австрийские власти временно открыли в Кладово границу и часть беженцев вернулась в Сербию. В этом случае Н.Е. Драшусов счел необходимым оказать помощь, оплатив нуждающимся переезд. Однако в январе 1916 г. граница была вновь закрыта. В итоге в Румынии осталось 5 000 беженцев, из них в Турн - Северине 1 356 человек и около 800 человек в селениях, расположенных около Дуная[2696].

По распоряжению М.М. Веселкина, Н.Е. Драшусов пытался организовать отправку в Россию молодых и способных носить оружие мужчин, а также предоставлять работу тем беженцам, которые пожелают самостоятельно обеспечивать свою семью. Ни первое, ни второе начинание успеха не имели. По свидетельству Н.Е. Драшусова, «в Россию отправились очень немногие, работать же не пожелал почти никто»[2697]. Эти явления, которые русский офицер назвал «нежелательными», он объяснял «раздавленностью теми несчастьями, которые обрушились на Сербию»[2698].

С наступлением холодов для беженцев была закуплена тёплая одежда, организована горячая пища из общих котлов. Особо нуждающимся выдавались денежные пособия. В торжественные дни (Рождество, Новый год, праздник Святого Саввы и пр.) были предусмотрены улучшенная пища и денежные подарки из расчёта 1 франк на человека. Эти деньги раздавались

[2694] Там же.

[2695] Там же. Л. 135.

[2696] РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3468. Л. 133 об.

[2697] Там же. Л. 134.

[2698] Там же.

присутствующим по окончании богослужения в церкви. Таким образом, как с гордостью пишет Драшусов, он «старался удовлетворять, по возможности, и духовные потребности беженцев»[2699].

За период с 10 октября 1915 по 1 марта 1916 г. на содержание беженцев ЭОН израсходовала 78 317 руб.[2700] По состоянию на 1 апреля 1916 г. эта сумма составляла уже 93 220 руб. Ежедневные расходы Экспедиции составляли около 1 000 франков, что включало в себя хлеб, горячую пищу, наем домов и квартир, отопление и освещение, содержание лазарета, одежду и обувь для нуждающихся[2701].

М.М. Веселкин неоднократно обращался по поводу возврата средств, отпущенных на военные надобности, в Генмор[2702]. В связи с этим, начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев возбудил перед Министерством иностранных дел ходатайство об ассигновании на указанные надобности сверхлимитного кредита, так как на содержание беженцев тратились деньги, предназначенные ЭОН для военно-морских целей. 22 января 1916 г. вопрос о помощи сербским беженцам в Румынии рассматривался на заседании Совета министров. В результате обсуждения было принято решение о предоставлении МИДу чрезвычайного сверхлимитного кредита в размере 200 000 руб. на оказание помощи сербским беженцам в Румынии. Это решение было утверждено Николаем II 4 февраля 1916 г.[2703].

В том же Журнале Особого совещания Совета министров от 22 января 1916 г. было подчеркнуто, что в силу заключенного между Правительствами Англии, Франции и России соглашения относительно распределения вызванных войной издержек Сербии между названными государствами в равных долях, представленный расход было бы справедливым отнести в соответствующих частях на счёт Великобритании и Франции. 27 мая 1916 г. МИД России через своих послов в Лондоне и Париже сделал соответствующий запрос.

Посол во Франции А.П. Извольский сообщил, что французское правительство уже израсходовало значительные средства в виде авансов по займам Сербии (около 258 млн франков) на снабжение и спасение сербской армии, перевозку ее на Корфу и в Салоники. Более того, продолжает нести издержки по содержанию восстановленной сербской армии. Все эти расходы записывались на счёт авансов Франции, подобно тому, как это делала для своих расходов Англия. Французское правительство пришло к мнению, что наиболее правильным решением вопроса было бы дождаться окончания войны и тогда уже произвести погашение французской части расходов по содержанию сербских беженцев в Румынии. Таким образом, средства на решение

[2699] Там же. Л. 134 об.

[2700] Там же. 3468. Л. 134 об.

[2701] АВПРИ. Ф. 146. Д. 8704. Л. 17.

[2702] РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3468. Л. 12.

[2703] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8704. Л. 11.

проблемы сербских беженцев в Румынии и в дальнейшем приходилось изыскивать в российском бюджете.

Для руководства ЭОН были важны не только заботы о насущных проблемах беженцах, но и удовлетворение их духовных потребностей. В марте 1916 г. была открыта школа. Занятия с детьми сербских беженцев проводились в две очереди. С учетом того, что, в основном, это были дети земледельцев, было решено, что три дня в неделю уроки будут проходить в школе, а три дня за городом, где главное внимание будет уделяться природоведению[2704].

В августе 1916 г. Общество славянской взаимности сообщило контр-адмиралу Веселкину, что получило положительный отзыв прошение в министерство народного просвещения о бесплатном обучении с казенным содержанием детей сербских беженцев, находившихся под его покровительством. Граф П.Н. Игнатьев, министр просвещения (1915-1917), сочувственно относившийся к деятельности М.М. Веселкина, предложил обучение в Одесском учебном округе всех детей участников войны, «сколько их окажется теперь и потом»[2705].

В том же месяце была устроена походная церковь трудами о. Раденко, протоиерея г. Кладова. По инициативе М.М. Веселкина для нее были изготовлены церковное облачение и переданы священные книги и церковная утварь. Н.Е. Драшусов полагал, что для сербских беженцев особенно важно «иметь возможность в течение Великого поста исполнить христианский долг, говеть, исповедоваться и принять Святое Причастие».

Осенью 1916 г. в связи с военными неудачами Румынии, большинство беженцев было переправлено в Россию. Южные города Российской Империи были переполнены. Часть сербских беженцев через Одессу[2706], где действовали сербское консульство и Русско-Сербский комитет, отправилась в центральные города России и далее вглубь страны.

Участие в судьбе сербских беженцев проявили многие славянские организации, в частности, Московский славянский комитет. Судя по финансовому отчету за 1916 г., настоятель Сербского подворья передал из собранных сумм сербскому митрополиту Димитрию в пользу беженцев 4 000 руб., сербской монахине Екатерине (беженке) – 10 руб., сербским священникам-беженцам, находящимся в Румынии – 622.90 руб., сербским священникам-беженцам, находящимся в Одессе – 300 руб., сербским солдатам-беженцам и сербским беженкам, прибывшим в Москву – 242 руб. и 276 руб. соответственно, генеральному сербскому консулу в Марселе, согласно его обращения, для раздачи сербским беженцам в Марселе – 506.06 руб., роздано сербским раненым,

---

[2704] РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3468. Л. 135.

[2705] Там же. Д. 3458. Л. 19.

[2706] О прибытии сербских беженцев из Турн-Северина сообщали российские газеты. // Петроградские ведомости. 1916. 27 октября (9 ноября). С. 3.

находившимся в лазаретах г. Москвы – 35 руб., для раздачи сербским беженцам, больным и раненым воинам послано в Женеву через Красный Крест – 1 225.17 руб., сербскому посланнику Спалайковичу для раздачи беженцам в Петрограде – 425 руб. и т.д.[2707]

Представление об источниках финансирования и механизме оказания адресной помощи в Российской Империи на местном уровне дает деятельность елисаветградского Комитета попечительства о сербских беженцах. В Елисаветграде с октября 1915 г. находилось более 1 000 сербов, две трети из которых были женщины и дети. Большинство беженцев было без зимней одежды, без средств к существованию, что создавало реальную угрозу эпидемий. Незнание русского языка делало их практически беспомощными в решении насущных проблем.

24 ноября 1915 г. херсонский губернатор В.Г. Ветчинин обратился к предводителю дворянства Елисаветградской губернии барону М.П. Медему с просьбой организовать специальный комитет попечительства о сербских беженцах под своим председательством с целью «помощи братьям по крови – союзникам по долгу совести»[2708]. Барон М.П. Медем имел большой опыт подобной работы. С 1915 г. он руководил сербским комитетом помощи беженцам (существовал до 1 ноября 1916 г.), местным отделением Комитета великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий (Татьянинский комитет). М.П. Медем горячо взялся за дело и, при участии председателя городской управы, 26 октября 1916 г. организовал расширенное совещание по проблемам сербских беженцев с участием представителей Татьянинского комитета. Во вновь сформированный Комитет попечительства о сербских беженцах предводитель местного дворянства пригласил наиболее авторитетных горожан: исполняющего обязанности председателя земского самоуправления Ивана Марьяновича, градоначальника Григория Волохина, городского врача Ивана Пашутина и др. Представителями сербских беженцев в Комитете были Георгий Джорджевич и Иван Зорко[2709].

Одновременно был сформирован Сербский Одбор (сербский комитет), Председатель которого Д. Михайлович был назначен сербским консулом в Одессе М. Цемовичем в елисаветградский Комитет своим представителем[2710].

Для организации адресной помощи Комитетом была объявлена регистрация. На каждого нуждающегося заводилась специальная карточка: необходимо было указывать имя, фамилию, отчество, пол, возраст, вероисповедание, национальность, род занятий, состав семьи, откуда прибыл и куда следует. Одна карточка регистрации оставалась на месте, а другая отправлялась в

[2707] Отчет о деятельности Московского славянского комитета за 1916 г. – М., 1917. С. 19.

[2708] *Шевченко С.И.* Старательство над српским избеглицама у Јелисаветграду у јесен 1916.године. // Зборник Матице Српске за историју. (65-66). Нови Сад. 2002. С. 283.

[2709] Там же. С. 283-284.

[2710] ГА РФ. Ф. 659. Оп. 1 Д. 77. Л. 2.

особое отделение Татьянинского комитета[2711]. В этой работе сотрудники Комитета рассчитывали на помощь сербского консула в Одессе и представителей Сербского Одбора. Однако они не только не приняли участия в этой работе, но и не составили списков проживающих сербов с указанием категорий, чем, по мнению руководства Комитета, существенно затруднили работу[2712].

Следует отметить, что отношения консула М. Цемовича с руководством Комитета не сложились практически сразу. О том, что помощь беженцам в Елисаветграде находится не на должном уровне, он доложил посланнику Спалайковичу. В январе 1917 г. для обследования положения сербов на юге России княгиней Еленой Петровной, вникавшей во все дела, касающиеся помощи сербам, был командирован капитан первого ранга М.Ю. Гаршин, секретарь королевы эллинов Ольги Константиновны. С собой он вёз 15 000 руб. пожертвований для сербских беженцев. В Одессе он застал свыше 3 000 сербских раненых из Сербского добровольческого корпуса, а также около 100 членов их семейств. М.Ю. Гаршин отметил в отчете, что забота о детях-беженцах в Одессе налажена хорошо, а в Елизаветграде, по его мнению, у беженцев была нужда во всём: нет одежды, обуви, плохо кормятся. Паек, выдаваемый из средств Татьянинского комитета, он посчитал недостаточным. Гаршин отметил, что городское управление никакой помощи сербским беженцам не оказывает, а их дети не призреваются[2713].

Информация об этой поездке была напечатана в «Биржевых ведомостях». Доклад М.Ю. Гаршина княгине Елене Петровне вызывает много вопросов и главный из них, почему М.Ю. Гаршин, в честности и бескомпромиссности которого мы не сомневаемся, так плохо отозвался о работе елисаветградского комитета?

Украинский историк С.И. Шевченко исследовала тему помощи сербским беженцам в местных архивах. По ее данным, елисаветградским комитетом было организовано питание по установленным ежедневным нормам по нескольким категориям: образованные сербы и их дети и малообразованные и их дети. Ежедневно только на эти цели тратилось 537 руб. Сахар, керосин, дрова, спирт городские власти выдавали комитету в кредит, с тем чтобы он мог решить широкий круг вопросов. Исследователь привела конкретные данные, свидетельствующие о том, что беженцам помогала, по мере возможности, общественность Елисаветграда и местная церковь, которая осенью 1915 г. собрала и передала комитету 196.43 руб. и большое количество вещей, собранных прихожанами[2714]. Возможно, что этих усилий было недостаточно.

[2711] *Шевченко С.И.* Указ. соч. С. 282.

[2712] ГА РФ. Там же. Л. 7 об.

[2713] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 4651. Л. 27.

[2714] *Шевченко С.И.* Указ. соч. С. 280-282.

Вскоре после возвращения М.Ю. Гаршина в Петроград, по инициативе посланника Спалайковича и под председательством княгини Елены Петровны было созвано экстренное заседание сербского комитета. Поводом послужил приезд из Одессы профессора Г. Георгиевича, члена комитета по призрению сербских беженцев[2715], с рассказом о положении сербских беженцев. В заседании принимали участие граф М.М. Перовский-Петрово-Солововo, М.Ю. Гаршин и другие. Георгиевич сделал собранию подробное сообщение о сербском беженстве.

Особое внимание он уделил положению детей беженцев. По данным Георгиевича, забота о них в Одессе организована. Они устроены в школах и обеспечены всём необходимым. Всего в Одессе было 170 детей-сербов. Беспокойство Георгиевича вызывали около 350 детей, в возрасте от трех лет, отправленные в Елисаветград, где они «находятся в ужасных условиях. Они брошены без всякого призора, так как их родителя заняты добыванием себе куска хлеба. Возникает настойчивая необходимость организовать их призрение по примеру Англии и Франции, путем устройства приюта и мастерских, где детей можно было бы воспитывать и обучать в сербском национальном духе, сделать их достойными предстоящей им задаче»[2716]. Затем Георгиевич представил собранию смету приюта на 300 детей. Из сметы было видно, что для этого понадобится не менее 41 500 руб., из которых 15 000 руб. - на оборудование приюта, столько же предназначалось на покупку одежды для нуждающихся[2717]. Участники заседания поддержали идею создания приюта. Граф М.М. Перовский-Петрово-Солововo сообщил, что жертвует из личных средств 5 000 руб. с тем, чтобы к его оборудованию приступили немедленно и ассигнует, кроме того, половину сметы – 20 000 руб. Что касается второй половины, то ее покрытие присутствующие взяли на себя.

После Петрограда профессор Георгиевич посетил Москву, где также сделал доклад о положении сербских беженцев и детей в России. Там на обустройство приюта ему было ассигновано 10 000 руб. О результатах своей деятельность Георгиевич сообщил контр-адмиралу М.М. Веселкину, всегда живо интересующемуся судьбой сербских детей, и барону Медему, председателю Татьянинского комитета в Елисаветграде[2718].

Надо отметить, что инициатива профессора Георгиевича была реализована довольно быстро. Елисаветградский Комитет открыл в городе приют для 300 детей сербских беженцев. Средства на его содержание целенаправленно отпускались Татьянинским комитетом (с февраля 1917 г. – Всероссийским комитетом помощи пострадавшим от военных действий) через уездное

[2715] Председательницей этого Комитета была жена генерального консула Марко Цемовича.

[2716] Одесский листок. 1917. 23 января. С. 4.

[2717] Там же.

[2718] Там же.

отделение названного комитета. В первом полугодии 1917 г. на устройство и содержание этого учреждения Татьянинским комитетом были ассигнованы 41 500 руб.[2719].

В журналах заседаний комитета за июнь 1917 г., которые были направлены княгине Елене Петровне и в Губернское отделение Татьянинского комитета с отчетами, содержатся просьбы уплатить Елисаветградской городской управе 15 472.78 руб. за отпущенные керосин, сахар и дрова в 1916 - 1917 гг., а также, ввиду прямого ассигнования на эти нужды, а также перечислить необходимые суммы на дрова и керосин. Основными статьями расходов в финансовом отчете были заявлены лечение сербских беженцев (по рекомендации врачей), оплата жилья и ремонт помещений, где они проживали[2720]. Не оставался равнодушным комитет и к нуждам сербов вне пределов города. Барон М.П. Медем доложил в июне 1917 г. княгине Елене Петровне об итогах кружечного сбора, произведенного 11 мая в пользу сербских и черногорских военнопленных, который выражался, за вычетом расходов, в сумме 2 434.48 руб.[2721].

Последние журналы Комитета (за июнь – сентябрь 1917 г.) говорят о серьезных трудностях, которые он переживал. Выяснилось, что представители сербского Одбора регулярно отказывались предоставлять отчеты о расходовании целевых средств, в то время как беженцам не выдавались предназначенные им суммы. По предложению руководства елисаветградского Комитета сербы-беженцы избрали путем тайного всеобщего голосования своих представителей в Комитет, сделав таким образом представительство назначенного М. Цемовичем Михайловича номинальным. Последнему было предложено сдать все касающиеся Комитета дела, а также печать. Затем, во избежание недоразумений или неправильного истолкования отношения Комитета к назначенному консулом Сербскому Одбору, Комитет постановлением от 24 мая 1917 г., предоставленном в копии консулу Марко Цемовичу, разъяснил свою позицию. В документе было подчеркнуто, что предложение беженцам-сербам избрать своих представителей в Комитет не было вызвано желанием вмешиваться в дела Одбора, который был назначен консулом Цемовичем. Единственная цель, которую оно преследовало – это разграничение деятельность Комитета и Одбора[2722].

Тем не менее, 5 июня 1917 г. пришлось вновь обсуждать вопрос расходования средств и рассмотреть заявление беженцев Ивановича, Яковича и других о выдаче им на руки пайковых денег в сумме 285 руб. (на 23 человека) с 15 июня 1917 г. По этому вопросу было принято решение просить председателя Одбора Д. Михайловича обосновать отказ в выдаче денег. В

[2719] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8704. Л. 60, 60 об.

[2720] Там же. Л. 3 об.

[2721] ГА РФ. Ф. 659. Оп. 1. Д. 77. Л. 4.

[2722] Там же. Л. 4 об -5.

протоколе было также отмечено, что Д. Михайловичу был выдан аванс в 6 000 руб. на одежду для сербских беженцев. Однако он категорически отказался предоставить финансовый отчет и сообщить, на что были потрачены деньги[2723].

На одном из июльских заседаний были заслушаны доклады уездного комиссара Временного правительства от 7 июля и копия телеграммы его губернского комиссара от 2 июня 1917 г. Из них члены Комитета узнали об обращении к Временному правительству посланника Сербии Мирослава Спалайковича, обеспокоенного тем, что местные власти в Елисаветграде препятствуют помощи сербским беженцам: требуют отставки председателя Одбора и всего состава сербского комитета, выдачи денег и печати, угрожают арестом сербского священника Поповича. Посланник просил Временное правительство принять меры для охраны сербского комитета, защитить Поповича, а о результатах сообщить[2724].

В ходе обсуждения этой информации на заседании комитета было сделано предположение, что недоразумения стали возникать из-за позиции Д. Михайловича, не считающего нужным давать отчет о своих действиях Комитету. По итогам совещания было принято решение сообщить уездному комиссару Временного правительства, что Комитету неизвестно, чтобы с чьей-либо стороны к председателю или составу комитета были предъявлены требования об отставке, также ничего не известно по поводу угроз арестовать сербского священника Поповича.

Руководство Комитета не предполагало, что еще 7 апреля 1917 г. сербская миссия обратилась в Министерство иностранных дел с письмом, где выражалась обеспокоенность судьбой 1 138 человек[2725] – сербских подданных, перемещенных в октябре 1916 г. из Турн-Северина в Елисаветград. В тексте отмечалось, что вследствие крайне неблагоустроенных и влажных квартир, а также слабой пищи, сербские беженцы чрезвычайно изнурены, поэтому появилось много смертных случаев, в особенности, среди детей. Было выражено опасение, что с наступлением лета смертность увеличится, так как большая часть упомянутых лиц ослаблена и склонна к туберкулезу. В документе обращалось внимание и на то, что все беженцы находятся в крайней нужде, так как кроме пособия, которое им отпускалось до 1 апреля 1917 г. через контр-адмирала М.М. Веселкина, у них не было других источников существования, из-за отсутствия возможности получать что-либо от своих родственников из Сербии[2726]. Следует отметить, что в этом письме деятельность елисаветградского Комитета помощи сербским беженцам даже не упоминалась.

[2723] Там же. Л. 4.

[2724] Там же. Л. 4 об.

[2725] Из них детей обоего пола – 320; женщин – 518; мужчин – 300.

[2726] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8704. Л. 59.

Далее в документе содержалось ходатайство сербской миссии перед Временным правительством о принятии на свой счёт содержания упомянутых сербских беженцев, дав им возможность просуществовать в России и воспитать своих детей, а также о переселении их в один из более южных российских городов России: Новороссийск, Новочеркасск или Мариуполь, с более подходящими климатическими условиями[2727]. О том, что письмо было рассмотрено, говорит карандашная пометка на документе чиновника МИД о необходимости выяснить на этот счёт мнение Татьянинского комитета[2728].

Аналогичные письма были разосланы сербской миссией и в общественные организации, способные повлиять на решение вопроса, а именно: в Татьянинский комитет и Русско-Сербское общество. 12 апреля 1917 г. П.Н. Милюков получил письмо Председателя Татьянинского комитета, где сообщалось, что посланник Сербии М.Н. Спалайкович обратился к ним с просьбой о ежемесячном пособии в 46 000 руб. на содержание в России 1 138 сербских беженцев (малолетних детей и нетрудоспособных вследствие старости и инвалидности мужчин и женщин), а также о единовременном ассигновании средств, необходимых на перевод сербских беженцев из Елисаветграда, в котором они размещены в настоящее время, в один из более южных городов, так как «климатические условия Елизаветграда крайне неблагоприятно отражаются на состоянии здоровья беженцев, в особенности, детей». При этом М.Н. Спалайкович просил, чтобы «суммы на оказание помощи сербским беженцам были переданы непосредственно в распоряжение королевской миссии для распределения таковых между беженцами через посредство сербского генерального консульства в Одессе» [2729]. Таким образом получается, что сербская миссия в Петрограде предполагала дело помощи сербским беженцам взять в свои руки. На письме Спалайковича есть резолюция председателя Татьянинского комитета в МИД с просьбой дать заключение МИД по этому поводу[2730].

Подобное обращение из сербской миссии было получено и Русско-Сербским Обществом. 29 апреля того же года с пометкой «срочно» в министерство иностранных дел было направлено письмо Председателя правления Русско-Сербского общества «об оказании денежной помощи детям сербских беженцев, находящихся в Елисаветграде и окрестностях в крайне тяжелом положении вследствие отсутствия каких-либо средств» и ходатайством передать в распоряжение общества сумму, ассигнованную Татьянинским комитетом на эти цели на первые шесть месяцев 1917 г. в распоряжение Русско-Сербского общества. Из документа следует, что в состав

[2727] Там же. Л. 60-60 об.

[2728] Название организации дается также, как в документах АВПРИ.

[2729] Там же. Л. 63-63 об.

[2730] Там же. Л. 63.

Правления Общества входили как русские, так и сербы, а товарищем председателя являлся чиновник министерства иностранных дел В.Н. Некрасов. На письме есть положительная резолюция от 28 апреля 1917 г.[2731].

5 мая 1917 г. в Татьянинский комитет был направлен ответ министра П.Н. Милюкова. По его мнению, в данных политических обстоятельствах «было бы крайне желательным привлекать к делу распределения пожертвований уже существующие общественные организации, например, Русско-Сербское общество в Петрограде»[2732]. В документе подчеркивалось, что такой способ передачи пожертвований не оставил бы неизвестным их русское происхождение[2733]. Таким образом, Милюков подчеркнул прагматический подход к делу призрения сербских беженцев, не отрицая при этом необходимость поддержки сербского населения, пострадавшего от военных действий.

22 июня 1917 г. в Елисаветграде прошло очередное заседание Комитета попечительства о сербских беженцах, где председатель Сербского Одбора Михайлович проинформировал присутствующих, что им получено 20 000 руб. на содержание беженцев за первую половину июня из МВД через сербского посланника М. Спалайковича. Это заявление стало неожиданностью для руководства Комитета. В принятом постановлении было отмечено, что в связи с тем, что представленная Комитетом смета отклонена и средства на содержание сербских беженцев, отпущенные Правительством в распоряжение Комитета, переданы сербскому посланнику, следовательно, и дело дальнейшего устройства и попечения о сербских беженцах возложено непосредственно на представителей сербского правительства. Поэтому Комитет пришел к заключению, что этим действием он фактически устраняется от возложенных на него обязанностей, о чем Комитет посчитал необходимым уведомить губернское совещание по устройству беженцев и сербского посланника в Петрограде[2734].

Представители сербских беженцев от голосования по этому вопросу воздержались и просили записать в журнал следующее заявление: «Мы, все присутствующие сербы, сознавая всю большую работу, совершенную на пользу нам, сербам, Комитетом о сербских беженцах, просим Комитет не отказываться от ведения дел попечительства, так как наше горячее желание жить в тесном единении с русским обществом, которое мы глубоко уважаем»[2735]. Тем не менее, была избрана ликвидационная комиссия, последнее заседание которой состоялось 4 сентября 1917 г.

[2731] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8704. Л. 61.

[2732] ГА РФ. Ф. 659. Оп. 1. Д. 77. Л. 6.

[2733] Там же.

[2734] Там же. Л. 6-6 об.

[2735] Там же. Л. 6 об.-7.

Таким образом, несмотря на трудности военного времени, российское правительство и общественность оказывали всестороннюю помощь сербским беженцам, практически не делая различия между ними и российскими подданными. Более того, Февральская революция ничего существенно не изменила в отношении центральных и местных властей к проблеме помощи сербским беженцам. Повсеместно была организована помощь через местные организации помощи сербским беженцам и православную церковь, отделения комитета великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий, Петроградского комитета по оказанию помощи Сербии и других.

§ 4. Российско-румынское гуманитарное сотрудничество в годы Первой мировой войны. 1914-1917.

После Балканских войн 1912-1913 гг. Румыния «сохранила первенствующее положение среди всех балканских государств по численности населения, площади территории и воинскому потенциалу, став основным гарантом незыблемости положений Бухарестского мира»[2736]. В сохранении мира на Балканах ее интересы совпадали с интересами России, что и заложило основы для их сближения в первой половине 1914 г.

Для России отношения с Румынией представляли особый интерес не только из-за общей границы, но и в том, что через ее территорию был возможен доступ к Сербии и Болгарии, чем российские военное и санитарное ведомства пользовались в период русско-турецкой 1877 - 1878 гг. и Балканских войн 1912 - 1913 гг. Именно поэтому Румыния во всех документах и планах оценивалась как важная в военно-стратегическом отношении страна. Однако сложность была в том, что румынская королевская семья и правящая верхушка, в основном, были ориентированы на Германию.

С конца 1913 г. в российско-румынских отношениях наметилось потепление, состоявшее из нескольких небольших шагов навстречу. 14 ноября 1913 г. МИД получил от посланника (1912 - 1913) Н.Н. Шебеко сообщение, что румынский престолонаследник с принцессой Марией желал бы побывать в Петербурге ко времени открытия памятника великому князю Николаю Николаевичу-старшему. Император дал согласие[2737].

В декабре 1913 г. посланником в Румынию был назначен С.А. Поклевский-Козелл[2738].

Наметившееся сближение было выгодно не только российской стороне: «после обретения государственной независимости, прочно став на ноги, национальная буржуазия стала

[2736] *Хотькова Е.С., Ермаков С.М., Каширин В.Б.* и др. Указ. соч. С. 12-13.

[2737] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2799. Сближение России с Румынией. Посещение Констанцы их императорскими величествами. 1913-1914. Л. 2.

[2738] Там же.

подумывать об упрочении своего влияния на Балканах, о занятии первого места в регионе, а в перспективе – о территориальном расширении… [Она] всегда отличалась прагматизмом, когда … [речь шла] об осуществлении ее внешнеполитических замыслов, и делала ставку на сильного. В 80-х годах … [XIX в.] таковым представлялся союз Гогенцоллернов и Габсбургов. В начале XX в. картина усложнилась и изменилась. Тогда началось нащупывание иных путей»[2739]. Имея серьезные притязания на земли соседней Болгарии и осознавая сильную сторону своего геостратегического положения, а именно возможность «открывать» и «закрывать» для России доступ на Балканы, Румыния начала лавировать между двумя европейскими блоками.

По сведениям начальника штаба Киевского военного округа генерал-лейтенанта В.М. Драгомирова (со ссылкой на агента-румына), изложенным в рапорте от 5 мая 1914 г., Румыния «переживает полосу расцвета, развития и бодрое настроение. Она считает, что, благодаря ее политической роли и армии, она обеспечена в главном – в вопросе своего существования. Держаться всегда только самостоятельно и дальше – ея задача. К России искренний поворот невозможен из-за Бессарабии и потому, что дорога России на Балканы лежит через Румынию, последней необходимо иметь за своей спиной если не Вену, то Берлин и сферу его влияния»[2740].

Сотрудники русского дипломатического представительства в Бухаресте объясняли это лавирование стремлением Румынии стремилась сохранить свою независимую позицию, «оставлявшую за ней возможность сообразовать свои действия исключительно со своими политическими интересами, прежде всего, сохраняя Бухарестский трактат»[2741].

Таким образом, военные оценивали возможное сближение Петербурга и Бухареста довольно осторожно и прогнозировали, что этот союз не может быть долговременным[2742], а российский МИД смотрел на эти перспективы более оптимистично. После личной встречи с премьер-министром Ионелом Брэтиану, предварявший монарший визит, министр С.Д. Сазонов «вынес … наилучшие впечатления, свидетельствующие о благоприятном для нас настроении румын и позволяющие надеяться на дальнейшее развитие наших добрососедских отношений»[2743].

Поездка императора Николая II в Констанцу была запланирована на июнь 1914 г. Одной из важнейших целей этого визита было «желание привлечь Румынию на нашу сторону, чтобы

[2739] За балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 18.

[2740] АВПРИ. Там же. Л. 4.

[2741] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 699. Депеши из Бухареста. 1914. Л. 23 об.

[2742] Там же. Д. 2799. Сближение России с Румынией. Посещение Констанцы их императорскими величествами. 1913-1914. Л. 4.

[2743] Там же. Л. 15.

вместе с Сербией располагать ею против Австрии, а свидание в Констанце – новый шаг для ее достижения»[2744].

Подготовка к этому значимому для российско-румынских отношений событию волновала общественное мнение и правительственные круги Австро-Венгрии. По сообщению от 3 (16) июня 1914 г. российского посла в Вене Н.Н. Шебеко, они «не перестают заниматься … вопросом [предстоящего посещения государем Румынии], с тревогой и досадой обсуждая, какое влияние может оказать это событие на будущее отношение Румынии к Тройственному союзу и, в особенности, к Австро-Венгрии. Здешняя печать, пытавшаяся сперва вполне отрицать наступившее после последней балканской войны охлаждение между Румынией и Австро-Венгрией, одно время заняла даже угрожающее положение, требуя категорического заявления со стороны Румынии о том, остается ли она по-прежнему близким другом Австро-Венгерской монархии или нет»[2745]. Эти вопросы не были случайными. Формально Румыния еще с 1883 г. состояла в союзе с Германией и Австро-Венгрией, но практически их договор не работал[2746].

3 августа 1914 г. Коронный совет Румынии принял решение о «вооруженном выжидании», но в то же время вел переговоры с Берлином и Петербургом. Дипломатическая игра велась и с балканскими государствами. По донесениям посланника С.А. Поклевского-Козелла из Бухареста, неуверенность в сохранении румынским правительством нейтралитета нарастала как в Турции, так и в Болгарии. Представитель Османской Империи даже пытался «получить от румынского правительства письменное обещание относительно сохранения Румынией нейтралитета в случае возникновения войны между Турцией или Болгарией с одной стороны и Грецией или Сербией с другой. В этом ему было отказано» [2747].

18 сентября (1 октября) 1914 г. было подписано российско-румынское соглашение. Россия признавала право Бухареста в любое время занять населенные румынами области Австро-Венгрии (Трансильванию и Южную Буковину), а также принимала на себя обязательство противодействовать любым попыткам нарушить территориальную целостность Румынии. В ответ румынское правительство гарантировало соблюдение благожелательного нейтралитета по отношению к России и ее союзникам[2748]. Это соглашение имело большое политическое и

[2744] Там же. Л. 18.

[2745] Там же. Л. 7.

[2746] *Чернявский С.А*. Дипломатия России. Опыт Первой мировой войны. – М.: ТД Алгоритм, 2016. С. 206.

[2747] РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3517. Л. 30. Сайт Памяти героев Великой войны. 1914-1918. Иностранная статистика. Румыния. Донесения дипломатических представителей России в Румынии и переписка с МИД о политике румынского правительства в период Первой мировой войны. [Электронный ресурс]. Url.: https://gwar.mil.ru/documents/view/64012412/ (дата обращения: 30.04.2021).

[2748] За балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 117.

стратегическое значение, заложив основы будущего сотрудничества в период Первой мировой войны. В то же время стоит отметить, что подписание этого документа стало еще одним шагом румынской государственной элиты в апробации своей политической стратегии, основанной на провозглашении нейтралитета, дипломатической игре и манипулировании общественным мнением. За счёт лавирования между двумя европейскими блоками Бухарест надеялся обеспечить максимально выгодные для себя территориальные приращения[2749].

Гуманитарное сотрудничество Бухареста и Петербурга началось с первых дней Первой мировой войны и касалось оно, прежде всего, проезда русских санитарных отрядов и доставки грузов на Балканы. Путь по румынским железным дорогам в тот момент был самым безопасным.

Посланник в Бухаресте С.А. Поклевский-Козелл 10 (23) сентября 1914 г. ответил на соответствующий запрос, что «плавание до Галаца вполне безопасно, далее же нашим [санитарным] отрядам благоразумнее следовать по румынским железным дорогам на Рущук, Софию и Ниш»[2750]. Румынские власти проявили добрую волю, предоставив русским санитарным отрядам экстренный поезд от Ясс до Турн-Северина. Далее им предстояло двигаться до Прахово «на заготовленном румынским правительством пароходе и баржах»[2751].

По-видимому, одновременно шли переговоры с румынским правительством о возможности доставки полушубков для сербской армии, которые вполне можно отнести к предметам двойного назначения, так и некоторых других грузов, не попадавших в разряд гуманитарных даже с большой натяжкой.

13 (26) сентября 1914 г. посланник С.А. Поклевский-Козелл передал в МИД слова премьер-министра И. Брэтиану, «что в виду происходящих ныне с нами дружеских переговоров, он бы особенно желал оказать нам просимую услугу. Он предлагал дополнительно снарядить поезд для отряда нашего Красного Креста и для начала провести в нем предметы обмундирования [для сербской армии]. Он даст приказ не вскрывать вагонов на границе, и если этот опыт пройдет благополучно и без огласки, то затем можно будет отправить в подобных же поездах и военные припасы»[2752].

Принимая гуманитарную помощь румын, российская сторона внимательно следила за тем, в какой мере она оказывалась и противной стороне. 15 ноября 1914 г. начальник дипломатической канцелярии Ставки Верховного главнокомандующего князь Н.А. Кудашев сообщил в МИД, что «по сведениям Штаба армии юго-западного фронта с достоверностью установлено, что у

[2749] *Хотькова Е.С., Ермаков С.М., Каширин В.Б.* и др. Указ. соч. С. 14.

[2750] РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3517. Л. 40.

[2751] Там же. Л. 45.

[2752] Там же. Л. 44.

Лукавицы румыны пропускают через границу на австрийскую территорию лошадей, скот и хлеб»[2753]. С.Д. Сазонов переслал это сообщение Поклевскому-Козеллу с указанием «проверить эти сведения и сообщить в Ставку и нам»[2754]. Проверка этой информации была необходима, так как российскую сторону волновало, соблюдает ли Румыния нейтралитет или всё же оказывает посильную помощь Центральным державам.

Ответ на запрос пришел в МИД уже через день. 17 (30) ноября 1914 г. С.А. Поклевский-Козелл сообщил, что «министр финансов категорически отрицает изложенные в помянутой телеграмме факты. По его словам, румынское правительство пропустило через Луковицу лишь три вагона кукурузной муки для голодающего населения трех окрестных деревень вследствие усиленной просьбы о помощи со стороны православного митрополита Буковины и тамошнего румынского населения. Мука была перевезена на телегах, запряженных лошадьми и волами, что, может быть, и вызвало дошедшие до Штаба Южного фронта слухи. Со стороны своей могу засвидетельствовать, что о нужде румынского населения Буковины после ухода наших войск из Черновиц и об оказании ему румынским правительством помощи появлялись в свое время сообщения в здешней печати»[2755]. Таким образом, российский посланник засвидетельствовал, что речь идет о гуманитарной помощи в ограниченном размере исключительно румынскому населению.

Как уже упоминалось, с самого начала Первой мировой войны и Антанта, и Центральные державы были заинтересованы на привлечении Румынии на свою сторону. Она же тянула время и имитировала приготовления «к скорому военному выступлению при действительном постепенном повышении боеготовности армии»[2756]. Однако ситуация на Балканах заставляла российскую сторону нервничать и настаивать на немедленном принятии решения. Об этом свидетельствует телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте от 18 ноября 1914 г. Со ссылкой на сведения российского военного агента в Сербии В.А. Артамонова, в ней говорилось, что «сербские войска совершенно истощены, особенно Первая армия. Отступление окончательно подорвет дух войск. На новых позициях армия продержится два - три дня. Предстоящая потеря Крагуевацкого завода невозместима. Катастрофа приближается. Если содействие Румынии нам обеспечено, то немедленное открытие действий румынской армией необходимо именно теперь, в критическую минуту, чем, в частности, будет обеспечена северо-западная Сербия. Позднее выступление Румынии не будет иметь для сербов, а также и для нас

[2753] Там же. Л. 129.

[2754] Там же.

[2755] Там же. Л. 130.

[2756] *Хотькова Е.С., Ермаков С.М., Каширин В.Б.* и др. Указ. соч. С. 14.

никакой цены»[2757]. Однако переменные военные успехи Антанты склоняли румынское правительство к затягиванию решения, чтобы не прогадать и сделать ставку на победителя[2758].

Если МИД в определенных случаях был склонен «поторапливать» своего потенциального союзника, то российское военное командование в лице генерала М.В. Алексеева полагало, что нейтралитета Румынии, учитывая слабость боеспособности ее войска, будет вполне достаточно[2759]. Ситуация с Румынией находилась в подвешенном состоянии до военной кампании 1916 г., когда наметился переход стратегической инициативы к Антанте. В конце марта 1915 г. начались переговоры между Россией и Румынией. Российский военный агент в Бухаресте полковник А.А. Татаринов и посланник С.А. Поклевский-Козелл на предварительных встречах с премьером Брэтиану и генералом Ильеску обменивались мнениями, «при каких обстоятельствах и в какой момент румынское правительство сочтет возможным выступить на стороне Антанты»[2760]. Затем переговоры перешли на уровень министерства иностранных дел.

Однако успешная наступательная операция австро-германских войск под Горлицей в мае вынудила российскую сторону форсировать события. С.Д. Сазонову «не удавалось достигнуть в переговорах с Брэтиану каких-либо успехов, он сдавал одну позицию за другой. “Воевать” ему пришлось на три фронта: с упорным, устойчивым и терпеливым Брэтиану, западными союзниками, готовыми оплатить вступление Румынии в войну за счёт России и Сербии и, наконец, с собственной Ставкой, которая с наступлением военных неудач круто изменила прежнюю точку зрения и настойчиво домогалась привлечения в помощь себе румынской армии»[2761]. Союзники России давили на румынское правительство и настойчиво требовали от него немедленных и решительных действий[2762].

Конец колебаниям румынского правительства положило успешное развитие наступления Брусилова (22 мая (4 июня) – 7 (20) сентября 1916 г.). 14 (27) августа 1916 г. Бухарест объявил о вступлении в войну на стороне Антанты. Державы Согласия пообещали Румынии за поддержку финансовую и военную помощь, а впоследствии – Трансильванию, Буковину и Банат. Действия Румынии, направившей свои войска в Трансильванию, вызвали панику в Берлине. Однако страхи оказались преждевременными: боевые качества румын оказались сильно завышены[2763]. После нескольких успешных боев румынская армия выдохлась и стала отступать.

[2757] РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3517. Л. 132.

[2758] За балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 119.

[2759] Там же. С. 118.

[2760] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 704. Донесения посланника министру из Бухареста. 1916. Л. 38.

[2761] За балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 208.

[2762] Там же. С. 251.

[2763] *Уткин А.И.* Первая мировая война. С. 270.

Российское командование в помощь румынской армии направило в Южную Добруджу 47-й корпус под командованием генерала от инфантерии А.М. Зайончковского[2764]. Продвижение противника удалось остановить[2765]. Как писал позже «Русский инвалид», оценивая обстановку на Румынском фронте в ноябре 1916 г., «русская армия оказалось единственной, кто смог прийти на помощь румынской в Южной Добрудже. В начале октября русские войска приняли на себя северную часть Румынского фронта, освободив часть румынских войск для обороны подступов к Бухаресту»[2766].

Открытие Румынского фронта повлекло за собой необходимость решения проблемы медицинского обслуживания русских войск, что требовало активного сотрудничества РОКК с румынскими властями. Князю Н.П. Урусову, главноуполномоченному Красного Креста на Румынском фронте, пришлось заниматься широким кругом проблем, связанных как с логистикой (крайняя медлительность в переброске лечебно-санитарных учреждений с других фронтов, недостаточное санитарное снабжение, в основном, проблемы доставки)[2767], так и санитарным состоянием фронта и прилегающих к нему тыловых областей, где наблюдались вспышки эпидемий возвратного и сыпного тифа, холеры, заболеваний желудочно-кишечного тракта. Его главной задачей стало не только обеспечение подразделений российской армии учреждениями Красного Креста, но и взаимодействие с аналогичной национальной организацией Румынии и румынскими властями в пределах своей компетенции.

После переговоров с посланником С.А. Поклевским-Козеллом главноуполномоченный РОКК 24 августа 1916 г. отправил телеграмму в ГУ, в которой признал крайне желательным «учредить Бухаресте для нужд румынской армии протезно-челюстной ортопедический лазарет и хотя бы один подвижной лазарет... Первый лазарет, пополнив, могу взять из Одессы, где имеется уже [подобный от] военного ведомства. Кроме того, королева [Мария] высказала мне пожелание получить от нас дантистов и фармацевтов и, может быть, сестёр. Могу найти в своём районе. Прошу разрешения… Дело эвакуации [раненых]… [движется] благодаря предупредительности [румынского] правительства»[2768]. 27 августа Урусов был представлен румынскому королю. Тогда же прошло совещание с представителями румынского военного командования и национального отделения Красного Креста.

[2764] Добруджанская армия А.М. Зайончковского на Румынском фронте осенью 1916 г. Военно-исторический журнал. 2020. 6 апреля. [Электронный ресурс]. Url.: http://history.ric.mil.ru/Stati/item/253507/ (дата обращения: 15.05.2021).

[2765] За балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 263.

[2766] Русский инвалид. 1916. 28 ноября. С. 4.

[2767] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1215. Л. 5.

[2768] Там же. Д. 1541. Л. 3, 74.

Придерживаясь существующей практики РОКК поддерживать своих союзников в военное время отправкой санитарных отрядов, посланник С.А. Поклевский-Козелл 27 августа (9 сентября) отправил в МИД запрос, предполагается ли послать таковой в Румынию, с комментарием, что «посылка такого отряда была бы встречена с благодарностью в Румынии, где ощущается недостаток в хирургах и сёстрах милосердия»[2769].

Основываясь на данных, предоставленных князем Урусовым и запросе посланника С.А. Поклевского-Козелл, ГУ РОКК постановило учредить в Бухаресте для нужд румынской армии протезно-челюстной ортодонтологический лазарет и подвижной лазарет. Оба лазарета будут обслуживаться русскими дантистами, фармацевтами и сёстрами милосердия[2770]. 23 сентября 1916 г. было утверждено его штатное расписание. Опыт создания таких учреждений у ГУ РОКК уже был: в ходе войны выяснилась необходимость создания специальных ортодонтологических отрядов Красного Креста, хотя бы по одному на армию. Такая работа требовала специальных навыков и дополнительного оборудования. В начале октября князь Урусов выехал в Бухарест для решения вопроса о подготовке помещения для ортодонтологического госпиталя[2771].

Однако несмотря на благожелательное отношение румынских властей, дело обеспечения российских войск медицинским обслуживанием двигалось невероятно медленно. Время шло, а предназначенные для обслуживания корпуса санитарные отряды находились в состоянии формирования и российскую границу не пересекали. Об отсутствии поддержки от Красного Креста генерал А.М. Зайончковский доложил командованию. В телеграмме из Ставки Верховного главнокомандующего в ГУ РОКК от 1 сентября 1916 г. говорилось, что русские войска двигаются «по чужой стране, очень бедной в экономическом отношении» и потому поставлены в тяжелое положение. Не было организовано ни питание проходящих команд, ни обслуживание раненых и их эвакуация из прифронтовой зоны, «так как лечебных и санитарных средств в стране очень мало»[2772].

На следующий день князь Урусов сообщил председателю РОКК А.А. Ильину о достигнутых соглашениях с румынским правительством и Румынским Красным Крестом. В распоряжение русской армии предоставлялось три санитарных поезда, требовался только русский персонал. Как оказалось впоследствии, «два поезда были даны крайне плохие и их почти заново пришлось снабжать медикаментами, бельём, инвентарем, а третий поезд представлял из себя ряд товарных

[2769] АВПРИ. Ф. 145 (Румынский стол). Оп. 498. Д. 1416. 1916. Л. 1.

[2770] Вестник Красного Креста. 1916. № 8, октябрь. С. 2788.

[2771] Там же. 1917. № 1. С. 339.

[2772] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1541. Л. 11.

вагонов с нарисованными красными крестами, и настолько не соответствовали представлению о санитарном поезде, что специальная комиссия не решилась принять его»[2773].

Кроме того, князь Урусов получил разрешение использовать румынскую территорию для организации складов и эвакуации раненых, а также оборудовать три питательных пункта: в Констанце, Яссах, Хехжидие. Для ускоренного решения вопроса о медицинском обслуживании князь Урусов предложил воспользоваться румынским госпиталем, создав русское отделение[2774]. Так как князь Н.П. Урусов отвечал за деятельность Красного Креста на всём Румынском фронте, уполномоченным ГУ в Румынии, согласно телеграмме от 6 сентября 1916 г., стал посланник С.А. Поклевский-Козелл[2775].

По вопросам медицинского обслуживания военных подразделений союзников на Румынском фронте Российское общество Красного Креста сотрудничало с аналогичными национальными организациями Великобритании, Франции, Румынии и оказывала им возможное содействие. Например, когда 13 (26) октября из Англии был командирован санитарный отряд из 37 человек, следовавший от Архангельска до румынской границы по российской территории[2776], то были сделаны распоряжения «об оказании возможного внимания и содействия персоналу английского отряда, … а равно о беспрепятственном пропуске 200 тонн медикаментов и 7 автомобилей, которые означенный отряд везет с собой»[2777].

С такой же предупредительностью российские власти отнеслись к французскому санитарному отряду доктора Лансиена из Торнео, о котором посол Извольский сообщил в МИД 18 октября 1916 г., одновременно ходатайствуя о «беспрепятственном пропуске транзитом санитарного материала отряда»[2778]. В результате были сделаны соответствующие распоряжения, освободившие отряд не только от таможенных сборов, но и от платы за проезд по российской территории[2779]. Такие же льготы были предоставлены и следующему французскому санитарному отряду, и его имуществу в конце октября того же года[2780].

Получил право беспошлинного и бесплатного провоза 46 ящиков санитарных материалов для Румынского Красного Креста через территорию России и делегат Румынского общества

[2773] Вестник Красного Креста. 1917. № 1. С. 339.

[2774] РГВИА. Там же. Л. 78-79.

[2775] Там же. Л. 79.

[2776] АВПРИ. Ф. 145. Румынский стол. Оп. 498. Д. 272. 1916. Британский Красный Крест. Л. 3.

[2777] Там же. Л. 1.

[2778] Там же.

[2779] Там же. Д. 273. Л. 3, 4.

[2780] Там же. Д. 274. Санитарная миссия для Румынии. 1916. Л. 1.

Красного Креста, следовавший из Парижа незадолго до оккупации румынской столицы неприятелем[2781].

29 октября 1916 г. князь Н.П. Урусов телеграфировал в ГУ, что на «Добруджанский фронт прибыли четыре английских отряда Красного Креста для обслуживания сербских дивизий»[2782]. Так как генерал Живкович в связи с этим ходатайствовал «о принятии их содержания за счёт … кассы [князя Урусова]», то главноуполномоченный спешно запросил соответствующих указаний[2783]. К сожалению, не удалось установить, что имел в виду генерал Живкович: содержание английского персонала или медицинских учреждений, им организуемых, возможно, речь шла только о раненых и больных воинах, а также пока не обнаружен ответ ГУ.

Из телеграммы баронессы В.И. Икскуль фон Гильденбанд и гофмейстера А.А. Ильина главноуполномоченному РОКК на Юго-Западном фронте сенатору Б.Е. Иваницкому от 6 ноября 1916 г. известно, что «с высочайшего государя императора повеления [в] Бухарест … [был направлен] снаряженный Кауфманской общиной образцовый хирургический лазарет»[2784]. Далее предлагалось найти главного врача для этого лазарета – «хорошего хирурга непременно [с] русской фамилией, но владеющего французским языком» и даже предлагалась кандидатура одного из врачей лазарета великой княгини Ольги Александровны[2785].

Прибытие лазарета Кауфманской общины совпало по времени с полосой неудач румынской армии. К 1 октября она потеряла все свои завоевания. 19 октября немцы вошли в главный румынский порт – Констанцу. 23 ноября германо-болгарские войска без особых усилий форсировали Дунай и создали угрозу румынской столице[2786]. Предпринятые румынами попытки остановить противника успехами не увенчались[2787].

Корреспондент «Русских ведомостей» сообщил 22 ноября о состоявшемся в Ставке румынского короля совещании с участием представителей Румынского Красного Креста и князя Н.П. Урусова по поводу плана эвакуации раненых и лечебных учреждений в Молдавию[2788].

Отчеты о работе лазарета Кауфманской общины и ортодонтологического госпиталя в Бухаресте для обслуживания румынских раненных воинов обнаружить не удалось. Одной из причин, вероятно, стало то, что румынская столица, находившаяся всего в 50 верстах от

[2781] Там же. Ф. 145. Оп. 498. Д. 1392. 1916. Л. 3.

[2782] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1541. Л. 169.

[2783] Там же.

[2784] Там же. Л. 185.

[2785] Там же.

[2786] *Уткин А.И.* Указ. соч. С. 282.

[2787] Русские ведомости. 1916. 23 ноября. С. 3.

[2788] Там же; Русский инвалид. 1916. 28 ноября. С. 5.

болгарской границы, 7 декабря 1916 г. была захвачена неприятелем и русские медицинские учреждения пришлось спешно эвакуировать. Румынское правительство и королевская семья переехали в Молдавию.

Кое-что о работе русского бухарестского ортодонтологического госпиталя, как и дальнейших планах развития российско-румынского сотрудничества по линии Красного Креста, можно узнать донесения князя Урусова в ГУ [без даты, не ранее 7 декабря 1916 г.]. Главноуполномоченный РОКК передал, что для обеспечения содействия со стороны румынских властей, «после переговоров с румынским министром внутренних дел и начальником санчасти, … был с докладом у королевы, прося ее содействия. Ее величество, выслушав мои соображения о встречаемых затруднениях и необходимых мерах к удовлетворению наиболее существующих нужд краснокрестного обслуживания армий, милостиво обещала возможную помощь и одновременно изволила выразить желание, чтобы наш бухарестский госпиталь Красного Креста, предназначенный специально для лечения румын, будучи ныне эвакуирован в Кишенев, продолжал выполнять свое первоначальное назначение, т.е. обслуживал бы румынских раненых. Кроме того, ея величество высказала пожелание, чтобы русский Красный Крест оказал некоторую помощь увечным (ампутированным) румынам путем снабжения их протезами»[2789].

Из этого же донесения становится известно, что «раненые румыны по принятому порядку в известном количестве … эвакуируются в Россию». Учитывая этот факт, князь Урусов предложил предоставить румынским инвалидам 50 кроватей в одном из лазаретов Елисаветграда, где имелась мастерская Красного Креста для изготовления протезов[2790].

Заботясь об организации для раненых и проходящих войск около железнодорожных линий Текучиу – Бырлат – Яссы ряда питательных пунктов и «будучи осведомлен о полном отсутствии для этой цели каких-либо помещений», князь Н.П. Урусов попросил королеву Марию распорядиться о предоставлении ему некоторого количества румынских вагонов, которые можно снять с колес и поставить по несколько у каждой станции, где были намечены чайно-питательные пункты. Это ходатайство «было с готовностью удовлетворено, и в тот же вечер румынскою администрациею были сделаны необходимые в этом направлении распоряжения»[2791].

Центром эвакуации стали Яссы. Румынские власти предоставили здание для русского госпиталя в Яссах и дали стоянку госпитальному судну «Атэнэ» в Галаце[2792]. По данным румынского главного инспектора доктора Флора, за время с начала военных действий плотность

[2789] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1215. Л. 4.

[2790] Там же. Д. 1541. Л. 185.

[2791] Там же. Д. 1215. Л. 4 об.-5.

[2792] Вестник Красного Креста. 1917. № 1. С. 332.

населения в Яссах увеличилась почти в 7 раз, с 60 000 жителей в мирное время до 400 000. Произошло это из-за большого скопления раненых и беженцев, покидавших прифронтовую зону.

Несмотря на то, что Яссы были разделены на шесть участков, в каждом из которых был врач и два фельдшера, поддерживать его в удовлетворительном санитарном состоянии было очень сложно. По данным на февраль 1917 г. из-за отсутствия топлива общественные и частные бани не работали[2793], что вместе со скученностью населения и недостатком продовольствия постоянно угрожало эпидемиями.

Еще одной проблемой стали беженцы. В конце ноября 1916 г. «Русские ведомости» со ссылкой на румынскую прессу сообщили о массовом бегстве румын, что ухудшало положение приграничных районов: «через Бухарест проходят длинные вереницы крестьянских телег, нагруженных женщинами, детьми, багажом, гонится домашний скот. Молдавия переполнена беженцами из Добруджи и русскими войсками. Неизбежное прибытие новой партии беженцев еще больше затруднит положение местного населения, а также может вызвать голод и эпидемии»[2794].

В первой декаде декабря 1916 г. «Правительственный вестник» констатировал, что Бухарест покинуло около 60 000 беженцев (1/10 часть населения столицы). Среди них были практически все чиновники и зажиточные горожане[2795]. Часть беженцев двигалась в сторону России.

Появление их на российской территории вызвало со стороны МВД ряд мероприятий, направленных к облегчению передвижения румынских беженцев и их дальнейшего устройства. С этой целью бессарабскому, подольскому, херсонскому и киевскому губернаторам были отпущены необходимые средства, приняты меры к снабжению беженцев-румын, в случае потребности, тёплою одеждою и бельём, а также сделаны распоряжения об оборудовании путей следования их питательными и врачебными пунктами и помещениями для жилья[2796].

В 1917 г. в России (Одессе, Херсоне, Кременчуге и других городах) возникла крупная румынская колония, сюда же была вывезена часть военных производств, воинские учреждения и арсенал военно-морских сил, орудийные ремонтные мастерские, десять госпиталей и т.д. Кроме военных, рабочих и членов их семей, на юге России нашли пристанище румынские парламентарии. Общее число беженцев составило около 25 000 человек[2797].

К январю 1917 г. положение Румынии можно было охарактеризовать как отчаянное. В оккупированной части «немецкая администрация довела систему поборов и реквизиций до

[2793] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1215. Л. 7.

[2794] Русские ведомости. 1916. 23 ноября. С. 3.

[2795] Правительственный вестник. 1916. 9 (22) декабря. С. 3.

[2796] Там же. 26 ноября (9 декабря). С. 3.

[2797] За балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 338.

высокой степени совершенства, переписав имущество крестьян до последней курицы и оставляя им зерна лишь на нищенский прокорм»[2798]. По свидетельству российских дипломатов в оставшейся части свирепствовали голод, разруха и эпидемии. Была введена жесткая карточная система, но и она не решала проблем из-за отсутствия достаточного количества продовольствия. Некому было обрабатывать поля: мобилизация лишила села рабочих рук. Правительство пыталось выйти из положения за счёт поставок из России. До апреля месяца они, хотя и с перебоями, но поступали. Затем снабжение разладилось[2799].

В сентябре положение стало приближаться к критическому. Не последнюю роль в этом сыграла смена политического строя в России и неспособность Временного правительства решать поставленные военным временем задачи. 15 (28) сентября 1917 г. посланник С.А. Поклевский-Козелл сообщил в МИД, что «… румынское правительство продолжает вести себя как самый верный союзник. Однако, рассуждая теоретически, можно допустить, что, если румыны окончательно убедятся в нашем нежелании продолжать войну или внутренняя разруха в России лишит их возможности получать военные припасы и продовольствие, тогда румынское правительство сочтет, что оно покинуто своим ближайшим союзником, на которого оно больше всего рассчитывало… и попытается спасти страну от окончательного разгрома непосредственным соглашением с неприятелем …»[2800]. Россия стремительно теряла возможность поддерживать своих союзников. Ее место было занято другими.

Перспектива сепаратного мира Румынии с Центральными державами тревожила союзников и США. По сообщению посла Б.А. Бахметьева, в октябре 1917 г. Бухарест получил американский займ в 5 000 000 долларов на покупку в России продовольствия[2801]. Однако ситуация на фронте и в тылу румынской армии вынудила румынское правительство отступить от договоренностей с Антантой и подписать 26 ноября (9 декабря) 1917 г. перемирие с Центральными державами.

[2798] Там же. С. 287.

[2799] Там же.

[2800] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3917. Продовольственная и финансовая помощь союзной Румынии. 1917. Л. 2-2 об.

[2801] Там же. Л. 26.

Заключение

Российская гуманитарная и благотворительная помощь, в соответствии со своим предназначением, оказывалась балканским народам во время стихийных бедствий и военных действий. Она была направлена на поддержку больных и раненных воинов, а также наиболее пострадавших категорий населения. Участие России в судьбе балканских народов было вызвано взаимосвязанными государственными задачами по поддержке православного населения, находящегося под властью Османской Империи, обеспечению свободного прохода российского флота через Босфор и Дарданеллы и укреплению международного авторитета Российской Империи среди великих держав и балканских народов.

Великий Восточный кризис 1875-1878 гг. в российском МИД восприняли как шанс вернуть позиции, утраченные после Крымской войны (1853-1856 гг.). В ситуации, когда с одной стороны, существовали договоренности с великими державами о невмешательстве, а с другой требовалось немедленное и активное реагирование на события в интересах православных балканских народов, в среде российской дипломатии вызревает идея использовать частную благотворительность при «полном бездействии» официального Петербурга. Направление деятельности подсказали социальные проблемы населения Боснии и Герцеговины, находившегося на грани региональной гуманитарной катастрофы. По мнению части российских дипломатов, масштабная благотворительная помощь давала некое «моральное право» на активное участие в судьбах балканских народов. А учитывая низкий уровень экономического развития балканских государств, она же должна была стать одним из инструментов влияния на политические и экономические процессы в регионе.

Эта стратегия давала несколько преимуществ. Во-первых, реализовывалась одна из важнейших составляющих российской балканской политики – всесторонняя поддержка православных народов, находившихся под властью турецкого султана. При этом официальная Россия оставалась в тени, что давало ей определенную свободу маневра на внешнеполитической арене. Во-вторых, на решение текущих задач использовались внебюджетные средства. Видимая польза такого подхода позволила преодолеть имевшиеся у части российской элиты опасения, что благотворительной помощью смогут воспользоваться инсургенты для расширения восстания, что в планы российского внешнеполитического ведомства не входило.

Для придания частной благотворительной помощи форму всенародного движения в пользу пострадавших от военных действий балканских славян, был использован авторитет Церкви и возможности государственного аппарата. Св. Синод не только дал разрешение на целевые сборы, но и обязал священников вести разъяснительные беседы среди прихожан. Губернаторы и местные власти поддерживали все инициативы временных и постоянных комитетов, а также частных лиц в пользу пострадавших от военных действий балканских славян. Всё это

способствовало притоку денежных и вещевых пожертвований. Эта схема увеличения сборов использовалась вплоть до октябрьских событий 1917 г.

При этом следует отметить, что большинство из тех, кто непосредственно принял участие в оказании помощи пострадавшим балканским славянам, а также жертвовал на это средства, был далек от политических расчётов и искренне сочувствовал «братьям по вере».

Успешным сборам пожертвований способствовали кампании в прессе, как правило, совпадающие с периодами российской активности на Балканах. В столичных и провинциальных газетах публиковались многочисленные статьи, обзоры, интервью на актуальные балканские темы, что делало славянскую тему одной из самых значимых. Привлекательная идея помощи братьям по вере довольно быстро охватила практически все слои населения. Популярную тему стали использовать многие российские общественные деятели, чтобы высказываться по широкому спектру вопросов внешней и внутренней политики. Рост общественной активности в славянском вопросе натолкнул лидера славянофилов И.С. Аксакова на мысль, что российское правительство может использовать «общественное мнение» во внешней политике как фактор давления на европейцев. Однако монополизировать тему помощи славянам, в том числе гуманитарной, было невозможно: она активно использовалась внутренней оппозицией для давления на российское правительство. Такие возможности подпитывались симпатией населения Российской Империи балканским народам, сопереживавшим своим «славянским братьям». Не последнюю роль играла и православная идентификация.

От имени российской общественности основными акторами на Балканах были Российское общество Красного Креста (до 1879 г. – «Общество попечения о раненых и больных воинах»), Московский славянский благотворительный комитет и его петербургское отделение (с 1877 г. – Петербургское (Петроградское) славянское благотворительное общество). Несмотря на то, что в начале Великого Восточного кризиса решались базовые гуманитарные проблемы, касающиеся предоставления продовольствия и оказания медицинской помощи, обе организации впервые столкнулись с такими объемными задачами на обширной территории вне пределов Империи. Кроме того, им пришлось работать на пределе своих возможностей довольно большой временной отрезок – почти три года.

Российское общество Красного Креста, находившееся под покровительством императрицы Марии Федоровны (до 1879 г. – императрицы Марии Александровны), обладало серьезной материальной базой и всячески подчеркивало неполитический характер своей деятельности. В силу своего устава оно являлось частью международного краснокрестного движения, поэтому участие РОКК в балканских событиях всегда воспринималась как легитимное, уровень оказываемой организацией медицинской помощи всегда был на высоком уровне, а принимающей стороной неизменно отмечался профессионализм и самоотверженность

персонала. Деятельность организации на Балканах организовывалась таким образом, чтобы поддержать «честь русского имени».

Санитарным отрядам РОКК и их уполномоченным приходилось работать в тяжелых условиях военного времени, зачастую отягощенных эпидемиями и отсутствием элементарных бытовых удобств. Ежедневная деятельность русского персонала была подвигом милосердия и человеколюбия. РОКК оказывал медицинскую и благотворительную помощь как больным и раненым воинам, так и гражданскому населению всех враждующих сторон, невзирая на конфессиональную принадлежность. Так, во время греко-турецкой войны 1897 г. русский санитарный отряд впервые был отправлен в Турцию, где своим трудом заслужил признательность османского правительства. Всё это способствовало укреплению международного авторитета России.

При этом следует отметить, что для достижения наилучшего впечатления от своей деятельности, РОКК старалось учитывать допущенные им ошибки и не совершать их впредь. Если в период сербо-турецкой войны 1876 г. еще была возможна отправка на Балканы санитарных отрядов, сформированных без ведома «Общество попечения о раненых и больных воинах», а их промахи и ошибки приписывались Русскому Красному Кресту, то к началу XX в. это было практически невозможно. Во время Первой и Второй Балканских войн такие отряды были единичными случаями, а результаты их активности с деятельностью РОКК не связывались.

Русские санитарные отряды на Балканах предпочитали действовать автономно, однако успешность их деятельности зачастую зависела от местных военных и гражданских властей. В частности, негативный опыт сербо-турецкой войны 1876 г. стал следствием отсутствия местных военно-санитарных служб, находившихся в стадии формирования, а также практики совместной работы с иностранными санитарными миссиями. В то же время на итоги деятельности русских санитарных отрядов влияла излишняя инициативность руководства ГУ РОКК: стремление сделать Россию сопричастной к такому значимому событию Первой Балканской войны, как взятие Адрианополя, побудило ГУ РОКК, отправить к месту боев лазарет Кишеневской Гербовецкой общины из Софии и летучий отряд, выделенный из состава московского лазарета, находившегося в Скопье, не обсудив свои действия с болгарской и сербской военно-санитарными службами. Оба русских медицинских учреждения не нашли применения своим силам и были вынуждены покинуть Балканы. Но если этот эпизод в какой-то мере можно считать недоразумением, то на судьбу санитарного отряда Я.И. Чаброва на Салоникском фронте (1916-1917) повлияло стремление сербской военно-санитарной службы вернуть себе контроль над медицинской помощью сербским воинам.

По масштабам деятельности и охвату территории на Балканах пик гуманитарной помощи Российского общества Красного Креста пришелся на Первую Балканскую войну. Проделав

гигантскую работу и «отстояв честь русского имени», РОКК проиграл в информационном поле: в российском обществе надолго укоренился тезис, что основная тяжесть гуманитарной помощи славянским народам в 1912-1913 гг. легла на плечи «прогрессивной общественности», под которой понимались оппозиционные силы. Собранный фактический материал о деятельности различных организаций в этот период позволяет опровергнуть это утверждение.

Чем заметнее было присутствие РОКК на Балканах, тем больше российская и местная общественность уделяли внимание его деятельности. В прессе активно обсуждался широкий круг проблем от необходимости и объемов гуманитарной помощи до оценки деятельности РОКК, отдельных санитарных отрядов и их членов. Некоторые вопросы политизировались и вызывали полемику в прессе. Такой накал страстей в какой-то мере объяснялся завышенными ожиданиями от активности Российского общества Красного Креста на Балканах как у части российской общественности, так и местного населения страны пребывания.

Еще одной организацией, чья гуманитарная деятельность была заметна на Балканах, было Петербургское славянское благотворительное общество. В рассматриваемый нами период Московский славянский благотворительный комитет и его петербургское отделение претерпели несколько трансформаций. В результате Петроградское (Санкт-Петербургское) славянское благотворительное общество стало действенным инструментом российского МИД по укреплению российского влияния на Балканах.

К 1870-м годам Московский славянский благотворительный комитет и его петербургское отделение (Славянские комитеты) по масштабам своей деятельности были небольшими организациями, поэтому, чтобы обеспечить им возможность для решения актуальных задач на Балканах, государственная власть усиливала их инициативы поддержкой губернских властей и Св. Синода. Благодаря этому в период сербо-турецкой войны 1876 г. и подготовки русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Московскому славянскому благотворительному комитету удалось сыграть большую роль в организации добровольческого движения, в том числе, отправке санитарных отрядов, а также стать «дымовой завесой» активности российского правительства, оттянув внимание великих держав и Османской империи на российскую общественность. Таким образом, развитие Восточного кризиса повлекло за собой изменение задач славянских комитетов, большая часть которых вышла за рамки благотворительных. Часть членов Славянских комитетов окрепла в убеждении, что материальная помощь балканским народам может быть действенной только в случае поддержки их национальных движений, в чем и состоит миссия России на Балканах. Вследствие этого благотворительная помощь трактовалась членами славянских комитетов расширительно и, кроме человеколюбивых, включала политические мотивы. Излишняя самостоятельность Славянских комитетов в конце 1870-х годов создавала угрозу

международных осложнений, однако, до начала русско-турецкой войны 1877 - 1878 гг. польза от активности славянских комитетов, по мнению российского МИД, превышала возможные риски.

Поступивший в конце 1876 г. в период подготовки к войне с Османской империей приказ Александра II о перерегистрации устава Московского славянского благотворительного комитета и выделении его петербургского отделения в самостоятельную организацию стал сигналом о необходимости жесткой координации их действий на Балканах с российской властью. Новый устав подчеркнул неполитический характер деятельности Московского и Санкт-Петербургского славянских благотворительных обществ, зафиксировал границы их действия, а также подчинил их МВД, поставив в один ряд с другими благотворительными организациями Российской империи.

Однако последующая активность уполномоченных Санкт-Петербургского и Московского славянских благотворительных обществ в Черногории («миссия А.В. Васильева») и Болгарии (А.А. Нарышкин и Д.А. Хомяков) показала разницу в подходах к благотворительной деятельности по сравнению с официальной Россией. МИД этот опыт учел и впоследствии старался не допускать самостоятельных действий на Балканах представителей каких-либо организаций. Уполномоченными становились либо члены российских дипломатических миссий, либо старшие врачи санитарных миссий, настолько занятые выполнением своих прямых обязанностей, что не имели времени для развития каких-либо других инициатив.

И всё же, несмотря на различие подходов к гуманитарной деятельности официальных представителей и уполномоченных Славянских благотворительных обществ, их активность объективно содействовала развитию народного образования и здравоохранения в балканских государствах, а привлечение к этому делу местного православного населения (советы при благотворительных организациях) стимулировало проявление общественной инициативы и формированию гражданского общества. Кроме того, за счёт пожертвований из России восстанавливались разрушенные православные церкви и их внутреннее убранство.

Общеизвестно, что после Берлинского конгресса Петербургское славянское благотворительное общество было поставлено под жесткий контроль, а Московское – закрыто. В последующие годы Петербургское славянское благотворительное общество вернулось к своей «скромной деятельности» в гуманитарной сфере, а его руководство принимало решения с оглядкой на правительство и действовало в тесном контакте с МИД, МВД и РОКК. В случае локальных войн, не укладывавшихся в представления членов Петербургского славянского благотворительного общества о славянском единстве (сербо-болгарская война 1885 г., Вторая Балканская война), решения об оказании гуманитарной помощи принимались по указаниям из МИД.

Впрочем, следование указаниям властей не исключало всплесков «неповиновения» отдельных членов организации, стремившихся «возродить былую славу», что показал ее внутренний кризис 1899 г. Вовлеченность в него императора, следившего за борьбой за руководство в Петербургском славянском благотворительном обществе по донесениям министра иностранных дел, говорит о том, что государственная власть признавала пользу от его деятельности на Балканах и из возникших затруднений искала выход, не связанный с закрытием организации.

Оперативному и адресному решению гуманитарных проблем на местах способствовала постепенно сложившаяся практика во время военных конфликтов или стихийных бедствий создавать при российских императорских миссиях благотворительные комитеты. В их задачу входил контроль за распределением пожертвованных средств и вещей из России. Как правило, эти временные организации сотрудничали с национальными властями и комитетами, поддерживали местные благотворительные организации. Если было необходимо, главы российских миссий (или комитетов) публиковали отчеты о своей деятельности в местной прессе. Такие методы работы позволяли оказывать помощь максимально открыто, не давая поводов для создания очагов напряженности как с местным населением, так и европейскими представителями.

Подход к решению гуманитарных проблем на Балканах был дифференцированным: направления гуманитарной и благотворительной помощи балканским народам и их объемы зависели не только от масштабов бедствий, но и актуальной международной ситуации и взаимоотношений с местными элитами. При этом, как правило, наблюдалась неравномерность в объемах и сроках предоставления помощи, в зависимости от того, куда перемещался центр событий и интересов. Пожертвования распределялись как между отдельными балканскими странами, так и между различными группами призреваемых внутри одного государственного образования.

Когда требовали международные обстоятельства, и Россия вступала в политические альянсы и компромиссы с европейскими государствами, то их условия стали распространяться и на гуманитарную помощь. Мюрцштегские соглашения (1903) с Австро-Венгрией, кроме прочего, содержали пункт о гуманитарной помощи Македонии, сделав таким образом первые шаги в институализации этого процесса.

С конца XIX в. гуманитарная и благотворительная помощь балканским народам становится частью имиджа «великой державы», что неизбежно привело к обострению конкуренции среди европейских государств в гуманитарной сфере. Эта тенденция, прежде всего, была связана с желанием государства-донора укрепить свое влияние в стране-реципиенте и продвигать свои интересы за счёт привлекательного образа.

Благие намерения не всегда приводили к необходимым результатам: планомерная и продуманная помощь России болгарским беженцам, находившимся на территории Сербии после начала сербо-турецкой войны 1876 г., чуть не привела к социальной напряженности между коренным и пришлым населением, социальная поддержка которого Комитетом при российской миссии превышала уровень жизни местных жителей. Удержать ситуацию под контролем удалось с трудом и только благодаря благотворительным акциям в пользу беднейших сербских провинций, где компактно проживали болгары.

С последней четверти XIX в. у части российской элиты и, прежде всего, сотрудников МИД, не раз возникало искушение использовать широкую гуманитарную помощь либо как гарантию «вечной лояльности», либо как средство давления на национальные правительства для принятия желаемых решений. Подобные иллюзии довольно быстро рассеивались. Надежды на масштабную благотворительную деятельность в Восточной Румелии воплотиться не смогли: политические интересы болгарских элит и давление великих держав перевесили. Ожидания посланника Г.Н. Трубецкого в начале Первой мировой войны, что Сербия пойдет на территориальные уступки Болгарии в интересах Антанты в благодарность за помощь России также не оправдались.

На рубеже XIX и XX веков происходили сложные геополитические процессы, завершалось создание двух блоков мировых держав, втягивавших в свою орбиту всё новые и новые государства. Активно перекраивалась карта мира, противоборство Антанты и Тройственного союза шло практически по всем направлениям. Не стала исключением и гуманитарная сфера. Чем сильнее была конкуренция европейских держав, тем более прагматичным становился подход к гуманитарной помощи на Балканах. Реальные социальные проблемы всё больше использовались в политических расчётах как великих держав, так и лидеров балканских государств.

Если в начале Великого Восточного кризиса 1875-1878 гг. поддержка герцеговинских и боснийских беженцев была безусловной, то впоследствии их нужды стали замечать в зависимости от возможных политических дивидендов, ожидаемых в ближайшей или среднесрочной перспективе. Увеличение или уменьшение помощи приводили в движение большие массы людей, вынуждая перемещаться в определенном направлении, давая экономические и политические преимущества одним государствам и ставя в затруднительное положение других. Постепенно проблемы беженцев и безопасности в регионе стали использоваться не только великими державами, но и балканскими странами для укрепления своих позиций.

Стремясь избежать ситуации, когда придется вмешиваться в балканские дела, нарушив свои планы на Дальнем Востоке, российский МИД медлил с решением об оказании гуманитарной

помощи после Илинденского восстания 1903 г. в Македонии, несмотря на донесения своих дипломатических представителей. Дело было не только в подготовке русско-японской войны, мобилизовавшей практически все ресурсы, но и политических причинах. У российского МИД не было уверенности в том, что распад Османской империи и ее уход из Европы соответствует национальным интересам России и что она сможет занять желаемое место в последующем раскладе сил. В результате российская гуманитарная помощь в Македонию и Болгарию начала поступать с большим опозданием. При этом, чтобы не допустить даже тени сомнений у европейских правительств в благотворительных целях пожертвований и не вызвать их вопросы на эту тему, сбор средств в пользу пострадавших македонцев был поручен РОКК, а по приказу министра иностранных дел графа В.Н. Ламсдорфа они распределялись с участием российских дипломатов и их иностранных коллег.

В период Второй Балканской войны решение о помощи противоборствующим сторонам также принимается с большим опозданием. Основная нагрузка в отправке санитарных отрядов и медицинского персонала, а также помощи беженцам легла на РОКК и Петербургское славянское благотворительное общество. Одним из последствий Второй Балканской войны стало охлаждение жертвователей к балканским проблемам ввиду политической ориентации балканских народов на европейцев. Более-менее регулярно пожертвования в пользу балканских народов, пострадавших от военных действий, поступали от Св. Синода, Красного Креста и Славянского благотворительного общества. Однако суммы поддержки были скорее символическими и существенную помощь оказать не могли.

Наметившиеся в конце XIX–начале XX вв. тенденции в области гуманитарной и благотворительной помощи балканским народам в полной мере проявились в годы Первой мировой войны, появились и новые точки роста.

На первом этапе (28 июля 1914 г.–октябрь 1915 г.) Россия имела достаточно ресурсов, чтобы оказывать широкомасштабную гуманитарную помощь балканским союзникам, в том числе, посылать санитарные отряды в Сербию и Черногорию. Основная роль в их формировании принадлежала РОКК, в меньшей степени – Петербургскому славянскому благотворительному обществу, а содержались они на средства, собранные у населения России. Денежные и вещевые пожертвования были столь велики, что Комитет при российской императорской миссии в Нише мог оказывать разнообразную помощь не только сербам, но и черногорцам.

Свои действия на Балканах до осени 1915 г. российские представители согласовывали с национальными правительствами, а в определенных вопросах, требующих совместных действий, таких, например, как борьба с эпидемиями в Сербии или транзит гуманитарных грузов через Болгарию и Румынию, еще и с союзниками. Так, в Сербии решения о том, на какие социальные проблемы стоит обратить внимание в первую очередь, принимались с учетом того, чем

занимаются представители союзников или нейтральных. Сербия была поделена на сектора, каждый из которых находился в зоне ответственности русских, французов, англичан или американцев. Поэтому в случае необходимости координации действий созывались совещания или проводились консультации. Тенденция к совместному решению проблем проявлялась и в последующие годы, однако, стали набирать силу центробежные силы, что было связано с борьбой за итоги войны.

На втором (осень 1915 г.–октябрь 1917 г.) практически каждый шаг в гуманитарной сфере России приходилось согласовывать с союзниками, да и средства на гуманитарную помощь находились всё тяжелее. После поражения Сербии и Черногории осенью 1915 г. Россия в очередной раз утратила свое влияние на Балканах и перед ней снова встала задача по его возвращению. Инициатива на балканском направлении была перехвачена французами и англичанами. Однако, несмотря на усилия европейских правительств, полностью устранить Россию от решения сербских и, частично, черногорских проблем всё же не удавалось.

Кроме того, возросла роль нейтральных государств и нейтральных организаций, имевших возможность выступать посредниками в деле гуманитарной помощи. Первые из них могли облегчить или затруднить выполнение гуманитарных задач, способствуя или препятствуя транзиту гуманитарных грузов, закупке медикаментов и продовольствия и так далее. Помощь вторых была неоценима в ситуациях, вызывавших противодействие союзников или в связи с требованиями противников, как мы видели на примере организации помощи населению оккупированных территорий Сербии и Черногории. У России не было возможности действовать напрямую, она была вынуждена прибегать к посредникам, которые сумели использовать ситуацию для укрепления своего международного авторитета. Таким образом, можно говорить об ещё одной тенденции, проявившейся в годы Первой мировой войны: обострение борьбы за сферы влияния влечет за собой ограничение возможностей соперников, в том числе, в отношении гуманитарной помощи, которая «обезличивается» за счёт участия посредников.

Основными направлениями деятельности с начала 1916 г. стали забота о сербских и черногорских беженцах, населении оккупированных областей и военнопленных.

После вступления в войну Румынии, Россия расширила сотрудничество с ней в гуманитарной области. При содействии РОКК начали работу ортодонтологический госпиталь и подвижной лазарет. Кроме того, после военного поражения румынской армии часть румынских беженцев нашла приют на российской территории.

«Традиционные» для России медицинскую и продовольственную помощь сербам и черногорцам оказывать стало затруднительно. Среди причин отказа от отправки санитарных отрядов были и военно-стратегическая обстановка, и нехватка ресурсов, прежде всего кадровых,

и то, что медицинское обслуживание и снабжение сербской армии продовольствием взяло под свой контроль французское командование.

Что касается обеспечения продовольствием черногорского населения, то решение этой задачи было затруднено ещё на первом этапе. Среди причин были отсутствие надежных коммуникаций из-за блокады побережья Черногории австрийцами и особенностей горного ландшафта, делающего невозможной доставку сухопутным путем, а также взаимоотношения государств Антанты с черногорским правительством. На Черногорию оказывалось давление: продовольствие предлагалось взамен на ее отказ от притязаний на албанские территории. После оккупации черногорской территории австрийцами, несмотря на голод, принявший масштабы катастрофы, помощь населению практически не оказывалась. Россия уже не имела возможностей влиять на ситуацию, хотя российская дипломатия и пыталась найти приемлемый выход.

Чем дольше длилась война, чем ограниченней становились ресурсы, тем сильнее проявлялся прагматизм в подходах к организации гуманитарной и благотворительной помощи. Гуманитарная помощь всё чаще стала использоваться как один из инструментов давления как на противников, так и на сторонников, с целью присвоения большего «пространства» в послевоенный период.

Особую роль в деле помощи пострадавшему от военных действий населению Сербии и Черногории продолжали играть Российское общество Красного Креста и Петроградское славянское благотворительное общество. Второе из них практически все свои средства потратило на организацию медицинской помощи Сербии и Черногории, поэтому в других видах помощи балканскому населению принимало участие в гораздо меньших масштабах. По просьбе сербского правительства с 1916 г. РОКК оказывал содействие в организации помощи сербским и черногорским военнопленным в Австро-Венгрии и Германии.

Начало Первой Балканской и Первой мировой войны активизировали деятельность уже имеющихся славянских организаций и стимулировали появление новых. Среди прочих целей, как правило, заявлялась и благотворительная поддержка славянских народов. Но оказать сколь-нибудь значимую гуманитарную помощь они не были способны.

Деятельность различных славянских организаций стала заметной к началу XX в. Она активизировалась в кризисные периоды на Балканском полуострове (1908-1909 гг., 1912-1913 гг., 1914-1916 гг.) и была связана с реализацией различных славянских проектов. Общественная значимость вопроса давала энергию различным славянским организациям и возможность участвовать во внутренней и внешней жизни России.

Неоднократно предпринимавшиеся попытки консолидации всех славянских сил успехом не увенчались. В 1916 г. произошла перегруппировка сил и усилилась «специализация» отдельных славянских организаций. Одни сосредоточились на благотворительной и просветительской

деятельности, другие – на политической. Первые, как правило, были настроены проправительственно, а вторые – опозиционно. При этом стоит отметить, что в конкуренции двух панславистских проектов, связанных с будущим устройством славянского мира, наметились перемены: идея объединения славян под эгидой России постепенно уступила место идее «союза равных», что отражало ситуацию в России и Европе с авторитетом российской монархии. На одном полюсе оказались Петроградское славянское благотворительное и Русско-Сербское общества, а на другом – Общество славянской взаимности.

Сокращение благотворительной деятельности славянских организаций, кроме субъективных, имело и объективные причины. Сокращение финансовых возможностей России, ресурсы которой сжирала война, обнищание населения привели к постепенному свертыванию гуманитарной деятельности славянских общественных организаций. В деле помощи сербам и черногорцам они были вынуждены апеллировать к государству, сосредоточившему в своих руках финансовые ресурсы. Последний всплеск активности большинства славянских организаций был связан с визитом в Россию премьер-министра Николы Пашича в апреле 1916 г.

В то же время, если расходы общественных организаций на гуманитарную помощь балканским народам падали, то государственные расходы на эти же цели росли. С начала 1916 г. официальная Россия всё больше брала под свой контроль гуманитарную и благотворительную помощь балканским народам, прежде всего, через финансовые рычаги. Этот процесс отражал общую тенденцию к централизации государственным аппаратом всех ресурсов с целью их экономии и более эффективного распределения. Поэтому не удивительно, что оказывать реальную гуманитарную помощь были способны, в основном, проправительственные организации: Петроградское славянское благотворительное общество, Петроградский комитет по оказанию помощи Сербии, Русско-Сербское общество.

В силу того, что на втором этапе сменились приоритетные направления гуманитарной помощи, часть проектов в связи с революционными событиями 1917 г. оказалась нереализованной, а отчетные документы так и не составлены, сравнить объемы первого и второго этапов возможным не представляется. Можно говорить только о тенденции к уменьшению расходов на гуманитарную помощь, связанную как с внутренними, так и внешними причинами.

И всё же вплоть до октябрьских событий 1917 г. российское государство и общественные круги делали всё возможное, чтобы облегчить страдания балканских народов, вызванные войной, и сделать возможным будущее существование сербского государства.

Список использованной литературы

Архивные материалы

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

1. Ф. 133 (Канцелярия министра).
2. Ф. 134 (Архив «Война»).
3. Ф. 135 (Особый политический отдел).
4. Ф. 140 (Отдел печати и осведомления).
5. Ф. 146 (Славянский стол).
6. Ф. 151 (Политархив).
7. Ф. 155 (Миссия в Белграде).
8. Ф. 159 (Департамент личного состава и хозяйственных дел (ДЛС и ХД)).
9. Ф. 160 (II департамент. Отдел о военнопленных).
10. Ф. 168 (Российская миссия в Берне).
11. Ф. 180 (Посольство в Константинополе).
12. Ф. 187 (Посольство в Париже).
13. Ф. 190 (Российское посольство в Риме).
14. Ф. 231 (Консульство в Битоли).
15. Ф. 279 (Консульство в Салониках).
16. Ф. 323 (Дипломатическая канцелярия при Ставке).
17. Ф. 340 (Личные фонды).

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

18. Ф. 659 (Князь Иоанн Константинович).
19. Ф. 660 (Великий князь Константин Константинович).
20. Ф. 730 (Игнатьев Н.П.).
21. Ф. 1750 (Московский славянский благотворительный комитет. 1856-1878).

Архив Музея Сербского общества врачей (Белград)

22. Софотеров С. К. Письмо неизвестному адресату. - 1925. - 26 декабря. МНТ.Т.180.134.221.

Российский военно-исторический архив (РГВИА)

23. Ф. 2003 (Штаб верховного главнокомандующего).
24. Ф. 12651 (Российское общество Красного Креста).
25. Ф. 16352 (Управление русского военного агента в Сербии).

Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ)

26. Ф. 418 (Морской Генеральный штаб (Генмор)).
27. Ф. 716 (Морской штаб Верховного главнокомандующего (Ставка)).

Российский государственный исторический архив (РГИА)

28. Ф. 434 (Контора князя Иоанна Константиновича).
29. Ф. 1276 (Совет министров).

Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы)

30. Ф. 179 (Московская городская дума и управа. Оп. 21. Московское городское общественное управление).
31. Ф. 445 (Московский комитет по оказанию помощи раненым воинам: русским, сербским и черногорским, их семьям и семействам убитых воинов, состоящий под августейшим покровительством великой княгини Милицы Николаевны).
32. Ф. 1901 (Московское славянское благотворительное общество).

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)

33. Ф. 400 (Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество).
34. Ф. 569 (Канцелярия петроградского градоначальника).
35. Ф. 2265 (Бехтерев В.М.).

Опубликованные документы

36. Авантюры русского царизма в Болгарии. Сб. документов / сост. П. Павлович. – М.: СОЦЭКГИЗ, 1935. – 240 с.

37. Аксаков И.С. Славянский вопрос. 1860-1886. – М., 1886. – 791 с.

38. Доклад Общему собранию членов РОКК 26 мая 1913 // Русский инвалид. 1914. 3 августа. С. 3.

39. Люди Русской Правды: переписка И.С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1855-1886): Тексты. Комментарии. Адресаты / под общ. ред. А.П. Дмитриева и Б.Ф. Егорова. – СПб.: Росток, 2018. – 671 с.

40. Москва-Сербия. Белград-Россия: сборник документов и материалов. Т. 2. Общественно-политические связи. 1804-1878 гг. – Белград-Москва, 2011. – 940 с.

41. Москва-Сербия. Белград-Россия: сборник документов и материалов. Т. 3. Общественно-Политические и культурные связи. 1878-1917 гг. – Белград-Москва, 2012. – 752 с.

42. Новые документы о положении в Битольском вилайете в 1903 г. (из донесений русских консулов). Славянский архив. Сборник статей и материалов. М., 1963. // Сайт «Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. [Электронный ресурс]. Url.:http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XX/1900-1920/Bitol_1903/text.phtml?id=9097

43. Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Т. 2. Борьба на национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. – М.: Издательство АН СССР, 1964. – 648 с.

44. Отчет Московского славянского комитета за 1914 г. – М., 1915. – 39 с.

45. Отчет Московского славянского комитета за 1915 г. – М., 1916. – 52 с.

46. Отчет Московского славянского комитета за 1916 г. – М., 1917. – 31 с.

47. Отчет о деятельности Иверской общины сестёр милосердия Российского общества

Красного Креста за 1912 год. – М., 1913. – 85 с.

48. Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества (бывший Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета в Москве) по протоколам общих собраний его членов, состоявшимся в 1868-1883 гг. – Спб., 1883. – 882 с.

49. Переписка И.С. Аксакова с кн. В.А. Черкасским (1875-1878) // Славянский сборник: Славянский вопрос и русское общество в 1867 – 1878 гг. – М.: Издательство ГБЛ, 1948. С. 132-199.

50. По сбору пожертвований в пользу балканских славян. Доклад комиссии общему собранию санкт-петербургского отдела славянского комитета 12 октября 1876 года // Русская старина. 1876. № 11. С. 1-19.

51. Последние 10 лет первого двадцатипятилетия существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества по протоколам общих собраний его членов в 1883-1893 гг. – СПб.: Петербургское славянское благотворительное общество, 1893. – 560 с.

52. Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875-1878. Документы: [сборник]. – М.: Индрик, 2008. – 448 с.

53. Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875-1878. / Сб. документов, посв. 100-летию русско-турецкой войны 1877-1878 гг. / АН, институт истории СССР; отв. ред. А.Д. Нарочницкий. – М.: Наука, 1978. – 455 с.

Свидетельства современников

54. *Бобриков Г.И.*, генерал от инфантерии. Воспоминания о Берлинском конгрессе // Русский вестник. 1889. № 12. С. 4-43.

55. Записки графа Н.П. Игнатьева о его пребывании в Константинополе в 1864-1974 гг. // Русская старина. 1914. № 4. С. 35-47; Там же. 1915. № 2. С. 297-310; Там же. 1915. № 3. С. 616-622.

56. Записки о Восточной Румелии (Южной Болгарии) В.В. Ящерова. – М., 1888. – 159 с.

57. *Градовский Г*. Русское общество перед лицом бедствий в Боснии и Герцеговине в 1875 году // Братская помочь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины. – СПб.: петербургское отд. славянского ком., 1876. С. 481- 493.

58. Исторический очерк общины сестёр милосердия св. Георгия в Санкт-Петербурге за двадцатипятилетие (1870-1895). – СПб., 1895. – 205 с.

59. *Коковцов В.Н*. Из моего прошлого: Воспоминания [министра финансов России], 1903-1919 гг. Кн. 2. – М.: Наука, 1992. – 456 с.

60. Краткий очерк деятельности Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества за 25 лет его существования. 1868-1893 гг. Составил по поручению Совета действительный член Общества Ф.М. Истомин. – СПб.: Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество, 1893. – 80 с.

61. *Лопухин В. Б*. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. – СПб.: Нестор – История, 2008. – 536 с.

62. *Мамонтов Н.П*. С болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. Записки военного корреспондента. – М., 1913. – 174 с.

63. *Милютин Д.А*. Дневник. 1873-1882. В двух томах. – М.: Захаров, 2016. – 1036 с.

64. *Незлобин А*. В Белграде и на позиции. Рассказ очевидца // Русский вестник. 1876. Т. 126. С. 782-831.

65. *Палеолог Морис*. Дневник посла. – М.: Захаров, 2003. – 830 с.

66. Памяти кн. Гр. Н. Трубецкого. Сб. статей (с предисловием П.Б. Струве). – Париж: Издание Е. Сияльской, 1930. – 164 с.

67. *Поляков В.Н*. Семейная и общественная жизнь королевы Ольги // Великая княгиня Ольга

Константиновна – королева Элинов. Под молотом судьбы: [каталог по материалам выставки «Великая княгиня Ольга Константиновна – королева Греческая. К 150-летию со дня рождения / авт.-сост. Р.Р. Гафифуллин], – Санкт-Петербург: ГМЗ «Павловск», 2016. – 230 с.

68. *Сазонов С. Д*. Воспоминания. – Мн.: Харвест, 2002. – 368 с.

69. *Сахаров М. В*. С сербами к Скутари (Впечатления) // Русские о Сербии и сербах. – СПб., 2006. – С. 544–549.

70. *Сычев Н.И*. Сербская армия в европейской войне. – Белград: Издательство и книжная торговля С.А. Кошкина, 1928. – 56 с.

71. *Табурно И*. О сербских битвах (Впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.). – СПб., 1913. – 144 с.

72. *Трубецкой Г.Н*. Российская дипломатия и война на Балканах. – Монреаль: Русь, 1983. – 282 с.

73. *Шевалье Н*. Правда о войне на Балканах. Записки военного корреспондента. – СПб., 1912. – 102 с.

74. *Штрандман В.Н*. Балканские воспоминания. – М.: Книжница, 2014. – 504 с.

Свидетельства современников на иностранных языках

75. *Карађорђевић Ђ*. Истина о Моме животу. Друго издање. – Београд: Слободан Јововић, 1988. – 494 с.

76. *Грујић Мабел*. Кратак преглед о улози Америке у Светском рату у вези са нашом земљом. – б/м, 1934. – 15 с.

77. *Боп Огист*. За српском Владом. Од Ниша до Крфа (20 октобра. 1915–19 јануара. 1916). – Женева: Уједињења, 1918. – 112 с.

78. *Поповић Д*. Балкански ратови: 1912–1913. – Београд: Српска књижевна задруга, 1993. – 400 с.

79. *Штрандман Василиј Н*. Балканске успомене. Књига 1. Део 1–2. Београд: Жагор, 2009. – 466 с.

80. *Semiz D*. Pred zoru velikih dana. // Nova Evropa. 1928. № 10-11. С. 337-348; 1929. № 3. С. 71-78.

81. *Padget Lady*. With our Serbian Allies. – London: The Serbian Relif Fund, 1915. – 60 p.

Интернет-ресурсы

82. Сайт «Восточная литература»: http://www.vostlit.info
83. Сайт «Памяти героев Великой войны 1914-1918» https://gwar.mil.ru/about/
84. Электронная библиотека РГБ: https://search.rsl.ru/#ef=1
85. Электронная библиотека Института славяноведения РАН: https://inslav.ru/resursy/elektronnaya-biblioteka
86. Электронная научная библиотека «КиберЛенинка»: https://cyberleninka.ru

Периодические издания (1876–1917)

87. Биржевые ведомости.
88. Вестник Красного Креста.
89. Вестник Общества попечения о раненых и больных воинах, состоящего под покровительством ее императорского величества государыни императрицы.
90. Вечернее время.
91. Голос Москвы.
92. Земщина.
93. Иллюстрированный календарь Красного Креста.
94. Крымский вестник
95. Московские ведомости.
96. Московский листок.
97. Новое время.
98. Одесский листок.
99. Одесские новости.
100. Речь.

101. Русская старина.
102. Русские ведомости.
103. Русский вестник.
104. Русский инвалид.
105. Санкт-Петербургские ведомости.
106. Тверские епархиальные ведомости.
107. Утро России.

Иностранные периодические издания (Сербия)

108. Вардар. Календар за просту годину. – 1914. Београд, 1913.
109. Нова Европа, 1928-1929.
110. Нови живот, 1922.

Монографические и коллективные исследования

111. *Алексеева И. В*. Оппозиция Его величества. Дума, царизм и союзники по Антанте в эпоху П. А. Столыпина. 1907–1911. – СПб., 2004. – 266 с.

112. *Бендерев А.Ф*. Сербско-болгарская война 1885 г. / сост. Бендерев. – СПб., 1892. – 502 с.

113. *Гирс А. А*. Австро-Венгрия, Балканы и Турция. Задачи войны и мира. – Пг., 1917. – 76 с.

114. *Гусев Н.С*. Болгария, Сербия и русское общество во время балканских войн 1912-1913 гг. – М.: Индрик, 2020. – 520 с.

115. *Виноградов В. Н*. Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. – М.: Индрик, 2010. – 480 с.

116. *Вишняков Я.В*. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX в. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – 530 с.

117. В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. [Междунар. отношения на Балканах] / отв. ред. Виноградов В.Н. – М.: Индрик, 2003. – 536 с.

118. *Григорьева А.А*. Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX в.–начало XX в.). – Иркутск: Издательство «Аспринт», 2013. – 199 с.

119. *Громогласова Е.С*. Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования. М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 124 с.

120. *Дворниченко М.Ф*. Под флагом Красного Креста. – М.: Московский рабочий, 1961. – 147 с.

121. *Дорошкевич А*. Война на Балканском полуострове (От открытия военных действий до перемирия). – СПб., 1913. – 68 с.

122. *Дьяков В.А*. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. – М.: Наука, 1983. – 205 с.

123. *Жогов П.В*. Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и Первая Балканская война 1912-1913 гг. – М.: Наука, 1969. – 392 с.

124. За балканскими фронтами Первой мировой войны / отв. ред. Виноградов В.Н. – М.: Индрик, 2002. – 502 с.

125. *Задохин А. Г., Низовский А. Ю*. Пороховой погреб Европы. Балканские войны XX века. – М.: Вече, 2000. – 416 с.

126. Императорский Дом Романовых и Балканы. Сб. статей. / отв. ред. В.Б. Каширин. – М.: Институт славяноведения РАН, 2014. – 400 с.

127. Интернирование и депортации гражданского населения Росси и Германии в годы Первой мировой войны: политические, социальные и гуманитарные аспекты. Материалы международного круглого стола «Интернирование и депортации гражданского населения Росси и Германии в годы Первой мировой войны (1914-1917)» (17-18 октября 2019 г.) и Международного круглого стола «Гуманитарная помощь и гуманитарные организации России и Германии в годы Первой мировой войны» (20 октября 2020 г.). М., 2020. – 199 с.

128. История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856-1878 гг.). – М.: КРАСАНД, 2013. – 336 с.

129. История Балкан: На переломе эпох (1879-1914 гг.). / отв. ред. К.В. Никифоров. – М., 2017. – 503 с.

130. *Козлов В.Ф.* Москва – Сербии. Из истории русско-сербских связей XVII – начала XX веков. – М.: ГАСК, 2001. – 80 с.

131. *Кострикова Е.Г.* Геополитические интересы России и славянский вопрос: идейная борьба в российском обществе в начале XX в. – М.: Кучково поле, 2017. – 384 с.

132. *Кострикова Е. Г.* Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. 1908-1914. – М.: Институт российской истории, 2007. – 409 с.

133. *Кочуков С.А.* "За братьев-славян": Русско-турецкая война 1877-1878 годов в восприятии общества, власти и армии Российской империи. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2012. – 298 с.

134. *Литаврин Г.Г.* Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней. – М.: Наука, 1987. – 567 с.

135. *Маевский Вл.* Взаимоотношения России и Сербии. Т. 1. – Нью-Йорк, 1960. – 486 с.

136. Малые войны первой половины XX века. Балканы. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 542 с.

137. *Матвеева Н.Л.* Благотворительная деятельность именных комитетов членов императорской семьи в годы Первой мировой войны. – М.: Издательство МГОУ, 2004. – 106 с.

138. *Мельчакова К.В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856-1875 гг. – М.: Индрик, 2019. – 432 с.

139. *Михайлов Д.* Красный Крест и сёстры милосердия в России и за границей. – Пг-Киев,

1914.– 92 с.

140. Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912-1913) / отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. – М., 2012. – 436 с.

141. *Никитин С.А*. Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах. – М.: Издательство Московского университета, 1960. – 364 с.

142. *Никифоров К.В*. Сербия на Балканах. XX в. – М.: Индрик, 2012. – 175 с.

143. Обзор деятельности под покровительством ее императорского величества «Общества попечения о больных и раненых воинах с начала нынешней войны». – СПб., 1877. – 59 с.

144. Общий медицинский очерк сербо-турецкой войны 1876 г. и тыла армии в Бессарабии и Румынии во время турецкой войны 1877 г. С. Коломнина, доцента университета Св. Владимира. – СПб, 1878. – 97 с.

145. *Овсяный Н.Р*. Русское управление в Болгарии в 1877-1878-1879 гг. Ч. II. Российский императорский комиссар в Болгарии генерал-адъютант князь А.М. Дондуков-Корсаков. – СПб., 1906. – 291 с.

146. Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. – М.: Наука, 1994. – 302 с.

147. Первая мировая война. Пролог XX века: [сборник]. / отв. ред. Мальков В.Н. – М.: Наука, 1998. – 696 с.

148. *Писарев Ю.А*. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. / отв. ред. Исламов Т.М. – М.: Наука, 1984. – 285 с.

149. *Писарев Ю.А*. Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916. – М.: Наука, 1993. – 203 с.

150. *Писарев Ю.А*. Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914-1915 гг. – М.: Наука, 1990. – 224 с.

151. *Попов Н.А*. Краткий отчет о десятилетней деятельности (1858-1868) Славянского благотворительного комитета в Москве. – М.: Университетская типография, 1868. – 28 с.

152. Последняя война Российской Империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: Материалы международной научной конференции. – М.: Наука, 2006. – 338 с.

153. *Рокина Г.В*. Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX в. – Казань: Издательство Казанского университета, 2005. – 300 с.

154. Русские о Сербии и сербах. Т. 1. Письма, статьи, мемуары. – СПб.: Алетейя, 2006. – 684 с.

155. *Сергеев Е., Улунян А*. «Не подлежит оглашению». Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900-1914. Издание 2-е, перераб. и доп. – М.: Реалити-Пресс, 2003. – 430 с.

156. *Сквозников А.Н*. Македония в конце XIX – начале XX века – «яблоко раздора» на Балканах. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2010. – 172 с.

157. Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII – XXI вв. (Мифы и реальность. Сб. статей. – М.: Институт славяноведения РАН, 2019. – 516 с.

158. Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века. / отв. ред. Серапионова Е.П. – СПб.: Алетейя, 2011. – 588 с.

159. *Соколов А.Р*. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII–конец XIX в.). – СПб.: Лики России, 2007. – 655 с.

160. *Соколовская О.В*. Греция в годы Первой мировой войны. – М.: Наука, 1990. – 208 с.

161. *Соколовская О.В*. Греческая королева Ольга – «под молотом судьбы». – М., 2011. – 212 с.

162. *Соколовская О.В*. Россия на Крите. Из истории первой миротворческой операции XX века. – М.: Индрик, 2006. – 148 с.

163. *Стогов Д.И*. Правомонархические салоны Петербурга – Петрограда (конец XIX – начало XX века). – СПб.: Дмитрий Булавин. 2007. – 310 с.

164. *Тимофеев А.Ю., Вишняков Я.В. Милорадович Г*. Битва двуглавых орлов. Очерки по истории русско-сербских отношений в годы Первой мировой войны. – М.: РИСИ, 2016. – 453 с.

165. *Томилин П. А*. Введение в историю Первой балканской войны (театр вооруженных сил). – Пг.: типография Николаевской военной академии, 1917. – 248 с.

166. *Улунян А.А*. Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии и Россия. – М.: Наука, 1978. – 215 с.

167. *Уткин А.И*. Первая мировая война. – М.: Алгоритм, 2001. – 592 с.

168. Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX века): Сб. статей / отв. ред. Гришина Р.П. – СПб.: Алетейя, 2006. – 358 с.

169. *Хитрова Н.И*. Россия и Черногория: русско-черногорские отношения и общественно-политическое развитие Черногории в 1878-1908 годах. Т. 1-2. – М. Институт российской истории РАН, 1993. – 182 с.

170. *Шаховской С.В*. Очерк деятельности Красного Креста при оккупационных русских войсках в Княжестве Болгарском и Восточной Румелии. 1878-1879. – СПб.: Гл. упр. общества Красного Креста, 1880. – 178 с.

171. *Шевцова Г.И*. Красные маки для княгини. Материалы к биографии княгини Елены Петровны. – М.: Союз-дизайн, 2017. – 556 с.

172. *Шевцова Г. И*. Россия и Сербия. Из истории российско-сербских отношений в годы Первой мировой войны (гуманитарный аспект). – М., 2010. – 200 с.

173. *Шевцова Г.И*. Русский гуманный поход на Балканы. – М., 2012. – 240 с.

174. *Шемякин А.Л*. Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868 – 1801). – М.: Индрик, 1998.- 448 с.

175. *Шмурло Е*. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. – Юрьев, 1999. – 426 с.

Научные статьи и диссертации

176. *Артюшкова Е.Е*. Балканский опыт РОКК: отчет о Первой балканской войне. Славянский мир: общность и многоообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры. 22-23 мая 2018 г. / отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. – М.: Институт славяноведения РАН, 2018. – С. 87-91.

177. *Асташов А.Б.* Гуманитарные организации в годы Первой мировой войны: проблемы эффективности и согласованности деятельности. // Интернирование и депортации гражданского населения Росси и Германии в годы Первой мировой войны: политические, социальные и гуманитарные аспекты. Материалы международного круглого стола «Интернирование и депортации гражданского населения Росси и Германии в годы Первой мировой войны (1914-1917)» (17-18 октября 2019 г.) и Международного круглого стола «Гуманитарная помощь и гуманитарные организации России и Германии в годы Первой мировой войны» (20 октября 2020 г.). – М., 2020. – С. 145-168.

178. *Беляева М. В*. Российское общество Красного Креста в истории России 1867–1925 гг. Дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук: 07.00.02; [Ставропольский госуд. университет]. – Ставрополь, 2002. – 211 с.

179. *Болтаевский А.А*. Русские войска на Салоникском фронте. 1916-1918. Дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук; 07.00.02; [Московский городской педагогический университет]. – М., 2009. – 184 с.

180. *Виноградов В.Н*. Румыния во Второй балканской войне // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912-1913) / отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. – М., 2012. – С. 347-366.

181. *Вишняков Я.В*. Дунайский транзит в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая

история. – 2020. – № 3. – С. 70-79.

182. *Вишняков Я.В*. Русская военная и гуманитарная помощь Сербии 1914-1915 гг. // Tematski zbornik radova međunarodnog značaja Socialna politika u Srbiji na raskršću vekova. Београд, 2019. С. 183-189.

183. *Власова Ю.В*. Сербо-турецкая война 1876 г. и общественное мнение в России. Дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук: 07.00.03; [Воронежский государственный педагогический университет]. – Воронеж, 2003. – 284 с.

184. *Воронкова И.Е*. Внешнеполитическая доктрина конституционно-демократической партии. Дисс. на соискание учен. степени доктора ист. наук: 07.00.02; [Московский городской педагогический университет]. – М., 2010. – 490 с.

185. *Гавриш А.М*. Гуманитарная помощь как внешнеполитический инструмент: сущность и функции // Международная научная конференция: «Актуальные проблемы международных отношений и международного права» 17 марта 2020 г.: Сб. статей. – М., 2020. – С. 169-174.

186. *Гришина М. И*. Вопросы внешней политики России на страницах большевистской «Правды» (1912–1914) // Материалы и исследования по истории СССР. Ученые записки МГПИ им. Ленина. – М., 1965. С. 207–239.

187. *Гришина Р.П*. Роль общественного мнения и Балканы (1870-е гг.) // Человек на Балканах глазами русских / отв. ред. Гришина Р.П., Шемякин А.Л. – СПб.: Алетейя, 2011. С. 149-159.

188. *Гусев Н.С*. Болгария и Сербия в русском общественном мнении в период Балканских войн 1912-913 гг. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук: 07.00.03; [Институт славяноведения РАН]. – М., 2016.– 25 с.

189. *Гусев Н.С*. Помощь русского Красного Креста в Болгарии в восприятии болгарского общества // Историки-слависты МГУ: Кн.9.: В.А. Тесемников. Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова. – М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 77-94.

190. *Данченко С.И*. Начало Великого Восточного кризиса 70-х годов XIX в. и русское общество: проблема отечественной историографии // Славяне и Россия: исторический контекст и проблема историографии. – М., 2015. С. 209-233.

191. *Данченко С.И*. Начало Великого Восточного кризиса 70-х годов XIX века и русское общество // Славянский мир в третьем тысячелетии. Соглашение (согласие), договор, компромисс в истории, языках и культуре славянских народов. – М., 2016. С. 135-156.

192. *Дьяков В.А*. Идея славянского единства в пореформенной России // Вопросы истории. 1986. № 1. С. 16-32.

193. *Дятлова А.В*. Внешняя политика Российской Империи на Дальнем Востоке на рубеже XIX и XX в. в работах Стивена Маркса // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 609-612.

194. *Емец В.А*. Позиция России и ее союзников в вопросе о помощи Сербии осенью 1915 г. // Исторические записки. Т.75. 1965. С.122-146.

195. *Жуков К.А*. Некоторые узловые моменты русско-турецких отношений в конце XVII – начале XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. 2009. № 2. С. 10-22.

196. *Жуковская Н.В*. Балканский вопрос во внешней политике Соединенных Штатов Америки в первой четверти XX в. Дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. – Воронеж, 2002. – 267 с.

197. *Захаров П. В*. Англо-русские дипломатические отношения в период балканских войн. Дисс. на соискание ученой степени кандидата ист. наук: 07.00.03; [Рязанский государственный педагогический университет им. С.А. Есенина] – Рязань, 2002. – 250 с.

198. *Иванова Н. М*. Милосердие и благотворительность в годы Первой мировой войны 1914–1917 (на материалах Петрограда). Дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук: 07.00.02 – СПб., 2002. – 242 с.

199. *Илюхин М. И.* «Особая позиция» П. Н. Милюкова по вопросам внешней политики в период балканских войн 1912–1913 // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Вып. 2. – Брянск: Издательство Брянского государственного педагогического университета, 2000. – С. 47-54.

200. *Ипполитов С.С.* Гуманитарная деятельность как объект культурологии: определение, изучение, тенденции // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2018. № 2 (29). С. 3-44.

201. *Искендеров П.А.* Балканские войны 1912-1913 гг. // В «пороховом погребе Европы». 1878-1914 гг. [Междунар. отношения на Балканах] / отв. ред. Виноградов В.Н. – М.: Индрик, 2003. С. 477-503.

202. *Карасев А.В.* В преддверии войны: Восточный кризис и восстание в Боснии и Герцеговине 1875-1878 годов // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны в 1875-1878 годах. – М., 2006. С. 33-47.

203. *Карасев А.В.* Князь Михаил Обренович и И. Гарашанин: внешнеполитические цели Сербского княжества // В «интерьере» Балкан: Юбилейный сборник в честь Ирины Степновны Достян. – М.: Пробел, 2010. С. 311-326.

204. *Карелин В.А.* Проблема интернирования русских военнопленных первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 93-105.

205. *Каширин Б.В.* Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. – М.: ВИКМО-М, 2014. – 632 с.

206. *Козловцева Е.Н.* Московские общины сестёр милосердия во второй половине XIX–начале XX в. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. – М., 2006. – 23 с.

207. *Козловцева Е.Н.* Русские сёстры милосердия в Сербии и Болгарии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Славянский альманах. 2009. С. 188-194.

208. *Козьменко И.* Русское общество и Апрельское болгарское восстание 1876 г. // Вопросы истории. 1947. № 5. С. 95-108.

209. *Кольчак М.* Одесское общество в войне за освобождение Болгарии (по материалам фондов Одесского историко-краеведческого музея): [Электронный ресурс] // Url.: http://www.history.odessa.ua/publication1/stat16.htm

210. *Колышницына Н.В.* Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество и организация помощи славянам // История Петербурга. 2009. № 2 (48). С. 81-85.

211. *Кондратьева К.В.* К истории первых лет оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией (1878-1889) // Балканские народы и европейские правительства в XVIII – начале XX в. (Документы и исследования). Вып. 8. – М.: Издательство «Наука». 1982. С. 236-255.

212. *Кострикова Е.Г.* Первая балканская война и российское общество // Вестник РУДН. Серия История. 2009. № 4. С. 97-110.

213. *Кострикова Е.Г.* Русские политики, публицисты и общественные деятели о геополитических интересах России в начале XX в. // Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI–начало XX в.: к 100-летию академика А.А. Нарочницкого. – М.: Наука, 2008. С. 308-331.

214. *Крючков И.В.* Россия и Австро-Венгрия: политика сотрудничества и компромиссов на Балканах (1896-1908) // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. VI. К 150-летию образования Австро-Венгерской Империи. – Ставрополь: Издательство СКФУ, 2018. С. 13-25.

215. *Кузьмичева Л.В.* Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 года // Россия и Восточный кризис 70-х годов XIX века. – М.: МГУ, 1981. С. 77-98.

216. *Курчатова Ольга.* Сербский вопрос в общественном мнении России (конец XIX–начало XX века) // Власть. 2008. № 3. С. 64–67.

217. *Лебедева Г.Н.* Славянские благотворительные комитеты и их роль в общественной жизни России. 1858-1878 гг. // Вестник Орловского государственного университета. Серия:

новые гуманитарные исследования. 2015. № 3 (44). С. 111-114.

218. *Ленин В. И.* Ко всем гражданам России. 1912. ПСС. Издание пятое. Т. 22. – М.: Издательство политической литературы, 1968. С. 137-138.

219. *Ленин В. И.* Ужасы войны. 1912. ПСС. Издание пятое. Т. 22. – М.: Издательство политической литературы, 1968. С. 159-160.

220. *Малинов А.О.* Орест Миллер и славянофильство // Соловьевские исследования. 2015. Вып. 2 (46). С. 8-20.

221. *Меньщиков В.П.* Российская дипломатия и греко-турецкая война 1897 г. // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции XIX–XX вв. Балканские исследования. Вып. 11. – М.: Наука, 1989. С. 173-198.

222. *Мцхвариашвили А.Д.* Положение Черногории в 60-х годах XIX века (по материалам записок графа Н.П. Игнатьева) // Вестник Удмуртского университета. Вып. 1. 2013. С. 125-128.

223. *Ненашева Зоя*. Братья славяне. Расцвет и увядание неославизма // Родина. 2006. № 4. С. 60-63.

224. *Никифоров Д.И.* Восстание в Боснии и Герцеговине и политический кризис в Сербии в 1875 году // Теория и практика общественного развития. 2014. № 1. С. 259-263.

225. *Оксенюк Е.В.* Деятельность Российского общества Красного Креста в начале XX в. (1903-1904). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук: 07.00.02; [Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет]. – М., 2012. – 23 с.

226. *Павлов А.Ю.* Русско-французское стратегическое взаимодействие в период Первой мировой войны. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора ист. наук: 07.00.15; [Санкт-Петербургский государственный университет]. – СПб., 2012. – 41 с.

227. *Пахомова Л.Ю.* Боснийский вопрос в российской внешней политике в 1878-1908 гг. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 228 с.

228. *Поплыко Д.Ф*. Боснийско-герцеговинское восстание 1875-1876 гг. и национально-освободительное движение на Балканах // Балканские исследования. Вып. 3.– М.: Наука, 1978. С. 3-35.

229. *Попович Никола Б*. Русская гуманитарная помощь Сербии в период Первой мировой войны // Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: Материалы Международной научной конференции. Москва, 7-8 сентября 2004 г. – М: Наука, 2006. С. 187-189.

230. *Поповкин А.А*. Славянское благотворительное общество в Москве и Санкт-Петербурге. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук: 07.00.02; [Воронежский государственный университет]. – Воронеж, 2013. – 23 с.

231. *Поповкин А.А*. Сербские школы в России в 1916-1918 гг.: опыт социальной работы в условиях Первой мировой войны, революции и Гражданской войны // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2018. № 28. С. 288-290.

232. *Примаков Е.* Гуманитарная миссия России // Пути к миру и безопасности. 2018. № 1(54). Спецвыпуск: Гуманитарные вызовы, гуманитарное реагирование и защита Гражданского населения в вооруженных конфликтах. С. 182-196.

233. Рылова Н.В. Благотворительность на Дону во второй половине XIX–начале XX века. Дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук: 07.00.02; [Ростовский государственный университет]. – Ростов-на-Дону, 2004. – 247 с.

234. *Сергеев Е.Ю*. Русские военные в Германии и Австро-Венгрии // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 65-78;

235. *Снытко Т.Г*. Из истории народного движения в России в поддержку борьбы южных славян за свою независимость в 1875-1876 г. // Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. Сб. статей. – М.: Издательство АН СССР, 1957. С. 78-106.

236. *Соколова В.А*. Российское общество Красного Креста.1867-1918. Дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук: 07.00.02; [Санкт-Петербургский государственный университет]. – СПб., 2014. – 302 с.

237. *Соколовская О.В*. Из истории умиротворения Крита и спасения православного населения в период кризиса 1897-1898 гг. // Славяноведение. 2008. № 2. С. 84-98.

238. *Соколовская О.В*. Крит в судьбе принца Георга Греческого и российского императора Николая II // Новая и новейшая история. 2008. № 4. С. 188-197.

239. *Соколовская О.В*. Критский вопрос и греко-турецкая война 1897 г. // Военно-исторический журнал. 2008. № 9. С. 37-41.

240. *Соколовская О.В*. Основные проблемы внешней политики Греции в конце XIX века // В «пороховом погребе» Европы. 1878-1914 гг. – М.: Индрик, 2003. С. 228-251.

241. *Соколовская О.В*. Российская дипломатия и критский вопрос на рубеже веков (1900-1901) // В «интерьере» Балкан: Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. – М.: ПРОБЕЛ, 2010. С. 405-428;

242. *Соколовская О.В*. Россия в миротворческой акции европейских держав на Крите в 1897 – 1909 гг. // Военно-исторической журнал. 2008. № 11 (583). С. 25-27.

243. *Соколовская О.В*. Русская больница в память великой княгини Александры Георгиевны в Пирее // Константиновские чтения-2018: К 160-летию со дня рождения великого князя Константина Константиновича, поэта К.Р. (1858-1915): сборник материалов научной конференции, 17 октября 2018 года. С. 147-161.

244. *Струкова К.Л*. К истории русско-болгарских отношений в 1876 году // Славянский архив. Сборник статей и материалов. – Москва: издательство Академии наук, 1959. С. 116-125.

245. *Струнина Н.Г*. Деятельность великой княгини Милицы Николаевны Романовой по оказанию помощи Черногории во время балканских войн // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912-1913). – М., 2012.

С. 379 – 390.

246. *Терзич Славенко*. Россия и первая балканская война // Слово. ру: Балтийский акцент. – 2014. Т. 5. № 3-4. С. 95-104.

247. *Тюриков С.В*. Экспедиция особого назначения на Дунае // Гангут. 2014. № 79. С. 25-49; Там же. № 80. С. 53-70;

248. *Тюриков С.В*. Экспедиция особого назначения на Дунае по оказанию помощи Сербии в 1914-1915 гг. – СПб.: Галея-принт, 2015. – 172 с.

249. *Ульянова Г.Н*. Изучение истории благотворительности в России (обзор исследований 1989-2003 гг.) // Проблемы изучения и преподавания истории социальной работы и благотворительности в России. Материалы общероссийского семинара, проведенного 26-28 марта 2003 г. в СТИ МГУС. – М., 2003. – С. 5-15.

250. *Уолцер Майкл*. Помощь людям – это благотворительность или долг или то и другое вместе взятое? // Россия в глобальной политике. 2011. № 4. [Электронный ресурс]. Url.: https://globalaffairs.ru/articles/o-chelovekolyubii/.

251. *Хевролина В.М*. Идея славянского единства во внешнеполитических представлениях поздних славянофилов (конец 70-х–середина 90-х гг. XIX в.) // Славянский вопрос. Вехи истории. – М., 1997. С. 90-106.

252. *Хевролина В.М*. Россия и воссоздание болгарского государства // Труды Института российской истории. Вып. 10 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. редактор Петров Ю.А. – М., 2012. С. 435-444.

253. *Хитрова Н.И*. Освободительная борьба Черногории 1876-1878 гг. накануне и во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1875-1878. – М., 2005. С. 108-115.

254. *Хитрова Н.И*. Русское общество и Черногория в 60-70-е гг. XIX в. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. – М.: Издание «Наука», 1973. С. 164-184.

255. Хитрова Н.И. Черногория в период Восточного кризиса 1875-1878 гг. // Россия и Восточный кризис 70-х годов XIX в. Сб. статей. - М.: Издательство МГУ, 1981. С. 66-76.

256. *Хлебникова В.Б.* Российский дипломат А.С. Ионин о положении Черногории после Берлинского конгресса и о внешнеполитических планах России на западе Балканского полуострова // Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII – XXI вв. (Мифы и реальность). Сб. статей. – М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 310-324.

257. *Хлебникова В.Б.* Черногория: феномен национальной государственности. 1878-1916 гг. – М.: Институт славяноведения РАН, 2016. – 393 с.

258. *Цехмистренко С.П.* Восстания в греческих провинциях Османской империи в 1878 г. и их отражение в русской периодической печати // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции (XIX – XX в.). Балканские исследования. Вып. 11. – М.: Наука, 1989. С. 131-143.

259. *Чиняков М.К.* Русские войска во Франции в годы Первой мировой войны (1916-1918): формирование, командный состав, участие в боевых действиях, военный быт. Дисс. канд. ист. наук: 07.00.02; [Московский государственный педагогический университет]. – М., 2006. – 320 с.

260. *Чистяков О.В.* Деятельность РОКК в вооруженных конфликтах 1887-1917 гг. // Пути к миру и безопасности. Спецвыпуск. Гуманитарные вызовы, гуманитарное реагирование и защита гражданского населения в вооруженных конфликтах. 2008. № 1 (54). С. 223-238.

261. *Чистяков О.В.* Добровольцы медицинского фронта: Российское общество Красного Креста в Сербии // Стратегия России. 2012. № 1 (97). С. 29-32.

262. *Чистяков О. В.* Организационное устройство и деятельность Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны (1914–1918). Автореферат на соискание ученой степени канд. ист. наук: 07.00.02; [Государственный университет управления]. – М., 2009. – 20 с.

263. *Чуркина И. В*. К вопросу о первом русском обществе помощи югославянским народам // Балканские исследования. Вып. 10. – М., 1987. С. 62-75.

264. *Чуркина И.В*. Славянофилы и русское правительство во время Восточного кризиса 1875-1878 гг. // Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII – XXI вв. (Мифы и реальность). Сб. статей. – М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 168-184.

265. *Шевцова Г.И*. Деятельность комитета «Зелёный Крест», состоявшего под покровительством великой княгини Милицы Николаевны. 1914-1916 // Историјски записи. Година XCII . 2020. № 3-4. С. 45-53.

266. *Шмелева О.И*. Влияние боснийско-герцеговинского восстания 1875-1876 гг. на национально-освободительное движение на Балканах // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2010. № 2 (27). С. 46-51.

267. *Ямбаев М.Л*. Болгаро-македонское революционное движение на рубеже XIX – XX вв. Отношения Болгарии и официальной России // Общественные движения у народов Юго-Восточной Европы и России в XVIII–начале XX в. – М.: ЛЕНАНД, 2011. С. 149-178.

268. *Ямбаев М.Л*. Македония в 1878-1912 гг. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. [Междунар. отношения на Балканах] / отв. ред. Виноградов В.Н. – М.: Индрик, 2003. С. 297-321.

269. *Ямбаев М.Л*. Македония и Россия (1897-1902 гг.). Дисс. … на соискание канд. ист. наук. – М., 2004. – 185 с.

Использованная литература на иностранных языках

270. *Антић Вукашин, Вуковић Жарко, Недок Александар, Поповић Бранислав*. Стране војне добротворне и медицинске мисије у Србији 1914-1915. // Недок Алексанадр, Поповић Бранислав. Српски војни санитет 1914-1915 године. Академије медицинских наука Српског лекарског друштва. – Београд, 2010. С. 265-306.

271. *Вељковић Снежана*. Како је дијагностикован, лечен и искорењен пегавац у Србији 1915.

Трећи соколски зборник. Зборник радова Шестог научног скупа „800 година српске медицине“. – Београд: Српско лекарско друштво., 2017. С. 295-326.

272. *Вуковић Жарко*. Савезническе медицинске мисије у Србији. Да не заборавимо. – Београд: Плато, 2000. – 210 с.

273. *Јелачић А*. Русија и Балкан. Преглед политичких и културних веза Русије и балканских земаља. – Београд: Талија, 1940. – 520 с.

274. *Жикић (Живорад) Милена*. Улога жена у ратовима српске војске од 1912. до 1918. године. Докторска дисертација: Историја; [Универзитет у Нишу, Филозовски факултет]. – Ниш, 2018. – 178 с.

275. *Зорић Мирјана, Становић Небојша*. Историја српског санитета. Београд: Медија центар „Одбрана“, 2015. – 384 с.

276. *Зорић Мирјана*. Српски војни санитет у балканским ратовима 1912-1913. // Балкански ратови 1912 / 1913: нова виђења и тумачења: Зборник ратова. Књ. 26. – Београд: Институт за стратегијска истраживања, 2013. С. 159-192.

277. Илустрована историја Балканског рата. 1912.-1913. Књига прва. – Београд, 1913. – 174 с.

278. *Куюмджиев Борис*. Дипломатическа и материална подкрепа от Русия на България по време на Балканската война 1912-1913 г. Руски доброволци и проявлена храброст от тях. – София, 1968. – 112 с.

279. *Литвињенко Стеван*. Русские врачи в Сербии и Черногории. – Белград, 2007. – 197 с.

280. *Недок Александар*. Балкански ратови 1912-1913.: рад српског војног санитета. – Београд: Медија центар «Одбрана», 2012. – 288 с.

281. *Nedok Aleksandar*. Ruska sanitetska pomoć Srbiji u wenim oslobodilačkim i odbrambenim ratovima XIX i ranog XX veka (1804-1917). Vojnosanitetski pregled. 2009. № 66 (7). S. 587-596.

282. *Недок Александар, Поповић Бранислав, Тодоровић Вељко*. Српски војни санитет у Првом светском рату. – Београд. 2014. – 429 с.

283. *Поповић Никола Б*. Србија и царска Русија. – Београд: Новинско-издавачка установа, Службени лист СРЈ,1984. – 322 с.

284. *Поповић Б., Тодоровић В*. Српски војни санитет у Балканским ратовима. – Београд, 2012. – 260 с.

285. *Поповић-Филипповић Славица* (Австралия). Руске медицинске мисије у Србији и Нишу током Првог Светског рата // Србија у књижевности в Првом Светском рату. Зборник реферата са научног скупа Књижевност и историја X одержаног у Нишу 29. и 30. маја 2009. године. – Ниш: Универзитетска библиотека Никола Тесла у Нишу, 2014. – С. 215-248.

286. *Popović Filipoić Slavica*. Ruska plemkinja Aleksandra Pavlovna Hartvig u misiji milosrđa u Srbiji. U: Popović Filipović Slavica. Velike žene u Velikom ratu. – Pančevo: Mali Nemo, 2020. S. 647-680.

287. *Радојевић Мира, Димић Љубодраг*. Србија у Великом рату. 1914-1918. Кратка историја. – Београд, 2014. – 298 с.

288. Српкиње у служби отаџбини и народу за време балканских ратова 1912 и 1913 г. као за време светског рата од 1914-1920. – Београд: Издање југословенске женске секције ФИДАКА, 1933. – 32 с.

289. Српски војни санитет 1914-1915. године / Недок А., Поповић Б. – Београд: Министарство одбране Републике Србије, Управа за војно здравство: Академија медицинских наука Српског Лекарског друштва, 2010. – 381 с.

290. Српски војни санитет у 1916. години / Недок А., Димитриевич Б. – Београд: Филип Вишнић, 2007. – 212 с.

291. Станојевић В. Историја српског војног санитета. Наше ратно санитетско искуство. / Јовановић М., Перишић М., приређивачи, аутори предговора, биографија аутора,

библиографије, приређивачи докумената). – Београд: Војноиздавачки и новински центар, 1992. – 956 с.

292. *Станковић Дж*. Страни добровољци у рату Србије 1914. Године // Војноисторијски гласник. 1973. № 1. С. 117-132.

293. *Хантер Вилијам*. Епидемије пегавог тифуса и повратне грознице у Србији 1915. године / превео и уводну студију написао Милан Грба. – Нови Сад: Прометеј, Београд: Радио-телевизија Србије, 2016. – 264 с.

294. *Чистјаков О.В*. Деланост руског друштва Црвеног Крста у Србији током Првог Светског рата // Први Светски рат и балкански извор. Зборник радова. – Београд, 2014. С. 641-646.

295. *Шевченко С.И*. Старательство над српским избеглицама у Јелисаветграду у јесен 1916. године // Зборник Матице Српске за историју. Нови Сад. 2002. № 65-66. С. 279-285.

296. *Штурценегер Катарина (Клара).* Србија у европском рату 1914-1915.: на основу писама, докумената и личных доживљаја и преко 1000 оригиналних снимака. – Нови Сад: Академска књига, 2009. –200 с.

297. 110 – godisnjica vojne bolnice u Nisu (1878-1988). Nis: GRO PROSVETA, 1988. – 160 c.

298. 125 година Војне болнице у Нише. – Ниш: Војна болница. 2004. – 116 с.

299. *Velimirović Milutin*. Izveštaj ruskih lekara u balkanskom ratu1912 // Zbornik neobjavljenih radova sekcije za istorijumedicine i farmacije. Knjiga 2. – Beograd, 1965. S. 55-60.

300. *Nedok Aleksandar S*. Ruska sanitetska pomoć Srbiji u njenim oslobodilačkim I odbrambenim ratovima XIX I ranog XX veka (1804–1917 godine) // Vojnosanitetski pregled. Vol. 66 (№ 7). 2009. S. 587-596.

301. *Озимић Небојша*. Улога Црвеног Крста и хуманитарних медицинских мисија на почетку Првог светског рата // Ниш – ратна престоница Србије. 1914-1915. – Ниш: Народни музеј Ниша, 2014. С. 153-172.

302. *Остојић-Фејић Убавка*. Америчка хуманитарна деланост у Србији током Првог Светског рата // Историјски часопис. Књ.XXXIX. 1992. С. 199-202.

303. *Akhund-Lange Nadine, Tison Stèphane*. Penser la Grande Guerre au prisme des Balkans // Dans Monde(s). 2016/1 № 9. P. 95-114.

304. *Bondallaz Patrick*. «Inter Arma Helvetia»: l' action humanitaire Suisse la Grande Guerre. – Éditions Alphil – Presses universitaires suisses, 2021. – 465 p.

305. *Jones Fortier*. With Serbia into Exile: En American's Advenures With the Army That Cannot Die. – NY, 1916. – 442 p.

306. *Krippner Monica*. The Guality of Mercy. Women at War. Serbia 1915-1918. – London, 1980. – 223 p.

307. *Rodogno Davide*. Against Massacre: Humanitarian Interventions in the Ottoman Empire, 1815-1914. – Princeton: Princeton University Press, 2012. – 376 p.

308. *Sturzenegger C*. Serbisches und Internazionales Rotes Kreuz waehrend der Balkankriege. – Zuerich: Orell Fuessli Inst.,1914. – 127 p.